ИСТОРІЯ ОТНОШЕНІЙ

МЕЖДУ

РУССКИМИ КНЯЗЬЯМИ

РЮРИКОВА ДОМА.

Сочиненіе

Сергѣя Соловьева.

МОСКВА.

1847.

Въ библіотеку Императорскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ при Московскомъ Университетѣ.

отъ автора.

ИСТОРІЯ ОТНОШЕНІЙ

МЕЖДУ

РУССКИМИ КНЯЗЬЯМИ

РЮРИКОВА ДОМА.

Сочиненіе

Сергѣя Соловьева.

МОСКВА.

ВЪ УНИВЕРСИТЕТСКОЙ ТИПОГРАФІИ.

1847.

Печатать дозволяется

по опредѣленію Совѣта Московскаго Университета, 18-го Декабря, 1846 года.

Секретарь Совѣта В. Спекторскій.

ВСТУПЛЕНІЕ.

Мы привыкли къ выраженіямъ: раздѣленіе Россіи на удѣлы, удѣльные князья, удѣльный періодъ, удѣльная система, исчезновеніе удѣловъ при Іоаннѣ III, при сынѣ его Василіи, при Іоаннѣ IV. Употребляя эти выраженія, мы необходимо даемъ знать, что Россія, начиная отъ смерти Ярослава І-го до конца XVI-го вѣка, была раздѣлена, ставимъ *удѣлъ* на первомъ планѣ, даемъ ему главную роль; за удѣлъ идутъ всѣ борьбы, около удѣла вращается вся исторія, если періодъ называется удѣльнымъ, если господствуетъ удѣльная система. Но раскроемъ лѣтописи отъ временъ Ярослава І-го до XIII вѣка: идетъ ли въ нихъ рѣчь объ удѣлахъ? встрѣчаемъ ли выраженіе: удѣльный князь и великій? происходитъ ли борьба за удѣлъ, за распространеніе, усиленіе одного удѣла на счетъ другаго, раздѣлена ли наконецъ Россія? Нисколько: всѣ князья суть члены одного рода, вся Русь составляетъ нераздѣльную родовую собственность; идетъ рѣчь о томъ, кто изъ князей старше, кто моложе въ родѣ, за это всѣ споры, всѣ междоусобія. Владѣніе, города, области имѣютъ значеніе второстепенное, имѣютъ значеніе только

въ той степени, въ какой соотвѣтствуютъ старшинству князей, ихъ притязаніямъ на старшинство, и потому князья безпрестанно мѣняютъ ихъ. Князь, у котораго во владѣніи обширная область на сѣверѣ, оставляетъ ее и бьется изо всѣхъ силъ за одинъ городъ на югѣ, потому что этотъ городъ приближаетъ его къ старшинству: однимъ словомъ, интересъ собственника вполнѣ подчиненъ интересу родича. Вмѣсто раздѣленія, которое необходимо связано съ понятіемъ объ удѣлѣ, мы видимъ единство княжескаго рода: развѣ борьба Святославичей съ Мономаховичами есть борьба удѣловъ, борьба Чернигова съ Кіевомъ, Смоленскомъ, Суздалемъ? это борьба за единство Ярославова рода, за общность, нераздѣльность владѣнія: „мы внуки одного дѣда", говорятъ Святославичи, и потому домогаются Кіева. Начинается вторая борьба, въ семьѣ Мономаха, между Мстиславичами и Юріемъ Долгорукимъ, и опять не за удѣлы, но за старшинство. Наконецъ третья усобица между Ростиславичами и Юрьевичами идетъ также не за удѣлы, но за родовыя отношенія: Ростиславичи требуютъ, чтобъ старшій князь поступалъ съ младшими, какъ съ братьями, а не какъ съ подручниками. Гдѣ же удѣлы? въ лѣтописи вы не находите отношеній В. Князя къ удѣльнымъ, вы находите только отношенія отца къ сыновьямъ, старшаго брата къ младшимъ, дядей къ племянникамъ; даже самое слово: *удѣлъ*, мы не встрѣчаемъ въ лѣтописи; если не было понятія о раздѣлѣ, о выдѣлѣ, объ отдѣльной собственности, то не могло быть и слова для его выраженія; когда же на сѣверѣ явилось понятіе объ отдѣльной собствен-

ности, то явился и удѣлъ; до этого же времени мы встрѣчаемъ только слова: *волость* и *столъ*. Такимъ образомъ выраженіе: удѣльный періодъ, удѣльная система, приводятъ къ совершенно ложному, обратному представленію, выставляя господство удѣла, владѣнія, отдѣльной собственности въ то время, когда господствовали родовыя отношенія при нераздѣльной родовой собственности.

Но я уже сказалъ, что третья борьба между Ростиславичами и Юрьевичами идетъ за то, что первые хотятъ поддержать родовыя отношенія противъ стремленія сѣверныхъ князей, которые хотятъ обходиться съ родичами, какъ съ подручниками, стать самовластцами въ землѣ своей. Это стремленіе служитъ уже яснымъ признакомъ ослабленія родовой связи, родовыхъ отношеній. И точно, скоро мы видимъ, что единство Ярославова рода рушится, и Русь дѣлится, впервые, на нѣсколько княжествъ, каждое съ своимъ В. Княземъ, потому что В. Князь означаетъ только старшаго въ княжескомъ родѣ, и если родъ Ярослава раздробился на нѣсколько особыхъ родовъ, то каждый родъ долженъ былъ имѣть особаго старшаго: явилось нѣсколько Великихъ Князей. Начинается борьба между отдѣльными княжествами; цѣль этой борьбы пріобрѣтеніе собственности, усиленіе одного княжества за счетъ другихъ, подчиненіе всѣхъ княжествъ одному сильнѣйшему: борьба оканчивается усиленіемъ княжества Московскаго, подчиненіемъ ему всѣхъ остальныхъ. Но во время этой борьбы между отдѣльными В. Князьями, или старшими родовъ, внутри каждаго княжества,

въ каждомъ родѣ идетъ борьба между старшимъ княземъ и младшими, теперь уже *удѣльными* князьями, борьба также за собственность и за государственныя отношенія противъ родовыхъ: каждый В. Князь хочетъ уничтожить удѣлы, привести удѣльныхъ князей въ подданническое къ себѣ отношеніе; послѣдніе ратуютъ во имя старыхъ родовыхъ отношеній, старыхъ правъ. Эта внутренняя борьба въ другихъ княжествахъ оканчивается вмѣстѣ съ подчиненіемъ ихъ Московскому, въ послѣднемъ же оканчивается только съ пресѣченіемъ Рюриковой династіи. Такимъ образомъ исторія княжескихъ отношеній распадается на два главные отдѣла: въ первомъ отъ Рюрика до Андрея Боголюбскаго мы видимъ исключительное господство родовыхъ отношеній; во второмъ, начиная съ Боголюбскаго, является попытка смѣнить родовыя отношенія государственными, которыя вступаютъ въ борьбу съ родовыми, и наконецъ торжествуютъ надъ ними. Но что же вызвало государственныя отношенія, и что дало имъ торжество надъ родовыми? Естественное раздробленіе Ярославова рода въ слѣдствіе умноженія и расхожденія княжескихъ линій? Родъ Ярослава раздѣлился на семьи, которыя, преслѣдуя каждая свои интересы, вступили другъ съ другомъ въ борьбу, окончившуюся усиленіемъ одной семьи надъ всѣми прочими? Такъ легко, повидимому, объяснить различіе, обнаружившееся въ явленіяхъ нашей древней исторіи въ XIII вѣкѣ. Но если родъ распадается на семьи, то семьи необходимо стремятся опять развиться въ роды, съ прежними родовыми отношеніями: такъ на югѣ, въ старой Руси, явля-

лось стремленіе нарушить единство Ярославова рода, раздѣлиться на семьи : Мономаховичи хотѣли раздѣлиться съ Ольговичами, но между тѣмъ семья Мономаха на югѣ, раздѣлившись съ Ольговичами, сама развилась въ родъ со всѣми прежними родовыми отношеніями. Но на сѣверѣ отдѣльныя княжескія семьи не развивались въ роды; какъ скоро одинъ князь, отдѣлившись отъ рода и поработивъ родичей въ пользу семьи своей, раздѣлитъ, при смерти, свое владѣніе между сыновьями, то тотчасъ же начинается борьба между ними, при чемъ сильнѣйшій князь подчиняетъ себѣ слабѣйшихъ. Этотъ сильнѣйшій князь снова, при смерти, дѣлитъ свое владѣніе между сыновьями, и снова имѣетъ мѣсто то же явленіе, та же борьба съ тѣми же слѣдствіями, т. е. что семья никогда не развивается въ родъ, ибо нѣтъ условія, при которомъ только было возможно такое развитіе, именно нѣтъ болѣе понятія объ общности, нераздѣльности владѣнія. И такъ для насъ важно здѣсь не то, что родъ раздѣлился на семьи, но то, что семьи не могутъ болѣе развиваться въ роды, для насъ важно здѣсь условіе постояннаго раздѣленія и постоянной борьбы между княжествами, которое даетъ сильнѣйшему возможность подчинить себѣ слабѣйшія; эта возможность основывается на понятіи объ отдѣльной собственности, которая исключала родовое единство, исключая понятіе объ общности, нераздѣльности владѣнія; понятіе же объ отдѣльной собственности явилось на сѣверѣ, въ слѣдствіе преобладанія тамъ городовъ новыхъ, которые, получивъ свое бытіе отъ князя, были

его собственностію [1]. Не смотря однако на то, что начиная съ XIII вѣка Русь точно раздѣляется на нѣсколько особыхъ княжествъ, и при господствѣ понятія объ отдѣльной собственности, объ удѣлѣ встрѣчаемъ частое упоминовеніе, являются отношенія между удѣльными князьями и великими, возникаетъ борьба между ними, стремленіе великихъ князей уничтожать удѣлы,— не смотря на все это, и здѣсь названіе: удѣльный періодъ, удѣльная система, опредѣленіе дѣятельности Іоанна III или сына его Василія уничтоженіемъ удѣловъ, не могутъ имѣть мѣста, ибо Русь раздѣляется не на удѣлы, а на нѣсколько независимыхъ княжествъ, изъ которыхъ каждое имѣетъ своего В. Князя и своихъ удѣльныхъ князей, и отношенія между великими князьями играютъ столь же важную роль, какъ и отношенія великихъ князей къ ихъ удѣльнымъ; слѣд. названіе удѣльнаго періода и удѣльной системы и здѣсь также не вѣрно, потому что не обнимаетъ всѣхъ сторонъ княжескихъ отношеній. Вотъ причины, которыя заставляютъ исключить названія: удѣльный періодъ и удѣльная система, изъ исторіи княжескихъ отношеній и вмѣсто того принять выраженія опредѣленнѣйшія: отношенія родовыя и отношенія государственныя.

Но если несправедливо названіе: удѣльный періодъ, то еще менѣе справедливо названіе Монгольскаго періода. Это названіе можетъ быть допущено только тогда, когда мы беремъ одну

---

[1] См. объ этомъ мое изслѣдованіе: Объ отношеніяхъ Новгорода къ В. Князьямъ стр. 26 и слѣд.

внѣшнюю сторону событій; но слѣдя за внутреннимъ, государственнымъ развитіемъ Россіи, мы не имѣемъ ни какого основанія ставить Монгольскія отношенія на первомъ планѣ, приписывать Азіатской ордѣ такое сильное вліяніе на развитіе Европейско-Христіанскаго общества. Мы видѣли, что стремленіе замѣнить родовыя отношенія государственными началось съ Андрея Боголюбскаго, слѣд. гораздо прежде Монголовъ; это стремленіе вызвало сильную борьбу между родовыми и государственными отношеніями, условія для которой были приготовлены прежде Монголовъ. Правда, когда отдѣльныя княжества, явившіяся въ слѣдствіе разрыва родоваго единства и преобладанія понятія объ отдѣльной собственности, начинаютъ борьбу другъ съ другомъ, то Монголы принимаютъ дѣятельное участіе въ этой борьбѣ, помогаютъ войскомъ то тому, то другому князю или княжеству: но здѣсь они дѣйствуютъ безотчетно, безсознательно, точно такъ, какъ прежде дѣйствовали Половцы, помогавшіе одному князю противъ другаго въ ихъ родовыхъ спорахъ; однако никто не вноситъ въ Русскую исторію Половецкаго періода. Возразятъ: Половцы не порабощали Руси своему игу, не налагали дани, не давали ярлыковъ князьямъ нашимъ, не казнили ихъ въ степяхъ своихъ: но Монголы, не смотря на свое видимое владычество, не имѣютъ никакого понятія о княжескихъ отношеніяхъ, поддерживаютъ, даютъ ярлыки тѣмъ изъ князей, которые дадутъ имъ больше денегъ; еслибъ во время Монголовъ продолжали господствовать прежнія родовыя отношенія, то Монголы точно бы также поддерживали то дядей противъ племян-

никовъ и наоборотъ, Мономаховичей противъ Ольговичей, и наоборотъ; въ XIII-мъ же и XIV-мъ вѣкахъ, когда родовыя отношенія потеряли господство, Монголы помогаютъ князьямъ: Московскому, Рязанскому, Тверскому, Нижегородскому ярлыками и войскомъ въ борьбѣ ихъ другъ съ другомъ, цѣль которой есть усиленіе одного княжества на счетъ другихъ, подчиненіе всѣхъ княжествъ одному, собраніе земли Русской. Какая разница между участіемъ Монголовъ и Половцевъ въ княжескихъ отношеніяхъ? Та, что для склоненія Хана Монгольскаго на свою сторону, князь долженъ былъ ѣхать въ Орду, тогда какъ для задариванія Половецкаго хана Князь снимался съ нимъ на границахъ степей: слѣдствія были одни и тѣ же. Ханы казнили Русскихъ князей въ Ордѣ: не Ханы казнили ихъ, но Русскіе князья посредствомъ Ханскихъ палачей истребляли другъ друга; Ханы служили здѣсь только орудіемъ для цѣлей чуждыхъ, которыхъ они совершенно не понимали; для насъ важно не то, какъ, посредствомъ кого князья истребляютъ другъ друга, но по какимъ началамъ дѣйствуютъ, какія цѣли преслѣдуютъ въ своей борьбѣ, а эти начала, этѣ цѣли явились независимо отъ Татаръ и прежде нихъ. Ханъ могущественно способствовалъ усиленію и обогащенію В. Князя, сдѣлавъ его своимъ приказчикомъ, сборщикомъ податей: но какого В. Князя разумѣютъ здѣсь? Московскаго? но кромѣ Московскаго были другіе В. Князья, которые въ своихъ областяхъ были также приказчиками Хана, собирали дань съ своихъ удѣльныхъ, и могли также обогащать-

ся и усиливаться на счетъ послѣднихъ. Узбекъ помогъ Москвѣ восторжествовать надъ Тверью: но развѣ Половцы не давали побѣды князьямъ нашимъ? И такъ названіе Монгольскаго періода должно быть исключено изъ Русской исторіи, потому что мы не можемъ приписать Монголамъ самаго сильнаго вліянія на произведеніе тѣхъ явленій, которыми отличается наша исторія, начиная съ XIII вѣка: новый порядокъ вещей начался гораздо прежде Монголовъ и развивался естественно, въ слѣдствіе причинъ внутреннихъ, при пособіи разныхъ внѣшнихъ обстоятельствъ, въ числѣ которыхъ были и Монгольскія отношенія, но не подъ исключительнымъ ихъ вліяніемъ.

Отстранивъ названіе Удѣльнаго періода, дававшее невѣрное понятіе о характерѣ нашей древней исторіи, о характерѣ княжескихъ отношеній; отстранивъ равно названіе Монгольскаго періода, который незаконно разсѣкалъ исторію княжескихъ отношеній на двѣ части, и тѣмъ самымъ прерывалъ для историка естественную связь событій, естественное развитіе общества изъ самого себя, мы приступимъ къ изложенію исторіи княжескихъ отношеній, раздѣливъ весь трудъ на четыре отдѣла: 1-й отдѣлъ будетъ заключать пространство времени отъ призванія Рюрика до Андрея Боголюбскаго: здѣсь княжескія отношенія носятъ характеръ чисто родовой. II-й отдѣлъ обниметъ событія отъ Андрея Боголюбскаго до Іоанна Калиты: здѣсь обнаруживается стремленіе смѣнить родовыя отношенія, въ слѣдствіе чего начинается борьба между князьями сѣверной и южной Руси, преслѣдующими противоположныя цѣли; эта борьба, послѣ раздроб-

ленія рода, смѣняется борьбою отдѣльныхъ княжествъ съ цѣлію усиленія одного на счетъ другаго, окончательная побѣда остается на сторонѣ княжества Московскаго. Въ III-мъ отдѣлѣ изложатся событія, имѣвшія мѣсто отъ Іоанна Калиты до Іоанна III-го: вслѣдствіе усиленія Московскаго княжества, стремящагося подчинить себѣ всѣ другія, Сѣверовосточная Русь сосредоточивается около одного пункта, Москвы; въ то же самое время Русь югозападная сосредоточивается также около одного пункта, Литвы: обѣ половины Руси, въ челѣ которыхъ стоятъ двѣ различныя династіи, вступаютъ въ борьбу между собою, но отношенія Польскія сдерживаютъ дѣятельность Литовскихъ князей относительно Востока, а между тѣмъ Московскіе владѣтели все болѣе и болѣе даютъ силы государственнымъ отношеніямъ надъ родовыми. IV-й отдѣлъ отъ Іоанна III до пресѣченія Рюриковой династіи представитъ окончательное торжество государственныхъ отношеній надъ родовыми, торжество, купленное страшною, кровавою борьбою съ издыхающимъ порядкомъ вещей.

ОТДѢЛЪ 1й

ОТЪ ПРИЗВАНІЯ РЮРИКА ДО АНДРЕЯ БОГОЛЮБСКАГО.

ГЛАВА I-я.

О родовыхъ княжескихъ отношеніяхъ вообще.

а) Значеніе старшаго въ родѣ или Великаго Князя.

Старшій въ родѣ княжескомъ, или Великій Князь, принималъ, въ отношеніи къ младшимъ членамъ рода, значеніе отца, былъ для нихъ *въ отца мѣсто*, по тогдашнему выраженію. Принимая на себя такой характеръ, В. Князь имѣлъ обязанность блюсти интересы рода; такъ Ростиславичи въ 1195 году говорили В. Князю Всеволоду III: „А ты, брате, въ Володимери племени старѣй еси насъ, а думай, гадай о Русской земли и о своей чести и о нашей [1]." Съ своей стороны младшіе князья обязаны были В. Князю, какъ отцу, глубокимъ уваженіемъ и покорностію; такъ Ростиславъ Мстиславичь Смоленскій, призываемый въ 1159 году младшими родичами на старшій Кіевскій столъ, говоритъ имъ; „Оже мя въ правду зовете съ любовію, то я всяко иду Кіеву на свою волю, яко вы имѣти мя отцемъ собѣ въ правду и въ моемъ вы послушаньи ходити [2]." Такъ

---

[1] Ипатьев. 145.
[2] Тамъ же, 85.

сказано въ лѣтописи, что В. К. Святополкъ, въ 1111 году, послалъ къ Давиду Святославичу „велячи ему съ собою [1].“ Подъ 1115 годомъ читаемъ :“ Приходи Володимеръ (Мономахъ) на Глѣба (Князя Минскаго) : Глѣбъ бо бяше воевалъ Дреговичи и Случескъ пожегъ, и не каяшеться о семъ, ни покаряшеться...... и обѣщася Глѣбъ по всему послушати Володимера [2].“ Подъ годомъ 1117 : „И наказавъ его (Ярослава Святополчича) Володимеръ о семъ, веля ему къ собѣ приходити, „когда тя позову [3].“ Подъ годомъ 1168: „Посла Ростиславъ къ братьи своей и къ сыномъ своимъ, веля имъ всимъ съвкупитися у себе со всими полкы своими [4].“ Давидъ Игоревичь въ 1097 году послалъ сказать Васильку Ростиславичу Теребовльскому: „Не ходи, брате, и не ослушайся брата старѣйшаго“.... И рече Давидъ ко Святополку : „Видиши ли не помнитъ тебе, ходя въ руку твоею [5].“ Формулы для выраженія отношеній младшихъ князей къ Великому были слѣдующія: 1) младшій обязанъ былъ ѣздить подлѣ стремени старшаго: такъ Ярославъ Галицкій, признавая старшинство Изяслава Мстиславича, говоритъ: „Нынѣ, отце, кланяютися, прими мя яко сына своего Мстислава тако же и мене, ать ѣздить Мьстиславъ подлѣ

---

[1] Тамъ же, стр. 1.
[2] Ипатьев. стр. 7.
[3] Тамъ же стр. 8.
[4] Тамъ же, 94.
[5] Кёнигсб. стр. 152.

твой стремень по одиной сторонѣ тобе, а язъ по другой сторонѣ подлѣ твой стремень ѣждю, всими своими полкы [1]." Ростиславъ Юрьевичь говоритъ Изяславу Мстиславичу: „Отець мя переобидилъ и волости ми не далъ; и пришелъ есмь парекъ Бога и тебе, зане ты еси старѣй насъ въ Володимирихъ внуцѣхъ, а за Рускую землю хочю страдати, и подле тебѣ ѣздити [2]." Давидовичи говорятъ Изяславу Мстиславичу: „А пусти брата нашего, а мы подлѣ тебе ѣздимъ," т. е. если ты освободишь нашего брата, то мы признаемъ тебя старѣйшимъ [3].

Примѣч. Съ этимъ выраженіемъ: *ѣздить подлѣ стремени* должно сравнить древнѣйшее: *ходить по комъ-нибудь*, которое также означало сыновнее отношеніе младшаго къ старшему; такъ про Игоря сказано: „Игореви же взрастшу, и *хожаше по Ользѣ*, и слушаше его [4]."

2) Младшій имѣлъ старшаго господиномъ, былъ въ его волѣ: „Велми радъ, господине отце," говоритъ Ростиславъ Мстиславичь дядѣ Вячеславу, „имѣю тя отцемъ господиномъ, яко же и братъ мой Изяславъ имѣлъ тя и въ твоей воли былъ [5]." Или: „И на томъ цѣлова крестъ Володимиричь къ Святославу, яко имѣти ему его въ отца мѣсто и

---

[1] Ипатьев. стр. 73.
[2] Тамъ же стр. 39.
[3] Тамъ же стр. 32.
[4] Кёнигсб. стр. 23.
[5] Ипатьев. стр. 75.

въ всей воли его ему ходити [1]." Или: „И поча ему помогати Шварно князь и Василко, нарекль бо бяшеть Василка отца себѣ и господина [2]."

3) Младшій смотрѣлъ на старшаго: „Они же вси (Рязанскіе князья) зряху на Ростислава, имѣяхуть й отцемъ собѣ [3]." Или; „А къ тестю своему Рюрикови кресть бяшеть цѣловалъ (Романъ Мстиславичь) передъ тѣмъ, како ся ему Олговичь болѣ того лишити, а въ его волѣ быти и зрѣти нань [4]."

В. Князь имѣлъ право судить и наказывать младшихъ членовъ рода; Ростиславъ Юрьевичь говорить Изяславу Мстиславичу: „А ты мене старѣй, а ты мя съ нимъ и суди [5]." Святополку, какъ старшему въ родѣ, поручено было отъ совѣта родичей наказать Давида Игоревича: „Яко бѣ Давидова сколота; то иди, ты, Святополче, по Давида, и любо ими, любо прожени [6]." „Мстиславъ Владимировичь поточи Полотьскіи князѣ .. еже преступиша хрестьное цѣлованіе.... заточени были.... зане не бяхуть его воли и не слушахуть его, коли ѣ зовяшеть на Рускую землю въ помощь [7]." Однако В. Князь не могъ лишить волости младшаго князя или наказать его другимъ какимъ-нибудь образомъ по произволу, безъ обличенія

---

[1] Тамъ-же, стр. 88.
[2] Тамъ-же, стр. 202.
[3] Ипатьев. 79.
[4] Тамъ же, стр. 149.
[5] Ипатьев. стр. 41.
[6] Кёнигсб, стр. 158.
[7] Ипатьев. стр. 12 и 15.

въ винѣ; князья говорятъ Святополку Изяславичу: „Чему еси ослѣпилъ братъ твой? аще бы ти вина кая была нань, обличилъ бы еси предъ нами, и упрѣвъ, сотворилъ ему [1]." Ростиславичи говорятъ Боголюбскому: „а намъ путь кажеши изъ Руськой земли, безъ нашеѣ вины [2];" слѣд. они признавали право В. Князя лишить волости, если младшій провинится. Наконецъ младшій долженъ былъ соглашаться на распоряженія старшаго безъ возраженій, не имѣлъ права подавать совѣта старшему, и когда послѣдній спрашивалъ его мнѣнія, то считалъ это за большую для себя честь и снисхожденіе; когда Изяславъ Мстиславичь спрашивалъ совѣта у младшаго брата своего Ростислава, тотъ отвѣчалъ: „Брате! кланяютися, ты еси мене старѣй, а како ты угадаеши а язъ въ томъ готовъ есмь; аже, брате, на мнѣ честь покладываешь, то язъ быхъ, брате, тако реклъ [3]" и проч.

Изъ этихъ свидѣтельствъ легко можно заключить, какую обширную власть имѣлъ старшій въ родѣ надъ младшими; но тѣже самыя родовыя понятія, которыя придавали ему такое высокое значеніе, тѣже самыя понятія стѣсняли его власть, ограничивали её въ пользу младшихъ членовъ, а именно: старшій въ родѣ до тѣхъ только поръ сохранялъ власть, пока

---

[1] Кёнигсбер. стр. 156.
[2] Ипатьев. стр. 108.
[3] Тамъ же, стр. 38.

самъ свято исполнялъ свои отеческія обязанности, т. е. пока не отдѣлялъ своихъ интересовъ отъ интересовъ цѣлаго рода, пока не переставалъ смотрѣть на каждаго младшаго, какъ на собственнаго сына, не дѣлая никакого различія между ближними и отдаленными родичами, сохраняя между ними строгую справедливость. Какъ же скоро старшій въ родѣ пренебрегалъ своими отеческими обязанностями, какъ скоро предпочиталъ собственныя выгоды, выгоды дѣтей своихъ интересамъ родичей, то онъ терялъ свое значеніе старшаго и отца, всѣ его права, равно какъ обязанности младшихъ къ нему рушились, его власть замѣнялась или общимъ родовымъ совѣтомъ, или, въ случаѣ раздора между князьями, каждый изъ нихъ дѣйствовалъ, защищалъ свои права какъ умѣлъ, и какъ могъ. Такъ, когда Всеволодъ Ольговичь, доставши Кіевскій столъ, пренебрегъ интересами рода Святославова, котораго былъ старшимъ, и для выгодъ собственнаго сына искалъ дружбы Мстиславичей, не давалъ хорошихъ волостей братьямъ, то послѣдніе сказали ему „Ты намъ братъ старшій, аже ны не даси, а намъ самѣмъ о собѣ поискати.... и не любяхуть сего Олговичи, братья Всеволожа, и поропташа нань, оже любовь имѣеть съ Мьстиславичи съ шюрьями своими, а съ нашими ворогы, и осажалъся ими около, а намъ на безголовіе и безъмѣстье и собѣ [1].“ Такъ Ростиславъ Юрьевичь, видя несправедливость отца, не давшаго ему волости, от-

---

[1] Ипатьев. 18, 19.

ступилъ отъ него, и обратился ко врагу его, Изяславу Мстиславичу; послѣдній при этомъ случаѣ говоритъ, что отецъ Ростислава, Юрій старше нихъ всѣхъ, но что они, младшіе не могутъ признать этого старшинства, ибо Юрій не исполняетъ своихъ обязанностей въ отношеніи къ нимъ, и что онъ, Изяславъ принялъ въ такомъ случаѣ старшинство на себя, и клянется выполнить свои отеческія обязанности: „всихъ насъ старѣй отецъ твой, но съ нами не умѣетъ жити, а мнѣ дай Богъ васъ, братью свою, всю имѣти и весь родъ свой въ правду, ако и душю свою [1]".

Наконецъ младшіе отказывали въ повиновеніи старшему, если тотъ хотѣлъ обращаться съ ними не по родственному, не какъ съ сыновьями, а какъ съ подчиненными правителями, подручниками; такъ Мстиславъ Ростиславичъ говоритъ Андрею Боголюбскому: „Мы тя до сихъ мѣстъ акы отца имѣли по любви; аже еси съ сякыми рѣчьми прислалъ, не акы къ князю, но акы къ подручнику и просту человѣку, а что умыслилъ еси, а тое дѣй, а Богъ за всѣмъ [2]."

Обязанность старшаго блюсти выгоды своего рода, имѣть всѣхъ своихъ родичей „ако и душю" не позволяла ему считать себя полновластнымъ владѣльцемъ родовой собственности, располагать ею по про-

---

[1] Тамъ же 39.
[2] Тамъ же 109.

изволу, онъ былъ только совладѣльцемъ съ младшими родичами и распоряжалъ волостями сообща съ ними; этимъ объясняются множественныя формы, встрѣчаемыя въ лѣтописи, *посадиша*, *выгнаша* и проч., которыми означается распоряженіе цѣлаго рода, хотя по видимому дѣйствуетъ одинъ В. Князь, на пр. „преставись Вячеславъ, сынъ Ярославль, въ Смоленскѣ, и *посадиша* Игоря въ Смоленску [1]." Вотъ почему старшій въ родѣ, бывшій другимъ *въ отца мѣсто,* по занятіи старшаго стола, дѣлалъ рядъ съ младшею братьею касательно распредѣленія родовой собственности: „Вячеславъ же посла по Святослава по Всеволодича, река ему: „ты еси Ростиславу сынъ любимый, тако же и мнѣ; а поѣди сѣмо ко мнѣ, перебуди же, у мене Кіевѣ, доколѣ же придеть Ростиславъ, а тогда *рядъ* вси учинимъ [2]." Или: „Иде Святославъ къ Любчю и призва къ собѣ братью свою, Ярослава, Игоря, Всеволода; *ряды ему дѣющю*, сдѣ же удѣяся велико зло въ Кіевѣ и проч. [3]." При этихъ рядахъ опредѣляли не только какому князю владѣть какого волостію, но также извѣстныя правила, съ которыми должны были сообразоваться князья въ своемъ поведеніи, на пр. „Молвяше же Романови Святославъ: брате! я не ищу подъ тобою ничего же, но рядъ нашь такъ есть: оже ся князь извинить, то въ волость, а мужь у голову [4]." Послѣ, когда права разныхъ князей на

---

[1] Кёнигсбер. 115.
[2] Ипатьев. 74.
[3] Тамъ же 122.
[4] Тамъ же 119.

старшинство запутались, то князья дѣлали другъ съ другомъ ряды — если кто нибудь изъ нихъ получитъ старшинство, то чтобъ отдалъ другому какую-нибудь область: „Святославъ же нача слати къ Ярославу съ жалобою, река ему: „на чѣмъ еси цѣловалъ крестъ, а помяни первый рядъ; реклъ бо еси, оже я сяду въ Кіевѣ, то я тебе надѣлю, пакы ли ты сядеши въ Кіевѣ, то ты мене надѣли; нынѣ же ты сѣлъ еси, право ли, криво ли — надѣли же мене [1]." Ясно, что если каждый В. Князь долженъ былъ дѣлать ряды съ братіею, то *завѣщанія* въ древней Руси существовать не могло, ибо завѣщаніе показываетъ, что завѣщатель имѣетъ право располагать собственностію по произволу.

b) *Какъ пріобрѣталось великокняжеское достоинство, или старшинство въ родѣ?*

Первымъ, главнымъ правомъ на великокняжеское достоинство было старшинство физическое, слѣд. дядя имѣлъ первенство надъ племянникомъ, старшій братъ надъ младшими, мужъ старшей сестры надъ младшими шурьями, старшій шуринъ надъ младшими зятьями: „Рюрикъ же.... размысливъ, съ мужи своими угадавъ, *бѣ бо Святославъ старѣй лѣты*, и урядився съ нимъ съступися ему старѣйшинства и Кіева [2]." Касательно старшинства дяди предъ пле-

[1] Ипатьев. 110.
[2] Тамъ же 125.

мянниками Изяславъ Мстиславичь говоритъ о Вячеславѣ Владиміровичѣ: „а се ми есть яко отецъ стрый свой [1]." Въ другомъ мѣстѣ: „язъ Кіева не собѣ ищю, но оно отецъ мой Вячеславъ братъ старѣй, а тому его ищю [2]." Ростиславъ Мстиславичь говоритъ Юрію Долгорукому: „Отче! кланяютися, стрый ми еси яко отецъ [3]." Касательно преимущества старшаго брата надъ младшимъ Св. Борисъ говоритъ про Святополка: „тось ми буди въ отца мѣсто [4]." О правѣ старшаго зятя надъ младшими шурьями Изяславъ Мстиславичь говоритъ: „Всеволода семь имѣлъ въ правду брата старишаго, занеже ми братъ и зять старѣй меня яко отецъ [5]." Король Венгерскій Гейза, женатый на младшей сестрѣ Изяслава Мстиславича, неиначе зоветъ послѣдняго, какъ отцемъ: „То же время Король присла къ Изяславу, река: „отце! кланяютися и проч. [6]."

И такъ по первому, естественному представленію о старшинствѣ дядя постоянно имѣлъ право предъ племянникомъ. Но теперь обратимъ вниманіе на второе представленіе: по смерти отца старшій братъ заступалъ его мѣсто для младшихъ, становился отцемъ въ отношеніи къ нимъ, слѣд. его дѣти дол-

---

[1] Тамъ же 50.
[2] Тамъ же 61.
[3] Тамъ же 77.
[4] Лавр. 94.
[5] Ипатьев. 23.
[6] Тамъ же, 66.

жны были стать братьями дядьямъ своимъ; и точно такое представленіе существовало при родовыхъ княжескихъ отношеніяхъ, ибо мы видимъ, что сыновья старшаго брата называются братьями дядьямъ своимъ: такъ Юрій Долгорукій говоритъ племяннику Изяславу Мстиславичу: „се, брате, на мя еси приходилъ" и проч. [1]. Тотъ же Юрій съ братомъ своимъ Вячеславомъ говорятъ Полякамъ и Венграмъ: „а вѣ ся съ своимъ братомъ и сыномъ Изяславомъ сами вѣдаимы [2]." Наконецъ Глѣбъ, сынъ Юрія ясно говоритъ Изяславу, что онъ для него имѣетъ совершенно тоже значеніе, какое и отецъ Юрій: „ако мнѣ Гюрги отець, тако мнѣ и ты отець, а язъ ти ся кланяю [3]."

Но при такомъ представленіи необходимо раждался вопросъ: старшій сынъ старшаго брата, который сталъ отцемъ для младшихъ братьевъ, сталъ по этому самому братомъ дядьямъ своимъ, но какимъ братомъ—старшимъ или младшимъ? Здѣсь опять два представленія: первое, основываясь на физическомъ старшинствѣ, отдавало всегда преимущество дядьямъ предъ племянниками, сыновья старшаго брата были братьями дядьямъ своимъ, но братьями младшими: „Изяславъ ѣда биться съ Игоремъ, тако молвить: язъ Кіева не собѣ ищю, но оно отецъ мой Вячьславъ

---

[1] Тамъ же, 43.
[2] Тамъ же, 46, 58.
[3] Тамъ же, 49.

братъ старѣй, а тому его пщю [1] Но въ пользу племянниковъ скоро явилось другое представленіе: старшій братъ сталъ отцемъ для младшихъ, сыновья его изъ племянниковъ стали для нихъ братьями, старшій между сыновьями отца есть необходимо старшій между братьями, слѣд. старшій племянникъ старше дядей. Глѣбъ Юрьевичь называлъ своего двоюроднаго брата Изяслава такимъ же себѣ отцемъ, какимъ былъ для него самъ Юрій, но на какомъ основаніи Мстиславъ Изяславичь, старшій сынъ этого отца небудетъ для него старшимъ братомъ? Послѣднее представленіе о старшинствѣ старшаго племянника надъ дядьями явилось при самыхъ первыхъ столкновеніяхъ между правами Ярославовыхъ потомковъ на старшинство, но встрѣтило сильное сопротивленіе въ общемъ мнѣніи, которое было за естественное представленіе, основанное на физическомъ старшинствѣ дядей надъ племянниками: отсюда произошли страшныя войны между Мстиславичами и Юрьемъ Долгорукимъ и потомствомъ его, въ продолженіе которыхъ и до самаго разъединенія югозападной, старой Руси отъ сѣверовосточной, новой, торжество оставалось за представленіемъ о старшинствѣ дядей надъ племянниками. Такъ лѣтописецъ укоряетъ Ростиславичей Сѣверныхъ, что они хотѣли занять Ростовскую область мимо дядей Михаила и Всеволода, и не чтили старшаго брата: „Потомъ же Михалко и Все-

[1] Ипатьев. 61.

володъ поѣхаста въ Володимиръ, съ славою и честью великою, ведуще предъ нимъ колодникы, Богу наказавшю князѣ креста не переступати и старѣйшаго брата чтити [1]." Такъ самъ Изяславъ Мстиславичь въ борьбѣ съ дядею не смѣлъ задѣвать господствующее понятіе, основывалъ свои права не на старшинствѣ старшаго племянника, а на дурномъ характерѣ дяди, ясно говорилъ, какъ мы видѣли, что старшинство принадлежитъ дядѣ Юрію, и подъ конецъ принужденъ былъ раскаяться въ своихъ притязаніяхъ и признать старшинство дяди Вячеслава; вотъ слова его къ послѣднему: „Отце! кланяютися; аче ми Богъ отца моего Мстислава отъялъ, а ты ми еси отець, нынѣ кланяютися, согрѣшилъ есмь и первое, а того ся каю; а изнова коли ми Богъ далъ побѣдити Игоря у Кыева, а я есмь на тобѣ чести не положилъ, а потомъ коли у Тумаща; нынѣ же, отце, того всего каюсь предъ Богомъ и предъ тобою, оже ми отце того отдаси ты, то и Богъ ми отдасть; нынѣ же, отце осе даю ти Кіевъ, поѣди, сяди же на столѣ дѣда своего и отца своего [2]." Такъ Юрій, четвертый дядя торжествуетъ надъ сыновьями старшаго изъ Мономаховичей и получаетъ Великокняжеское достоинство; сынъ его Андрей торжествуетъ надъ Мстиславомъ Изяславичемъ, старшимъ сыномъ старшаго изъ двоюродныхъ братьевъ, и Ростиславичи призна-

---

[1] Тамъ же, 118.
[2] Ипатьев. 57.

ютъ его отцемъ; мало того! братъ его Всеволодъ III, самый младшій сынъ 4 го Мономаховича признается старшимъ отъ Ростиславичей, внуковъ самаго старшаго изъ потомковъ Всеволода. Но въ потомствѣ Всеволода III. въ Руси сѣверовосточной пересиливаетъ представленіе о старшинствѣ сына отъ старшаго брата уже не надъ одними младшими, но надъ всѣми дядьями, при чемъ однако до самаго пресѣченія Рюрикова рода на престолѣ Московскомъ, дядья самые младшіе не хотятъ уступить старшинства сыну отъ перваго брата, такъ что оба представленія остаются при своихъ крайностяхъ, не уступаютъ другъ другу, недопускаютъ ничего средняго. Такъ, когда Василій Дмитріевичь требуетъ отъ братьевъ, чтобъ они признали старшинство его сына Василія, пятый и самый младшій изъ братьевъ, Константинъ вооружается противъ этого требованія; Владиміръ Андреевичь Старицкій, рожденный отъ четвертаго удѣльнаго, домогается престола мимо племянника, царевича Димитрія Іоанновича. Но въ другихъ родахъ, кромѣ княжескаго, мы видимъ, что оба представленія мирятся, а именно: первый племянникъ уравнивается въ старшинствѣ съ дядьми, но только съ младшими, начиная съ четвертаго: таково положеніе мѣстничества [2].

---

[2] Перваго брата сынъ четвертому дядѣ въ версту. См. въ Симбир. Сбор. изслѣдов. о Мѣстничествѣ Д. Валуева. См. также попытку г. Погодина уяснить родовые княжескіе счеты счетами мѣстническими въ его статьѣ: о старшинствѣ между князьями древней Руси, напеч. въ Ж. М. Н. П. 1844 г. N 6.

Отъ чего же произошло это различіе? Во первыхъ отъ того, что въ борьбу различныхъ представленій о старшинствѣ въ родѣ княжескомъ скоро вмѣшалось понятіе объ отдѣльной собственности, явившееся на сѣверовостокѣ въ слѣдствіе господства городовъ новыхъ. Преобладаніе отдѣльной собственности, разрушивъ родовую связь, заставило старшаго брата воспользоваться своимъ положеніемъ для усиленія собственной семьи на счетъ младшихъ братьевъ; это пріобрѣтенное могущество, силу матеріальную, онъ передаетъ своему старшему сыну, который, въ свою очередь, пользуется наслѣдственнымъ могуществомъ для того, чтобъ стать выше дядей, подчинить ихъ себѣ, и такимъ образомъ, естественно и незамѣтно, чрезъ посредство понятія объ отдѣльной собственности, родовыя отношенія переходили въ государственныя. Во вторыхъ, въ родѣ княжескомъ подчиненіе младшихъ братьевъ старшему гораздо сильнѣе, нежели въ другихъ родахъ, по той самой причинѣ, что для князей нѣтъ болѣе высшей власти въ обществѣ, старшій братъ для нихъ вмѣстѣ отецъ и государь, значеніе старшаго въ родѣ княжескомъ слѣд. гораздо выше значенія старшаго въ другихъ родахъ, и естественно, необходимо усиливаетъ значеніе собственной семьи В. Князя, особенно его старшаго сына: младшій братъ, чтя въ В. Князѣ отца и государя, необходимо переноситъ это уваженіе и на сына его, своего племянника; тогда какъ въ другихъ родахъ значеніе старшаго брата по смерти отца ограничивается, ослабляется присутствіемъ высшей власти,

правительства, государя, къ которому и старшіе и младшіе находятся въ одинакихъ подданническихъ отношеніяхъ, слѣд. здѣсь разница между старшимъ и младшимъ братьями вовсе незначительна: они почти равны другъ другу, а это равенство и помогло старшимъ дядьямъ выиграть въ борьбѣ означенныхъ представленій, и остаться старше племянниковъ отъ перваго брата.

Теперь остается вопросъ: какое же основаніе тому, что въ мѣстничествѣ именно четвертый дядя теряетъ старшинство предъ племянникомъ отъ перваго брата? Мы думаемъ, что объясненіе такому счету можно найти въ самомъ физическомъ старшинствѣ между членами семьи, ибо почти всегда въ многочисленной семьѣ только три старшіе брата сохраняютъ нѣкоторое равенство между собою касательно возраста, разница же между первымъ и остальными младшими, начиная съ четвертаго, такъ обыкновенно велика, что послѣдніе находятся еще въ дѣтскомъ возрастѣ, когда первый уже совершенно возмужалъ; при томъ обыкновенно случалось и случается, что при жизни отца только трое первыхъ сыновей достигаютъ зрѣлаго возраста, тогда какъ другіе остаются еще дѣтьми и, какъ несовершеннолѣтніе, вступаютъ подъ надзоръ старшаго брата, который на самомъ дѣлѣ заступаетъ для нихъ мѣсто отца; мало того, въ первоначальномъ обществѣ, когда браки заключались очень рано, обыкновенно случалось, что первый сынъ уже былъ женатъ, имѣлъ дѣтей, тог-

да какъ младшіе еще не родились или были въ пеленкахъ, слѣд. старшій сынъ отъ перваго брата приходился физически старшимъ или, по крайней мѣрѣ, равнымъ младшимъ дядьямъ своимъ. Подкрѣпимъ сказанное примѣрами изъ исторіи. У В. Князя Святополка Изяславича было 4 сыновей: Мстиславъ, Ярославъ, Изяславъ и Брячиславъ: послѣдній, четвертый, остался послѣ отца малолѣтнымъ, именно 10 лѣтъ (Лавр. стр. 119). и долженъ былъ находиться на рукахъ старшаго брата (Ярослава, ибо Мстиславъ уже умеръ), который заступалъ для него мѣсто отца. У Мономаха было 8 сыновей: изъ нихъ Вячеславъ, третій, если не считать умершихъ Изяслава и Святослава, и пятый, если считать ихъ, говоритъ Юрію (4 му или 6 му): „Я былъ уже бородатъ, когда ты родился" (Ипатьев. 60); но если онъ былъ бородатъ, то могъ быть и женатъ, слѣд, его дѣти могли быть ровесниками Юрію; но самъ Вячеславъ былъ пятый братъ, слѣд. какова же разница между Юріемъ и самымъ старшимъ братомъ, Мстиславомъ? Но у Мономаха былъ младшій сынъ Андрей, родившійся въ 1102 году (Лавр. 118), а черезъ 5 лѣтъ, въ 1107 году, уже Юрій былъ женатъ (Лавр. 120); теперь какова должна быть разница между самымъ младшимъ Мономаховичемъ, Андреемъ и самымъ старшимъ, Мстиславомъ? Ясно, что старшіе сыновья послѣдняго должны быть старше дяди своего Андрея. У Мстислава В. было 4 сына: 4 й Владиміръ родился за годъ до отцовской смерти и долженъ былъ остаться младенцемъ на рукахъ старшаго брата—отца. У Ди-

митрія Донскаго было 6 сыновей: младшій Константинъ родился за нѣсколько дней до отцовой кончины, и остался на рукахъ старшаго брата, Василія. И такъ равенство 4 го брата съ первымъ племянникомъ основывается на старшинствѣ физическомъ, потому что обыкновенно 4 й братъ уже слишкомъ разнится возрастомъ отъ старшаго брата, подходитъ къ нему въ сыновнія отношенія, и слѣд. становится братомъ своему племяннику.

c) *Случаи, исключавшіе князей изъ старшинства и даже изъ владѣнія родовою собственностію.*

Родъ состоялъ изъ старшихъ и младшихъ членовъ; каждый младшій могъ, въ свою очередь, сдѣлаться старшимъ. Такъ на пр. у Ярослава 1 го было 5 сыновей: Изяславъ, Святославъ, Всеволодъ, Вячеславъ, Игорь, которые по смерти отца были старшими членами рода, ихъ дѣти и внуки младшими, но не всѣ, а именно: Изяславъ Ярославичь, какъ старшій, заступилъ мѣсто отца для братьевъ, слѣд. его сыновья стали также братьями дядьямъ своимъ, и потому также старшими членами рода; и такъ старшими членами рода были 5 сыновей Ярослава + сыновья Изяслава: эти старшіе родичи назывались между собою братьями и только одни участвовали во владѣніи родовою собственностію; всѣ остальные, т. е. ихъ дѣти и внуки были младшими членами рода, сыновьями въ отношеніи къ старшимъ, считались малолѣтными, не способными владѣть родовою соб-

ственностію, быть совладѣльцами съ своими старшими. Ясно, что каждый изъ младшихъ членовъ могъ въ свою очередь сдѣлаться старшимъ, т. е. когда по смерти Изяслава вступилъ бы въ старшинство Святославъ, и слѣд. сталъ бы къ остальнымъ братьямъ въ отношеніе отца, то сыновья его стали бъ изъ племянниковъ братьями дядьямъ своимъ, т. е. изъ младшихъ членовъ рода старшими и т. д. переходили бы въ старшіе сыновья Всеволода, Вячеслава, Игоря. Но могло случиться, что князь оставался навсегда младшимъ членомъ рода, навсегда малолѣтнымъ, слѣд. навсегда неспособнымъ не только получить великокняжеское достоинство, но даже участокъ во владѣніи, быть совладѣльцемъ съ своими старшими. Это могло произойти, когда какой нибудь князь умиралъ, не будучи старшимъ въ родѣ, или В. Княземъ: въ такомъ случаѣ дѣти его оставались навсегда младшими, на пр. у Ярослава 1-го было сначала 6 сыновей: Владиміръ, Изяславъ, Святославъ, Всеволодъ, Вячеславъ, Игорь. Если бы Владиміръ остался живъ, то по смерти отца, сталъ бы В. Княземъ и отцемъ для младшихъ братьевъ, тогда бы сынъ его Ростиславъ сталъ братомъ дядьямъ своимъ, слѣд. получилъ бы мѣсто старшаго члена рода; но Владиміръ умеръ при жизни отца, слѣд. не былъ отцемъ для братьевъ своихъ, и потому сынъ его Ростиславъ неимѣлъ уже возможности быть братомъ дядьямъ своимъ, остался на всегда племянникомъ, младшимъ, не способнымъ ни къ великокняжескому достоинству, ни ко владѣнію родовою собственностью. Однимъ

словомъ можно выразиться такъ: племянники не могли быть совладѣльцами съ своими дядьми. Если я говорю здѣсь: племянники, то исключаю сыновей старшаго брата, которые были уже не племянниками, но братьями дядьямъ своимъ, при чемъ разумѣются сыновья такого старшаго брата, который точно, по смерти отца, заступалъ его мѣсто для младшихъ братьевъ; но если старшій братъ умиралъ при жизни отца и слѣд. не заступалъ отцовскаго мѣста для младшихъ, то сыновья его были для послѣднихъ только племянниками, и потому исключались изъ великокняжескаго достоинства, равно какъ изъ владѣнія родовою собственностію, и если получали волости, то этимъ обязаны были или милости дядей, или какому-нибудь другому обстоятельству. Такой участи подверглось потомство Изяслава, старшаго сына Св. Владиміра, умершаго при жизни отца; потомство Владиміра, старшаго сына Яросла́ва 1-го, равно какъ потомство Вячеслава и Игоря Ярославичей. Для предохраненія сыновей своихъ отъ такой участи, князья давали другъ другу клятву, что въ случаѣ преждевременной смерти одного изъ нихъ, оставшійся въ живыхъ долженъ заботиться, чтобъ дѣти покойнаго не были исключены изъ владѣнія родовою собственностію: такую клятву дали другъ другу Юрій и Андрей Владиміровичи: „Сыну! (говоритъ Юрій племяннику, Владиміру Андреевичу) язъ есмь съ твоимъ отцемъ, а съ своимъ братомъ Андреемъ, хрестъ цѣловалъ на томъ яко кто ся наю останеть, то тый будеть обоимъ дѣтемъ отець и волость удержати, а потомъ къ тобѣ

хресть цѣловалъ есмь имѣти тя сыномъ собѣ и Володимиря ти искати [1]."

Примѣч. Подобный обычай исключенія встрѣчаемъ и на западѣ, у народовъ Германскаго племени; такъ читаемъ у Витикинда, въ Annal. Sax. II: „Произошелъ споръ о законахъ; говорили, что внуки не должны считаться на ряду съ сыновьями и дѣлить съ послѣдними наслѣдство, если отцы ихъ умерли при жизни дѣда; въ слѣдствіе чего король назначилъ всенародное собраніе у города Стелы, гдѣ было положено разсмотрѣть дѣло чрезъ посредниковъ. Но король не захотѣлъ, чтобъ благородные мужи и старшины народа потерпѣли отъ того какое нибудь оскорбленіе, и приказалъ рѣшить дѣло поединкомъ. Побѣдила та сторона, которая внуковъ отъ умершихъ сыновей считала на ряду съ сыновьями, и подтверждено было, чтобъ они дѣлили наслѣдство поровну съ дядьми [2]."

Примѣч. 2. Не только ранняя смерть отца лишала сына права на дѣдовское наслѣдство, но даже

[1] Ипатьев. 80.

[2] De legum quoque varietate facta est contentio, fuereque qui dicerent, quia filii filiorum non deberent computari inter filios hereditatemque cum filiis sortiri, si forte patres eorum obiissent, avis superstitibus; unde exiit edictum a rege, ut universalis populi conventio fieret apud villam quae dicitur Stela, factumque est ut causa inter arbitros judicaretur debere examinari. Rex autem, meliori consilio usus, noluit viros nobiles et senes populi inhoneste tractari. Sed magis rem inter gladiatores decerni jussit. Vicit igitur pars

и смерть матери, если не лишала совершенно, то, по крайней мѣрѣ, уменьшала право. Указаніе на последній случай мы не встрѣчаемъ ни въ XI, ни въ XII, ни въ XIII вѣкѣ, но въ концѣ XVII, а именно: Царевичь Іоаннъ Алексѣевичь говоритъ, что братъ его Петръ Алексѣевичь имѣетъ болѣе права на престолъ, ибо у него жива мать, Наталья Кириловна: „И Государь Царевичь и Великій Князь Іоаннъ Алексѣевичь всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи изволилъ говорить: „что пристойно быти на Россійскомъ Царствіи и иныхъ, къ Россійскому Царствію принадлежащихъ, Царствахъ и Государствахъ Великимъ Государемъ Царемъ и Великимъ Княземъ, всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи Самодержцемъ, брату его благовѣрному Государю Царевичу и Великому Князю Петру Алексѣевичу, потому что у него Государя здравствуетъ мать его благовѣрная Государыня Царица и Великая Княгиня Наталія Кириловна [1].“

Примѣч. 3-е. Князья, которыхъ отцы умерли при жизни дѣдовъ, назывались *изгоями*: „*Изгои* трои: поповъ сынъ грамоты не умѣетъ; холопъ — изъ холопьства выкупится, купець одолжаеть, а се четвертое изгойство, и себе приложимъ, аще князь осиротѣеть [2].“

---

qui filios filiorum computabant inter filios, et firmatum est ut aequaliter cum patruis hereditatem diviserent, pacto sempiterno.

[1] Собр. г. г и д. IV, N 147.

[2] Мѣсто, найденное Г. Бѣляевымъ въ уставѣ В. К. Всеволода, хранящемся въ библіотекѣ Г. Академика Погодина. См. Изслѣдованія Погодина, т. III, стр. 408.

Второе обстоятельсвто, исключавшее князя изъ права старшинства или изъ пользованія какою-нибудь волостію было насильственное лишеніе права или владѣнія, изгнаніе изъ волости, ибо, по тогдашнимъ понятіямъ, битва была судомъ Божіимъ, гдѣ побѣжденный слѣд. являлся виновнымъ въ глазахъ всѣхъ, его пораженіе и изгнаніе считали праведнымъ наказаніемъ за грѣхъ, при чемъ побѣдитель былъ только исполнителемъ воли Божіей. Если побѣжденный, изгнанный князь силою оружія возвращалъ свое право, свою волость, то въ этомъ видѣли возвращеніе къ нему благосклонности Божіей, прощеніе грѣха; если же не успѣвалъ возвратить потерянное, то онъ и потомство его навсегда исключались изъ права на владѣніе. Это понятіе, что побѣжденный есть грѣшникъ, раздражившій божество, всего яснѣе выражено у Прокопія, въ разсказѣ его о Вандалѣ Гензерихѣ, который, входя на корабль, предается на волю вѣтрамъ, долженствующимъ примчать его къ народу, раздражившему божество: ἐφ' οὓς ὁ θεὸς ὤργισται.[1]. Въ нашихъ лѣтописяхъ князья постоянно именуютъ битву судомъ Божіимъ; Изяславъ Мстиславичь говоритъ: „даже мя постигнеть Володимеръ съ сѣми, а съ тѣмъ судъ Божій вижю, а како Богъ разсудить съ нимъ; паки ли мя усрящеть Гюрги, а съ тѣмъ судъ Божій вижю, како мя съ нимъ Богъ разсудить[2].“ Тотъ же

---

[1] De bello vandal. I, 5.
[2] Ипатьев. 54.

Изяславъ велѣлъ сказать сыну своему Мстиславу: „се уже мы идемъ на судъ Божій, а вы намъ, сыну, всегда надоби [1].“ Вотъ почему Василій Шуйскій, желая доказать права свои на престолъ, говоритъ въ окружной грамотѣ о своемъ воцареніи: „учинилися есмя на отчинѣ прародителей нашихъ, на Россійскомъ Государствѣ Царемъ и В. Княземъ, его же дарова Богъ прародителю нашему Рюрику, иже бѣ отъ Римскаго Кесаря, и потомъ многими лѣты и до прародителя нашего В. Князя Александра Ярославича Невскаго на семъ Россійскомъ Государствѣ быша прародители мои, и посемъ на Суздальской удѣлъ раздѣлишась, *не отнятіемъ и не отъ неволи, но по родству* [2].“ Здѣсь ясно видно, что отнятіе и неволя лишали всякаго права.

Въ заключеніе должно упомянуть, что послѣ, когда линіи разошлись, младшія линіи выбирали себѣ по произволу одного изъ старшихъ князей въ отца мѣсто, иногда совершенно изъ другаго рода. Это именно принуждены были сдѣлать князья Рязанскіе, рода Святославова: отдѣлившись отъ своего рода въ слѣдствіе изгнанія отъ Ольговичей, и не могши однако существовать отдѣльно и независимо, Рязанскіе князья выбрали себѣ въ старшіе Ростислава Мстиславича Смоленскаго, изъ рода Монома-

---

[1] Ипатьев. 62.

[2] Собр. г. г. и д. т. II.

хова [1]. Такіе князья, въ отношеніи къ старшему, на котораго онъ смотрѣли, наз. *ротниками* [2]. Иногда даже младшіе князья, обиженные старшими, отступали отъ нихъ, и примыкали къ чуждому роду, прибѣгая въ покровительство его старшаго [3].

Примѣчаніе. Мы видѣли, что В. Князь не имѣлъ неограниченной власти подъ родовою собственностію, но владѣлъ ею сообща съ цѣлымъ родомъ: вотъ почему, когда Андрей Боголюбскій выгналъ братьевъ и племянниковъ изъ Ростовской области, то лѣтописецъ говоритъ, что онъ захотѣлъ быть *самовластцемъ* въ Суздальской землѣ, т. е. такимъ властителемъ, который распоряжаетъ всѣмъ самовластно, не стѣсненъ родовыми отношеніями, не ограниченъ пра-

---

[1] Ипатьев. 79: Въ тоже время Ростиславъ Мьстиславичь, Смоленьскій князь, цѣлова крестъ съ братьею своею съ Рязаньскими князи, на всей любви; они же вси зряху на Ростислава, имѣяхуть и́ отцемъ себѣ.

[2] Тамъ же, стр. 32. В. К. Изяславъ говорилъ брату Ростиславу: „поиди сѣмо ко мнѣ, а тамо наряди Новгородци и Смолняны, ать удержать Гюргя, и къ ротникомъ ся сли, и въ Рязань, и всямо". Стр. 36: „брате! тебѣ Богъ далъ верхнюю землю, а ты тамо пойди противу Гюргеви, а тамо у тебе Смолняне и Новгородци и кто ротниковъ твоихъ. Стр. 87: Изяславъ же вборзѣ седавъ съ дружиною, поима ротьники своя и поѣха изъѣздомъ къ Чернигову.

[3] Тамъ же, 79: Бѣжа Володимиричь, сыновець Изяславль (Изяслава Давидовича Черниговскаго), изъ Березаго во Вщижь, и зая у него всѣ городы Подесенскыя, Всеволожь, не створивъ извѣта хрестьному цѣлованію къ стрьеви своему, и яся по Ростислава по Смоленьскаго князя а отъ строя отступивъ.

вами родичей. Для означенія верховной власти, не стѣсненной родовыми отношеніями, власти крѣпкой, постоянной, независящей ни отъ какихъ перемѣнъ, употреблялось названіе *Царь*, *Царскій*. Такъ Юрій Долгорукій говоритъ племяннику Изяславу: „Дай ми Переяславль, ать посажю сына своего у Переяславля, а ты сѣди царствуя въ Кіевѣ,[1] т. е. а ты владѣй Кіевомъ спокойно, независимо и безопасно, не боясь никого, и не подчиняясь никому. Въ другомъ мѣстѣ лѣтописецъ, говоря о злодѣйствахъ и гибели епископа Ѳеодора, прибавляетъ: „Видя бо видѣ озлобленіе людей своихъ сихъ кроткыхъ Ростовьскыя земли, отъ звѣроядиваго Ѳедорьца погибающихъ отъ него, посѣтивъ (Богъ) спасе люди своя, рукою крѣпкою, мышцею высокою, рукою благочестивою, *царскою* правдиваго, благовѣрнаго князя Андрея [2].“ Когда послѣ Рутскаго сраженія воины Изяславовы, нашедши своего князя въ живыхъ, изъявили необыкновенную радость, то лѣтописецъ говоритъ, что они величали Изяслава, какъ *Царя* [3]. Подъ именемъ Великаго Князя разумѣлся только *старшій* въ родѣ княжескомъ; вотъ почему когда родъ Ярослава I го раздѣлился на многіе независимые роды, то старшій въ каждомъ изъ нихъ сталъ называться

---

[1] Ипатьев. 43.

[2] Тамъ же, 103.

[3] Тамъ же, стр. 64. Князей называли Царями для большей учтивости, напр. Даніилъ Заточникъ пишетъ къ Долгорукому: „помилуй мя, сыне Великаго Царя Владимера!“ Памятн. Словес. XII в. стр. 231.

Великимъ Княземъ, хотя былъ владѣльцемъ самой ничтожной области, и признавалъ надъ собою власть другаго Великаго Князя, Литовскаго или Московскаго; такъ напр. Князь Пронскій назывался также Великимъ Княземъ, подобно Московскому, Тверскому и Рязанскому, потому что былъ старшимъ въ своемъ родѣ. *Великій* было синонимомъ: *старшій*, и потому къ именамъ нѣкоторыхъ князей прибавляется даже послѣ существительнаго, напр. Владиміръ Великій, Мстиславъ Великій, Всеволодъ Великій, для отличія ихъ отъ множества другихъ младшихъ Владиміровъ, Мстиславовъ и Всеволодовъ, а вовсе не въ томъ смыслѣ, въ которомъ мы теперь придаемъ слово *Великій* къ именамъ историческихъ лицъ, напр. Петръ Великій, Карлъ Великій [1].

[1] См. объ этомъ мою статью: О правахъ и обычаяхъ, господствовавшихъ въ древней Руси, отъ временъ Ярослава I го до нашествія Монголовъ. Въ Чтеніяхъ въ Императорскомъ Обществѣ Исторіи и Древностей, N I.

ГЛАВА II-я.

История княжескихъ отношений отъ призванія Рюрика до смерти Ярослава I-го.

Лѣтописецъ говоритъ, что три князя Варяжскіе, родные братья: Рюрикъ, Синеусъ и Труворъ пришли къ призвавшимъ ихъ племенамъ Славянскимъ и Финскимъ *съ своими родами* [1]. Объ этихъ родичахъ, пришедшихъ съ тремя братьями лѣтопись послѣ ничего не упоминаетъ; Рюрикъ, по ея свидѣтельству, раздаетъ города мужамъ своимъ; [2] но хотя подъ именемъ мужей послѣ постоянно разумѣются члены старшей дружины, однако здѣсь мы имѣемъ право разумѣть родичей, именно потому, что объ Аскольдѣ и Дирѣ сказано: „бяста у него (Рюрика) 2 мужа, не племени его, но боярина; [3]" если у Рюрика было 2 мужа не племени его, то могли быть мужи

---

[1] Лавр. по изд. Арх. Коммиссіи, стр. 8: „И изъбрашася 3 братья съ роды своими."
[2] Тамъ же, стр. 9: И раздая мужемъ своимъ грады.
[3] Тамъ же.

племени его, родичи. Второе доказательство мнѣнію, что подъ именемъ мужей, разосланныхъ первыми князьями по городамъ, должно разумѣть родичей, представляютъ слова договоровъ съ Греками: напр. „даяти уклады на Рускіе городы; по тѣмъ бо городамъ сѣдяху *Князья* подъ Ольгомъ суще [1].“ Князьями же никогда не называются простые мужи, но всегда только члены владѣтельныхъ родовъ. Объ отношеніяхъ этихъ родичей къ князьямъ мы ничего не знаемъ: можемъ только сказать, что эти отношенія не были подобны послѣдующимъ родовымъ отношеніямъ княжескимъ, именно уже потому, что родичи Рюрика называются мужами его, что указываетъ на отношеніе дружинное, слѣд. служебное, а не родовое.

Черезъ два года по призваніи умерли братья Рюрика; въ 879 году умеръ онъ самъ, оставивъ малолѣтнаго сына Игоря, котораго отдалъ на руки родичу своему Олегу, т. е. обязалъ послѣдняго быть Игорю отцемъ [2]. Что Игорь находился въ сыновнемъ отношеніи къ Олегу, свидѣтельствуетъ выра-

---

[1] Лавр. 13, 20.

[2] Тамъ же: Умершю Рюрикови, предасть княженье свое Олгови, отъ рода ему суща, вѣдавъ ему сынъ свой на руцѣ Игоря; бысть бо дѣтескъ вельми. — Обычай отдавать на руки упоминается и послѣ, на пр. подъ 1197 годомъ читаемъ: „Давыдъ же (Смоленскій) столъ свой далъ сыновцю своему Мьстиславу Романовичю, а сына своего Костянтина въ Русь посла, брату своему Рюрикови на руцѣ. Ипатьев. стр. 151.

женіе лѣтописца: „Игореви възрастъшю, и хожаше по Олзѣ и слушаше его и приведоша ему жену[1].“ Ходить по комъ-нибудь, ѣздить подлѣ стремяни и обратное: водить при себѣ—суть выраженія, означавшія всегда сыновнія отношенія [2]. Равно на сыновнее же отношеніе указываетъ извѣстіе лѣтописца о бракѣ Игоря: „и приведоша ему жену,“ которое непосредственно слѣдуетъ за описаніемъ его сыновнихъ отношеній къ Олегу.

По смерти Игоря, сынъ его Святославъ остался малюткою; правленіе принимаетъ на себя мать его Ольга: обычай, общій всѣмъ народамъ, явившимся на историческую сцену въ началѣ среднихъ вѣковъ, какъ Славянскаго, такъ и Германскаго племени. Отношенія княжескія становятся сложнѣе въ семействѣ Святослава, которое состоитъ уже изъ троихъ сыновей. По смерти Ольги, послѣдовавшей въ 969 годя, Святославъ, отправляясь навсегда въ Болгарію, отдалъ прежнія свои владѣнія двумъ сыновьямъ — Ярополку и Олегу: первый остался въ Кіевѣ, второй пошелъ княжить въ землю Древлянскую. Это не значитъ, чтобъ у Святослава не было другихъ владѣній: Новгородъ съ окружнымъ народонаселеніемъ (Славянами) постоянно признавалъ зависимость отъ

---

[1] Лавр. стр. 12.

[2] Объясненіе выраженія: „хожаше по Олзѣ“ находимъ у Гримма (deutsche Rechtsaltert. стр 409): Es war Gebrauch des Alterthums, daß in öffentlichem, feierlichem Gang die Frauen vorausstraten, die Männer nachfolgten und wiederum, daß die Töchter der Mutter voraus, die Söhne aber dem Vater nach gingen.

Кіевскихъ князей: Олегъ наложилъ дань на Славянъ и особую еще на Новгородцевъ; [1] онъ же водилъ Славянъ (т. е. Новгородцевъ) въ походъ на Грековъ [2] равно какъ и Игорь; [3] жена послѣдняго, Ольга устанавливаетъ повозы, оброки и дани въ земляхъ Новгородскихъ [4]. Но кромѣ Новгорода, за Русскими князьями было много другихъ городовъ и областей: еще Рюрикъ владѣлъ Бѣлоозеромъ, Ростовомъ, Муромомъ; [5] Олегъ занялъ Смоленскъ и Любечь, гдѣ посадилъ своихъ мужей [6]. Что эти города и области были заняты не временно только, но постоянно оставались подъ верховною властію Кіевскихъ князей, доказательствомъ служитъ исчисленіе племенъ, участвовавшихъ въ походахъ Олега и Игоря, равно какъ Греческіе уклады на города: Черниговъ, Переяславль, Полоцкъ, Ростовъ, Любечь, гдѣ сидѣли князья, подручники Олеговы [7]. И такъ Ярополкъ и Олегъ Святославичи оставались князьями не одного Кіева и Древлянской земли: они распредѣлили остальныя области между собою точно такъ, какъ послѣ сыновья Ярослава I-го, князья Кіевскій, Черниговскій

---

[1] Лавр. 10; см. мое изслѣдованіе объ отношеніяхъ Новгорода къ В. Князьямъ, примѣч. 75.

[2] Лавр. стр. 12.

[3] Тамъ же, стр. 19.

[4] Тамъ же, стр. 25.

[5] Тамъ же, стр. 9.

[6] Тамъ же, стр. 10.

[7] Почему требовались уклады именно на эти города, почему пропущены—Бѣлоозеро, Муромъ, Смоленскъ? Потому, вѣроятно, что только въ этихъ городахъ сидѣли князья-родичи, а въ остальныхъ простые мужи.

и Переяславскій распредѣлили между собою отдаленные сѣверо-и-юговосточныя области, хотя объ этомъ распредѣленіи лучшія списки лѣтописи не говорятъ ничего: Кіевскому лѣтописцу не было дѣла до отдаленнаго сѣвера и востока. У Святослава былъ еще третій сынъ, Владиміръ; но онъ не могъ быть въ счету, вопервыхъ потому, что былъ малолѣтенъ, а во вторыхъ потому, что былъ рожденъ отъ рабыни; однако и Владиміръ получилъ волость, благодаря Новгородцамъ, которые хотѣли непремѣнно имѣть своего князя и, въ случаѣ отказа, грозили Святославу взять себѣ князя изъ другаго рода [1]. Святославъ отвѣчалъ: „Да комуже идти къ вамъ княжить: у меня только два сына; спросите у нихъ, хотятъ ли они идти къ вамъ?" И Ярополкъ и Олегъ оба отперлись, говоритъ лѣтописецъ. Тогда Любчанинъ Добрыня, котораго сестра Малуша, ключница Ольги, была матерью третьяго сына Святославова, Владиміра, уговорилъ Новгородцевъ взять себѣ въ князья послѣдняго, ибо тогда при многоженствѣ не могло быть рѣзкаго различія между дѣтьми законными и незаконными, [2] и рожденіе Владиміра отъ

---

[1] Лавр. 29.

[2] Я сказалъ: не могло быть рѣзкаго различія, ибо различіе все таки было, что видно изъ словъ Рогнѣды о Владимірѣ: „не хочю розути робичича (Лавр. 32)." Впрочемъ даже по принятіи Христіанства рѣзкое различіе между законными и незаконными дѣтьми не могло скоро утвердиться: мы знаемъ, что на Западѣ незаконность рожденія не помѣшала Арнульфу занять престолъ Германіи, а Вильгельму наслѣдовать отцу своему въ Норманціи; у

рабы не исключало его совершенно изъ семьи княжеской. Новгородцы послушались Добрыни и выпросили у Святослава Владиміра, который и отправился княжить къ нимъ вмѣстѣ съ дядею.

Въ 975 году началась вражда въ семьѣ Святослава. Мы знаемъ, что охота, послѣ войны, была господствующею страстію средневѣковыхъ варваровъ: для этого вездѣ князья предоставили себѣ, касательно охоты, большія права, жестоко наказывая за ихъ нарушеніе. Это служитъ достаточнымъ объясненіемъ происшествія, разсказаннаго нашимъ лѣтописцемъ: Олегъ, князь Древлянскій, охотясь въ лѣсахъ своего владѣнія, встрѣтилъ незнакомца, который позволилъ себѣ въ нихъ тоже самое удовольствіе: узнавъ, что то былъ Лютъ, сынъ Свѣнельда, боярина Кіевскаго, Олегъ не могъ простить такой злой обиды, такого дерзкаго нарушенія самаго драгоцѣннаго изъ правъ своихъ, и убилъ Люта. Пролитая кровь требовала мести со стороны Свѣнельда. Просьбы сѣдаго героя, вождя полковъ дѣдовскихъ и отцовскихъ, не могли

насъ Ярославъ Галицкій завѣщалъ столъ свой побочному сыну Олегу мимо законнаго Владиміра; незаконные сыновья Святополка Изяславича называются князьями и получаютъ волости. — Лѣтописецъ говоритъ, что Малуша была ключница Ольгина: это однозначительно съ понятіемъ рабы, ибо, по Русской Правдѣ, вольный человѣкъ, привѣсившій ключь, ставшій у кого-нибудь ключникомъ, по этому самому становился холопомъ обѣльнымъ. Вѣроятно, холопство ключника считалось самымъ лучшимъ ручательствомъ за безкорыстное отправленіе его должности.

быть тщетны: Ярополкъ, какъ старшій въ родѣ, пошелъ на Олега наказать его, взять его волость; [1] Олегъ не хотѣлъ уступить, враждебныя войска встрѣтились у Овруча, и Древлянскій князь погибъ въ битвѣ. Тогда Владиміръ Новгородскій, услыхавъ, что Ярополкъ убилъ брата, захватилъ его владѣніе, побоялся той же участи и убѣжалъ за море къ Варягамъ.

Эверсъ, которому принадлежитъ первое научное воззрѣніе на исторію Древней Руси, въ своемъ стремленіи подвести всѣ явленія подъ понятія о правѣ, господствовавшія въ тогдашнемъ обществѣ, предполагаетъ, что Владиміръ считалъ своею обязанностію отомстить Ярополку за смерть Олега. Но знаменитый изслѣдователь, обращая вниманіе только на отношенія Владиміра къ Олегу, упустилъ изъ виду отношеніе Владиміра къ Ярополку. Точно, по понятіямъ того времени, Владиміръ долженъ былъ мстить за смерть брата, но кому? Принимая въ расчетъ родовыя отношенія, мы должны обращать вниманіе на совокупность этихъ отношеній, и не брать каждое порознь. Здѣсь дѣло идетъ между родными братьями, членами одного рода, одной семьи: на каждаго родича была возложена обязанность мести, ибо месть была единственнымъ средствомъ защиты отъ насилій въ то время, когда каждый родъ смотрѣлъ на себя, какъ на отдѣльное цѣлое, когда каждый зналъ только свой родъ, и соблюдалъ только одни его ин-

---

[1] И послѣ между князьями былъ рядъ, что бояринъ отвѣчаетъ за вину головою, а князь волостью. Ипат. стр. 119.

тересы, не зная интересовъ и отношеній государственныхъ; но если обязанность мести была естественна и необходима между членами разныхъ родовъ, то ясно, что она не могли существовать между членами одного и того же рода, ибо каждый родъ составлялъ одно нераздѣльное цѣлое, съ своимъ главою, будь то отецъ, дядя, старшій братъ; здѣсь сынъ не могъ мстить отцу, племянникъ дядѣ, братъ брату, ни за собственную обиду, ни за обиду, нанесенную другому родичу. Послѣ того ясно, что понятіе о родѣ, какъ объ единомъ нераздѣльномъ тѣлѣ, совершенно исключаетъ возможность мести, которая условливается только разъединеніемъ, особностію; ясно, что Владиміръ не могъ мстить Ярополку, потому что послѣдній былъ ему старшій братъ, а старшій братъ всегда въ отца мѣсто, мстить же отцу за брата есть несообразность. Вотъ почему лѣтописецъ, говоря о войнѣ Владиміра съ Ярополкомъ, хранитъ глубокое молчаніе о правѣ или обязанности перваго отомстить за смерть Олега, тогда какъ прямо говоритъ, что Свѣнельдъ уговаривалъ Ярополка къ войнѣ съ Олегомъ, желая отомстить за смерть своего сына [1]. Но не имѣя права или обязанности мести, Владиміръ имѣлъ полное право воспротивиться беззаконнымъ поступкамъ старшаго брата, точно такъ какъ послѣ младшіе князья считали себя въ правѣ защи-

---

[1] Лавр. 32: И молвяше всегда Ярополку Свѣнальдъ: „поиди на братъ свой и прими волость его,“ хотя отмстити сыну своему.

щаться вооруженною рукою противъ насилій старшаго, который разъединялъ свои интересы съ интересами рода.

Въ такомъ точно положеніи находился и Владиміръ: онъ не имѣлъ обязанности мстить за смерть младшаго брата старшему, ибо внутри рода месть не существовала; но имѣлъ право вооруженною рукою воспротивиться притязаніямъ Ярополка, столь ясно имъ обнаруженнымъ. По возвращеніи изъ-за моря, съ Варяжскими полками, Владиміръ нашелъ въ Новгородѣ Ярополковыхъ посадниковъ: онъ отослалъ ихъ къ Кіевскому князю съ слѣдующими словами: „идите къ брату моему и скажите ему: Владиміръ идетъ на тебя, пристроивайся къ битвѣ [1];“ а самъ между тѣмъ оставался въ Новгородѣ, затѣвая свадьбу. Желая, вѣроятно, привлечь на свою сторону владѣльца Полоцкаго, Рогволода, Владиміръ послалъ къ нему свататься за дочь его Рогнѣду: послѣдней предстоялъ выборъ между двумя соперниками, ибо и князь Кіевскій также за нее сватался; она не замедлила предпочесть Ярополка сыну рабыни: „Не хочю розути робичича, но Ярополка хочю,“ отвѣчала она отцу своему [2]. Этотъ презрительный отказъ ускорилъ отправленіе Владиміра изъ Новгорода, ибо онъ всего болѣе долженъ былъ опасаться тѣснаго союза

---

[1] Лавр. 32.
[2] Тамъ же.

Ярополка съ Полоцкимъ княземъ, и потому спѣшилъ предупредить его. Онъ присоединилъ къ пришлымъ Варягамъ Славянъ, Кривичей, Чудь, и пошелъ на Полоцкъ, гдѣ праздновалъ кровавую свадьбу: безродная Рогнѣда должна была неволею выдти за сына рабы, ибо отецъ и двое братьевъ ея погибли отъ руки Владиміра. Изъ Полоцка послѣдній отправился на Кіевъ, гдѣ ждалъ его легкій успѣхъ, вслѣдствіе измѣны Блуда, главнаго боярина Ярополкова. Въ то время, какъ, по видимому, Владиміръ слѣдовалъ благородному обычаю отца, пославъ сказать брату, что идетъ на него, въ то самое время онъ велъ переговоры съ Блудомъ, склоняя его къ измѣнѣ: „если ты мнѣ поможешь убить брата, велѣлъ онъ сказать ему, то будешь мнѣ вмѣсто отца [1]:" самое большое обѣщаніе, какое только можно было дать въ то время, при господствѣ родовыхъ понятій и отношеній. Въ лѣтописи помѣщены также слова Владиміра, въ которыхъ онъ оправдываетъ свое поведеніе относительно брата: „не я, говоритъ Новгородскій князь, началъ избивать братью, но онъ; я пришелъ на него единственно изъ страха подобной же участи:" объ обязанности мстить за смерть Олега ни слова! Блудъ обѣщалъ помощь Владиміру и уговорилъ Ярополка затвориться въ Кіевѣ,

---

[1] Лавр. 32: Поприяй ми; аще убью брата своего, имѣти тя хочю во отца мѣсто, и многу честь возьмешь отъ меня; не язъ бо почалъ братью бити, но онъ, „азъ же того убоявъся придохъ нань."

вмѣсто того, чтобъ спѣшить съ войсками противъ брата. Сперва онъ представилъ В. Князю, что нечего бояться Владиміра, который не посмѣетъ стать въ полѣ противъ многочисленныхъ полковъ Кіевскихъ, [1] а между тѣмъ искалъ случая, какъ бы убить Ярополка. Увидавъ, что между гражданами нельзя ожидать помощи своему намѣренію, и зная о приближеніи Владиміра, Блудъ началъ уговаривать Ярополка оставить Кіевъ, представляя, что жители послѣдняго сносятся со врагомъ. Ярополкъ послушался и удалился въ Родню, гдѣ былъ осажденъ войсками Владиміра и терпѣлъ голодъ. Тогда тотъ же Блудъ началъ представлять невозможность дальнѣйшаго сопротивленія, и уговорилъ Ярополка помириться съ младшимъ братомъ на всей волѣ послѣдняго, вопреки увѣщанію вѣрнаго отрока Варяжко, который догадывался объ измѣнѣ и совѣтовалъ князю бѣжать къ Печенѣгамъ за помощью. Предсказанія Варяжко сбылись: Ярополкъ былъ убитъ въ то время какъ шелъ на свиданіе съ братомъ: [2] Владиміръ занялъ столъ Кіевскій.

При разсказѣ объ этомъ событіи я не могу умолчать объ извѣстномъ отрывкѣ изъ Іоакимовой Новгородской лѣтописи, сохраненномъ у Татищева: здѣсь обнаружена главная пружина дѣйствія, сокрытая у лѣтописца Кіевскаго, а именно борьба язычества съ христіанствомъ. Намъ извѣстно, что отецъ Владиміра,

---

1 Никонов. I, 62.
2 Лавр. 33.

Святославъ, по своему характеру, не могъ склониться на увѣщанія св. Ольги, и что поклонники Христа, въ его княженіе, подвергались ругательствамъ со стороны поклонниковъ Перуна, хотя гоненія не было. Но во время Греческой войны, по свидѣтельству Іоакима, Святославъ перемѣнилъ свое поведеніе въ отношеніи къ Христіанамъ: повѣривъ внушеніямъ окружавшихъ его язычниковъ, будто виновниками неудачи Русскаго оружія были Христіане, находившіеся въ войскѣ, князь воздвигъ на нихъ гоненіе, при чемъ не пощадилъ даже роднаго своего брата Глѣба, и послалъ въ Кіевъ приказъ раззорить христіанскіе храмы:[1] одна смерть гонителя положила конецъ бѣдствіямъ Русской церкви. Но отказавшись отъ принятія христіанства самъ, Святославъ между тѣмъ оставилъ сыновей своихъ при бабкѣ христіанкѣ: ясно, какія внушенія должны были получить отъ нея молодые князья; Іоакимъ говоритъ, что Ярополкъ былъ человѣкъ кроткій и милостивый, любилъ христіанъ, и если самъ не крестился изъ боязни народа, то, по крайней мѣрѣ, иныхъ не препятствовалъ. Тѣ, которые при Святославѣ ругались надъ христіанствомъ, естественно не любили князя, приверженнаго къ этой религіи: этимъ нерасположеніемъ воспользовался Владиміръ и успѣлъ отнять жизнь и владѣніе у брата[2].

---

[1] Татищ. I, стр. 36 и слѣд.
[2] Можно ли сказать, чтобъ и здѣсь было что-либо невѣроятное? говоритъ Авторъ Исторіи Христіанства въ Рос-

Если мы примемъ во вниманіе разсказъ Іоакима, то намъ объяснится поведеніе Владиміра въ первые годы его княженія: торжество Владиміра было торжествомъ языческой стороны надъ христіанскою; вотъ почему новый князь знаменуетъ начало своего правленія необыкновенною ревностію къ возстановленію и утвержденію язычества, ставитъ кумиры на высотахъ Кіевскихъ, дядя его Добрыня поступаетъ точно также въ Новгородѣ. Намъ извѣстно, что Славяне язычники болѣе всего негодовали на христіанство за непозволеніе многоженства:[1] въ ознаменованіе торжества языческой стороны, князь, виновникъ этого торжества, предается необузданному женолюбію. Судя по выраженіямъ лѣтописца, никогда въ

сіи. Ярополкъ, точно, былъ сердца мягкаго и кроткаго, какъ видно и изъ лѣтописи препод. Нестора. Склонность къ Христіанству, при такихъ естественныхъ свойствахъ, онъ могъ получить во время своего воспитанія отъ благочестивой бабки своей — Ольги; а поддерживать эту склонность и расположенность къ Христіанамъ могла Христіянка, похищенная отцемъ его изъ какой-то Греческой обители и отданная ему въ супружество. И не здѣсь ли объясненіе одного довольно необъяснимаго въ нашей церковной исторіи событія — именно того, что въ 1044 году вел. Князь Ярославъ повелѣлъ отрыть кости Ярополка и Олега, окрестить ихъ и положить въ церкви Св. Богородицы? Ярославъ не имѣлъ ли достовѣрнѣйшихъ свѣдѣній, что оба эти дяди его были искренно расположены къ Христіанству и Христіанамъ, и не крестились только по тѣснымъ обстоятельствамъ? — Исторія Христ. въ Россіи, Архимандрита Макарія, стр. 329.

[1] См. Краледвор. рукопись, Záboj, Slavoj, Ludiek.

Русской землѣ не было видно такого гнуснаго идолослуженія: „родители приводили предъ кумиры сыновей и дочерей своихъ и приносили ихъ въ жертву бѣсамъ, оскверняли землю требами своими, и осквернилась кровью земля Русская[1]." Язычество, торжествуя побѣду, не могло оставить въ покоѣ соперничествующую религію: къ началу Владимірова княженія относится извѣстіе о христіанскихъ мученикахъ въ Кіевѣ[2]. Что Владиміръ дѣйствовалъ такимъ образомъ въ пользу язычества не по убѣжденію, а единственно въ угоду сторонѣ, доставившей ему успѣхъ, доказываетъ скорое обращеніе его къ христіанству, когда сторона приверженцевъ этой религіи начала брать верхъ.

Принявъ христіанство и обязавшись единобрачіемъ, Владиміръ былъ въ затрудненіи касательно прежнихъ своихъ сожительницъ, и потому рѣшился разослать ихъ съ сыновьями въ разныя области сво-

1 Лавр. стр. 24.

2 Въ печатномъ житіи Владиміра повѣствуется, что онъ повелѣлъ въ это время приводить на поклоненіе идоламъ самихъ Христіанъ, и тѣхъ, которые не покорялись его волѣ, предавать смерти. Посему нѣкоторые изъ вѣрующихъ нашлись вынужденными скрывать свою вѣру, другіе бѣжали изъ Кіева, третьи будто бы даже снова обращались къ языческому нечестію. Между тѣмъ идолопоклонники, пользуясь покровительствомъ вел. Князя, разрушили въ Кіевѣ всѣ Христіанскія церкви. Не знаемъ, откуда почерпнуты эти извѣстія Св. Димитріемъ; но только, безъ всякаго сомнѣнія, изъ источниковъ, прежде него существовавшихъ, и, судя по ходу тогдашнихъ обстоятельствъ, не содержатъ въ себѣ ничего несообразнаго съ ними. — Истор. Христ. въ Рос. стр. 330.

его обширнаго владѣнія [1]. Въ лѣтописи находимъ имена 12 сыновей Владиміра, но безъ опредѣленія, въ какомъ порядкѣ одинъ за другимъ слѣдовали по старшинству: въ одномъ мѣстѣ, при исчисленіи женъ Владиміровыхъ, они поставлены по матерямъ; въ другомъ, гдѣ говорится о разсылкѣ сыновей по областямъ, они слѣдуютъ въ другомъ порядкѣ. Постараемся, по нѣкоторымъ даннымъ, опредѣлить порядокъ старшинства между ними.

Въ Новгородъ былъ отправленъ Вышеславъ: мы знаемъ, что въ этотъ городъ посылался обыкновенно старшій въ семьѣ В. Князя; изъ этого можемъ заключить, что Вышеславъ былъ старшій сынъ Владиміра, тѣмъ болѣе, что въ извѣстіи о разсылкѣ по областямъ онъ поставленъ первымъ [2]. Но въ предшествующемъ исчисленіи женъ Владиміровыхъ [3] Вышеславъ поставленъ послѣ сыновей Рогнѣдиныхъ и Гречанки, вдовы Ярополковой, и названъ сыномъ Чехини: если Вышеславъ былъ старшій, то долженъ былъ родиться еще въ Новгородѣ, но странно, что Чехиня зашла такъ далеко на Сѣверъ. Іоакимовская лѣтопись и здѣсь, поправляя ошибку начальной Кіевской, объясняетъ дѣло совершенно удовлетворительно, а именно: мать Вышеслава называетъ Оловою, женою Варяжскою [4]. Потомъ слѣдуетъ сынъ Рогнѣды, Изяславъ, получившій волость дѣда своего по

---

[1] Іоак. у Татищ. I, 40, примѣч. 47.
[2] Лавр., стр. 52.
[3] Тамъ же, стр. 34.
[4] Татищ. I, 40,

матери, Полоцкъ. Тотчасъ послѣ брака съ Рогнѣдою Владимiръ женился на вдовѣ брата своего Ярополка, и потому рожденнаго отъ послѣдней Святополка мы имѣемъ полное право поставить въ третьихъ послѣ Вышеслава и Изяслава; этотъ Святополкъ получилъ въ удѣлъ Туровъ, и по смерти Вышеслава и Изяслава оставался старшимъ въ родѣ, какъ ясно указываютъ слова св. Бориса: „не буди мнѣ възняти руки на брата своего старѣйшаго; аще и отець ми умре, тось ми буди въ отца мѣсто [1]." За Святополкомъ мы должны дать мѣсто Ярославу, также, по лѣтописямъ, сыну Рогнѣды; Ярославъ получилъ сперва Ростовъ, а потомъ, по смерти старшаго Вышеслава, переведенъ въ Новгородъ. Этотъ переводъ Ярослава въ Новгородъ мимо старшаго Святополка Туровскаго объясняется свидѣтельствомъ Дитмара, что Святополкъ въ это время былъ подъ гнѣвомъ отца и даже въ заключенiи; что Ярославъ, послѣ Святополка, былъ старшимъ, доказательствомъ служитъ также, что сестра его Предслава обратилась къ нему съ извѣстiемъ о злодѣйствахъ Святополка, какъ представителю рода. Всеволодъ, также сынъ Рогнѣды получилъ Владимiръ Волынскiй; Святославъ и Мстиславъ, которыхъ мать въ начальной Кiевской лѣтописи названа Чехинею другою, въ отличiе отъ мнимой матери Вышеслава [2], получили—первый землю Древлянскую,

---

[1] Лавр. 57.
[2] Лавр. 34: Отъ Чехинѣ Вышеслава, а отъ другоѣ Святослава и Мьстислава.

второй Тмутаракань. Мать Святослава Іоакимовская лѣтопись называетъ Малфридою; что это имя одной изъ женъ Владиміра не вымышлено, доказательствомъ служитъ въ начальной Кіевской лѣтописи упоминовеніе подъ 1002 годомъ о смерти Малфриды, которая здѣсь соединена съ Рогнѣдою [1]; мать же Мстислава Іоакимъ называетъ Аделью или Адилью. Втораго сына Адели, Станислава этотъ же лѣтописецъ, равно какъ и нѣкоторые другіе, отсылаетъ въ Смоленскъ, а Судислава во Псковъ [2]. Теперь остается опредѣлить мать и возрастъ Бориса и Глѣба. Въ начальной Кіевской лѣтописи матерью ихъ названа Болгарыня, волостью перваго Ростовъ, втораго Муромъ. Но ясно, что здѣсь упоминается уже второе распоряженіе, ибо при первомъ распредѣленіи волостей Ростовъ былъ отданъ Ярославу; поэтому въ нѣкоторыхъ спискахъ, бывшихъ въ рукахъ у Татищева [3], прибавлено, что сначала Борисъ получилъ Муромъ, а Глѣбъ Суздаль. Не смотря на это, молчаніе лучшихъ списковъ лѣтописи о первоначальныхъ волостяхъ Бориса и Глѣба, равно какъ совершенное молчаніе о волостяхъ Станислава, Судислава и Позвизда ведетъ насъ къ заключенію, что во время пер-

---

[1] Тамъ же 55: Преставися Малъфредь. Въ се же лѣто преставися и Рогънѣдь, мати Ярославля. — Ясно, что здѣсь говорится о двухъ женщинахъ, женахъ Владиміра, а Никоновская лѣтопись изъ женщины Малфриды сдѣлала мужчину Малфреда сильнаго (I, 111). Татищ. II, 87: преставися Малфреда, Чехиня, мать Святославля.

[2] Соф. врем. I, 87, Никон. I, 93; Соф. 80.

[3] II, Примѣч. 191.

вой разсылки сыновей по волостямъ, всѣ эти князья или были очень малы, или нѣкоторые изъ нихъ, быть можетъ, еще не родились [1]. Любопытно, что въ лѣтописи Іоакима матерью Бориса и Глѣба названа Анна Царевна, при чемъ Татищевъ соглашаетъ свидѣтельство Кіевскаго лѣтописца о Болгарскомъ происхожденіи матери Борисовой тѣмъ, что эта Анна могла быть двоюродною сестрою Императоровъ Василія и Константина, которыхъ тетка, дочь Романа, была въ супружествѣ за царемъ Болгарскимъ [2]. Еслибъ такъ было, то для насъ уяснилось бы предпочтеніе, которое оказывалъ Владиміръ Борису, какъ сыну царевны и рожденному въ Христіянскомъ супружествѣ, на которое онъ долженъ былъ смотрѣть, какъ на единственное законное. Отсюда уяснилось бы и поведеніе Ярослава, который, считая себя, при невзгодѣ Святополка, старшимъ, но видя предпочтеніе отца Борису, не хотѣлъ быть посадникомъ послѣдняго [3] въ Новгородѣ и потому спѣшилъ объявить себя независимымъ. Какъ бы то ни было, Борисъ единогласно описывается человѣкомъ въ самой цвѣтущей юности: „аки цвѣтъ во юности своей.... брада мала и усъ, младъ бо бѣ еще.“ Если предположимъ, что онъ былъ первымъ плодомъ брака Владимірова съ

---

[1] Лѣтопис. содерж. Рос. Истор. отъ 852—1598 года, стр. 40: а трехъ у себя остави: бѣ бо млади, Станиславъ, Судиславъ, Позвиздъ.

[2] II, Примѣч. 184.

[3] См. мое изслѣдованіе объ отношеніяхъ Новгорода къ В. Князьямъ, стр. 41 и 42.

Анною, то въ годъ отцовой смерти ему было 25 лѣтъ. Лѣтописецъ прибавляетъ, что Борисъ *свѣтился царски*, желая, вѣроятно, указать на его царственное происхожденіе по матери. Отецъ любилъ его болѣе другихъ сыновей и держалъ при себѣ, въ чемъ видно было намѣреніе сдѣлать его своимъ преемникомъ на столѣ Кіевскомъ, тѣмъ болѣе, что старшій сынъ, Святополкъ былъ въ совершенномъ разладѣ съ отцемъ [1]. Святополкъ имѣлъ въ супружествѣ дочь Польскаго князя, знаменитаго Болеслава 1-го. Здѣсь въ первый разъ Русь вошла въ сношеніе съ Польшею, которое повело однако къ непріязни, въ слѣдствіе раздѣленія церквей, споривших въ то время за міръ Славянскій. Западной церкви, которая опиралась на мечь Германскаго Императора, удалось захватить Чеховъ и Поляковъ. Болеславъ, имѣя главною цѣлью своей дѣятельности высвобожденіе Польши изъ подъ зависимости и вліянія Имперіи, въ тоже время самъ разрушалъ свое зданіе, будучи ревнителемъ Латинства. Вмѣстѣ съ дочерью онъ прислалъ къ Святополку Рейнберна, епископа Колобрежскаго (Колбергскаго). Этому прелату удалось склонить Туровскаго князя на сторону западной церкви; Владиміръ, узнавъ объ этомъ, велѣлъ схватить Святополка съ женою и епископомъ, и заключить въ

[1] Дитмаръ прямо говоритъ, что Владиміръ оставилъ престолъ двоимъ сыновьямъ своимъ, т. е. Борису и Глѣбу. Кн. VII, 244: Integritatem haereditatis suae duobus relinquens filiis.

темницу [1]. Это раздражило Болеслава: онъ поспѣшилъ заключить миръ съ Имперіею, и въ началѣ 1013 года, съ Нѣмецкими наемными войсками и Печенѣгами явился въ предѣлахъ Руси; но вражда Печенѣговъ съ Польскими войсками помѣшала походу, при томъ, какъ видно, Владиміръ, склонившись на требованія Болеслава, выпустилъ Святополка изъ темницы, однако не возвратилъ въ Туровъ, а держалъ у себя въ Кіевѣ [2]. Не смотря на то, что Владиміръ умеръ, не урядивъ дѣтей своихъ, не успѣвъ торжественнымъ распоряженіемъ передать Кіевъ Борису, на сторонѣ послѣдняго была отцовская дружина и граждане Кіевскіе. Дружина Владимірова, бояре, старые думцы предпочитали Бориса всѣмъ его братьямъ, потому что онъ постоянно находился при нихъ, привыкъ съ ними думать думу, тогда какъ другіе князья привели бы съ собою своихъ любимцевъ, какъ это и сдѣлалъ Святополкъ, если обратимъ вниманіе на намекъ лѣтописца о поведеніи послѣдняго: „Лютѣ бо граду тому, въ немъ же князь унъ любяй вино пити съ гусльми и съ младыми совѣтникы [3].“ Граждане также благопріятствовали Борису, потому что братья ихъ были съ нимъ [4]. Вотъ почему, когда умеръ Владиміръ, то хотѣли скрыть смерть его

---

[1] Дитмар. VII, 244. Въ нашей лѣтописи сказано только, что Владиміръ не любилъ Святополка; Лавр. 33.

[2] Лавр. 56: Умре же (Владиміръ) на Берестовѣмъ, и поташше и, бѣ бо Святополкъ Кыевѣ.

[3] Тамъ же, 60.

[4] Лавр. 57.

отъ Святополка до прибытія Бориса, котораго отцовская дружина уговаривала идти на столъ Кіевскій; но молодой князь, вѣрный родовымъ понятіямъ, отвѣчалъ, что не подыметъ руки на старшаго брата, который будетъ ему вмѣсто отца: тогда войско разошлось, оставивъ Бориса съ малымъ числомъ приближенныхъ служителей. Между тѣмъ Святополкъ объявилъ себя княземъ въ Кіевѣ и сыпалъ дарами въ гражданъ, для привлеченія ихъ на свою сторону. Видя въ Борисѣ страшнаго соперника, не зная чистоты его намѣреній или сомнѣваясь въ нихъ, Святополкъ рѣшился освободиться отъ него злодѣйствомъ: онъ послалъ своихъ приверженцевъ убить Бориса. Но у послѣдняго былъ одноутробный братъ, Глѣбъ, раздѣлявшій вмѣстѣ съ нимъ предпочтеніе отцовское; Святополку нужно было избавиться и отъ этого: онъ вызвалъ его съ Востока, подъ предлогомъ болѣзни отцовской, и послалъ убить на дорогѣ. Испуганный Святославъ, Князь Древлянскій вздумалъ спастись бѣгствомъ въ чуждыя страны, но былъ перехваченъ на пути, и убитъ слугами Кіевскаго князя. Тогда Святополкъ, видя удачу, началъ помышлять объ истребленіи всѣхъ остальныхъ братьевъ и объ единовластіи, [1] слѣдуя близкому примѣру тестя своего, Болеслава Польскаго, который изгнаніемъ и ослѣпленіемъ избавился отъ братьевъ и всѣхъ родичей. Ярославъ Новгородскій свѣдалъ объ этихъ замыс-

---

[1] Тамъ же, 60: И нача помышляти: „яко избью всю братью свою, и пріиму власть Русьскую единъ.“

лахъ отъ сестры Предславы, когда самъ находился въ самомъ затруднительномъ положеніи. Мы упоминали уже, что онъ разсорился съ отцемъ своимъ Владиміромъ, отказавшись платить дань къ Кіеву, и зная, что отецъ сбирается на него съ войскомъ, нанялъ Варяговъ. Наемники начали поступать съ Новгородцами, какъ съ завоеванными, а князь, имѣя въ нихъ нужду, смотрѣлъ сквозь пальцы на ихъ безчинства. Тогда граждане рѣшились управиться сами и перебили насильниковъ. Раздраженный князь хотѣлъ отомстить и за свою власть, и за своихъ храбрецовъ, тѣмъ болѣе, что безнаказанность Новгородцевъ заставила бы и послѣднихъ Варяговъ убраться за море: знатнѣйшіе изъ виновниковъ убійства были позваны на вѣче къ князю и перебиты. Но въ слѣдующую же ночь Ярославъ получилъ извѣстіе объ опасности со стороны Святополка; онъ собралъ вѣче и простодушно признался, что очень жалѣетъ о смерти Новгородцевъ, потому что теперь они бы ему пригодились, золотомъ бы купилъ ихъ [1]. Новгородцы отвѣчали, что не смотря на убійство согражданъ, они еще имѣютъ довольно силы, чтобъ стать за своего князя противъ братоубійцы [2]. Какъ видно изъ этихъ словъ, Новгородцы не были очень сердиты на Ярослава, ибо считали, по тогдашнимъ

---

[1] Лавр. 61: „О люба моя дружина, юже вчера избихъ, а нынѣ быша надобѣ.

[2] Тамъ же: „Аще, княже, братья наша исѣчена суть, можемъ по тобѣ бороти."

понятіямъ, дѣломъ обыкновеннымъ, что князь отомстилъ ихъ согражданамъ за смерть Варяговъ; при томъ считали обязанностію стать за своего князя, котораго выгоды были связаны съ ихъ собственными, который хотѣлъ освободить ихъ отъ зависимости и дани Кіевской, и въ случаѣ бѣгства котораго они должны были принять Святополковыхъ посадниковъ; наконецъ не должно упускать изъ виду того обстоятельства, что въ городѣ, гдѣ господствовала вражда родовая, вражда сторонъ, князь, перебившій старшинъ одной стороны, могъ всегда надѣяться содѣйствія отъ другой. Ярославъ собралъ съ Новгородской области 40,000 войска, да наемныхъ Варяговъ 1000, и пошелъ на Святополка. Онъ выставлялъ причиною войны во первыхъ то, что старшій въ родѣ убилъ безъ вины младшихъ родичей, а потомъ право самосохраненія [1]. Оба брата встрѣтились при Любечѣ: дружинники Святополка ругались надъ войскомъ Ярослава, состоявшимъ преимущественно изъ горожанъ и сельскаго народонаселенія; они кричали Новгородцамъ: „гдѣ вамъ плотникамъ сражаться съ нами, ступайте прочь съ хромымъ вашимъ княземъ: мы васъ заставимъ строить намъ домы [2].“ Но эти мирные промышленники, эти плотники умѣли также хорошо владѣть топоромъ и на полѣ битвы; раздосадованные насмѣшками дружинниковъ, Новгородцы

---

[1] Тамъ же: „Зане безъ вины пролья кровь Борисову и Глѣбову праведною: еда и мнѣ сице же створить.“
[2] Лавр. 61.

повѣстили своему князю, что на другое утро непремѣнно вступятъ въ бой, а если кто не пойдетъ съ ними, того сами умертвятъ [1]. У Ярослава были доброжелатели въ непріятельскомъ станѣ: они извѣстили его объ удобномъ времени къ нападенію, когда Святополкъ съ дружиною, пропировавши всю ночь, не былъ способенъ къ защитѣ. Ярославъ одолѣлъ въ битвѣ, и занялъ Кіевъ; Свсятополкъ бѣжалъ къ Печенѣгамъ [2], хотѣлъ съ ними овладѣть Кіевомъ [3], но былъ отраженъ и удалился въ Польшу, къ тестю Болеславу. Это заставило Кіевскаго князя вступить въ союзъ съ Императоромъ Генрихомъ II противъ Польши, въ слѣдствіе чего Ярославъ выступилъ въ походъ и осадилъ Брестъ, но, какъ видно, безъ успѣха. Непріязненное движеніе съ Востока заставило Болеслава поспѣшить заключеніемъ мира съ Нѣмцами, чтобъ обратить всѣ свои силы на Русь. Лѣтомъ 1018 года вступилъ онъ въ походъ, и 22 Іюля достигъ Буга: Русское войско не выдержало натиска Болеславова и обратилось въ бѣгство; Кіевъ отворилъ ворота побѣдителю. И здѣсь, точно такъ какъ прежде у Чеховъ, Болеславъ заботился только о своихъ выгодахъ, а не о выгодахъ союзниковъ: онъ велѣлъ развести свое войско по окрестнымъ городамъ на кормленіе, при чемъ обнаруживалъ намѣреніе оставить Русь за собою и утвердить свою столицу въ

---

[1] Тамъ же.
[2] Новгород. перв., стр. 1.
[3] Никон. I, 125.

богатомъ Кіевѣ. Наши лѣтописцы [1] приписываютъ Святополку приказъ убивать разведенныхъ по городамъ Польскихъ воиновъ, но вѣроятнѣе, что сами Поляки, какъ прежде у Чеховъ, насильственными поступками возбудили возстаніе въ жителяхъ. Какъ бы то нибыло, Болеславъ долженъ былъ спѣшить уходомъ изъ Кіева, оставивъ Святополка на жертву князю Новгородскому.

Ярославъ, послѣ Бужскаго сраженія, явился бѣглецомъ въ свой Новгородъ и хотѣлъ уже бѣжать за море, какъ былъ остановленъ гражданами, которые теперь не могли ожидать ничего хорошаго отъ Святополка, показавши себя разъ столь ревностными защитниками врага его, и потому должны были рѣшиться на самыя сильныя мѣры. Они, съ посадникомъ своимъ Константиномъ, сыномъ Добрыни, слѣд. двоюроднымъ братомъ Ярослава, изрубили лодки, приготовленныя княземъ для бѣгства, объявили Ярославу готовность свою биться и съ Святополкомъ и съ Болеславомъ, и не теряли времени: собрали деньги, наняли Варяговъ, и скоро Ярославъ могъ снова выступить въ походъ. Святополкъ, оставленный Болеславомъ, долженъ былъ опять обратиться къ Печенѣгамъ; оба брата встрѣтились на рѣкѣ Альтѣ, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ палъ Борисъ подъ ножами убійцъ: Святополкъ былъ вторично разбитъ

---

[1] Лавр. 62.

и пропалъ безъ вѣсти [1]; Скандинавскія преданія приписываютъ смерть его витязю Эймунду, служившему въ войскѣ Новгородскаго князя.

Вступивъ вторично въ Кіевъ, Ярославъ щедро наградилъ своихъ воиновъ, особенно Новгородцевъ; но скоро ему представился случай поблагодарить послѣднихъ за услугу, ему оказанную, тѣмъ же самымъ способомъ, именно защитою отъ врага. Брячиславъ Изяславичь, князь Полоцкій, явился внезапно предъ Новгородомъ, взялъ его, захватилъ множество гражданъ съ имѣніемъ, и спѣшилъ назадъ въ свою отчину, но на пути былъ настигнутъ Ярославомъ, которому удалось обратить его въ бѣгство и отбить плѣнниковъ [2]. Брячиславъ, хотя по тогдашнимъ понятіямъ не имѣлъ ни какой возможности вступить въ права отца своего Изяслава, который умеръ еще при жизни Владиміра, не будучи старшимъ въ родѣ: однако, по видимому, добивался новаго распредѣленія волостей между родичами, болѣе равнаго, и Ярославъ, не смотря на побѣду, хотѣлъ склонить Брячислава къ миру прибавкою нѣсколькихъ городовъ къ преж-

---

[1] Лавр. 62, 63. Первоначальное сравненіе братоубійцы Святополка съ братоубійцею Каиномъ распространено послѣ и украшено съ нравственною цѣлію, въ урокъ послѣдующимъ князьямъ Русскимъ, раздиравшимъ землю усобицами: „Се же Богъ показа на наказанье Княземъ Русьскимъ да аще сіи еще сице же створятъ, се слышавше, туже казнь пріимутъ, но и болши сея, понеже вѣдая се, створить такоже злоубійство."

[2] Лавр. 63.

нему княжеству Рогволодову. Онъ хотѣлъ обезопасить себя со стороны Изяславича, ибо вѣроятно предвидѣлъ, что Мстиславъ Тмутораканскій не долго оставитъ его въ покоѣ. Этотъ Мстиславъ, славный удальствомъ въ поединкахъ, отличался чисто Варяжскимъ характеромъ: онъ любилъ только свою дружину, ни чего не щадилъ для нея, но пренебрегалъ остальнымъ народонаселеніемъ [1]; отдаленное владѣніе на берегу моря и постоянная борьба съ окрестными варварами благопріятствовали образованію такого характера. Такъ какъ теперь оставалось только трое Владиміровичей — Ярославъ, Мстиславъ и Судиславъ, то князь Тмутораканскій считалъ себя въ правѣ требовать новаго, болѣе ровнаго распредѣленія волостей въ общей родовой собственности [2]. Въ 1023 году, когда В. Князь былъ въ Новгородѣ, Мстиславъ явился на Руси, и сѣлъ въ Черниговѣ. Ярославъ, узнавъ о такомъ непріятномъ сосѣдствѣ, призвалъ Варяговъ, встрѣтилъ Мстислава при Лиственѣ, былъ разбитъ и принужденъ согласиться на ровное распредѣленіе волостей: земли на Востокъ отъ Днѣпра достались Мстиславу, на Западъ Ярославу [3]. Это распредѣленіе волостей очень важно, ибо въ послѣдствіи на немъ основалось мнѣніе, что князь, ко-

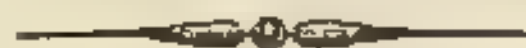
---

1 Тамъ же, 64, 65.

2 Татищевъ (II, 102) говоритъ, что онъ и требовалъ, и что Ярославъ далъ ему Муромъ, но Мстиславъ не былъ доволенъ.

3 Лавр. 64.

торому досталась восточная, Тмутараканo-Черниговская половина Русскихъ владѣній, не имѣлъ уже никакого права на западную, Кіевскую. Въ 1036 году Мстиславъ умеръ на охотѣ [1], не оставивъ потомства, ибо единственный сынъ его, Евстафій, умеръ еще прежде него [2]. Оставался теперь изъ братьевъ только одинъ Судиславъ Владиміровичь: Ярославъ не дожидался, чтобъ и этотъ братъ сталъ требовать ровнаго распредѣленія волостей, и поспѣшилъ заключить его въ темницу [3]! Такъ окончились отношенія между сыновьями Владиміра Великаго.

[1] Лавр. 65.
[2] Тамъ же.
[3] Тамъ же, Псков. стр. 5: Разгнѣвася Ярославъ В. К. на меньшаго брата своего Судислава, и всади его въ порубъ въ Плесковѣ въ темницу до живота своего, оклеветанъ бо бѣ." Оклеветанъ, слѣд., въ какихъ-нибудь замыслахъ.

ГЛАВА III-я.

О распорядкѣ между сыновьями Ярослава I го.

По смерти Ярослава I го, области, занятыя первыми Варяго-Русскими князьями, раздѣлились между двумя владѣтельными родами: первый родъ составляло потомство Изяслава, старшаго сына св. Владиміра. Лѣтописецъ разсказываетъ, что Владиміръ выдѣлилъ Изяслава, давъ ему Полоцкую область, княженіе дѣда его по матери, Рогволода [1]. Но выдѣленный разъ членъ рода не имѣлъ уже болѣе права на родовое имущество, и потому Полоцкіе князья, потомки Изяслава, не могли имѣть притязаній на остальную собственность Владимірова рода [2]. Но если бы

[1] Кёнигсберг. стр. 186. И созва (Вадиміръ) бояры и повѣда имъ; они же рекоша: „Уже не уби ея (Рогнѣды) дитяти дѣля сего, но воздвигни отчину ея, и дай ей со сыномъ своимъ." Володимиръ же устрои городъ и да има; и проч.

[2] Кто отдѣляется отъ семейства, тотъ теряетъ и право свое на семейное имущество, которое достастся оставшимся въ семействѣ . . . . . . Кто жилъ въ своемъ семействѣ, тотъ имѣлъ право на семейное имущесство, кто же отдѣлялся, тотъ становился ему чужимъ, и терялъ всякое

потомство Изяслава и не было выдѣленнымъ, то и тогда оно не имѣло бы права на старшинство и на участіе во владѣніи родовою собственностію, ибо Изяславъ не былъ, по смерти отца, старшимъ или Великимъ Княземъ, не былъ для братьевъ отцемъ, и потому сыновья его остались навсегда младшими членами рода, не могли быть сонаслѣдниками съ дядьями своими.

Второй владѣтельный родъ былъ родъ Ярослава Владиміровича, которому и достались всѣ остальныя Русскія области. Этотъ родъ, по смерти Ярослава, состоялъ изъ 5 братьевъ: старшій изъ нихъ, Изяславъ сталъ къ прочимъ братьямъ въ отца мѣсто; младшіе братья были: Святославъ, Всеволодъ, Вячеславъ, Игорь; у нихъ былъ еще племянникъ Ростиславъ, сынъ старшаго Ярославича, Владиміра; Ростиславъ, въ слѣдствіе преждевременной смерти отца, не могъ быть сонаслѣдникомъ съ дядьми. Ярославичи распорядились въ своихъ областяхъ слѣдующимъ образомъ: четверо старшихъ помѣстились въ области Днѣпровской; трое на югѣ, въ собственной Руси: Изяславъ въ Кіевѣ, Святославъ въ Черниговѣ, Всеволодъ въ Переяславлѣ; четвертый, Вячеславъ поставилъ свой столъ въ Смоленскѣ Что касается до

право на общее имѣніе.—Исторія древняго наслѣдственнаго права у Славянъ Іосифа Губе, въ Сборникѣ историческихъ и статистическихъ свѣдѣній о Россіи, изд. Д. В. стр. 68, 81.

пятаго, Игоря, то въ лѣтописяхъ встрѣчаемъ затрудненіе. Въ Пушкинскомъ и Кёнигсбергскомъ спискѣ не упоминается объ немъ, когда говорится о предсмертномъ распоряженіи Ярослава I го; въ Троицкомъ спискѣ другою рукою написано внизу: „а Игорю Володимерь [1].“ На этомъ основаніи Карамзинъ [2] внесъ въ текстъ, что Игорь, обдѣленный отцемъ, получилъ отъ старшаго брата, въ *частный* удѣлъ, городъ Владиміръ. Въ самомъ дѣлѣ сыновья Изяслава считали Владиміръ Волынскій своею отчиною; Святополкъ, сбираясь отнять у Ростиславичей ихъ волость, говорилъ: „се есть власть отца моего и брата [3].“ Но если такъ, то по какой же причинѣ Игорь былъ обдѣленъ? Игорь во время смерти Ярослава не былъ малолѣтенъ; онъ родился, по Татищеву [4], въ 1036 году, слѣд. въ 1054 г. имѣлъ 18 лѣтъ. Если бы даже кто не захотѣлъ вѣрить свидѣтельству Татищева, то извѣстно, что Игорь, умершій черезъ 6 лѣтъ, въ 1060 году, былъ уже женатъ, и оставилъ двоихъ сыновей, слѣд. 6 лѣтъ назадъ не могъ быть младенцемъ. Исключеніе Игоря, по нашему мнѣнію, можетъ объясниться только слѣдующимъ образомъ: Ярославъ, при жизни своей разослалъ сыновей по разнымъ областямъ: Изяслава въ Новгородъ, Святослава въ Черниговъ, Всеволода въ Пе-

---

[1] Карамз. т. II, примѣч. 50.
[2] т. II, гл. IV.
[3] Никон. II, стр. 29.
[4] II, стр. 106.

реяславль, Вячеслава въ Смоленскъ, Игорь же, какъ младшій, оставался при немъ. Какъ скоро Ярославъ умеръ, то Изяславъ сталъ княжить въ области Кіевской, остальные братья остались въ прежнихъ своихъ областяхъ, а Игорю, еще не имѣвшему волости, братья отдали Владиміръ Волынскій, точно такъ какъ по смерти Вячеслава перевели его въ Смоленскъ [1]. Игорь владѣлъ своею областію точно также, какъ другіе братья владѣли своими: различія въ способѣ владѣнія, *удѣловъ частныхъ* и какихъ нибудь другихъ еще быть въ то время не могло, ибо господствовали исключительно родовыя отношенія, а не отношенія по собственности, по зависимости; право же Изяславова потомства на Владимірскую область основывается на томъ, что послѣ перевода Игоря въ Смоленскъ и послѣ ухода Ростислава Владиміровича въ Тмутаракань, Волынская волость, какъ праздная, примкнула къ Кіевской области Изяслава. Противъ нашего мнѣнія могутъ выставить мѣсто въ лѣтописи, гдѣ говорится что Ярославъ урядилъ сыновей своихъ, уже находясь на смертномъ одрѣ [2]. Но если внимательнѣе вглядѣться въ это мѣсто, то нельзя не признать его позднѣйшимъ сочиненіемъ, именно по тѣмъ словамъ, которыя лѣтописецъ влагаетъ въ уста умирающаго князя, и которыя получили значеніе позже, во вре-

---

[1] Кёнигсб. 115. Преставись Вячеславъ, сынъ Ярославль, въ Смоленскѣ, и *посадиша* Игорь въ Смоленску, изъ Володимира выведши.

[2] Кенигсбер. 113, 114. Лавр. 69.

мя страшныхъ усобицъ между потомками Ярослава. Вотъ эти слова: „Се язъ отхожу свѣта сего, сынове мои; имѣйте въ собѣ любовь, понеже вы есте братья единаго отца и матери; да аще будете въ любви межи собою, Богъ будетъ въ васъ, и покорить вы сопротивныя подъ вы, и будете мирно живуще. Ащель будете ненавистно живуще, въ пряхъ которающеся, то погищете сами, и землю отець своихъ и дѣдъ своихъ, иже налезоша трудомъ своимъ великимъ; но пребывайте мирно, братъ брата послушающе"…. И такъ раздѣли имъ грады, заповѣдавъ имъ, не преступати предѣла братня, ни згонити.—" Эти выраженія принадлежатъ къ тѣмъ мѣстамъ въ лѣтописи, которыя встрѣчаются постоянно въ извѣстныхъ случаяхъ, такъ напр. у лѣтописцевъ есть освященныя обычаемъ выраженія для описанія свойствъ добраго князя; есть обычныя выраженія, прибавляемыя къ описанію княжескихъ которъ, народныхъ возстаній, Половецкихъ нашествій и проч. Тѣми же словами, которыя лѣтописецъ влагаетъ въ уста Ярослава, Митрополитъ Николай уговариваетъ Мономаха не воевать съ Святополкомъ [1]. Слѣдов. мы никакъ не должны принимать описаніе кончины Ярослава I-го за фактъ несомнѣнный; не говоря уже о приведенныхъ выраженіяхъ, которыя обличаютъ позднѣйшія обычныя вставки, въ самомъ описаніи событій, какъ они слѣдовали другъ

---

[1] Кёнигсб. 157. Лавр. 112,

за другомъ, есть несообразности. Въ началѣ описанія сказано: „Еще живу сущу ему (Ярославу) наряди сыны своя, рекъ имъ; „Се язъ отхожу свѣта сего“. Наряди сыны своя показываетъ, что всѣ сыновья тутъ были, но какимъ же образомъ случилось, что во время кончины В. К. подлѣ него былъ только одинъ Всеволодъ? Какимъ образомъ Изяславъ, которому умирающій князь поручаетъ старшинство и Кіевскій столъ, оставляетъ смертный одръ его и ѣдетъ въ Новгородъ? онъ не могъ думать, что отецъ еще долго проживетъ, потому что въ лѣтописи Ярославъ говоритъ: „Се язъ отхожу свѣта сего“. Вмѣстѣ съ Изяславомъ разъѣхались всѣ другіе Ярославичи кромѣ Всеволода, который и похоронилъ отца; даже не было Игоря, самаго младшаго, которому и столъ не былъ назначенъ. О Святославѣ Черниговскомъ сказано, что онъ былъ во время отцовской смерти во Владимірѣ — вѣроятно для дѣлъ ратныхъ. Изо всего видно, что лѣтописецъ желая непремѣнно заставить Ярослава сказать что-нибудь о братолюбіи, соединилъ два отдаленныя другъ отъ друга событія: разсылку сыновей по областямъ, и кончину Ярослава.

Въ одной лѣтописи XV вѣка (Синодал. Библіот. № 349, л. 227) и въ Новгород. Попа Іоанна (стр. 311) сказано, что Изяславъ взялъ себѣ Новгородъ и Кіевъ съ городами его, Святославъ Черниговъ и всю страну восточную до Мурома; а Всеволодъ Переяславль, Ростовъ, Суздаль, Бѣлозеро и Поволожье [1].

---

[1] Карамз, т. II. примѣч. 50.

Это извѣстіе справедливо касательно Мурома: Олегъ Святославичь говорилъ Изяславу Владиміровичу Мономашичу; „Иди въ волость отца своего къ Ростову, а то (Муромъ) есть волость отца моего [1].“ Бѣлоозеро же принадлежало сначала Святославу, потому что въ 1071 году мы видимъ тамъ его данщиковъ [2]. Къ областямъ Святославовымъ причисленъ былъ также Тмутораканъ. Ростовъ не вдругъ достался Всеволоду: Ярославичи отдали его сперва племяннику своему Ростиславу Владиміровичу, котораго послѣ однако, по смерти Вячеслава и перемѣщеніи Игоря въ Смоленскъ, перевели во Владиміръ Волынскій. Объ этомъ говоритъ одинъ Татищевъ [3]; но мы имѣемъ полное право принять его извѣстіе, основываясь во 1) на томъ, что хотя въ нѣкоторыхъ спискахъ лѣтописи и находится, что Ростиславъ убѣжалъ въ Тмутораканъ изъ Новгорода, за то въ другихъ не означено вовсе мѣста, откуда убѣжалъ. 2) По смерти Ростислава, дѣти его живутъ во Владимірѣ Волынскомъ: лѣтописецъ указываетъ намъ ихъ тамъ. 3) Ростиславичи питаютъ непримиримую вражду къ Ярополку Изяславичу: эту вражду можно объяснить только тѣмъ, что они видѣли въ немъ похитителя своего наслѣдія. 4) Вражда Ростиславичей, Давида Игоревича и Святополка Изяславича можетъ быть объ-

---

[1] Кёнигсб. стр. 147.

[2] Соф. врем. I. стр. 164.

[3] II. 117.

яснена только тѣмъ, что всѣ эти князья считали себя въ правѣ владѣть Владимірскою областію.

При распорядкѣ между сыновьями Ярослава I-го необходимо обратить вниманіе еще на одно обстоятельство. Между князьями древней Руси существовало мнѣніе, что Днѣпромъ Русскія области раздѣляются на двѣ половины такъ, что та линія рода Ярославова, которой достанется восточная половина, не имѣетъ уже права на западную сторону. Это мнѣніе основывалось на томъ, что такъ были раздѣлены Русскія владѣнія между Ярославомъ I-мъ и братомъ его, Мстиславомъ Тмутораканскимъ, хотя Мономаховичи, утвердившіеся на западной сторонѣ, ограничивали Святославово потомство одною стороною восточною на основаніи Ярославова [1] ряда; но во 1-хъ) мы знаемъ, какъ вѣ-

---

[1] Ипатьев. 100: „Вниде Ярославъ въ Кыевъ, и сѣде на столѣ дѣда своего и отца своего. Святославъ же нача слати къ Ярославу съ жалобою, река ему: „на чѣмъ еси цѣловалъ крестъ, а помяни первый рядъ: реклъ бо еси, оже я сяду въ Кіевѣ, то я тебе надѣлю, пакы ли ты сядеши въ Кыевѣ, то ты мене надѣли; нынѣ же ты сѣлъ еси, праволи, криволи—надѣли же мене.“ Онъ же нача ему молвити: „Чему тобѣ наша отчина? Тобѣ си сторона не надобѣ.“ Святославъ же нача ему молвити: „Я не Угринъ, ни Ляхъ, но одиного дѣда есми внуци, а колко тобѣ до него, толко и мнѣ; аще не стоишь въ первомъ ряду, а воленъ еси.“ Стр. 146: Сослався Рюрикъ со Всеволодомъ, сватомъ своимъ, и съ братомъ своимъ Давыдомъ, послаша мужи своя къ Ярославу, и ко всимъ Олговичемъ, рекше ему: „цѣлуй къ намъ крестъ со всею

рить завѣщаніямъ Ярослава I го, во 2) если бы даже всѣ слова, которыя лѣтописецъ влагаетъ въ уста Ярославу, точно принадлежали этому князю, то они то именно и противорѣчатъ означенному мнѣнію, ибо Ярославъ говоритъ, что Всеволодъ долженъ наслѣдовать Кіевской столъ по братьяхъ т. е. послѣ Изяслава и Святослава: „Аще ти подастъ Богъ пріяти власть стола моего *по братьи своей* со правдою, а не насильствомъ;", [1] въ 3) если бы владѣніе восточною Черниговo-Тмутораканскою стороною исключало изъ владѣнія западною стороною, въ такомъ случаѣ и потомство Всеволода, по завѣщанію Ярослава, также исключалось изъ владѣнія Кіевомъ, ибо Всеволоду назначена была отцемъ область также на восточной сторонѣ Днѣпра—Переяславль.

Такъ владѣло Русскими областями Ярославово потомство. Но еще былъ живъ одинъ изъ сыновей

своею братьею, како вы не искати отцины нашея Кыева и Смоленьска, подъ нами, и подъ нашими дѣтми, и подъ всимъ нашимъ Володимеримъ племенемъ: како насъ раздѣлилъ дѣдъ нашъ Ярославъ по Днѣпръ, а Кыевъ вы не надобѣ." И Олговичи же сдумавше и пожалиша себе, рекше ко Всеволоду: „ажь ны еси вмѣнилъ Кыевъ, то же ны его блюсти подъ тобою и подъ сватомъ твоимъ Рюрикомъ, то въ томъ стоимъ; ажь ны лишитися его велишь отъинудь, то мы есмы не Угре, ни Ляхове, но одиного дѣда есми внуци, при вашемъ животѣ не ищемъ его, ажь по васъ, кому Богъ дастъ."

[1] Кёнигсб. 133, Лавр. 92. Здѣсь ясно видно позднѣйшее сочиненіе, когда уже одинъ изъ Ярославичей овладѣлъ Кіевомъ насильствомъ.

св. Владиміра, несчастный Судиславъ, заключенный въ темницу братомъ Ярославомъ. Племянники освободили всѣми забытаго и потому неопаснаго старика, взявши однако съ него клятву не затѣвать ничего для нихъ предосудительнаго. Судиславъ воспользовался своею свободою для того только, чтобъ принять монашество, послѣ чего скоро и умеръ [1].

[1] Кёнигсб. 115. Лавр. 70.

ГЛАВА IV-я.

Отношенія между Русскими князьями отъ смерти Ярослава I-го до смерти Мстислава I-го Владиміровича Мономашича.

Въ 10-й годъ Изяславова старшинства (1064) Ростиславъ Владиміровичь, лишенный надежды на старшинство преждевременною смертію отца, и обязанный кормиться тою волостію, какую дадутъ ему дядья изъ милости, покинулъ семейство во Владимірѣ Волынскомъ, и удалился въ Тмутораканъ:[1]

---

[1] Лавр. 70: Бѣжа Ростиславъ Тмутараканю, сынъ Володимирь, внукъ Ярославль, и съ нимъ бѣжа Порѣи и Вышата, сынъ Остромирь воеводы Новгородьскаго. Кенигс. 106: Бѣжа Ростиславъ Тмутороканю. Соф. врем. I, 158; Бѣжа Ростиславъ Тмутороканю, сынъ Володимерь, внукъ Ярославль, и съ нимъ бѣжа Порѣи Вышата, сынъ Остромирь, воеводы Новгородьского. Въ Воскр, I, 191, также нѣтъ, откуда бѣжалъ; но такъ какъ во всѣхъ спискахъ помѣщено, что съ Ростиславомъ бѣжалъ Вышата сынъ воеводы Новгородскаго, то въ нѣкоторыхъ прибавлено: изъ Новгорода, см. Никон. 1, 152. Но любопытно, что въ Новгородской лѣтописи нѣтъ извѣстія о бѣгствѣ Ростислава изъ Новгорода. Татищ. 11, 117: Ростиславъ, сынъ Владиміровъ, внукъ Ярославль, которому по смер-

здѣсь на отдаленномъ застепномъ приморьѣ, окруженномъ разными варварскими народами, былъ самый удобный притонъ варяжничеству; сюда стремились всѣ тѣ, которымъ почему-нибудь было тѣсно въ обществѣ, здѣсь изъ разноплеменныхъ пришлецовъ составлялись дружины, готовыя на всѣ возможные подвиги подъ знаменами перваго искателя приключеній: здѣсь же надѣялся и Ростиславъ собрать многочисленную и отважную дружину, съ которою еслибъ и не могъ возвратить утраченное старшинство, то, по крайней мѣрѣ, могъ быть независимъ отъ произвола дядей. Въ Тмутораканп, зависѣвшемъ, какъ мы видѣли, отъ Чернигова, княжилъ сынъ Черниговскаго князя, ГлѣбъСвятославичь. Ростиславъ вытѣснилъ его оттуда, потомъ впустилъ опять, не желая сражаться съ дядею Святославомъ, пришедшимъ возстановить сына на столѣ, но какъ скоро Святославъ удалился, Ростиславъ снова выгналъ Глѣба, утвердился въ Тмуторокани и сталъ ужасомъ сосѣдей [1]. Лукавый Грекъ,

ти отцовой данъ былъ во владѣніе Ростовъ и Суздаль, а по смерти Игоря переведенъ дядьями во Владимиръ на Волынь, и не хотя тѣмъ доволенъ быть, пришедъ взялъ Тмутараканъ, а Глѣба сына Святославова выгналъ, съ нимъ же были Порей и Вышата дѣти Стромилы Новогородскаго.

[1] Лавр. 71. Соф. врем. 1, 159: И пришедъ, выгна Глѣба изъ Тмуторакани, а самъ сѣде въ него мѣсто. Иде Святославъ на Ростислава, Ростиславъ же отступи кромѣ града, не убояся его, но не хотя противу стрыеви своему оружіе взяти; Святославъ же пришедъ Тмутаракани, и

правитель Корсуня не усумнился злодѣйствомъ избавиться отъ храбраго Варяга: онъ отравилъ Ростислава [1].

Но когда восточнымъ областямъ Русскимъ нечего уже было опасаться вторженія отъ исключеннаго изъ старшинства князя, области западныя терпѣли отъ другаго подобнаго же князя, именно отъ Всеслава Полоцкаго. Всеславъ наслѣдовалъ отъ отца ненависть къ потомству Ярослава [2]. Въ 1067 году

посади сына своего Глѣба, и възвратися опять. Ростиславъ же пришедъ паки выгна Глѣба, а самъ сѣде Тмутаракани; и прииде Глѣбъ къ отцу своему.

[1] Лавр. 71. Соф. врем. 1, 159: Ростиславу сущу въ Тмуторокани, и емлюще дань у Касогъ и иныхъ странъ, сего убояшася Греци и проч. Татищ. II, 119: Княгиня же его (Ростиславова) увѣдавъ о семъ (слѣд. оставалась во Владимірѣ или, покрайней мѣрѣ, не была вмѣстѣ съ мужемъ), хотѣла и съ дѣтьми въ Венгры къ отцу отъѣхать: но Изяславъ В. Князь дѣтей ей не далъ, а самой ѣхать не воспретилъ."—Вотъ почему Ростиславичи послѣ говорили Святополку Изяславичу: „По смерти отца нашего мы хотя малы осталися, но отецъ твой и Святославъ, помня свою къ отцу нашему роту, Владиміра у насъ не отнимали." Татищ. II, 189.

[2] (Лѣтописецъ) Кениг. 185, 186) приписываетъ эту ненависть тому, что Изяславъ былъ выдѣленъ отцемъ, почему онъ и потомство его потеряло право на общую родовую собственность, доставшуюся Ярославичамъ: „Володиміръ же устрои городъ и да има (Рогнѣдѣ съ Изяславомъ), и нарече имя граду тому Изяславль, и оттолѣ мечь взимають Роговоложи внуцы противу Ярославлимъ внукомъ." Здѣсь не льзя думать, что Изяславичи Полоцкіе ненавидѣли Ярославичей, мстя за дѣда своего Рогволода и мать,

онъ явился во владѣніяхъ послѣдняго, пожегъ и и разграбилъ Новгородъ, не пощадилъ даже и святыни [1]. Соединенные Ярославичи отплатили Всеславу страшнымъ опустошеніемъ его собственныхъ владѣній и пораженіемъ его самаго на берегахъ Нѣмизы или Нѣмана, котораго берега прослыли отъ того кровавыми въ народѣ [2]. Желая избавиться и отъ другаго исключеннаго князя, Ярославичи, подобно Греческому правителю Корсуня, прибѣгли также къ лукавству: они призвали къ себѣ Всеслава подъ клятвою не дѣлать ему никакого зла, нарушили эту клятву, схватили довѣрчиваго князя, отвезли въ Кіевъ и заключили въ темницу [3]. Но коварство не помогло: исключенные князья множились все болѣе и болѣе. По смерти Вячеслава Смоленскаго и переведеннаго на его мѣсто Игоря остались сыновья, которые не могли быть сонаслѣдниками съ дядьями, и потому должны были оружіемъ отыскивать владѣній на Руси. Скоро на помощь обдѣленнымъ князьямъ является дикая орда кочевниковъ, которая вписала имя свое въ нашихъ лѣтописяхъ тѣмъ, что участвовала во всѣхъ усобицахъ Русской земли, опус-

---

потому что и Ярославъ былъ также отъ Рогнѣды, слѣд. Ярославичи также внуки Рогволодовы.

[1] Новгор. перв. стр. 2: Приде Всеславъ и възя Новгородъ, съ женами и съ дѣтьми; и колоколы съима у святыя Софіѣ. о велика бяше бѣда въ часъ тыи! и понекадила съима.

[2] См. Слово о Полку Игоревѣ. Кёнигсб. стр. 117. Лавр. 72.

[3] Кёнигсб. стр. 117 и 118. Лавр. 72.

тощая се подъ знаменами враждующихъ князей: я говорю о Половцахъ. Этотъ бичь Божій за грѣхи народа, по выраженію лѣтописца, [1] явился въ Русскихъ предѣлахъ еще въ 1055 году. Тогда Всеволодъ Переяславскій вѣроятно дарами успѣлъ отвратить ихъ отъ своей области, [2] но не надолго: въ 1060 они явились снова, разбили Всеволода, опустошили страну; [3] въ 1068 Ярославичи должны были соединить свои полки для отраженія варваровъ. Но недавнее клятвопреступленіе противъ Всеслава требовало казни, говоритъ лѣтописецъ, [4] и Ярославичи были на голову разбиты Половцами на Альтѣ. Изяславъ явился бѣглецомъ въ Кіевѣ, къ ужасу и негодованію гражданъ, которые считали обязанностію добраго князя умирать за людей, ввѣрившихся его защитѣ. Собралось вѣче: рѣшили идти просить у князя оружія и коней, чтобъ выступить одним противъ враговъ. Согласиться на такое требованіе значило отказаться отъ главной своей обязанности и вмѣстѣ съ тѣмъ, слѣд., отъ своихъ правъ, потерять свое значеніе. Изяславъ, послѣ долгихъ споровъ съ Кіевлянами, отвергъ ихъ просьбу. Тогда народъ рѣшился добыть себѣ князя, который бы могъ защи-

[1] Ипатьев. стр. 119, 133: Себо на ны Богъ попусти поганыхъ, и не яко милуя ихъ, но насъ кажа; се бо есть батогъ его.
[2] Кёнигсб. стр. 115.
[3] Тамъ же.
[4] Соф. врем. I, 162.

щать его, и что предвидѣли нѣкоторые изъ думцевъ Изяславовыхъ, то исполнилось: народъ освободилъ Всеслава изъ темницы и провозгласилъ его княземъ. Изяславъ не смѣлъ отважиться на борьбу съ соперникомъ и убѣжалъ въ Польшу. Сокровища казны его были разграблены ожесточеннымъ народомъ.[1] Такимъ образомъ, чего князь Полоцкій не могъ никакъ достигнуть, будучи свободнымъ, того достигъ онъ, сидя въ заключеніи: „дотронулся копьемъ до золотаго стола Кіевскаго, и разшибъ славу Ярослава.[2]" Но не надолго. Ярославичи не могли равнодушно видѣть Изяславова внука на старшемъ столѣ. Святославу Черниговскому удалось разбить Половцевъ и выгнать ихъ изъ предѣловъ своего княжества, а между тѣмъ Изяславъ приближался съ Польскими полками. Всеславъ вышелъ-было къ нему на встрѣчу, къ Бѣлграду, но видѣлъ ясно, что ему нельзя съ одними Кіевлянами бороться противъ Ярославича и Болеслава Польскаго, и потому ночью тайно, оставя станъ Кіевлянъ, бѣжалъ въ свою отчину— Полоцкъ. Въ такой крайности, покинутые княземъ, Кіевляне созываютъ вѣче: рѣшено было звать на помощь Ярославичей—Святослава и Всеволода съ угрозою, что если братья не пойдутъ, то граждане въ отчаяніи зажгутъ городъ и уйдутъ въ Грецію. Ярославичи обѣщали вооружиться противъ старшаго бра-

---

[1] Кенигсб. стр. 118, 119.
[2] Слово о полку Игоревѣ.

та, если онъ вздумаетъ съ Ляхами сгубить стольный городъ отцовскій, и въ самомъ дѣлѣ послали сказать Изяславу, что ему не для чего болѣе идти съ войскомъ противъ Кіева, что противникъ его Всеславъ бѣжалъ, и что они не допустятъ поступить дурно съ Кіевлянами. Изяславъ не захотѣлъ вооружить противъ себя братьевъ, и потому взявъ съ собою Болеслава и малый отрядъ Поляковъ, пошелъ мирно къ Кіеву. Граждане послѣдняго были успокоены заступничествомъ младшихъ Ярославичей, но Изяславъ отказался не вполнѣ отъ мести. Прежде него пріѣхалъ въ Кіевъ сынъ его Мстиславъ: главные вѣчники, виновники освобожденія Всеславова были убиты, другіе ослѣплены, вмѣстѣ съ виновными погибло много невинныхъ. Народъ молчалъ и съ поклономъ принялъ стараго князя. Болеславъ Смѣлый, по примѣру одноименнаго прадѣда своего, загостился въ богатомъ Кіевѣ, и Русскіе принуждены были тайнымъ убійствомъ отдѣлываться отъ его воиновъ, разведенныхъ на кормленія: тогда Болеславъ долженъ былъ поспѣшить уходомъ въ свою землю [1].

Освободившись отъ Поляковъ, Изяславъ не показалъ себя такимъ незлобивымъ, какимъ величаетъ его лѣтописецъ. [2] Онъ пошелъ на Всеслава, выгналъ его изъ отцовской области, которую отдалъ сперва

---

[1] Кёнигсб. стр. 119, 120, 121.
[2] Тамъ же, стр. 126, 127.

сыну своему Мстиславу, а по смерти его другому сыну, Святополку. Но изгнанный Всеславъ, за которымъ въ потомствѣ осталась слава необыкновенной быстроты, съ какою перелеталъ онъ изъ одной области въ другую,[1] не думалъ поддаваться Ярославичамъ: онъ явился внезапно предъ Новгородомъ, былъ отраженъ тамошнимъ княземъ Глѣбомъ Святославичемъ, но успѣлъ выгнать Святополка изъ Полоцка, хотя и былъ, въ томъ же году, разбитъ другимъ Изяславичемъ, Ярополкомъ[2].

Посылая противъ Всеслава сыновей своихъ, Изяславъ преслѣдовалъ въ Кіевѣ его бывшихъ приверженцевъ, дѣйствительныхъ или мнимыхъ. Эти люди находили убѣжище въ Черниговѣ у Святослава. Такъ Св. Антоній, основатель Печерской обители, подвергнувшійся гнѣву В. Князя, какъ пріятель Всеслава, былъ ночью взятъ и скрытъ въ Черниговѣ Святославомъ. Если бы даже Святославъ сдѣлалъ это

---

[1] Слово о полку Игоревѣ.

[2] Кёнигсб. стр. 121. Новгород. перв. стр. 2. Опять приде Всеславъ къ Новгороду; Новгородци же поставиша пълкъ противу ихъ, у Зверинця, на Къземли, и пособи Богъ Глѣбу князю съ Новгородци. — Какимъ образомъ Глѣбъ Святославичь попалъ въ Новгородъ? Карамзинъ (II, примѣч. 118) на основаніи лѣтописи XV в. (въ Синодал. библіот. N 349), гдѣ сказано: „въ Новгородѣ Изяславъ посади сына своего, Мьстислава и побѣдиша и на Черехѣ, и бѣжа къ Кыеву, и по взятіи града преста рать,“ догадывается,

единственно изъ любви и уваженія къ св. мужу, то Изяславъ, съ своей стороны, не могъ не оскорбиться пріязнію брата къ человѣку, въ которомъ онъ видѣлъ врага своего. Какъ бы то ни было, несомнѣнно только то, что между братьями началась распря [1], и что Изяславъ вздумалъ наконецъ вступить въ мирныя сношенія съ княземъ Полоцкимъ, ибо Святославъ, уговаривая Всеволода вооружиться на Изяслава, могъ перецначить смыслъ сношеній Кіевскаго князя со Всеславомъ, но не могъ выдумать факта [2]. Имѣемъ право заключить также, изъ приведеннаго случая съ св. Антоніемъ, что Изяславъ принужденъ былъ вступить въ связь съ непримиримымъ врагомъ своимъ, видя недоброжелательство со стороны брата.

что Мстиславъ, будучи побѣжденъ Всеславомъ, ушелъ въ Кіевъ; и точно мы видимъ его на югѣ: онъ раздѣляетъ изгнаніе отца, его Изяславъ посылаетъ прежде себя для наказанія Кіевскихъ возмутителей. Вѣроятно, Изяславъ послѣ этого уступилъ такое отдаленное и опасное владѣніе Святославу, который и послалъ туда своего сына Глѣба, лишеннаго Тмутаракани.

[1] Кенигсб. 122: Воздвиже дьяволъ котору въ братьи сей Ярославичехъ, бывши распри межи ими.

[2] Тамъ же 122, 123: Святославъ же бѣ начало выгнанію Изяславлю, желая большія власти; Всеволода бо прельсти, глаголя: „Яко Изяславъ сватается со Всеславомъ, мысля на него; аще его не важиве, имать насъ прогнати, и такъ возостри Всеволода на Изяслава.“ Вообще мы должны съ большою осторожностію вѣрить обвиненіямъ лѣтописца на Святослава, ибо намъ извѣстно, какую вражду питали Кіевляне къ его роду, и какую любовь къ роду Всеволода.

Святославъ, съ своей стороны, видѣлъ въ такомъ страшномъ сближеніи явно враждебное для себя намѣреніе, и уговорилъ младшаго брата Всеволода предупредить его. Изяславъ былъ вторично изгнанъ изъ Кіева, на этотъ разъ уже родными братьями, изъ которыхъ старшій, Святославъ сѣлъ на главномъ столѣ въ Кіевѣ.

Изгнанникъ Изяславъ съ семействомъ опять отправился въ Польшу. Онъ предвидѣлъ, что не найдетъ уже въ Болеславѣ помощника, и потому надѣялся единственно на сокровища, вывезенныя имъ изъ Кіева; но Поляки, взявши у него бо́льшую часть этихъ сокровищъ, показали ему путь отъ себя, по выраженію лѣтописца [1]. Тогда осмѣянный Изяславъ принужденъ былъ обратиться къ верховному повелителю Польши, Римско-Германскому Императору, и призналъ себя данникомъ Имперіи [2]. Но Генрихъ IV не могъ думать объ утвержденіи своей власти на Востокѣ Европы, потому что на Западѣ встрѣтилъ себѣ противника, который хотѣлъ подѣлить съ нимъ владычество. Генрихъ могъ только отправить къ

---

[1] Кенигсб. 123. Изяславъ же иде въ Ляхи со имѣніемъ многимъ, глаголя: „яко симъ налѣзу воя" еже все взяша Ляхове у него, и показаша ему путь отъ себя. — Что Ляхи взяли не все, доказываютъ дары, поднесенные Изяславомъ Императору; что взяли однако, доказываетъ письмо Папы къ королю.

[2] Карамз. II, примѣч. 128.

Кіевскому князю посольство съ требованіемъ возвратить престолъ Изяславу и съ угрозою, что, въ случаѣ отказа, похититель испытаетъ силу Нѣмецкихъ полковъ. Послы возвратились къ своему Государю съ богатѣйшими дарами, какихъ никогда не видывалъ дворъ Нѣмецкій [1]: послѣ того можно ли было ссориться съ такимъ богатымъ и щедрымъ княземъ! Нашъ лѣтописецъ говоритъ, что Святославъ, желая произвесть сильное впечатлѣніе на Императорскихъ пословъ, велѣлъ показать имъ свою казну, какой не могли они видѣть на Западѣ. При этомъ лѣтописецъ вложилъ въ уста пословъ слова, приписанныя прежде Св. Владиміру: „храбрая дружина лучше мертваго богатства, съ нею можно пріобрѣсть и больше этого [2].“ Лѣтописецъ прибавляетъ [3], что богатство Святослава, подобно богатству Езекіи, разсыпалось розно по смерти владѣльца. Изъ этихъ словъ лѣтописи можно усмотрѣть, съ какимъ негодованіемъ смотрѣли современники и ближайшіе потомки на пове-

---

[1] Карамз. II, примѣч. 129.

[2] Кенигсб. 123. Прійдоша послы изъ Нѣмецъ ко Святославу; Святославъ же величащася показа имъ богатство свое; они же видѣвше безчисленное множество злата и сребра, и паволоки, и рѣша: „Се ни вочтоже есть, лежить бо мертво; сего суть кметіе лучше, мужи бо ся доищутъ и больши сего.“

Никон. I, 173: Сице ся похвали Иезекій Царь Июдейскій Навходносору Царю Асирийску, его же вся взята бывша въ Вавилонъ; тако и по его смерти вся имѣнія разсыпашась розно.

деніе старшихъ Ярославовыхъ сыновей, которые не слѣдовали примѣру дѣда и копили сокровища, полагая на нихъ всю надежду [1], тогда какъ настоящій, добрый князь, по господствовавшему тогда мнѣнію, не долженъ былъ ни чего скрывать для себя, но все раздавать дружинѣ, при помощи которой онъ никогда не могъ имѣть недостатка въ сокровищахъ [2].

Изяславъ, не получивъ успѣха при дворѣ Императорскомъ, принужденъ былъ обратиться къ другому владыкѣ Запада, Папѣ Григорію VII. Изяславъ послалъ въ Римъ одного изъ сыновей своихъ, который просилъ Папу утвердить его самаго на престолѣ властію св. Петра, увѣряя, что имѣетъ на то родительское согласіе. [3] Это извѣстіе, что сынъ Изя-

---

[1] Сравни прежнія слова лѣтописи объ Изяславѣ: Изяславъ же иде въ Ляхи со имѣніемъ многимъ, глаголя „яко симъ налѣзу воя.“

[2] См. общую формулу для похвалы добрымъ князьямъ въ статьѣ: „о правыхъ и обычаяхъ въ древней Руси“, въ Чтеніяхъ Императорскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ 1846 г. N 1.

[3] Письмо папы Григорія VII къ Изяславу, въ Актахъ, собранныхъ Тургеневымъ, т. I, N 1: Filius vester limina Apostolorum visitans ad nos venit, et quod regnum illud dono Sancti Petri per manus nostras vellet obtinere, eidem beato Petro Apostolorum principi debita fidelitate exhibita, devotis precibus postulavit, indubitanter asservans illam suam petitionem vestro consensu ratam fore, ac stabilem, si apostolicae autoritatis gratia ac munimine donaretur. Cujus votis et petitionibus, quia justa videbantur, tum ex consensu vestro, tum ex devotione poscentis tandem assensum praebuimus, et regni vestri gubernacula sibi ex par-

слава просилъ княженія для себя, а не для отца, можно объяснить только такимъ образомъ, что Изяславъ, отчаявшись самъ возвратить себѣ престолъ, просилъ папу употребить стараніе, чтобъ по крайней мѣрѣ потомство его не было исключено изъ родоваго наслѣдства, и не осталось вѣкъ въ изгнаніи на чужой сторонѣ. Въ письмѣ Папа говоритъ также что дальнѣйшіе переговоры Изяславъ можетъ вести устно съ подателями письма. Какія были слѣдствія этихъ переговоровъ—неизвѣстно. Григорій писалъ так-

---

te beati Petri tradidimus, ea videlicet intentione atque desiderio charitatis, ut beatus Petrus, vos et regnum vestrum omniaque vestra bona sua apud Deum intercessione custodiat, et cum omni pace, honore quoque et gloria idem regnum usque in finem vitae vestrae tenere vos faciat, et hujus militiae finito cursu, impetret vobis apud supremum regem gloriam sempiternam. Quin etiam nos paratissimos esse, noverit vestrae nobilitatis serenitas, et ad quaecumque justa negotia hujus sedis autoritatem pro sua necessitate petierit, proculdubio continuo petitionum suarum consequetur effectum. Praeterea ut haec et alia multa quae litteris non continentur cordibus vestris arctius infigantur, missimus hos nuncios nostros quorum unus vester notus est et fidus amicus, qui et ea quae litteris sunt, diligenter vobis exponent, et quae minus sunt viva voce explebunt. Quibus pro reverentia beati Petri, cujus legati sunt, vos mites et affabiles praebeatis, et quicquid vobis dixerint ex parte nostra patienter audiatis, atque indubitanter credatis, et quae ibi ex autoritate apostolicae sedis negocia tractare voluerint et statuere nullorum malo ingenio turbare permittatis, sed potius eos sincera charitate favendo juvetis. Omni potens Deus mentes vestros illuminet, atque per temporalia bona faciat vos transire ad gloriam sempiternam. Data Romae quintodecimo Kalendas Maij indictione tertia decima (1075).

же и къ Болеславу Польскому съ увѣщаніемъ отдать сокровища, взятыя у Изяслава. [1] Вѣроятно и это письмо не произвело никакого дѣйствія: Болеславъ былъ въ союзѣ съ Святославомъ, и въ 1076 году молодые князья Олегъ Святославичь и Владиміръ Всеволодовичь ходили на помощь Полякамъ и воевали Чеховъ [2]. Но въ томъ же году умеръ Святославъ въ Кіевѣ, а между тѣмъ Изяславъ явился въ предѣлахъ Руси съ Польскими войсками. Какимъ образомъ Поляки опять стали союзниками Изяслава? Одно только извѣстіе, находящееся у Татищева [3], проливаетъ нѣсколько свѣта на это событіе: здѣсь сказано, что Олегъ и Владиміръ во время похода своего на помощь Болеславу, узнавъ, что послѣдній примирился съ Чехами и идетъ на Пруссовъ и Поморянъ, не захотѣли за нимъ туда слѣдовать, но пошли одни на Вратислава Чешскаго и заключили съ нимъ выгодный миръ, что оскорбило Поляковъ. Вѣроятно, этотъ поступокъ молодыхъ князей раздражилъ Болеслава, который потому и рѣшился помочь Изяславу противъ братьевъ. Всеволодъ не захотѣлъ сражаться съ Изяславомъ и уступилъ ему старшій столъ, оставивъ за собою Черниговъ, какъ было при Святославѣ [4].

---

[1] Тамъ же, N 2.
[2] Союзъ былъ заключенъ Мономахомъ, см. Лавр. стр. 103. О походѣ см. тамъ же, равно Кенигсб. 123.
[3] II, 130.
[4] Послѣ вторичнаго изгнанія Изяслава, Всеволодъ получилъ

Мы видѣли, что преждевременная смерть троихъ Ярославичей — Владиміра, Вячеслава и Игоря оставила сыновей ихъ безъ волостей на волю старшихъ, которые не хотѣли признать ихъ сонаслѣдниками съ собою. Одинъ изъ такихъ князей, Борисъ Вячеславичь, узнавъ что В. К. Святославъ умеръ, а Всеволодъ выступилъ противъ Изяслава, вздумалъ воспользоваться раздоромъ дядей, и занялъ Черниговъ; но сидѣлъ тамъ только 8 дней, былъ выгнанъ Мономахомъ [1] и бѣжалъ въ Тмуторакань, гдѣ по смерти Ростислава Владиміровича княжилъ Романъ Святославичь. Послѣдній принялъ Бориса, но за нимъ долженъ былъ принять и родныхъ братьевъ, потому что мстительный Изяславъ не хотѣлъ дать удѣловъ Святославичамъ. Глѣбъ былъ изгнанъ дядею изъ Новгорода, [2] Олегъ изъ Владиміра; [3] хотѣлось

Черниговъ; такъ слѣдовало потому, что Черниговъ былъ старшимъ столомъ послѣ Кіева (см. Степен. кн. I, 235.) и Святославъ, занявъ послѣдній, долженъ былъ отдать Черниговъ старшему по себѣ; слѣд. нѣтъ никакого основанія отвергать извѣстіе Татищева объ этомъ. II, 127.

[1] Что былъ выгнанъ Мономахомъ говоритъ одинъ Татищевъ (II, 131). Но кѣмъ же другимъ? Татищевъ называетъ Бориса Святославичемъ: здѣсь онъ введенъ въ заблужденіе нѣкоторыми списками лѣтописи; изъ дошедшихъ до насъ эта ошибка находится въ Софійскомъ стр. 137. Гдѣ былъ прежде Борисъ, лѣтописи не говорятъ, одинъ Татищевъ говоритъ, что въ Вышградѣ. II, 127.

[2] См. мое изслѣдованіе „ Объ отношеніяхъ Новгорода къ В. Князьямъ, примѣч. 105.

[3] Лавр. 103: и Олегъ приде (въ Черниговъ) изъ Володимеря выведенъ.

изгнать и Всеслава Полоцкаго, но не удалось. [1] Вытѣснивъ племянниковъ, Изяславъ и Всеволодъ роздали своимъ сыновьямъ области: Святополку Изяславичу отдали Новгородъ, брату его Ярополку Вышгородъ, а Всеволодову сыну Владиміру Смоленскъ. [2]

Изгнанный изъ Новгорода Глѣбъ Святославичь погибъ далеко на Сѣверѣ; братъ его Олегъ не захотѣлъ жить въ отцовскомъ стольномъ городѣ *изгоемъ* и ѣсть хлѣбъ дяди Всеволода, котораго считалъ похитителемъ своей отчины [3]: онъ ушелъ въ Тмутораканъ къ родному брату Роману и двоюродному Борису Вячеславичу. Тмутораканъ наполнялась изгнанниками, Русь не могла быть спокойна. Въ 1078 году Олегъ и Борисъ явились въ Руси съ Половцами и выгнали Всеволода изъ Чернигова. Обоимъ Ярославичамъ грозило изгнаніе: они совокупили свои силы и выступили противъ обдѣленныхъ князей. На Нѣжатиной Нивѣ, близъ Чернигова, встрѣтились дяди съ племянниками: въ страшной битвѣ Изяславъ Кіевскій со стороны дядей, и Борисъ Вячеславичь со стороны племянниковъ, пали, но побѣда осталась за старшими: Олегъ долженъ былъ опять бѣжать въ Тмутораканъ, Всеволодъ остался В. Княземъ на Руси [4].

---

[1] Всеславъ опять приступалъ къ Новгороду тотчасъ по смерти Святослава. См. Духов. Мономаха 32, 33.
[2] Кенигсб. 124.
[3] Духов. Моном. 33. Кенигсб. 124.
[4] Кенигсб. 124, 125, 126.

Такъ первый изъ Ярославичей погибъ уже въ слѣдствіе усобицы, въ слѣдствіе стремленія старшихъ членовъ рода исключить младшихъ изъ владѣнія родовою собственностію, въ слѣдствіе вышеприведеннаго обычая, что племянники не могутъ быть сонаслѣдниками съ дядьми своими. Но послѣдній обычай имѣлъ ли силу относительно Святославичей, которыхъ отецъ умеръ, будучи старшимъ въ родѣ? На это можно отвѣчать, что Святославъ захватилъ старшинство не по праву, при жизни старшаго брата, и въ такомъ случаѣ Святославичи подходили подъ обычай, осуждавшій племянниковъ на исключеніе. Но Изяславъ былъ изгнанъ Святославомъ и Всеволодомъ вмѣстѣ, слѣд. съ согласія всѣхъ старшихъ членовъ рода, за то, что не умѣлъ блюсти его выгоды, сносясь со Всеславомъ Полоцкимъ, и если Изяславъ гналъ Святославичей по личной враждѣ, то Всеволодъ уже не имѣлъ ни какого права исключать ихъ, ибо, обвиняя Святослава въ похищеніи старшинства, тѣмъ самымъ обвинялъ самого себя, какъ участника въ этомъ беззаконіи. И точно, въ послѣдствіи мы видимъ, что Всеволодовичи, домогаясь отнять у Святославичей право на владѣніе Кіевомъ, ни слова не говорятъ о беззаконномъ старшинствѣ Святослава, но представляютъ только завѣщаніе Ярослава I го, по которому князья восточныхъ областей не должны были вступаться въ западныя. Вотъ почему Святославичи считали себя жестоко обиженными, питали ненависть къ потомству несправедливыхъ дядей, и старались всѣми силами возвратить себѣ отцовскую

область, а при случаѣ и старшинство: „вы первые начали насъ губить,“ говорили они Мономаховичамъ [1].

Лѣтописецъ, описывая погребеніе Изяслава, высчитываетъ добродѣтели этого князя, и между прочимъ, незлобіе [2]. Благочестивый монахъ, по своимъ понятіямъ, считалъ обязанностію сказать что-нибудь хорошее объ усопшемъ (при этомъ не надобно забывать, что первое составленіе лѣтописи относятъ къ княженію сына Изяславова), тогда какъ въ другихъ устахъ похвала незлобію Изяславову могла бы показаться злою насмѣшкою. Можно ли назвать незлобивымъ князя, который позволилъ сыну своему замучить множество Кіевлянъ, даже и невинныхъ въ его изгнаніи, жестоко преслѣдовалъ Всеслава Полоцкаго, въ отношеніи къ которому самъ былъ больше виноватъ, преслѣдовалъ въ Кіевѣ людей, которыхъ подозрѣвалъ въ пріязни ко Всеславу, не уважая въ нихъ даже святости жизни, наконецъ преслѣдовалъ несчастныхъ сыновей Святослава. Что же касается до помощи, которую онъ оказалъ Всеволоду, то она была вынуждена обстоятельствами, потому что племян-

---

[1] Ипатьев. 13.

[2] Кенигсб. 126: Бѣ же Изяславъ мужъ взоромъ красенъ, тѣломъ великъ, незлобивъ нравомъ, крива ненавидя (а между тѣмъ обманомъ и клятвопреступленіемъ захватилъ Всеслава), любя правду, клюки жъ въ немъ не бѣ, ни льсти, но простъ умомъ, не воздая зла за зло; колико бо ему сотвориша Кіяне, самого выгнаша, а домъ его разграбиша, и не возда противу тому зла.

ники, выгнавъ Всеволода, непощадили бы и самаго Изяслава, который былъ противъ нихъ болѣе виновенъ, чѣмъ Всеволодъ.

Лѣтописецъ хвалитъ и третьяго изъ Ярославичей, Всеволода, которому досталось старшинство по смерти Изяславовой: онъ хвалитъ его за его правду, любовь къ духовенству, воздержаніе [1]; говоритъ, что отецъ Ярославъ любилъ его больше другихъ сыновей своихъ. Но изъ словъ того же лѣтописца видно, что старшинство было не по силамъ Всеволоду, уже престарѣлому и больному [2], особенно въ то время когда семейныя княжескія отношенія были такъ запутаны, когда было столько исключенныхъ князей, которые оружіемъ старались добыть себѣ области на Руси. Сюда присоединилось еще другое зло, слѣдствіе господства родовыхъ отношеній между князьями. Князья, перемѣщаясь изъ одной волости въ другую, съ младшаго стола на старшій, приводили съ собою свою дружину, которую, разумѣется, предпочитали дружинѣ, найденной въ новомъ княжествѣ, оставшейся послѣ прежняго князя: отсюда проистекала не-

---

[1] Лавр. 92.

[2] Тамъ же: Се же Кыевѣ княжа, быша ему печали болше, паче неже сѣдящу ему въ Переяславли. Сѣдящю бо ему Кыевѣ, печаль бысть ему отъ сыновець своихъ яко начаша ему стужати, хотя власти, овъ сея, овъ же другоѣ; се же смиривая ихъ, раздаваше волостѣ имъ. Въ сихъ печали всташа и недузи ему, приспѣваше старость къ симъ.

выгода во 1) для народа, потому что пришлецы не соблюдали интересовъ чуждой для нихъ области, и старались наживаться на счетъ граждапъ; во 2) для старыхъ бояръ, которыхъ пришлецы отстраняли отъ важныхъ должностей, отъ княжескаго расположенія, *заѣзжали* ихъ, по мѣстническому выраженію. Вотъ почему мы видимъ ненависть старыхъ дружинниковъ къ пришлецамъ, стараніе первыхъ сбыть во что бы-то ни стало послѣднихъ, а для этого единственнымъ средствомъ было завести крамолу противъ князя, и перезвать на его мѣсто другаго. Это явленіе обнаруживается очень рано, именно при Всеволодѣ, который привелъ въ Кіевъ свою дружину, набранную имъ въ Переяславлѣ и Черниговѣ. Эти пришлецы, пользуясь расположеніемъ князя, привыкшаго къ нимъ, старались отвратить его отъ первой дружины, т. е. отъ старыхъ Кіевскихъ бояръ Изяславовыхъ и, захвативъ себѣ должности, угнѣтали народъ. „И нача, говоритъ лѣтописецъ, любити смыслъ уныхъ, съвѣтъ створя съ ними; сиже начаша заводити и негодовати дружины своея первыя, и людемъ не доходити княже правды, начаша тіуни грабити, людій продавати, сему не вѣдущю въ болѣзнѣхъ своихъ [1]." Ясно, что здѣсь подъ именемъ *уныхъ* разумѣются не молодые люди, но люди новые для Кіевлянъ, пришлецы, ибо странно предположить, чтобы Всеволодъ, на старости лѣтъ, поки-

---

[1] Лавр. 93.

нулъ своихъ ровесниковъ, и прилѣпился къ юношамъ.

Всеволодъ, принявъ одинъ всю власть Русскую, по выраженію лѣтописца, [1] распорядился такъ: отдалъ Черниговъ сыну своему Владиміру; въ Новгородѣ остался Святополкъ, сынъ Изяслава; другому Изяславичу, Ярополку отдана была область Владиміро-Волынская, съ придачею Турова; столъ Переяславскій отданъ былъ Ростиславу, второму сыну Всеволодову [2]. Неизвѣстна участь Смоленска: вѣроятно онъ былъ присоединенъ къ волости Мономаха, ибо послѣдній пишетъ, что онъ ходилъ защищать его отъ нападеній Полоцкаго князя, не упоминая при этомъ ни о какомъ особомъ князѣ Смоленскомъ [3]. Въ Ростовѣ мы послѣ увидимъ молодаго Мстислава Владиміровича, слѣд. и этотъ городъ зависѣлъ отъ Мономаха. Въ Тмуторакани сидѣли двое Святославичей, Олегъ и Романъ, выжидая случая возвратиться на Русь. Гдѣ были остальные Святославичи, Давидъ и Ярославъ — извѣстные списки лѣтописи не говорятъ объ нихъ ни слова; только Татищевъ упоминаетъ объ отдаленномъ Муромѣ, какъ убѣжищѣ Святославичей [4].

---

[1] Тамъ же, 87.

[2] Такъ говорю я на томъ основаніи, что по кончинѣ Всеволода и по принятіи Кіевскаго стола Святополкомъ, въ лѣтописи сказано, что Мономахъ возвратился въ Черниговъ, а Ростиславъ въ Переяславль. Лав. 93.

[3] Лавр. 103.

[4] II. 130.

Отдача Чернигова Мономаху была дѣломъ несправедливымъ и безразсуднымъ, ибо при такомъ распоряженіи Русь никогда не могла быть спокойна отъ притязаній Святославичей. Но въ то время, какъ съ востока надобно было безпрестанно ожидать нападенія отъ изгнанниковъ Тмутораканскихъ, на западѣ область Владиміро-Волынская еще менѣе могла быть спокойна. Мы видѣли, что она была отдана Ярополку Изяславичу, но въ тоже время здѣсь жили обдѣленные князья: Ростиславичи—Рюрикъ, Володарь и Василько, и Игоревичи — Давидъ съ братомъ; всѣ они видѣли во Владимірской области свою отчину, потому что здѣсь сидѣли отцы ихъ — Ростиславъ и Игорь. Такимъ образомъ Волынь была спорною волостію между тремя линіями—Изяслава, Ростислава и Игоря. Это обстоятельство чрезвычайно важно, потому что оно объясняетъ усобицы, имѣвшія мѣсто не только въ княженіе Всеволода, но и его преемника.

Едва Всеволодъ успѣлъ взять на себя старшинство, какъ Романъ Святославичь явился въ Руси съ Половцами. В. Князь успѣлъ, вѣроятно, дарами, склонить варваровъ оставить Романа; этотъ князь, раздраженный коварствомъ Половцевъ, завелъ съ ними распрю, и былъ убитъ [1]. Въ тоже время шайка Козаровъ, окружавшая Олега, брата Романова, измѣни-

[1] Лавр. 87. Причину убійства приводитъ одинъ Татищевъ. II, 136.

ла ему и силою отправила его въ Грецію [I]. Изъ этого мы ясно видимъ, сколько разноплеменныхъ народовъ толпилось въ степномъ приморьѣ, изъ смѣшенія которыхъ съ бѣглецами Русскими образовались многочисленныя шайки, готовыя вести всякаго на Русь.

Убійствомъ Романа и изгнаніемъ Олега Тмуторакань была очищена отъ исключенныхъ князей, и Всеволодъ послалъ было туда своего посадника, [2] но не надолго. Въ 1081 году явилось туда двое другихъ обдѣленныхъ князей — Володарь Ростиславичь и Давидъ Игоревичь, [3] а въ 1083 прибылъ изъ Греціи Олегъ и выгналъ Володаря съ Давыдомъ [4]. Между тѣмъ Ростиславичи, остававшіеся на Волыни, также не хотѣли быть безъ дѣла: пользуясь отсутствіемъ Ярополка Изяславича, бывшаго въ Кіевѣ у дяди, они отняли у него столъ. В. Князь послалъ на нихъ сына своего Владиміра, который и возвратилъ Волынь Ярополку [5]. Счастливѣе Рости-

---

[1] Кенигсб. 127.

[2] Лавр. 87. Всеволодъ же посади посадника Ратибора Тмуторакани.

[3] Тамъ же: Бѣжа Игоревичь Давыдъ съ Володаремъ Ростиславичемъ, мѣсяца Мая 18 день, и придоста Тмутаракани.

[4] Тамъ же 88. Приде Олегъ изъ Грекъ Тмуторокапю, и я Давыда и Володаря Ростиславича, и сѣде Тмуторокани; и сѣче Козары, иже бѣша свѣтници на убьенье брата его и на самого, а Давыда и Володаря пусти.

[5] Тамъ же: Приходи Ярополкъ ко Всеволоду на Великъ день. Въ се же время выбѣгоста Ростиславича 2 отъ Яро-

славичей былъ Давидъ Игоревичь: онъ съ своею дружиною пробрался къ Днѣпровскому устью, въ Олешье [1] и началъ тамъ грабить купцовъ, производившихъ торговлю съ Грецiею, и потому называвшихся Гречниками. Отъ Греческой торговли зависѣло богатство и значенiе Кiева, слѣд. богатство казны великокняжеской: Всеволодъ принужденъ былъ прекратить грабежи Давида обѣщанiемъ дать волость, и точно назначилъ ему Дорогобужъ на Волыни [2]. Но этимъ несчастнымъ распоряженiемъ Всеволодъ не прекратилъ, а еще болѣе усилилъ княжескiя которы. Ярополкъ Изяславичь, князь Волынскiй, въ отдачѣ Дорогобужа Давыду видѣлъ обиду себѣ, намѣренiе Всеволода уменьшить его волость, и потому началъ злобиться на В. Князя и собирать войско. Всеволодъ хотѣлъ предупредить Изяславича, и отправилъ противъ него Мономаха. Ярополкъ испугался и ушелъ въ Польшу. Владимiръ былъ отданъ Давыду Игоревичу, а между тѣмъ Ростиславичи отняли у Поляковъ Червенскiе города, захваченные Болеславомъ II, утвердились въ нихъ, и такимъ образомъ подѣлили съ Игоревичемъ прежнюю Влади-

---

полка, и пришедше прогнаста Ярополка; и посла Всеволодъ Володимера, сына своего, и выгна Ростиславича, и посади Ярополка Володимери.

[1] Олесье, теперь Алешки, соотвѣтствующее Геродотовой: *ὕλαια*.

[2] Кенигсб. 128. Давыдъ зая Гречники въ Олешьи, и зая у нихъ все имѣнiе; Всеволодъ же посла приведе и, и дасть ему Дорогобужъ.

міро-Волынскую область, какъ она была по смерти Ярослава I-го [1].

Въ Польшѣ Ярополкъ не могъ найти помощи, ибо въ ней самой происходили волненія. Знаменитый Болеславъ II-й палъ жертвою ненависти вельможъ и притязаній прелатовъ; мѣсто Болеслава заступилъ слабый Владиславъ Германъ. Князь Волынскій видѣлъ, что отъ Польши ожидать нечего, и спѣшилъ примириться съ В. Княземъ: Мономахъ, отъ имени отца, согласился на миръ и возвратилъ Ярополку Владиміръ; примиреніемъ Ярополка съ дядею рушились надежды Ростиславичей, и Давыда Игоревича: первые не могли быть спокойны въ городахъ Червенскихъ, отнятыхъ у союзниковъ Ярополка; Давидъ принужденъ былъ выѣхать изъ Владиміра. Тогда рѣшились злодѣйствомъ освободиться отъ Ярополка; на дорогѣ отъ Владимра къ Звенигороду несчастный князь былъ пораженъ убійцею, который убѣжалъ въ Перемышль къ Рюрику Ростиславичу [2]. Лѣтописецъ ясно говоритъ, что Ярополкъ погибъ отъ братьевъ, подвергся одной участи съ св. Борисомъ и

---

[1] Лавр. 88. Ярополкъ же хотяше ити на Всеволода, послушавъ злыхъ совѣтникъ; се увѣда Всеволодъ, посла противу ему сына своего Володимера, Ярополкъ же оставивъ матерь свою и дружину Лучьскѣ, бѣжа въ Ляхы. Володимеру же пришедшю Лучьску, и вдашася Лучане; Володимеръ же посади Давыда Володимери, въ Ярополка мѣсто.

[2] Лавр. 88.

Глѣбомъ [1]: Самъ Ярополкъ почувствовавъ ударъ, вскричалъ: „охъ, тотъ мя враже улови". Бѣгство убійцы къ Рюрику Ростиславичу показываетъ, на кого намекалъ Ярополкъ. Послѣ Давидъ прямо говорилъ Святополку, что Ростиславичи убили брата его [2]. Такъ совершено было первое преступленіе, первое братоубійство за эту несчастную Владимірскую волость: мы увидимъ, что оно не было послѣднимъ.

Всеволодъ не хотѣлъ оставить злодѣйства безъ наказанія: онъ ходилъ на Рюрика къ Перемышлю [3], но походъ кончился ни чѣмъ: Ростиславичи остались въ Червенскихъ городахъ, а Давидъ сталъ опять княжить во Владимірѣ [4].

Въ 1093 году умеръ Всеволодъ. Мы видѣли, что и этотъ Ярославичь не внесъ наряда въ Рус-

---

[1] Тамъ же 88 и 89: Многы бѣды принмъ, безъ вины изгонимъ отъ братья своея, обидимъ, разграбленъ, прочее и смерть горькую пріятъ... моляше Бога всегда, глаголя: Господи Боже мой! пріими молитву мою, и дажь ми смерть, якоже двѣма братома моима Борису и Глѣбу.... его же прошенья не лиши его благый Богъ.

[2] Лавр. 109. Давыдъ же емь вѣру лживымъ словомъ, нача молвити на Василка, глаголя: „кто есть убилъ брата твоего Ярополка? а нынѣ мыслить на мя и на тя." Что Ростиславичи являются главными участниками въ убійствѣ Ярополка объясняется тѣмъ, что они прежде были въ явной войнѣ съ нимъ, и потому не могли надѣяться, чтобъ онъ теперь оставилъ ихъ спокойно владѣть въ Червенскихъ городахъ.

[3] Лавр. 89: Въ се же лѣто ходи Всеволодъ къ Перемышлю.

[4] Таково было послѣднее распоряженіе Всеволода; на немъ основываются князья при Любечскомъ съѣздѣ.

скую землю: къ усобицамъ на востокѣ за область Черниговскую присоединились усобицы на западѣ за Волынь, все въ слѣдствіе того, что племянникамъ не хотѣли дать части въ родовой собственности; и на востокѣ и на западѣ гибли князья, тамъ отъ неемцыхъ варваровъ, здѣсь отъ братьевъ, и кости Ярославовыхъ внуковъ бѣлѣлись въ степи непогребенныя [1]. Нарядъ былъ нарушенъ: для его возстановленія явился Мономахъ.

Мономахъ принадлежитъ къ тѣмъ великимъ историческимъ дѣятелямъ, которые являются въ самыя бѣдственныя времена для поддержанія общества, которые своею высокою личностію умѣютъ сообщить блескъ и прелесть самому дурному общественному организму. Мономахъ вовсе не принадлежитъ къ тѣмъ историческимъ дѣятелямъ, которые смотрятъ впередъ, разрушаютъ старое, удовлетворяютъ новымъ потребностямъ общества: это было лице съ характеромъ чисто охранительнымъ, и только. Мономахъ не возвышался надъ понятіями своего вѣка, не шелъ на перекоръ имъ, не хотѣлъ измѣнить существующій порядокъ вещей: но высокими личными доблестями, строгимъ исполненіемъ своихъ обязанностей прикрывалъ недостатки существующаго порядка ве-

---

[1] Лавр. 87. И възвратися Романъ съ Половци въспять, и убиша и Половци мѣсяца Августа 2 день, суть кости его и доселѣ тамо лежаче, сына Святославля, внука Ярославля.

щей, дѣлалъ его не только сноснымъ для народа, но даже способнымъ удовлетворять его общественнымъ потребностямъ. Тогдашнее общество требовало прежде всего отъ князя, чтобъ оно свято исполнялъ свои семейныя обязанности, не которовался съ братіею, мирилъ враждебныхъ родичей, вносилъ мудрыми совѣтами нарядъ въ семью: Мономахъ во время злой вражды между братьями заслужилъ названіе братолюбца, умными совѣтами и рѣшительностію отвращалъ гибельныя слѣдствія княжескихъ которъ, крѣпко держалъ въ рукѣ узелъ семейнаго союза. Новообращенное общество требовало отъ князя добродѣтелей Христіанскихъ: Мономахъ отличался необыкновеннымъ благочестіемъ. Общество требовало отъ князя строгаго правосудія: Владиміръ самъ наблюдалъ надъ судомъ, чтобъ не давать сильнымъ губить слабыхъ [1]. Въ то время, когда другіе князья играли клятвою, на слово Мономаха можно было положиться [2]. Когда другіе князья позволяли себѣ невоздер-

---

[1] Тамъ же 102. Всегоже паче убогыхъ не забывайте, но елико могуще по силѣ кормите, и придавайте сиротѣ, и вдовицю оправдите сами, а не вдавайте силнымъ погубити человѣка. Ни права, ни крива не убивайте, ни повелѣвайте убити его; аще будеть повиненъ смерти, а душа не погубляете никакоя же хрестьяны.

[2] Лавр. 100. Усрѣтоша бо мя слы отъ братья моея на Волзѣ, рѣша: „потъспися къ намъ, да выженемъ Ростиславича и волость ихъ отъимемъ; иже ли не поидеши съ нами, то мы собѣ будемъ, а ты собѣ.“ и рѣхъ: „аще вы ся и гнѣваете, не могу вы я ити, ни креста переступити.“

жаніе и всякаго рода насилія, Мономахъ отличался чистотою нравовъ и строгимъ соблюденіемъ интерсовъ народа. Общество больше всего ненавидѣло въ князѣ корыстолюбіе: Мономахъ всего больше имъ гнушался. Новорожденное Европейско-Христіанское общество, окруженное варварами, требовало отъ князя неутомимой воинской дѣятельности: Мономахъ почти всю жизнь не сходилъ съ коня, стоялъ на сторожѣ Русской земли: въ какомъ краю была опасность, тамъ былъ и Мономахъ, добрый страдалецъ за Русскую землю. Если мы, отдаленные вѣками отъ этого лица, чувствуемъ невольное благоговѣніе, разсматривая высокую его дѣятельность, то какъ же должны были смотрѣть на него современники? Не дивно, что народъ любилъ его и перенесъ эту любовь на все его потомство.

По смерти отца, Мономахъ не встрѣтилъ бы ни какого препятствія со стороны гражданъ, если бы захотѣлъ тотчасъ занять престолъ отцовскій [1]. Но Мономахъ ненавидѣлъ усобицы, и потому не хотѣлъ возбудить новаго кровопролитія со стороны Святополка Изяславича, которому принадлежало старшинство между двоюродными братьями. Мы видѣли этого князя въ Новгородѣ. Узнавъ о насильственной смерти брата своего Ярополка, видя, что теперь уже некому заботиться объ интересахъ его рода на

---

[1] Есть извѣстіе, что Кіевляне, по смерти Всеволода, просили Мономаха быть у нихъ княземъ. Татищ. II, 146.

югѣ, Святополкъ покинулъ Новгородцевъ и поспѣшилъ въ Русь, гдѣ занялъ Туровъ. По смерти Всеволода, Мономахъ послалъ звать его, какъ старшаго въ родѣ, на Кіевскій столъ [1]. Если бы мы не знали всей правоты и простоты Мономахова характера, то можно было бы подумать, что онъ нарочно хотѣлъ дать старшинство Святополку, дабы показать народу все различіе между нимъ и собою. Въ самомъ дѣлѣ трудно было найти противоположность болѣе поразительную. Со слабостію характера въ Святополкѣ соединялось властолюбіе, и что еще хуже, ненасытное корыстолюбіе, порокъ, который всего болѣе ненавидѣли въ князѣ. Кіевляне жаловались на Всеволода, что онъ пренебрегалъ старою дружиною и давалъ волю пришлецамъ недавнимъ: Святополкъ не думалъ пріобрѣсть расположенія гражданъ исправленіемъ дядиной ошибки; онъ также пренебрегъ старыми боярами Кіевскими, и слушался только тѣхъ, которыхъ привелъ съ собою. Эти люди, не говоря уже о томъ, что, какъ пришлецы, не имѣли съ Кіевлянами общихъ интересовъ, но, будучи набраны на Сѣверѣ, гдѣ князь ихъ провелъ бóльшую часть жизни, не знали состоянія дѣлъ на

---

[1] Лавр. 93: Володимеръ же нача размышляти, река: „аще сяду на столѣ отця своего, то имамъ рать съ Святополкомъ взяти, яко есть столъ преже отъ отца его былъ. И размысливъ посла по Святополка Турову, а самъ иде Чернигову, а Ростиславъ Переяславлю.—Эти слова показываютъ, что ему было предложеніе отъ Кіевлянъ, и слѣд. Татищевъ правъ.

югѣ, и слѣд. могли только вредить своею неопытностію [1]. Самъ Святополкъ позволялъ себѣ грабежи и насилія въ своей области: такъ однажды вздорожала соль въ Кіевѣ; иноки Печерскаго монастыря помогали народу въ такой нуждѣ: Святополкъ узнавъ объ этомъ, пограбилъ соль у монаховъ, чтобъ продавать ее самому дорогою цѣною. Но и тутъ Мономахъ служилъ грозою для беззаконнаго князя: такъ изъ страха вооружить противъ себя Владиміра, Святополкъ возвратилъ изъ изгнанія игумена Іоанна, который ревностно обличалъ корыстолюбіе и жестокость князя. Каковъ былъ отецъ, таковы были и сыновья: однажды разнеслось вѣсть, что двое монаховъ нашли кладъ въ Варяжской пещерѣ: молодой князь Мстиславъ Святополчичь мучилъ безъ пощады этихъ мо-

---

[1] Тамъ же: Вь се время поидоша Половци па Русьскую землю, слышавше, яко умерлъ есть Всеволодъ, послаша слы къ Святополку о мирѣ. Святополкъ же не сдумавъ съ болшею дружиною отнею и строя своею, но съвѣтъ створи съ пришедшими съ нимъ, изъимавъ слы всажа и въ истобъку; слышавше же се Половци, почаша воевати. И придоша Половци мнози, и оступиша Торційскый градъ. Святополкъ же нача сбирати вов, хотя на нѣ. И рѣша ему мужи смыслениі: „не кушэйся противу имъ, яко мало имаши вои.“ Онъ же рече: „имѣю отрокъ своихъ 800, иже могуть противу имъ стати.“ Начаша же друзіи несмыслениі глаголати „поиди, Княже.“ Татищевъ (II, 147 и 151) говоритъ, что Святополкъ не хотѣлъ мира съ Половцами отъ скупости, ибо долженъ былъ дать имъ дары; и напослѣдокъ, чтобъ некупить мира дарами, придумалъ другое средство повыгоднѣе, и женился на дочери хана ихъ Тугоркана. Если мы сообразимъ другіе поступки Святополка, то повѣримъ Татищеву.

пахов, выпытывая у них, гдѣ клад [1]. Этот Мстислав был рожден от наложницы, [2] которая, по словам источников Татищева, имѣла сильное вліяніе на безхарактернаго Святополка [3]. Могла ли Русь ждать чего-нибудь хорошаго от такого князя? И вот усобицы не замѣдлили открыться, и все там же: на востокѣ за область Черниговскую, на западѣ за Владиміро-Волынскую.

В 1094 году явился Олег из Тмутаракани с Половцами у Чернигова; Мономах сказал: „не хвалиться поганым", и отправился княжить в свою отчину Переяславль, уступив Чернигов Олегу [4]. Владимір думал, что загладив несправедливость дяди и отца, возвратив Святославичам отцовскую волость, он тѣм самым умирит Русь, ибо исключенные князья не будут уже болѣе наводить

---

[1] Обо всем этом см. в Печерском Патерикѣ.

[2] Лавр. 115: Святополк же посади в Володимери Мстислава, иже бѣ ему от наложницѣ.

[3] Татищ. II, 211.

[4] Лавр. 104; 96: Приде Олег с Половци, из Тьмутороканя приде Чернигову, Володимер же затворися в градѣ, Олег же приде к граду и пожже около града и монастырѣ пожже, Володимер же створи мир с Олгом, и иде из града на стол отепь Переяславлю, а Олег вниде в град отца своего. Половци же начаша воевати около Чернигова, Олгови не взбранящю, бѣ бо сам повелѣл им воевати. Се уже третьи наведе поганыя на землю Русьскую; его же грѣха дабы и Бог простил, занеже много хрестьян изгублено бысть, а другіи полонени и расточени по землям.

на нее Половцевъ; но, къ несчастію, ошибся въ своемъ расчетѣ. Мономахъ для успокоенія Руси хотѣлъ возстановить родственную любовь, крѣпкій семейный союзъ между ея князьями, но въ характерѣ Олега встрѣтилъ сильное тому препятствіе. Несправедливость дядей ожесточила въ молодости сердце этого князя; изгнанническая жизнь отчудила его отъ родины, заставила думать только о самомъ себѣ; потерпѣвъ несправедливость, онъ считалъ справедливыми всѣ средства для возвращенія правъ своихъ, потерпѣвъ гоненіе отъ родственниковъ, онъ уже невѣрилъ болѣе родственной любви, святости семейнаго союза, въ поступкахъ братьевъ видѣлъ одно коварство и считалъ себя въ правѣ быть также коварнымъ; добывъ мечемъ часть въ родовой собственности, онъ полагался только на одинъ мечь, и не любилъ никакихъ дружественныхъ, миролюбныхъ сдѣлокъ. Таковъ былъ Олегъ Святославичь: между нимъ то и Святополкомъ поставленъ былъ Мономахъ съ своимъ высокимъ стремленіемъ поддержать семейный союзъ князей. Уступивъ Черниговъ Олегу, Мономахъ дозволилъ сначала другому Святославичу, Давиду княжить въ Смоленскѣ. Неизвѣстно, гдѣ былъ Давидъ въ послѣдніе годы старшинства Изяславова и при Всеволодѣ, вѣроятно въ Муромѣ [1]. По смерти Всеволода мы видимъ его въ Смоленскѣ; вѣроятно успѣхъ брата Олега въ овладѣніи Черниговомъ далъ

---

[1] См. выше.

Давиду смѣлость завладѣть Смоленскомъ. Но Смоленскъ не былъ никогда отчиною Святославичей, и потому въ 1095 году Мономахъ, вмѣстѣ съ Святополкомъ пошли на него къ Смоленску: Давида вывели изъ этого города, но за то дали Новгородъ, откуда Мстиславъ Владиміровичъ вышелъ въ Ростовъ; кѣмъ былъ замѣщенъ Давидъ въ Смоленскѣ, въ извѣстныхъ спискахъ лѣтописи не находимъ извѣстій, одинъ Татищевъ говоритъ, что Изяславомъ Владиміровичемъ Мономаховичемъ [1]. Но какъ скоро князья удалились, Давидъ опять явился въ Смоленскѣ (слѣд., если возмемъ во вниманіе извѣстіе Татищева, выгналъ Изяслава, который удалился въ свою прежнюю волость—Курскъ, и оттуда, въ отмщеніе Давиду, занялъ Муро́мъ, отчину Святославичей) [2]. Давидъ занявъ опять Смоленскъ, не хотѣлъ вмѣстѣ съ тѣмъ отказаться и отъ Новгорода: узнавъ, что Новгородцы, недовольные его удаленіемъ, взяли къ себѣ вторично Мстислава Владиміровича, онъ пошелъ къ Новгороду, но видя, что граждане были противъ него, возвратился опять въ Смоленскъ [3].

---

[1] II, 157.

[2] Лавр. 97, 98: иде Давыдъ Святославичь изъ Новагорода Смоленьску; Новгородци же идоша Ростову по Мьстислава Володимерича, поемши ведоша и Новугороду, а Давыдови рекоша: „не ходи къ намъ,“ пошедъ Давыдъ, воротися Смолиньску и сѣде Смолиньскѣ, а Мьстиславъ Новѣгородѣ сѣде. Въ се же время приде Изяславъ, сынъ Володимерь, изъ Курска къ Мурому; пріяша и Муромци, и посадника я̑ Олгова.

[3] См. мое изслѣдованіе объ Отношеніяхъ Новгорода къ В. Князьямъ, стр. 55, примѣч. 106.

Изъ этихъ движеній Давида мы легко можемъ усмотрѣть, что Святославичи дѣйствовали дружно и наступательно, желая захватить сколько можно болѣе областей въ свой родъ. Мономахъ и В. Князь видѣли покушенія Святославичей, особенно безпокоило ихъ поведеніе Олега Черниговскаго. Когда они соединенными силами ходили въ степи громить Половцевъ, Олегъ не давалъ имъ ни какой помощи [1]. Тщетно послѣ того соединенные князья звали его въ Кіевъ для совѣщанія, по обычаю, съ Епископами, боярами и гражданами: Олегъ видѣлъ въ этомъ приглашеніи только ковы, думалъ, что въ Кіевѣ произведутъ надъ нимъ судъ; особенно долженъ былъ оскорбить и устрашить его намекъ на присутствіе въ совѣтѣ Епископовъ и гражданъ, ибо онъ зналъ, что духовенство и граждане ненавидятъ его за опустошеніе страны Половцами, какъ это ясно изъ многихъ мѣстъ лѣтописи; вотъ почему Олегъ отвѣчалъ: „Не пойду на судъ къ Епископу, или Игумену, или смердамъ [2].“ Этотъ отвѣтъ показалъ князьямъ, что имъ нечего болѣе ждать отъ Олега. Святополкъ хотѣлъ непремѣнно войны, Мономахъ послушался его [3], и оба повѣстили князю Черниговскому: „ты не помогаешь намъ въ войнѣ съ Половцами, ты нейдешь къ намъ на совѣтъ: изъ этого ясно видимъ, что ты въ со-

---

[1] Лавр. стр. 97.
[2] Тамъ же, 98.
[3] См. письмо Мономаха къ Олегу, при Духов. стр. 48 и слѣд.

юзѣ съ погаными, и потому идемъ на тебя съ помощію Божіею [1]." Услышавъ о приближеніи князей, Олегъ ушелъ изъ Чернигова и заперся въ Стародубѣ; князья осадили его здѣсь; Святополкъ хотѣлъ непремѣнно погубить Святославича, но Мономахъ воспротивился [2]: Олегъ былъ выпущенъ съ условіемъ идти въ Смоленскъ къ брату Давиду и вмѣстѣ съ нимъ явиться на общій съѣздъ [3]. Но вмѣсто того, чтобъ сдержать свое обѣщаніе, Олегъ пошелъ къ Мурому, убилъ въ кровопролитномъ сраженіи сына Мономахова Изяслава, засѣвшаго, какъ мы видѣли, тамъ, потомъ бросился въ землю Суздальскую и Ростовскую и укрѣпился тутъ, сбираясь овладѣть и Новгородомъ. Это заставило вооружиться Мстислава Владиміровича, князя Новгородскаго. Мстиславъ, прямой наслѣдникъ своего отца, свято чтившій родственный союзъ, тщетно уговаривалъ Олега рѣшить дѣло мирнымъ распоряженіямъ со старшими князьями; не могши побѣдить племянника силою, Олегъ хотѣлъ по-

---

[1] Лавр. 98.

[2] См. письмо Мономаха къ Олегу. Слѣд. Татищевъ правъ, II, 159.

[3] Лавр. 98: Бысть межю ими брань люта, и стояша около града дній 30 и 3, и изнемагаху людья въ градѣ. И вылѣзе Олегъ изъ града, хотя мира, и вдаста ему миръ, рекъше сице: „иди къ брату своему Давыдови, и придита Кіеву на столъ отець нашихъ и дѣдъ нашихъ, яко то есть старѣйшей градъ въ земли во всей Кыевъ, ту достойно снятися и порядъ положити;" Олегъ же обѣщался створити, и на семъ цѣловаша крестъ.

бѣдить коварствомъ; но и это не удалось: онъ былъ вытѣсненъ отовсюду. Въ такой крайности Святославичь рѣшился наконецъ явиться на общій съѣздъ.

Въ 1097 году въ Любечѣ, на одномъ коврѣ, въ знакъ односемейности, сидѣли внуки Ярослава и разсуждали о средствахъ умирить землю [1]. „За чѣмъ губимъ Русскую землю, подымая котору на самихъ себя," говорили двоюродные братья, „а между тѣмъ Половцы несутъ нашу землю розно, и радуются, что между нами идетъ безпрерывная рать; возмемся же наконецъ въ одно сердце блюсти Русскую землю [2]." Положено было, чтобъ каждый князь держалъ ту волость, которую имѣлъ отецъ его: Святополкъ старшій столъ Кіевъ, Мономахъ Переяславль, [3] Святославичи: Олегъ, Давидъ и Ярославъ область Черниговскую съ принадлежащими къ ней землями на востокѣ. Чтожє касается до князей исключенныхъ

---

[1] Садиться на одинъ коверъ для разсужденія о дѣлахъ было въ обычаѣ у родичей. Лавр. 116.

[2] Лавр. 109: Придоша Святополкъ, Володимеръ, Давыдъ Игоревичь, и Василко Ростиславичь, и Давыдъ Святославичь, и братъ его Олегъ, и сняшася Любичи на устроенье мира, и глаголаша къ собѣ, рекуще: почто губимъ Руськую землю, сами на ся котору дѣюще? а Половци землю нашю несуть розно, и ради суть, оже межю нами рати; да нонѣ отселѣ имемъся въ едино сердце и блюдемъ Рускыѣ земли.

[3] Вмѣстѣ съ областью Смоленскою и Ростовскою. Въ Смоленскѣ былъ посаженъ Святославъ Владиміровичь, умершій въ 1114 году, Ипатьев. 4.

преждевременною смертію отцевъ своихъ, то рѣшено было держаться распоряженій послѣдняго изъ Ярославичей—Всеволода: въ слѣдствіе чего Давидъ Игоревичь получилъ Владиміръ, Ростиславичи: Володарь—Перемышль, и Василько—Теребовль; [1] брата ихъ Рюрика уже не было въ живыхъ [2]. Мономахъ достигъ своей цѣли: семейный союзъ между князьями былъ возстановленъ, Русь умирена: въ самомъ дѣлѣ Святославичи, увидя искренность двоюродныхъ братьевъ и введенные снова во владѣніе родовою собственностію, начинаютъ жить съ этѣхъ поръ спокойно.

Но въ то время, какъ миръ былъ возстановленъ на лѣвой сторонѣ Днѣпра, на правой, въ области Владимірской возникли опять усобицы, ибо земля Черниговская отдана была въ исключительное владѣніе одному роду Святославичей, тогда какъ Владимірская область была подѣлена между двумя враждебными линіями, изъ которыхъ каждая считала себя въ правѣ на обладаніе цѣлою волостью. Давидъ Игоревичь, которому достался Владиміръ, опасался, что Ростиславичи, сгубившіе Ярополка, не оставятъ и его въ покоѣ. Особенно боялся онъ младшаго изъ нихъ, Василька, который отличался необыкновенно предпріимчивымъ духомъ и питалъ геройскіе за-

---

[1] Тамъ же.
[2] Онъ умеръ въ 1092 году.

мыслы. Надѣлавъ много зла Польшѣ во время господствовавшихъ въ ней смятеній послѣ Болеслава II, Василько хотѣлъ нанести рѣшительный ударъ этой державѣ, потомъ сбирался идти на Дунайскихъ Болгаръ и поселить ихъ у себя (знакъ, какъ тяготились князья малолюдностію Русскихъ владѣній и заботились всего болѣе объ умноженіи городовъ и народонаселенія); наконецъ Василько думалъ ударить на Половцевъ, и либо стяжать себѣ славу, либо положить голову за Русскую землю [1]. Ясно, что сосѣдство такого князя, прямаго внука стараго Святослава не могло нравиться Давиду. При томъ узнали, что толпы степныхъ варваровъ — Берендѣи, Торки,

---

[1] Лавр. 113: И нача ми глаголати (Василко какому то Василію, котораго разсказъ внесенъ въ лѣтопись): „се слышю, оже мя хочеть дати Ляхомъ Давыдъ; то се мало ся насытилъ крове моея, а се хочеть болѣ насытитися, оже мя вдасть имъ, азъ бо Ляхомъ много зла творихъ (см. Лавр. 92), и хотѣлъ есмь створити и мстити Русьскѣй земли (отомстить за походъ Болеслава), и аще мя вдасть Ляхомъ, не боюся смерти; но се повѣдаю ти: по истинѣ яко на мя Богъ наведе за мое возвышенье, яко приде ми вѣсть, яко идуть ко мнѣ Берендичи, и Печенѣзи, Торци, и рекохъ въ умѣ своемъ: оже ми будуть Берендичи и Печенѣзи и Торци, реку брату своему Володареви и Давыдови: дайта ми дружину свою моложшюю, а сама пійта и веселитася; и помыслихъ: на землю Лядьскую наступлю на зиму, и на лѣто и возму землю Лядьскую, и мьщю Русьскую землю; и посемъ хотѣлъ есмь переяти Болгары Дунайскыѣ, и посадити я у собе; и посемъ хотѣхъ проситися у Святополка и у Володимера ити на Половци, да любо налѣзу собѣ славу, а любо голову свою сложю за Русскую землю.“

Печенѣги идутъ къ Васильку: Давидъ не могъ не встревожиться этимъ извѣстіемъ; скоро явились люди, которые начали подтверждать его опасенія: то были трое изъ близкихъ къ нему дружинниковъ — Турякъ, Лазарь и Василь [1]. Они увѣряли Давыда, что двое самыхъ доблестныхъ князей — Мономахъ и Василько сложились вмѣстѣ, чтобы выгнать Святополка изъ Кіева, а его Давида изъ Владиміра. Игоревичь повѣрилъ, но рѣшеніе, принятое на съѣздѣ, что всѣ князья должны вооружиться на зачинщика усобицъ [2] связывало ему руки, и потому онъ рѣшился употребить орудіемъ В. Князя. Съ этою цѣлію Давидъ, на возвратномъ же пути изъ Любеча заѣхавъ въ Кіевъ, сталъ наговаривать Святополку, что имъ обоимъ не ждать добра отъ Ростиславичей, что они убили Святополкова брата, и теперь въ союзѣ съ Мономахомъ, хотятъ завладѣть Кіевомъ, что

---

[1] Лавр. 109. И приде Святополкъ съ Давыдомъ Кыеву, и ради быша людье вси; но токмо дьяволъ печаленъ бяше о любви сей, и влѣзе сотона въ сердце нѣкоторымъ мужемъ, и почаша глаголати къ Давыдови Игоревичю, рекуще сице: „яко Володимеръ сложился есть съ Василкомъ на Святополка и на тя.“ Лавр. 113. Вѣ не пріидоховѣ (говорятъ Ростиславичи Владимірцамъ) на градъ вашь, ни на васъ, но на врагы своя, Туряка, и на Лазаря, и на Василя, ти бо суть намолвили Давыда, и тѣхъ есть послушалъ Давыдъ и створилъ се зло.“

[2] Тамъ же, 109: И на томъ цѣловаша крестъ, „да аще кто отселѣ на кого будеть, то на того будемъ вси и крестъ честный;“ рекоша вси: „да будеть нань крестъ честный и вся земля Руськая.“

должно предупредить враговъ, для чего необходимо захватить Василька. Напоминовеніе о несчастной кончинѣ брата взволновало Святополка; съ другой стороны онъ боялся нарушить клятву, только что данную цѣлому роду; напослѣдокъ злые совѣты перемогли: Святополкъ рѣшился задержать Василька, коварно зазвавъ его къ себѣ на перепутье. Но начавъ дѣло, опять не зналъ, какъ кончить; созвалъ совѣтъ изъ бояръ и гражданъ: совѣтники отвѣчали неудовлетворительно, что *если* слова Давида справедливы, то Василько достоинъ казни, духовенство же прямо заступилось за плѣнника [1]. Тогда Давидъ началъ говорить, что, по крайней мѣрѣ, нужно ослѣпить Василька, и увезъ наконецъ свою жертву у полусогласнаго Святополка. Злодѣяніе было совершенно на дорогѣ: Ростиславичь ослѣпленъ. Легко себѣ представить отчаяніе Мономаха при этомъ извѣстіи; онъ тотчасъ повѣстилъ Святославичамъ о случившемся, приглашая ихъ поправить зло. Черниговскіе князья изъявили равный ужасъ, и поспѣшили соединить полки свои съ Мономаховыми. Союзники послали къ Святополку требовать отчета въ преступленіи; они

---

[1] Лавр. 110: И рѣша боляре и людье: „тебѣ княже достоить блюсти головы своея; да аще есть право молвилъ Давыдъ, да пріиметь Василко казнь; ащели не право глагола Давыдъ, да пріиметь месть отъ Бога и отвѣчаеть предъ Богомъ.“ И увѣдѣша игумени, и начаша молитися о Василкѣ Святополку; и рече имъ Святополкъ: „ото Давыдъ.“

говорили В. Князю: „за чѣмъ сдѣлалъ ты зло въ Русской землѣ, и ввергнулъ въ насъ ножъ? за чѣмъ ослѣпилъ брата своего? если онъ былъ виноватъ, то ты долженъ былъ обличить его передъ нами, и доказавъ преступленіе, наказать его; а теперь объяви вину его, за которую подвергся онъ такой лютой казни [1].“ Святополкъ сложилъ всю вину на Давида. Тогда союзники хотѣли было уже приступить къ Кіеву, но Мономахъ испугался ненавистной усобицы, склонился на просьбу мачихи своей и духовенства, и вступилъ въ переговоры съ Кіевскимъ княземъ, на котораго, какъ на старшаго въ родѣ, возложена была обязанность наказать виновнаго Давида.

Святополкъ отправился, имѣя другое въ виду: онъ хотѣлъ, изгнавъ Давида, изгнать вмѣстѣ и Ростиславичей, потому что считалъ всю Владимірскую область владѣніемъ отца и брата [2]. Старинная распря за Волынь между тремя княжескими линіями возобновилась теперь съ новою силою. Давидъ, видя бѣду, отослалъ ослѣпленнаго Василька къ брату его Володарю, и спѣшилъ призвать на помощь Поляковъ; Святополкъ, съ своей стороны, обратился къ нимъ же: Поляки брали дары отъ обоихъ и не помогали ни-

---

[1] Лавр. 111, 112.

[2] Лавр. 114: Святополкъ же прогнавъ Давыда, нача думати на Володаря и на Василка, глаголя: „яко се есть волость отца моего и брата.“

одному [1]. Тогда Давидъ нанялъ Половцевъ, а Святополкъ Венгровъ; Венгры были разбиты Половцами, но Давидъ все же не могъ удержаться: Владимiръ былъ занятъ Святополкомъ, но Ростиславичи отбили нападенiя послѣдняго и сохранили свою волость [2]. Изгнанный Давидъ послалъ сказать князьямъ, что хочетъ жаловаться имъ на обидчиковъ. Родичи снова съѣхались вмѣстѣ въ Витечевѣ, въ 1101 году, и послали за Давидомъ. Черезъ 20 дней Игоревичь явился, сѣлъ на общiй коверъ и спросилъ: „за чѣмъ прислали за мною, я явился и готовъ отвѣчать на жалобы, какiя будутъ противъ меня." Тогда Мономахъ отвѣчалъ ему: „не мы призвали тебя, но ты самъ присылалъ, говоря, что хочешь жаловаться братьямъ на обидчиковъ: теперь ты сидишь на одномъ коврѣ съ нами, для чего же не жалуешься?" Давидъ молчалъ. Тогда князья встали, сѣли на коней, разъѣхались каждый порознь съ своею дружиною, и начали совѣщаться о Давидѣ. Потомъ, собравши мнѣнiя, послали каждый отъ себя по боярину объявить Давиду: „ты ввергнулъ въ насъ ножъ, сдѣлалъ зло, какого не бывало на Руси; однако мы не хотимъ заключить тебя въ оковы или наказать какъ-нибудь иначе, но вотъ Святополкъ даетъ тебѣ три города,

---

[1] Тамъ же: Давыдъ затворися въградѣ, чая помощи въ Лясѣхъ. Бѣша бо ему рекли: „яко аще придуть на тя Русскыѣ князи, то мы ти будемъ помощницы;" и солгаша ему, емлюще злато у Давыда и у Святополка.

[2] Тамъ же, 115.

а Владиміръ, съ своей стороны, 200 гривенъ денегъ, и Святославичи столько же отъ себя [1]." Давидъ повиновался. Послѣ Святополкъ далъ ему вмѣсто трехъ городовъ одинъ Дорогобужъ, гдѣ онъ и умеръ [2]. Святополкъ достигъ своей цѣли, хотя потерялъ сына Мстислава, убитаго въ усобицѣ: Владиміръ остался за его родомъ, онъ помѣстилъ тамъ сына своего Ярослава [3]. Ростиславичи удержали за собой прежнія волости вопреки рѣшенію соединенныхъ князей, которые, разсуждая, что слѣпецъ Василько не въ состояніи будетъ управлять самъ своимъ княжествомъ, и не желая усиливать Володаря, хотѣли оставить обоимъ братьямъ одинъ Перемышль, обязываясь содержать Василька на свой счетъ, если Володарь будетъ этимъ тяготиться [4].

---

1 Лавр. 116, 117.

2 Племянникъ его Мстиславъ ушелъ варяжничать на море (Лавр. 116), но послѣ возвратился и ходилъ съ нашими князьями на Половцевъ.

3 Святополку скоро удалось отдѣлаться отъ племянника Ярослава Ярополчича, князя Брестскаго. Ярославъ преждевременною смертію отца былъ также исключенъ изъ владѣнія родовою собственностію; не смотря однако наобычай, подобно всѣмъ исключеннымъ князьямъ, недовольствовался однимъ Брестомъ, но имѣлъ притязанія на всю отчину свою, т. е. Волынь, и хотѣлъ оружіемъ поддержать эти притязанія. Святополкъ взялъ его въ плѣнъ и въ оковахъ привелъ въ Кіевъ; упрошенный духовенствомъ, В. Князь снялъ оковы съ племянника, оставя его въ Кіевѣ; но Ярополчичь нашелъ средство убѣжать изъ этого города, однако былъ схваченъ двоюроднымъ братомъ Ярославомъ и заключенъ вторично въ оковы. Лавр. 117. У него остался другой братъ Вячеславъ, Лавр. 118.

4 Лавр. 416, 117: И тогда послаша слы своя къ Волода-

Такъ оба княжескіе съѣзда достигли своей цѣли: одинъ, Любечскій кончилъ усобицу за область Черниговскую, другой — Витичевскій за волость Владиміро-Волынскую. По настоящему право оканчивать всѣ споры съ братіею, рядить и судить между ними принадлежало старшему въ родѣ; но Святополкъ не былъ въ уровень своему положенію. Уступивъ ему старшинство для избѣжанія усобицы, Мономахъ, для прекращенія другихъ смятеній, долженъ былъ прибѣгнуть къ другому средству, чтобъ замѣнить власть великокняжескую. Это средство было—съѣздъ всѣхъ князей для братскаго совѣщанія, для распоряженія волостьми, для суда надъ виновными родичами.

Въ 1112 году умеръ Давидъ Игоревичь, въ 1113 Святополкъ. Лѣтописцы, которые любили по кончинѣ каждаго князя сказать что нибудь въ похвалу покойнаго, хранятъ о Святополкѣ глубокое молчаніе: это молчаніе поражаетъ насъ болѣе, чѣмъ самое страшное проклятіе [1]. Жена Святополка раздала

реви и къ Василкови: „поими брата своего Василка къ собѣ, и буди ваю едина власть, Перемышль; да аще любо, да сѣдита, аще ли ни, да пусти Василка сѣмо, да его кормимъ здѣ, а холопы наша выдайта и смерды.“ И не послуша сего Володарь, ни Василко.

[1] Ипатьев. 4: И плакашися по немъ бояре и дружина его вся.—И только, о духовенствѣ и остальномъ народонаселеніи ни слова, не смотря на то, что Святополкъ отличался наружнымъ благочестіемъ: „такъ бо обычай имѣяше Святополкъ: коли йдяше на войну, или инамо, поли поклонивъся у гроба Θеодосьева и молитву веземъ у игумена, ту сущаго, то же идяше на путь свой. Лавр. 120.

по немъ милостыню, какой никогда не раздавали ни покомъ другомъ [1]: но народъ зналъ, какимъ образомъ скоплены эти сокровища, и въ первые же дни по смерти В. Князя бросился грабить Жидовъ, въ которыхъ видѣлъ сообщниковъ Святополка. На собранномъ вѣчѣ не хотѣли слышать ни о какомъ другомъ князѣ, кромѣ Владиміра Мономаха, и потому послали звать его на старшій столъ. Мономахъ, отказавшись разъ въ пользу старшаго, не хотѣлъ и тутъ нарушить правъ Святославичей: онъ отказался. Но граждане питали ненависть къ Святославичамъ, за то что эти князья пренебрегали одною изъ самыхъ главныхъ обязанностей въ отношеніи къ нимъ, а именно, вмѣсто того, чтобъ защищать Русскую землю, они наводили на нее Половцевъ. Вотъ почему Кіевляне, узнавъ объ отказѣ Владиміра, изъявили буйно свое негодованіе, и разграбили домъ Тысяцкаго Путяты; есть извѣстіе, которое объясняетъ причину народнаго возстанія на Тысяцкаго: Путята былъ на сторонѣ Святославичей [2]. Тогда отправлено было вторичное посольство къ Мономаху съ представленіемъ, что если онъ не поспѣшитъ пріѣздомъ, то волненіе народа превзойдетъ всю мѣру, что тогда не только Жиды, Тысяцкій и Соцкіе, но вдовствующая В. Княгиня, церкви и монастыри будутъ находиться

---

[1] Тамъ же: Княгини же его много раздѣли богатство монастыремъ и попамъ и убогимъ, яко дивитися всѣмъ человѣкомъ, яко такоя милости никто же можетъ створити.
[2] Татищ. II, 212.

въ опасности, и за все это Мономахъ отдастъ отвѣтъ Богу. [1] Владиміръ долженъ былъ согласиться, и пріѣхалъ въ Кіевъ. Такъ воля граждань заставила перемѣнить порядокъ старшинства и передала его достойнѣйшему мимо старѣйшаго. На этотъ разъ никто не смѣлъ ей противиться: Олегъ видѣлъ недоброжелательство къ себѣ народа, при томъ былъ и старъ и слабъ: уже давно не ходилъ онъ въ походы съ братьями по причинѣ болѣзней [2]. Но не могши сами дѣйствовать противъ Мономаха, Святославичи передали дѣтямъ свою обиду и ненависть къ роду, похитившему ихъ право: отсюда ведутъ начало усобицы между потомствомъ Святослава и потомствомъ Всеволода, но онѣ не скоро еще могли обнаружиться.

По смерти Ярослава I-го, Мономахъ былъ первый В. Князь, первый родоначальникъ, который былъ въ уровень своему положенію, который хотѣлъ и могъ заставить всѣхъ младшихъ членовъ рода повиноваться себѣ, ѣздить подлѣ своего стремени, ходить, куда велитъ. Первый безпокойный князь, испытавшій силу Мономаха былъ Глѣбъ Всеславичь Минскій; вѣрный преданію своего рода, Глѣбъ ни-

---

[1] Ипатьев. 4.

[2] Лавр. 118: И посласта ко Олгови и Давыдови, глаголюща: „поидита на Половци, да любо будемъ живи, любо мертви.“ и послуша Давыдъ, а Олегъ не всхотѣ сего, вину река: „не сдравью.“

талъ также непримиримую вражду къ Ярославичамъ, раззорялъ ихъ области и укорами отвѣчалъ на увѣщаніе Мономаха [1]. Тогда послѣдній велѣлъ собраться всѣмъ князьямъ, на него смотрѣвшимъ: ни одинъ не смѣлъ ослушаться; Давидъ Святославичь и Ольговичи примкнули свои полки къ Мономаховымъ. Глѣбъ видѣлъ, какъ города его одинъ за другимъ сдавались Владиміровичамъ, видѣлъ приготовленіе самаго В. Князя къ осадѣ Минска, и просилъ помилованія, обѣщаясь слушаться во всемъ Владиміра. В. Князю того только и было нужно: онъ отдалъ Глѣбу Минскъ по прежвему, и возвратился въ Кіевъ [2]. Но Глѣбъ, освободившись отъ грозы, не думалъ исправиться; тогда Мономахъ принужденъ былъ вторично идти на него: на этотъ разъ онъ взялъ Минскъ, плѣнилъ Глѣба и привелъ его въ Кіевъ, гдѣ тотъ и умеръ [3].

---

[1] Тамъ же, стр, 7: Приходи Володимеръ на Глѣба: Глѣбъ бо бяше воевалъ Дреговичи и Случескъ пожегъ, и не каяшеться о семъ, ни покоряшеться, но болѣ противу Володимеру глаголаше, укоряя и. Лавр. 104: и потомъ къ Мѣньску ходихомъ на Глѣба, оже ны бяше люди залъ.

[2] Ипатьев. 7: И нача ся молити Глѣбъ Володимеру, шля отъ себе послы; Володимеръ же съжалиси тѣмъ, оже проливашеться кровь въ дни постьныя великого поста, и вдасть ему миръ; Глѣбъ же, вышедъ изъ города съ дѣтми и дружиною, поклонися Володимеру, и молвиша рѣчи о мирѣ, и обѣщася Глѣбъ по всему послушати Володимера. Володимеръ же, смиривъ Глѣба и наказавъ его о всемъ, вдасть ему Менескъ, а самъ възвратися Кіеву.

[3] Тамъ же.

Второй безпокойный князь, съ которымъ надобно было управиться оружіемъ, былъ Ярославъ Святополчичь, женатый на внукѣ Мономаха, дочери Мстислава. Мы видѣли, что этотъ князь, еще при жизни отца, получилъ область Владиміро-Волынскую, часть которой удержана была Ростиславичами. Ярославъ былъ сынъ Святополка и племянникъ Ярополка Изяславичей, слѣд. питалъ родовую вражду къ Ростиславичамъ. Эта наслѣдственная вражда въ княжескихъ линіяхъ, раздѣлявшихъ область Владимірскую, должна была опредѣлить ихъ отношенія къ сосѣдней Польшѣ. Ростиславичи были заклятые враги Польши; это уже одно обстоятельство заставляло Ярослава быть ея другомъ; но кромѣ того родная сестра его Сбыслава была за мужемъ за Болеславомъ Кривоустымъ, [1] сыномъ и наслѣдникомъ Владислава Германа: отсюда естественный союзъ Владимірскаго князя съ Польшею. Такъ Болеславъ Кривоустый, въ войнахъ съ побочнымъ братомъ своимъ Збигнѣвомъ, постоянно получаетъ помощь отъ Ярослава; съ своей стороны Ростиславичи входятъ въ союзъ съ Прусаками и Поморянами, врагами Поляковъ. Какъ же долженъ былъ смотрѣть на эти отношенія родоначальникъ — Мономахъ? Ясно, что онъ не могъ съ удовольствіемъ видѣть тѣсную связь Святополкова сына съ Польшею; при томъ онъ былъ связанъ родствомъ съ Ростиславичами:

---

[1] Лавр. 118.

дочь Володаря была за сыномъ его Романомъ [1]. Но безразсудное поведеніе Ярослава подало поводъ къ явному разрыву съ В. Княземъ: въ надеждѣ на родственный союзъ съ владѣтелями Польши и Венгріи [2], и считая себя законнымъ преемникомъ старшинства послѣ Мономаха, Ярославъ гордо велъ себя въ отношеніи къ В. Князю, не сомнѣнно, что и связь Мономаха съ Ростиславичами имѣла также вліяніе на не расположеніе Владимірскаго князя. Замѣтивъ эту не пріязнь, Мономахъ, уже престарѣлый, перевелъ въ 1117 году старшаго сына своего Мстислава изъ Новгорода по ближе къ себѣ въ Бѣлгородъ, дабы имѣть въ немъ защитника противъ замысловъ Ярослава, и въ томъ же году предпринялъ походъ на послѣдняго вмѣстѣ съ Ростиславичами; Ярославъ смирился на этотъ разъ и обѣщалъ повиновеніе [3]; но на слѣдующій же годъ прогналъ жену свою, Мономахову внуку [4]: тогда В. Князь, не могши терпѣть долѣе злобы его, какъ самъ

---

1 Ипатьев. 4.

2 Другая сестра его, Предслава Святополковна была за мужемъ за сыномъ Коломановымъ.

3 Ипатьев. 8. Иде Володимеръ на Ярослава къ Володимерю, и Давыдъ Ольговичь, и Володарь, и Василько, и оступиша и у городѣ Володимери, и стояша дній шестьдесять, и створи миръ съ Ярославомъ, Ярославу покорившюся и вдарившю челомъ передъ стрыемъ своимъ Володимеромъ; и наказавъ его Володимеръ о всемъ, веля ему къ собѣ приходити, „когда тя позову,“ и тако въ мирѣ разидошася кождо въ свояси.

4 Никон. II; 53.

выразился [1], пошелъ вторично на Владимірскаго князя; послѣдній бѣжалъ къ заграничнымъ союзникамъ своимъ, дружина его передалась побѣдителю. Мономахъ отдалъ Владиміръ сперва сыну своему Роману, Володареву зятю, а по смерти его, другому сыну Андрею. Поляки видѣли опасность своего положенія: покровительствуя Ярославу, они возбудили нелюбье Мономаха: сынъ послѣдняго сидитъ теперь во Владимірѣ въ союзѣ съ Ростиславичами, и воюетъ Польшу [2]; въ 1121 году Ярославъ явился съ Поляками подъ Червенемъ, но былъ отраженъ [3]. Въ такихъ обстоятельствахъ, не могши ни чего взять силою, они рѣшились дѣйствовать хитростію: Володарь былъ схваченъ тайно и уведенъ въ плѣнъ въ Польшу [4]; Василько Ростиславичь долженъ былъ истощить всю казну Перемышльскую, чтобъ выкупить брата; кромѣ того Ростиславичи принуждены были обязаться постояннымъ союзомъ съ Поляками. Вотъ почему, когда въ 1123 году Ярославъ съ Поляками, Венграми и Чехами явился добывать прежняго стола, Ростиславичи находились въ Польскомъ лагерѣ. Союзники осадили Владиміръ, гдѣ сидѣлъ, какъ было сказано, Андрей Владиміровичь Мономашичь; но од-

---

[1] Лавр. 104: И потомъ ходихомъ къ Володимерю на Ярославця, не терняче злобъ его.

[2] Ипатьев. 8: Посла Володимеръ Андрея съ погаными на Ляхы, и повоеваше ѣ.

[3] Тамъ же.

[4] Тамъ же 9.

нажды, когда Ярославъ возвращался отъ градскихъ стѣнъ въ лагерь, два Поляка, неизвѣстно по какому побужденію, выскочили изъ засады и убили его; союзники его, не имѣя болѣе цѣли, примирились съ Владиміровичемъ и возвратились домой [1]. Это уже третій князь, который погибъ за Владиміро-Волынскій столъ, не считая ослѣпленіе Василька.

Въ 1125 году умеръ Мономахъ; онъ своимъ правленіемъ показалъ, каковы долженствовали быть на самомъ дѣлѣ отношенія младшихъ членовъ рода къ старшему, и какъ, при общемъ владѣніи, могъ быть сохраненъ нарядъ.

По смерти Мономаха старшинство принимаетъ прямо сынъ его Мстиславъ. Святославичи не противились занятію Кіевскаго стола Мономахомъ, слѣд. этимъ самымъ, по тогдашнимъ понятіямъ, отказались отъ старшинства за себя и за цѣлый родъ свой, ибо родъ составлялъ одно цѣлое, и когда одинъ родичь терялъ право, то съ нимъ терялъ цѣлый родъ, понижался передъ родомъ того, кому было уступлено; отношеніе, допущенное разъ однимъ членомъ рода къ чужому роду, это отношеніе тяготѣло надъ всѣми членами рода для настоящаго времени и надо всѣми потомками ихъ для будущаго. Оставался еще родъ старшаго Ярославича, Изяслава, представляемый внуками его — Ярославомъ, Изясла-

---

[1] Ипатьев. 9.

вомъ и Брячиславомъ Святополчичами; по родъ Святополка потерялъ даже Владиміро-Волынскую область; Изяславъ и Брячиславъ, вѣроятно находившіеся на сторонѣ брата, какъ ослушники волѣ старшаго родича, подверглись исключенію; по крайней мѣрѣ младшій, Брячиславъ не могъ имѣть волости, оставшись послѣ отца 10 лѣтъ [1], а черезъ четыре года уже начались бѣдствія его семьи. Оба, Изяславъ и Брячиславъ умерли въ 1127 году, [2] переживъ свою мать только тремя годами [3]. Ясно, что эти князьки не могли оспоривать старшинства у Мстислава Владиміровича, который наслѣдилъ потъ отца своего, по выраженію лѣтописца, [4] и потому долженъ былъ наслѣдовать и столъ отеческій; со стороны Черниговскихъ князей нельзя было также ожидать возобновленія притязаній: Олегъ и Давидъ Святославичи умерли еще при жизни Мономаха, [5] меньшой братъ ихъ Ярославъ не умѣлъ, какъ увидимъ послѣ, удержать и Черниговскаго стола противъ роднаго племянника: ясно, что онъ не могъ спорить со Мстиславомъ и заключилъ съ нимъ союзъ, требуя только, чтобъ В. Князь поддерживалъ его на столѣ Черниговскомъ [6].

---

[1] Онъ родился въ 1104 году, Лавр. 119.
[2] Лавр. 130, 131.
[3] Жена Святополка умерла въ 1124 году, Лавр. 129.
[4] Ипатьев. 15.
[5] Олегъ умеръ въ 1115 г. Ипатьев. 7; Давыдъ въ 1122, тамъ же, 9.
[6] Ипатьев. 11.

При Мстиславѣ Мономаховъ родъ владѣлъ бо́льшею частію Русскихъ областей. Мономахъ, призванный на старшій столъ, посадилъ въ Переяславлѣ сына своего Святослава, выведеннаго изъ Смоленска, и на его мѣсто послалъ туда Вячеслава [1]. Но гдѣ же сидѣлъ Ярополкъ, который былъ старше Вячеслава? Лѣтописи молчатъ, слѣд. онъ оставался при отцѣ для ратнаго дѣла, какъ самый храбрый изъ сыновей Мономаха: имя его чаще всѣхъ другихъ Мономаховичей упоминается въ описаніяхъ походовъ, особенно противъ Половцевъ. По смерти Святослава Ярополкъ былъ переведенъ въ Переяславль, а Вячеславъ оставался въ Смоленскѣ; когдаже потомство Святополка было лишено своихъ областей, то Вячеславъ былъ переведенъ въ Туровъ, а въ Смоленскѣ на его мѣсто сѣлъ третій сынъ Мстислава, Ростиславъ: первый, Всеволодъ княжилъ въ Новгородѣ, а второй, Изяславъ, отличавшійся храбростью изъ всѣхъ Мстиславичей, былъ отправленъ въ новозавоеванный и слѣд. менѣе прочный Курскъ, хотя Курскъ, разумѣется, былъ ниже Смоленска, по достоинству [2].

---

[1] Ипатьев. 4. г. 1114: Посади сына своего Святослава въ Переяславлѣ, и Вячьслава у Смолепьскѣ.—г. 1115: преставися Святославъ, сынъ Володимерь, и положенъ бысть въ Переяславлѣ, ту бо отець ему далъ столъ выведы и изъ Смолепьска.

[2] Курскъ былъ отнятъ у Черниговскихъ. Мономаховичи посадили здѣсь храбраго Изяслава, дабы онъ препятствовалъ соединенію Ольговичей съ Половцами. Лавр. 130: Мстиславъ же съ Ярополкомъ совокуписта воѣ, хотяще

Юрій Владиміровичъ княжилъ въ Ростовской области, Андрей во Владимірѣ на Волынѣ.

Я сказалъ, что Мстиславъ былъ похожъ на отца, слѣд. княженіе его должно было служить продолженіемъ Мономахова. Князья Полоцкіе не хотѣли повиноваться старшему въ родѣ Ярослава: Мстиславъ собралъ всѣхъ князей, и послалъ ихъ на Кривскую землю. Я приведу слова лѣтописи, чтобъ показать, въ какомъ послушаніи были у Мстислава всѣ родичи, чтобъ показать, какія отношенія долженствовали быть между старшимъ и младшими родичами, при умномъ и твердомъ В. Князѣ: „Въ тоже лѣто посла князь Мстиславъ братью свою на Кривичѣ, четырми пути: Вячеслава изъ Турова, Андрѣя изъ Володимеря, и Всеволодка изъ Городна [1] и Вячеслава Ярославича изъ Кльчьска [2], тѣмъ *повелъ* ити къ

ити на Всеволода про Ярославъ; и Всеволодъ послася по Половцѣ. И приде ихъ 7 тысящь со Селукомъ и (съ Ташемъ), и сташа у Ратьмирѣ дубровы за Выремъ. Послали бо бяхуть послы ко Всеволоду, и не пропустиша ихъ опять, Ярополчи бо бяхуть посадници по всей Семи, и *Мстиславича Изяслава посадилъ Курьскѣ.*

[1] Всеволодко Давыдовичь, внукъ Игоря Ярославича, за нимъ была дочь Мономаха. Догадка Карамзина.

[2] Карамзинъ (т. II, гл. VIII) думаетъ, что это сынъ Ярослава Святополковича, бывшаго князя Владимірскаго; Ярославъ женился въ 1112 году (Ипатьев. 3), положимъ, что Вячеславъ былъ первенецъ и родился черезъ годъ— и тогда въ 1127 году ему было только 14 лѣтъ! впрочемъ въ это время князей водили въ походы очень молодыми.

Изяславлю; а Всеволоду Олговичю *повелѣ* ити съ своею братьею на Стрѣжевъ къ Борисову, и Ивана Войтѣшича тужe посла съ Торкы, и сына своего Изяслава, изъ Курьска, съ своимъ полкомъ посла ѝ на Логожескъ, а другаго сына своего Ростислава посла съ Смолняны на Дрьютескъ, рекъ имъ въ одинъ день всѣмъ пустити на воропъ, мѣсяца Августа въ 4 день [1]." Полочане, стѣсненные такою сильною ратью, выгнали князей, непріятныхъ Мстиславу, и приняли князя отъ его руки [2]. Но потомки Рогволода не могли забыть наслѣдственной ненависти къ Ярославичамъ, и не думали слушаться словъ В. Князя, звавшаго ихъ на помощь противъ Половцевъ: тогда Мстиславъ, управившись съ варварами, послалъ схватить 5-хъ Полоцкихъ князей, и въ трехъ лодкахъ отправилъ ихъ въ Царьгородъ; по городамъ Кривскимъ сѣли посадники Мстислава [3], но послѣ мы

---

[1] Лавр. 130.

[2] Тамъ же, 131.

[3] Ипатьев. 15: зане не бяхуть его воли и не слушахуть его, коли ѣ зовяшеть въ Русскую землю въ помощь, но паче молвяху Бонякови шелудивому во здоровье, и про се ся Мьстиславъ разъгнѣвася на нѣ и хотяше на ня ити, но не лзѣ бо бяшеть ити, зане бяху бо тогда налегли Половци на Русь, и тому стояшеть бьяся съ ними ся перемагаяся. И упорозьнися Мьстиславъ отъ рати, и помяну, первѣи посла по Кривитьстѣи князѣ, по Давыда, по Ростислава и Святослава и Рогъволодича два, и усажа у три людьи и поточи ѝ Царю-граду, за неслушаніе ихъ, а мужи свои посажа по городомъ ихъ.

видимъ тамъ втораго сына его, Изяслава, переведеннаго въ Полоцкъ изъ Курска.

Въ 1132 году умеръ Мстиславъ. Здѣсь мы оканчиваемъ первую главу въ нашей исторіи княжескихъ отношеній по смерти Ярослава I-го: какой же мы замѣтили характеръ въ этихъ отношеніяхъ? Мы видѣли, что всѣ борьбы, всѣ усобицы, имѣвшія мѣсто отъ смерти Ярослава I-го до смерти Мстислава I-го, происходятъ отъ исключенія племянниковъ изъ сонаслѣдія съ дядьми; борьба идетъ въ трехъ областяхъ: Полоцкой, Черниговской, Владиміро-Волынской. Первая оканчивается при Мстиславѣ I-мъ изгнаніемъ потомковъ Изяслава Владиміровича въ Грецію; вторая при Святополкѣ Изяславичѣ, на Любечьскомъ съѣздѣ, возвращеніемъ несправедливо исключеннымъ Святославичамъ отцовской области; третья борьба оканчивается также при Святополкѣ, на Витичевскомъ съѣздѣ исключеніемъ Давида Игоревича и раздѣленіемъ области между двумя остальными соперничествующими линіями — Изяслава и Владиміра Ярославичей: но это самое раздѣленіе спорной области вело къ новой враждѣ между линіями подѣлившими её, между Ярославомъ Святополчичемъ и Ростиславичами, сюда присоединилась вражда Ярослава къ Мономаху, и дѣло кончилось тѣмъ, что участокъ Изяславичей перешелъ ко Всеволодовичамъ. При этомъ не должно думать однако, что междоусобія идутъ за области — Черниговскую или Владиміроволынскую; этѣ области служатъ только средствомъ для исключен-

ныхъ князей снова войти въ родъ и во владѣніе родовою собственностію; имъ нѣтъ нужды, какія бы волости имъ не дали, только бы ввели ихъ въ родъ; но такъ какъ отцы ихъ княжили въ означенныхъ областяхъ, то они домагаются, по крайней мѣрѣ, получить ихъ, хотя въ *отдѣльную собственность*, наподобіе княжества Полоцкаго, чего и достигли Ростиславичи въ Галиціи; но Святославичи, получивъ опять отцовскую Черниговскую область, не хотятъ ограничиться сю и выдѣлиться изъ рода Ярославова, что и подастъ поводъ къ новымъ спорамъ, о которыхъ будетъ рѣчь въ слѣдующихъ главахъ.—Второе главное явленіе, замѣченное нами въ описанномъ періодѣ есть отстраненіе волею граждавъ старшей линіи отъ старшинства, и передача его въ третью линію Ярославова потомства.

ГЛАВА V-я.

Отношенія между Русскими князьями отъ смерти Мстислава I-го до взятія Кіева войсками Андрея Боголюбскаго.

Послѣ Мстислава старшинство принялъ братъ его Ярополкъ Владиміровичь: лѣтописецъ говоритъ, что Мстиславъ оставилъ княженіе брату своему Ярополку и дѣтей своихъ передалъ ему на руки; [1] но въ другомъ спискѣ лѣтописи объясняется, почему Мстиславъ распорядился такимъ образомъ, почему былъ увѣренъ, что братъ получитъ послѣ него старшинство, и потому поручилъ ему позаботиться объ участи своихъ дѣтей, что Ярополкъ, самъ бездѣтный, могъ исполнить какъ нельзя лучше: Мстиславъ зналъ расположеніе Кіевлянъ, которые не хотѣли никого, кромѣ Мономаховичей; вотъ что говоритъ лѣтопись: „преставися Мстиславъ, сынъ Володимерь; и сѣде по немъ братъ его Ярополкъ, княжа Кыевѣ, *людье бо*

---

[1] Ипатьев. 12. Преставися благовѣрный князь Мьстиславъ, Володимерь сынъ, оставивъ княженіе брату своему Ярополку, ему же и дѣти свои съ Богомъ на руцѣ предасть.

Кыяне послаша понь [1].“ Слѣд. Черниговскіе князья не могли и на этотъ разъ ничего предпринять противъ Мономаховичей, потому что обстоятельства были тѣже самыя, какъ при Мономахѣ и Мстиславѣ. Имъ не было никакой надежды, пока миръ господствовалъ въ родѣ Мономаха: но, къ несчастію для Руси, это господство было непродолжительно. Мы видѣли, что усобицы, имѣвшія мѣсто при сыновьяхъ и внукахъ Ярослава I-го происходили отъ того, что дядья исключали племянниковъ изъ владѣнія родовою собственностію; но борьба между князьями, начавшаяся по смерти Мстислава, носитъ совершенно другой характеръ: теперь уже князья бьются не для того, чтобъ снова получить участки въ родовой собственности, они бьются за старшинство. Внуки и правнуки Святослава враждуютъ теперь со внуками и правнуками Всеволода уже не за область Черниговскую, но за старшинство, за Кіевъ, теперь уже Мономаховичи не изгоняютъ Святославичей изъ Чернигова, но хотятъ только исключить ихъ изъ владѣнія Кіевомъ, твердятъ имъ: оставайтесь за Днѣпромъ какъ распорядился прадѣдъ нашъ Ярославъ Великій; Ольговичи отвѣчаютъ: „мы не Венгры и не Ляхи, но потомки одного предка и отказаться отъ Кіева не можемъ“, слѣд. являются защитниками нераздѣльнаго, общаго владѣнія; но они знаютъ, что право старшинства разънарушено и возстановить его

---

[1] Лавр. 132.

трудно въ слѣдствіе столкновенія противуположныхъ правъ и интересовъ: Мономаховичи считаютъ полное право на своей сторонѣ, ибо Святославичи не противились троекратному нарушенію своего права и такимъ образомъ добровольно отказались отъ него. Вотъ почему, когда Святославичамъ удается перейти на западную сторону Днѣпра, овладѣть Кіевомъ, то они хотятъ перебраться всѣ на эту завѣтную сторону, оставить ее за потомствомъ, въ свою очередь исключить Мономаховичей, отбросить ихъ на Востокъ: какая же цѣль этого стремленія? желаніе прервать единство рода, раздѣлиться? проглядываетъ ли тутъ начало новаго порядка вещей, новыхъ отношеній? ничего подобнаго: имъ хочется только удержать постоянно старшинство за собою, въ томъ самомъ значеніи, въ какомъ его тогда понимали, оставляя въ силѣ всѣ прежнія отношенія старшаго къ младшимъ членамъ рода, однимъ словомъ Святославичи хотятъ Кіева не для Кіева, но для старшинства.

Но борьба за старшинство идетъ не между одними Святославичами и Всеволодовичами; три княжескія линіи, игравшія прежде важную роль-линія Изяслава Владиміровича Полоцкаго, Изяслава и Игоря Ярославичей вышли теперь изъ борьбы (хотя Полоцкіе князья возвращаются изъ Греціи, но уже не имѣютъ никакого вліянія на отношенія между Ярославичами); но за то встала страшная котора въ самомъ родѣ Мономаховомъ. Здѣсь, по видимому, повторяется прежняя борьба, борьба дядей съ племян-

никами, но опять уже съ другимъ значенiемъ: дядья не исключаютъ племянниковъ изъ владѣнія родовою собственностію, но враждуютъ съ ними за старшинство, не хотятъ допустить, чтобы дѣти старшаго брата отнимали старшинство и столъ Кіевскій у младшихъ дядей своихъ, въ слѣдствіе новаго представленія, что старшій сынъ старшаго брата есть старшій братъ дядьямъ своимъ.

Но борьба за это новое представленіе о старшинствѣ началась не между Мономаховичами, а между Святославичами, еще при жизни Мстислава I-го. Въ 1128 году Всеволодъ Ольговичь схватилъ дядю своего Ярослава въ Черниговѣ, отправилъ его въ Муромъ, а самъ сѣлъ на старшемъ столѣ своего рода. Мстиславъ хотѣлъ было защищать права дяди, но былъ остановленъ однимъ духовнымъ лицемъ, Игуменомъ Кіевскаго Андреевскаго монастыря, Григоріемъ, который пользовался всеобщимъ уваженіемъ. Одинъ ли страхъ пролитія Христіанской крови руководилъ совѣтами этого Игумена, или другое что-нибудь, неизвѣстно; по крайней мѣрѣ лѣтопись говоритъ, что Всеволодъ богатыми подарками склонялъ на свою сторону Кіевскихъ бояръ, думцевъ великокняжескихъ; вѣроятно Кіевляне, нетерпѣвшіе Черниговскихъ, радовались междоусобію, между ними возникшему, и не хотѣли проливать кровь свою ни за одного изъ Святославичей. Какъ бы то ни было, Всеволодъ удержался на Черниговскомъ столѣ; однако Мстиславъ, помня отцовское завѣщаніе не нарушать

даннаго слова, всю жизнь терзался мыслію, что не сдержалъ клятвы, данной Ярославу [1].

Не смотря однако на то, Мстиславъ самъ былъ виновникомъ подобнаго же явленія въ собственномъ родѣ: онъ уговорился съ братомъ и преемникомъ своимъ Ярополкомъ, что бы тотъ, перейдя изъ Переяславля въ Кіевъ, отдалъ прежній столъ старшему сыну Мстислава, Всеволоду, тогда князю Новгородскому, подъ незаконнымъ предлогомъ, что Мономахъ отдалъ Переяславль имъ обоимъ вмѣстѣ, Мстиславу и Ярополку [2]. Послѣдній поклялся исполнить жела-

---

[1] Ипатьев. 10. Ольговичь Всеволодъ я стръя своего Ярослава Черниговѣ, изъѣхавъ и́, а дружину его изсѣче и разъграби........ Мьстиславу бо боли належащу на Всеволода... Всеволодъ же пача ся молити Мьстиславу, и бояры его подъучивая и дары дая, молящеться имъ; и тако пребысть все лѣто до зимы. И пріиде Ярославъ изъ Мурома къ Мьстиславу, кланяяся ему моляшаться, река: „хресть еси цѣловалъ ко мнѣ, пойди на Всеволода."—Всеволодъ же болма моляшеться Мьстиславу. Бяшеть бо въ ты дни игумень святаго Андрея Григорій, любимь бо бѣ преже Володимеромъ, чтенъ же ото Мьстислава и ото всихъ людей, тотъ бо не вдадяше Мьстиславу въстати ратью по Ярославѣ, река: „тоти менше есть, оже переступивъ хрестьное цѣлованіе на рать не встанешь, неже кровь пролити хрестьяньскую." И съвъкупивъше сборъ іерейскый, митрополита же въ то время не бяше, и рекоша Мьстиславу: „на ны будеть тотъ грѣхъ" И створи волю ихъ, и съступи хреста Мьстиславъ къ Ярославу, и плакася того вся дни живота своего.

[2] Лавр. 132. Ярополкъ приведе Всеволода Мстиславича изъ Новгорода, и да ему Переяславль по хрестьному цѣло-

ніе брата, и точно, какъ скоро получилъ старшинство, такъ тотчасъ же послалъ звать Всеволода въ Переяславль. Но этотъ городъ былъ самымъ старшимъ столомъ послѣ Кіева, въ областяхъ Мономаховичей, столомъ Всеволода и Мономаха, который отдалъ его старшимъ сыновьямъ своимъ [1], слѣд. Мстиславъ перешелъ въ Кіевъ изъ Переяславля, Ярополкъ также. Вотъ почему, когда младшіе Владиміровичи— Юрій Ростовскій и Андрей Владиміро-Волынскій узнали о перемѣщеніи племянника Всеволода въ Переяславль, то первой ихъ мыслію было, что это шагъ къ старшинству мимо ихъ, особенно когда предъ глазами былъ примѣръ Ярослава Святославича, согнаннаго со старшаго стола племянникомъ, при видимомъ потворствѣ старшихъ Мономаховичей—Мстислава и Ярополка; лѣтопись говоритъ, что Юрій и Андрей прямо сказали: „се Ярополкъ, братъ наю, по смерти своеи хощеть дати Кыевъ Всеволоду, братану своему [2],“ и сиѣшили предупредить племянника. Утромъ въѣхалъ Всеволодъ въ Переяславль, и

ванью, акоже ся бяше урядилъ съ братомъ своимъ Мстиславомъ, по отчю повелѣнью, акоже бяше има далъ Переяславль съ Мстиславомъ.

[1] См. предыдущее примѣчаніе. Слѣд. Мстиславъ считался княземъ Переславскимъ, а жилъ только въ Бѣлгородѣ, чтобъ быть поближе къ Кіеву, на случай отцовской смерти, и еще вѣроятно для того, чтобъ стоять на сторожѣ противъ покушеній Ярослава Святополчича изъ Владиміра.

[2] Новгор. пер. 6.

до обѣда еще былъ выгнанъ дядею Юріемъ, [1] который однако сидѣлъ въ этомъ городѣ не болѣе 8 дней, потому что Великій Князь, помня клятву, данную покойному брату, вывелъ его оттуда, и вызвалъ на его мѣсто другаго Мстиславича, Изяслава, княжившаго въ Полоцкѣ [2], давъ ему клятву поддержать его въ Переяславлѣ. Вѣроятно Всеволодъ уже не хотѣлъ въ другой разъ мѣнять вѣрный удѣлъ на невѣрный, да и Ярополкъ не хотѣлъ раздражать Новгородцевъ. Но такое распоряженіе не могло успокоить дядей: въ каждомъ племянникѣ, который сидѣлъ въ Переяславлѣ, они видѣли наслѣдника старшинства, будущаго владѣльца Кіевскаго; притомъ Полочане, не терпѣвшіе, подобно всѣмъ гражданамъ Русскимъ, когде князь покидалъ ихъ городъ для другаго, выгнали Изяславова брата Святополка, и приняли другаго князя [3]. Тогда Ярополкъ, видя неудовольствіе братьевъ, и видя что Полоцкое княжество, оставленное храбрымъ Изяславомъ, отходитъ отъ Мономахова рода, перевелъ неволею Изяслава опять въ Минскъ (все, что осталось у Мономаховичей отъ Полоцкаго княжества), придавъ ему Туровъ

---

[1] Лавр. 132, Ипатьев. 12.

[2] Лавр. 132, Ипатьев. 12. И сѣдѣ Гюрги днiй 8, и выведе и Ярополкъ хрестьнаго ради цѣлованья, и посла по другаго Мстиславича въ Полтескъ, и приведе и съ клятвою. Въ Никон. (II, 66) все перепутано.

[3] Тамъ же: Полочане же рекша: „лишается насъ,“ и выгнаша Святополка. О послѣднемъ см. Арцыбаш. Повѣств. о Россіи, т. I, кн. II, стр. 74, примѣч. 451.

и Пинскъ, волость старшаго своего брата Вячеслава, котораго перевелъ въ Переяславль, и такимъ образомъ прекратилъ вражду Юрія и Андрея, хотя съ двоекратнымъ нарушеніемъ клятвы — Мстиславу и Изяславу. Но всѣ планы Ярополка разрушилъ Вячеславъ: этотъ честолюбивый, но вмѣстѣ съ тѣмъ слабый, безхарактерный, робкій князь прельстился сначала честію Переяславскаго стола, но потомъ ему стало страшно сидѣть здѣсь вблизи Святославичей Черниговскихъ и Половцевъ: онъ вышелъ изъ Переяславля и сѣлъ въ прежней волости своей, Туровѣ, выгнавъ оттуда Изяслава. Тогда Ярополкъ рѣшился на послѣднее средство для прекращенія которы: онъ склонился на требованіе Юрія Ростовскаго, отдалъ ему Переяславль съ тѣмъ однако, чтобъ тотъ уступилъ В. Князю прежнюю свою Ростовскую область, хотя не всю, ибо Юрій оставлялъ себѣ, на всякій случай, убѣжище на Сѣверѣ [1]. Вѣроятно Ярополкъ хотѣлъ отдать Ростовскую землю Изяславу:

---

[1] Лавр. 132, Ипатьев. 12. Видѣвъ же то Ярополкъ, уладися съ братьею и да Переяславль Вячеславу, а Изяслава выведе съ нужею; тое же зимы даша Изяславу Туровъ и Пинскъ къ Мѣньску, то бо бяшеть его осталося передьнiѣ волости его; и тако хресть цѣловаша, и поча лишатися Вячеславъ Переяславля, и дошедъ Городца воротися опять. Въ лѣто 6642 выиде Вячеславъ изъ Переяславля, и иде опять Турову, не послушавъ брата своего Ярополка. Въ лѣто 6643 Георгій князь Володимеричь испроси у брата своего Ярополка Переяславль, а Ярополку вда Суждаль, и Ростовъ, и прочюю волость свою, но не всю. . . . .

этою сдѣлкою онъ надѣялся успокоить братьевъ, помѣстивъ ихъ всѣхъ около себя на Руси, и отдавъ племянникамъ, какъ младшимъ, самую отдаленную область на сѣверѣ. Но онъ уже не былъ болѣе въ состояніи исполнить это намѣреніе: Изяславъ, дважды изгнанный, видѣлъ только одну несправедливость со стороны дядей; онъ удалился въ Новгородъ, къ брату Всеволоду, и, питая ненависть къ Юрію, какъ виновнику всѣхъ своихъ бѣдствій, уговорилъ брата идти съ Новгородцами на этого дядю: война началась на сѣверѣ [1]. Тогда то Святославичи увидали, что пришла наконецъ ихъ пора; они заключили союзъ съ недовольными Мстиславичами, призвали Половцевъ и вооружились на старшихъ Владиміровичей: „вы первые начали насъ губить", говорили они послѣднимъ. Всего болѣе Ольговичи были озлоблены за то, что старшіе Мономаховичи, Мстиславъ и Ярополкъ, сбираясь идти войною на Всеволода Ольговича за изгнаніе Ярослава Святославича, и не желая допустить перваго до соединенія съ Половцами, поспѣшили захватить Курскъ и города по р. Семи: въ Курскѣ посадили Изяслава Мстиславича, а по Семи своихъ посадниковъ; [2] послѣ Всеволодъ, довольный

[1] Подробности см. въ моемъ изслѣдованіи объ Отношеніяхъ Новгорода къ В. Князьямъ, стр. 64 и слѣд.

[2] Лавр. 130. Мстиславъ же съ Ярополкомъ совокуписта воѣ, хотяще ити на Всеволода про Ярослава; и Всеволодъ посласяпо Половцѣ. И приде ихъ 7 тысящь съ Селукомъ (и съ Ташемъ), и сташа у Ратьмирѣ дубровы за Выремъ. Послали бо бяхуть послы ко Всеволоду, и не пропусти-

уже тѣмъ что остался на Черниговскомъ столѣ, не смѣлъ требовать у Мстислава возвращенія отчинныхъ городовъ, которые и остались за Мономаховичами; но теперь Черниговскій князь, пользуясь усобицею между Мономаховичами, началъ требовать у Ярополка ихъ возвращенія: „возврати наши отчинные города, если же не возвратите, то не жалѣйте о слѣдствіяхъ: вы будете виноваты, на васъ будетъ кровь [1]."

Ярополкъ, располагая соединенными силами всѣхъ братьевъ, думалъ сначала, что можетъ дружнымъ ударомъ задавить Святославичей, и спѣшилъ къ Чернигову; но принужденъ былъ отступить безъ успѣха отъ этого города, а между тѣмъ Всеволодъ Ольговичь съ Изяславомъ и Святополкомъ Мстиславичами,

---

на ихъ опять, Ярополчи бо бяхуть посадници по всей Семи, и Мстиславича Изяслава посадилъ Курьскѣ." Что Курскъ съ по-семскими городами принадлежалъ точно Ольговичамъ, свидѣтельствуетъ слѣдующее мѣсто лѣтописи Ипатьев. 45: И посла (Юрій) по Володимира по Давыдовича Чернигову, и пріѣха Володимиръ къ Гюргеви и поклонися ему; а Святославъ Ольговичь нача ему молвити: „держиши *отчину мою*," и тогда взя Курскъ и съ Посемьемъ, и Сновьскую тисячю у Изяслава, и Случьскъ, и Кльчьскъ, и вси Дрегвичь.—Курскъ, какъ мы видѣли, былъ отданъ Мстиславомъ сыну своему Изяславу, а Клечьскъ одному изъ потомковъ Изяслава I-го, Вячеславу, см. выше.

[1] Ипатьев. 13: Ольговичи начаша просити у Ярополка: что ны отець держалъ при вашемъ отци, тогоже и мы хочемъ; аже не вдасть, то не жалуйте что ся удѣеть, то вы виновати, то на васъ буди кровь.

пришедшими съ Сѣвера, и съ Половцами, пожегъ область Переяславскую, и доходилъ до самаго Кіева. Тогда дядья, чтобы отвлечь племянниковъ отъ Святославичей, примирились съ ними. Изяславу отдали Владиміръ-Волынскій, изъ котораго Андрея Владиміровича перевели въ Переяславль [1]. Юрій Ростовскій видѣлъ, какъ спорны Русскіе столы, и потому, поживъ нѣсколько времени на Руси, удалился въ свою вѣрную сѣверную волость; онъ былъ успокоенъ тѣмъ, что въ Переяславлѣ будетъ княжить младшій братъ его, а не сынъ старшаго брата: знакъ, что Изяславъ имѣлъ больше правъ на старшинство, чѣмъ Андрей Владиміровичь, и потому казался опаснѣе дядѣ Юрію [2].

Примиреніе членовъ Мономахова рода разстроило планы Святославичей; но, испытавъ разъ свои силы съ успѣхомъ, они хотѣли кончить начатое. Въ 1136 году они явились подъ Переяславлемъ, Ярополкъ вышелъ къ нимъ на встрѣчу, Святославичи отступили къ Супою. Ярополкъ, о воинственности котораго мы уже имѣли случай замѣтить, обнаружилъ тутъ безразсудную храбрость: понадѣясь на силы одной своей дружины, онъ не дождался осталь-

---

[1] Ипатьев. 13.

[2] Это было въ 1135 году, а Юрій ушелъ къ себѣ въ Ростовъ только въ 1137 году; (Ипатьев. 14.) слѣд. онъ долго оставался въ Руси и жилъ, вѣроятно, въ Городкѣ, который, вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими городами, постоянно оставался за нимъ. см. Ипатьев. 65, 66. Лавр. 135: поима городы Гюргевы Олговичь. Ипатьев. 17.

ныхъ полковъ, и завязалъ бой, въ которомъ былъ разбитъ на голову. Святославичи подступили къ Кіеву и заключили миръ на всей своей волѣ: В. Князь уступилъ имъ Курскъ и по-семскіе города. Всѣ Мономаховичи сильно вознегодовали на своего старшаго за такой постыдный договоръ, но уже не льзя было поправить дѣла [1].

Изгнаніе Святослава Ольговича изъ Новгорода Великаго заставило братьевъ его снова приняться за оружіе, и призвать Половцевъ. Андрей Переяславскій, покинутый братьями безъ помощи, не могъ одинъ сопротивляться Черниговскимъ, и хотѣлъ было уже бѣжать изъ Переяславля; но Святославичи, обрадовавшись неудовольствію Андрея на братьевъ, захотѣли снова посѣять вражду между Мономаховичами, и потому увѣрили его въ своемъ дружелюбіи [2].

---

[1] Ипатьев. 14: Ярополкъ же бяше събралъ множьство вой нань изо всихъ земль, и пріемъ размотрѣніе въ сердци, не изиде нань противу, ни створи кровопролитья: но убояся суда Божія, створися мній въ нихъ, хулу и укоръ прія на ся отъ братьѣ своея и отъ всихъ, по рекшему: любите враги ваша. И створи съ ними миръ въ 12 генваря, и цѣловаше хресть межю собою, ходячю межи ими честьному Михаилу Митрополиту со крестомъ, и вда Ярополкъ Олговичемъ отчину свою, чего и хотѣли.

[2] Лавр. 133. Послаша Олговичи по Половци, и начаша воевати по Сулѣ; Андрѣеви же не могущю супротивитися имъ, а отъ братьи не бысть ему помощи, и всхотѣ лишитися Переяславля; и тако увѣдѣвше Олговичи, яко Андрѣеви не бысть помощи отъ братьѣ, и лестными словесы аки безъ печали и створиша.

Задержаніе Святослава Ольговича въ Смоленскѣ еще болѣе усилило вражду Святославичей: они двинулись къ Кіеву. Это заставило В. Князя принять мѣры рѣшительныя: онъ соединилъ войска всѣхъ братьевъ и племянниковъ, призвалъ на помощь Венгровъ и Берендѣевъ, и пошелъ къ Чернигову; Всеволодъ не могъ противиться такой силѣ, и принужденъ былъ смириться [1].

Это былъ послѣдній подвигъ въ жизни Ярополка: возвратясь въ Кіевъ, онъ скончался въ 1139 году. Клятва данная брату содѣлала несчастіе всей жизни Ярополковой: связанный ею, онъ хотѣлъ непремѣнно помѣстить племянниковъ на Руси, и между тѣмъ хотѣлъ вмѣстѣ удовлетворить требованіямъ братьевъ; почему обращался отъ одной полумѣры къ другой, которыя, не утишая вражды, возбуждали только негодованіе противъ него, какъ въ братьяхъ, такъ и въ племянникахъ. Увидавъ страшное зло отъ союза Мстиславичей съ Черниговскими князьями, Ярополкъ благоразумно поспѣшилъ разорвать этотъ союзъ удовлетвореніемъ племянниковъ: но безразсудная храбрость

---

[1] Ипатьев. 15. И владившеся цѣловаша честьный крестъ, раздошася кождо въ свояси. Лавр. 133: И посла (Всеволодъ) съ покореньемъ къ Ярополку, испроси миръ, и цѣловаше честный крестъ, и створиша миръ, и раздошася славяще Бога. И по семь пакы створиста миръ Ярополкъ со Всеволодомъ Олговичемъ, и дары многы межю собою даяше, и идоста разно всвояси.

вождя испортила дѣло умнаго родоначальника, и Супойская побѣда дала Святославичамъ возможность предъявить снова свои требованія. Чего они не могли вполнѣ достигнуть при Ярополкѣ, того достигли при слабомъ преемникѣ его Вячеславѣ. Едва послѣдній успѣлъ сѣсть на братній столъ, какъ Всеволодъ Ольговичь подступилъ къ Кіеву; Вячеславъ не могъ сопротивляться, выѣхалъ опять изъ Кіева въ Туровъ, а Всеволодъ занялъ его мѣсто [1]. Мы должны обратиться къ причинамъ такого страннаго явленія: какимъ образомъ Мономаховичи позволили Святославову внуку занять старшій столъ? Въ это время линія Мономаха была въ самомъ затруднительномъ положеніи, именно была безъ главы, и при томъ вражда господствовала между ея членами. Старшимъ въ этой линіи оставался Вячеславъ Туровскій, но мы видѣли его характеръ, дѣлавшій его совершенно неспособнымъ блюсти интересы рода, поддерживать въ немъ единство, нарядъ. Слѣдующій за нимъ братъ, Юрій Ростовскій не былъ похожъ на отца ни въ умственномъ, ни въ нравственномъ отношеніи: какъ правитель, и какъ человѣкъ онъ не могъ заслужить уваженія и привязанности родичей и чужихъ; третій братъ, Андрей Переяславскій также не отличался дѣятельностію, да еслибъ и захотѣлъ отличиться его, то, какъ самый младшій изъ братьевъ, долженъ былъ бы войти въ неріяз-

---

[1] Ипатьев. 15, Лавр. 134.

ненныя столкновенія съ интересами старшихъ. Князь, который своими личными доблестями одинъ могъ быть представителемъ Мономахова рода, поддержать его интересы — это былъ Изяславъ Мстиславичь Владиміро-Волынскій, старшій сынъ старшаго изъ Мономаховичей (Всеволодъ Мстиславичь умеръ въ 1138 г.). Онъ вполнѣ наслѣдовалъ благородный характеръ своего знаменитаго дѣда. Какъ тотъ, неутомимый воитель, какъ тотъ, необыкновенно щедрый къ дружинѣ, не раздѣлявшій своихъ выгодъ отъ выгодъ людей, его окружавшихъ, и наконецъ необыкновенно привѣтливый къ народу, Изяславъ былъ образцемъ князя, по тогдашнимъ понятіямъ, и слѣд. одинъ былъ въ состояніи поддержать любовь народа къ Мономахову потомству. Но, къ несчастію, событія предшествовавшія поставили Изяслава во враждебныя отношенія къ старшимъ членамъ рода: дядья видѣли въ немъ хищника правъ своихъ, а онъ смотрѣлъ на дядей, какъ на гонителей несправедливыхъ. Эта то несчастная вражда лучшаго изъ Мономаховичей со старшими членами рода и объясняетъ намъ успѣхъ Ольговича. Находясь, съ одной стороны, во враждѣ съ родными дядьми, съ другой Изяславъ былъ въ тѣсномъ свойствѣ со Всеволодомъ Ольговичемъ, который былъ женатъ на старшей его сестрѣ и, по тогдашнимъ понятіямъ, какъ старшій зять, заступалъ мѣсто старшаго брата и отца. Вотъ почему Изяславъ охотно бы видѣлъ на старшемъ столѣ Всеволода Ольговича, если бы послѣдній, считая себя

по женѣ старшимъ въ семьѣ Мстиславичей, примкнулъ совершенно къ этой семьѣ, ибо тогда, по смерти его, Кіевъ естественно переходилъ къ старшему по немъ брату между Мстиславичами, т. е. къ Изяславу. Но въ такомъ случаѣ Всеволодъ Ольговичь долженъ былъ бы отказаться отъ рода Святославова, пренебречь его интересами, а тогда что сталось бы съ его сыновьями? Внуки Олега и между тѣмъ исключенные изъ рода Святославова могли ли они ожидать, что Мстиславичи признаютъ право ихъ на старшинство потому только, что они происходятъ отъ внуки Мономаха; не ясно ли было, что отставши отъ своего рода и не примкнувъ къ другому, они будутъ отвергнуты обоими и лишены всякаго участка въ родовой собственности. Такимъ образомъ интересы сыновей должны были удержать Всеволода отъ измѣны своему роду, но тѣ же самые интересы сыновей заставляли его щадить и Мономаховичей, ибо онъ видѣлъ, что они превосходятъ Святославичей матеріальными силами, по самому количеству волостей, ими владѣемыхъ, и личными доблестями старшаго Мстиславича, которому нельзя было противопоставить ни одного изъ Святославичей; видѣлъ, что только одно разъединеніе въ этой могущественной семьѣ даетъ ему надежду овладѣть старшинствомъ, но что рано или поздно Мономаховичи могутъ соединиться, пересилить снова Святославичей, и тогда опять что станется съ его сыновьями? между тѣмъ какъ щадя Мстиславичей, онъ пріобрѣталъ въ нихъ покровителей для своего сына, а ихъ племянника, въ чемъ и не ошиб-

ся, какъ увидимъ послѣ. При томъ Всеволодъ, какъ мы уже сказали, зналъ могущество Мономаховичей, зналъ, что только поддерживая разъединеніе въ этой семьѣ, онъ можетъ утвердиться въ Кіевѣ, и потому никакъ не хотѣлъ выводить Мономаховичей изъ терпѣнія, что заставило бы ихъ соединиться; напротивъ ему было необходимо имѣть на своей сторонѣ самаго доблестнаго въ ихъ родѣ, Изяслава Мстиславича, отвлечь его отъ союза съ дядьми, что ему было легко сдѣлать по такому близкому родству съ нимъ. Однимъ словомъ Всеволодъ сознавалъ непрочность, шаткость своего положенія, и потому, смотря болѣе впередъ, рѣшился щадить на всякій случай и тѣхъ и другихъ, и родныхъ братьевъ, и шурьевъ Мстиславичей, и тѣмъ поставилъ себя навсегда въ ложное положеніе. Татищевъ [1] прямо говоритъ, что Все-

---

[1] II, 259. Всеволодъ же Олговичъ, вѣдая, что Вячеславу Юрій слабости его ради владѣть недастъ, и опасаяся, чтобъ Мстиславичи ко стрыямъ своимъ не пристали, созвалъ братію свою Игоря и Святослава Олговичевъ, Владиміра и Изяслава Давидовичевъ, и объявилъ имъ намѣреніе свое, что хочетъ достать себѣ великое княженіе, требуя ихъ помощи, а за сіе ихъ наградить владѣніями: Давидовичамъ отдать Черниговъ, Игорю Переяславль, Святославу Курскъ, а Сѣверу и Вятичь до времени себѣ оставилъ со всѣми областьми, и согласясь потомъ послалъ на скоро къ Изяславу Мстиславичу съ тѣмъ представленіемъ: „хотя тебѣ по отцѣ Кіевъ надлежитъ (это могъ сказалъ Всеволодъ, выгнавши дядю); но дядья твои, а наче Юрій, не дадутъ тебѣ удержать, какъ самъ знаешь, что и прежде васъ изгоняли, и естьли бы не я, то бы вы никакого удѣла отъ Юрія получить не могли; то-

володъ, намѣреваясь овладѣть Кіевомъ по смерти Ярополка, сдѣлалъ такой рядъ съ братьями, что двоюродные, Давидовичи получатъ Черниговъ, а родные, Ольговичи должны получить волости Мономаховичей, которыхъ предположено изгнать въ области отдаленнѣйшія и худшія. Такого распоряженія требовали собственно интересы Святославова рода. Но въ то же время Всеволодъ вошелъ въ сношеніе съ Изяславомъ Волынскимъ, обѣщаясь дѣйствовать въ интересѣ семьи Мстиславовой, и отдать послѣ себя ему Кіевъ. Но тотчасъ же Всеволодъ испыталъ слѣдствіе такого двоедушія: по первому договору съ братьями онъ долженъ былъ изгнать Мономаховичей, но вмѣсто того онъ началъ договариваться съ ними о мирѣ. Тогда родные его братья, обманутые въ надеждѣ получить волости Мономаховичей, требовали, по крайней мѣрѣ, своей отчины—Чернигова: но Всеволодъ оставилъ послѣдній городъ во владѣніи Вла-

---

го ради нынѣ хочу я Кіевъ взять, и васъ, яко братію, содержать, не токмо нынѣ надлежащими владѣніями васъ удовольствую, но и по смерти моей Кіева мимо тебя ни сыну моему не отдамъ, токмо вы не собирайтесь противо меня со стрыями вашими." Что Изяславъ принявъ себѣ за полезное, крестнымъ цѣлованіемъ сей договоръ утвердили."—Этимъ только можно объяснить равнодушіе Кіевлянъ къ занятію Ольговичемъ ихъ города: они видѣли, что Изяславъ Мстиславичь, котораго они считали представителемъ любимаго Мономахова рода, заодно со Всеволодомъ и будетъ его наслѣдникомъ; какъ же скоро они обманулись въ послѣднемъ, то не захотѣли Ольговичей и призвали Изяслава. См. ниже.

диміра Давидовича и радовался, что такимъ образомъ поссоривъ родныхъ братьевъ съ двоюродными, останется въ покоѣ со стороны собственнаго рода, ибо разъединенные враждою за Черниговъ Святославичи не могли быть страшны [1]. Но не такъ было легко сладить съ Мономаховичами: увидавъ Ольговича въ Кіевѣ, дядья начали ссылаться съ племянниками, чтобы сообща противодѣйствовать униженію рода; Юрій пріѣхалъ въ Смоленскъ, къ племяннику Ростиславу Мстиславичу, котораго онъ любилъ за не участіе въ борьбѣ братьевъ съ дядьми и за постоянное уваженіе къ послѣднимъ [2]. Видя съ одной стороны расположеніе дядей къ соглашенію, а съ другой двоедушіе Всеволода въ поступкѣ его съ братьями, Изяславъ Мстиславичь не сталъ болѣе вѣрить ему, и не поѣхалъ въ Кіевъ, когда зять звалъ его туда для переговоровъ [3]. Тогда Всеволодъ рѣ-

---

[1] Ипатьев. 15: Всеволодъ же вниде въ Кіевъ, съ честью и славою великою, и приде къ нему Игорь, бѣ бо Игореви обѣщалъ изъ давна дати подъ собою Черниговъ; и не да ему, но да и Давыдовичю Володимеру, и свади братью, и тако отпусти ѣ.

[2] Ипатьев. 77; 58.—Новгор. перв. 8: Приде Гюрги князь изъ Суждали Смольньску, и зваша Новгородцѣ на Кыевь на Всеволодка, и не послушаша его, и тъгда бѣжа Ростиславъ Смольньску къ отцю изъ Новагорода; и разгнѣвася Гюрги, идя опять Суждалю.

[3] Ипатьев. 16: Сѣдшю Всеволоду Кіевѣ, и тогда нача слатися къ Володимеричемъ и ко Мьстиславичема, хотя мира съ ними, и вабяше князя Изяслава Мьстиславича изъ Володимеря; и не въсхотѣша ко Всеволоду того створи-

шился предупредить Мономаховичей, и действовать открыто противъ нихъ въ пользу своего рода. Здѣсь мы должны обратить вниманіе на роль, которую играютъ Ростиславичи Галицкіе въ великой борьбѣ за старшинство.

Оба брата, Володарь и Василько умерли въ 1124 году, и оба оставили по двое сыновей: [1] Володарь—Владиміра и Ростислава, Василько Григорія и Іоанна. Самый замѣчательный изъ нихъ, о которомъ всего чаще будетъ рѣчь въ послѣдствіи, былъ старшій Володаревичь — Владиміръ, или Владимірко. Этотъ князь, по своему характеру, былъ совершенно въ уровень своему положенію. Окруженный со всѣхъ сторонъ сосѣдями, гораздо сильнѣйшими его, далеко отошедшій отъ господствующихъ линій на Руси, Владиміръ только въ необыкновенной изворотливости, хитрости, неразбираніи средствъ, игрѣ договорами и клятвами видѣлъ свое спасеніе и силу. Онъ началъ свое политическое поприще ссорою съ братомъ Ростиславомъ, котораго непремѣнно хотѣлъ выгнать, чтобы одному владѣть отцовскою областію, и такимъ образомъ быть въ состояніи противиться могущественнымъ сосѣдямъ: по этому намѣренію воспрепятствовали Мстиславъ, В. К. Кіевскій

ти, по съсылахуться сами межи собою, хотяче напь поити Кіеву.—Татищевъ (II, 261) пишетъ, будто Изяслава увѣдомили, что зять хочетъ схватить его.

[1] См. Стрыйковскаго, 84, 85.

и двоюродные братья Васильковичи. Когда Мономаховичи были соединены, и слѣд. сильны, Владимірь съ братьями соединяли свои дружины съ полками старшаго Мономаховича; когда же, по смерти Ярополка, началась тройная усобица между Мстиславичами, Юріемъ и Черниговскими, тогда то открылось Володаревичу обширное поле дѣятельности. Мы видѣли, что Ростиславичи, принужденные ограничиться только одною частію Владиміровольнской области, Галиціею, смотрѣли однако на всю область, какъ на свое достояніе, и потому постоянно враждовали съ потомствомъ Изяслава и Игоря Ярославичей. Теперь, когда обѣ этѣ линіи сошли со сцены, и Владимірскій столъ перешелъ въ родъ Мономаховъ, теперь всякій изъ Мономаховичей, который сидѣлъ во Владимірѣ, необходимо долженъ былъ подвергаться враждѣ Ростиславичей, особенно если этотъ князь отличался доблестями, и слѣд. былъ тѣмъ для нихъ опаснѣе. Вотъ почему, когда Всеволодъ Ольговичь рѣшился съ родомъ своимъ выгнать Мономаховичей съ западной стороны Днѣпра, Владимірь былъ въ союзѣ съ Ольговичемъ противъ Изяслава Мстиславича Волынскаго. Но намѣреніе Всеволода застать въ расплохъ Мономаховичей и не дать имъ соединиться, неудалось. Хотя Юрій, раздосадованный отказомъ Новгородцевъ идти на Ольговича, ушелъ назадъ въ Ростовскую землю, однако войско, посланное на Изяслава ко Владиміру, возвратилось безо всякаго успѣха; дружина Андрея Владиміровича Переяславскаго разбила Святослава, Всеволодова брата, который хо-

тѣлъ пріобрѣсть Переяславль для себя, а Мономаховича прогнать въ Курскъ. Ростиславичи — Василькович и Володаревичь, пользуясь невзгодою Мономахова потомства, хотѣли продать свою дружбу Волынскому князю дорогою цѣною, и потому призвали его къ себѣ для переговоровъ; но Изяславъ не былъ склоненъ къ уступкамъ, и дѣло кончилось ни чѣмъ [1]. Однако Изяславъ, (котораго волость воевали также Поляки, союзники Всеволода), и дядя его Вячеславъ отчаялись съ успѣхомъ противиться Ольговичамъ, и просили мира у В. Князя Кіевскаго, соглашаясь признать его старшинство. Всеволодъ спачала было не хотѣлъ вступать въ переговоры съ ними, но послѣ разсудилъ; что *ему не льзя безъ нихъ быть*, и потому примирился съ ними [2]. Между тѣмъ Всеволодъ

---

[1] Ипатьев. 16. Васильковичь же и Володаревичь Галичьскій князь привабиша къ собѣ Изяслава Мьстиславича, и не вързядивъшеся възвратишася. Изяславъ же иде съ сынома и воева волость Вячеславлю, и възвратися опять, Ляхове же Володимерскую волость, помогаюче Всеволоду. Здѣсь ошибка или въ имени князя, или въ имени волости: Изяславъ не могъ воевать волость своего дяди, ибо въ это время дѣло у нихъ было общее.

[2] Тамъ же, 17. И посла Вячьславъ и Изяславъ Мьстиславичь послы свои къ Всеволоду, съ рѣчьми, рядитися; Всеволодъ же не хотѣ учинити волѣ ихъ, и послѣдѣ съдумавъ оже ему безъ нихъ нелзѣ быти, и давъ имъ прошеніе ихъ и кресть къ нимъ цѣлова. Тамъ же, 16: Пришедъ же Всеволодъ къ Переяславлю, хотя выгнати Андрея, а брата своего посадити, Андрееви рекуче: „Курьску изволи ити." И Андрей тако рече, съдумавъ съ дружиною своею: „лѣпьши ми того смерть и съ дружиною

видѣлъ приверженность народа къ Мономаховичамъ; Новгородцы прямо говорили ему: „не хочемъ сына твоего, ни брата, ни племени вашего, но хочемъ племени Володимера [1],“ и В. К. принужденъ былъ наконецъ исполнить ихъ просьбу, послалъ въ Новгородъ Святополка Мстиславича [2]. Это ясно показы-

---

на своей отчинѣ и на дѣдинѣ взяти, нежели Курьское княжество, отець мой Курьскѣ не сѣдѣлъ, но въ Переяславли, хочю на своей отчинѣ смерть пріяти; оже ти, брате, не досити волости, всю землю Русскую дьржачи (т. е. одну Кіевскую область, которая и была собственно Русская земля), а хощеши сея волости, а убивъ мене, а тобѣ волость, а живъ не иду, и проч. И стояше на Днѣпрѣ Всеволодъ, и посла Всеволодъ брата своего Святослава съ полкы къ Переяславлю, и усрѣтоша Андреева дружина и бишася съ нимъ; и поможе Богъ Андрееви на Святослава.... И за утра миръ створиста Всеволодъ съ Андреемъ, и цѣлова кресть Андрей, Всеволодъ же бяше не цѣлованъ креста еще, и на ту нощь загорѣся Переяславль; Всеволодъ же исполнився страха Божія и не посла къ городу никогоже. На утріи же Всеволодъ поча молвити къ Андрееви: „видиши яко я къ тобѣ креста еще не цѣловалъ, а то ми былъ Богъ далъ, оже ся есте сами зажгли, аже бы лиха хотѣлъ, то чтобы ми годно, тоже бы створилъ, а нынѣ цѣловалъ еси хресть ко мнѣ, аже исправишь, а то добро, не исправишь ли, а Богъ будеть за всимъ.“ Изъ этого видно, что Всеволоду нужно было только, чтобъ Андрей исполнилъ клятву признавать его старшинство и не соединяться съ родичами, ибо главная цѣль В. Князя — разъединеніе Мономаховичей.

[1] Ипатьев. 17. Мое изслѣдов. объ отношеніяхъ Новгорода къ В. К. стр. 71.

[2] Братъ его Владиміръ также не остался въ Брестѣ, ибо сначала Всеволодъ далъ этотъ городъ имъ обоимъ: „Все-

вало ему, какъ страшно дѣйствовать открыто противъ Мономахова рода, чего непремѣнно хотѣли братья его Ольговичи; насилу Всеволодъ могъ успокоить Святослава, давъ ему Бѣлгородъ; но Игорь не былъ доволенъ, и ходилъ отнимать Черниговъ у двоюроднаго брата, однако безъ успѣха [1].

Смерть Андрея Владиміровича Переяславскаго, случившаяся 1141 года, еще болѣе спутала отношенія: Всеволодъ перевелъ въ Переяславль Вячеслава, а Туровъ отдалъ сыну своему Святославу, на томъ основаніи, что Переяславль была отчина Мономаховичей, а Туровъ, по распорядку между сыновьями Ярослава I-го, принадлежалъ къ Кіевской области. Такое распоряженіе возмутило братьевъ В. Князя, не только уже родныхъ, но и двоюродныхъ, ибо они видѣли въ этомъ, что Всеволодъ заботится только о помѣщеніи сына на Руси, и пренебрегаетъ интересами рода: тяжко было на сердцѣ Игорю и Святославу, что старшій братъ дастъ волости сыну, а имъ уступаетъ только по городу, землю же Вятичей бережетъ для себя на всякій случай. Въ такихъ обстоятельствахъ всѣ Святославичи цѣловали крестъ стоять за одинъ, и послали объявить старшему: „ты сидишь въ Кіевѣ, а мы просимъ у тебя Черниговской и Сѣвер-

---

володъ же, не хотя перепустити Новагорода Володимерю племени, призва шюрина своя, да имъ Берестій.“ Ипатьев. 17, а потомъ мы видимъ что В. К. отдаетъ уже Брестъ братьямъ своимъ. стр. 18.

[1] Ипатьев. 17, 18.

ской волости, а Кіевской не хотимъ [1]." Всеволодъ не уступилъ; тогда Святославичи, видя, что старшій братъ отказывается блюсти интересы рода, рѣшились „поискати самимъ о себѣ", и двинулись на Переяславль, думая, что имъ легко будетъ осилить слабаго Вячеслава; В. Князь принужденъ былъ послать помощь послѣднему противъ братьевъ своихъ; но гораздо дѣятельнѣе помогали Вячеславу племянники: Изяславъ и Ростиславъ съ двухъ разныхъ сторонъ заставили Святославичей отказаться отъ враждебнаго намѣренія. Тогда послѣдніе по неволѣ должны были склониться на прежнія предложенія старшаго брата: но и тутъ Всеволодъ, боясь союза родныхъ братьевъ съ двоюродными, преклонилъ Давидовичей разорвать этотъ союзъ обѣщаніемъ надѣлить ихъ; тогда ему легко уже было уладиться съ братьями: онъ далъ каждому по два города [2]. Вячеславъ, напуганный враждебными замыслами Святославичей, не хотѣлъ сидѣть по сосѣдству съ ними въ Переяславлѣ, и уступилъ

---

[1] Ипатьев. 18.

[2] Ипатьев. 18, 19. Всеволодъ же не хотя того, оже ся братья съвъкупила въ едину мысль, посла къ Давыдовичема, рка има: „отступита вы отъ брату моею: азъ ваю надѣлю;" она же переступиша хрестьное цѣлованіе, отступиста отъ Игоря и отъ Святослава къ брату Всеволоду, Всеволодъ же радъ бывъ разлученью ихъ, и уладився о волость, и да Берестій, Дорогичинъ и Вѣщижь, Ормину (т. е. Давидовичамъ), а братома посла въ и да има, Игорева Городечь Гюргевъ (т. е. Городецъ, отнятый имъ у Юрія Ростовскаго) и Рогачевъ, а Святославу Клеческъ и Черторыескъ — и тако разидошася.

этотъ опасный удѣлъ смѣлому племяннику Изяславу; а самъ перешелъ въ свой прежній Туровъ, откуда сынъ В. Князя Святославъ переѣхалъ во Владиміръ Волынскій, на мѣсто Изяслава [1]. Святославичи сильно роптали на брата, что онъ перепустилъ такой важный столъ, каковъ былъ Переяславскій, храброму Изяславу, а послѣдній, съ своей стороны, видѣлъ, что Всеволодъ щадитъ Мстиславичей только изъ страха, чтобы они не соединились съ дядьми, старшинство же прочитъ своему роду, и потому рѣшился примирить всѣхъ членовъ Мономаховой семьи и дѣйствовать наступательно противъ Святославичей: съ этою цѣлію онъ не усумнился поѣхать для личнаго свиданія къ заклятому врагу своему, Юрію Ростовскому, чтобы убѣдить его отложить вражду для блага цѣлаго рода; но притязанія дяди и племянника не могли быть соглашены, и оба князя разстались болѣе врагами, чѣмъ были прежде [2].

Между тѣмъ перемѣщеніе сына великокняжескаго на Владиміроволынскій столъ завязало новыя отношенія. Мы видѣли, что потомки Ростислава питали вражду ко всякому Владиміроволынскому князю, изъ какой бы линіи онъ не былъ; видѣли, что Владиміръ Галицкій былъ въ союзѣ со Всеволодомъ

---

[1] Тамъ же.
[2] Тамъ же. Изиде Изяславъ къ стрыеви своему Гюрдеви Суждалю, и не уладився съ нимъ, иде къ брату своему Ростиславу Смоленьску, и оттолѣ иде къ другому брату своему Святополку Новгороду.

противъ Изяслава, какъ Волынскаго князя; теперь, когда Владимірскій столъ занялъ Ольговичъ, сынъ В. Князя, князь Галицкій сталъ враждовать противъ послѣдняго, тѣмъ болѣе, что Всеволодъ Ольговичъ былъ въ тѣсномъ союзѣ съ Поляками, заклятыми врагами Ростиславичей. Владиміръ могъ отважиться на вражду съ В. Княземъ: весь Галичъ принадлежалъ ему, оба Васильковича умерли, родной братъ его, Ростиславъ также, оставивъ сына Ивана, но Владиміръ изгналъ племянника изъ его отчины. Въ 1144 году В. Князь долженъ былъ съ оружіемъ въ рукахъ заступиться за сына своего противъ Галицкаго князя [1]. Всеволодъ, собравъ своихъ братьевъ, родныхъ и двоюродныхъ, равно Вячеслава Мономаховича съ обоими племянниками — Изяславомъ и Ростиславомъ и другихъ мелкихъ князьковъ, двинулся на Владимірка; Поляки сдѣлали тоже самое. Мы упоминали уже о характерѣ Володаревича: онъ выказалъ его совершенно въ описываемомъ событіи. Не желая прямо просить мира у Всеволода, онъ послалъ къ брату его Игорю съ слѣдующими словами: „если ты примиришь меня съ братомъ, то я помогу тебѣ послѣ него достать Кіевъ.“ Ни чего не могло быть искуснѣе этого: въ самомъ дѣлѣ Игорь, окруженный враждебными Мономаховичами и ненадежными Дави-

[1] Ипатьев. 20: Роскоторостася Всеволодъ съ Володимеркомъ про сына, оже сѣде сынъ его Володимири, и почаста на ся искати вины; и Володимерко възверже ему грамоту хрестьчую, Всеволодъ же съ братьею иде нань.

довичами, могъ ожидать помощи только отъ одного Владиміра, которому также было опасно преобладаніе Мономаховой семьи въ сосѣдствѣ. Игорь началъ упрашивать брата оставить Галицкую землю въ покоѣ: „видно ты не хочешь мнѣ добра, говорилъ онъ ему: обрекъ мнѣ Кіевъ, а пріятелей не дашь пріобрѣтать.“ Всеволодъ призналъ справедливость этой просьбы и примирился съ Владиміромъ [1]. Но на обѣщанія послѣдняго не льзя было полагаться: уже на слѣдующій годъ онъ снова началъ вражду, и снова В. Князь принужденъ былъ идти противъ него: на этотъ разъ походъ былъ неудаченъ [2].

Это былъ послѣдній походъ Всеволода Ольговича; еще прежде, въ 1144 году, онъ сдѣлалъ предсмертный рядъ съ братіею; Ольговичи, Давидовичи и Изяславъ Мстиславичь были позваны для того въ Кіевъ. Въ присутствіи послѣдняго Всеволодъ объявилъ, что поступокъ Мономаха и сына его Мстислава, которые, не обращая вниманія на родъ Святослава, отдали Кіевъ одинъ сыну своему, а другой брату, что этотъ поступокъ даетъ и ему также право передать старшинство родному брату Игорю, мимо Мономаховичей. В. Князь требовалъ клятвы со всѣхъ присутствовавшихъ въ признаніи Игоря Ольговича на столѣ Кіевскомъ; Изяславъ Мстиславичь, послѣ

[1] Тамъ же.
[2] Ипатьев. 22.

долгаго упорства, принужден былъ также цѣловать крестъ по неволѣ [1]. Въ 1146 году, почувствовавъ приближеніе смерти, Всеволодъ хотѣлъ взять такую же клятву и съ гражданъ Кіевскихъ. Кіевляне и Вышегородцы цѣловали крестъ, замышляя уже клятвопреступленіе, ибо ненавидѣли Всеволода и весь родъ его. Причина этой ненависти была слѣдующая: Всеволодъ привелъ съ собою старыхъ слугъ своего рода, дружину Черниговскую, которой, разумѣется, отдавалъ преимущество предъ старыми боярами Кіевскими, слугами рода Мономахова: это жестоко оскорбило послѣднихъ [2]; сверхъ того Черниговскіе дружинники, которымъ Всеволодъ роздалъ должности, не имѣя ничего общаго съ новыми согражданами, притѣсняли ихъ: это возбудило противъ Всеволода и остальное народонаселеніе. Тотчасъ по смерти В. Князя Кіевляне собираютъ вѣче и объявляютъ Ольговичамъ,

---

[1] Тамъ же, 21: Посла Всеволодъ по братью свою, по Игоря и Святослава, и по Давыдовича по Володимера и Изяслава, и придоша Кіеву............ „и намъ Володимиръ посадилъ Мьстислава сына своего по себѣ въ Кіевѣ, а Мьстиславъ Ярополка брата своего; а се я мольвлю: оже мя Богъ поиметь, то язъ по собѣ даю брату своему Игореви Кіевъ.“ И много замышлявшу Изяславу Мьстиславичю, нужа бысть цѣловати крестъ. И сѣдшимъ всей братьи въ Всеволода на сѣнехъ, и рече имъ Всеволодъ: „Игорю! цѣлуй крестъ, яко имѣти братью въ любовь, а Володимиръ, и Святославъ, и Изяславъ, цѣлуйте крестъ ко Игореви, что вы начнеть даяти, по по волѣ, а не по нужи“—и цѣловаша на всей любви крестъ.

[2] Тамъ же, 23, „ты нашь князь, поѣди, Олговичь не хочемъ быти акы въ задничи,“ говорили они Изяславу.

что тіуны ихъ брата сгубили народъ, и требуютъ, чтобы впередъ сами князья судили тяжбы. Ольговичи, Игорь и Святославъ уступили желанію народа и цѣловали крестъ, что отнынѣ не будетъ ему никакого насилья, и что тіуны будутъ избираемы по волѣ гражданъ [1]. Но Игорь не думалъ сдержать своего обѣщанія [2]: тогда Кіевляне послали въ Переяславль звать Изяслава Мстиславича на дѣдовскій столъ. Онъ тотчасъ двинулся къ Кіеву, объявивъ, что терпѣлъ на старшемъ столѣ Всеволода Ольговича, какъ мужа старшей сестры своей, котораго, слѣд., считалъ себѣ отцемъ, но не можетъ терпѣть на отнемъ столѣ другихъ Ольговичей [3]. Едва узнали, что стягъ Мономаха поднятъ доблестнымъ внукомъ его, какъ отовсюду начали присылать къ Изяславу съ приглашеніями: „поѣзжай къ намъ, ты нашъ князь, Ольговичей не хотимъ [4].“ Игорь видѣлъ все-

---

[1] См. мое изслѣдов. объ Отношеніяхъ Новгорода къ В. К. стр. 25.

[2] Воскр. 1, 283: Игорь же тако обѣщася и якоже обѣщася вниде въ Кыевъ. и не поча потому чинити якоже людие хотяху и не угодно бысь имъ.

[3] Ипатьев. 23: И не угоденъ бысть Кіяномъ Игорь, и посылашася къ Переяславлю къ Изяславу, рекуче: „пойди княже къ намъ, хощемъ тебе.“ Изяславъ же, събравъ вся на поли и хрестьяны и поганыя, и рече имъ: „братье! Всеволода есмь имѣлъ въ правду брата старишаго, за неже ми братъ и зять старѣй мене яко отець; а съ сими како ми Богъ дасть и сила животворящаго креста, да любо си голову положю передъ вами, любо си налѣзу столъ дѣда своего и отца своего.“

[4] Тамъ же. Присылашася къ нему Черніи Клобуци и все

общее недоброжелательство; на силу онъ могъ уговорить двоюродныхъ братьевъ Давидовичей остаться на его сторонѣ, для чего спѣшилъ удовлетворить всѣмъ ихъ требованіямъ; но тщетно увѣрялъ бояръ Кіевскихъ, что оставитъ ихъ въ прежнихъ должностяхъ: пятеро самыхъ знатныхъ, и между ними Тысяцкій Улѣбъ, люди (что всего страннѣе казалось для современниковъ), бывшіе въ большой чести у Всеволода и брата его, рѣшились вмѣстѣ съ гражданами передаться на сторону Изяслава [1]. Едва по-

---

Поросье, и рѣкоша ему: „ты нашь князь, а Олговичь не хочемъ; а поиди вборзѣ, а мы съ тобою.“ И поиде Изяславъ къ Дерновому, и ту совокупишася вси Клобуци и Поршане; томъ же мѣстѣ прислашась къ нему Бѣлогородьчи и Василевци, тако же рекуче: „пойди, ты нашь князь, а Олговичь не хочемъ;“ томъ мѣстѣ пріѣхаша отъ Кіянъ мужи, нарекуче: „ты нашь князь, поѣди, Олговичь не хочемъ быти акы въ задничи, кдѣ узримъ стягъ твой, ту и мы съ тобою готови есмь.“

[5] Тамъ же. Игорь же посла къ братома своима, Володимиру и Изяславу, и рече: „стоита ли, брата, у мене у хрестьномъ цѣлованіи?“ она же и въспросиста у него волостій много. Игорь же имъ вда, и повелѣ има ити къ собѣ; она же поидоста. Игорь же позва Улѣба и Ивана Воитишича и Лазаря Саковского, и рече има: како еста была у брата моего, такоже будета и у мене; а Улебови рече: „держи ты тысячю, какъ еси у брата моего держалъ.“ Всезлобный же дьяволъ, не хотя любви межю братьею, и вложи въ сердце злымъ съвѣтомъ Улѣбови тысячьскому, Иванови Воитишичю, иже съвѣщаста съвѣтъ золъ съ Кіяны на князя своего (иже бяху велику честь прінмали отъ Всеволода и отъ брата его, ти же почаша льстити подъ княземъ своимъ).—Поведеніе этихъ бояръ объяснить легко: они видѣли всеобщую ненависть къ Оль-

слѣдній явился у Кіева, какъ граждане взяли его Тысяцкаго и стягъ, и вышеозначенные бояре бросили стяги Ольговичей, которые принуждены были бѣжать: Святославу удалось уйти отъ непріятеля, но Игорь былъ взятъ въ плѣнъ и заключенъ въ монастырь, гдѣ скоро испросилъ у побѣдителя позволеніе постричься. Изяславъ съ торжествомъ вступилъ въ Кіевъ и объявилъ, что не отлучитъ отъ своего рода Святослава, сына Всеволодова, но что будетъ ему отцемъ [1].

Тогда то оказались слѣдствія коварнаго поведенія Всеволода, разрознившаго интересы родичей: Давидовичи Черниговскіе, вмѣсто того, чтобы помогать двоюроднымъ братьямъ Ольговичамъ въ несчастіи, думали, какъ бы въ конецъ погубить ихъ: они боялись, что бы Игорь и Святославъ, лишенные надежды на Кіевъ, не стали домогаться отцовскаго Черниговскаго стола. Вотъ почему они послали къ

говичамъ, знали, что имъ не удержаться, и потому спѣшили соединиться съ гражданами, чтобъ удержать ихъ расположеніе и благосклонность новаго князя, которому они доставляли столъ. — Тамъ же: Начальники же быша свѣту злому тому, о нихъ же переже рекохомъ, Улѣбъ тысячкой же, Иванъ Воитишичь и Лазарь Саковьскый, а въ Святославли полку Василь Полочанинъ и Мирославъ Хиличь внукъ.

[1] Ипатьев. 24. Изяславъ же съ великою славою и честью въѣха въ Кіевъ; и приведе къ собѣ Святослава, и рече ему: „свой ми еси сестричичь" — и поча и водити подлѣ ся. —

Изяславу съ просьбою не выпускать изъ плѣна Игоря и съ предложеніемъ—преслѣдовать съ ними вмѣстѣ Святослава [1]. Святославъ, оставленный родичами, изгнанный отовсюду, не хотѣлъ болѣе ничего, какъ только выручить изъ плѣна брата Игоря: для этого онъ обратился къ единственному князю, котораго интересы были связаны съ его собственными: то былъ Юрій Ростовскій. Торжество Изяслава надъ Игоремъ было торжествомъ Мономахова рода надъ Святославовымъ, но вмѣстѣ и торжествомъ новаго представленія—о старшинствѣ старшаго племянника надъ дядьми. Торжеству этого представленія способ-

---

[1] Тамъ же 25: И посластася къ Изяславу: „Игорь како то тобѣ золъ былъ, тако и нама, а держи твердо" — а къ Святославу посласта, рекоста: „пойди изъ Новагорода Путивлю, а брата ся Игоря лиши." Святославъ же рече: „ни волости хочю, ни иного чего, развѣ толико пустите ми брата"—она же рекоста: „цѣлуй къ нама крестъ, яко не просити брата ни его взищещи, а волость держи." Тамъ же: Давыдовича рекоста: „се есвѣ зачала дѣло зло, а свершивѣ до конца братоубиство; поидивѣ, искоренивѣ Святослава и переимевѣ волость его; сгадаша же то и въспросиша Изяслава ити на Святослава Нову-городу.—Здѣсь, кажется, Кіевскій лѣтописецъ влагаетъ отъ себя такія ужасныя слова въ уста Давидовичей. Впрочемъ, какую ненависть питали Давидовичи къ Ольговичамъ, можно видѣть также изъ слѣдующаго: (Ипатьев. 27): И розъярився (Изяславъ Давыдовичь) рече братьи своей: „пустите мя по немъ (по Святославѣ), аче самъ утечеть мене, а жену и дѣти отъ него отъоиму, имѣніе его въсхыщю." Или: (тамъ же, 29): съзвавша (Давидовичи) Вятичѣ и реша имъ: „се есть ворогъ нама и вамъ, а ловите его убити лестію и дружину его избити, а имѣніе его на полонъ вамъ."

ствовали слѣдующія обстоятельства: если бы Изяславъ, по примѣру дѣда своего, свято уважалъ права старшихъ родичей, то подобно Мономаху же, былъ бы принужденъ гражданами принять великокняжеское достоинство: слабый Вячеславъ, старшій изъ дядей, не могъ ни управлять самъ [1], ни защищать Кіевъ отъ Черниговскихъ и Половцевъ; здѣсь мы можемъ оставить даже *бы*, и говорить утвердительнѣе, основываясь на слѣдующемъ: Изяславъ, двинувшись къ Кіеву на Ольговичей, объявилъ, что идетъ возвратить дѣдовскій столъ старшему брату своему (дядѣ) Вячеславу [2]; что же, кромѣ воли гражданъ, могло заставить его перемѣнить намѣреніе? Такъ, когда послѣ Юрій бѣжалъ изъ Кіева передъ Изяславомъ, а Вячеславъ занялъ его мѣсто, то граждане, вышедши навстрѣчу къ Изяславу, говорили ему: „Гюрги вышелъ изъ Кіева, а Вячьславъ сѣдить ти въ Кіевѣ; а мы его не хочемъ [3].“ Юрія Ростовскаго не знали на югѣ, и еще хуже, если бы знали: по своему характеру онъ не могъ привлечь любви народной, которою пользовался въ высокой степени племянникъ его Изяславъ. Послѣдній зналъ, что посадить на Кіевскій столъ Вячеслава значитъ дать дорогу притязаніямъ Юрія, непримиримаго врага своего, и потому принялъ на себя старшинство. Сперва Вячеславъ надѣялся было, что племянникъ почтитъ его, и по-

---

[1] Имъ управляли бояре: Ипатьев. 25.
[2] Тамъ же, 61.
[3] Тамъ же, 49.

тому, узнавъ о низложеніи Ольговичей, забралъ назадъ города, отнятые у него прежде Всеволодомъ; мало того, началъ уже, какъ старшій, распоряжаться волостями, занялъ Владиміръ Волынскій и посадилъ въ немъ племянника Владиміра Андреевича. Но Изяславъ спѣшилъ показать, какъ онъ намѣренъ дѣйствовать въ отношеніи къ дядьямъ: онъ послалъ брата Ростислава и племянника Святослава Всеволодовича на Вячеслава, и отнялъ у него Туровъ, гдѣ посадилъ сына своего Ярослава [1], а стольный городъ Мономаха, Переяславль отдалъ старшему сыну Мстиславу [2]. Такое распоряженіе могло оскорбить братьевъ Изяславовыхъ, особенно старшаго, Ростислава Смоленскаго; но вѣроятно этотъ нехрабрый и вовсе нечестолюбивый князь самъ отказался отъ Переяславля: здѣсь онъ долженъ былъ безпрестанно отбивать Черниговскихъ, Половцевъ и вступить въ смертельную вражду съ дядею Юріемъ, чего онъ никакъ не хотѣлъ. Ростовскій князь, узнавъ, что въ Кіевѣ сидитъ племянникъ, а въ Переяславлѣ внукъ, не могъ оставаться спокойнымъ; онъ принялъ предложеніе Святослава Ольговича освободить Игоря и сѣсть на Кіевскомъ столѣ, и ополчился; но ему трудно было осилить Изяслава, котораго братья и союзники со всѣхъ сторонъ окружали Юрія: въ Смоленскѣ сидѣлъ братъ его Ростиславъ, въ Новгородѣ другой братъ Святополкъ; Князь Рязанскій, Ростиславъ Ярославичь питалъ наслѣдственную непа-

---

[1] Ипатьев. 25.
[2] Ипатьев. 36. Лавр. 138.

вистъ къ Ольговичамъ за изгнаніе отца своего изъ Чернигова, и потому былъ ревностнымъ союзникомъ Мстиславичей [1]. Юрій, свѣдавъ о вторженіи Рязанцевъ въ свою область, долженъ былъ отложить походъ свой на югъ, и ограничиться отправленіемъ сыновей на помощь Святославу, которому между тѣмъ удалось поправить свои дѣла относительно Давидовичей. Тогда Изяславъ рѣшился принять наступательный образъ дѣйствія противъ князя Ростовскаго: созвавъ вѣче, онъ требовалъ у гражданъ содѣйствія; но Кіевляне рѣшительно отреклись поднять руки на сына Мономахова, обѣщаясь однако съ охотою идти на ненавистныхъ Ольговичей [2]. Изяславъ кликнулъ кличь по охотникахъ, и съ ними выступилъ въ походъ [3]. Граждане на вѣчѣ остерегали также своего любимаго князя отъ союза съ Черниговскими; [4] ихъ

---

[1] Въ Рязанскомъ княжествѣ происходила также борьба между дядею и племянникомъ: Ростиславъ Ярославичь не хотѣлъ дать волости племяннику Владиміру Святославичу, и тотъ, бѣжавъ отъ него, находился въ станѣ врага его, Святослава Ольговича. Ипатьев. 25.

[2] Ипатьев. 31. Кіяне же рекоша: „княже! ты ся на насъ не гнѣвай, не можемъ на Володимире племя руки възняти; олня же Олговичь хотя и съ дѣтми.“ Въ 1147 жители Курска отвѣчали такимъ же образомъ Изяславу: „оже се Олговичь, радися, за тя бьемъ и съ дѣтьми, а на Володимере племя на Гюргевича не можемъ руки подъяти.“ Тамъ же, 35.

[3] Тамъ же: Изяславъ же рече имъ: „а тотъ добръ, кто помнѣ пойдеть;“ и то рекъ, съвъкупи множество вои и пойде.

[4] Тамъ же: Кіяне же слышавше рекоша: „княже! не ходи

предчувствіе сбылось: на дорогѣ В. Князь узналъ, что Давыдовичи и племянникъ его Святославъ Всеволодовичь измѣнили, соединились съ Юріемъ и Святославомъ Ольговичемъ, и даже замышляютъ схватить его хитростію или убить. Причины отпаденія были слѣдующія: Игорь былъ въ это время уже монахомъ, слѣд. притязаній его на Черниговъ нечего было бояться, [1] Святославъ же домогался только Сѣверской стороны; но болѣе, чѣмъ притязанія брата, было опасно для Черниговскихъ могущество Изяслава Мстиславича; впрочемъ, какъ видно изъ лѣтописи, примиреніе Святославичей между собою и союзъ ихъ всѣхъ съ Юріемъ противъ Изяслава были дѣломъ Святослава Всеволодовича: этотъ молодой князь понималъ, что его выгоды требуютъ снова примкнуть къ роду Святославову, въ которомъ, по новому представленію, ему предстояло старшинство, какъ старшему внуку Олега; что отъ Мстиславичей ему нечего ждать много: Изяславъ взялъ у него Владиміро-Волынскую область, и далъ ему только 5 городковъ; вотъ почему онъ сталъ проситься у В. Князя въ Черниговъ, чтобъ вытребовать волость у дядей: слѣдствіемъ его прибытія было примиреніе Свя-

---

съ Ростиславомъ па стрья своего, лѣплѣ ся съ нимъ улади, Олговичемъ вѣры не ими, ни съ ними ходи въ путь.“

[1] Тамъ же, 32: Они сами говорятъ Изяславу: „братъ! цѣловали есми крестъ къ Святославу Олговичю, жаль бо ны есть, брата нашего держиши Игоря: а онъ уже чернецъ и скимникъ, а пусти брата нашего.“

тославичей и союзъ ихъ съ Юріемъ [1]. Узнавъ объ этомъ, Изяславъ немедленно далъ знать Кіевлянамъ о вѣроломствѣ Черниговскихъ, и напоминалъ имъ обѣщаніе помогать ему на нихъ; при этомъ также напомнилъ онъ гражданамъ, что ихъ выгоды тѣсно связаны теперь съ его собственными, что въ случаѣ торжества Черниговскихъ имъ нечего ждать отъ нихъ для себя хорошаго за измѣну Игорю [2]. Кіевляне отвѣчали единодушнымъ согласіемъ идти по своемъ князѣ на общихъ враговъ; но кто-то на вѣчѣ подалъ ужасный совѣтъ, прежде вступленія въ походъ убить монаха Игоря, чтобы въ ихъ отсутствіе кто-нибудь не вздумалъ освободить его, какъ нѣкогда Всеслава Полоцкаго. Совѣтъ былъ принятъ раздраженною тол-

---

[1] Тамъ же, 31: Тогда же Всеволодичь Святославъ держаше у Изяслава Божьскій, Мечибожіе, Котелницю, а всихъ пять городовъ; и пріѣха къ Изяславу, поча ся у него просити, река: „отче! пусти мя Черпигову напередъ, тамо ми жизнь вся, у брату (которые были ему дядья) моею у Володимира и у Изяслава хочю волости просити."

[2] Тамъ же, 32: „Се Володимеръ Давыдовичь и Изяславъ и Всеволодичь Святославъ, ему же азъ много добра створихъ, цѣловали ко мнѣ кресть, нынѣ же цѣловали потай мене хрестъ къ Святославу Олговичю, и къ Гюргеви ся послали, а надо мною лесть учинили, хотѣли мя любо яти, любо убити про Игоря, но Богъ мя заступилъ и хрестъ честный, его же ко мнѣ чѣловали; нынѣ же, братье Кіяне, чего есте хотѣли, чимъ ми ся есте обѣчали, пойдите по мнѣ къ Чернигову на Олговичь, доспѣвайте отъ мала и до велика, кто имѣеть конь, кто ли не имѣеть коня, а въ лодьи, ти бо суть не мене одиного хотѣли убити, но и васъ искоренити."

ною, и несчастный Ольговичь заплатилъ жизнію за вѣроломство братьевъ: [1] на увѣщанія Владиміра, Изяславова брата, Кіевляне отвѣчали: „мы знаемъ, что добромъ не кончить съ этимъ племенемъ, ни намъ, ни вамъ.“

В. Князь съ негодованіемъ узналъ объ этомъ отвратительномъ и вмѣстѣ безразсудномъ поступкѣ Кіевлянъ, который давалъ поводъ врагамъ обвинять его въ соумышленіи съ народомъ, приписывать убійство Игоря тайному его приказу [2]. Однако и Святославичи ошиблись въ своемъ разсчетѣ. Силы Юрія Ростовскаго не были въ уровень съ силами Мстиславичей, область его была обширна, но мало населена, и потому онъ не могъ рѣшиться подать дѣятельную помощь союзникамъ, при томъ мы узнаемъ послѣ лѣнь Юрія, его неспособность къ быстрымъ ратнымъ движеніямъ. Сыну его Глѣбу не удалось овладѣть Переяславлемъ, и онъ только получилъ отъ Изяслава позволеніе занять прежнюю отцовскую волость, Го-

---

[1] Ипатьев. 33.

[2] Тамъ же, 35: Изяславъ же слышавъ то, и прослезився и рече: „аще быхъ вѣдалъ, оже сяко сему быти, то аче бы ми и далече того блюсти отслати, а моглъ быхъ Игоря съблюсти,“ и рече Изяславъ своей дружинѣ: „то мнѣ есть порока всякого отъ людій неуйти, тѣмъ есть речи: Изяславъ велѣлъ убити; но тому Богъ послухъ, яко не повелѣлъ, ни науцивъ; а то уже Богови судити“.... и жалова на Кіяны.

родецъ, [1] а между тѣмъ В. Князь вмѣстѣ съ братомъ Ростиславомъ и Венграми страшно опустошалъ Черниговскія волости. Тогда Святославичи увидали необходимость просить мира у Изяслава, который и далъ имъ его, желая умирить югъ, дабы имѣть возможность нанести сильный ударъ Юрію въ собственныхъ областяхъ его [2]. Тогда же старшій сынъ Юрія, Ростиславъ, отчаявшись въ успѣхѣ отцовскаго дѣла, перешелъ на сторону Изяслава, призналъ его старшинство и получилъ города на Руси, которые прежде держалъ Всеволодичь Святославъ, [3] и отчинные города, занятые прежде братомъ его Глѣбомъ, который былъ принужденъ выйти изъ нихъ.

---

[1] Тамъ же, 37.

[2] Тамъ же, 39: Тако на томъ цѣловаша хрестъ у святомъ Спасѣ ворожду про Игоря отложити, а Руской земли блюсти и быти всимъ за одинъ братъ.

[3] Ипатьев. 39. Лавр. 138. Поиде Ростиславъ Гюргевичь изъ Суждаля съ дружиною своею, въ помочь Олговичемъ, на Изяслава Мстиславича, посланъ отъ отца своего. И сдумавъ Ростиславъ съ дружиною своею, река: любо си ся на мя отцю гнѣвати, не иду къ ворогомъ своимъ, то суть были ворози и дѣду моему и строемъ моимъ; но поидемъ, дружино моя, къ Изяславу, то ми есть сердце свое, ту ти дасть ны волость; и послася къ Изяславу. Изяславъ же радъ бывъ, посла противу ему мужи свои; и пришедшю ему, радъ бысть Изяславъ и створи обѣдъ великъ, и да ему Божьскый, ины городы, а къ Глѣбови пославъ рече: иде ко Олговичемъ, къ тѣмъ еси пришелъ, ати ти дадять волость." И иде Глѣбъ Чернигову. а оттуда къ отцю, а Ростиславъ иде въ Городець, а по городомъ посажя посадникы своя. См. выше, гл. I-я.

Въ томъ же 1148 году В. Князь отправился въ Новгородъ, и оттуда причинилъ сильное опустошеніе Юрьевой области, мстя за обиды, которыя дядя безпрестанно наносилъ Новгородцамъ [1]. Этотъ походъ жестоко оскорбилъ Юрія, но еще болѣе оскорбила его другая обида, нанесенная ему племянникомъ. Мы видѣли, что Изяславъ пріютилъ на Руси сына Юрьева, Ростислава; по возвращеніи изъ Новгорода, В. Князю начали говорить про Юрьевича, будто онъ возмущалъ Кіевлянъ и Берендѣевъ противъ Изяслава: „держишь у себя заклятаго врага на свою голову,“ твердили Изяславу. Послѣдній, не выслушавъ оправданій Ростислава, выгналъ его изъ Руси [2]. Что обвиненіе было не совсѣмъ несправедливо, доказываютъ слова самого Ростислава отцу по возвращеніи: „я слышалъ, что вся Русская земля и Черные Клобуки хотятъ тебя, ступай на Изяслава [3].“ На

---

[1] См. мое изслѣдованіе: Объ Отношеніяхъ Новгор. къ В. К. стр. 73, 74.

[2] Ипатьев. 41. И начаша ему повѣдати на Гюргевича на Ростислава, рекуче: „много зла бяше замыслилъ, подъмолъвилъ па тя люди, Берендичѣ и Кіаны; толико бы Богъ отцю его помоглъ (т. е. во время Изяславова похода па него изъ Новгорода), и оному было въѣхавши въ Кіевъ, и домъ твой взяти, и брата твоего яти, и жену твою и сына твоего; а пусти и къ отцю, то твой ворогъ, держиши на свою голову.“

[3] Тамъ же: Ростиславъ же пришедъ къ отцю своему въ Суждаль, и удари передъ нимъ челомъ, и рече: „слышалъ есмь, оже хощеть тебе вся Руская земля и Черныи Клобукы, и тако мольвять: и насъ есть обезчествовалъ (т. е. Изяславъ дурно поступилъ съ ними); а пойди напь.“

этотъ разъ Юрій въ самомъ дѣлѣ собрался и пошелъ на племянника; послѣдній поступокъ Изяслава вывелъ его изъ терпѣнія: „стало быть мнѣ и моимъ дѣтямъ нѣтъ части въ Русской землѣ,“ говорилъ старый дядя; при томъ онъ надѣялся на успѣхъ предпріятія: сынъ его не даромъ жилъ въ Руси: Переяславцы были привлечены на сторону Юрія, какъ увидимъ въ послѣдствіи [1]. Давыдовичи Черниговскіе, зная по опыту силу Изяслава, хотѣли на этотъ разъ остаться ему вѣрными, и извѣстили его о походѣ дяди. Но Святославъ Ольговичь хотѣлъ торговаться: „отдай мнѣ имѣніе брата Игоря, велѣлъ онъ сказать В. Князю, такъ буду за тебя.“ Благороднаго Изяслава оскорбило такое двоедушіе, онъ велѣлъ отвѣчать Святославу: „Ты цѣловалъ мнѣ крестъ не думать больше объ Игорѣ, а теперь, когда дядя идетъ

[1] Что нѣкоторые изъ Переяславскихъ граждапъ и прежде не были довольны своимъ княземъ, Мстиславомъ Изяславичемъ, доказываетъ слѣдующее мѣсто лѣтописи (Ипатьев. 36, Лавр. 138): ѣха Гюргевичь Глѣбъ и зая городокъ Отень (т. е. Городецъ, принадлежавшій прежде отцу его Юрію, отень—прилагательное) у Изяслава, и слышавъ Изяславъ, посла къ нему зовя Кіеву къ собѣ, обѣщавъ же ся ити къ нему и не иде; послушавъ же Жирослава, рекуща ему: пойди Переяславлю, хотять тебе Переяславчи,“ послушавъ же его иде вборзѣ къ Переяславлю. Свитающи дни, Мьстиславу же лежащю и дружинѣ его, пригнавше сторожеве рекоша ему: „не лежи, княже, Глѣбъ пришелъ на тя вборзѣ.“ Събравъ дружину, выступи противу ему изъ города, и стоявъ Глѣбъ до заутрѣя воротися опять; Мьстиславъ же совокупивъся съ дружиною и съ Переяславци, гна по немъ и угони у Носова на Рудѣ,

на меня, ты опять вспомнилъ объ немъ; уже одно твое требованіе есть клятвопреступленіе; я безъ тебя и на Волгу ходилъ, а теперь былъ бы со мною Богъ!" Святославъ присоединился къ Юрію [1].

Но непріятности ждали Изяслава съ другой стороны. Мы уже нѣсколько разъ имѣли случай замѣтить, какъ народъ благоговѣлъ къ памяти Мономаха: въ противоположныхъ концахъ Русскихъ владѣній, на Сѣверѣ, Востокѣ и Югѣ, въ Новгородѣ, Курскѣ и Кіевѣ граждане отказывались поднимать руки на Мономаховичей; они съ ужасомъ смотрѣли на усобицу въ потомствѣ того, кто всю жизнь трудился надъ примиреніемъ братіи; распря въ семьѣ Мономаха казалась народу грѣховнымъ поруганіемъ надъ памятью великаго братолюбца и добраго страдальца за Русскую землю: такъ Мономахъ, и по смерти своей оставался хранительнымъ духомъ Руси, и по смерти сдерживалъ ненавистныя ему при жизни усобицы родовыя!

Въ другой разъ отказались Кіевляне идти за Изяславомъ на дядю Юрія: „мирись, князь: мы ней-

---

изоймаша нѣколико дружины его, а самъ иде въ Городечь, а Мьстиславъ иде къ Переяславлю.—Изъ этого видно также, что Изяславъ переманивалъ къ себѣ сыновей Юрія, обѣщаясь дать имъ волости на Руси, и такимъ образомъ показать себя настоящимъ старшимъ въ родѣ Мономаха, готовымъ блюсти интересы всѣхъ родичей.

[1] Ипатьев. 41, 42.

демъ," говорили они ему [1]. Тяжка была для Изяславовой гордости эта жертва, которой требовалъ отъ него народъ ради памяти Мономаха: „Какъ мнѣ просить мира у дяди?" отвѣчалъ Изяславъ: „не стыдно ли мнѣ будетъ помириться съ нимъ теперь, и тѣмъ показать, что онъ принудилъ меня силою къ миру? Если бы онъ пришелъ одинъ съ дѣтьми только, то я бы далъ ему любую волость, но онъ привелъ Половцевъ и враговъ моихъ Ольговичей [2]." Жаль было Кіевлянамъ любимаго князя, не хотя пошли они за нимъ: дурное предвѣщаніе для успѣха! Въ Переяславлѣ явился посолъ отъ Юрія: „Братъ! велѣлъ сказать Изяславу дядя: ты приходилъ на меня, повоевалъ мою землю, и старѣйшинство снялъ съ меня; теперь, братъ и сынъ, ради Русской земли и Христіанства, не прольемъ Христіанской крови но дай мнѣ посадить въ Переяславлѣ сына, а ты царствуй себѣ спокойно [3] въ Кіевѣ." Не полюбилась эта рѣчь Изяславу: онъ не хотѣлъ видѣть Юрьевича подлѣ себя на такомъ столѣ, котораго князь считался постоянно наслѣдникомъ старшинства. Особенно ненавистна была храброму князю мысль уступить дядѣ безъ битвы; непріятны были ему слова Переяславскаго Епископа, который со слезами говорилъ ему: „Князь, примирись съ дядею: много спасенія примешь

---

[1] Тамъ же, 43.
[2] Тамъ же.
[3] Ипатьев. 43.

отъ Бога, и землю свою избавишь отъ великой бѣды [1]." Съ досадою отвѣчалъ Изяславъ: „я добылъ головою Переяславля и Кіева," и пошелъ противъ Юрія. У Янчина села произошла битва: полкъ Переяславскій, доброжелательствуя Юрію, обратилъ тылъ и рѣшилъ этимъ дѣло [2]. Изяславъ, пробившись съ неимовѣрнымъ мужествомъ сквозь непріятельскіе ряды, явился въ Кіевъ съ братомъ Ростиславомъ, и спросилъ граждан: „Можете ли биться за насъ?" — „Господа наши князи, отвѣчалъ народъ, не погубите насъ до конца; теперь отцы, и братья, и сыновья наши одни въ плѣну, другіе побиты, если будемъ долѣе противиться, то не миновать и намъ плѣна; ступайте лучше въ свои волости: вѣдь вы знаете, что намъ съ Юріемъ не ужиться, и гдѣ только увидимъ стяги ваши, такъ тотъ часъ будемъ готовы идти за вами." Изяславъ поѣхалъ во Владиміръ Волынскій, а Ростиславъ въ Смоленскъ. Юрій вступилъ въ Кіевъ, и множество народа вышло къ нему на встрѣчу, *съ радостію великою*, прибавляетъ лѣтописецъ [3].

Юрій началъ распоряжаться, какъ В. Князь: посажалъ сыновей своихъ на ближайшіе столы къ Кі-

---

[1] Тамъ же.

[2] Тамъ же, 44: И бысть лесть въ Переяславчехъ, рекуче, „Гюрги намъ князь свой, того было намъ искати и далече," то рекуче и поскочиша; видивше же полци Изяславли и Ростиславли, смятошася.

[3] Тамъ же, 44 и 45.

сву [1]. Идя на Изяслава, онъ также объявилъ, что хочетъ возвратить старшій столъ Вячеславу [2], и хотѣлъ было послѣ исполнить свое обѣщаніе, но бояре отсовѣтовали ему, говоря; „брату твоему не удержать Кіева, и этотъ городъ не достанется ни тебѣ, ни ему [3]. Тогда Юрій взялъ у Вячеслава Дорогобужъ и Пересопницу, оставленные ему Изяславомъ, и перевелъ его въ Вышегородъ. Изяславъ, съ своей стороны, началъ слать за помощью къ сосѣднимъ государямъ на Западѣ, съ которыми со всѣми былъ въ родствѣ: за королемъ Венгерскимъ была родная сестра его, за Болеславомъ IV Польскимъ родная племянница, Владиславъ Чешскій былъ также сватомъ ему по женѣ брата его Святополка. Венгры, Ляхи и Чехи явились на помощь къ Изяславу, но противъ него всталъ знаменитый Владимірко-Галицкій, котораго соединяла съ Юріемъ постоянная вражда къ каждому Волынскому князю, а на Волыни сидѣлъ теперь Изяславъ. Вооруженія сильнаго Владимірка испугали союзниковъ; еще болѣе испугала Поляковъ вѣсть, что Прусаки напали на ихъ области; чтобъ скорѣе кончить дѣло въ Руси, они предложили посредничество свое между дядею и племянникомъ. „Сойдите съ Русской земли, отвѣ-

---

[1] Ипатьев. 45: Гюрги же старѣйшаго сына своего Ростислава посади у Переяславли, Андрея Вышеградѣ, а Бориса въ Бѣлѣгородѣ, а Глѣба въ Кановѣ, а Василка въ Суждали.

[2] Ипатьев. 60, 61.

[3] Тамъ же, 48.

чали Юрій и Вячеславъ, тогда вступимъ въ переговоры". Союзники послушались, и покинули Изяслава, который никакъ не соглашался мириться съ дядею до тѣхъ поръ, пока послѣдній не возвратитъ Новгородцамъ всѣхъ сѣверныхъ даней, имъ захваченныхъ. Юрій, видя племянника беззащитнымъ, хотѣлъ совершенно изгнать его отовсюду; вражду В. Князя особенно разжигали сынъ его Ростиславъ, злобившійся на Изяслава за безчестное изгнаніе изъ Руси, и Юрій Ярославичь [1], одинъ изъ потомковъ Изяслава, старшаго сына Ярослава I-го. Этотъ забытый князь радовался усобицѣ, возникшей между ненавистными Мономаховичами, снявшими съ рода его старшинство и даже лишившими его честнаго стола. Но Владимірко, котораго интересы зависѣли отъ постояннаго соперничества сосѣднихъ владѣльцевъ, и который не хотѣлъ слѣд. рѣшительнаго торжества ни той, ни другой стороны, сталъ между соперниками и заставлялъ мириться; другой сынъ Юрія, знаменитый въ послѣдствіи Андрей Боголюбскій, изъ начала нелюбившій старую, южную Русь, также увѣщевалъ отца примириться съ Изяславомъ, и покинуть страну, которая ничего не обѣщала, кромѣ усобицъ [2]. И дядя Вяче-

---

[1] Сынъ Ярослава Святополчича, или Ярополчича: кого именно изъ двоихъ, рѣшить невозможно.

[2] Ипатьев 46, 47. Изяславъ же хотяше всихъ даній къ Новугороду Новгородцкыхъ, акоже есть и пережи было — и тако не уладишася, и не послуша его Дюрги, пріемъ свѣтника Дюрга Ярославича, и не да даній, а Изяславъ

славъ, съ своей стороны, упрашивалъ брата помириться съ племянникомъ: старикъ боялся, что когда Юрій уйдетъ, Изяславъ опустошитъ волость его [1]. Юрій согласился наконецъ возвратить Новгородскія дани и все пограбленное у дружины Изяславовой [2]. Но послѣднее условіе не было исполнено: тогда Изяславъ рѣшился не терпѣть обиды и, соединясь съ Черными Клобуками, изгналъ безпечнаго дядю изъ Кіева, объявляя однако постоянно дѣтямъ Юрія, что враждуетъ только съ ихъ отцемъ, а не съ ними [3]. Это заставило

ихъ не отступися. И тако створи Дюрги, оже уже Ляхове воротишася и Угре, и рече: „выжену Изяслава, а волость его всю перейму.“.... и въ то время пойде Володимеръ изъ Галича полкы своими, и пришедъ ста на Полоной межи Володимеромъ и Лученскомъ, и тако розъѣха съ.... того дѣля межи ими ста, хотя ѣ уладити межи ими.... Володимеру же молящюся о Изяславѣ, Ростиславу же сыну Дюргеву съ Дюргемъ Ярославичемъ не дадущима миритися, Изяславъ же паче молящеся о миру. Андрееви же Богъ вложи въ сердце, и нача молитися отцю, глаголя: „не слушай Ярославича Дюргя, примири сыновца къ собѣ, не губи отцины своея.“

[1] Тамъ же, 48: Брате! мирися; хочеши ли не уладивъся пойти прочь, то ты ся прочь, а Изяславъ мою волость пожьжеть.“

[2] Тамъ же: Юрій не давалъ и Ростиславу Смоленскому дани съ тѣхъ Суждальскихъ волостей, которыя тянули данью къ Смоленску. См. Уставныя грам. Ростислава Епископіи Смоленской 1150 года, въ Дополн. къ Актамъ Историч. т. I, N 4: „Суждали Залѣсская дань, аже воротить Гюргн, а что будеть въ ней, изъ того Святѣй Богородици десятина.“

[3] Тамъ же 49: Вы мнѣ братья своя, до васъ нѣту рѣчи никоеяже; но обидить мя твой отець, а съ нами не умѣсть жити.“

Владиміра Галицкаго подняться снова на Изяслава; тогда послѣдній, желая отнять у Юрія предлогъ къ войнѣ, вызвалъ въ Кіевъ старшаго дядю Вячеслава, который не могъ самъ управлять княжествомъ, и довольный однимъ почетомъ, предоставилъ всю власть Изяславу [1].

Урядившись съ дядею, Изяславъ выступилъ противъ Владимірка, котораго встрѣтилъ при Ольшаницѣ. Черные Клобуки, бывшіе въ войскѣ Изяслава, испугались силы Галицкой; они начали говорить князю: „Князь! сила вражья велика, а у тебя мало дружины, не погуби насъ, да и самъ не погинь; но ты нашъ князь, когда силенъ будешь, и мы отъ тебя не отступимъ, а теперь не твое время, поѣзжай лучше прочь [2]. Внукъ Мономаха отвѣчалъ по Святославовски, какъ прилично храброму князю, вождю дружины: „лучше, братья, умремъ здѣсь, а не положимъ на себя позора!“ Но городскіе Кіевскіе полки пѣли туже пѣсню, что и Черные Клобуки, и обратились въ бѣгство, варвары послѣдовали ихъ примѣру; тогда Изяславъ, видя, что не можетъ противиться съ од-

---

[1] Тамъ же, 50: И тако цѣловаста хрестъ у святою мученнику на гробѣ, на томъ: Изяславу имѣти отцемъ Вячеслава, а Вячеславу имѣти сыномъ Изяслава—на томъ же и мужи его цѣловаше хрестъ, ако межи има добра хотѣти и чести ею стеречи, а не сваживати ею.—Послѣднее очень важно, ибо мы постоянно видимъ, что дружинники ссорятъ князей.

[2] Тамъ же, 51.

ною своею дружиною, удалился и самъ [1]. Это событіе показываетъ намъ отношенія того времени. Князья, съ своею вѣрною дружиною, сохраняютъ прежній характеръ неустрашимыхъ бойцовъ, предпочитающихъ смерть постыдному бѣгству. Но не такъ думаютъ сбродныя полчища варваровъ пограничныхъ, не такъ думаютъ граждане: родовыя отношенія князей, произведшія безпрестанную ихъ смѣну, сдѣлали подданныхъ равнодушными къ особѣ правителей, они любятъ князя за его личныя доблести, но вѣрны ему тогда только, когда онъ силенъ, когда на его сторонѣ счастіе: „ты нашъ князь, коли силенъ будеши!"

Узнавъ о неудачѣ племянника, Юрій приступилъ вторично къ Кіеву. Въ то время, какъ Изяславъ съ дядею Вячеславомъ сидѣли за обѣдомъ, увидали они, что Кіевляне одни поѣхали въ лодкахъ къ Юрію, другіе начали перевозить его дружину. Тогда князья сказали другъ другу: „теперь не наше время!" и выѣхали—Вячеславъ въ Вышегородъ, а Изяславъ во Владиміръ - Волынскій [2]. Юрій въ другой разъ занялъ Кіевъ, и въ другой разъ не умѣлъ удержать его противъ дѣятельнаго племянника. Тотъ призвалъ на помощь Венгровъ, и пошелъ опять къ Кіеву, а за нимъ слѣдомъ пробирался Владимірко Галицкій, который, какъ тѣнь, не отставалъ отъ Волынскаго князя. Дружина говорила Изяславу: „Князь!

---

[1] Ипатьев. 51.
[2] Тамъ же.

ты идешь на одного врага, а сзади тебя другой.“ Внукъ Мономаха остался вѣренъ своему характеру вождя дружины, не отдѣлявшаго своихъ интересовъ отъ интересовъ вѣрныхъ сподвижниковъ; онъ отвѣчалъ своимъ мужамъ: „вы для меня вышли изъ Русской земли, лишились всѣхъ селъ и всего имущества, и я, съ своей стороны, не могу отказаться отъ дѣдины и отчины: но либо сложу свою голову, либо возвращу отчину и все ваше имущество; съ кѣмъ ни встрѣчусь, съ Владимиркомъ или съ Юріемъ, съ тѣмъ и вижу судъ Божій [1].“ Послѣ этого Изяславъ двинулся къ Кіеву. На дорогѣ жители городовъ выходили къ нему на встрѣчу съ крестами, но съ робостію смотрѣли на союзниковъ Изяславовыхъ: „Съ тобою иноземцы, Угры, говорили они ему: не сдѣлали бы они какого зла городу?“ Внукъ Мономаха отвѣчалъ: „Я привелъ Угровъ не на людей моихъ, а на враговъ; вы же не бойтесь: вы люди отца моего и дѣда моего,“ и, минуя города, спѣшилъ на Юрія, зная, что въ Кіевлянахъ найдетъ сильныхъ союзниковъ [2]. Въ самомъ дѣлѣ, едва услышалъ Юрій о приближеніи Изяслава, какъ сѣлъ въ лодку и уѣхалъ въ Городецъ, а Кіевляне встрѣтили Изяслава, по обычаю, съ радостію [3]. Въ страшный гнѣвъ при-

---

[1] Ипатьев. 54.

[2] Тамъ же, 55: „А мы поѣдемъ въ свой Кіевъ, а въ сильный полкъ въ Кіевьскій аже въѣдемъ въ нѣ, то азъ вѣдѣ, ти ся за мя біють.“

[3] Тамъ же, 56: Кіяне же, услышавше Изяслава, изидоша противу ему съ радостью.

шелъ Владиміръ Галицкій, узнавъ о такой оплошности и малодушіи Юрія. „Вотъ какъ княжитъ сватъ мой, [1] говорилъ онъ сыну Юрія, Андрею: какъ же онъ не зналъ, что на него идетъ рать изъ Владиміра; а вы, сыновья его, сидите одинъ въ Пересопницѣ, а другой въ Бѣлгородѣ, и не могли устеречь Изяслава! Если такъ княжите съ своимъ отцемъ, то управляйтесь одни!" и возвратился въ Галичь, собирая на пути серебро съ гражданъ [2].

Изяславъ оставался вѣренъ прежнему намѣренію княжить именемъ дяди Вячеслава, и перезвалъ опять послѣдняго въ Кіевъ; простодушный старикъ, довольный такою честью, отдалъ племяннику все управленіе [3]. Между тѣмъ Юрій не думалъ оставлять своихъ притязаній: онъ соединился съ Ольговичами, призвалъ Половцевъ, и хотѣлъ снова взять Кіевъ. Тщетно Вячеславъ посылалъ сказать ему, что онъ уже теперь не имѣетъ никакого предлога воевать съ племянниками, что Изяславъ, оставя свои притязанія на

---

[1] Дочь Юрія была за сыномъ Владиміра, *Ярославомъ*.
[2] Ипатьев. 56.
[3] Тамъ же, 57: Присла Вячьславъ къ Изяславу, и рече ему: „сыну! Богъ ти помози, оже на мене еси честь возложилъ, акы на своемъ отци; а язъ пакы, сыну, тобѣ молвлю: язъ есмь уже старъ, а всихъ рядовъ не могу уже рядити. но будевѣ оба Кіевѣ; а чи намъ будеть который рядъ или хрестьяныхъ или поганыхъ, а идевѣ оба по мѣсту, а дружина моя и полкъ мои, а то буди обою нама, ты же ряди, а чи кдѣ намъ будеть мочно обѣима ѣхати, а оба ѣдевѣ, пакы ли а ты ѣзди съ моимъ полкомъ и съ своимъ."

старшинство, отдалъ Кіевскій столъ ему, Вячеславу. Юрій отвѣчалъ, что онъ готовъ почтить старшаго брата, какъ отца, но требовалъ удаленія Мстиславичей изъ Кіева. Напрасно Вячеславъ представлялъ ему, что Мстиславичи усыновлены имъ, и что несправедливо со стороны Юрія отгонять отъ бездѣтнаго старика племянниковъ усыновленныхъ. Юрій не слушался увѣщаній: [1] онъ зналъ, что пока племянники

---

[4] Ипатьев. 60, 61: Вячеславъ же рече мужеви своему: „поѣди къ брату Гюргеви, брата отъ мене цѣлуй; а вы брата и сына, Изяславъ и Ростиславъ, слушайта, передъ вами и отряжю; тако молви брату моему: азъ есмь, брате, тобѣ много молвилъ и Изяславу, обѣима вама, не пролейта крови хрестьяньскы, не погубита Рускы землѣ, того васъ есмь боропя и не правилъ собе, оже мя переобидила, и первое и другое безчестье па мене еста положила, а полкы имѣю, а силу имѣю и Богъ ми далъ; но язъ, Рускыя дѣля земли и хрестьянъ дѣля, того всего не помянулъ, но и еще то вамъ есмь явилъ, оже Изяславъ ѣда биться съ Игоремъ, тако молвить: язъ Кіева не собѣ ищю, но оно отецъ мой Вячьславъ братъ старѣй, а тому его ищю—а то ти молвить биться ѣда — а и Богъ ему помоглъ, а онъ же Кіевъ собѣ, и еще надъ тѣмъ и Туровъ и Пинскъ у мене отнялъ, то ти Изяславъ мя тѣмъ пріобидилъ; а ты пакы, брате, поѣда Переяславлю съ Изяславомъ биться, такоже молвиши: язъ Кіева не собѣ ищю, оно у мене братъ старѣй Вячьславъ яко и отецъ мнѣ, и тому его ищю—а Богъ ти помоглъ, а ты же Кіевъ собѣ, и еще надъ тѣмъ Пересопницю и Дорогобужь еси у мене отъялъ, а ты мя тако переобидилъ, а мнѣ еси Вышегородъ одинъ далъ; язъ же того всего не правилъ, Рускыя дѣля земля и хрестьянъ дѣля, и еще ваю есмь утягывалъ, а вы мене не слушаета, то ти ни мнѣ еста не управила, еже рекша, по Богови, и то ми еси молвилъ: противу моложьшему не могу ся поклонити, се же Изяславъ аче и двойча ступилъ слова

въ Кіевѣ, или даже около этого города, ему нельзя думать о старшинствѣ. Но теперь ему трудно было одолѣть Мстиславичей, теперь Кіевляне не хотѣли болѣе щадить Мономахова сына: вовсе не любезный характеръ Юрія и предпочтеніе, которое онъ оказывалъ своей сѣверной дружинѣ, вооружили ихъ противъ Ростовскаго князя. Граждане объявили Изяславу: „хотимъ за отца вашего Вячеслава, за тебя и за брата твоего Ростислава, и за всѣхъ братьевъ вашихъ сложить свои головы, и либо честь вашу отыщемъ, либо изомремъ вмѣстѣ съ вами, а Юрья не хотимъ [1]." На чемъ положили старшіе, на томъ ста-

своего, се же нынѣ добывъ Кіева и поклонилъ ми ся, и честь на мнѣ положилъ, и въ Кіевѣ мя посадилъ, и отцемъ мя назвалъ, а язъ его сыномъ; дажь еси реклъ: моложьшему ся не поклоню, да се язъ тебе старѣй есмь не маломъ, по многомъ, азь уже бородатъ, а ты ся еси родилъ; пакы ли хощеши на мое старшиньство поѣхати, яко то еси поѣхалъ, да Богъ за всимъ;" и тако посла. Гюрги же противу тому присла свой посолъ, и рече къ Вячьславу: „язъ ся тобѣ, брате, кланяю; тако право есть ако то и молвиши: ты мнѣ еси яко отець; аже ся хощеши со мною рядити, ать поѣдеть Изяславъ Володимерю, и Ростиславъ Смоленьску, а вѣ ся сама урядивѣ." Вячеславъ же рече: „у тебе сыновъ 7, а язъ ихъ отъ тебе не отгоню, а у мене одина два сына Изяславъ и Ростиславъ, а иніи моложьшіи (т. е. Святополкъ и Владиміръ Мстиславичи) суть же, но я, брате, тебѣ молвлю, Русккы дѣля земля и хрестьянъ дѣля, поѣди же у свой Переяславль и въ Курьскъ, и съ своими сыны, а онамо у тебе Ростовъ великій, и Олговичи пусти домови, а сами ся урядимъ, а крови хрестьяньскы не пролеймы; пакы ли по своему замыслу пойдеши и проч.

[1] Тамъ же, 62.

ли и пригороды: когда Юрій подошелъ къ Бѣлгороду, и повѣстилъ гражданамъ: „вы мои люди, отворитесь!" то они отвѣчали ему: „а Кіевъ развѣ тебѣ отворилъ ворота? Князь нашъ Вячеславъ, Изяславъ и Ростиславъ [1]." Суздальскій князь пошелъ къ западу, въ надеждѣ соединиться съ Владиміркомъ Галицкимъ; Вячеславъ и Мстиславичи, вмѣстѣ съ Давидовичами Черниговскими, шли за нимъ; Кіевляне повѣстили: „пусть идутъ всѣ, а кто не пойдетъ, того убьемъ сами [2]," и двинулись въ слѣдъ за дружинами Мстиславичей. У рѣки Рута встрѣтились войска противниковъ; оба сына Мономахова—Вячеславъ и Юрій были неспособны къ ратному дѣлу, войскомъ Вячеслава предводительствовалъ Изяславъ, войскомъ Юрія сынъ его — знаменитый Андрей. Такимъ образомъ при Рутѣ сошлись два двоюродныхъ брата, одинъ—Изяславъ, полный представитель старой Руси, доблестный вождь дружины, сражающійся для чести, для славы, но не для силы; другой — человѣкъ будущаго, который ненавидѣлъ старину на югѣ, и непреодолимою силою влекся къ сѣверу, чтобы тамъ положить основаніе государству, чтобъ изъ князя—вождя дружины, стать первымъ княземъ-правителемъ, первымъ самовластцемъ. Однако здѣсь, при Рутѣ, оба князя соперника бились еще по старому, какъ вожди дружинъ, которые отчаяннымъ мужествомъ хотятъ заслужить славу первыхъ бойцевъ.

---

1 Тамъ же.
2 Ипатьев. 62.

Сѣча была одна изъ самыхъ кровопролитныхъ въ исторіи усобицъ княжескихъ:[1] со стороны Кіевскихъ князей палъ союзникъ ихъ, Владиміръ Давидовичь Черниговскій, самъ Изяславъ былъ найденъ полумертвымъ; не смотря на то, полки Юрія потерпѣли страшное пораженіе. Онъ удалился было въ Переяславль, но братъ и племянники прямо объявили ему, что если хочетъ, то пусть оставитъ сына въ Переяславлѣ, но что его самого они не могутъ видѣть на Руси, ибо онъ наведетъ опять Половцевъ.[2] Юрій принужденъ былъ цѣловать крестъ — не искать Кіева подъ Вячеславомъ и Изяславомъ и оставить Русь, однако медлилъ исполнить послѣднее обѣщаніе, и хотѣлъ также удержать сына своего Андрея, но тотъ рѣшительно объявилъ, что имъ не за чѣмъ болѣе оставаться на Руси, и спѣшилъ въ свой сѣверный пригородъ, Владиміръ Клязменскій[3]. Юрій заперся было въ Городкѣ, но и оттуда былъ вытѣсненъ, и удалился наконецъ на сѣверъ. Битва при Рутѣ была послѣднимъ важнымъ дѣломъ во время этой усобицы между Изяславомъ и Юріемъ; Ростов-

---

[1] Тамъ же, 63: Съступившимъся пълкомъ, бысть сѣча крѣпка.

[2] Тамъ же, 65.

[3] Ипатьев. 65: и Андрей испросися у отца напередъ Суждалю, река: „се намъ уже, отце, здѣ у Руской земли на рати, ничтоже, а за тепла уйдемъ.“ Лавр. 144: Андрѣй же оттолѣ иде отъ отца своего Суждалю, а отцю же встягавшю его много; Андрей же рече: „на чомъ есмы цѣловали кресть, ако поити ны Суждалю,“ и иде въ свою волость Володимери.

скій князь предпринималъ еще два похода на Русь, одинъ въ 1152, другой въ 1154 году, но оба кончились ничѣмъ.

Обезопасивъ себя со стороны Юрія, Изяславъ хотѣлъ отомстить Владиміру Галицкому, который былъ главнымъ виновникомъ всѣхъ его неудачь. Соединясь съ Венгерскимъ королемъ, Вячеславъ разбилъ на голову Владиміра; тогда послѣдній поступилъ сообразно своему характеру: притворившись отчаянно больнымъ, онъ послалъ умолять короля о мирѣ и поручалъ ему сына своего, а между тѣмъ щедро задаривалъ вельможъ Венгерскихъ. Король разжалобился положеніемъ Галицкаго князя и согласился дать ему миръ, заставивъ его поклясться возвратить Изяславу всѣ Русскіе города, захваченные имъ во время усобицы, и быть въ волѣ Кіевскаго князя. Послѣдній сильно противился миру, зная коварство Владиміра. Въ самомъ дѣлѣ, едва освободился онъ отъ враговъ, какъ вовсе пересталъ думать объ обѣщаніи. Напрасно Изяславъ посылалъ къ нему боярина напомнить о крестномъ цѣлованіи: „что мнѣ сдѣлаетъ маленькій крестикъ, который цѣловалъ я", отвѣчалъ Галицкій князь; но еще не успѣлъ бояринъ Изяслава отъѣхать отъ города, какъ внезапная смерть поразила клятвопреступнаго Владимірка. Сынъ и единственный наслѣдникъ его, знаменитый въ послѣдствіи

---

[2] Лавр. 345, 146.

Ярославъ Осьмосмыслъ, пораженный судьбою отца, согласился было сперва признать старшинство Изяслава, но, подобно отцу, не сдержалъ обѣщанія; Изяславъ отправился на него въ 1153 году, но послѣ нерѣшительной битвы при Теребовлѣ возвратился [1]. Это было послѣднимъ воинскимъ дѣломъ Изяслава. Въ 1153 году онъ умеръ. Лѣтописецъ называетъ его честнымъ и славнымъ, и говоритъ, что по немъ плакала вся Русская земля и всѣ Черные Клобуки, какъ по царѣ и господинѣ своемъ, особенно же какъ по отцѣ [2]. Въ самомъ дѣлѣ это былъ одинъ изъ самыхъ свѣтлыхъ характеровъ, какіе являлись въ нашей древней исторіи: вѣрный понятіямъ своего вѣка, Изяславъ былъ образцемъ князя; блюдя выгоды дружины, какъ свои собственныя, будучи ласковъ, снисходителенъ къ гражданамъ, обращаясь съ ними по родственному, онъ являлся точно отцемъ среди народа. Его княженіе, его отношенія къ родичамъ, къ дружинѣ, къ гражданамъ представляютъ намъ вѣрную картину того времени, картину общественнаго быта старой Руси. Изяславъ былъ образцемъ тѣхъ южныхъ князей-богатырей, которые предпочитали всему честь и славу, которые славу Русской земли полагали въ томъ, чтобъ князья ее никогда не были побѣждены на полѣ брани; вотъ что говаривалъ Изяславъ своей дружинѣ предъ битвами:

---

[1] Ипатьев. 67, 68, 69, 71, 72, 73, 74.
[2] Тамъ же, 74.

„Братья и дружино! Богъ всегда Рускыя землѣ и Рускихъ сыновъ въ безчестьи не положилъ есть, на всѣхъ мѣстехъ честь свою взимали суть; нынѣ же, братья, ревнуимы тому вси, у сихъ земляхъ и передъ чюжими языки дай ны Богъ честь свою взяти [1]!" Къ несчастію злая котора похитила всю дѣятельность Изяслава, и потому онъ не заслужилъ отъ современниковъ прозванія добраго страдальца за Рускую землю, какъ называли дѣда его Мономаха.

По смерти Изяслава, дядя Вячеславъ послалъ въ Смоленскъ за другимъ племянникомъ, Ростиславомъ. Между тѣмъ Юрій, только что свѣдалъ о смерти храбраго Изяслава, какъ двинулся съ полками изъ Суздаля; съ другой стороны Изяславъ Давидовичь, сидѣвшій въ Черниговѣ, по смерти брата своего Владиміра, падшаго въ битвѣ при Рутѣ, также обнаружилъ непріязненное намѣреніе, думая взять Кіевъ у слабаго старика, пока еще не прибылъ Ростиславъ. Въ такихъ обстоятельствахъ Мстиславъ, сынъ покойнаго Изяслава, Князь Переяславскій и бояре присовѣтовали Вячеславу ослабить силу Святославичей привлеченіемъ на свою сторону самаго храбраго и самаго дѣятельнаго изъ нихъ, именно Святослава Всеволодовича, роднаго племянника Мстиславичей по матери. В. Князь послалъ къ Святославу съ слѣдующими словами; „ты Ростиславу сынъ любимый, также и мнѣ, пріѣзжай сюда въ Кіевъ, и побудь у меня,

[1] Тамъ же, 67.

пока придетъ Ростиславъ, и тогда всѣ урядимся на счетъ волостей [1]." Это предложеніе прельстило Всеволодича, притомъ онъ самъ, какъ старшій сынъ старшаго изъ Ольговичей, мѣтилъ на старшинство, на Кіевъ, и хотѣлъ пріобрѣсть расположеніе и довѣренность жителей этого города: вотъ почему, не сказавшись дядьямъ, ни Ольговичу, ни Давидовичу, Святославъ пріѣхалъ въ Кіевъ, и дожидался тамъ Ростислава. Вячеславъ и Кіевляне приняли Ростислава съ необыкновенною радостью, потому что прибытіе его освобождало ихъ отъ страха быть застигнутыми съ двухъ сторонъ, изъ Чернигова и изъ Суздаля; Вячеславъ передалъ племяннику управленіе, и Кіевляне посадили его у себя на столъ, обязались быть ему вѣрными до самой его смерти, заключивъ однако рядъ, чтобъ онъ не затѣвалъ которы съ дядею Вячеславомъ, но чтилъ его, какъ чтилъ покойный Изяславъ [2]. Мономаховичи сдержали слово относительно

---

1 Ипатьев. 74.

2 Тамъ же, 75: Вячеславъ же видивъ Ростислава сына своего, и обрадовася радостью великою и рече ему: „сыну! се уже въ старости есмь, а рядовъ всихъ не могу рядити; а сыну, даю тобѣ, якоже братъ твой держалъ и такоже и тобѣ даю; а ты мя имѣй отцемъ и честь на мнѣ держи, якоже и братъ твой Изяславъ честь на мнѣ держалъ и отцемъ имѣлъ; а се полкъ мой и дружина моя, ты ряди." Ростиславъ же то слышавъ, и поклонися отцю своему Вячеславу и рече ему: „велми радъ, господине отце, имѣю тя отцемъ господиномъ, якоже и братъ мой Изяславъ имѣлъ тя и въ твоей воли былъ." И посадиша въ Кіевѣ Ростислава Кіяне, рекуче ему:

Святослава Всеволодовича: Ростиславъ далъ ему богатую волость — Туровъ и Пинскъ, за то, что онъ берегъ Кіевъ въ его отсутствіе [1]. Въ это время пришла вѣсть, что Глѣбъ Юрьевичь, подведенный Черниговскимъ княземъ, приближается съ Половцами къ Переяславлю. Ростиславъ немедленно выступилъ, отразилъ Половцевъ отъ Переяславля, и намѣревался начать наступательное движеніе на Черниговъ, какъ вдругъ пришло извѣстіе о внезапной смерти Вячеслава. Похоронивши дядю, Ростиславъ снова спѣшилъ къ Чернигову, хотя бояре убѣждали его заключить новый рядъ съ Кіевлянами, укрѣпить ихъ себѣ крестнымъ цѣлованіемъ, на случай прихода дяди Юрія [2]. Ростиславъ не послушался, и тотчасъ же показалъ, какъ далеко не имѣлъ доблестей своего брата: увидавъ множество Половцевъ, пришедшихъ на по-

---

„яко же братъ твой Изяславъ честилъ Вячеслава", такоже и ты чести; а до твоего живота Кіевъ твой."

[1] Ипатьев. 75: Ростиславъ же рече Святославу Всеволодичю сестричичю своему: „се ти даю Туровъ и Пинескъ про то, оже еси пріѣхалъ къ отцю моему Вячеславу и волости ми еси сблюлъ, то про то надѣляю тя волостію. Святославъ же поклонися Ростиславу и прія съ радостью.

[2] Тамъ же, 76: Мужи же бороняхуть ему поити Чернигову, рекуче ему: „се Богъ поялъ строя твоего Вячеслава, а ты ся еси еще съ людми Кіевѣ не утвердилъ; а поѣди лѣпле въ Кіевъ же съ людми утвердися; да аче стрый придеть на тя Дюрги, поне ты ся съ людми утвердилъ будеши, годно ти ся съ нимъ умирити, умиришися, пакы ли а рать зачнеши съ нимъ."

мощь къ Изяславу, онъ струсилъ, вступилъ съ последнимъ въ переговоры, и началъ уступать ему подъ собою Кіевъ, а подъ племянникомъ Мстиславомъ Переяславль. Такое малодушіе раздражило Мстислава Изяславича: „не доставайся же ни мнѣ Переяславль, ни тебѣ Кіевъ, сказалъ онъ дядѣ", и поворотилъ коня, дружина послѣдовала его примѣру, войско Ростислава обратилось въ бѣгство, самъ онъ убѣжалъ въ Смоленскъ, Мстиславъ Изяславичь во Владиміръ на Волыни, Святославъ Всеволодичь попался въ плѣнъ къ Половцамъ. Кіевляне, оставленные князьями и устрашенные приближеніемъ варваровъ, принуждены были принять Изяслава Давидовича. Здѣсь представляется вопросъ: какое право имѣлъ послѣдній быть представителемъ Святославова рода и его правъ на старшинство, на Кіевъ, при жизни Святослава, сына Олегова? Но вспомнимъ, что самъ Святославъ добровольно соступился со старшинства послѣ несчастія съ братомъ его Игоремъ, онъ говорилъ Давидовичамъ: „не хочу ни волости, ни чего другаго, только выпустите мнѣ брата [1]!" и послѣ онъ не искалъ Чернигова подъ Давыдовичами [2], даже при торжествѣ своего союзника Юрія, тѣмъ болѣе не могъ этого сдѣлать при торжествѣ Мстиславичей, слѣд. Изяславъ, сидя на старшемъ столѣ въ Святославовомъ родѣ, переносилъ на себя представительство этого рода и

---

[1] Ипатьев. 25.
[2] Тамъ же, 45.

право его на Кіевъ. Однако приближеніе Юрія заставило Черниговскаго князя выѣхать изъ старшаго города всей Русской земли, и Юрій въ третій разъ сѣлъ на отцовскомъ столѣ [1]. Его княженіе замѣчательно по тѣмъ движеніямъ, которыя обнаружились въ различныхъ линіяхъ Ярославова потомства, и которыя всѣ носятъ одинакій характеръ, служатъ отзвучіемъ и продолженіемъ великой борьбы за старшинство между племянниками и дядьми, начавшейся по смерти Мстислава Великаго. Мы видѣли, что Мстиславъ Изяславичь удалился въ отчинную волость свою Волынь, но эту волость онъ долженъ былъ подѣлить съ братомъ Ярославомъ и младшимъ дядею своимъ Владиміромъ Мстиславичемъ. Послѣдній родился не задолго до смерти отца, и потому былъ вѣроятно моложе, или, покрайней мѣрѣ, ровесникомъ старшему племяннику своему Мстиславу, который потому вовсе не хотѣлъ признавать его старшинства; но Юрій Долгорукій, который боролся всю жизнь противъ новаго представленія о старшинствѣ племянника надъ младшими дядьми, Юрій по этому самому долженъ былъ поддерживать права Владиміра противъ Мстислава, и точно доставилъ ему стольный городъ Владиміръ [1], а племянники должны были помѣститься въ другихъ, менѣе важныхъ [2]. Но Мсти-

---

[1] Ипатьев. 77.

[2] Тамъ же, 79: А Володимиръ братъ его (Ростислава Смоленскаго) сѣдяше Володимири, и сыновца его Мьстиславъ и Ярославъ.

славъ Изяславичь, вѣрный отцовскому примѣру, выгналъ младшаго дядю изъ Владиміра [1], и заставилъ его бѣжать въ Венгрію. Этимъ воспользовался В. К. Юрій, чтобъ посадить во Владимірѣ племянника своего, Владиміра Андреевича. Сынъ Андрея Владиміровича, младшаго изъ сыновей Мономаха, Владиміръ не могъ быть сонаслѣдникомъ съ своими дядьми, ибо отецъ его умеръ, не будучи старшимъ въ родѣ; но Юрій, котораго дѣло поддерживалъ Андрей, поклялся послѣднему, во преки обычаю, ввести его сына Владиміра во владѣніе Волынью [2]. Возобновивъ туже клятву и самому Владиміру, Юрій воспользовался теперь усобицею въ самой семьѣ Мстиславичей, чтобъ исполнить клятву. Но Мстиславъ, подобно отцу, не любилъ уступать того, что добылъ головою, и не далъ Владиміра В. Князю съ союзниками его: Юрій принужденъ былъ оставить въ покоѣ Изяславичей, и посадилъ Андреевича въ Дорогобужѣ [3].

---

[1] Тамъ же: Тогда же и Мьстиславъ Изяславичь ѣха изъѣздомъ на стръя своего на Володимира Володимирю, и я жену его и матерь его.... а Володимиръ оттуда бѣжа въ Угры.

[2] Ипатьев. 80: Гюрги же Володимиря не собѣ искашеть, но цѣловалъ бяшеть хрестъ къ брату своему Андрееви, въ животѣ и еще, яко по животѣ его волость удержати сынови его, и потомъ къ Володимеру къ Андреевичю хрестъ цѣлова, яко искати ему Володимиря; и про то пойде къ Володимирю, ища Володимиру.

[3] Тамъ же. Гюрги же пришедъ къ Дорогобужю, и рече Володимиру Андреевичю: „сыну! азъ есмь съ твоимъ отцемъ, и съ своимъ братомъ Андреемъ, хрестъ цѣловалъ

На Востокѣ, между Святославичами, происходили подобныя же явленія: сынъ Владиміра Давидовича началъ котору съ младшимъ дядею Изяславомъ, княземъ Черниговскимъ, захватилъ у него всѣ города по Деснѣ и перешелъ къ роду Мономаховичей, именно къ Ростиславу Мстиславичу Смоленскому [1]; и въ тоже время всталъ на дядей извѣстный уже намъ Святославъ Всеволодичь, который, потерявъ Туровъ по смерти Вячеслава, принужденъ былъ еще поступиться нѣсколькими городами, взятыми у него дядею Святославомъ въ наказаніе за измѣну роду [2].

потомъ, яко кто ся наю останеть, то тый будеть обоимъ дѣтямъ отець и волость удержати, а потомъ къ тобѣ хрестъ цѣловалъ есмь имѣти тя сыномъ собѣ и Владимиря ти искати; нынѣ же, сыну, аче ти есмь Володимиря не добылъ, а се ти волость" — и да ему Дорогобужь и Пересопницю и всѣ Погориньскія городы, а сыну своему Борисови вда Туровъ.

[1] Тамъ же, 79.

[2] Тамъ же 77: Тогды пріѣха къ Святославу Олговичю сыновець его Святославъ Всеволодичь, и цѣлова къ нему хрестъ; тогда же прида ему 3 городы, и Сновескъ собѣ отъя, и Корачевъ и Воротинскъ, занеже бѣ его отступилъ. Тамъ же 79: Изяславъ же (Давидовичь) поима я (Половци) и ѣха съ ними къ Березому, на сыновца своего на Святослава на Всеволодича." Издатель Ипатьевской лѣтописи думаетъ, что надобно читать вм. Всеволодича Владиміровича, о которомъ была рѣчь выше; но онъ не обратилъ вниманія на слѣдующія слова лѣтописи (стр. 80): Томъ же лѣтѣ Святославъ иде къ брату своему Изяславу: ту стояща у Мьстиславля створиста миръ *съ сыновцема своима*, т. е. съ Владиміровичемъ и Всеволодичемъ, который слѣд. также былъ ратенъ съ дядьми.

Чѣмъ дѣло кончилось, неизвѣстно: лѣтописецъ говоритъ только, что дядья помирились съ племянниками Этому миру, вѣроятно, содѣйствовалъ Ростиславъ Смоленскій, покровитель обоихъ племянниковъ, и Владиміровича и Всеволодича; Ростиславъ въ то время заключалъ союзъ съ Изяславомъ Давидовичемъ и племянникомъ своимъ, Мстиславомъ Изяславичемъ, противъ Юрія, котораго только внезапная смерть уберегла отъ окончательнаго изгнанія [1]. Ненавидимый князьями, Юрій еще больше былъ ненавидимъ гражданами Кіевскими, въ глазахъ которыхъ онъ былъ выродкомъ изъ доблестной семьи Мономаха, потому что, подобно Святославичамъ, наводилъ Половцевъ на Русскую землю; но всего болѣе возбудилъ онъ нелюбовь Кіевлянъ тѣмъ, что привелъ съ собою Суздальскихъ дружинниковъ, которымъ роздалъ должности на Руси, и которые спѣшили обогатиться на счетъ гражданъ. Едва узналъ народъ о кончинѣ нелюбимаго князя, какъ не могъ удержать своей ненависти; дворы его и сына его были разграблены, Суздальскіе тіуны по городамъ и селамъ были побиты, имѣніе ихъ расхищено [2].

Кіевляне опять приняли Изяслава Давидовича, и на этотъ разъ никто изъ Мономаховичей не воору-

---

[1] Тамъ же, 81.

[2] Ипатьев. 81. И много зла створися вътъ день: разграбиша дворъ его Красный, и другый дворъ его за Днѣпромъ разъграбиша, его же звашеть самъ раемъ, и Васильковъ дворъ сына его разграбиша въ городѣ; избивахуть Суждалци по городомъ и по селомъ, а товаръ ихъ грабяче.

жился па него. Что же была за причина? Мы видѣли, что ненависть къ Юрію соединила Давидовичей и Мстиславичей—дядю Ростислава и племянника Мстислава: должно быть въ основаніи этого союза лежало условіе, что Изяславъ, по изгнаніи Юрія, получитъ старшинство; Ростиславъ Смоленскій, уже однажды обратившій тылъ предъ Изяславомъ, не хотѣлъ въ другой разъ вступить съ нимъ въ борьбу за Кіевъ; Мстиславъ Владиміро-Волынскій не имѣлъ никакой возможности принять на себя старшинство въ родѣ Мономаха; задѣвъ господствующее тогда понятіе о старшинствѣ дяди, онъ вооружилъ бы противъ себя и Ростислава и особенно Андрея Юрьевича Владиміро-Клязменскаго, который, будучи внукомъ Мономаха, считалъ себя старше Мстислава, правнука его; при томъ въ собственной волости, на Волыни Мстиславъ былъ окруженъ врагами—Владиміромъ Мстиславичемъ, Владиміромъ Андреевичемъ и Ярославомъ Галицкимъ: послѣ того можно ли было думать ему о соперничествѣ съ Изяславомъ Давидовичемъ? Такимъ образомъ раздѣленіе въ родѣ Мономаха дало въ другой разъ возможность Святославичу достать старшинство.

Изяславъ, идя на столъ въ Кіевъ, оставилъ въ Черниговѣ племянника своего Святослава Владиміровича, въ слѣдствіе чего въ родѣ Святославовомъ младшая линія Давидовичей исключала изъ старшинства старшую линію Ольговичей. Святославъ Ольговичь не имѣлъ болѣе никакого права на Черниговъ,

уступивъ его Давидовичамъ, сперва старшему Владиміру, а потомъ даже младшему Изяславу; но что уступилъ дядя, того не хотѣлъ уступить племянникъ, Святославъ Всеволодичь. Узнавъ, что въ Черниговѣ сидитъ Владиміровичь, оба Святослава, дядя и племянникъ явились подъ этимъ городомъ; противъ нихъ спѣшили изъ Кіева Изяславъ Давидовичь и Мстиславъ Волынскій; однако дѣло не дошло до битвы, князья примирились, и Ольговичи получили снова старшинство въ родѣ Святославовомъ: Святославъ Ольговичь сѣлъ въ Черниговѣ, Святославъ Всеволодичь въ Новгородѣ Сѣверскомъ, а несчастный Владиміровичь принужденъ былъ опять удовольствоваться Вщижемъ [1]. Вѣроятно, это дѣло было улажено по настоянію Мстислава Изяславича, который, кромѣ родства своего съ Святославомъ Всеволодичемъ, находился къ Мономахову роду точно въ такомъ же отношеніи, въ какомъ Всеволодичь къ роду Святославову, и слѣд. защищая права послѣдняго, онъ съ тѣмъ вмѣстѣ защищалъ и свои собственныя.

Между тѣмъ на сцену дѣйствія выступаетъ забытый князь, Юрій Ярославичь, одинъ изъ потомковъ Изяслава, старшаго сына Ярослава I-го. Воспользовавшись безсиліемъ Мономаховичей, онъ вздумалъ возобновить свои притязанія если не на старшинство между потомками Ярослава I-го, то, по

[1] Ипатьев. 81, 87.

крайней мѣрѣ, на родовыя волости—Туровъ и Пинскъ, изъ которыхъ и вытѣснилъ Бориса Юрьевича, сына Долгорукаго. В. Князь, вмѣстѣ съ Ярославомъ Изяславичемъ Луцкимъ, Ярополкомъ Андреевичемъ, вторымъ сыномъ Андрея Владиміровича Мономаховича, Рюрикомъ Ростиславичемъ, сыномъ Смоленскаго князя, Владиміромъ Мстиславичемъ и Галицкою помощію двинулся на Юрія, но не для того, чтобъ возвратить Туровъ сыну ненавистнаго Долгорукаго, но чтобъ посадить тамъ Владиміра Мстиславича: вотъ почему Мстиславъ Волынскій, находившійся во враждѣ съ младшимъ дядею, и не могъ участвовать въ походѣ, вотъ почему этотъ походъ и не былъ удаченъ, ибо изо всѣхъ князей, его предпринимавшихъ, не было ни одного, который бы наслѣдовалъ доблести Мономаховы: Юрій Ярославичь заставилъ отступить союзниковъ и удержался въ Туровѣ, а Борисъ умеръ въ слѣдующемъ году [1].

Пріязнь, которую обнаружилъ В. Князь къ Владиміру Мстиславичу не могла нравиться Мстиславу Волынскому, представителю Мономахова рода на югѣ по своимъ личнымъ доблестямъ; такимъ образомъ рушился союзъ между Мстиславичами и В. Княземъ, которымъ только послѣдній и былъ крѣпокъ въ Кіевѣ. Но скоро онъ имѣлъ благородную неосторожность возбудить противъ себя могущественнаго князя Га-

---

[1] Ипатьев. 82.

лицкаго, Ярослава, покровительствуя двоюродному брату его, несчастному Ивану Ростиславичу Берладнику,[1] изгнанному еще отцемъ Ярославовымъ, Владимiркомъ: Изяславъ хотѣлъ посадить его на Галицкомъ престолѣ. Тогда Ярославъ принужденъ былъ перемѣнить всегдашнюю политику своего рода, и соединился съ Мстиславомъ Изяславичемъ Волынскимъ. Вопреки совѣтамъ родичей своихъ, князей Черниговскихъ, Изяславъ началъ одинъ не равную борьбу, и лишился Кiева, куда Мстиславъ, боясь задѣвать господствующее понятiе о старшинствѣ, перезвалъ вторично изъ Смоленска дядю Ростислава[2]. Изяславъ Давидовичь, отказавшись прежде отъ Черниговской отчины, и теперь лишенный Кiева, видѣлъ себя безъ волости: „не умирать же мнѣ съ голода, или жить между Половцами!" говорилъ онъ,[3] и съ толпами этихъ верваровъ опустошалъ Русь, бросаясь то на Черниговъ, то на Кiевъ, и нашелъ смерть свою въ битвѣ при Желани[4].

---

[1] Берладникомъ онъ назывался потому, что изгнанный изъ Руси, долженъ былъ проживать въ Берладѣ, притонѣ всѣхъ изгнанниковъ, князей и простыхъ людей.

[2] Ипатьѣв. 84, 85.

[3] Тамъ же, 90.

[4] Изъ подробностей этой усобицы замѣчательны: Ростиславъ сначала заключилъ тѣсный союзъ съ Ольговичами: князья пировали вмѣстѣ и богато дарились (Ипатьев. 86); но Кiевляне, постоянно питавшiе ненависть къ Ольговичамъ, не могли равнодушно смотрѣть на такую прiязнь, и когда В. Князь послалъ сына своего Рюрика на помощь къ Ольговичамъ противъ Изяслава Давидовича, граждане

Старикъ Ростиславъ княжилъ 7 лѣтъ въ Кіевѣ. Хотя Мстиславъ Волынскій и уступилъ ему старшинство, однако разъ происшедшее столкновеніе правъ дядей и племянниковъ вело къ безпрестаннымъ спорамъ между ними, и Мстиславъ не могъ ужиться въ мирѣ съ дядею, тѣмъ болѣе, что взявъ Кіевъ подъ Давидовичемъ, и отдавъ его дядѣ, онъ считалъ себя въ правѣ требовать отъ послѣдняго большихъ усту-

---

Кіевскіе и варвары заставили его взять въ заложники Всеволода, сына Святослава Всеволодича: „Ростиславъ бяше поялъ у Святослава Всеволода сына его, увѣряя Кіяны и Берендѣѣ, бяху бо не вѣрующе за свое съгрѣшеніе (Ипатьев. 86).“ Желая изгладить такую непріязнь и недовѣрчивость между гражданами и Ольговичами, Ростиславъ выпросилъ у Святослава Ольговича сына его Олега на житье въ Кіевъ: „ать позпаеть Кіяпы лѣпшія, и Берендичѣ, и Торкы“ (Ипатьев. 89): Святославъ согласился. Тогда Кіевскіе бояре, чтобъ уничтожить этотъ ненавистный для нихъ союзъ, наговорили Олегу, что Ростиславъ хочетъ схватить его: молодой князь повѣрилъ, и безъ отцовскаго позволенія, перешелъ на сторону Изяслава, а между тѣмъ Черниговскіе бояре, съ своей стороны, поджигали Святослава ко враждѣ съ Ростиславомъ, однако не успѣли въ своемъ намѣреніи вполнѣ: Святославъ, хотя охлажданный въ любви къ В. Князю, все таки остался на его сторонѣ (Ипатьев. 89). — Любопытно также, что во время этой усобицы Андрей Юрьевичь Боголюбскій возобновляетъ вражду свою къ Мстиславичамъ, выдаетъ дочь за Святослава Владиміровича Вщижскаго, (который былъ на сторонѣ дяди Изяслава Давидовича), и посылаетъ сына своего Изяслава на помощь Давидовичу и Владиміровичу противъ Мстиславичей и Ольговичей. Впрочемъ Святославъ Владиміровичь скоро вошелъ въ сыновнія отношенія къ Святославу Ольговичу (Ипатьев. 88).

покъ. Лѣтописецъ не сообщаетъ намъ подробностей о причинахъ войны, онъ говоритъ только, что Мстиславъ выѣхалъ изъ Кіева, разгнѣвавшись на Ростислава, и сильныя рѣчи встали между племянникомъ и дядею; послѣдній захватилъ нѣсколько городовъ у Мстислава, тотъ хотѣлъ было силою противиться В. Князю, но видя, что родичи не хотятъ взять его сторону, оставилъ намѣреніе; наконецъ въ 1163 году В. Князь заключилъ миръ съ племянникомъ, отдалъ ему захваченные города—Торческъ, Бѣлгородъ и Каневъ: послѣдній вмѣсто Триполя, который съ 4 другими городами отданъ былъ Владиміру Мстиславичу [1]. На слѣдующій годъ умеръ Святославъ Ольговичь Черниговскій, и старшій столъ занялъ, по всѣмъ правамъ, племянникъ его, Святославъ Всеволодичь [2].

Въ 1168 году умеръ В. К. Ростиславъ Мстиславичь. Сыновья покойнаго тотчасъ отправили посольство къ старшему двоюродному брату, Мстиславу Волынскому, звать его на Кіевскій столъ; съ ними соединился и дядя Волынскаго князя, Владиміръ Мстиславичь, слѣд. здѣсь въ первый разъ младшій дядя уступаетъ права свои старшему племяннику, но

---

[1] Ипатьев. 91, 92.

[2] Тамъ же, 92, 93. Дѣло не обошлось безъ вражды между двоюродными братьями, сыномъ Святослава Олегомъ и Святославомъ Всеволодовичемъ, потому что послѣдній обижалъ Олега, недавая ему должныхъ волостей, наконецъ чрезъ посредство В. Князя Черниговскіе примирились въ 1167 году.

мы увидимъ, что эта уступка не была искренняя: Владиміръ зналъ, что въ тоже время Кіевскіе граграждане отправили отъ себя посольство къ Мстиславу, Черные Клобуки отъ себя, и потому не надѣялся успѣть въ борьбѣ съ племянникомъ, который наслѣдовалъ отъ отца любовь гражданъ и варваровъ союзныхъ. Но, уступая Кіевъ Волынскому князю, Владиміръ вмѣстѣ со внуками Мстислава В.—Ярославомъ Изяславичемъ, Ростиславичами и Владиміромъ Андреевичемъ цѣловали крестъ между собою: вытребовать у новаго В. Князя волости, какія сами захотятъ [1]. Тогда сынъ Изяслава поспѣшилъ ниспровергнуть замыслы родичей. Взявши войско у Ярослава Осьмосмысла Галицкаго, (который теперь постоянно на сторонѣ Мстиславичей, ибо дурно живетъ съ женою своею, сестрою Боголюбскаго) и взявъ клятву въ вѣрности съ варваровъ, онъ быстро двинулся къ Кіеву, урядился здѣсь съ братьями, (Ярославомъ Луц-

---

[1] Тамъ же, 96: По Ростиславли смерти начаша слати по Мьстислава братья, Володимиръ Мьстиславичь, Рюрикъ, Давыдъ, и Кіане отъ себе послаша, Черныи Клобукы отъ себе послаша; Мьстиславъ же посла Володислава Воротиславича передъ собою къ Василкови къ Ярополчичю веля ему сѣдѣти Кіевѣ до себе, и тіунь свой посла. И начаша пріятели Мьстиславли повѣдати Василкови и Володиславу, оже Володимирь Мьстиславичь, и Андреевичь, и Ярославъ Мьстиславль братъ, и Рюрикъ и Давыдъ, цѣловали крестъ, яко же взяти имъ волость у Мьстислава по своей воли: Володиміру къ своей волости Торцьскый съ всимъ Поросьемъ, Андреевичю Берестій, Ярославу Володимерь.

кимъ и Влад. Андреевичемъ), гражданами и дружиною (т. е. боярами Кіевскими), и осадилъ дядю Владиміра въ Вышгородѣ: послѣдній, равно какъ и Ростиславичи должны были уладиться съ В. Княземъ о волостяхъ уже не такъ, какъ прежде хотѣли [1].

Эта неудача еще болѣе озлобила дядю Владиміра: цѣлый годъ не давалъ онъ покоя В. Князю; наконецъ, оставленный варварами и собственною старшею дружиною, которая осердилась на него за то, что онъ не объявлялъ ей своихъ совѣтовъ, [2] Владиміръ удалился на Сѣверъ, къ князю, равно оскорбленному Мстиславомъ въ правахъ своихъ и могущему отомстить за свое оскорбленіе: то былъ Андрей Юрьевичь Боголюбскій. Мстиславъ Изяславичь, принявъ на себя старшинство, точно также нарушилъ права Андрея, какъ отецъ его Изяславъ нарушилъ права отца Андреева, Юрья: одинакія отношенія должны были произвести одинакія слѣдствія — вражду непримиримую; но теперь всѣ выгоды были на сторонѣ Юрьевича, ибо Мстиславъ со всѣхъ сторонъ былъ окруженъ князьями ему враждебными.

---

[1] Ипатьев. 96. Именно Ярославъ Изяславичь не получилъ Владиміра, и долженъ былъ остаться въ Луцкѣ, Рюрикъ Ростиславичь получилъ Овручь, Давыдъ Вышегородъ. См. тамъ же, стр. 98.

[2] Тамъ же, 97: И рекоша ему дружина его: „о собѣ еси, княже, замыслилъ; а не ѣдемъ по тобѣ, мы того не вѣдали." Володиміръ же рече, възрѣвъ на дѣцскы: „а се будуть мои бояре."

Мы видѣли, какъ родичи хотѣли заставить В. Князя согласиться на всѣ ихъ требованія; неудача, претерпѣнная въ слѣдствіе рѣшительности и дѣятельности Мстиславовой, оскорбила ихъ: они не любили В. Князя; лѣтописецъ не одинъ разъ говоритъ: „что сердце ихъ не бѣ право съ нимъ [1].“ Они наскучивали ему просьбами о волостяхъ и сердились, получая отказъ [2]. Вотъ почему, когда Андрей вздумалъ отыскивать свое старшинство и Кіевъ, 11 князей стали подъ его знамена. Несправедливо думать, что могущество Сѣвернаго князя заставило всѣхъ остальныхъ признать его старшинство и вооружиться на Мстислава: мы увидимъ послѣ, что южные князья не боялись многочисленныхъ полчищъ сѣверныхъ, и всегда съ успѣхомъ выходили изъ борьбы съ ними, слѣд. только одно нелюбье родичей къ Мстиславу помогло Боголюбскому восторжествовать надъ послѣднимъ. Въ 1169 году Кіевъ былъ взятъ войсками союзныхъ князей и разоренъ, какъ еще никогда не бывалъ прежде; Мстиславъ долженъ былъ соступиться со старшинства и удалиться въ свою Волынскую об-

---

[1] Тамъ же, 98, 99.

[2] Тамъ же. Въ то же время Володимиръ Андреевичь нача припрашивати волости у Мьстислава. Мьстиславъ же уразумѣвъ, оже извѣтомъ у него просить волости, рече: „брате Володимире! ци давно еси хрестъ цѣловалъ ко мнѣ, и волость взялъ еси у мене?“ Онъ же разгнѣвався иде Дорогобужю. Въ то же время бѣ Андрей Гюргевичь въ Суждали княжа, и тъ бѣ не имѣя любьви къ Мьстиславу.

ласть [1]. Здѣсь мы оканчиваемъ первый отдѣлъ нашего изслѣдованія и второй періодъ княжеской борьбы, котораго главный характеръ есть борьба за старшинство между племянниками и дядьми, при чемъ торжество осталось на сторонѣ послѣднихъ, ибо побѣда Андрея надъ Мстиславомъ была вмѣстѣ побѣдою представленія о правѣ всѣхъ дядей, даже самыхъ младшихъ, надъ племянниками отъ перваго брата.

[1] Ипатьев. 100.

ОТДѢЛЪ IIй.

ОТЪ АНДРЕЯ БОГОЛЮБСКАГО ДО ІОАННА КАЛИТЫ.

ГЛАВА I-я.

Исторія княжескихъ отношеній при Андреѣ Боголюбскомъ.

Мы потеряли Боголюбскаго изъ виду съ тѣхъ поръ, какъ онъ ушелъ впереди отца своего на Сѣверъ, послѣ окончательнаго торжества Изяслава надъ дядею. Мы замѣтили въ этомъ князѣ отчаянную храбрость, но вмѣстѣ съ тѣмъ замѣтили неодолимое влеченіе на сѣверъ, чѣмъ онъ разнился отъ своей семьи. Это влеченіе объяснить не трудно: безспорно и рожденный на Сѣверѣ, [1] Андрей провелъ тамъ бо́льшую половину жизни, и ту половину, впечатлѣнія которой закрѣпляются въ человѣкѣ и никогда его не покидаютъ, слѣд. Андрей воспитался и окрѣпъ въ понятіяхъ, господствовавшихъ на сѣверо-

---

[1] Андрей умеръ въ 1174 году, Татищевъ говоритъ, что 63 лѣтъ; Юрій женился въ 1107 году (Лавр. 120); слѣд. Андрей родился въ 1111 году, когда Юрій уже долженъ былъ княжить въ Ростовской землѣ, ибо князья не любили держать при себѣ взрослыхъ, женатыхъ сыновей.

востокѣ, въ городахъ новопостроенныхъ. Уже только въ 1149 году, [1] слѣд. 38 лѣтъ отъ рожденія, явился Андрей на югѣ, въ Руси, съ полками отца своего, который хотѣлъ во что бы то ни стало добыть Кіева. Не понравился Андрею югъ, ибо чуждъ былъ для него порядокъ вещей, здѣсь господствовавшій. Въ то время, какъ старшій братъ его Ростиславъ побуждалъ отца преслѣдовать Изяслава, Андрей умолялъ Юрія примириться съ племянникомъ, и уйти поскорѣе на родной и любимый сѣверъ. Желаніе Андрея исполнилось, какъ мы видѣли, но не совершенно: по смерти Изяслава, Юрій опять ушелъ въ Кіевъ, и обрадовавшись, что пересилилъ наконецъ Мстиславичей, роздалъ старшимъ сыновьямъ волости въ Руси: Андрею достался Вышгородъ [2]. Но въ томъ

---

[1] Лавр. 140: И придоша къ Вячеславу въ Пересопницю Гюргевича два, Ростиславъ и Андрей. (Ипатьев. 46). Здѣсь въ первый разъ упомянуто имя Андрея въ лѣтописи.

[2] Ипатьев. 77: Тогды же, сѣдъ, раздая волости дѣтемъ: Андрея посади Вышегородѣ, а Бориса Туровѣ, Глѣба въ Переяславлѣ, и Василкови да Поросье. — Почему же Юрій посадилъ Андрея не въ Переяславлѣ? По той же причинѣ, по какой Мономахъ посадилъ Мстислава въ Бѣлгородѣ, а не въ Переяславлѣ, хотя онъ и считался княземъ Переяславскимъ (см. выше): Юрію нужно было имѣть подлѣ себя храбраго Андрея, который бы защищалъ его отъ нападеній Мстиславичей. Почему теперь посадилъ онъ въ Переяславлѣ не Бориса, но младшаго Глѣба? потому что Глѣбъ былъ воинственнѣе Бориса, что мы видимъ изъ предыдущихъ и послѣдующихъ его

же 1155 году Андрей, вопреки волѣ отцовской, оставилъ Вышгородъ и ушелъ въ Ростовскую землю, во Владимиръ Клязменскій [1]. Эту область Юрій *завѣщалъ* младшимъ сыновьямъ своимъ; [2] новые города, давъ клятву основателю своему Юрію принадлежать только младшимъ его сыновьямъ, хотѣли свято исполнить ее: „ялись крѣпко по правду“ (правда—крестное цѣлованіе). Но среди этихъ городовъ возвышался городъ древній, Ростовъ Великій, къ нему примыкалъ Суздаль; Ростовъ, какъ старшій городъ, вовсе не считалъ себя собственностію князя, пренебрегалъ его завѣщаніемъ, и считалъ себя въ правѣ выбирать изъ княжескаго рода, кого хотѣлъ. Вотъ почему, когда Андрей явился на сѣверѣ, то Ростовцы и Суздальцы съ радостію признали его своимъ

подвиговъ, тогда какъ Борисъ вовсе не отличался ратнымъ духомъ, а Переяславль былъ опасный столъ по сосѣдству съ Черниговскими князьями и Половцами.

[1] Тамъ же, 78: Иде Андрей отъ отца своего изъ Вышегорода въ Суждаль, безъ отчѣ волѣ.—Не только Андрей, но и приближенные его не терпѣли Юга: Карамз. II, примѣч. 383: Въ лѣтописяхъ (см. Сиподал. библ. N 349, л. 224): въ лѣто 6663 приде изъ Кіева въ градъ Володимерь Князь Великый Андрей Юрьевичь безъ отча повелѣнія, его же лестію подьяша Кучковичи.“ Но прежде, когда онъ нѣсколько разъ уговаривалъ отца оставить югъ, не ужели все Кучковичи подымали его лестію?

[2] Этимъ объясняется, почему старшій сынъ его Ростиславъ раскотороволся съ отцемъ и удалился на югъ къ Изяславу: Долгорукій недавалъ старшимъ волостей на Сѣверѣ, чтобы тѣмъ самымъ заставить ихъ отыскивать волости на Руси.

княземъ, какъ старшаго въ семьѣ Юрія [1]. Съ негодованіемъ смотрѣли новые города на такое нарушеніе воли завѣщателя, но принуждены были покориться, ибо не привыкли къ самоуправству, и, какъ пригороды, слушались вѣчеваго приговора старшихъ городовъ. Но старые города скоро увидали свою ошибку: Андрей прибылъ на сѣверъ вовсе не въ угоду старымъ городамъ: онъ бѣжалъ отъ старыхъ городовъ съ юга, для того, чтобъ на сѣверѣ, среди новыхъ, установить новый порядокъ вещей. Онъ утвердилъ свой столъ ни въ Ростовѣ, ни даже въ Суздалѣ, а въ новопостроенномъ Владимирѣ Клязменскомъ, для украшенія котораго не щадилъ своей казны, имѣя въ виду сдѣлать его стольнымъ городомъ великокняжескимъ. Старые города — Ростовъ и Суздаль сильно негодовали на такое предпочтеніе, [2] но Андрей продолжалъ свое дѣло: онъ хотѣлъ даже учредить во Владимірѣ Митрополію, дабы отнять у Кіева и южной Руси и церковное старшинство, но Константинопольскій патріархъ не согласился раздѣлить Русскую церковь [3].

---

[1] Ипатьев. 81: *Сдумавши* Ростовци и Суждальци и Володимирци вси, пояша Андрея сына Дюргева старѣйшаго, и посадиша й на отни столѣ, Ростовѣ, и Суждали, и Володимири.—Но мы видимъ, что Владимирцы послѣ отрекаются отъ этого, по ихъ мнѣнію, незаконнаго избранія.

[2] Татищ. III, 135.

[3] Никон. II, стр. 179.

Зная, что отецъ Юрій отказалъ Ростовскую область младшимъ сыновьямъ, зная негодованіе новыхъ городовъ за нарушеніе этой воли, а старыхъ за предпочтеніе, оказываемое пригороду Владиміру, Андрей хотѣлъ избавиться отъ опасныхъ соперниковъ, и выгналъ младшихъ братьевъ и племянниковъ, сыновей Ростислава изъ Ростовской области; изгнанники удалились въ Грецію [1]. Но старый духъ, враждебный новому порядку вещей, жилъ въ старыхъ боярахъ Долгорукаго. Бояре Русскихъ князей, во все время господства родовыхъ отношеній, пользуясь своимъ положеніемъ, нуждою, какую имѣлъ князь въ храбрыхъ товарищахъ, сохраняли прежній характеръ дружинниковъ, братски жившихъ съ вождемъ своимъ, привыкли обращаться съ князьями, какъ съ товарищами, присутствовать при всѣхъ совѣтахъ князя, видѣть, что князь ничего не дѣлаетъ безъ ихъ вѣдома и согласія, [2] привыкли наконецъ, при первомъ неудовольствіи, оставлять князя и отъѣзжать къ другому.

---

[1] Ипатьев. 91: Идоста Гюргевичи Царюграду, Мьстиславъ и Василко, съ матерью, и Всеволода молодаго пояша со собою третьяго брата.—Но кажется и Михаилъ Юрьевичь былъ также въ Греціи; это видно изъ слѣдующаго мѣста въ лѣтописи (Лавр. 154): и Михалка князя udариша ратніи двѣма копьема въ стегно, а третьимъ копьемъ въ руку: по Богъ отца его молитвою избави его отъ смерти, якоже и преже въ Луцѣ моря.

[2] Ипатьев. 97: И рекоша ему (Влад. Мст.) дружина его: „о собѣ еси, княже, замыслилъ; а не ѣдемъ по тобѣ, мы того не вѣдали.“

Но Андрей, питомецъ новыхъ городовъ, привыкъ къ повиновенію безпрекословному: онъ изгналъ, вмѣстѣ съ братьями, и старыхъ бояръ отцовскихъ [1]. Такіе поступки сѣвернаго князя возбуждали сильное негодованіе въ старой Руси: „онъ все это дѣлаетъ, желая быть самовластцемъ въ Суздальской землѣ,“ говорили современники; лѣтописецъ записалъ: „правда, Андрей угодилъ Богу своимъ благочестіемъ, но побѣждался властолюбіемъ непомѣрнымъ, хотѣлъ быть единодержателемъ всего отеческаго наслѣдія.“

Когда Кіевъ былъ взятъ его войсками, Андрей не поѣхалъ туда, и отдалъ старшій изъ городовъ Русскихъ младшему брату своему, Глѣбу Переяславскому. Это должно было раздосадовать Владиміра Мстиславича, ибо по представленію о старшинствѣ всѣхъ дядей надъ племянниками, представленію, которое защищалъ Андрей, враждуя со Мстиславомъ, Владиміръ имѣлъ гораздо болѣе права на старшинство, чѣмъ Боголюбскій, будучи сыномъ старшаго изъ Мономаховичей. Вотъ почему, когда Мстиславъ началъ непріязненныя дѣйствія противъ Глѣба, Владиміръ сталъ на сторону племянника противъ Юрьевичей, и торжественно отказался отъ своего старшинства не только предъ Мстиславомъ, но и предъ

---

[1] Ипатьев. 91. Выгна Андрей епископа Леона изъ Суждаля, и братью свою погна Мьстислава и Василка, и два Ростиславича сыновца своя, мужи отца своего передніи. Се же створи хотя самовластець быти всей Суждальской земли.

младшимъ братомъ его Ярославомъ, и предъ дѣтьми Мстиславовыми, за что Изяславичи позволили ему сѣсть въ Дорогобужѣ по смерти Владиміра Андреевича; но попытка Мстислава овладѣть снова Кіевомъ, была неудачна, [1] и онъ умеръ въ 1172 году, сдѣлавши рядъ съ младшимъ братомъ Ярославомъ, чтобы тотъ не отнималъ у сыновей его Владимирскихъ волостей. Рядъ любопытный! Ярославъ Изяславичь, второй братъ Мстислава, обязывается не искать старшаго стола на Волыни, Владиміра подъ племянниками, и довольствоваться Луцкомъ [2]. При этомъ не должно забывать, что Ярославъ былъ старшимъ дядею! Но тотчасъ же и явилось доказательство, какъ еще колебались оба представленія о старшинствѣ: въ 1173 году умеръ князь Кіевскій, Глѣбъ Юрьевичь, и Ростиславичи призываютъ на Кіевскій столъ Владиміра Мстиславича. Этотъ князь, забывъ крестное цѣлованіе къ Изяславичамъ Волынскимъ — Ярославу съ племянниками, тайкомъ пріѣхалъ въ Кіевъ [3]. Но

---

[1] Ипатьев. 101.

[2] Тамъ же, 105. Бѣ же ему болѣзнь крѣпка, и начася слати къ брату Ярославу, рядовы дѣля о дѣтехъ своихъ. Урядився добрѣ съ братомъ и крестъ цѣловавъ, яко же ему не подозрѣти волости подъ дѣтьми его, преставися князь Мьстиславъ и проч.

[3] Ипатьев. 107: Посласта Давыдъ и Мьстиславъ по стрыя своего Дорогобужю, вабяче и Кыевъ на столъ; онъ же, преступивъ крестъ къ ротникомъ своимъ къ Ярославу и ко Мьстиславичемъ, иде Кіеву утаився, а сына Мьстислава посади Дорогобужи.

Боголюбскій не хотѣлъ видѣть Владиміра въ Кіевѣ во первыхъ потому, что онъ сѣлъ, не спросясь его, на что давало ему право старшинство предъ самимъ Андреемъ; во вторыхъ потому, что Владиміръ отступилъ отъ Андрея на сторону племянника, и вмѣстѣ съ послѣднимъ возсталъ противъ Глѣба Юрьевича. Сѣверный князь прямо послалъ сказать Владиміру, чтобъ шелъ изъ Кіева, и только скорая смерть уберегла Мстиславича отъ изгнанія [1]. Тогда Боголюбскій послалъ сказать Ростиславичамъ: „вы нарекли меня отцемъ, и потому хочу вамъ добра, и даю брату вашему Роману Кіевъ [2].“ Новый тонъ въ обхожденіи съ родичами, обличающій сѣвернаго единодержателя! Но Ростиславичи не умѣли понять этого новаго тона, и потому дружественныя отношенія ихъ къ Андрею скоро исчезаютъ, и начинается отчаянная борьба между ними, перешедшая въ потомство. Въ этой борьбѣ Ростиславичей съ Юрьевичами высказалась вполнѣ противоположность характеровъ сѣверныхъ и южныхъ князей, противоположность ихъ стремленій. До сихъ поръ мы были свидѣтелями борьбы или вслѣдствіе исключенія младшихъ князей изъ владѣнія родовою собственностію, или за старшинство; такъ борьба, продолжавшаяся отъ смерти Ярослава І-го до Мономаха или сына его

---

[1] Тамъ же: Андрееви же не любо бише сѣдѣнье Володимере Кіевѣ, и посылаше нань, веля ему ити изъ Кіева.

[2] Тамъ же.

Мстислава включительно, происходила въ слѣдствіе стремленія изгнанныхъ князей получить волости на Руси. По смерти Мстислава Великаго начинается снова борьба, но уже съ другимъ характеромъ: здѣсь враждуютъ уже не исключенные князья, но враждуютъ племянники съ дядьми за старшинство; къ этой борьбѣ между Мономаховичами присоединяется еще борьба Святославичей съ Мономаховичами, также за старшинство. Борьба оканчивается собственно взятіемъ Кіева войсками Боголюбскаго: съ этѣхъ поръ потомство старшаго сына Мстиславова, Изяслава сходитъ со сцены въ борьбѣ за старшинство, въ которой до сего времени играло главную роль, и удаляется на западъ, гдѣ начинаетъ играть другую роль, не менѣе блестящую, именно въ Галиціи, или Червонной Руси. Ему на смѣну въ борьбѣ съ князьями сѣверными, или Юрьевичами, выступаетъ потомство втораго сына Мстиславова, Ростислава Смоленскаго; но эта третья великая борьба нашихъ князей носитъ опять новый характеръ, а именно: здѣсь борются не за волости отцовскія и не за старшинство, но князья южные, или Ростиславичи борются за старый порядокъ вещей, за старую Русь, за родовой бытъ, который хотятъ упразднить Юрьевичи. Въ этой великой и многозначительной борьбѣ обѣ враждебныя линіи княжескія или, лучше сказать, обѣ Руси выставляютъ каждая по двое князей для борьбы: Русь старая, Ростиславичи выставляютъ двоихъ Мстиславовъ — отца и сына, прямыхъ правнуковъ Мономаха, представлявшихъ образецъ князей стараго времени,

героевъ въ битвахъ, щедрыхъ къ дружинѣ и народолюбивыхъ; новая, сѣверная Русь имѣетъ представителями двоихъ братьевъ Юрьевичей, Андрея Боголюбскаго и Всеволода III. Оба князя стремятся къ уничтоженію прежнихъ родовыхъ отношеній. Приступаемъ къ описанію этой борьбы.

Мы видѣли, что Андрей отдалъ Кіевъ одному изъ Ростиславичей, Роману. Но скоро ему наговорили, что братъ его Глѣбъ погибъ насильственною смертію, и указали убійцъ: Андрею трудно было не повѣрить извѣту, ибо онъ зналъ, какъ не терпѣли Юрьевичей на югѣ, и потому потребовалъ у Ростиславичей выдачи обвиненныхъ: тѣ не послушались [1]. „Не ходишь въ моей волѣ, велѣлъ сказать сѣверный самовластецъ Роману, такъ ступай вонъ изъ Кіева, а Давыдъ изъ Вышегорода, а Мстиславъ изъ Бѣлгорода, ступайте всѣ въ Смоленскъ, и дѣлитесь тамъ, какъ хотите." Кроткій Романъ испугался и оставилъ Кіевъ, куда на его мѣсто Андрей назначилъ брата своего Михаила. Но другіе Ростиславичи—Рюрикъ, Давидъ и особенно Мстиславъ послали къ Андрею съ такими словами, которыя звучали стариною:

---

[1] Ипатьев. 108: Нача Андрей вины покладывати на Ростиславичи, и присла къ нимъ Михна, река тако: „выдайте ми Григоря Хотовича, и Степаньца, и Олексу Святославця, яко тѣ суть уморилѣ брата моего Глѣба; а то суть ворозѣ всимъ намъ;" сего же Ростиславичи не послушаша, и пустиша Григоря отъ себе.

„Братъ, мы назвали тебя отцемъ, цѣловали къ тебѣ крестъ и стоимъ въ крестномъ цѣлованіи, желая тебѣ добра; но вотъ ты вывелъ брата нашего Романа изъ Кіева, а намъ кажешь путь изъ Русской земли, безо всякой вины съ нашей стороны; но Богъ и сила крестная равно помогаютъ правымъ, какъ сильнымъ, такъ и слабымъ." Андрей не отвѣчалъ ни слова. Тогда Ростиславичи выгнали Юрьевичей изъ Кіева, и посадили тамъ брата своего Рюрика; мало того, заставили Михаила Юрьевича отступить отъ брата и присоединиться къ нимъ [1]. Святославъ Всеволодичь Черниговскій обрадовался возобновленію вражды между Мономаховичами, и послалъ къ Андрею съ предложеніемъ своего союза [2]. Послѣдній послалъ снова сказать Ростиславичамъ: „не ходите въ моей волѣ, такъ ступайте же — ты Рюрикъ въ Смоленскъ къ брату, а ты Давидъ ступай въ Берладъ, а въ Русской землѣ не велю тебѣ быть, а ты Мстиславъ всему зачинщикъ, не велю тебѣ быть въ Русской землѣ."

[1] Тамъ же: и урядишася тако: Михалко бо вохвоти къ Торцькому Переяславль. И лишися Андрея брата своего и Святослава Всеволодича Черниговьского, а къ Ростиславьчемъ приступи, бѣ бо тогда Рюрикъ въ Кыевѣ.

[2] Тамъ же, 109: И се слышавше Ольговичи, ради быша. Святославъ Всеволодичь и вси братья его посла̀ша мужѣ своѣ къ Андрееви, поводяче и на Ростиславичѣ, а рькуче ему: „кто тобѣ ворогъ, то ти и намъ; а се мы съ тобою готови." Андрей же прінмъ съвѣтъ ихъ, исполнися высокоумья, разгордѣлъся велми, надѣяся плотной силѣ и множествомъ вой огордився, ражьгся гнѣвомъ и посла и проч.

Мстиславъ, говоритъ лѣтопись, съ малолѣтства привыкъ никого не бояться, кромѣ одного Бога [1]: онъ велѣлъ остричь голову и бороду посланнику Андрееву, потомъ отпустилъ его съ слѣдующими словами: „До сихъ поръ мы имѣли тебя вмѣсто отца по любви; но если ты присылаешь къ намъ съ такими рѣчами, считая насъ не князьями, но подручниками своими и простыми людьми, то дѣлай, что умыслилъ, а Богъ за всѣми." Поблѣднѣлъ Андрей, услыхавъ такія рѣчи, [2] и собралъ огромную рать: подъ его стягомъ стали Ростовцы, Суздальцы, Владимірцы, [3] Переяславцы, Бѣлозерцы, Муромцы, Новгородцы и Рязанцы, числомъ 50,000. Самъ Андрей былъ уже старъ и не ходилъ съ полками; теперь онъ послалъ вождями сына своего Юрія и воеводу Бориса Жидиславича съ такимъ повелѣніемъ: „Рюрика и Давида выгоните, а Мстиславу не дѣлайте никакого зла, но приведите его ко мнѣ живаго." — „Уменъ былъ князь Андрей во всѣхъ дѣлахъ, говоритъ лѣтописецъ, и доблестенъ, но погубилъ свой смыслъ необузданностію, распалился гнѣвомъ и потому произнесъ такія дерзкія слова [4]. На

---

[1] Тамъ же. Мьстиславъ бо отъ уности навыклъ бяше не уполошитися никого же, но токмо Бога единого блюстися.

[2] Ипатьев. 109: Андрей же то слышавъ отъ Михна, и бысть образъ лица его попустнѣлъ, и възострися на рать и бысть готовъ.

[3] Тамъ же. Любопытно видѣть, какъ лѣтописецъ сохраняетъ порядокъ старшинства между городами.

[4] Тамъ же.

дорогѣ къ войску Андрееву присоединились полки Смоленскіе не волею, Полоцкіе, Туровскіе, Пинскіе, Городенскіе, Кіевскіе, Переяславскіе, Черниговскіе и разные степные народцы; никто не смѣлъ ослушаться Боголюбскаго; всѣхъ князей было больше 20 [1]. Это громадное войско осадило Мстислава въ Вышгородѣ, но оробѣло при первомъ его натискѣ; 9 недѣль стояло оно около маленькаго городка безо всякаго успѣха: Мстиславъ отражалъ всѣ приступы; наконецъ свѣдавъ, что на помощь Мстиславу идетъ двоюродный братъ его, Ярославъ съ полками Волынскими, союзные князья обратились въ постыдное бѣгство. Такъ не удалась попытка Андрея наказать

---

[1] Тамъ же. Идущимъ же имъ мимо Смоленскъ, казалъ бо бяшетъ Романови пустити сынъ свой Смолняны, тако Романъ нужею пусти сынъ свой Смолняны, на братью не хотяся объявити, бяше бо тогда въ рукахъ его; и Полотьскымъ княземъ пойти повелѣ всимъ, и Туровьскымъ, и Пиньскимъ, и Городеньскымъ. И пришедшимъ имъ ко Ольговичемъ и совокупившимся имъ обоимъ противу Кыеву, туже придоша къ нимъ Дюрдевича Михалко и Всеволодъ, и Ростиславича Мьстиславъ и Ярополкъ, Глѣбовича, и Переяславьци вси — и перешедше Днѣпръ и въѣхавше въ Кіевъ. Ростиславичи же не затворилися бяхуть въ Кыевѣ, но шлы бяхуть во своѣ городы: Рюрикъ въ Бѣлѣгородѣ затворися, а Мьстислава затвориша Вышегородѣ и съ Давыдовымъ полкомъ, а Давыдъ ѣха въ Галичь къ Ярославу помочи дѣля. Святославъ же съ братьею, и Михалко съ братомъ съ Всеволодомъ и со сыновци, и Кыяны совокупивше, и Берендѣичѣ и Поросье и всю Рускую землю, полкы поидоша отъ Кыева къ Вышегороду; и бѣ всихъ князей болѣ 20, а всихъ бяше старѣй Святославъ Всеволодичь.

примѣрно дерзкаго южнаго князя: его войско пришло съ высокомѣріемъ, говоритъ лѣтописецъ, но отошло со смиреніемъ въ домы свои [1].

Ярославъ Луцкій, узнавъ о рати между Андреемъ и Ростиславичами, пошелъ было съ своими полками прежде къ войску Андрееву, но здѣсь раскоторовался о старшинствѣ со старшимъ изъ Ольговичей, Святославомъ Черниговскимъ, и перешелъ на сторону Ростиславичей, которые обѣщали ему, въ случаѣ побѣды, уступить Кіевъ [2]. Такимъ образомъ Ярославъ, который прежде уступилъ старшинство племяннику Роману, отдавъ ему Владиміръ Волынскій, теперь ищетъ старшинства во всей Русской землѣ. При этомъ замѣчательно бездѣйствіе Романа Мстиславича, который спокойно сидѣлъ во Владимірѣ, [3] не приступая ни къ той, ни къ другой сторонѣ, ибо къ обѣимъ питалъ нелюбье: Андрей былъ заклятой врагъ его рода, Ростиславичи вмѣстѣ съ этимъ Андреемъ лишили старшинства отца его.

Ростиславичи сдержали слово и положили старшинство на Ярославѣ, отдавъ ему Кіевъ; но это не

---

1 Тамъ же, 110.

2 Ипатьев. 110: По семъ же приде Ярославъ Лучьскый на Ростиславичѣ же, со всею Волыньскою землею, ища собѣ старѣшиньства въ Олговицѣхъ—и не ступишася ему Кыева. Онъ же сослався съ Ростиславичи и урядися съ ними о Кыевъ, и отступи отъ Олговичь.

3 Онъ пріѣхалъ изъ Новгорода во Владиміръ Вол. въ 1173 году, см. Ипатьев. 105.

могло не оскорбить старѣйшаго между Русскими князьями, Святослава Всеволодича Черниговскаго, который еще помнилъ начало усобицы за старшинство, и не спускалъ глазъ съ Кіева: отсюда опять начинается борьба между Мономаховичами и Ольговичами. Мы видѣли, какъ по смерти Мстислава I-го Всеволодъ Ольговичь воспользовался усобицею въ семьѣ Мономаха, и достигъ старшинства; теперь сынъ его, Святославъ Всеволодичь хочетъ воспользоваться также враждою въ родѣ Мономаховомъ между Мстиславичами и Юрьевичами и добыть себѣ Кіевъ. Здѣсь въ первый разъ Мономаховичи ясно говорятъ Ольговичамъ, что западная сторона Днѣпра принадлежать имъ не можетъ; Ярославъ велѣлъ сказать Святославу: „за чѣмъ ты вступаешься въ нашу отчину, тебѣ эта сторона не надобна."—Святославъ отвѣчалъ ему: „я не Угринъ и не Ляхъ, мы всѣ одного дѣда внуки, и сколькими степенями ты отстоишь отъ него, столькими и я [1]." Слова многознаменательныя! Въ то время, когда Мстиславичи боролись съ новыми понятіями, явившимися на сѣверѣ,

---

[1] См. выше гл. II. А колко тобѣ до него, толко и мнѣ:

Ярославъ I-й.

Святославъ	Всеволодъ
Олегъ	Владиміръ
Всеволодъ	Мстиславъ
Святославъ	Изяславъ
	Ярославъ.

Къ объясненію такой уступчивости можетъ вести только одно предположеніе, что Святославъ исключалъ изъ счета дѣда своего Олега, не сидѣвшаго на старшемъ столѣ.

когда такъ геройски отстаивали родовыя отношенія между старшимъ княземъ и младшими,—въ то самое время, съ другой стороны, они должны были вести борьбу съ княземъ, для котораго уже Мстиславичи являются нововводителями, нарушителями стараго порядка вещей, съ княземъ, который стоитъ не только за родовыя отношенія между В. Княземъ и младшими князьями, но напоминаетъ объ единствѣ всего потомства Ярославова, ратуетъ за общность владѣнія всею Русскою землею, тогда какъ Мстиславичи хотятъ удержать Кіевъ навсегда за собою. Такимъ образомъ въ одно и тоже время, въ разныхъ концахъ Руси, идетъ борьба за три разные порядка вещей, которыхъ представителями являются три линіи Ярославова потомства: Ольговичи бьются за нераздѣльность цѣлаго рода Ярославова: мы всѣ внуки одного дѣда, говорятъ они. Мстиславичи хотятъ исключить Ольговичей изъ старшинства и владѣнія Кіевомъ, но хотятъ поддержать родственныя отношенія между старшими и младшими въ Мономаховичахъ: не хотимъ слушаться тебя, говорятъ они Андрею, потому что ты обходишься съ нами не какъ съ князьями, но какъ съ подручниками. Наконецъ Юрьевичи стараются замѣнить родственныя отношенія государственными, смотрятъ на младшихъ князей не какъ на младшихъ братьевъ, но какъ на подчиненныхъ правителей: вы неслушаетесь меня, такъ ступайте вонъ изъ Русской земли, говоритъ Андрей Ростиславичамъ. Побѣда, какъ мы видѣли, осталась на сторонѣ послѣднихъ, но они, воспротивившись на-

сильственнымъ поступкамъ Андрея, остались однако вѣрны своимъ понятіямъ и продолжали смотрѣть на Боголюбскаго, какъ на старшаго въ родѣ Мономаха. Такъ, когда Ярославъ не умѣлъ удержаться въ Кіевѣ противъ Черниговскаго князя, и потомъ возбудилъ негодованіе въ гражданахъ своимъ недостойнымъ поступкомъ [1], то Ростиславичи послали къ Андрею просить Кіева опять брату своему Роману. В. Князь хотѣлъ сперва знать положеніе дѣлъ на югѣ, и потому отвѣчалъ имъ: „подождите не много, пока придутъ ко мнѣ вѣсти отъ братьевъ изъ Руси [2].“ Но онъ не дождался этѣхъ вѣстей.

Мы видѣли, что Андрей, гоня всё, что питало старый духъ, выгналъ съ сѣвера старыхъ бояръ отца своего и окружилъ себя новыми. Мы знаемъ также, что Русскіе князья принимали къ себѣ въ службу пришлецовъ изо всѣхъ странъ и народовъ; Андрей подражалъ въ этомъ отношеніи всѣмъ князьямъ: онъ охотно принималъ пришлецовъ изъ земель Христіанскихъ и не Христіанскихъ, Латиновъ и Православныхъ, любилъ показывать имъ свою великолѣпную церковь Богоматери во Владимірѣ, чрезвычайно любилъ, когда кто-нибудь изъ нихъ крестился: такъ онъ крестилъ много Болгаръ, Жидовъ и язычниковъ [3].

---

[1] Ипатьев. 110, 111.

[2] Тамъ же.

[3] Тамъ же, 115: иногда бо аче и гость приходилъ изъ Царягорода, и отъ иныхъ странъ изъ Руской земли, и аче Латининъ, и до всего хрестьяньства, и до всеѣ погани,

Въ числѣ послѣднихъ находился одинъ Ясъ, именемъ Анбалъ: этотъ Анбалъ пришелъ къ Андрею въ самомъ жалкомъ видѣ, князь принялъ его въ свою службу и далъ мѣсто ключника [1]; въ числѣ приближенныхъ къ Андрею находился также другой человѣкъ, именемъ Ефремъ Моизичь, котораго отчество Моизичь или Моисеевичь указываетъ на жидовское происхожденіе [2]. Эти-то восточные рабы, разумѣется не имѣвшіе характера доблестныхъ дружинниковъ, умѣвшихъ великодушно умирать за вождей своихъ, а не умерщвлять ихъ, совершили до сихъ поръ неслыханное на Руси злодѣйство, убили своего князя и благодѣтеля. До сихъ поръ, если нѣкоторые князья погибали насильственною смертію, то въ слѣдствіе междоусобій, Андрей же погибъ отъ своихъ приближенныхъ. Къ двоимъ вышеупомянутымъ людямъ присоединился еще бояринъ Якимъ Кучковичь, ближній родственникъ В. Князя. Мы видѣли, какимъ повелительнымъ тономъ говорилъ Андрей даже и съ

и рече: въ ведѣте и въ церковь и на полати, да видять истинное хрестьяньство и крестяться, якоже и бысть,— и Болгаре и Жидове и вся погань, видивше славу Божію и украшеніе церковное.

[1] Тамъ же, 114: И пріиде Амбалъ ключникъ, Ясинъ родомъ, тотъ бо ключь держашеть у всего дому княжа, и надо всими волю ему далъ бяшеть.... и рече Кузмище: „о еретиче! помнишь ли, Жидовине, въ которыхъ портѣхъ пришелъ бяшеть? ты нынѣ въ оксамитѣ стоиши, а князь нагъ лежить.

[2] Воскр. II, 91. О Жидовскомъ происхожденіи Ефрема догадка Арцыбашева, П. о Р. I, примѣч. 1255.

князьями: разумѣется, онъ былъ повелителенъ и строгъ съ окружавшими его. Одинъ изъ Кучковичей, братъ Якима, былъ казненъ смертію по повелѣнію В. Князя. До сихъ поръ, при постоянной борьбѣ князей, приближеннымъ ихъ была возможность, при первомъ неудовольствіи, переходить отъ одного князя къ другому; но теперь кто изъ князей смѣлъ принять боярина, навлекшаго гнѣвъ могущественнаго князя сѣвернаго? Вотъ почему Кучковичь рѣшился злодѣйствомъ освободиться отъ строгаго господина; онъ говорилъ сообщникамъ: „нынче казнилъ онъ брата, а завтра казнитъ и насъ [1].“ Андрей былъ умерщвленъ самымъ варварскимъ образомъ: рабы сперва украли у него мечь, а потомъ зарѣзали безоружнаго; по совершеніи убійства, кинулись грабить княжескую казну, захватили и оружіе, желая быть готовыми на случай прихода Владимірцевъ, къ которымъ послали сказать: „за что вы на насъ поднимаетесь, мы хотимъ съ вами урядиться мирно; вѣдь и среди васъ есть наши соумышленники.“ Владимірцы благородно отвѣчали: „кто былъ съ вами въ думѣ, тотъ пусть и идетъ къ вамъ, а намъ не надобенъ,“ и послали

---

[1] Ипатьев. 113. И бѣ у него Якимъ слуга възлюбленный имъ, и слыша отъ нѣкого, аже брата его князь велѣлъ казнити, и устремися дьяволимъ наученіемъ, и тече вопія къ братьи своей къ злымъ съвѣтникомъ, якоже Іюда къ Жидомъ, тѣсняся угодити отцю своему сотонѣ; и почаша молвити: „день того казнилъ, а насъ заутра; а промыслимы о князѣ семъ.“

въ Боголюбовъ за тѣломъ Андрея, которое встрѣтили со слезами и съ честью погребли въ основанной покойнымъ княземъ церкви Богоматери [1]. Такъ погибъ Андрей Боголюбскій, но духъ его перешелъ къ остальнымъ Юрьевичамъ, преимущественно ко Всеволоду, въ княженіе котораго еще рѣзче обозначилось различіе между сѣверными и южными князьями.

[1] Ипатьев. 114.

ГЛАВА II-я.

Исторія княжескихъ отношеній при Всеволодѣ III-мъ и по смерти его до вступленія на старшій столъ сына его Ярослава.

Я не буду говорить здѣсь о событіяхъ, послѣдовавшихъ за смертію Андрея, ибо не хочу повторять того, что сказано было въ предыдущемъ моемъ изслѣдованіи [1]. Здѣсь замѣчу только одно, что торжество младшихъ Юрьевичей, Михаила и Всеволода надъ племянниками Ростиславичами было торжествомъ стараго представленія о старшинствѣ всѣхъ дядей надъ сыновьями отъ старшаго брата. Всеволодъ III провелъ молодость свою изгнанникомъ въ Греціи, и потомъ жилъ въ южной Руси. Здѣсь не могло его не поразить господство противугосударственныхъ отношеній и отсутствіе наряда, оттого проистекавшее, и когда онъ возвратился на сѣверъ, то ему легко было уразумѣть различіе между сѣвер-

---

[1] Объ отношеніяхъ Новгорода къ В. Князьямъ, стр. 35 и слѣд.

ною и южною Русью, и воспользоваться имъ для усиленія новыхъ отношеній. Между тѣмъ дѣла на югѣ шли обычнымъ порядкомъ, т. е. здѣсь ссорились Мономаховичи съ Ольговичами, или, помирясь на короткое время, ходили вмѣстѣ на Половцевъ: явленія, не представляющія намъ ничего новаго въ развитіи княжескихъ отношеній, и потому мы коснемся ихъ слегка, обративъ все вниманіе наше на отношенія южныхъ князей къ сѣверному В. Князю.

Мы оставили въ Кіевѣ Ярослава Изяславича: видя съ одной стороны опасность отъ Святослава Черниговскаго, а съ другой нерасположеніе Ростиславичей, Ярославъ отказался отъ Кіева, и уѣхалъ въ свой Луцкъ; племянникъ его, Романъ Владиміро-Волынскій не объявлялъ своихъ притязаній на Кіевъ, и такимъ образомъ Ростиславичи, свободные и отъ Юрьевичей вслѣдствіе сѣверныхъ усобицъ, могли распоряжаться въ Руси, т. е. воевать или рядиться съ Ольговичами. Они опять посадили въ Кіевѣ старшаго своего брата Романа [1]. Послѣ междоусобій, во все неважныхъ въ своихъ подробностяхъ, Святославу Всеволодичу удалось наконецъ утвердиться въ

---

[1] Ипатьев. 117. Тогды же пришелъ бяшеть Романъ изъ Смоленьска, къ братьи своей въ помощь; Ярославъ же рече: „привели есте брата своего Романа, а даете ему Кыевъ,“ и пойде изъ Кыева въ Луческъ. Они же начаша слати по немъ; вабяче опять въ Кыевъ; онъ же не послуша ихъ и пойде въ Луческъ. Романъ же сѣде въ Кыевѣ, на столѣ дѣда своего и отца своего.

Кіевѣ: Ростиславичи признали его старшинство, и помѣстились въ ближнихъ къ Кіеву городахъ Русскихъ, выжидая смерти Святослава, чтобъ опять предъявить свои права на старшій изъ Русскихъ городовъ [1]. Двое изъ нихъ въ это время сошли съ поприща: знаменитый Мстиславъ умеръ, какъ жилъ, героемъ и защитникомъ старыхъ городовъ, стараго порядка вещей. Скоро послѣ Мстислава умеръ и братъ его, Романъ Смоленскій, памятный въ народѣ необыкновенною кротостію [2]. Мы должны также замѣтить на югѣ участь Переяславля Русскаго: мы видѣли, какъ доискивался его Юрій Ростовскій; теперь, когда сыновья его покинули югъ и утвердили старшій столъ на сѣверѣ, Переяславль Русскій остается однако постоянно во владѣніи одного изъ Юрьевичей; такъ Глѣбъ Юрьевичь, занявъ, по приказу брата Андрея, Кіевъ, отдалъ Переяславль сыну своему Владиміру, который остался тамъ и по смерти отца; онъ княжилъ спокойно въ стольномъ городѣ Мономаха среди усобицъ Ростиславичей и Ольговичей: никто не смѣлъ тронуть его, ибо скоро Всеволодъ III показалъ, что намѣренъ быть, подобно брату, старѣйшимъ, т. е. по новымъ сѣвернымъ понятіямъ, сильнѣйшимъ княземъ, и южные князья должны были признать его старшинство или, лучше сказать, его силу.

---

[1] Тамъ же, 125.

[2] Тамъ же, 123.

Мы уже упомянули разъ, что Всеволодъ, по возвращеніи изъ Греціи, жилъ въ южной Руси, именно въ Черниговѣ, у Святослава Всеволодича. Вотъ почему послѣдній, надѣясь на его благодарность, думалъ, что съ сѣвера ему опасаться нечего, когда тамъ княжитъ прежній гость его. Но Всеволодъ, въ своемъ стремленіи къ цѣли, указанной Боголюбскимъ, умѣлъ забыть личныя отношенія, и когда Черниговскій князь послалъ своего сына Глѣба на помощь къ нѣкоторымъ изъ Рязанскихъ князей, бывшихъ во враждѣ со Всеволодомъ, послѣдній схватилъ молодаго князя, и въ оковахъ отослалъ во Владиміръ [1]. Раздраженный Святославъ немедленно собралъ полки и вошелъ въ Суздальскую землю; тогда обнаружилась перемѣна, происшедшая въ характерѣ князя на сѣверѣ. До сихъ поръ князь былъ по преимуществу предводитель дружины, храбрый изъ храбрыхъ. При встрѣчѣ съ непріятелемъ его мѣсто было впереди всѣхъ, слѣд. до сихъ поръ необыкновенная личная храбрость, отважность простаго воина необходимо требовалась отъ князя: таковы были всѣ герои—князья старой, южной Руси. Но Всеволодъ III отличался уже другимъ характеромъ: встрѣтившись съ Черниговскимъ княземъ не далеко отъ Переяславля Залѣсскаго, на берегахъ рѣки Влены, онъ выбралъ выгодное положеніе, укрѣпился станомъ и не хотѣлъ вступать въ рѣшительную битву съ южными пол-

---

[1] Ипатьев. 122.

ками, отличавшимися своею стремительностію въ нападеніяхъ. Святославъ послалъ сказать ему: „Братъ и сынъ! я сдѣлалъ тебѣ много добра, и не думалъ получить отъ тебя такой благодарности; но если уже ты умыслилъ на меня зло, взялъ моего сына, то тебѣ недалеко искать меня: отступи не много отъ этой рѣчки, дай мнѣ путь, я переѣду къ тебѣ поближе, и Богъ насъ разсудитъ; если же не хочешь мнѣ дать пути, то я тебѣ дамъ, переѣзжай на эту сторону, и здѣсь Богъ насъ разсудитъ [1]. Такія слова, отзывавшіяся южно-русскими понятіями о битвѣ, какъ о судѣ Божіемъ, не понравились сѣверному князю: онъ велѣлъ взять пословъ Святославовыхъ и отправилъ ихъ во Владиміръ, а князю ихъ не далъ отвѣта; тогда послѣдній, постоявъ еще нѣсколько дней, и боясь оттепели, принужденъ былъ покинуть станъ на жертву Суздальцамъ и удалиться. Такимъ образомъ Всеволодъ первый переставъ полагаться на битвы, какъ на судъ Божій, первый началъ предпочитать осторожность въ битвахъ рѣшительности, и онъ достигъ своей цѣли, ибо тотъ же самый Святославъ Черниговскій, который прежде, надѣясь на

---

[1] Тамъ же, 123. И выйде противу ему Всеволодъ, со всими Суждальскими полкы, и съ Рязаньскими полкы и Муромьскими, и устрѣте и на Влепи рѣцѣ; и сташа оба полы рѣкы Влены, 2 недѣли бьяхуться обои объ рѣку ту, бѣ бо рѣка та твердо текущи, бережиста. Суждалци же стояху на горахъ, во пропастехъ и ломохъ, акоже нелзѣ ихъ дойти полкомъ Святославлимъ. Святославъ же посла попа своя ко Всеволоду, река и проч.

свою старость и добро, оказанное имъ Всеволоду, вздумалъ было называть сѣвернаго князя сыномъ, тотъ же самый Святославъ въ 1194 году, когда хотѣлъ идти войною на Рязанскихъ князей, долженъ былъ сперва послать ко Всеволоду попросить позволенія воевать съ Рязанью, и В. Князь Владимірскій отказалъ въ просьбѣ [1]. Въ это время область Рязанская была раздѣлена между многими князьями, потомками Ярослава Святославича; какъ вездѣ, такъ и здѣсь, родовыя отношенія завязали споры; какъ вездѣ, такъ и здѣсь въ описываемое нами время шла борьба между дядьми и племянниками, съ тѣмъ только различіемъ, что въ княжествѣ Рязанскомъ эта борьба не могла принять характера войны междоусобной, потому что, по слабости своей, Ярославичи всегда были ротниками какого-нибудь сильнѣйшаго князя; теперь они признавали старшинство Всеволода, который не любилъ позволять младшимъ своимъ самоуправства, слѣд. князьямъ Рязанскимъ, въ ихъ борьбѣ, оставалось одно средство вредить другъ другу, именно возбуждать другъ на друга нелюбье В. Князя. Въ 1207 году, когда Всеволодъ предпринялъ походъ противъ Ольговичей Черниговскихъ, и послалъ приказъ Рязанскимъ князьямъ явиться въ его станъ,

---

[1] Ипатьев. 143. Святославъ позва братью свою и поча съ ними думати, хотя на Рязаньскіи князи: бяхуть бо имъ рѣчи про волости; и послашася ко Всеволоду въ Суждаль, просячися у него на Рязань. Всеволодъ же ихъ волѣ не створи.

двое изъ нихъ, Глѣбъ и Олегъ Владиміровичи и двоюродный дядя ихъ, Давидъ Юрьевичь Муромскій донесли на остальныхъ своихъ родичей, что они передались Черниговскимъ [1]. Всеволодъ, повѣривъ доносу, велѣлъ схватить обвиненныхъ, вмѣстѣ съ ихъ думцами, и отвести во Владиміръ, а Рязань отдалъ сыну своему *Ярославу*; но узнавъ, что Рязанцы не охотно повинуются чужому князю, явилъ примѣръ неслыханной до тѣхъ поръ строгости: онъ велѣлъ жителямъ Рязани выдти изъ города, который былъ превращенъ въ пепелъ. Ту же участь имѣлъ и Бѣлъгородъ Рязанскій. Не пощадивъ князей и народа, сѣверный князь не пощадилъ и духовенства: Епископъ Арсеній былъ приведенъ плѣнникомъ во Владиміръ [2].

---

[1] Лѣтописецъ Суздальскій (Лавр. 182). говоритъ, что князья были точно виноваты; Новгородскій (стр. 30) называетъ Владиміровичей клеветниками.

[2] Лавр. 183: Посла Великый Князь Всеволодъ сына своего Ярослава въ Рязань на столъ, Рязанци же лесть имуще къ нему, цѣловаша крестъ ко Всеволоду, и не управиша, и изымаша люди его и исковаша, а инѣхъ въ погребѣхъ засыпавше измориша; Всеволодъ же слышавъ се, иде на Рязань съ сынми своими, и пришедъ ста у града Рязаня, и Ярославъ изиде противу отца своего, и цѣлова и съ радостью. И прислаша Рязанци буюю рѣчь, по своему обычаю и непокорьству; и повелѣ В. К. всѣмъ людемъ изити изъ града и съ товаромъ, и яко изидоша вси, повелѣ зажещи градъ, и оттуду иде къ Бѣлугороду, и повелѣ и тъ зажещи. И възвратися Володимерь В. К. Всеволодъ со всѣми своими полкы и съ сыномъ своимъ Ярославомъ, поимъ по собѣ всѣ Рязанци и епископа ихъ Арсенья.

Еще замѣчательнѣе были отношенія Всеволода къ южнымъ Мономаховичамъ. Въ это время южная Русь наслаждалась спокойствіемъ, потому что могущество сѣвернаго князя сдерживало въ ней всѣ междоусобія. Ольговичи не смѣли трогать Мономаховичей, потому что боялись Всеволода, который, какъ Мономаховичь, вступился бы за своихъ. Съ другой стороны, Мономаховичи южные не смѣли трогать Ольговичей, ибо вовсе не полагались на доброжелательство Всеволода, который не хотѣлъ усиливать своихъ родичей на счетъ Ольговичей, потому что такое усиленіе было для него столь же опасно, какъ и могущество Ольговичей; напротивъ, какъ видно, Всеволодъ III хотѣлъ держать оба враждующіе рода въ равновѣсіи, держать въ страхѣ одинъ посредствомъ другаго, что необходимо давало ему самому важное предъ ними преимущество. Такое поведеніе Всеволода, сдерживая усобицы на Руси, давало ей возможность обратить всѣ свои силы на Половцевъ: вотъ почему это время ознаменовано самыми блестящими успѣхами Русскаго оружія въ степяхъ подонскихъ. Но скоро сцена военныхъ дѣйствій переносится съ востока на западъ, поводомъ къ чему послужило прекращеніе Ростиславова рода, княжившаго въ Галичѣ. Я не могу останавливаться долго на Галицкихъ происшествіяхъ; всего важнѣе для насъ будетъ указать на причины различія, скоро обнаружившагося между Галицкимъ княжествомъ и остальными областями Русскими. На Руси дружинники, благодаря безпрерывному переходу князей изъ од-

ной области въ другую, не могли нигдѣ основаться въ качествѣ постоянныхъ землевладѣльцевъ, нигдѣ не могли пріобрѣсть аристократическаго характера, съ особымъ сословнымъ интерессомъ, и потому въ отношеніяхъ между князьями бояре не могли играть важной роли; если они появляются на сцену, то не какъ лица независимыя, дѣйствующія въ смыслѣ своего сословнаго интересса, но всегда только какъ побочные дѣятели при князѣ, такъ напр. бояре являются постоянными совѣтниками, неразлучными сопутниками князя, но здѣсь они дѣйствуютъ постоянно въ интерессѣ князя и никогда въ интерессѣ сословномъ; если бояринъ, перейдя отъ одного князя къ другому, поссоритъ ихъ, то чрезъ это онъ имѣетъ вліяніе на событія, однако и здѣсь опять этотъ бояринъ дѣйствуетъ въ личномъ интерессѣ, а не въ сословномъ. Не такъ было въ Галичѣ: эта страна, ставши владѣніемъ Ростиславичей, князей, исключенныхъ изъ старшинства въ родѣ Ярослава I го, равно какъ изъ владѣнія остальною родовою собственностію, по этому самому не перемѣняла князей своихъ, съ другой стороны не дробилась на мельчайшія волости въ родѣ Ростиславичей, ибо Владимірку удалось избавиться ото всѣхъ родичей и стать единовластителемъ въ Галичѣ, которое единовластіе продолжалось и при единственномъ сынѣ его Ярославѣ. Такимъ образомъ, когда остальная Русь представляла зрѣлище безпрерывнаго движенія и перехода, въ княжествѣ Галицкомъ не было никакого движенія, никакого перемѣщенія князей, въ слѣдствіе чего и боя-

рамъ княжескимъ была возможность установиться въ странѣ, получить значеніе постоянныхъ землевладѣльцевъ, пріобрѣсть великое вліяніе на дѣла страны: вотъ почему Галицкіе бояре имѣютъ другой характеръ, чѣмъ бояре въ остальной Руси; касательно различія между обоими можно выразиться такъ: бояре въ остальной Руси были бояре князей, бояре Галицкіе были бояре княжества. Такимъ образомъ на двухъ концахъ — сѣверозападномъ и югозападномъ, въ Новгородѣ и Галичѣ обнаруживаются въ формахъ быта отмѣны противъ быта въ остальной Руси, а именно въ Новгородѣ, въ слѣдствіе безпрерывной смѣны князей, усиливается народовластіе, тогда какъ въ Галичѣ, въ слѣдствіе осѣдлости, неподвижности князей усиливается боярство, при чемъ, разумѣется, сосѣдство Венгріи и Польши не могло остаться безъ вліянія.

Бояре Галицкіе показали свою силу еще надъ самимъ Ярославомъ Осмосмысломъ, котораго могущество такъ славилось на Руси. Этотъ князь дурно жилъ съ женою своею, дочерью Юрія Долгорукаго, слѣдуя внушеніямъ любовницы своей, которой одно имя (Настасья) осталось въ лѣтописи. Несчастная княгиня не могла долго терпѣть поведенія мужа, и сопровождаемая многими боярами, недовольными господствомъ княжеской любовницы, удалилась изъ Галича вмѣстѣ съ сыномъ Владиміромъ. Но около князя оставались еще другіе бояре, враги Настасьи: они схватили князя вмѣстѣ съ любовницею, перебили ея доброжела-

телей и княжескихъ любимцевъ, послѣ чего возвратили бѣжавшую княгиню съ сыномъ, а ненавистную Настасью сожгли живую; сынъ ея Олегъ былъ отосланъ въ заточеніе, а князь Ярославъ принужденъ дать клятву, что будетъ хорошо жить съ женою [1]. Но эта клятва была вынужденная: по смерти своей Ярославъ отдалъ Галицкій столъ не Владиміру, законному своему сыну, котораго не любилъ за дурной нравъ и непослушаніе, но Олегу, рожденному отъ Настасьи, причемъ взялъ клятву съ Владиміра не искать стола подъ братомъ, а съ бояръ повиноваться Олегу. Но мы уже имѣли случай замѣтить, что въ старой, южной Руси на предсмертныя распоряженія князей мало обращали вниманія. Такъ и въ Галичѣ, тотчасъ по смерти Ярослава, всталъ страшный мятежъ: бояре, которыхъ ненависть къ матери перешла и на сына, преступили клятву, выгнали Олега, и провозгласили княземъ Владиміра [2]. Но они скоро увидѣли, что ошиблись въ своемъ выборѣ: Владиміръ, не подражая отцу своему въ хорошемъ, подражалъ ему только въ дурномъ: „онъ любилъ только пить, говоритъ

---

[1] Ипатьев. 106. Выбѣже княгини Ярославляя изъ Галича съ сыномъ съ Володимиромъ.... и устрѣте и̂ вѣсть отъ Святополка изъ Галича: „поѣдь стряпать, отца ти есмы яли, и пріятели его Чаргову чадь избилѣ; а се твой ворогъ Настаська.“ Галичане же накладъше огнь сожгоша ю, а сына ея въ заточеніе послаша, а князя водивше ко кресту, яко ему имѣти княгиню въправду — и тако уладившеся.

[2] Ипатьев. 136.

лѣтописецъ, а не любилъ думать думу съ мужами своими, отнялъ жену у попа и обвѣнчался на ней; мало того, если понравилась ему чья либо жена или дочь, бралъ себѣ насильемъ [1]."

Въ это время ближайшимъ сосѣдомъ Галичу, на столѣ Волынскомъ сидѣлъ Романъ Мстиславичь, внукъ знаменитаго Изяслава. Мы имѣли уже случай замѣтить совершенное бездѣйствіе его при всѣхъ событіяхъ, имѣвшихъ мѣсто на Руси по смерти отца его Мстислава. Причины такого бездѣйствія не лежали въ характерѣ Романа: напротивъ это былъ одинъ изъ самыхъ энергическихъ князей нашихъ, который умѣлъ не дрогнуть ни передъ какою, даже самою насильственною, кровавою мѣрою, если она была необходимо для достиженія его цѣли. Страшныя пораженія, которыя онъ нанесъ Половцамъ прославили имя его на Руси, и варвары стращали имъ дѣтей своихъ [2]. Не менѣе страшенъ былъ Романъ и для другихъ варваровъ, сосѣдей своихъ—Литовцевъ: подражая всѣмъ князьямъ Русскимъ, предшественникамъ своимъ, въ стараніи распространять предѣлы гражданственности на счетъ варваровъ, пролагать пути въ странѣ, прежде непроходимой, строить города на мѣстѣ дрему-

---

[1] Тамъ же: Бѣ бо любезнивъ питію многому, и думы не любяшеть съ мужми своими, и поя у попа жену и постави собѣ жену.... гдѣ улюбивъ жену, или чью дочерь, поимашеть насильемъ.

[2] Тамъ же, 187.

чихъ лѣсовъ и обращать пустыни въ хлѣбородныя поля, Романъ, говоритъ преданіе, запрягалъ плѣнныхъ Литовцевъ въ плуги, и заставлялъ ихъ такимъ образомъ вырывать дикіе коренья и приготовлять землю для пашни. Что же заставляло такого Князя, каковъ былъ Романъ, спокойно смотрѣть на дѣла между князьями Русскими? Старшій изъ правнуковъ Мстислава Великаго, онъ могъ бы, по новому представленію о старшинствѣ, предъявить свои права предъ дѣтьми втораго Мстиславича, и особенно уже предъ младшимъ сыномъ четвертаго изъ Мономаховичей. Но это новое представленіе о старшинствѣ старшихъ племянниковъ было низложено въ слѣдствіе торжества Боголюбскаго и могущественнаго брата его: самый младшій дядя, Всеволодъ Юрьевичь былъ признанъ не только старшимъ, но и сильнѣйшимъ изъ князей: сила сѣвера видимо тяготѣла надъ разъединеннымъ югомъ; Романъ понялъ это, и началъ стремиться къ тому, чтобы усилиться въ свою очередь. Желая поддержать себя на столѣ отеческомъ среди сильнѣйшихъ его князей, Романъ вступилъ съ ними въ брачные союзы: женился на дочери Рюрика Ростиславича, а свою дочь выдалъ замужъ за одного изъ сыновей Владиміра Галицкаго [1]. Не смотря на такое близкое родство съ Галицкимъ княземъ, дурное поведеніе послѣдняго и неудовольствіе могущественныхъ бояръ внушили Роману мысль овла-

---

[1] Ипатьев. 136.

дѣть богатымъ наслѣдіемъ Ростиславичей: онъ началъ сноситься съ боярами, подучая ихъ на Владиміра, и предлагая себя на его мѣсто. Бояре приняли совѣтъ Романовъ, утвердились крестомъ между собою, и послали сказать Владиміру: „Князь! мы не на тебя возстали, но не хотимъ кланяться попадьѣ, а хотимъ её убить.“ Такъ говорили они, вѣдая, что Владиміръ сильно любитъ жену свою и ни за что ея, отъ себя не отпуститъ, и потому грозились убить ея, чтобъ поскорѣй прогнать князя. И точно такъ случилось, какъ они думали: Владиміръ испугался, взялъ семейство и уѣхалъ въ Венгрію; Романъ пріѣхалъ на его мѣсто княжить въ Галичѣ [1]. Но если князь Волынскій хотѣлъ воспользоваться волненіями въ Галичѣ, чтобъ утвердиться тамъ, то и другой сосѣдъ, Бела, король Венгерскій, также хотѣлъ воспользоваться этими волненіями, и пріобрѣсть Галичь для себя. Онъ немедленно вступился за изгнаннаго Владиміра, пошелъ съ войскомъ на Галичь, выгналъ Романа, однако не возстановилъ Владиміра, а распорядился самъ въ Галичѣ, и посадилъ тамъ княземъ сына своего Андрея [2]. Несчастный Владиміръ былъ посаженъ въ башню. Чрезъ нѣсколько времени ему удалось убѣжать изъ заключенія и пробраться къ Императору Нѣмецкому, Фридриху Барбароссѣ. Фридрихъ, узнавъ, что Владиміръ былъ родной племянникъ В. Князю Всеволоду, принялъ его

---

[1] Ипатьев. 137.
[2] Тамъ же.

съ великою честію, и обѣщался помочь ему съ условіемъ однако ежегодной дани въ 2000 серебра. Собираясь въ крестовый походъ, Императоръ послалъ Владиміра къ старшему изъ Польскихъ князей, Казиміру Справедливому съ повелѣніемъ возстановить его на отеческомъ престолѣ. Казиміру легко было исполнить желаніе Императора, ибо Галичане, терпя жестокія насилія отъ Венгровъ, горько раскаявались въ томъ, что выгнали роднаго князя. Вотъ почему они съ радостію приняли возвратившагося Владиміра, и выгнали королевича. Но Владиміръ боялся вторичнаго изгнанія отъ сосѣдей, которымъ всѣмъ правилась богатая волость его, и потому обратился съ просьбою о помощи къ старѣйшему и сильнѣйшему изъ князей Русскихъ, дядѣ своему по матери, Всеволоду III: „Отецъ и Господинъ! писалъ онъ къ нему: удержи подо мною Галичь, а я Божій и твой со всѣмъ Галичемъ, и въ твоей волѣ всегда!“ Тогда Всеволодъ послалъ ко всѣмъ князьямъ, и Русскимъ и Польскимъ, и взялъ съ нихъ клятву не искать Галича, пока тамъ княжитъ племянникъ его. Послѣ этого Владиміръ утвердился въ Галичѣ, и никто не смѣлъ противъ него вооружиться: такъ всѣ боялись Всеволода Суздальскаго [1]!

[1] Тамъ же, 138, 139: Царь же увѣдавъ, оже есть сестричичь В. К. Всеволоду Суждальскому, и прія его съ любовью и съ великою честью, и приставя къ нему мужь свой и посла его Казимиру въ Ляхи, веля ему доправити Галича, по своей волѣ: ялъ бо ся бяше давати ца-

Въ 1194 году умеръ Святославъ Всеволодичь Кіевскій, самый старый изъ князей Русскихъ; Русь снова перешла къ Ростиславичамъ; самый старшій изъ нихъ, Рюрикъ сѣлъ въ Кіевѣ, назвался Великимъ Княземъ въ Руси, но по волѣ другаго Великаго Князя: Всеволодъ III прислалъ въ Кіевъ бояръ своихъ, которые и возвели Рюрика на столъ [1]. Послѣдній повѣстилъ братьямъ, что они теперь старшіе въ Русской землѣ, и началъ дѣлать ряды съ ними касательно областей [2], какъ вдругъ пришло къ нему грозное слово съ сѣвера, отъ Всеволода Владимірскаго. Братъ

реви по 2000 сребра до года. Казимиръ же приставя къ нему мужь свой Миклая, и посла его въ Галичь. Галичьскіи же мужи срѣтоша его съ радостью великою, князя своего и дѣдича, а королевича прогнаша изъ земли своея, а Володимеръ сѣде на столѣ дѣда своего и отца своего; и посла ко Всеволоду ко уеви своему въ Суждаль, моляся ему: „отце господине! держи Галичь подо мною, а язъ Божій и твой есмь всегда. Всеволодъ же Суждальскій присла ко всимъ княземъ и ко королеви въ Ляхы, и води я ко кресту, на своемъ сестричичѣ Галича не искати николиже подъ нимъ. Володимеръ же утвердився въ Галичѣ, и оттолѣ не бысть напь никогоже.

[1] Воскр. II, 119; Никон II, 260. Посла князь Великій Всеволодъ мужи свои к Киеву, и посади въ Кіевѣ Рюрика Ростиславича свата своего.

[2] Ипатьев. 144: Посла Рюрикъ по брата своего по Давыда къ Смоленьску, река ему: „брате, се вѣ осталася старѣйши всѣхъ въ Руськой землѣ, а поѣди ко мнѣ Кыеву; что будеть о Руской землѣ думы и о братьи своей, о Володимерѣ племяни, и то все укончаевѣ, а сами ся во здоровьи видѣвѣ.... Давыдъ же позва *Великого Князя* Рюрика на обѣдъ и проч.

Боголюбскаго такъ велѣлъ сказать Ростиславичамъ: „Вы назвали меня старшимъ въ племени Владиміра; а теперь ты, Рюрикъ сѣлъ въ Кіевѣ, а мнѣ не далъ части въ Русской землѣ, роздалъ волости другимъ, младшимъ братьямъ своимъ; если мнѣ нѣтъ части въ Русской землѣ, то блюди и стереги ее съ тѣми, кому роздалъ волости; увидимъ, какъ-то ты удержишь ее съ ними, а мнѣ не надобно [1]." Не ничтожныхъ городковъ добивался могущественный князь сѣвера, у него были другіе замыслы: онъ требовалъ у Кіевскаго князя именно только тѣхъ 5 городовъ, которые Рюрикъ отдалъ зятю своему, Роману Волынскому; тщетно Рюрикъ предлагалъ ему другіе, Всеволодъ не хотѣлъ ничего слушать [2]. Цѣль его при этомъ ясна: для него были опасны Ростиславичи на югѣ, сильные своимъ братскимъ единодушіемъ и личными доблестями, и потому онъ хотѣлъ поссорить ихъ съ храбрымъ и дѣятельнымъ Романомъ, питавшимъ родовую ненависть къ Юрьевичамъ. Рюрикъ, по совѣту Митрополита, взялъ города у Романа и отдалъ ихъ непреклонному Всеволоду: „что дѣлать, говорилъ Кіевскій князь, намъ безъ Всеволода не льзя быть! [3]" Но Всеволодъ, получивъ города, отдалъ

---

[1] Тамъ же.

[2] Тамъ же, 145. Но даяше ему другую волость; онъ же ее не бреже, но хотяше подъ Романомъ которые же просилъ бяшеть.

[3] Тамъ же. Рюрикъ же рече ему (Роману): „язъ переже всихъ далъ есмь тобѣ волость сю; но же Всеволодъ по-

одинъ изъ нихъ сыну Рюрикову, своему зятю, а въ другіе послалъ посадниковъ. Этимъ распоряженіемъ Владимірскій князь совершенно достигалъ своей цѣли, ибо Романъ тогда легко могъ подумать, что Рюрикъ нарочно отнялъ у него города, дабы чрезъ Всеволодовы руки передать ихъ своему сыну. Такъ и случилось: тщетно Рюрикъ увѣрялъ зятя въ невинности своихъ намѣреній; Романъ не хотѣлъ ничего слышать, кипѣлъ гнѣвомъ на тестя, и началъ ссылаться съ Ольговичами, подущая ихъ на Ростиславичей. Отсюда начинаются опять междоусобія на югѣ, въ семьѣ Мономаха, теперь уже между самими Мстиславичами, т. е. между внукомъ Изяслава, Романомъ и Ростиславичами; въ этой борьбѣ, опять какъ прежде, берутъ участіе Ольговичи, съ прежнею цѣлію достигнуть Кіевскаго стола, вытѣснить Мономаховичей съ западной стороны Днѣпра. Ясно, что въ этой борьбѣ Всеволодъ III, какъ старшій въ родѣ Мономаха, не могъ остаться спокойнымъ зрителемъ; какъ же онъ дѣйствовалъ? На словахъ онъ былъ постоянно за Ростиславичей, посылалъ вмѣстѣ съ ними къ Черниговскимъ съ требованіемъ, чтобъ они отреклись навсегда отъ Кіева; [1] но какъ скоро начиналась вой-

---

слалъ на мя, жалуяся про тебе, ажь есми на немъ чести не положили преже, я же есмь тобѣ являлъ вси рѣчи его, ты же ми еси се отступился по волѣ, а намъ како любо ему было юдати; *а намъ безо Всеволода нелзя быти*, положили есмы на немь старѣйшиньство вся братья во Володимерѣ племени."

[1] Ипатьев 146.

на, Всеволодъ медлилъ помощію, и если выступалъ съ войскомъ, то тотчасъ же принималъ мирныя предложенія Ольговичей, [1] вовсе не желая ихъ конечнымъ паденіемъ усилить опасныхъ Ростиславичей. Последніе горько жаловались на такое не братское поведеніе Всеволода: „Сватъ! писалъ къ нему Рюрикъ: ты мнѣ крестъ цѣловалъ на томъ, что кто мнѣ врагъ, тотъ и тебѣ врагъ; а въ Русской землѣ части просилъ у меня, и я тебѣ далъ волость лучшую, не отъ обилья, но отнявъ у братьи своей и у зятя своего Романа, ради тебя; а теперь Романъ мнѣ врагъ, а ни за кого другаго, какъ все за тебя же; потомъ ты обѣщалъ сѣсть на коня и помочь мнѣ, но перевелъ все лѣто и зиму, а теперь и сѣлъ на коня, но какъ помогъ? А мнѣ отъ Ольговичей какая обида была? про тебя же я съ ними во враждѣ, и воевалъ съ ними и волость свою пожегъ [2].“

---

[1] Тамъ же, 150.

[2] Ипатьев. 150. Здѣсь лѣтописцы сѣверный и южный разногласятъ, каждый оправляя своего князя (Лавр. 174); но мы приняли разсказъ Кіевскаго лѣтописца, ибо Суздальскій слишкомъ пристрастенъ къ своему князю, для оправданія котораго приводитъ такія событія, какія ни какъ не могли имѣть мѣста, напр. говоритъ, что Рюрикъ перешелъ на сторону Ольговичей; но это противорѣчитъ всему ходу событій: „то слышавъ В. К. Всеволодъ, оже Давыдовъ полкъ побѣженъ и сватъ ему ятъ, и отъ Рюрика рѣчь слышавъ, ту зиму перестряпъ, на лѣто всѣде на конь про свата своего и подъ Рюрикомъ твердя Кыевъ, и поиде къ Чернигову съ Рязаньскыми князи и Муромьскыми, и Давыдъ и Смоленьска; Рюрикъ же неуправи своее рѣчи, и приступи къ Ольговичамъ.“

Не довольный Рюрикъ отнялъ у Всеволода города, которые прежде далъ ему; но сѣверному князю нужны были не города на Руси, ему нужна была вражда и безсиліе князей ея.

Между тѣмъ какъ Ростиславичи не могли ожидать себѣ ревностной помощи отъ сѣвернаго князя, своего старшаго, гроза скоплялась надъ ними съ запада: Владиміръ Галицкій умеръ безъ потомства [1]. Тогда Романъ Волынскій, съ помощію пріятелей своихъ, князей Польскихъ, утвердился вторично въ Галичѣ. Усилившись такимъ образомъ, Романъ не думалъ оставить въ покоѣ врага своего, Кіевскаго князя. Въ этой усобицѣ Кіевъ нѣсколько разъ переходилъ изъ рукъ въ руки, и былъ страшно опустошаемъ своими и Половцами; наконецъ Роману удалось захватить въ свои руки все семейство Рюрика: самого В. Князя онъ постригъ въ монахи, равно какъ дочь его, свою жену, которую ненавидѣлъ; однако принужденъ былъ отдать Кіевъ сыну Рюрика Ростиславу, потому что тотъ былъ зятемъ Всеволода III. Въ 1205 году Романъ нашелъ себѣ смерть въ битвѣ съ Поляками. Мы видѣли, каковъ былъ характеръ этого князя; вступивъ въ управленіе Галичемъ, онъ увидѣлъ здѣсь необыкновенное для Русскаго князя явленіе, а именно страшную силу и своеволіе

---

[1] По крайней мѣрѣ мы ничего не знаемъ о сыновьяхъ его, рожденныхъ отъ попадьи.

бояръ, и, сообразно своему характеру, предпринялъ противъ нихъ самыя крутыя, кровавыя мѣры: „не раздавивши пчелъ, меду не ѣсть,“ говаривалъ Романъ.

Смерть сильнаго и строгаго Романа была знакомъ къ страшнымъ волненіямъ въ Галичѣ: бояре опять подняли головы и начали продавать отечество то тому, то другому изъ сосѣднихъ владѣльцевъ, которые наперерывъ старались пріобрѣсть себѣ богатое княжество, мимо законныхъ наслѣдниковъ, двоихъ малолѣтнихъ сыновей Романа, Даніила и Василька. Борьба за Галичь усилила распри въ южной Руси, потому что Ростиславичи и Ольговичи равно хотѣли достать себѣ это княжество. Старшій между Ольговичами былъ тогда сынъ покойнаго Святослава, Всеволодъ Чермный: онъ безпрестанно воевалъ съ Ростиславичами, и нѣсколько разъ захватывалъ Кіевъ; между тѣмъ и Галичь достался на время Ольговичамъ, именно сыновьямъ Игоря Сѣверскаго, знаменитаго своимъ походомъ на Половцевъ. Игоревичи, подобно Роману, видѣли единственное средство успокоить страну въ обузданіи бояръ, чего не умѣли достигнуть иначе, какъ только насильственною смертію послѣднихъ. Тогда нѣкоторые бояре, видя безпрестанное убійство своихъ собратій князьями, удалились въ Венгрію, и выпросили у короля помощь молодому Даніилу мановичу: Игоревичи не могли сопротивляться Венграмъ, были взяты въ плѣнъ, и повѣшены озлобленными боярами: это явленіе, чуждое остальной Руси, возмутило[1] ее.

---

[1] Ипатьев. 158, 159.

Въ то время, какъ югозападная Русь была зрѣлищемъ такихъ волненій и злодѣйствъ, Русь сѣверовосточная лишилась Всеволода III. Княживъ 37 лѣтъ съ постоянною удачею, Всеволодъ, при концѣ жизни, подобно брату Андрею, долженъ былъ испытать, какъ еще силенъ былъ старый порядокъ вещей, противъ котораго они боролись. Какъ замыслы Андрея разсѣялись предъ доблестями Мстислава Храбраго, такъ замыслы Всеволода разрушены были сыномъ этого Мстислава — Мстиславомъ Торопецкимъ, или Удалымъ. Всеволодъ привелъ въ свою волю В. Новгородъ; граждане послѣдняго, желая избавить себя отъ самовластія Владимірскаго князя, призвали на помощь Мстислава. Всеволодъ, осторожный даже и въ молодости, не хотѣлъ искушать судьбы въ битвѣ съ храбрѣйшимъ изъ князей Русскихъ, и уступилъ Мстиславу Новгородъ, довольствуясь тѣмъ, что Торопецкій князь призналъ себя сыномъ его. Такимъ образомъ, при концѣ жизни своей, Всеволодъ долженъ былъ уступить старому порядку вещей, войти къ Новгородскому князю въ родственныя отношенія, поддержанія которыхъ требовали князья старой Руси, и уничтоженія которыхъ домогались князья новой. Кромѣ этого, на смертномъ ложѣ, Всеволодъ долженъ былъ испытать новую непріятность, и опять отъ стараго порядка вещей, который нашелъ себѣ поборника въ самой семьѣ В. Князя: именно старшій сынъ его Константинъ, напитавшись старыми понятіями сперва въ Новгородѣ, а потомъ въ Ростовѣ, хотѣлъ непремѣнно возвратить послѣднему городу старшинство предъ

Владиміромъ. Всеволодъ разгнѣвался на ослушнаго сына и, созвавъ Соборѣ, объявилъ В. Княземъ и старшимъ въ родѣ втораго сына Юрія, далъ ему Владиміръ со всѣми боярами и со всѣми людьми, укрѣпилъ къ нему всѣхъ крестнымъ цѣлованіемъ и поручилъ ему младшихъ братьевъ. Но князь Ростовскій не думалъ отказываться отъ старшинства въ пользу младшаго брата, и тотчасъ же по смерти Всеволода, послѣдовавшей въ 1212 году, открывается борьба между братьями, которая опять принимаетъ характеръ борьбы между старымъ и новымъ порядкомъ вещей. На помощь старшему князю, который преслѣдовалъ интересы стараго города, явился, какъ и слѣдовало ожидать, представитель старой Руси — Мстиславъ Удалой: это случилось при посредствѣ старшаго изъ городовъ Русскихъ, В. Новгорода. Ярославъ Всеволодовичь, братъ Юрія, принятой Новгородцами, вздумалъ поступать у нихъ по примѣру отца, и, по примѣру дяди Андрея, утвердить свой столъ въ пригородѣ Торжкѣ, гдѣ его не безпокоило вѣче. Удалой тотчасъ явился помѣшать такому дерзкому намѣренію, и соединился съ Константиномъ Ростовскимъ, тогда какъ на помощь Ярославу пришелъ Юрій. Младшіе князья, представлявшіе новый порядокъ вещей, не наученные опытомъ Андрея и Всеволода, дали битву (при Липицѣ) храброму изъ храбрыхъ, и потерпѣли пораженіе [1]. Константинъ получилъ стар-

---

[1] См. мое изслѣдованіе объ отношеніяхъ Новгорода къ В. Князьямъ, стр. 89—95.

шинство, Новгородъ свою волю, но не на долго; Константинъ скоро умеръ, и Юрій снова получилъ старшинство, и снова началъ тѣснить Новгородъ, распространяя въ то же время предѣлы своей области на востокъ, строя города, и равнодушно смотря на старыя усобицы на югѣ между Мономаховичами и Ольговичами то за Кіевъ, то за Галичь [1]: старая Русь съ господствомъ родовыхъ отношеній видимо клонилась къ своему паденію, ибо, не смотря на доблести князей своихъ, преклонялась предъ могущественнымъ собственникомъ сѣвера, признавала, что она не можетъ обойтись безъ этого собственника. Это признаніе, произнесенное Рюрикомъ Ростиславичемъ и повторенное чрезъ нѣсколько вѣковъ позже Гетманомъ Зиновіемъ Хмельницкимъ, служитъ самымъ лучшимъ оправданіемъ новаго порядка вещей, зачавшагося въ Руси сѣверовосточной.

Какія же явленія характеризуютъ описанный періодъ времени отъ вступленія на Владимірской столъ Всеволода III до гибели сына его Юрія въ битвѣ при Сити? Новое стремленіе, начатое Боголюбскимъ, стре-

---

[1] Съ какимъ презрѣніемъ смотрѣли сѣверные князья на Русь, на Кіевъ, видно изъ ряду между младшими Всеволодичами предъ Липецкою битвою: „Внидоста въ шатеръ съ братьею, и начаста дѣлити городы, и рече князь Юрьи: „мнѣ, брате княже Ярославе, Володимерская земля и Ростовьская, а тебѣ Новъгородъ, а Смоленскъ брату нашему Святославу, а Кіевъ дай Черниговьскимъ княземъ, а Галичь намъ же."

мленіе утвердиться на сѣверѣ, пріобрѣсть силу и посредствомъ ея измѣнить родовыя отношенія въ государственныя, неуклонно преслѣдуется братомъ его Всеволодомъ, что видно изъ поведенія его касательно Новгорода, Рязани, князей южныхъ, съ которыми онъ избѣгаетъ столкновенія въ чистомъ полѣ, зная ихъ неодолимую храбрость и слабость въ битвахъ сѣвернаго народонаселенія, не окрѣпшаго въ усобицахъ [1], и однако умѣетъ заставить южныхъ князей признаться, что они не могутъ обойтись безъ него. Представленіе о старшинствѣ всѣхъ дядей надъ племянниками, по видимому, торжествуетъ, ибо старшинство держитъ самый младшій сынъ четвертаго изъ Мономаховичей; но этотъ старшій живетъ на сѣверѣ, гдѣ господство понятія о собственности ведетъ неминуемо къ торжеству представленія о старшинствѣ старшаго племянника надъ всѣми дядьми, что показалъ разительно поступокъ Всеволода, который, какъ собственникъ и самовластецъ, отнимаетъ старшинство у старшаго сына и отдаетъ его младшему; этотъ младшій съ другими младшими братьями идутъ противъ правъ старшихъ, основываясь на своей силѣ; распоряженіе отца—собственника, имѣвшаго слѣд. право располагать своею собственностію, и сила — вотъ права

[1] Пол. собр. Рус. лѣт. т. I, стр. 213: и̃ начаша думати князи (предъ Липецкою битвою); Костянтинъ молвитъ: „брате князь Мстиславе и Володимере! оже поидемъ мимо ихъ, и възмутъ ны въ тылъ, а другое мои люди къ боеви не дерзи, тамо и разидутся въ городы.“

младшихъ Всеволодичей: „перемоги насъ, говорятъ они старшему брату, и тебѣ вся земля [1]!" И такъ теперь, въ слѣдствіе понятія объ отдѣльной собственности, является понятіе о правѣ силы безъ уваженія къ старымъ родовымъ обычаямъ. Отсюда уже тотчасъ же является недовѣрчивость младшихъ къ старшимъ, ибо они знаютъ, что старшій сильнѣе ихъ, знаютъ притомъ, что сила богатаго собственника заставляетъ его увеличивать эту собственность на счетъ слабѣйшихъ, и потому младшіе, при первомъ подозрительномъ движеніи старшаго, вооружаются, заключаютъ союзъ, чтобъ отразить силу силою; такъ въ 1229 году лѣтописецъ говоритъ, что Ярославъ Всеволодичь *усумнился* въ своемъ старшемъ братѣ Юріѣ, и поспѣшилъ соединиться противъ него съ Константиновичами Ростовскими: на силу Юрій успѣлъ разувѣрить родичей на счетъ своихъ замысловъ [2]. Въ слѣдующихъ главахъ мы увидимъ только повтореніе этихъ явленій.

---

[1] Тамъ же, стр. 202.

[2] Лавр. 192. Ярославъ усуѫнѣся брата своего Юрія, слушая нѣкыихъ льсти, и отлучи отъ Юрія Костянтиновича 3, Василка, Всеволода, Володимера, и мысляшеть противитися Юрію брату своему; но Богъ не попусти лиху быти, благоразумный князь Юрги призва ихъ на снемъ въ Суждаль, и исправивше все не любы межю собою, и поклонишася Юрью вси, имуще его отцемъ собѣ и господиномъ.

ГЛАВА III.

Исторія княжескихъ отношеній отъ вступленія на Владимірскій столъ Ярослава Всеволодича до начала борьбы между сыновьями Невскаго.

Во время нашествія Монголовъ на сѣверо-восточную Русь, въ Кіевѣ сидѣлъ младшій братъ В. Князя, Ярославъ Всеволодичь. Едва узналъ онъ о гибели Георгія при Сити, какъ тотчасъ оставилъ югъ, чтобъ принять Великое княженіе Владимірское: такъ потомки Долгорукаго предпочитали уже опустошенный сѣверъ еще не тронутому югу! Новый В. Князь отдалъ брату своему Святославу Юрьевскому Суздаль, а другому, Ивану Стародубъ Сѣверный [1]. Любопытнѣе для насъ распоряженія, имѣвшія мѣсто между князьями Ростовскими, дѣтьми и внуками Константина Всеволодича: въ это время оставался въ живыхъ Владиміръ Константиновичь съ племянниками отъ двухъ умершихъ братьевъ — Василька и Всеволода, но старшій столъ Ростовскій видимъ во вла-

---

[1] Никон. III, 4.

дѣніи не дяди Владиміра, но сына отъ перваго брата, Бориса Васильковича, а Владиміръ владѣетъ Угличемъ [1]. Такъ легко принялось на сѣверѣ старшинство сына отъ перваго брата надъ дядьми, именно въ слѣдствіе того, что на сѣверѣ удѣлы (здѣсь это слово имѣетъ свое настоящее значеніе) не отъемлемы, даются на всю жизнь и въ потомство; изъ Константиновичей, Василько былъ посаженъ въ Ростовѣ, Всеволодъ въ Ярославлѣ, Владиміръ въ Угличѣ: они такъ и остаются навсегда, и тѣ же самые столы передаютъ дѣтямъ своимъ; одинъ только стольный городъ великокняжескій еще переходитъ къ старшему въ родѣ, но и это скоро прекращается.

Скоро Ярославъ, по зову Батыя, принужденъ былъ отправиться въ Орду; отъ Батыя В. Князь возвратился съ честію, пожалованъ старшинствомъ [2]; но потомъ долженъ былъ отправиться къ самому Великому Хану, на берега Амура. Здѣсь начались интриги: какіе то люди, желавшіе получить земли Ярослава, пріобрѣли благосклонность старой Ханши, матери В. Хана, и съ ея помощію томили несчастнаго Ярослава. Кто были эти люди? Разумѣется кто-нибудь изъ князей Русскихъ, вѣроятнѣе всего Констан-

---

[1] Тамъ же, стр. 18. Владиміръ былъ третій дядя, а не четвертый, слѣд. это явленіе неподходитъ также подъ позднѣйшій мѣстническій обычай.

[2] Лавр. 201: Батый же почти Ярослава великою честью, и мужи его, и отпусти и, рекъ ему: „Ярославе! буди ты старѣй всѣмъ князем въ Русскомъ языцѣ.“

тиновичи Ростовскіе. Лѣтописцы, умалчивая о князьяхъ, называютъ одного боярина, Ѳедора Яруновича, который былъ при этомъ главнымъ дѣйствователемъ, и клеветалъ Хану на В. Князя; когда клевета не удалась вполнѣ, то прибѣгнули къ легчайшему средству освободиться отъ Ярослава: онъ былъ отравленъ изъ рукъ самой Ханши [1].

По кончинѣ Ярослава Всеволодича, по старому еще обычаю, В. Княземъ сталъ братъ его Святославъ, который утвердилъ племянниковъ своихъ, сыновей Ярослава, на удѣлахъ, завѣщанныхъ имъ покойнымъ княземъ, слѣд. здѣсь уже не имѣлъ мѣста рядъ старшаго съ младшими, но приведено въ исполненіе завѣщаніе [2]. Но на другой же 1248 годъ

---

[1] Плано-Карпини, кн. I, гл. 14.—Никон. III, 26: К. В. Ярославъ Всеволодичь бысть вордѣ у Кановичь, да и оболженъ бысть Ѳеодоромъ Яруновичемъ къ царю (Батыю), и много истомления прiятъ отъ татаръ за землю Рускую; и отпустиша его уже изнемогша, и мало пошедъ отъ Кановичь и преставись нужною смертию въ иноплеменницѣхъ. Ипатьев. 185. Злобѣ бо ихъ (Татаръ) и льсти нѣсть конца: Ярослава великого князя Суждальского зеліемъ умориша. — Карамзинъ говоритъ: „Монголы, сильные мечемъ, не имѣли нужды дѣйствовать ядомъ, орудіемъ злодѣевъ слабыхъ.“—Ханъ и могъ дѣйствовать мечемъ, могъ казнить Ярослава; но здѣсь дѣло идетъ не о ханѣ, а о тайной, женской интригѣ, о которой ханъ и не зналъ; Ярослава сперва хотѣли оклеветать у хана, и когда это неудалось, то прибѣгнули къ отравѣ. Иначе какъ согласить всеобщее свидѣтельство источниковъ, какъ своихъ, такъ и иностранныхъ о *нужной*, т. е. насильственной смерти.

[2] Никон. III, 27. А братаничи свои посажа по городомъ,

одинъ изъ младшихъ сыновей Ярослава [1], Михаилъ, по прозванію Хоробритъ, князь Московскій, отнялъ у дяди Святослава В. Княженіе, и самъ заступилъ его мѣсто. Это явленіе чрезвычайной важности, ибо здѣсь мы видимъ совершенный произволъ, совершенное невниманіе ко всякому родовому праву, исключительное преобладаніе права сильнаго. Михаилъ могъ бы еще утверждаться на извѣстномъ представленіи о правѣ племянника отъ старшаго брата надъ дядьми, если бы самъ былъ старшимъ сыномъ Ярослава, но этого условія не было, и такъ Михаилъ Ярославичь дѣйствовалъ здѣсь вполнѣ независимо отъ всякихъ родовыхъ отношеній, онъ дѣйствовалъ здѣсь противъ дяди, какъ независимый князь, владѣтель противъ другаго независимаго владѣтеля [2]. Михаилъ погибъ въ

якоже уряди братъ его К. В. Ярославъ Всеволодичь, онъ же не примени слова его.

[1] 6-й сынъ: Александръ, Андрей, Константинъ, Аѳанасій, Даніилъ, Михаилъ, Ярославъ, Василій. Никон. III, 27.

[2] Никон. III, 30: Тогоже лѣта князь Михаило нарицаемы Хоробритъ Ярославль согна с великаго княженія Владимерскаго дядю своего В. К. Святослава, и самъ сядѣ на великомъ княженіи в Володимере — Михаилъ названъ Московскимъ княземъ въ Ростовской лѣтописи (Карамз. IV, примѣч. 82); Михаилъ не былъ первымъ Московскимъ княземъ: „того же лѣта (1213) Володимеръ, сынъ Всеволожь Великого Князя, ѣха въ Москву. Того же лѣта во второе приходи Юрги съ Ярославомъ къ Ростову, и створша порядъ съ Костянтиномъ, и идоста отъ Ростова къ Москвѣ Гюрги съ Ярославомъ; и изведъ Гюрги изъ Москвы Володимера, и посла и въ Руский Переяславль на столъ на отчину свою.“ Лавр. 185. Вторымъ Московскимъ княземъ былъ Владиміръ Юрьевичь Лавр. стр. 196.

битвѣ съ Литовцами, въ то время какъ старшіе братья его, Александръ и Андрей были въ Ордѣ. Получивъ извѣстіе о дѣлахъ въ Руси и о смерти Михаила, они возвратились въ отечество, будучи утверждены Ханомъ — Андрей на столѣ Владимірскомъ, Александръ на Кіевскомъ. Изгнанный дядя Святославъ ѣздилъ въ Орду; неизвѣстно, требовалъ ли онъ у хана возвращенія великокняжескаго достоинства, или нѣтъ; извѣстно только то, что не получилъ его и скоро умеръ [1]. Оставался князь, который могъ предъявить свои права на В. Княженіе: именно Владиміръ Углицкій, сынъ Константина Ростовскаго, старшаго изъ дѣтей Всеволода III; но кто могъ думать о правѣ Владиміра въ то время, когда Михаилъ Московскій не обращалъ никакого вниманія ни на свое безправіе, ни на право дяди: Ярославичи были сильнѣе Углицкаго князя, этого было довольно, чтобъ заставить позабыть о послѣднемъ; Владиміръ умеръ въ 1249 году [2].

Но раздѣлъ между Ярославичами не былъ миренъ. Татищевъ говоритъ, что Александръ съ Андреемъ имѣли въ ордѣ большой споръ, кому быть

---

[1] Лѣтописцы ничего не говорятъ о цѣли поѣздки Святославовой.

[2] Никон. III, 31. Лавр. 202: Тоеже зимы Володимеръ князь Костянтиновичь преставися въ Володимери; плакася надъ нимъ Олександръ князь и съ братьею много, и проводи и честно изъ золотыхъ воротъ, и везоша и въ Углече поле.

во Владимірѣ, кому въ Кіевѣ, и будто Ханъ отдалъ Кіевъ Александру, а Владимиръ Андрею, основываясь на завѣщаніи покойнаго В. Князя Ярослава; что же могло заставить Ярослава завѣщать старшему Александру Кіевъ, а младшему Андрею Владиміръ? Быть можетъ, особенная любовь къ Андрею, который оставался всегда при немъ; быть можетъ также, что Ярославъ, желая удержать и южную Русь въ своемъ родѣ, отдалъ Кіевъ Александру, какъ болѣе способному, по своимъ доблестямъ, удержать его. Но если подобное завѣщаніе существовало въ самомъ дѣлѣ, то оно исключало необходимо брата Святослава; но лѣтописецъ говоритъ прямо, что Святославъ утвердилъ племянниковъ на удѣлахъ, какъ распорядился покойный Ярославъ? Впрочемъ есть средство согласить оба свидѣтельства: Ярославъ, при жизни, назначилъ Александра въ Кіевъ, Андрей оставался на сѣверѣ; по изгнаніи Святослава Михаиломъ и по смерти послѣдняго, Андрей, желая получить Владимірскій столъ, настаивалъ на томъ, что уже старшій братъ его получилъ старшій столъ—Кіевъ и Русскую землю по распоряженію покойнаго отца, и тѣмъ убѣдилъ хана [1]. Но Александръ, какъ старшій, [2]

---

[1] Татищ. IV, 22. Это мѣсто испорчено: вмѣсто Михаила должно читать Андрей, ибо говорится уже послѣ смерти Михаила.

[2] О старшинствѣ Александра см. Лавр. 200: тако и сихъ Богъ избави отъ руки иноплеменникъ, благочестиваго и правовѣрнаго Великого Князя Ярослава съ благородными

не могъ быть доволенъ такимъ рѣшеніемъ, ибо давно уже Владиміръ получилъ первенство надъ Кіевомъ касательно старшинства, давно уже Кіевскіе князья не могли быть безъ Владимірскихъ; теперь особенно, когда вся южная Русь была опустошена, когда Кіевъ представлялъ однѣ развалины, владѣніе имъ не могло быть лестно. Вотъ почему Невскій имѣлъ полное право сердиться на младшаго брата, видѣть въ немъ хищника правъ своихъ. Въ 1252 году Александръ поѣхалъ въ орду къ новому Хану,

---

своими сыны, бѣже ихъ 6: Олександръ, Андрей, Костянтинъ, Ѳеонасій, Данило, Михайло. О томъ же см. Никон. III, 3, 26, равно какъ надпись во Владимірской приходской церкви Великомученика Георгія: „Сія Боголюбивая Великая Княгиня Ѳеодосія, дщерь Галическаго князя Мьстислава Мьстиславича, честнѣйшая супружница благовѣрнаго Великаго князя Ярослава Всеволодича Владимірскаго, съ нимъ же благоговѣйно и благоугодно поживе, отъ него же седмь сыновъ породи: Ѳеодора, Александра, Андрея, Константина, Аѳонасія, Даніила, Михаила, да дщери двѣ Евдокію и Іуліянію;“ См. краткое извѣстіе о Владимірскихъ древностяхъ, Ѳ. Калайдовича, въ трудахъ Историч. Общ. т. I. — Также Дополн. къ Акт. Историч. т. II, N 151. Соборное посланіе Россійскихъ Владыкъ князю Василію Константиновичу Острожскому: „Великій государь нашъ (Василій Шуйскій) изъ древнихъ лѣтъ отъ корене великихъ государей царей и великихъ князей Россійскихъ........ и отъ великого достохвальнаго Великаго Князя Александра Ярославича, иже многіе побѣды на всѣхъ вразѣхъ своихъ показавшаго, отъ него же великого государя нашего прародители на Суздальское княженіе раздѣлишася, якоже обычай въ Россійскомъ государствѣ великихъ государей *меншимъ* братіямъ на удѣлы садитись.“ Послѣ этого непонятно, почему Карамзинъ считаетъ Андрея старшимъ.

Сартаку жаловаться на брата; [1] ханъ, давши старшинство Невскому, отправилъ на Андрея трехъ полководцевъ своихъ; недалеко отъ Переяславля Андрей встрѣтилъ Татаръ, былъ разбитъ въ злой сѣчѣ, побѣжалъ въ Новгородъ, не былъ тамъ принятъ, и удалился ко врагамъ Александровымъ, Шведамъ, которыми, въ слѣдствіе этого, былъ принятъ съ радушіемъ. Кромѣ сознанія правъ своихъ, Александръ не могъ терпѣть Андрея на великокняжескомъ столѣ и по другимъ причинамъ, а именно: изъ словъ лѣтописца видно, что Андрей, по совѣту бояръ своихъ, (и вѣроятно жены, дочери Даніила Галицкаго), хотѣлъ свергнуть Татарское иго, что доказываетъ выступленіе его на встрѣчу къ полкамъ ханскимъ и злая битва съ ними. Но Александръ видѣлъ всю необдуманность этого намѣренія, которое могло подвергнуть Русь только новому нашествію и тягчайшему игу [2]. Александръ пріѣхалъ во Владиміръ.

---

[1] Татищ. IV, 24. Что Татищевъ не вымыслилъ этого событія, доказательствомъ служатъ: 1) Слова Андрея помѣщенныя въ Никонов. сп. (III, 33): „Господи! что се есть, доколе намъ межъ собою бранитися. и наводити другъ на друга Татаръ.“ 2) Александръ былъ въ это время въ ордѣ, и взялъ старшинство отъ хана: еслибъ онъ не былъ противъ брата, то почему не умилостивилъ Сартака, какъ умилостивлялъ его послѣ, по случаю возстаній народныхъ? 3) Бѣгство Андрея въ Швецію и радушный пріемъ со стороны Шведовъ показываетъ, что они видѣли въ Андреѣ врага Александрова.

[2] Лавр. 202. Иде Олександръ князь Новгородьскый Ярославичь въ Татары; и отпустиша и съ честью великою, давше

Андрей также возвратился въ отечество, примирился съ братомъ, и получилъ въ удѣлъ Суздаль [1].

Александръ умеръ въ 1263 году; братъ его Андрей Суздальскій скончался весною слѣдующаго года. У Татищева [2] сохранилось извѣстіе, что Андрей, по смерти брата, снова хотѣлъ занять престолъ Владимірскій, но что братъ его Ярославъ перенесъ дѣло на рѣшеніе хана, и тотъ утвердилъ Ярослава

ему старѣйшинство во всей братьи его. Въ тоже лѣто сдума Андрей князь Ярославичь съ своими бояры бѣгати, нежели царемъ служити, и побѣже на невѣдому землю. Никон. III, 34: и собравъ воинство свое иде противу ихъ, и срѣтшеся начаша битись, и бысть битва великая и одолѣша Татарове. Степ. кн. I, 367: Великій Князь Александръ паки пріиде во Орду къ новому царю Сартаку. Славный же градъ Владимиръ и всю Суздальскую землю поручи брату своему князю Андрею. Онъ же аще и преудобренъ бѣ благородіемъ и храбростію, но обаче правленіе державы яко подѣліе вмѣняя, и на ловитвы животныхъ упражняяся, и совѣтникомъ младоумнымъ внимая, отъ нихъ же бысть зѣло многое нестроеніе, и оскуденіе въ людѣхъ, и тщета имѣнію. Его же ради царь Сартакъ посла воеводу своего и проч.

[1] Татищ. IV, 27, г. 1256. Сегожъ года возвратися князь Андрей изъ Нѣмецъ, и пріятъ его Александръ съ любовію, и хотяше ему Суздаль дати, но не смѣяше царя.... Поѣха князь Андрей на Городецъ и въ Новъградъ нижній княжити, князь же Борисъ Васильковичь иде въ Татары со многими дары, такожe и князь Александръ Ярославичь посла послы своя въ Татары со многими дары, просити за Андрея. Князь Борисъ Васильковичь Ростовскій былъ у Лавчія и дары отдалъ, и честь многу пріемъ, и Андрею прощеніе испроси, и возвратися со многою честію во свою отчину.

[2] IV, 32.

мимо Андрея, вѣроятно помня прежнее непослушаніе этого князя. Свидѣтельство Татищева подтверждается тѣмъ, что въ лѣтописяхъ вступленіе Ярослава на великокняжескій престолъ означено не тотчасъ по смерти Александра въ 1263, но уже по смерти Андрея въ 1264 году [1]. Неизвѣстно, гдѣ Невскій имѣлъ свое пребываніе, въ отчинномъ ли городѣ Переяславлѣ Залѣсскомъ [2] или во Владимірѣ, по крайней мѣрѣ погребенъ былъ въ послѣднемъ; братъ же его Ярославъ не оставилъ своего наслѣдственнаго города, Твери, [3] и былъ похороненъ въ немъ [4]. Ярославъ, подобно всѣмъ князьямъ сѣвернымъ, хотѣлъ приравнять В. Новгородъ къ пригородамъ [5]. Въ этой

---

[1] П. С. Р. Л. т. I, стр. 226: Въ лѣто 6772. Преставися Андрей Суздальскій. Того же лѣта сѣде Ярославъ, братъ его.

[2] Переяславль Залѣсскій былъ удѣломъ отца его Ярослава, и потому, по новому порядку вещей, переходилъ постоянно къ старшему по нисходящей линіи; вотъ почему онъ достался старшему сыну Ярослава — Александру, потомъ старшему сыну послѣдняго—Димитрію, наконецъ сыну Димитрія — Ивану, съ которымъ пресѣклась старшая линія Ярославова рода; что Невскій былъ княземъ Переяславля Залѣсскаго, см. Никон. III, 13: розмолвиша Новогородцы со Александромъ Ярославичемъ, и отиде Александръ скоро къ отцу своему, и мало пребывъ у отца и иде въ Переяславль на княженіе, иже на Клещинѣ озерѣ. Стр. 14: Новгородцы послаша съ челобитьемъ къ В. Князю, просяща у него сына его князя Александра, иже въ Переяславлѣ на Клещинѣ озерѣ.— Новгород. стр. 53: Выиде князь Олександръ изъ Новагорода къ отцю въ Переяславль.

[3] Новгор. 58.

[4] Тамъ же, 62.

[5] См. объ этомъ мое изслѣдованіе объ отношеніяхъ Новгорода къ В. Князьямъ, стр. 104 и слѣд.

крайней опасности Новгородъ былъ спасенъ не княземъ южной, старой Руси, но роднымъ братомъ В. Князя, Василіемъ Ярославичемъ Костромскимъ. Этотъ князь вступился за старый городъ, не по сочувствію съ его бытомъ, но изъ соперничества съ братомъ, ибо какъ князь Костромскій, Василій боялся усиленія князя Тверскаго, каковое усиленіе грозило не только правамъ его на В. Княжество Владимірское, но даже независимости его княжества Костромскаго. Вотъ почему Василій отправился къ хану самъ и представилъ несправедливость Ярослава и правоту Новгородцевъ; тогда Ярославъ, оставленный Монголами, на помощь которыхъ надѣялся, долженъ былъ уступить Новгородцамъ.

Въ 1271 году умеръ Ярославъ Тверской; по старому порядку вещей В. Княжество переходило къ брату его Василію Костромскому; но старшій сынъ Невскаго, Димитрій, князь Переяславскій, объявилъ себя соперникомъ дяди, и прислалъ въ Новгородъ просить княженія. Этотъ поступокъ Димитрія какъ будто указываетъ намъ, что представленіе о старшинствѣ дядей дошло до той границы, на которой остановилось мѣстничество, и которую далеко перешли отношенія княжескія, а именно Димитрій ищетъ Новгорода подъ дядею Василіемъ, ибо послѣдній былъ ему 4-й дядя, тогда какъ тотъ же Димитрій отвѣчалъ прежде Новгородцамъ, призывавшимъ его противъ Ярослава: „не хочю взяти стола передъ стрыемъ своимъ [1]", ибо Ярославъ былъ еще только тре-

---

[1] Новгор. 61.

тій дядя [1]. Но между князьями, какъ уже выше замѣчено, самые младшіе дядья не думали уступать старшимъ племянникамъ, и потому Василій, опираясь на свое право, утвержденное постояннымъ торжествомъ младшихъ дядей надъ старшими племянниками, послалъ въ Новгородъ намѣстниковъ съ приказаніемъ отвергнуть грамоты брата своего [2]. Слѣд. и Костромской князь хотѣлъ привести въ исполненіе намѣреніе отца и братьевъ, имѣя болѣе нужной къ тому твердости характера, чѣмъ покойный Ярославъ Тверской: вооруженною рукою онъ принудилъ племянника оставить Новгородъ, который привелъ въ свою волю. Костромской князь восторжествовалъ, достигъ своей цѣли, но умеръ преждевременно въ 1276 году. Такимъ образомъ мы видѣли, что при разрушеніи родственной связи, при постоянномъ стремленіи каждаго В. Князя усилить во чтобъ то ни стало собственное княжество, жребій — усилиться предъ прочими княжествами и стать чрезъ это сосредоточивающимъ пунктомъ Руси, выпалъ сперва Твери, но слабохарактерность Ярослава Тверскаго и соперничество Василія воспрепятствовали усиленію Твери; Василій Костромской, едва получилъ В. Княжескую область, какъ началъ дѣйствовать точно такимъ же образомъ, какой охуждалъ въ братѣ, подоб-

---

[1] Исключая разумѣется тѣхъ, которые умерли, не получивъ старшинства; иначе Ярославъ будетъ 8-й, а Василій 9-й дядя.

[2] См. мое изслѣдованіе о Новгородѣ, стр. 106.

но ему привелъ Татаръ на вольныхъ людей, тогда какъ прежде заступился за послѣднихъ и отклонилъ отъ нихъ Татарское нашествіе; но кратковременное пятилѣтнее правленіе не позволило ему усилить Костромское княжество, и очередь перешла къ Переяславлю Залѣсскому, котораго князь Димитрій Александровичь получилъ старшинство съ областію В. Княжества Владимірскаго, по всѣмъ правамъ. Но противъ него вооружился меньшой братъ его, Андрей Городецкій — вопреки всѣмъ правамъ: — явленіе, послѣ поступка Михаила Московскаго, чрезвычайной важности!

ГЛАВА IV-я.

Борьба между сыновьями Невскаго.

Обыкновенно у нашихъ историковъ мы находимъ возгласы противъ Андрея Городецкаго, какъ разорителя отечества, злодѣя, истреблявшаго Христіанъ руками Монголовъ. Но пришла пора вглядѣться попристальнѣе въ явленія. Въ это время всѣ прежнія понятія о правѣ старшинства исчезли; В. Князья показали, что они добиваются не старшинства, но силы. Каждый князь, получивъ область В. Княжества Владимірскаго, старается увеличить свою собственность, упрочить силу въ своей семьѣ, на счетъ другихъ князей, другихъ княжествъ. Но мы знаемъ, что и въ прежнее время младшіе князья какъ скоро видѣли, что старшій разрозниваетъ свои интересы съ интересами рода, то возставали противъ него и каждый заботился о себѣ. Теперь же, когда преобладаніе собственности, отдѣльности владѣнія заставляло каждаго В. Князя неминуемо заботиться только о самомъ себѣ, теперь всѣ остальные князья не могли уже болѣе довѣрять родственной связи, должны были также заботиться о самихъ себѣ, всѣми средствами должны были стараться пріобрѣсть силу, по-

тому что имъ оставалось на выборъ: быть жертвою сильнѣйшаго, или другихъ сдѣлать жертвами своей силы. Вотъ почему мы видимъ теперь возстанія князей на Великаго съ попраніемъ всѣхъ старинныхъ правъ, всѣхъ родовыхъ отношеній.

Димитрій, присоединивъ къ Переяславлю В. Княженіе Владимірское, показалъ, что идетъ по примѣру своихъ предшественниковъ. Онъ выпросилъ у Новгородцевъ позволеніе поставить крѣпость Копорье на ихъ землѣ [1]; Новгородцы согласились, думая, что эта крѣпость будетъ оплотомъ для нихъ отъ враговъ внѣшнихъ; но скоро увидѣли, что ошиблись въ своемъ ожиданіи. Димитрій построилъ крѣпость для себя, и ввелъ въ нее свою дружину. Новгородцы воспротивились этому поступку, В. Князь пришелъ на нихъ съ полками и заставилъ согласиться на свою волю: дружина его осталась въ Копорьѣ. Вѣроятно этотъ поступокъ Димитрія, вполнѣ обличавшій его стремленіе къ усиленію себя на счетъ другихъ, послужилъ Андрею знакомъ къ возстанію на брата; впрочемъ лѣтописцы указываютъ на бояръ его, и преимущественно на одного изъ нихъ, Симеона Тонилієвича, какъ главнаго виновника этого возстанія. Какъ бы то ни было, Андрей отправился въ Орду, „имѣя споспѣшника себѣ и помощника Семена Тонилевича, и иныхъ многихъ [2]" — кого именно, лѣ-

[1] См. мое изслѣдованіе о Новгородѣ, стр. 107.
[2] Никон. III, 71.

топись не говоритъ. Это извѣстіе также чрезвычайно важно: оно показываетъ намъ, какъ бояре, члены старшей дружины князя, теперь двора, усѣвшись вмѣстѣ съ княземъ въ одномъ владѣніи, пріобрѣли отъ этой осѣдлости болѣе важности, значенія; но вмѣстѣ съ усиленіемъ своего значенія бояре получили отъ осѣдлости постоянные интересы; ихъ судьба теперь тѣсно соединена съ судьбою извѣстнаго княжества. Прежніе бояре если интриговали, то съ цѣлію не быть вытѣсненными отъ пришлой дружины; теперь бояре хотятъ усиленія своего князя, своего княжества на счетъ другихъ, ибо ясно видятъ, что при уничтоженіи равенства между князьями должно уничтожиться и равенство между боярами ихъ, что если князья изъ равныхъ родичей станутъ подручниками В. Князя, то ясно, что и бояре ихъ должны занять второстепенное мѣсто предъ боярами сильнѣйшаго князя. Все сказанное теперь нами объяснится въ послѣдствіи изъ дѣятельности бояръ Московскихъ.

Андрей съ своими помощниками, задаривъ Хана, получилъ ярлыкъ на Владиміръ и войско противъ Димитрія, потому что послѣдній не думалъ повиноваться слову Ханскому, и нужно было принудить его къ тому силою, слѣд. здѣсь отношенія Татарскія вполнѣ совпадаютъ съ прежними отношеніями Половецкими: князь, желая воевать противъ другаго, идетъ въ Орду, какъ прежде на наемъ къ Половцамъ, и нанимаетъ у Татаръ войско. Любопытно, что всѣ князья, ближніе и дальніе родственники соеди-

нились съ Андреемъ противъ Димитрія [1]. Мы не станемъ натягивать событій, не скажемъ, что Димитрій обнаружилъ своевластіе, дурно обходился съ ними; пусть Димитрій былъ добрый, кроткій князь (что впрочемъ мы будемъ имѣть случай послѣ отвергнуть): для насъ важна здѣсь недовѣрчивость князей къ В. Князю Владимірскому, эта постоянная оппозиція ихъ противъ каждаго князя, присоединившаго къ своему удѣлу область Владимірскую. Димитрій, видя союзъ князей и Татарскіе полки противъ себя, бѣжалъ къ Новгороду; Новгородцы злобились на него болѣе другихъ за Копорье, они не позволили ему остаться въ своей области. Несчастный князь принужденъ былъ бѣжать за море [2], Андрей получилъ Владиміръ. Но скоро Димитрій возвратился изъ за моря (съ наемными войсками), [3] засѣлъ въ своемъ Переяславлѣ, началъ тамъ укрѣпляться и соби-

---

[1] Никон. III, 72: И многи дары даде царю и великимъ княземъ Ординскимъ и всѣхъ наполни богатествомъ, и уговори и уласка всѣхъ; и испроси себѣ княженiе великое Владимерское у царя, под братомъ своимъ старѣйшимъ. И прииде ему вѣсть из Руси, яко к. в. Дмитреи Александровичь собираеть рать и крепить градъ, не хощеть цареву слову покоритись, и зступити съ великого княженiя по цареву слову, и сказа сие царю. Царь же повелѣ ити симъ воеводамъ своимъ....... И посла (Андрей) по князя Ивана Михайловича Стародубскаго, и по все князи Руския. Пришедшимъ же имъ и совѣтовавшимъ, поидоша вси ратию въ Переяславль на В. К. Дмитрея Александровича.

[2] Никон. III, 73.

[3] Татищ. IV, 58.

рать войска. Андрей услышалъ объ этомъ, будучи въ Новгородѣ; окруженный войсками преданныхъ Новгородцевъ, онъ пробрался въ свою отчину Городецъ, и оттуда въ Орду, опять вмѣстѣ съ Семеномъ Тониліевичемъ, жаловаться хану на брата и просить помощи; а между тѣмъ, въ его отсутствіе, князья: Святославъ Ярославичь Тверской, Даніилъ Александровичь Московскій, и Новгородцы, съ своими посадниками, двинулись на Димитрія (на этотъ союзъ также не льзя не обратить вниманія): враждебныя ополченія сошлись у Дмитрова, стояли пять дней, ссылаясь о мирѣ, и наконецъ заключили его, не извѣстно, на какихъ условіяхъ [1]. Здѣсь мы замѣтимъ также одинъ разъ на всегда, какъ рѣдко на сѣверѣ князья вступаютъ въ битвы другъ съ другомъ: обыкновенно, сошедшись, они заключаютъ миръ и расходятся безъ битвы.

Между тѣмъ Андрей пришелъ изъ Орды съ полками Татарскими; Димитрій бѣжалъ вторично, но на этотъ разъ уже не за Балтійское море, а къ берегамъ Чернаго: тамъ, въ степяхъ раскинулась другая орда, независимая и враждебная Золотой, или Волжской, Орда Ногайская. Повелитель ея, знаменитый Ногай, изъ соперничества съ Ханомъ Золотой Орды, принялъ съ честію Димитрія, и далъ ему свои полки; на этотъ разъ Андрей долженъ былъ

---

[1] Никон. III, 74, 75.

уступить, и возвратилъ брату великое княженіе Владимірское. Какъ же Димитрій воспользовался своею побѣдою? Въ 1283 году двое Переяславскихъ бояръ, Антоній и Ѳеофанъ, явились въ Кострому, схватили тайно Семена Тонилієвича, и начали допытываться у него о прежнихъ и настоящихъ намѣреніяхъ его князя. Городецкій бояринъ отвѣчалъ: „напрасно допрашиваете меня; мое дѣло служить вѣрою и правдою своему князю; если же были между нимъ и братомъ его какіе раздоры, то они сами лучше знаютъ причины ихъ“—„Ты поднималъ Ордынскаго Царя, ты приводилъ Татаръ на нашего князя,“ говорили Переяславскіе бояре. „Ничего не знаю, отвѣчалъ Семенъ: если хотите узнать подробности объ этомъ, спросите у Господина моего, князя Андрея Александровича, тотъ отвѣтитъ вамъ на всѣ ваши вопросы.“—„Если ты не разскажешь намъ о всѣхъ намѣреніяхъ твоего князя, продолжали Димитріевы бояре, то мы должны убить тебя.“—„А гдѣ же клятва, которою клялся вашъ князь моему, отвѣчалъ Семенъ, клятва мира и любви? Не ужели вашъ князь и вы думаете исполнить эту клятву, убивая бояръ нашего господина?“ Переяславскіе бояре исполнили порученіе своего князя—убили Семена Тонилієвича [1].

Вѣсть объ этомъ гнусномъ убійствѣ поразила Андрея; сильно горевалъ онъ о благородномъ и вѣрномъ бояринѣ, [2] и началъ ссылаться съ Новгород-

---

[1] Никон. III, 76, 77.

[2] Тамъ же: и тужаше зело о немъ.

цами; въ Торжкѣ Андрей и вольные люди обмѣнялись клятвами стоять другъ за друга противъ Димитрія. Но послѣдній былъ силенъ, Андрей уступилъ и на этотъ разъ, и даже нашелся принужденнымъ, вмѣстѣ съ Димитріемъ и его Татарами, опустошать волости Новгородскія [1]. Послѣ этого Андрей обратился опять къ Татарамъ, и привелъ на Димитрія какого то царевича изъ орды: но когда варвары разсѣялись для грабежа, Димитрій собралъ большую рать, и ударилъ на нихъ (вотъ какъ уважали Татаръ!): царевичъ убѣжалъ въ орду, бояре Андрея попались въ плѣнъ, и Городецкій Князь долженъ былъ опять уступить [2].

Прогнавъ Татаръ, смиривъ Городецкаго князя, Димитрій хотѣлъ смирить самаго храбраго и самаго предпріимчиваго изъ князей — Михаила Ярославича Тверскаго, который получилъ княженіе по смерти брата своего Святослава. Но Михаилъ не думалъ уступать: онъ выставилъ свои полки на встрѣчу полкамъ Димитрія; послѣдній не захотѣлъ вступить въ бой и дѣло кончилось, по сѣверному обычаю, мирными переговорами [3]. Но въ слѣдующій 1288 годъ Димитрій, вмѣстѣ съ братьями Андреемъ и Даніи-

---

[1] Новгород. 64.

[2] Никон. III, 84: Бывшимъ же Татаромъ в розгонехъ сѣмо и овамо, и тамо князь великии Дмитреи Александровичь собрався со многою ратию и иде на нихъ, и побежа царевичь въ орду, а к. в. Д. А. бояръ Андрѣевыхъ переима.

[3] Тамъ же, 86.

ломъ и съ княземъ Ростовскимъ, вступилъ въ области Тверскія, опустошая ихъ огнемъ и мечемъ, но когда двинулся къ Твери, опять увидѣлъ передъ собою сильные полки Михаиловы, и опять дѣло, по обычаю, не дошло до битвы, а кончилось миромъ [1]. Всѣхъ этихъ явленій не льзя оставить безъ вниманія: лѣтописецъ говоритъ глухо, причинъ вражды не объявляетъ; но нельзя не усмотрѣть, что идетъ сильная борьба, въ которой каждый князь и каждое княжество безпокойно стерегутъ движенія другихъ князей, и порознь, или вмѣстѣ съ другими, стараются предупредить движеніе противника, ибо дѣло идетъ о томъ: быть государемъ всей Русской земли или слугою этого государя; при такомъ вопросѣ нельзя было разбирать правъ и средствъ: каждый пользовался первымъ удобнымъ случаемъ, первымъ попавшимся средствомъ, чтобъ выиграть шагъ впередъ при достиженіи одной общей цѣли. Въ такой борьбѣ каждый изъ князей имѣлъ право на своей сторонѣ—право самосохраненія, и ктобы изъ нихъ не осилилъ — Московскій или Переяславскій, Городецкій или Тверской, слѣдствіе было одно и тоже— соединеніе и могущество Руси. За что же мы будемъ проклинать Андрея Городецкаго исключительно предъ Димитріемъ Переяславскимъ или Михаиломъ Тверскимъ? За что же мы будемъ проклинать кого бы то ни было изъ нихъ? Благословимъ лучше всѣхъ уча-

---

[1] Тамъ же, 87.

стниковъ въ этой великой борьбѣ, всѣхъ—побѣдителей и побѣжденныхъ, въ благодарность за то, что пользуемся плодами ихъ борьбы, плодами ихъ трудовъ и бѣдствій.

Что Димитрій Переяславскій не былъ чуждъ современныхъ стремленій, что слѣд. братъ его Андрей имѣлъ право противиться этимъ стремленіямъ, доказательствомъ служитъ постоянный союзъ князей противъ Димитрія: не одинъ Андрей возставалъ противъ него! Въ 1293 году 6 князей отправились къ хану Ногаю жаловаться на Димитрія Переяславскаго, а именно: Андрей Городецкій, Димитрій Борисовичь Ростовскій съ братомъ Константиномъ Углицкимъ, двоюродный братъ ихъ Михаилъ Глѣбовичь Бѣлозерскій, тесть послѣдняго Ѳедоръ Ростиславичь Ярославскій, Иванъ Дмитріевичь Ростовскій, вмѣстѣ съ епископомъ тогоже города Тарасіемъ [1]. Ногай вы-

---

[1] Никон. III, 90: Идоша во Орду ко царю князи Рустии жаловатись на Великаго Князя Дмитрея Александровича Владимерского, братъ его меншеи, князь Андреи Александровичь городецкии, князь Дмитрей Борисовичъ Ростовскии, да брать его князь Костянтинъ Борисовичь Углечскии; да из двоюродныхъ братъ ихъ князь Михаило Глѣбовичь городецкии, да тесть князя Михаила Глѣбовича Бѣлозерскии, да князь Ѳедоръ Ростиславичь Ярославскии и Смоленскии, да князь Иванъ Дмитревича Ростовскаго, да Епискупъ Тарасии Ростовскии. — Здѣсь ошибкою вмѣсто Бѣлозерскій написано Городецкій, и потомъ другая ошибка: „да тесть князя Михаила Глѣбовича Бѣлозерскии, да князь Ѳедоръ Ростиславичь Ярославскии:“ должно читать: „Михаило Глѣбовичь Бѣло-

слушалъ жалобы и отправилъ съ ними брата своего Дюденя съ многочисленнымъ войскомъ; Андрей Городецкій и Ѳедоръ Ярославскій съ Татарами выгнали Димитрія изъ Переяславля во Псковъ, и подѣлили добычу: Андрей взялъ великокняжескую область Владимірскую и Новгородъ, Ѳедоръ получилъ Переяславль, [1] откуда сынъ Димитрія, Иванъ долженъ былъ удалиться въ Кострому [2]. Димитрій думалъ-было пробраться изъ Пскова въ Тверь (вѣроятно Михаилъ Тверской не хотѣлъ усиленія князей Городецкаго и Ярославскаго, и вступился за Димимитрія); но на дорогѣ обозъ его былъ захваченъ Андреемъ, самъ Димитрій достигъ Твери, и оттуда послалъ съ поклономъ къ брату. Городецкій князь послушался увѣщаній Тверскаго епископа Андрея и помирился съ братомъ; какъ видно послѣднему былъ отданъ Переяславль, ибо сказано, что Ѳедоръ Ярославскій пожегъ этотъ городъ, [3] вѣроятно съ до-

---

зерскии, да тесть князя Михаила Глѣбовича Бѣлозерскаго князь Ѳедоръ Ростиславичь Ярославскии." Что Михаилъ Глѣбовичь былъ князь Бѣлозерскій см. Никон. III, 68; что онъ былъ зять Ѳедора Ярославскаго, см. тамъ же, стр. 65, 66. У Татищ. IV, 73 вторая ошибка поправлена.

1 Никон. III, 91.

2 Тамъ же, 92.

3 Никон. III, 92. Арцыбашевъ (II, примѣч. 496) упрекаетъ Карамзина въ голословіи; но мнѣніе Карамзина имѣетъ за себя всѣ вѣроятности, и основывается на выставленномъ мною мѣстѣ лѣтописи. — Карамзина (IV, примѣч. 172) соблазняетъ свидѣтельство лѣтописи, что Андрей

сады, что долженъ былъ отступиться отъ своего пріобрѣтенія, и послѣ видимъ въ Переяславлѣ сына Димитріева. Но самъ Димитрій не достигъ своей отчины: онъ умеръ на дорогѣ въ Волокѣ въ 1294 году, погребенъ же, по обычаю, въ своемъ Переяславлѣ.

Мы обозрѣли борьбу Димитрія съ другими князьями и братомъ Андреемъ: но въ отдѣльныхъ княжествахъ происходили событія замѣчательныя, ибо обнаруживали тѣ же самыя современныя стремленія, стремленія усиливаться на счетъ другихъ, пріобрѣтать собственность, съ совершеннымъ презрѣніемъ прежнихъ родственныхъ отношеній. Подъ 1279 годомъ читаемъ у лѣтописца [1]: „Князь Дмитрей Борисовичь Ростовскій поотнималъ волости у князя Михаила Глѣбовича Бѣлозерскаго з грѣхомъ и с неправдою, и тако брата своего изобиде и знасилствова." Въ 1281 году страшная крамола и вражда господствовала между князьями Ростовскими, едва епископъ и В. Князь Димитрій успѣли примирить ихъ [2]. Но еще замѣчательнѣе было событіе въ семьѣ князей Ярославскихъ. По смерти Смоленскаго Князя Ростислава осталось трое сыновей: Глѣбъ, Михаилъ и Ѳео-

---

пошелъ въ Городецъ: но куда же ему было идти, когда онъ жилъ въ Городцѣ, и будучи В. Княземъ Владимірскимъ, какъ Ярославъ жилъ въ Твери, Василій въ Костромѣ, Димитрій въ Переяславлѣ, послѣ Михаилъ въ Твери, Калита въ Москвѣ.

[1] Никон. III, 68.

[2] Тамъ же, 71.

доръ; Глѣбъ и Михаилъ обидѣли Ѳеодора, давши ему одинъ только Можайскъ. Между тѣмъ въ Ярославлѣ умеръ князь Василей Всеволодовичъ, оставивъ только одну дочь. Тогда на Руси произошло явленіе, до сихъ поръ неслыханное: до сихъ поръ княжество не считалось собственностію князей, но собственностію цѣлаго рода, и если какой-нибудь князь умиралъ, не оставивъ сыновей, то волость его, по волѣ В. Князя и всѣхъ родичей, передавалась другому; но теперь понятіе собственности, отдѣльности владѣнія такъ утвердилось на сѣверѣ, что удѣлъ, за неимѣніемъ сыновей, переходилъ къ дочери покойнаго князя, въ слѣдствіе чего дочь Василья Всеволодича начала княжить въ Ярославлѣ съ матерью, которая выбрала ей въ мужья Ѳедора Ростиславича Можайскаго. Этотъ князь былъ радъ пріобрѣсть такую богатую собственность, каковъ былъ Ярославль, и такимъ образомъ одинъ изъ Ростиславичей Смоленскихъ получилъ въ приданое за женою собственность Суздальскихъ Юрьевичей [1].

[1] Никон. III, 62.

ГЛАВА V-я.

Отношенія между князьями при Андреѣ Александровичѣ.

Андрей заступилъ мѣсто брата и потому, при тогдашнихъ обстоятельствахъ, не могъ оставить другихъ князей въ покоѣ, ни самъ остаться отъ нихъ въ покоѣ. Мы видѣли, что Андрей былъ въ тѣсномъ союзѣ съ Ѳедоромъ Ростиславичемъ Ярославскимъ, и что этотъ союзъ усиливалъ обоихъ на счетъ остальныхъ князей. Послѣдніе не могли смотрѣть на это равнодушно и составили другой союзъ, членами котораго были: Михаилъ Тверской, Даніилъ Московскій и Иванъ Дмитріевичь Переяславскій. Въ 1296 году, въ присутствіи ханскаго посла Неврюя, князья собрались во Владиміръ для окончанія своихъ споровъ; этихъ съѣздовъ княжескихъ не льзя смѣшивать съ прежними съѣздами родственниковъ: теперь князья являлись не какъ братья, но какъ отдѣльные, независимые владѣльцы; старшаго, отца между ними не было больше. Владимірскій сеймъ кончился ничѣмъ [1]; въ томъ же году Андрей пошелъ съ вой-

---

[1] Никон. III, 94.

скомъ на враждебныхъ князей, но небылъ допущенъ ими къ Переславлю, и принужденъ остаться [1] въ покоѣ. Однако это спокойствіе не могло быть продолжительно: каждое движеніе князя было опасно для всѣхъ остальныхъ; ибо каждое движеніе было посягательствомъ на чужую собственность. Такъ въ 1301 году Даніилъ Московскій явился съ войскомъ подъ стѣнами Переславля Рязанскаго, взялъ городъ и плѣнилъ князя, измѣною бояръ [2]. Въ это же время важный вопросъ занималъ князей, имен-

---

[1] Лавр. 208. Приде Андрей князь изъ Татаръ, и совокупи вои, и хотѣ ити на Переяславль ратью, да отъ Переяславля къ Москвѣ и къ Тфѣри. Слышавъ же князь Михайло Тфѣрьскій и Данило Московьскій князь, и совокупивъ вои, и пришедше и стаста близъ Юрьева на полчищи, Андрѣй въ Володимери; и тако не даста поити Андрѣю на Переяславль, бяшеть Іоанъ князь, сынъ Дмитріевъ, идя въ ворду, приказалъ Михаилу князю блюсти отчины свои и Переяславля; и за мало бои не бысть промежи ими, и взяша миръ и поидоша всвояси.

[2] Никон. III, 98. Князь Данило Александровичъ Московскии приходилъ ратию на Рязань, и бишася у града у Переяславля, и князь великии Данило Александровичъ Московскии одолѣ, и много бояръ и людей избилъ, а князя ихъ Костянтина Романовича Рязанскаго некоею хитростию ялъ, кромолою ихъ же бояръ Рязанскихъ, и приведе его ссобою к Москвѣ. — Воскрес. (II, 272) прибавляетъ: „и много Татаръ изби,“ почему и полагаютъ здѣсь первую побѣду Русскихъ надъ Татарами; но во 1) избить еще не значить побѣдить: Александръ Тверской также избилъ дружину Шевкала, однако никто не согласится признать это побѣдою; во 2) мы уже видѣли, что еще Димитрій Александровичь заставилъ бѣжать Татарскаго царевича, приведеннаго Андреемъ.

по кому изъ нихъ достанется богатое наслѣдство послѣ бездѣтнаго Ивана Дмитріевича Переяславскаго. Мы уже имѣли случай замѣтить, что со временъ Ярослава Всеволодовича его удѣлъ, Переяславль Залѣсскій, въ слѣдствіе неотчуждаемости удѣловъ, постоянно переходилъ къ старшему сыну въ прямой нисходящей линіи, точно такъ, какъ послѣ Москва, при постоянномъ дробленіи области княжества, всегда переходитъ къ старшему сыну послѣдняго владѣльца. Слѣд. всѣ князья, потомки Ярослава Всеволодовича, т. е. Андрей Городецкій и В. Князь Владимірскій, Даніилъ Московскій и Михаилъ Тверской должны были смотрѣть на Переяславль, какъ на старшій удѣлъ въ своемъ родѣ, какъ на удѣлъ своего родоначальника (любопытно, какъ Переяславль сѣверный совпадаетъ въ своемъ значеніи съ Переяславлемъ южнымъ): изъ этого легко понять, какое важное значеніе придавалъ онъ тому князю, которому доставался послѣ Ивана, и вмѣстѣ съ тѣмъ какое могущество, потому что былъ одинъ изъ богатѣйшихъ и сильнѣйшихъ городовъ; слѣд. въ великомъ вопросѣ: кому изъ князей быть сильнѣе всѣхъ, т. е. кому изъ князей подчинить себѣ всѣхъ прочихъ, Переяславль долженъ быть играть значительную роль. Сюда присоединялся еще важный вопросъ: какимъ образомъ можно было получить Переяславль по смерти Ивана? Кто изъ князей имѣлъ право на это богатое наслѣдство? какъ родовая собственность, Переяславль, по пресѣченіи прямой линіи Ярослава Всеволодовича, дол-

женъ былъ перейти къ представителю старшей изъ боковыхъ линій, т. е. Андрею Городецкому, который долженъ былъ распорядиться имъ по общему совѣту со всѣми родичами, сдѣлать съ ними рядъ, по старому выраженію. Но на сѣверѣ родовой собственности не знали, знали только собственность частную, и каждый князь, какъ частный собственникъ, отдѣленный отъ рода, имѣлъ право завѣщать свою собственность, кому хотѣлъ.

Въ 1301 году князья снова съѣхались въ Дмитровѣ: Андрей, Даніилъ, Иванъ уладили свои дѣла, но Иванъ и Михаилъ Тверской разъѣхались въ распрѣ—знакъ [1], что на этихъ новыхъ съѣздахъ каждый князь толковалъ отдѣльно о своихъ отдѣльныхъ интересахъ, и уладивши дѣло съ однимъ, могъ не уладиться съ другимъ. Въ слѣдующемъ 1302 году знаменитый Переяславскій вопросъ рѣшился, какъ слѣдовало ожидать, по новымъ сѣвернымъ понятіямъ: Иванъ Дмитріевичь завѣщалъ свою собственность

---

[1] Никон. III, 99: Бысть съѣздъ всѣмъ княземъ в Дмитрове о княженіяхъ, и бысть молва велия. Князь Великии Андреи Александровичь Володимерскии, князь Михаило Ярославичь Ярославича Тверскии, князь великии Данило Александровичь Московскии, князь Иванъ Дмитреевичь, внукъ Александровъ Переславскии, и поделившеся вотчиною межъ собою, и смиришася в любви о Христѣ; а князь Михаило Ярославичь Ярославича Тверскии со княземъ Іваномъ Дмитриивичемъ Александровича Переславскимъ недокончa, и мира и любви о Христѣ межъ собою не вземше разыдошася.

мимо старшаго дяди Андрея — младшему Даніилу [1]. Эта передача старшаго изъ удѣловъ въ родѣ Ярослава II-го, передача, можно сказать, прихотливая, происходившая отъ произвола Ивана Дмитріевича, основанная на правѣ его располагать своею собственностію, имѣла однако еще другое значеніе: Переяславль, перейдя къ Московскому князю по завѣщанію послѣдняго собственника, не былъ присоединенъ однако къ Московскому княжеству, ибо послѣ считался всегда принадлежностію В. Княжества Владимірскаго; слѣд. переходя къ Даніилу, Переяславль давалъ ему вмѣстѣ съ силою и старшинство, право на великое княженіе; эта передача была понята такъ, что Иванъ, отдавая Переяславль Даніилу, признавалъ старшинство послѣдняго передъ Андреемъ и Михаиломъ Тверскимъ, слѣд. Московскій князь, овладѣвъ Переяславлемъ, этимъ самымъ предъявилъ свои права на В. Княженіе, этимъ самымъ вооружился противъ Андрея, какъ Андрей вооружился прежде противъ Димитрія; когда послѣ Юрій не отдалъ Переяславля Андрею—это была точно такая же попытка, ибо, повторяю, Переяславль никогда не считался городомъ Московскимъ, но В. Княжества Владимірскаго [2].

Андрей хотѣлъ было силою вступить въ свои права, и тотчасъ по смерти Ивана отправилъ въ Пе-

---

[1] Тамъ же, стр. 100; благослови же в себѣ мѣсто вотчиною своею Переяславлемъ великого князя Данила Александровича Московского дядю своего, того бо любяше паче инѣхъ.

[2] См. духовныя князей Московскихъ въ I т. С. г. г. и д. Также Никон. III, 219.

реяславль своихъ намѣстниковъ, но Даніилъ не думалъ уступать: онъ выгналъ намѣстниковъ Андреевыхъ и посадилъ своихъ. Андрей отправился въ орду, вѣроятно за Татарскою помощію [1]. Въ слѣдующемъ 1303 году умеръ Даніилъ Александровичъ. Старшій сынъ его Юрій былъ совершенно въ уровень своему вѣку: пріобрѣтать и усиливаться во чтобъ то ни стало было единственною его цѣлію. Тотчасъ же по смерти отца онъ пошелъ съ братьями на Можайскъ, взялъ городъ, плѣнилъ князя и отвелъ его въ Москву, [2] и когда Андрей возвратился изъ орды съ милостивымъ ярлыкомъ ханскимъ, Юрій не уступилъ ему Переяславля [3]. Въ 1304 году умеръ Андрей; [4] смерть его служила знакомъ къ великой борьбѣ между Москвою и Тверью.

---

1 Никон. III, 100.

2 Тамъ же.

3 Карамз. IV, примѣч. 191: Въ Троицкой: „тогожь лѣта (1303) осенью Князь Вел. Андрей вышелъ изъ орды съ послы и съ пожалованьемъ царевымъ, и съѣхашась на съѣздъ въ Переяславль вси князи и Митрополитъ Максимъ, князь Михайло Тферскій, князь Юрій Даниловичь съ братьею, и ту чли грамоты, царевы ярлыки.... князь Юрій прія любовь, и взя себѣ Переяславль.“ Сего нѣтъ въ другихъ лѣтописяхъ. (Слова Карамзина).

4 Андрей похороненъ, по новому обычаю, гдѣ жилъ, т. е. въ своемъ Городцѣ. — Карамзинъ говоритъ: „никто изъ князей Мономахова роду не сдѣлалъ столько зла отечеству, какъ сей недостойный сынъ Невскаго, погребенный въ Волжскомъ Городцѣ, далеко отъ священнаго праха родительскаго.“ По этому и Димитрій Александровичь, и Василій и Ярославъ Ярославичи были недостойные дѣти отцевъ своихъ, потому что были погребены каждый въ своемъ городѣ, далеко отъ священнаго праха родительскаго?

ГЛАВА VI-я.

Борьба между Москвою и Тверью до Ивана Калиты.

По прежнему обычаю старшинство принадлежало Михаилу Тверскому, потому что онъ былъ внукомъ Ярослава Всеволодича, а Юрій Московскій правнукомъ, при томъ же сыномъ третьяго, младшаго Александровича, и наконецъ отецъ его Даніилъ не держалъ старшинства при жизни. Но соперничество по праву старшинства отыграло свою роль; теперь соперничество шло только по праву силы: Юрій Московскій былъ стольже силенъ, если еще не сильнѣе Михаила Тверскаго, и потому считалъ себя въ правѣ быть его соперникомъ. Какъ прежніе князья соперники обращались къ Половцамъ, такъ теперь обращаются къ Монголамъ. Юрій сговорился съ Татарскими вельможами, которые сказали ему: „если ты дашь выходъ больше князя Михаила, то мы дадимъ тебѣ В. Княженіе [1].“ Михаилъ отправился въ орду, Юрій началъ сбираться тудаже; Митрополитъ

---

[1] Воскр. II, 281.

Максимъ уговаривалъ его не ходить и не затѣвать усобицы съ Михаиломъ, Юрій обманулъ Митрополита: „я иду въ орду такъ, по своимъ частнымъ дѣламъ, отецъ мой, и вовсе не имѣю намѣренія искать В. Княженія [1],“ говорилъ онъ ему. Но бояръ Тверскихъ нельзя было обмануть, они рѣшились силою не пускать Юрія въ орду. Здѣсь опять важными дѣйствователями являются бояре; Тверскіе бояре, именно потому, что Тверскіе бояре, а не бояре князя Михаила Ярославича, въ отсутствіе князя дружно и сильно дѣйствуютъ въ интересахъ своего княжества, съ цѣлію дать ему первенство и силу, т. е. первенство и силу самимъ себѣ. Тверскіе бояре, посланные Михаиломъ во Владимірскую великокняжескую область, поставили всюду заставы, чтобъ не пропускать Юрія въ орду; но хитрый князь пробрался другимъ путемъ. Кромѣ древней области великокняжеской шла еще борьба за удѣлъ покойнаго Андрея Городецкаго, умершаго бездѣтнымъ; братъ Московскаго князя, Борисъ Даниловичь, захватилъ Кострому, но здѣсь былъ захваченъ Тверскими боярами и отосланъ въ Тверь. У Юрія въ Москвѣ оставался еще другой братъ, знаменитый послѣ Іоаннъ Калита. Іоаннъ, видя сильную и дружную дѣятельность бояръ Тверскихъ, поспѣшилъ занять Переяславль, но едва вступилъ въ этотъ городъ, какъ подъ стѣнами его явился съ войскомъ Тверской бояринъ

---

[1] Тамъ же.

Акиноъ: мы должны обратить вниманіе на это лице. По смерти В. К. Андрея, бояре его, изъ которыхъ главнымъ былъ именно означенный Акиноъ, перешли на службу къ Московскому князю; но въ Москву пришелъ въ то же время на службу знаменитый Кіевскій бояринъ Родіонъ Нестеровичь съ сыномъ, и привелъ собственный дворъ, состоявшій изъ 1700 человѣкъ. Ясно, какъ должны были обрадоваться Московскіе князья такому служебнику: они дали ему первое мѣсто между своими боярами. Этимъ оскорбился Городецкій бояринъ Акиноъ: онъ отъѣхалъ къ сопернику Московскаго князя, Михаилу Тверскому, и, какъ уже сказано, явился съ войскомъ подъ Переяславлемъ, и три дня держалъ Калиту въ осадѣ; но на четвертый день явился на выручку Родіонъ, зашелъ Тверичамъ въ тылъ, Іоаннъ сдѣлалъ вылазку изъ города, Акиноъ, потерпѣвшій пораженіе, былъ убитъ собственноручно Родіономъ, который, воткнувъ голову его на копье, представилъ Калитѣ съ слѣдующими словами: „Се, господине, твоего измѣнника, а моего мѣстника глава [1].“

Въ 1305 году Михаилъ возвратился изъ Орды съ ярлыкомъ на В. Княженіе, Юрій безъ успѣха [2].

---

[1] Карамз. IV, примѣч. 324. Никон. III, 101, 102, 103.
[2] Списокъ которымъ пользовался Татищевъ, приводитъ слѣдующій благородный поступокъ Юрія Московскаго: „Княземъ бывшимъ во ордѣ и яко кійждо хотяше великое княженіе улучити, дающе дары многи хану и ханшамъ

Узнавъ о смерти боярина своего Акинѳа, Михаилъ пошелъ на Юрія [1]; и хотя походъ кончился ничѣмъ, однако борьба не могла прекратиться. Юрій видѣлъ вражду соперника и спѣшилъ усилиться: двое братьевъ его принуждены были бѣжать въ Тверь [2]; желая усилиться на счетъ Рязани, онъ убилъ князя ея, плѣненнаго отцемъ его Даниломъ [3], и хотя не успѣлъ въ своемъ намѣреніи касательно всего княжества, однако удержалъ за собою Коломну. Можно себѣ представить, какими глазами смотрѣлъ на все это князь Тверской: въ 1308 году онъ приступилъ съ многочисленнымъ войскомъ къ Москвѣ, но былъ отра-

---

и княземъ Ординскимъ, тіи елико емлюще толико болѣе другаго желаху. Юрій же слыша яко Михаилъ хощетъ хану дань большую обѣщати, шедъ къ нему рече: отче и брате, азъ слышу яко хощеши большую дань поступити и землю Русскую погубити, сего ради азъ ти уступаю отчины моя, да не гибнетъ земля Руская васъ (насъ) ради, и шедше къ хану, объявиша ему о семъ. Тогда даде ханъ ярлыкъ Михайлу на великое княженіе и отпусти я." (Татищ. IV, стр. 86). Иначе чѣмъ объяснить торжество Михаила на этомъ аукціонѣ? Дѣло дошло до обѣщаній выхода, Михаилъ набивалъ цѣну, Юрій также бы могъ набивать; терялъ тотъ, кто отступался; но отступиться могъ только тотъ, кто жалѣлъ отечество, ибо дѣло шло не о наличныхъ деньгахъ, но о будущемъ выходѣ.

[1] Никон. III, 103. И слышавъ бывшее о Акинѳѣ и оскорбися зѣло.... иде ратію к Москвѣ, и бысть имъ брань многа и помале смиришася.

[2] Тамъ же стр. 104.

[3] Тамъ же.

женъ [1]; въ 1312 году лѣтописецъ извѣщаетъ о походѣ сына Михаилова, Димитрія на Юрія; молодой князь долженъ былъ однако удержаться отъ войны, по увѣщанію Митрополита Петра [2].

Въ 1313 году умеръ ханъ Тохта, которому наслѣдовалъ сынъ его Узбекъ; перемѣна Хана заставила Тверскаго князя отправиться въ Орду. Новгородцы, притѣсненные Михаиломъ [3], воспользовались этимъ отсутствіемъ и обратились къ сопернику Михаилову, князю Московскому, съ просьбою избавить ихъ отъ насилія Тверскихъ бояръ. Юрій согласился; но между тѣмъ Михаилъ успѣлъ нажаловаться хану на Юрія, и послѣдній былъ позванъ въ Орду [4]. Онъ дѣйствовалъ тамъ успѣшно, не только оправдался въ обвиненіяхъ Михаила, но умѣлъ сблизиться съ семействомъ самого хана и женился на сестрѣ его. При такихъ связяхъ, Юрій могъ вступить въ борьбу съ Тверскимъ княземъ. Онъ привелъ съ собою троихъ пословъ Ханскихъ, изъ которыхъ главный былъ Кавгадый; но Михаилъ не думалъ уступать: онъ собралъ сильное войско, снесся съ другими князьями, и вышелъ на встрѣчу Юрію; послѣдній не осмѣлился вступить съ

---

[1] Никон. III, 105. Ходи вдругие к Москвѣ ратию всею силою, и бысть бой у Москвы, и много зла сотвори; а града не взявъ отъиде.

[2] Воскр. II, 276. Львов. II, 69.

[3] См. мое изслѣдованіе о Новгородѣ, стр. 109 и слѣд.

[4] Никон. III, 109.

нимъ въ бой, и отказался отъ притязаній на В. Княженіе [1]. Но Михаилъ зналъ, что Юрій отложилъ борьбу только на время, и потому спѣшилъ укрѣпить свою Тверь на случай нападенія Ханскаго [2] зятя; теперь обстоятельства перемѣнились: онъ уже не смѣлъ болѣе идти на Москву, гдѣ княгинею была Узбекова сестра, и ждалъ соперника въ свои владѣнія; ожиданія не обманули его. Мы видѣли, что князья давно привыкли подозрѣвать Великихъ, или сильнѣйшихъ князей въ замыслахъ стѣснить ихъ, усилиться на ихъ счетъ, и потому были въ постоянной оппозиціи противъ князя, владѣвшаго великокняжескою Владимірскою областію; мы видѣли, какую дѣятельную помощь находилъ въ нихъ Андрей Городецкій въ борьбѣ со старшимъ братомъ Димитріемъ; то же

---

[1] Тамъже, 112: Прииде К. В: Юрьи Даниловичъ Московскии на великое княженіе изо орды женився, у царя сестру его понявъ именемъ Кончаку; егда же крестися и наречено ей бысть имя Агаѳія, и приведе ссобою пословъ Татарскихъ силныхъ зело, именемъ Кавгадыя и Астрабыла и Острева. Князь же Михаилъ Ярославичъ Тверскии и совѣщався со князи Суздалскими, и собравшемся со многими силами идоша противу ихъ, и сретоша ихъ у Костромы, и стояше о Волзе долго время; также к. в. Юрья Даниловичъ Московскии сслався сКавгадыемъ и ступився великого княжения князю Михаилу Ярославичю Тверскому.—Что Юрій пришелъ на Великое Княженіе, но безъ ярлыка ханскаго, свидѣтельствуютъ слова Кавгадыя Михаилу: „а приходили есмя на тебя со княземъ Юрьемъ бес повелѣния царева." (Никон. III, 114).

[2] Тамъ же: И тако возвратися князь Михаилъ во свою отчину во Тверь и заложии болшии градъ Кремленинъ.

самое случилось и теперь: Михаилъ былъ сильнѣе Димитрія, и потому еще опаснѣе для князей; въ первый разъ они дали ему помощь противъ Юрія, но когда Михаилъ восторжествовалъ надъ послѣднимъ, то князья принимаютъ сторону Московскаго князя противъ могущественнаго Михаила; они соединились съ нимъ въ Костромѣ; за 40 верстъ отъ Твери Михаилъ встрѣтилъ враговъ и на голову разбилъ ихъ: Юрій спасся бѣгствомъ, но жена его, братъ и Татарскіе послы достались въ плѣнъ побѣдителю [1].

Ханскій посолъ Кавгадый дѣйствовалъ съ Юріемъ за одно безъ Узбекова приказа, какъ послѣ самъ признался Михаилу. Юрій началъ войну съ Тверскимъ княземъ точно такъ, какъ прежде Михаилъ началъ войну съ нимъ, послѣ первой поѣздки въ Орду; рѣшенія Ханскія не сдерживали междоусобій, не устанавливали отношеній; когда Михаилъ вооруженною рукою воспротивился Юрію, то послѣдній уступилъ ему великое княженіе, при чемъ не обратился къ хану, съ просьбою о помощи на Михаила, какъ на ослушника, который, вопреки Ханскому ярлыку, не отдаетъ ему В. Княженія, но обратился къ другимъ князьямъ Русскимъ, чтобы соединенными силами низложить Михаила; когда же и это не удалось, когда Михаилъ и здѣсь остался побѣдителемъ, Юрій

---

[1] Никон. III, стр. 113, 114. Борисъ Даниловичь былъ взятъ въ плѣнъ, слѣд. онъ уже помирился съ братомъ и былъ въ его войскѣ.

опять не обратился къ Хану, но собравъ Новгородскіе полки, пошелъ тою же зимою на Михаила: соперникъ встрѣтилъ его на Волгѣ, Юрій опять отчаялся побѣдить его и заключилъ миръ, при которомъ оба князя условились идти въ Орду и тамъ рѣшить споръ: это было послѣднее средство, къ которому прибѣгъ Юрій, ибо видѣлъ, что силою взять не льзя; при томъ же мирномъ договорѣ было положено освободить плѣнныхъ брата и жену Юрьеву [1]; но послѣдняя умерла въ Твери: разнеслась вѣсть, что она была отравлена [2]. Былъ ли Юрій увѣренъ, что жена его точно отравлена, или хотѣлъ только воспользоваться этимъ слухомъ для пагубы противника, рѣшить трудно; извѣстно только то, что Михаилъ, испуганный, вѣроятно, слѣдствіями кончины Агаѳіиной и слухами о злобѣ Кавгадыя, отправилъ въ Москву, къ Юрію, посла Александра Марковича съ мирными предложеніями; Юрій не хотѣлъ теперь слышать о мирѣ, и велѣлъ убить посла [3]; послѣ этого все было кончено между князьями, только смерть одного изъ нихъ могла положить

---

[1] Новгор. перв. стр. 72. и пришедше на Волгу, и докончаша съ Михаиломъ княземъ миръ: како пти въ орду обѣма, а брата Юрьева и княгыню пустити.—С. г. г. и д. т. I, N 14.

[2] Новгород. (72) и Воскрес. (II, 279) утвердительно говорятъ, что Агаѳія была отравлена; Никон. (III, 114) съ оговоркою: „инииж глаголютъ.“

[3] Никон. III, 115.

конецъ враждѣ. Юрій отправился въ Орду, надѣясь всего болѣе на Кавгадыя, котораго теперь собственная безопасность заставляла искать гибели Михаиловой: онъ долженъ былъ обвинить послѣдняго, дабы оправдать свой поступокъ, свое участіе въ войнѣ Юрія противъ Тверскаго князя; онъ самъ признавался Михаилу, что боится Ханскаго гнѣва за это участіе [1]. Михаилъ былъ обвиненъ предъ Ханомъ въ слѣдующихъ преступленіяхъ: въ томъ, что онъ былъ гордъ и непокоренъ, позорилъ посла Кавгадыя, сражался съ нимъ и побилъ его Татаръ; собиралъ дань для Хана и между тѣмъ бралъ ее себѣ, и съ казною своею хотѣлъ бѣжать къ Нѣмцамъ, отправилъ уже сокровища свои къ Римскому папѣ, и наконецъ уморилъ Юрьеву жену отравою [2]. Сперва Михаилъ послалъ вмѣсто себя въ Орду сына своего Константина. Кавгадыю не хотѣлось видѣть Михаила въ Ордѣ изъ боязни, что этотъ князь обнаружитъ передъ Ханомъ поведеніе его въ Россіи, и потому онъ уговаривалъ Хана отправить войско на Михаила, го-

---

[1] Тамъ же, 114.

[2] Тамъ же, 117: гордъ еси и не покорливъ царю нашему, и посла царева Кавгадыя соромотилъ еси и съ нимъ бился еси и Татаръ его побилъ еси, и дани царевы ималъ еси себѣ, а царю еси не давалъ, и в немцы съ казною бѣжати хотѣлъ еси, и казну в Римъ к папе отпустилъ еси, и княгиню Юрьеву зельемъ уморилъ еси, и князей и Татаръ царевыхъ побилъ еси.—Михаилъ ничего не отвѣчалъ противъ обвиненія въ отсылкѣ казны къ папѣ, и въ намѣреніи бѣжать къ Нѣмцамъ.

воря, что этотъ гордый ослушникъ никогда не явится въ Орду [1]. Узбекъ согласился и велѣлъ было схватить Константина и уморить его голодомъ; но нѣкоторые изъ приближенныхъ, или благопріятствуя Михаилу, или будучи, по крайней мѣрѣ, равнодушными, дали голосъ послать сперва за Михаиломъ и не дѣлать Константину никакого зла, ибо, узнавъ о гибели сына, Михаилъ, разумѣется, не пойдетъ въ Орду [2]. Ханъ послушался этого совѣта; посолъ его Ахмылъ встрѣтилъ Тверскаго князя во Владимірѣ и объявилъ ему зовъ ханскій и необходимость послушаться этого зова; Михаилъ рѣшился отправиться въ Орду; тогда Кавгадый послалъ отрядъ Монголовъ перепять В. Князя на пути и убить его [3], но и это не удалось: Михаилъ явился въ Ордѣ. Къ его несчастію Узбекъ не имѣлъ охоты самъ заниматься судомъ между Русскими князьями; онъ только заставлялъ вельможъ нѣсколько разъ слѣдовать дѣло для

---

[1] Воскрес. II, 285: И бывшу ему (Михаилу) в Володимере и се приеха посоль отъ царя из Орды именемъ Ахъмылъ глаголя зоветъ тя царь, поиди в борзѣ буди за мѣсяцъ, ащели не будеши, то ужъ воимепова на тя рать и на твои городы; обадилъ тя есь ко царю Кавгадыи глаголя не бывати ему в ордѣ.

[2] Никон. III, 115: И нѣцыи глаголаша Азбяку царю сице, аще убиеши сына его, отецъ его к тебѣ не приидетъ никогдаже.

[3] Тамъ же: Кавгадыи на переемъ посла многихъ Татаръ, на князя Михаила Ярославича Тверскаго, и гдѣ его обрящутъ, тако (т. е. тамо) его смерти предадятъ.

бо́льшей достовѣрности [1]. Кавгадый пересилилъ въ судѣ, Михаилъ былъ обвиненъ и казненъ, Юрій получилъ В. Княженіе, но зналъ, что ярлыкъ не надеженъ, и потому старался принять другія мѣры. Прежде всего онъ пошелъ на князя Рязанскаго и принудилъ его къ миру [2]; обезопасивъ свои границы съ этой стороны, онъ двинулся на Тверскаго князя Димитрія Михайловича и вынудилъ отъ него 2000 рублей серебра и обѣщаніе не домогаться великаго княженія. Не смотря однако на это обѣщаніе, Димитрій поѣхалъ въ Орду и выхлопоталъ себѣ ярлыкъ; есть извѣстіе, что онъ объяснилъ хану всю неправду Юрія и особенно Кавгадыя, и что ханъ велѣлъ казнить послѣдняго, а Димитрію далъ великокняжеское достоинство, узнавъ отъ него, что Юрій сбираетъ ханскую дань и удерживаетъ её у себя [3]. Тверь взяла перевѣсъ: Юрій видѣлъ необходимость идти опять въ Орду, и упросилъ Новгородцевъ проводить его туда, зная, что Новгородскія гривны имѣютъ большой вѣсъ у Хана [4]; но на пути изъ Новгорода Юрій былъ захваченъ въ расплохъ братомъ Димитріевымъ Александромъ, казна его была отнята, онъ едва спасся во Псковъ, откуда опять возвратился въ Новгородъ. Здѣсь граждане заставили его ид-

---

1 Тамъ же, 116.
2 Новгор. перв. стр. 72: ходи князь Юрьи ратью на Рязань, на князя Ивана Рязанскаго, и докончаша миръ.
3 Татищ. IV, 111.
4 Никон. III. 126.

ти на Нѣмцевъ, тогда какъ злая тоска съѣдала сердце несчастнаго князя [1]; наконецъ явился посолъ изъ Орды и потребовалъ Юрія предъ Хана, тотъ повиновался. Димитрій Тверской зналъ, какъ опасно пускать соперника одного въ Орду, и поспѣшилъ туда самъ. Мы не знаемъ подробностей о встрѣчѣ двухъ враговъ; лѣтописецъ говоритъ, что Димитрій понадѣялся на благоволеніе ханское [2] и убилъ участника въ убійствѣ отца своего; Узбека поразилъ этотъ поступокъ: онъ долго думалъ, наконецъ велѣлъ умертвить Димитрія, но великое княженіе отдалъ брату его Александру: слѣд. Тверь не теряла ничего ни отъ смерти Михаила, ни отъ смерти Димитрія; въ третій разъ первенство и слѣд. сила перешла къ ея князю; но Тверь теряла все вступленіемъ на братній столъ Александра, а соперница ея Москва выигрывала тѣмъ передъ нею, что мѣсто Юрія занялъ братъ его Іоаннъ: двѣ противоположныя личности правителей въ то рѣшительное время, когда оба княжества были одинаково сильны и слѣд. ждали только одного внѣшняго, случайнаго обстоятельства для рѣшенія своего спора, двѣ противоположныя личности правителей были именно этою могущественною случайностію.

---

[1] Тамъ же, 127.

[2] Тамъ же, 129: Понеже царь Азбякъ чтяше Князя Дмитрея Михаиловича Тверскаго, и онъ на то надѣяся уби В. Князя.

ОТДѢЛЪ IIIй.

ИСТОРІЯ КНЯЖЕСКИХЪ ОТНОШЕНІЙ ОТЪ ІОАННА КАЛИТЫ ДО ІОАННА III.

ГЛАВА I.

Объ отношеніяхъ между князьями вообще.

Приступая къ третьему отдѣлу нашей исторіи, мы должны сдѣлать то же самое, что сдѣлали въ началѣ перваго ея отдѣла, именно изложить тѣ принятыя правила, тѣ обычныя формы, которыми князья наши руководствовались въ сношеніяхъ другъ съ другомъ; мы должны здѣсь снова приступить къ этому изложенію по слѣдующимъ причинамъ: во первыхъ потому, что прежнія родовыя отношенія князей, изложенныя въ первой главѣ перваго отдѣла, значительно измѣнились; во вторымъ потому, что въ третьемъ отдѣлѣ нашей исторіи, т. е. начиная съ Іоанна Калиты, происходитъ важная перемѣна въ источникахъ, изъ которыхъ почерпаемъ мы извѣстія о княжескихъ отношеніяхъ, а именно вмѣсто скудныхъ, недосказанныхъ извѣстій лѣтописи мы получаемъ богатое собраніе духовныхъ княжескихъ грамотъ и договоровъ [1].

[1] Изъ этого не слѣдуетъ однако заключать, что въ два предыдущіе отдѣла князья наши не заключали другъ съ другомъ договоровъ; въ лѣтописи встрѣчаемъ на нихъ

Князь, умирая, обыкновенно *приказывалъ* младшихъ сыновей своихъ и княгиню старшему сыну; это слово: *приказывать* объясняется выраженіемъ, которое всегда слѣдуетъ за нимъ въ духовныхъ грамотахъ, а именно, что старшій братъ долженъ быть *печальникомъ*, т. е. заступникомъ, защитникомъ младшихъ. Въ договорахъ В. Князя, или старшаго брата съ младшими братьями, удѣльными князьями, они обязывались быть всегда за одинъ, младшіе клянутся чтить старшаго брата *во отцево мѣсто*, держать его великое княженіе *честно и грозно*, и хотѣть ему добра во всемъ. Братья должны имѣть однихъ друзей и враговъ; старшій братъ, или В. Князь не долженъ заключать ни съ кѣмъ договоровъ (не доканчивать ни съ кѣмъ) безъ вѣдома младшихъ, и на оборотъ, младшіе не должны ни съ кѣмъ сноситься безъ вѣдома старшаго. Братья обязуются взаимно, услышавъ о чьихъ-нибудь вредныхъ замыслахъ противъ одного изъ нихъ, объявить о томъ немедленно *въ правду*, *безъ примышленія*, *по крестному цѣлованію*. Если кто начнетъ посѣвать раздоры между братьями, *ссаживать* ихъ, то они не должны, повѣря злымъ людямъ, дер-

указанія, напр. А къ Романови посла (Рюрикъ) ко зятю своему мужи своя, обличи и и поверже ему *крестныя грамоты*.. (Ипатьев. 145).—Такъ какъ положенія *междукняжескаго права* повторяются почти одинаково во всѣхъ грамотахъ, то я не буду здѣсь ссылаться на отдѣльные договоры, а цитую одинъ разъ навсегда первый томъ собранія Государственныхъ грамотъ и договоровъ.

жать нелюбье другъ на друга, но изслѣдовать дѣло, *учинить исправу*, и смутника казнить по исправѣ. Младшіе обязаны садиться тотчасъ на коня, какъ скоро В. Князь выступитъ въ походъ; если даже самъ не пойдетъ, но пошлетъ однихъ удѣльныхъ, то и тогда послѣдніе должны идти безъ ослушанія. Если во время похода случится ошибка (простороҗа) со стороны В. Князя, или со стороны удѣльныхъ, или отъ Тысяцкаго великокняжескаго, или отъ намѣстника Удѣльныхъ князей, то братья должны также изслѣдовать дѣло, а нелюбья не держать другъ на друга.

Бояре и слуги вольные имѣли право переходить отъ одного князя къ другому, не только между удѣльными князьями, но также отъ Великаго къ удѣльнымъ и на оборотъ, и за принятіе отъѣзжихъ бояръ князья обязывались не держать нелюбья другъ на друга, ни на самихъ бояръ. Если какой-нибудь князь, старшій или младшій заведетъ тяжбу съ бояриномъ другаго (будетъ чего искать на бояринѣ), то оба князя высылаютъ для изслѣдованія и рѣшенія дѣла по боярину (тѣ тому дѣлу учинятъ исправу); если же оба боярина не уладятся между собою (сопрутся), то должны положиться на рѣшеніе третьяго, кого сами изберутъ (ѣхати имъ на третій). Если бояринъ отъѣдетъ отъ одного князя съ кормленія, не отслуживъ службы, то получаетъ кормленье только за то время, какое пробылъ на службѣ, или, если хочетъ получить полное кормленье, то долженъ остаться до окончанія срока службы. Касательно помѣ-

стій встрѣчаемъ въ духовной Калиты слѣдующее распоряженіе: „А что есмь купилъ село въ Ростовѣ Богородичское, и далъ есмь Бориску Воръкову, аже иметь сыну моему которому служити, село будетъ за нимъ; не иметьли служити дѣтямъ моимъ, село отнимуть.“ Что же касается наслѣдственныхъ владѣній боярскихъ, до отчинъ, то бояре могли имѣть ихъ въ разныхъ удѣлахъ, въ слѣдствіе чего бояринъ, служившій у одного князя, могъ жить въ удѣлѣ другаго, при чемъ князья обязывались: блюсти такихъ бояръ, какъ и своихъ и дань взяти какъ и на своихъ. Даже отъѣзжіе бояре сохраняли свои отчины во владѣніяхъ прежняго князя. Впрочемъ князья понимали невыгоду подобнаго положенія: черезъ своего боярина, жившаго въ чужомъ удѣлѣ, князь могъ удобно знать все, что дѣлалось въ этомъ удѣлѣ, такіе бояре всего легче могли быть смутниками между князьями; притомъ всякому князю было непріятно видѣть земли своего удѣла во владѣніи слугъ чужаго князя, особенно въ случаѣ вражды съ послѣднимъ: вотъ почему князья обязывались въ договорахъ, чтобъ бояре не покупали селъ въ чужихъ удѣлахъ безъ позволенія князей этихъ удѣловъ. Однако это средство мало помогало, и боярскія отчины постоянно были разсѣяны по разнымъ удѣламъ; что происходило слѣдующимъ образомъ: удѣлы нѣсколько разъ соединялись въ одно княжество, и потомъ снова раздѣлялись; бояринъ Донскаго могъ свободно покупать села на всемъ пространствѣ владѣній этого князя, но когда, по смерти Донскаго, его область

раздѣлилась на нѣсколько удѣловъ между его сыновьями, то села боярина необходимо стали принадлежать къ разнымъ удѣламъ. При этомъ ненадобно забывать также вышеозначеннаго обстоятельства, что отъѣзжіе бояре сохраняли свои отчины во владѣніяхъ прежняго князя.

Если В. Князь посылалъ на рать своихъ воеводъ, то бояре его и дѣти боярскіе, жившіе въ удѣлахъ, должны были ѣхать съ воеводою удѣльнаго князя того удѣла, въ которомъ жили; и на оборотъ, бояре удѣльныхъ князей, жившіе въ области В. Князя, должны были ѣхать съ воеводою послѣдняго [1]. Но это положеніе является исключеніемъ въ договорахъ, обыкновенно же имѣетъ мѣсто слѣдующее условіе: „А гдѣ будетъ итьти нашимъ ратемъ, и гдѣ хто жыветъ въ нашыхъ отчинахъ, и кто кому служытъ, тотъ съ своимъ осподаремъ и ѣдетъ. А гдѣ язъ К. В. пошлю своего воеводу котораго города, а которые люди тебѣ служатъ того города, и тѣмъ людемъ итьти подъ твоимъ воеводою, а твоему воеводѣ итьти съ моимъ воеводою, опрочь бояръ введеныхъ и путниковъ; а хто служытъ мнѣ В. Князю, и жыветъ въ твоей отчинѣ, и гдѣ пошлемъ своихъ воеводъ, и тѣмъ людемъ итьти подъ моимъ воеводою, и твоимъ воеводамъ итьти съ моими воеводами. А городная осада, гдѣ хто живетъ, тому туто

---

[1] С. г. г. нд. т. I. стр. 57.

и сидѣти, опричь бояръ веденыхъ и путниковъ." Здѣсь представляется вопросъ, кто же эти были бояре введеные и путники, которые исключались изъ общей обязанности? Введенымъ наз. бояринъ, котораго князь вводилъ во владѣніе извѣстнымъ городомъ, извѣстною областью; такъ о Логгинѣ Михайловичѣ Кикинѣ говорится, что онъ былъ у В. К. Дмитрія Ивановича бояринъ введенный и города державецъ; держалъ городы Волокъ и Торжокъ безъ отнимки [1]. Ясно, что бояринъ введенный не могъ идти въ походъ съ воеводою князя, ибо долженъ былъ оставаться въ городѣ, ему ввѣренномъ, въ управленіе которымъ онъ былъ введенъ; равно во время осады онъ не могъ оставаться на томъ мѣстѣ, гдѣ случайно жилъ, имѣя тамъ собственность, но долженъ былъ спѣшить въ свой городъ. Теперь надобно рѣшить, что такое бояринъ *путный*, или *путникъ*. *Путемъ* наз. право пользоваться чѣмъ-нибудь; такъ старѣйшій путь означалъ право старшаго, или В. Князя пользоваться гораздо большими доходами противъ младшихъ братьевъ: „А сына своего князя

---

[1] Синбирскій Сборникъ, родословная роспись рода Кикиныхъ. Напрасно одинъ изъ издателей Сборника думаетъ, что *введенный* означало: „что такой-то и его родъ введенъ въ общій родовой распорядокъ государства:" еслибъ Логгинъ Кикинъ называлъ себя введеннымъ въ этомъ смыслѣ, то за чѣмъ же сыну его, Тимоѳею величать себя также введеннымъ бояриномъ (см. тамъ же)? если отецъ разъ введенъ въ общій родовой распорядокъ, то разумѣется, вмѣстѣ съ нимъ введено и все его потомство, и сына не за чѣмъ вводить вторично.

Василья благословляю на старшій путь въ городѣ и въ станѣхъ моего удѣла двою жеребьевъ половина.... А на старшій путь сыну моему Кн. Василью Василцево сто и Добрятиньская борть съ селомъ зъ Добрятиньскимъ [1]. Отсюда выраженія: конюшій путь, сокольничій, ловчій и т. д. Самымъ лучшимъ подтвержденіемъ сказанному могутъ служить слѣдующія мѣста: С. г. г. и д. т. I, стр. 76: „А дѣти мои братъ въ братень удѣлъ и въ матери моей удѣлъ не въѣжжаютъ на свою утѣху, опричѣ того, аже ся *путь* получитъ поперегъ удѣла ѣхати," т. е. если получитъ право, позволеніе охотиться въ чужомъ удѣлѣ. Въ Акт. юридич. стр. 194: „И Сидору натомъ жеребію дворъ поставить и землю роспахать и огороды огородить, и впустѣ не покинуть тое двѣнадцатые доли обежные; да въ томъ ему и *путь дали.*" На стр. 195 тамъ же: И Ооонасью на томъ участки на верху жить, и дворъ поставить, и землю распахать, и огородъ огородить, и впустѣ не покинуть, и въ томъ ему на тотъ участокъ и путь далъ." — Слѣд. бояринъ путный былъ такой бояринъ, который получилъ право пользоваться извѣстною волостью, податьми въ извѣстномъ городѣ и т. п.; Дворецкій съ путемъ былъ такой дворецкій, который получалъ извѣстный доходъ въ какомъ нибудь городѣ или области: „А въ путь пожаловали велѣли ему (Кн. Львову Ярославскому) дать и владѣти въ

---

[1] С. г. г. и д. т. I. NO 34.

Ярославлѣ на посадѣ Ловецкими слободами; а оброчныя деньги съ тѣхъ слободъ имати на него боярина нашего и дворецкаго и пр. [1]. Почему путный бояринъ исключался также изъ общей обязанности идти съ воеводою въ походъ и сидѣть въ осадѣ на томъ мѣстѣ, гдѣ жилъ, объяснить можно двоякимъ образомъ: 1) онъ долженъ былъ, подобно введенному, защищать то мѣсто, гдѣ имѣлъ путь; 2) долженъ былъ находиться при князѣ во время войны; былъ слишкомъ знатенъ [2], чтобъ становиться подъ знамена другаго воеводы, ибо и послѣ званіе Дворецкаго съ путемъ было чрезвычайно важно: простой Дворецкій могъ быть иногда ниже Окольничихъ, тогда какъ въ Дворецкіе съ путемъ жаловался всегда бояринъ за какія-нибудь отличныя заслуги. Тоже самое разумѣлось и о другихъ придворныхъ должностяхъ съ путемъ [3].

Примѣч. Въ нѣкоторыхъ договорахъ (на пр. стр. 94) говорится о боярахъ вообще, что они не садятся въ осаду въ томъ мѣстѣ, гдѣ живутъ: „и городная осада, гдѣ хто живетъ, туто тому и сѣсти,

---

[1] Новик. Древ. Рос. Вивл. т, XV.

[2] Древ. Вивл. т. XX.

[3] Царь велѣлъ за столъ сѣсть постельничему съ путемъ да стряпчему съ ключемъ и стряпчій Старово билъ челомъ на постельничего Безобразова „что де мнѣ Осударь для того ниже Безобразова сидѣть навмѣстно, хотя онъ меня твоею милостью *честнѣе путемъ*.“ Изслѣдованіе Волуева о Мѣстничествѣ, стр. 47.

опроче Бояръ и путниковъ." Но вѣроятно здѣсь пропущено: введенныхъ.

Бояринъ обязанъ былъ давать дань съ своей отчины тому князю, въ удѣлѣ котораго она находилась; равно всѣ судныя дѣла подлежали тому князю, въ удѣлѣ котораго находилась отчина: „А судомъ и данью потянути по удѣламъ, гдѣ кто живетъ. Или: „А судомъ и данью потянуть по землѣ и поводѣ; а на холопѣхъ дани не имати, на которыхъ ключники цѣлуютъ; а которыхъ Бояръ и слугъ села, а имутъ жити въ вашей отчинѣ, взяти вы на нихъ дань и судъ, какъ и на своихъ." Бояре обязаны были данью не только съ отчинъ, но даже съ кормлений и путей; но эта послѣдняя дань требовалась только въ чрезвычайныхъ случаяхъ, т. е. при сильномъ запросѣ изъ Орды; В. К. обыкновенно договаривался съ Удѣльными: „А *коли* ми взяти дань на своихъ Боярехъ на большихъ и на путныхъ, тогды ти взяти на своихъ такъ же по кормленью и по путемъ, да дати ти мнѣ." Иногда В. Князь обязываетъ Удѣльнаго, въ случаѣ нужды, доставить ему дань съ извѣстнаго числа бояръ: „А коли намъ взяти на своихъ Боярехъ на путныхъ, и тобѣ взяти на своихъ Боярехъ на десяти [1]." По прекращеніи усобицы Князья обязывались не держать нелюбья на боярахъ, служившихъ имъ въ этой усобицѣ. Иногда князья взаимно обязывались не принимать къ себѣ

---

[1] С. г. г. и д. т. I, NO 35.

боярина, *вшедшаго въ коромолу* къ одному изъ нихъ [1]. Касательно князей служебныхъ, владѣтельные князья, Великій съ своими Удѣльными обязывались не принимать ихъ въ службу другъ отъ друга съ отчинами, въ случаѣ же, если служебный князь отъѣдетъ отъ одного владѣтельнаго князя къ другому, то лишается своей отчины, которая остается за тѣмъ княземъ, отъ котораго отъѣхалъ.

Удѣльные, или младшіе князья имѣли свои жребіи въ главномъ городѣ княжества: такъ было въ Московскомъ В. Княжествѣ, такъ было въ Рязанскомъ [2], слѣд. имѣемъ право заключить, что такъ было и въ остальныхъ. Касательно земельной собственности и доходовъ съ нея князья — старшій и младшіе были въ своихъ удѣлахъ особными, полновластными, совершенно независимыми владѣтелями: Князь, по выраженію грамотъ, владѣлъ своимъ удѣломъ съ волостьми и съ погосты, съ околицами, сло-

---

[1] Тамъ же NO 23.

[2] Тамъ же NO 144: Иванъ III въ духовной своей говоритъ: „А что ми далъ сестричичь мой Кн. Ѳед. Васильевичь Рязанской свою отчину, на Рязани въ городѣ и въ посадѣ свой жеребей, и Старую Рязань и Перевитескъ съ волостьми и съ путми и зъ селы, и зъ бортью и съ тамгою и со всѣми пошлинами, потому, какъ ся дѣлилъ съ своимъ братомъ со княземъ съ Иваномъ: и язъ ту его вотчину, жеребей въ городѣ на Рязани и на посадѣ, и Старую Рязань и Перевитескъ съ волостьми и съ путми и зъ селы, и зъ бортью и зъ тамгою и со всѣми пошлинами, со всѣмъ потому, какъ было за княземъ за Ѳедоромъ, даю сыну своему Василью."

бодами, отъѣздными мѣсты, станами, дворами городскими, селами, путми, лавками, дворами гостиными, торгами, бортью, тамгою, пудомъ и помѣрнымъ, мытомъ, осмничимъ, оброки, со всѣми пошлинами и со всѣмъ, что къ нему потягло, также съ прикупами, примыслами и починками. Касательно слова: волость, должно замѣтить, что оно означало всякое владѣніе и пользованіе чѣмъ бы то ни было, на пр. „А изъ городскихъ волостей даю княгини своей осмничее; а тамгою и иными волостми городьскими подѣлятся сынове мои." Князья обязываются взаимно въ договорахъ: въ удѣлы другъ къ другу не вступаться, приставовъ своихъ не всылать, судовъ не судить, дани не брать, грамотъ жалованныхъ не давать, закладней и оброчниковъ не держать, селъ не покупать. Въ Москвѣ, для удобности, князья пользовались доходами, или своими жеребьями, смѣняясь по годамъ [1]; въ Москвѣ и другихъ мѣстахъ, подлежав-

---

[1] С. г. г. и д. т. I, NO 144, завѣщаніе Ивана III: „Да благословляю сына своего Василья, и дѣтей своихъ меньшихъ въ Москвѣ годомъ княжъ Константиновскимъ Дмитріевича, что былъ данъ брату моему Юрью, да годомъ княжымъ Петровскимъ Дмитреевича, что былъ данъ брату моему Андрею меньшому, да годомъ княжъ Михайловскимъ Андреевича; а держитъ сынъ мой Василей, и мои дѣти меньшие Юрьи зъ братьею на тѣхъ годѣхъ на Москвѣ своихъ Намѣстниковъ, переменяя пять лѣтъ, по годомъ. А что былъ данъ брату моему Борису въ Москвѣ годъ Княжъ Ивановской Андреевича, и тотъ годъ приходилъ брата моего Борисовымъ дѣтемъ обѣма дръжати на Москвѣ своего Намѣстника на шостой годъ, и бра-

шихъ общему владѣнію сборщики податей (данщики), посылаемые удѣльными князьями должны были сбирать вмѣстѣ съ данщиками великокняжескими, а не порознь. Касательно дворовъ, которыми удѣльные князья владѣли въ Москвѣ, встрѣчаемъ слѣдующее распоряженіе въ духовной Ивана III: „А что есмь подавалъ дѣтемъ своимъ селца у Москвы зъ дворы зъ городскими на посадехъ: и дѣти мои въ тѣхъ дворехъ торговъ не дръжатъ, ни жытомъ не велятъ торговати, ни лавокъ не ставятъ, ни гостей съ товаромъ иноземцовъ, и изъ Московскіе земли и изъ своихъ удѣловъ въ своихъ дворехъ не велятъ ставити; а ставятся гости съ товаромъ иноземци, и изъ Московскіе земли и изъ ихъ удѣловъ на гостиныхъ дворехъ, какъ было при мнѣ; а дѣти мои у моего сына у Василья въ тѣ дворы въ гостиные и въ тѣ пошлины не вступаются. А кто учнетъ въ детей моихъ селцехъ и въ дворехъ въ городныхъ торговати съестнымъ товаромъ: и сынъ мой Василей тѣхъ торговъ не велитъ сводити, а пошлину полавочную съ нихъ беретъ сына моего Васильевъ прикащикъ, какъ было при мнѣ." Торговъ, или ярмарокъ князья не могли переводить (сводить) изъ одного удѣла въ

таничь мой Иванъ ту полгоду далъ мнѣ, и язъ ту полгоду даю сыну своему Василью, а братаничь мой Ѳедоръ съ сыномъ съ моимъ съ Васильемъ тотъ шостой годъ дръжатъ по полугоду: сынъ мой Василей дръжытъ своего Намѣстника по году, а братаничь мой Ѳедоръ дръжытъ своего Намѣстника полжегоду.

другой, не могли запретить купцамъ своихъ удѣловъ ѣздить на торги, находившіеся въ чужихъ владѣніяхъ: Иванъ III говоритъ въ завѣщаніи: „А что есми свелъ торгъ съ Холопья городка на Мологу, и тотъ торгъ торгуютъ на Молозе съезжаяся; какъ было при мнѣ; и сынъ мой Дмитрей емлетъ пошлины, какъ было при мнѣ, а лишнихъ пошлинъ не прибавливаетъ ничего; а сынъ мой Василей и мои дѣти того торгу на свои земли не сводятъ, ни заповеди въ своихъ земляхъ не чинятъ къ тому торгу ѣздити."

Касательно народонаселенія, князья въ своихъ договорахъ дѣлятъ его на два разряда, народонаселеніе свободное и несвободное. Изъ перваго въ духовныхъ и договорахъ княжескихъ упоминаются: во 1) Граждане, люди городскіе, преимущественно торговые, гости и суконники; касательно Московскихъ гражданъ князья обыкновенно заключаютъ слѣдующее условіе: „А гости и суконниковъ и городьскыхъ людей блюсти ны съ одиного, а въ службу ихъ не пріимати." Рать, набранная изъ Московскихъ гражданъ ходила въ походъ особо подъ своимъ Тысяцкимъ, а по уничтоженіи этого сана, подъ особыми воеводами великокняжескими, и князья обязывались не принимать Московскихъ ратниковъ въ свои дружины: „А Московская рать хто ходилъ съ воеводами тѣ и нонѣча съ Воеводами, а намъ ихъ не принимати." „А Московская рать ходитъ съ моимъ Воеводою Великаго князя, какъ было пережe сего." 2) *Черные люди*, свободные граждане, не принадлежав-

ніе ни къ какому извѣстному, опредѣленному разряду; касательно ихъ князья обязывались: „тыхъ въ службу не примати, но блюсти ихъ съ одиного, а земль ихъ не купити.“ Подобное же обязательство существовало и относительно 3) *численныхъ людей*, или *числяковъ*. Численными они назывались потому, что подлежали числу, т. е. поголовной переписи для платежа дани: дань въ это время, не смотря на Монгольскую перепись, взималась не съ души, но съ капитала, съ приравненіемъ всѣхъ промысловъ къ сохѣ; тѣ же люди, которыхъ занятія не были приравнены къ сохѣ, подлежали поголовной подати, числу [1]. 4) Ордынцы и Дѣлюи. Подъ именемъ первыхъ разумѣлись плѣнники, выкупленные князьями изъ Орды; подъ именемъ вторыхъ дѣловые, мастеровые люди; касательно ихъ князья обязывались: А что наши Ординци и дѣлюи, а тымь знати своя служба, какъ было при нашихъ отцѣхъ, а земль ихъ не купити. Подтвержденіемъ сказаннаго мнѣнія объ Ордынцахъ служитъ слѣдующее мѣсто изъ договора Симеона съ братьями: „А которыи люди по нашимъ волостемъ вынманы ныи.... воины.... намъ къ себѣ не примати: а которыхъ людий Отець нашъ К. В. вынмалъ изъ.... (т. е. изъ Орды) въ службу, тѣ такъ и знаютъ свою службу, въ которую кто уряженъ, а намъ ихъ къ собѣ не примати:“ распоряженіе, совершенно одина-

---

[1] Отсюда выраженіе: взять дань по людямъ и по силѣ. С. г. г. и д. т. I, стр. 84.

кое съ приведеннымъ распоряженіемъ объ Ордынцахъ. 5) *Слуги, которые потягли къ дворскому, кто будетъ подъ дворскимъ слугъ.* Они отличаются отъ слугъ вольныхъ, которые, подобно боярамъ, имѣли право отъѣзда: „А бояромъ и слугамъ, кто будетъ не подъ дворскимъ, вольнымъ воля [1].“ „А кто будетъ подъ дворскимъ слугъ, тѣхъ дѣти мои промежи себя не принимають, ни отъ сотниковъ; а кто тѣхъ выйдетъ изъ удѣловъ дѣтей моихъ и княгини моей, инъ земли лишенъ, а земли ихъ сыну моему, чей будетъ удѣлъ.“ Слѣд. слуги вольные, подобно боярамъ и дѣтямъ боярскимъ, могли отъѣзжать отъ одного князя къ другому, удерживая свои земли, а слуги подъ дворскимъ теряли ихъ посредствомъ отъѣзда, ибо этѣ земли были данныя отъ князей. Земель, этимъ слугамъ принадлежащихъ, равно какъ земель, чернымъ людямъ принадлежащихъ, князья обязывались не покупать. [2] Въ духовныхъ завѣщаніяхъ князей упоминаются люди несвободные, доставшіеся князю разнымъ образомъ и приставленные къ разнымъ должностямъ въ княжескомъ хозяйствѣ, которыхъ князья дѣлили между собою. Такъ упоминаются бортники и оброчники купленые

---

[1] С. г. г. и д. т. I, стр. 77.

[2] А селъ ти не купити въ моемъ удѣлѣ ни въ В. Княженьи, ни твоимъ дѣтемъ, ни твоимъ бояромъ. А хто будетъ покупилъ земли данныѣ, служни или черныхъ людей, а тѣ хто возможетъ выкупити, инѣ выкупятъ; а не возмогутъ выкупити, инѣ потянутъ къ чернымъ людемъ; а хто не въсхочетъ тянути, инѣ ся земль съступятъ, а земли чернымъ людемъ даромъ.“

Калита пишетъ въ завѣщаніи: „А что моихъ бортниковъ и оброчниковъ, которые въ котораго (т. е. сына) росписи, то того; а что мои люди купленни въ великомъ свертцѣ, а тѣми ся подѣлять сынове мои". Дѣловыхъ же людей и отправлявшихъ разныя почетныя службы князья обыкновенно передъ смертію отпускали на волю [1]. Князья обыкновенно обязывались въ договорахъ не покупать въ Москвѣ человѣка съ дворомъ; обязывались также не замышлять *выводовъ*, т. е. не выводить, не переманивать народа изъ чужихъ удѣловъ.

Касательно торговли между удѣлами, князья обязывались не замышлять рубежа, обязывались держать мыты старые, пошлые, и новыхъ мытовъ не замышлять, ни пошлинъ: „а мыта съ воза и въ городѣхъ всѣхъ пошлинъ денга, а съ пѣшохода мыта нѣтъ; а тамги и всѣхъ пошлинъ отъ рубля алтынъ,

---

[1] А что моихъ людий дѣловыхъ, или кого буди прикупилъ, или хто ми ся будеть въ винѣ досталъ, тако же мои тивуни, и посельскиѣ, и ключники и старосты, или хто ся будеть у тыхъ людий женилъ, всѣмъ тѣмъ людемъ далъ есмь волю, куды имъ любо; а братьѣ моей, ни моей княгинѣ тѣ люди не надобны." Или: „А хто будеть моихъ казначѣевъ, или тивуновъ, или посельскихъ, или хто будеть моихъ Дьяковъ (на стр. 51: дяковъ, отъ глагола: деять — говорить и дѣлать), что отъ мене будеть вѣдали прибытокъ ли который, или у тыхъ хто будеть женился, тѣ люди не надобни моимъ дѣтемъ, или моей княгини, далъ есмь имъ волю. Также хто будеть моихъ людий купленыхъ, грамотныхъ полныхъ, далъ есмь имъ свободу, куда имъ любо; а дѣтемъ моимъ, ни моей княгини не надобни.

а съ лодьи со доски по алтыну, а съ струга съ набои по два алтына, а безъ набои денга". Лодьи В. Князей освобождались отъ пошлинъ: „а со Князей Великихъ лодей пошлинъ нѣтъ [1].

Касательно спорныхъ дѣлъ между самими князьями, между подданными разныхъ удѣловъ, и касательно судопроизводства въ Москвѣ, въ которой имѣли участки всѣ родичи, въ договорныхъ грамотахъ встрѣчаемъ слѣдующія положенія: „А которая дѣла учиняться межи нами, и намъ отослати своихъ бояръ, ини переговоряться; а о чемъ сопруться, ини ѣдуть къ митрополиту; а не будетъ митрополита въ сей землѣ, инѣ на третей, кого себѣ изберутъ: а которыѣ бояре умолвятъ (въ др. и которого князя боярѣ умолвять, т. е. котораго князя бояръ убѣдятъ въ неправдѣ ихъ дѣла), то подойметъ князь, котораго умолвятъ (въ др. тотъ князь подъиметь), а боярамъ вины нѣтъ." Касательно распрей между

---

[1] Подробности и перемѣны: „На старыхъ мытехъ имати пошлины съ воза денга, а костокъ съ человѣка денга же; а поедетъ на версѣ съ торговлею, ино денга же; а кто ся промытитъ, ино съ воза промыты ѕ̃ алтынъ, а заповѣди ѕ̃ алтынъ, колко бы возовъ ни было; а промыта то, кто объедетъ мытъ; а проедетъ мытъ, а мытника у завора не будетъ, ино промыты нѣтъ; а състижетъ его мытникъ, инъ возметъ свой мытъ, а промыты и заповѣди нѣтъ. А съ лодьи пошлина съ доски по два алтына, а болши того пошлинъ нѣтъ, а съ струга алтынъ; а тамга и осминчее взяти, аже иметъ торговати; а поедетъ мимо, инъ знаетъ свой мытъ да костьки, а болѣ того пошлинъ нѣтъ; а поедетъ безъ торговли, ино съ того мыта нѣтъ и пошлинъ."

подданными разныхъ удѣловъ: „А даному, положеному, поручному, заемному, кабалному, холопу, робѣ судъ по исправѣ; а татя, разбойника, душегубца, рубежника, (кто сведетъ, перемѣнитъ рубежъ), беглеца по исправѣ выдати. А пошлина зъ беглеца съ семьи 2 алтына, а съ одинца алтынъ. А суженаго не посужати; а судъ намъ держати межи своихъ отчинъ по старинѣ, въ правду, бесъ перевода.“ В. Князь договаривался съ удѣльнымъ: „А буду опроче Москвы, а ударитъ ми челомъ Москвитинъ на Москвитина, пристава ми дати, а послати ми къ своимъ намѣстникомъ, нии исправу учінятъ, а твои намѣстники съ ними: а ударитъ ми челомъ хто изъ В. Княженья на Москвитина на твоего боярина, и мнѣ пристава послати по него, а тобѣ послати за своимъ своего боярина. А ударитъ ми челомъ мой на твоего, хто живетъ въ твоемъ удѣлѣ, и мнѣ послати къ тобѣ, и тобѣ ему исправа учинити: а ударитъ ти челомъ твой на моего, хто живетъ въ моемъ удѣлѣ и В. княженьи, и тобѣ послати ко мнѣ, и мнѣ ему исправа учинити; а за ними слати намъ своихъ бояръ.“ Въ случаѣ несогласія судей съ обѣихъ сторонъ назначался третейскій судъ: „А о чемъ судьи наши сопрутся, нии зовутся на третей, а берутъ себѣ третьего, изъ моихъ бояръ В. Князя двy бояриновъ, а исъ твоихъ, брате, болшего боярина одиного, а воимепустъ третьего тотъ, хто ищетъ, а тотъ беретъ, на комъ ищутъ: а не изберутъ собѣ судьи третьего исъ тѣхъ трехъ бояриновъ, ино имъ третей язъ Князь Велики, нии придутъ передъ меня передъ В.

Князя, и мнѣ имъ велѣти брати исъ тѣхъ же трехъ бояриновъ третьего, на которыхъ ся звали; а не всхочетъ тотъ, на комъ искали, исъ тѣхъ трехъ бояриновъ третьего, на кого ся звали, и мнѣ В. К. того обвинити, и велѣти на томъ доправити." Третій не могъ назначаться изъ другаго В. Княжества, напр. если дѣло шло между подданными удѣловъ Московскаго В. Княжества, то третій не могъ быть избранъ изъ Рязанскаго В. Княжества [1]. Касательно Московскаго суда В. Князь договаривался съ удѣльнымъ: „А судовъ ти Московскихъ безъ моихъ намѣстниковъ не судити, а язъ иму Московскыи судъ судити; тѣмъ ми съ тобою дѣлити. Или: „А городьскихъ судовъ и становыхъ, что къ городу тянеть, того ми безъ твоего намѣстника не судити; ни тобѣ безъ нашихъ намѣстниковъ не судити" [2].

---

[1] А обидному всему межи нас судъ и исправа; а о чемъ ся судьи наши сопрутъ, ини собѣ третьего изберутъ въ нашей отчинѣ въ В. Княженьи, а исъ земли вонъ на третей ся не зовутъ.

[2] Въ договорахъ В. Князей съ Великими же имѣло мѣсто слѣдующее условіе, касательно суда: „А намъ Князем Великимъ въ суды вопчие не въступатися: а судьямъ нашимъ сѣсти судити, целовавъ крестъ въ правду, по целованью. А что ся учинитъ межи нас наше дѣло Князей Великыхъ, и намъ отъслати Бояръ, и съѣхавъся учинятъ изправу; а чего не могутъ управити, о чемъ ся сопрятъ, ини едутъ на третей: а на кого помолвитъ третей, и виноватый передъ правымъ поклонит-

Относительно хановъ, В. Князь предоставлялъ себѣ исключительное право *знать Орду*, т. е. удѣльные князья должны были давать ему со всѣхъ удѣловъ дань, которую онъ и отвозилъ въ Орду. Издержки ордынскія, которыя поднимали всѣ князья сообща, были слѣдующія: 1) *Ордынская тягость*, т. е. количество денегъ, даваемое въ выходъ, или дань; это количество денегъ опредѣлялось или въ завѣщаніяхъ князей при распредѣленіи удѣловъ между сыновьями, или въ послѣдующихъ договорахъ между братьями, напр. Донской пишетъ въ завѣщаніи: „А коли дѣтямъ моимъ взяти дань на своей отчинѣ,

---

ца, а взятое отдастъ; а не отдастъ, ино у него отняти, а то не въ измѣну. А рати не замышляти; а третей межи насъ хто хочетъ, тотъ воименуетъ три князи крестьяньские: а на комъ ищутъ, тотъ себѣ изъберетъ изъ трехъ одиного; а судьи наши вопчии о чемъ сопрутся, ино имъ третей по томужъ.“ — Подробности: „А суженого не посужати; а татя, розбойника, грабежника, душегубца гдѣ имуть, туто судятъ; а иметь ся просити на изводъ, ино его на изводъ пустити. А кто иметъ холопа или должника, а поставитъ передъ Волостелемъ, въ томъ ему вины нѣтъ; а выведетъ изъ волости, а передъ Волостелемъ не поставитъ, въ томъ ему вина. А холопъ и роба почнетъ ся тягати съосподаремъ, а пошлеться на правду, а не будетъ по холопѣ и по робѣ поруки, ино ихъ выдати осподарю, а по должникѣ не будетъ поруки, ино его обинити; а пошлины съ семьи три алтына, а зъ головы алтынъ; а кой ся не иметъ тягати, съ того пошлины нѣтъ.

чѣмъ есмь ихъ благословилъ, и сынъ мой князь Василей возметъ съ своего удѣла съ Коломны и со всѣхъ Коломенскихъ волостей триста рублевъ и сорокъ и два рубли. А Князь Юрьи взметъ съ Звенигорода и со всѣхъ Звенигородскихъ волостей двѣстѣ рублевъ и семъдесятъ рублевъ и два рубли. А Князь Андрѣй возметъ съ Можайска и т. д. Такъ какъ количество выхода не было опредѣлено, а зависѣло или отъ прихоти Хановъ, или отъ различныхъ отношеній къ нимъ В. Князей, то слѣд. и количество дани съ удѣловъ должно было измѣнятться; вотъ почему въ договорахъ князья обыкновенно прибавляютъ: „а прибудетъ ли, убудетъ ли, ино по розочту." Уже начиная съ Димитрія Донскаго встрѣчаемъ постоянно въ договорахъ условіе, что если Богъ освободитъ отъ Орды, и не будетъ болѣе выхода, то деньги, собираемыя съ удѣловъ, будутъ идти въ казну ихъ князей. Съ словомъ *дань* въ договорахъ постоянно соединяется другое слово — *ямъ*: „дань и ямъ, а коли придетъ дань или ямъ;" „А дань и ямъ давати ти мнѣ съ своее отчины изъ Галича съ волостьми по давному.... а перемѣнитъ Богъ Орду, не иму давати Татаромъ, и тобѣ имати дань и ямъ съ своее отчины собѣ [1]." Какъ *дань* происходитъ отъ *давать*, такъ *ямъ* происходитъ отъ *имать*, *смло*. 2) *Проторъ*, издержки, употребляемыя В. Князьями для поѣздки въ Орду, подарковъ Хану, Ханшамъ,

---

[1] С. г. г. и д. т. I, стр. 87.

Князьямъ Ордынскимъ и Мурзамъ, для пріема пословъ и т. д. Когда между В. Княземъ и удѣльнымъ было нелюбье, и послѣдній принужденъ былъ выѣзжать изъ своей отчины и не пользовался доходами съ нея, то по заключеніи мира, удѣльный князь выговаривалъ, чтобъ съ него не брать Татарскихъ проторей, которымъ подвергался В. Князь во время отсутствія удѣльнаго изъ отчины своей. Равно удѣльный князь не обязанъ былъ участвовать въ тѣхъ Татарскихъ проторяхъ, которыя В. Князь понесъ для полученія ярлыка на собственные примыслы, и на оборотъ, В. Князь не участвовалъ въ издержкахъ удѣльнаго, которыя тотъ понесъ для примысловъ къ своему удѣлу [1]. 3) *Долгъ*. Часто В. Князья для удовлетворенія требованіямъ изъ Орды, должны были занимать деньги; долгъ раздѣлялся на бесерменскій, т. е. деньги, занятыя въ самой Ордѣ у купцовъ Бесерменскихъ и вообще у иностранцевъ, и долгъ Русскій, деньги, занятыя у Русскихъ подданныхъ [2]. По

---

[1] Такъ въ договорѣ В. К. Василія Димитріевича съ дядею Владиміромъ Андреевичемъ читаемъ: „А что Ординьская тягость и Коломеньскій посолъ, коли еси былъ въ своей отчинѣ, а то намъ по розочту; а Володимерьскіи послы, какъ ты выѣхалъ изъ своеѣ отчины, а тотъ ти проторъ не надобѣ. А пайду собѣ Муромъ или Торусу, или ипая мѣста, тотъ ти проторъ не надобѣ: а что тобѣ Богъ дасть иныхъ мѣстъ, опричь Мурома и Торусы, а тотъ проторъ намъ не надобѣ.

[2] Стр, 102: А что есмь занялъ у гостей и суконниковъ шесть сотъ рублевъ, да заплатилъ есмь въ твой долгъ

когда прекратилась ордынская тягость, и тогда В. Князья не переставали требовать съ удѣльныхъ денегъ не въ выходъ уже, но для содержанія служебныхъ Татарскихъ царевичей. Касательно Татарскихъ нашествій и завоеваній, въ договорахъ и духовныхъ грамотахъ встрѣчаемъ условіе: если Татары отнимутъ у одного изъ братьевъ какую нибудь волость, то долженъ имѣть мѣсто новый дѣлежъ, для вознагражденія князя, потерявшаго волость.

При заключеніи мирныхъ договоровъ между князьями одного В. Княжества, имѣли мѣсто слѣдующія условія: все взятое въ непріятельскомъ удѣлѣ во время розмирья возвращалось сполна, кромѣ съѣстнаго и пограбленнаго во время битвы у плѣнниковъ; если же взявшіе не отдавали добровольно, то имѣли мѣсто судъ и исправа [1]. Плѣнники также возвращались безъ выкупа; если они были отданы на поруки, или даны были на нихъ кабалы, или взято съ нихъ крестное цѣлованіе, то поруки сводились, кабалы уничтожались и крестное цѣлованіе снималось. Иногда В. Князь требовалъ, чтобъ удѣльный выку-

---

въ Ординской Резѣпъ-Хозѣ, да Абину въ кабалы, и на кабалахъ есмь то серебро подписалъ: и тобѣ съ мене тотъ долгъ ту шесть сотъ рублевъ сняти, а съ тѣми гостьми вѣдатися тобѣ опрочь мене самому; а мнѣ тобѣ тѣхъ сказати, у кого есмь то серебро заимывалъ.

[1] А что мои люди грабили Бояръ твоихъ, или и пятцевъ твоихъ, или людей твоихъ опрочь бою, ино то отъдати: а не отъдадутъ, ино тому судъ и исправа, опроче съѣстного."

нилъ плѣнниковъ, проданныхъ за границу княжества, и возвратилъ ихъ ему. [1] Управленіе намѣстниковъ и волостелей, сидѣвшихъ въ областяхъ, отнятыхъ въ непріятельскомъ удѣлѣ, долженствовало, по заключеніи мира, быть предано разсмотрѣнію, и если окажется, что они взяли что-нибудь несправедливо, то должны возвратить [2]. Иногда впрочемъ князья условливались, чтобъ все пограбленное во время войны было предано съ обѣихъ сторонъ забвенію [3].

Въ заключеніе мы должны обратить вниманіе на положеніе женщины въ княжескомъ семействѣ касательно владѣнія собственностію. Умирающій князь обыкновенно завѣщалъ вдовѣ своей извѣстныя волости *до ея живота*, а по смерти ея этѣ волости переходили или къ старшему сыну, или къ тѣмъ сыновьямъ, изъ удѣловъ которыхъ онѣ были выдѣлены. Но въ каждомъ удѣлѣ были села *княгининскія пошлыя*, постоянно назначавшіяся на содержаніе женѣ князя; эти села, по смерти князя, находились во владѣніи

---

[1] Стр. 95: А кто будетъ того полону запроданъ за рубежъ или индѣ гдѣ, и тебѣ тотъ полонъ выкупити весь безъхытростно, да отдати мнѣ В. Князю.

[2] А что мои Намѣстници и Волостели и посельскии и ихъ тивуни вѣдали твою отчину и села Боярскии въ твоей отчинѣ, и о томъ намъ отослати по Бояриңу, и они о томъ учинятъ исправу; что будетъ взято право, то остало; а что будетъ взято криво, то отдати по исправѣ. стр. 87.

[3] А что были межи насъ въ наше нелюбие войны и грабежи, или дани иманы, или гдѣ что взято и положеное, и тому погребъ на обѣ сторонѣ.

у вдовствующей княгини до тѣхъ поръ , пока старшій сынъ ея женится, и тогда она должна была передать ихъ своей снохѣ [1]. Кромѣ селъ княгининскихъ пошлыхъ, и волостей , которыя князь давалъ княгинѣ своей до ея живота, онъ давалъ ей иногда волости въ полное владѣніе, съ правомъ распоряжаться ими какъ хочетъ , завѣщать ихъ кому хочетъ : такія волости назывались *опришниною* [2]. Равно княгиня могла покупать волости или дѣлать примыслы, и этими примыслами располагать по произволу [3]. Во всѣхъ своихъ участкахъ княгиня была полною, независимою владѣтельницею, пользовалась всѣми тѣми пра-

---

[2] А што села княгининские пошлые , то ее и есть ; а вѣдаетъ тѣ села пошлые княгининские дотоле княгиня моя, доколѣ дастъ Богъ женится сынъ мой , а потомъ ина дастъ тѣ села сына моего княгинѣ , своей сносѣ , которые были издавна за княгинями.

[3] Слово: „опричнина“ явилось на сѣверѣ въ слѣдствіе разрушенія родоваго быта и уничтоженія понятія объ общей родовой собственности ; опричнина употребляется иногда въ смыслѣ удѣла, который принадлежитъ князю въ полную , отдѣльную собственность и противополагается великокняжеской области Владимірской , переходящей къ старшему въ родѣ, на пр. Св. Михаилъ Тверской говоритъ Юрію Московскому: „Оже далъ царь тебѣ великое княженіе то и азъ отступаюся тебѣ. Княжи на великомъ княжении. Но въ мою *опришнину* (т. е. въ Тверь) не въступаися. (Воскрес. II, стр. 282).

[4] А што ее примыслъ, въ томъ волна , по душѣ ли дастъ, сыну ли дастъ; да къ тому ей даю *вопришнину* два села (имярекъ), въ тѣхъ дву селѣхъ такъ же волна , по душѣ ли дастъ, сыну ли дастъ.

вами, какія имѣли и удѣльные князья [1]. Всѣ князья— братья сообща должны были заботиться о боярахъ княгини матери своей [2].

---

[1] А исъ тѣхъ волостей и съ селъ, што есмъ писалъ княгинѣ своей, хто ся иметъ жаловати на Волостелей, или на тиуповъ, или на посельскихъ, или на доводщиковъ, то судитъ княгини моя, или кому прикажетъ; а сыну моему князю въ тѣ суды не вступатися. А перемѣнитъ Богъ Татаръ, и княгини моя емлетъ съ тѣхъ волостей и съ селъ дань себѣ; а сыну моему князю Ивану также въ ту дань не вступатися. А коли придетъ дань или ямъ, и княгини моя дастъ съ тѣхъ волостей и съ селъ по розочту, што ся иметъ." Или: „Далъ есмь ей Лужу и со всѣми слободами и съ волостьми и съ околицами и съ селы и зъ бортью, съ тамгою и съ мыты и съ озеры и со всѣми пошлипами.... А на мытниковъ и на таможниковъ дѣти мои на Городецькихъ матери своей приставовъ своихъ не даютъ, ни судятъ ихъ, мытниковъ своихъ и таможниковъ судитъ ихъ княгини моя: а въ мытъ и въ тамгу дѣти мои не вступаются ни каковыми дѣлы.... А судитъ княгини моя удѣлъ свой и тѣ села и Бояре свои сама, а дѣти мои въ то не вступаются.... А учинится въ Луже душегубство или въ волостехъ въ Лужевьскихъ и въ слободахъ и въ околицахъ удѣла княгини моей, и тѣ душегубства потянутъ къ Луже; а дѣти мои въ тѣ душегубства не вступаются."

[2] А кто учнетъ Бояръ служити моей княгинѣ, а тѣхъ Бояръ дѣти мои блюдите съ одиного.

ГЛАВА II.

Исторія княжескихъ отношеній при Іоаннѣ Калитѣ.

Иванъ Калита Московскій продолжаетъ поведеніе брата своего Юрія, т. е. будучи проникнутъ господствовавшею въ то время мыслію — усилить во чтобы-то ни стало свое княжество на счетъ другихъ, онъ примышляетъ къ своему владѣнію земли, дѣлаетъ это съ меньшимъ насиліемъ, но не съ меньшею пользою и прочностію. Кто пріобрѣтаетъ, тотъ дорожитъ своимъ пріобрѣтеніемъ и не рискуетъ имъ; такой характеръ бережливаго хозяина, который трепещетъ за свою собственность, за свои пріобрѣтенія, и потому избѣгаетъ мѣръ рѣшительныхъ, былъ необходимъ въ нашихъ князьяхъ въ слѣдствіе новаго порядка вещей, именно въ слѣдствіе понятія о собственности, въ слѣдствіе того, что всѣ сѣверные князья были собственниками: отсюда этотъ хозяйственный характеръ, господствующая мысль о пріобрѣтеніи и сбереженіи, избѣжаніе рѣшительныхъ мѣръ, которыя отличаютъ большинство сѣверныхъ князей, и преимущественно князей Московскихъ, отъ Даніила до Іоанна III, послѣдняго князя—хозяина и перваго

государя. Разумѣется, что такой хозяйственный характеръ сѣверныхъ князей лишенъ той прелести, того блеска и благородства, которыми отличался характеръ князей южныхъ, героевъ, предводителей дружинъ, которые не сбирали себѣ ни золота, ни серебра, но все раздавали дружинѣ — и расплодили Русскую землю. Точно, наши древніе князья своею отвагою, своею безпокойною дѣятельностію расплодили Русскую землю, намѣтили границы ея Европейской государственной области, неутомимо пробѣгая ея пустынныя пространства, строя города, прокладывая пути чрезъ лѣса и болота, населяя степи, соединяя расточенное народонаселеніе: но здѣсь и оканчивается ихъ благодѣтельная дѣятельность, ибо прочности, крѣпости всему этому они дать не могли по своему характеру; для этого необходимъ былъ хозяйственный характеръ сѣверныхъ князей — собственниковъ. Южные князья до конца удержали прежній характеръ, и южная Русь вѣками бѣдствій должна была поплатиться за это, и спаслась единственно съ помощію сѣверной Руси, собранной и сплоченной умнымъ хозяйствомъ князей своихъ.

Я сказалъ, что большинство сѣверныхъ князей отличалось этимъ хозяйственнымъ характеромъ; были исключенія: къ нимъ принадлежалъ Александръ Михайловичь Тверской, князь храбрый и благородный, но далеко непредусмотрительный и покорный первому внушенію. Такой соперникъ не могъ быть опасенъ Калитѣ, и торжество Москвы было безспорно; но еще прежде Иванъ постарался упрочить это торжество. Въ

1299 году Митрополитъ Максимъ оставилъ опустошенный Кіевъ, гдѣ не могъ найти безопасности, и перешелъ на жительство во Владиміръ. Послѣдній городъ былъ столицею Великихъ, или сильнѣйшихъ князей только по имени, каждый изъ нихъ жилъ въ своемъ наслѣдственномъ городѣ: однако пребываніе Митрополита во Владимірѣ, при тогдашнемъ значеніи и дѣятельности духовенства, сообщало этому городу видъ столицы болѣе, чѣмъ преданіе и обычай. Послѣ этого ясно, какъ важно было для какого-нибудь города, стремившагося къ первенству, чтобъ Митрополитъ утвердилъ въ немъ свое пребываніе: это необходимо давало ему видъ столицы всея Руси, ибо единство послѣдней поддерживалось въ это время единымъ Митрополитомъ: мало того, способствовало его возрастанію и обогащенію, ибо туда со всѣхъ сторонъ стекались лица, имѣвшія нужду до Митрополита, какъ въ средоточіе церковнаго управленія; наконецъ Митрополитъ необходимо долженъ былъ дѣйствовать постоянно въ пользу того князя, въ городѣ котораго имѣлъ пребываніе. Калита умѣлъ [1] пріобрѣсть расположеніе Св. Митрополита Петра, такъ что этотъ святитель живалъ въ Москвѣ больше, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ [2], умеръ и погребенъ въ

---

[1] Никон. III, 136: И бяше убо веселие непрестанно посреди обоихъ духовное, князю убо во всемъ послушающу, и честь велию воздающу отцу своему.

[2] Тамъ же, стр. 135: И зѣло возлюби его (Калиту) божій святитель, и начатъ болше інѣхъ мѣстъ жити во градѣ томъ.

ней. Гробъ Св. мужа былъ для Москвы столь же драгоцѣненъ, какъ и пребываніе живаго святителя; выборъ Петра казался внушеніемъ Божіимъ; разнеслось пророчество его о будущемъ величіи Москвы, и новый Митрополитъ Ѳеогностъ уже не хотѣлъ оставить гроба и дома чудотворцева; другіе князья хорошо видѣли важныя послѣдствія этого явленія и негодовали [1], но помочь было уже нельзя.

Въ то время, какъ Московскій князь сдѣлалъ въ престолѣ митрополичьемъ такое пріобрѣтеніе для своего княжества, которое было важнѣе многихъ областей, Александръ Тверской легковѣріемъ своимъ погубилъ себя и все княжество. Въ 1327 году явился въ Тверь посолъ ханскій, именемъ Шевкалъ, или Щелканъ (какъ называютъ его наши лѣтописцы), племянникъ Узбека, и, по обыкновенію всѣхъ пословъ Татарскихъ, позволялъ себѣ и людямъ своимъ всякаго рода насилія. Вдругъ въ народѣ разнесся нелѣпый слухъ, что Шевкалъ хочетъ погубить В. Князя со всѣмъ семействомъ, а жителей обратить въ Магометанство. Я назвалъ этотъ слухъ нелѣпымъ, ибо Татары отличались вѣротерпимостію, необыкновеннымъ уваженіемъ ко всякой чужой религіи и никогда не были ревнителями Магометанства. Извѣстно, что они получили отъ Чингисъ-Хана пред-

---

[1] Никон. III, 139, 140: Инымъ же княземъ многимъ не много сладостно бѣ, еже градъ Москва митрополита имяше в себѣ живуща.

писанія, носящія имя Тун-джинъ, или Яса-Намэ, т. е. Книги Запретовъ, гдѣ Темучинъ предписывалъ терпимость и уваженіе ко всѣмъ религіямъ вообще. Въ слѣдствіе этого Монгольскіе Ханы были всегда окружены людьми всѣхъ вѣръ, которые свободно отправляли свое богослуженіе; въ Сараѣ Русская церковь имѣла свое епископство; Русское духовенство пользовалось большими правами, данными ему отъ Хановъ. Узбекъ, по приказу котораго долженъ былъ дѣйствовать Шевкалъ, покровительствовалъ христіанамъ въ Кафѣ, позволилъ католическому монаху Іонѣ Валенсу обращать въ христіанство Ясовъ и другіе народы по берегу Чернаго моря; онъ же, какъ видѣли, выдалъ сестру свою за Юрія Московскаго и позволилъ ей креститься [1]. Изъ всего приведеннаго легко усмотрѣть, какъ неоснователенъ былъ слухъ, разнесшійся въ Твери о намѣреніяхъ Шевкала; но Александръ вполнѣ ему повѣрилъ; онъ созвалъ гражданъ, вооружился и пошелъ на Шевкала, цѣлый день бились съ остервененіемъ, къ вечеру Тверичи одолѣли, Шевкалъ бросился въ домъ князя Михаила, гдѣ былъ сожженъ вмѣстѣ съ остальными Татарами, даже купцы восточные, пришедшіе съ ними были истреблены [2]. Можно было предвидѣть, что Узбекъ не оставитъ этого дѣла безъ мести. Зная соперничество

---

[1] См. Изслѣдованіе В. Григорьева: о достовѣрности ярлыковъ, данныхъ Ханами Русскому духовенству. стр. 50.

[2] Никон. III, 137, 138.

между князьями Тверскими и Московскими, зная также лично Ивана, который уже бывалъ въ ордѣ, Ханъ послалъ за нимъ [1]. Калита понялъ, объ чемъ идетъ дѣло, и отправился немедленно; понялъ свое положеніе и несчастный Александръ, и послалъ въ Новгородъ просить убѣжища; Новгородцы отказали сыну злѣйшаго врага своего, и приняли намѣстниковъ Калиты, котораго братья такъ ревностно бились за ихъ выгоды [2]. Иванъ возвратился изъ орды съ 5 темниками (50,000 войска), присоединилъ къ себѣ князя Суздальскаго, и пошелъ на Тверь. Вся область была страшно опустошена, и это опустошеніе было одною изъ причинъ, почему Тверь послѣ не могла успѣшно бороться съ Москвою [3]. Александръ убѣжалъ во Псковъ, братья его въ Ладогу. Опустошивъ Тверское княжество, Иванъ отправился въ орду. Однако Ханъ не былъ доволенъ однимъ опустошеніемъ Александровыхъ областей: онъ отдалъ ихъ брату его Константину (доказательство, что Татары ничего не перемѣняли изъ стараго), а Калитѣ велѣлъ отыскать Александра и прислать въ орду. Въ слѣдствіе этого приказа Калита, вмѣстѣ съ другими князьями—Тверскимъ и Суздальскимъ и съ Новгородцами двинулся ко Пскову; послы В. Князя и В. Новгорода явились къ Александру съ убѣжденіями идти въ орду: „луч-

---

[1] Тамъ же, 138.
[2] Новгор. стр. 74.
[3] Тамъ же, 139: Вся земля Тверская пуста, і вся быша лѣсы и пустыни непроходимые.

ше тебѣ одному пострадать, чѣмъ губить всю Русскую землю," говорили они. Александръ отвѣчалъ горькими словами: „Правда, я долженъ пострадать за всѣхъ; но и всѣмъ вамъ надобнобы было единодушно стоять другъ за друга, за Русскую землю и за православіе, а вы вмѣсто того наводите Татаръ и братію свою предасте имъ [1]." Благородные Псковитяне не могли стерпѣть, чтобъ Александръ пошелъ отъ нихъ на явную смерть; сдружившись съ опасностію въ безпрестанныхъ битвахъ съ Нѣмцами и Литвою, Псковитяне пріобрѣли это благородство, это высокое умѣнье жертвовать благому дѣлу собственною корыстью и спокойствіемъ; они сказали Александру: „не ходи въ орду за напрасною смертью, но сиди во Псковѣ, а мы всѣ за тебя головы свои сложимъ." Тогда союзные князья начали совѣтоваться, какъ помочь дѣлу: имъ страшна была рѣшительность Псковитянъ, имъ страшны были сосѣдніе Нѣмцы, съ которыми въ крайности Псковитяне могли соединиться; [2] наконецъ придумано было средство: князья уговорили Митрополита Өеогноста наложить церковное запрещеніе на Псковитянъ. Тогда Александръ объявилъ на вѣчѣ, что не хочетъ подвергать гражданъ святительскому проклятію, и удалился

---

[1] Никон. III, 152.

[2] Тамъ же, 153: аще поидемъ на князя Ал. Мих. Тверскаго и се Псковичи вси яшася за него всею крѣпостію, и обѣщеваются вси умрети за него; близъ же суть ихъ и Нѣмцы, и се имъ помощь.

въ Литву. Союзные князья были довольны такимъ окончаніемъ дѣла, и оставили Псковитянъ въ покоѣ.

Пробывъ полтора года въ Литвѣ, Александръ снова явился во Псковѣ, и граждане объявили его княземъ своимъ [1]. Но Александръ не могъ обѣщать себѣ безопасности во Псковѣ, ни Псковичи имѣть самостоятельнаго князя съ одиѣми своими силами, и потому рѣшились признать зависимость отъ могущественнаго уже тогда Гедимина, князя Литовскаго. Чтобъ разорвать совершенно связь съ Новгородомъ, Псковитяне съ Александромъ и Гедиминомъ хотѣли имѣть особаго епископа, на что однако митрополитъ Θеогностъ никакъ не хотѣлъ согласиться [2]. 10 лѣтъ княжилъ Александръ во Псковѣ, но тосковалъ по своей родной Твери, особенно видя, что Псковъ, по формамъ своего быта, не могъ быть наслѣдственнымъ княжествомъ для сыновей его; касательно же родной области онъ зналъ старый обычай, что дѣти изгнаннаго князя лишаются наслѣдства [3]. Въ 1337

---

[1] Псков. лѣтоп. изд. Погод. стр. 21.

[2] Новгород. стр. 75. Пріидоша послове изъ Плескова отъ князя Александра, и отъ Гидимона послове, и отъ всѣхъ князей Литовьскыхъ къ митрополиту, и приведоша съ собою Арсенія, хотяще его поставити на владычество въ Плесковъ, а Новагорода не творя ничимъ, възнесъ бо ся высокоуміемъ своимъ, нъ Богъ и святаа Софія низлагаетъ всегда высокомыслящихъ, зане Плесковичи измѣнили крестное цѣлованіе къ Новугороду, посадили себѣ князя Александра изъ Литовскіа руки.

[3] Никон. III, 163: Князь великіи Александръ Михаиловичь Тверскіі нача тужити и скорбѣти живя во Пско-

году Александръ явился въ ордѣ, удостовѣрившись прежде чрезъ сына Ѳеодора, что есть надежда на прощеніе. Ханы любили тщеславиться великодушіемъ, благосклонно принимали и отпускали славныхъ князей Русскихъ, Даніила Галицкаго, Александра Невскаго, тогда какъ гибелью ихъ могли болѣе укрѣпить свое господство въ Руси; Узбеку пріятно было видѣть Русскаго князя, смѣлаго истребителя Татаръ, теперь покорно молящаго о милости. Слова Александра, отзывавшіяся восточными понятіями, были способны тронуть варвара: „я сдѣлалъ много зла тебѣ, сказалъ ему Тверской князь, но теперь пришелъ принять отъ тебя смерть или жизнь, будучи готовъ на все, что Богъ возвѣститъ тебѣ [1].“ Узбекъ сказалъ окружавшимъ: „князь Александръ смиренною мудростію избавилъ себя отъ смерти,“ и позволилъ ему возвратиться въ Тверь снова на великокняжескій (т. е. Тверской) столъ; братъ его Константинъ не смѣлъ ослушаться Хана и уступилъ княжество.

Возвращеніе Александра служило знакомъ къ возобновленію борьбы между Москвою и Тверью; непримиримая, родовая вражда не могла уснуть въ Александрѣ. Скоро встрѣчаемъ въ лѣтописи извѣстіе, что

вѣ, глаголя сице: приму смерть здѣ, что убо ми будеть и дѣтямъ моимъ! видять бо вси языцы, яко отбежа княжения своего и смерть прия, и тогда дѣти мои лишени будуть княжения своего.

[1] Тамъ же.

Тверской князь не могъ поладить съ Московскимъ и незаключили они между собою мира [1]. Еще прежде видимъ, что бояре Тверскіе отъѣзжаютъ отъ Александра къ Ивану [2]. Послѣдній видѣлъ, что споръ могъ кончиться только гибелью одного изъ нихъ, и рѣшился предупредить противника. Въ 1339 году Калита отправился съ 2 сыновьями въ орду, и тотчасъ Александръ получилъ приказъ явиться тудаже; этотъ зовъ послѣдовалъ *думою* Калиты, говоритъ лѣтопись [3]. Александръ предпочелъ смерть вторичному изгнанію, отправился въ орду и былъ тамъ убитъ, вмѣстѣ съ сыномъ [4]. Иванъ остался безъ соперника.

---

[1] Тамъ же, стр. 164.

[2] Никон. III, 164: Тогожъ лѣта (1336) отъѣхаша бояре многи от князя Александра Михаиловича Тверскаго на Москву к Великому Князю Івану Даниловичу. Карамз. IV, гл. IX: Вѣроятно, что Александръ, бывъ долгое время внѣ отчизны, возвратился туда съ новыми любимцами, коимъ старые Вельможи завидовали. — Догадка вполнѣ, по нашему мнѣнію, справедливая: это явленіе объясняется мѣстничествомъ: новые бояре Александровы *заѣхали* старыхъ Тверскихъ.

[3] Новгор. стр. 79.

[4] Татищевъ (IV, 136) приводитъ извѣстіе еще о другихъ виновникахъ гибели Александровой: „Бывшу же Александру Михайловичу въ Нѣмцахъ и Литвѣ, многіи истязаху отъ него многіе дары и обѣты прирѣкающе ему помогати, но ничто полезно ему сотвориша. И онъ издавъ имѣнія своя живяще во странѣ чужихъ въ веліемъ убожествѣ и нищетѣ. И егда пріятъ отъ Хана княженіе Тверское, ничьею, но токмо божескою помощію и своею мудрою кротостію, тогда тіи Нѣмцы и Литовстіи вельможи прошаху отъ него обѣтовъ. Онъ же яко вѣдый се-

Мы видѣли, что князья хорошо понимали, къ чему поведетъ усиленіе одного княжества на счетъ другихъ, при исчезновеніи родовыхъ отношеній, и потому старались препятствовать этому усиленію, составляя союзы противъ сильнѣйшаго. Что предугадывали они, то и случилось. Московскій князь, ставши силенъ и безъ соперника, спѣшилъ воспользоваться этою силою, чтобъ примыслить сколько можно болѣе къ своей собственности. Начало княженія Калиты было, по выраженію лѣтописца, началомъ насилія для другихъ княжествъ, гдѣ Московскій собственникъ распоряжался своевольно. Горькая участь постигла знаменитый Ростовъ Великій; три раза проигралъ онъ свое дѣло въ борьбѣ съ презрѣнными пригородами, и хотя послѣ перешелъ, какъ собственность, какъ опричнина въ родъ старшаго изъ сыновей Всеволодовыхъ, однако не помогло ему это старшинство безъ силы: ни одинъ изъ Константиновичей Ростовскихъ не держалъ стола великокняжескаго, ни одинъ слѣд. не могъ усилить свой наслѣдственный Ростовъ богатыми примыслами, и скоро старѣйшій изъ городовъ сѣверовосточныхъ долженъ былъ испытать насилія отъ младшаго изъ пригородовъ: „отъялась отъ князей Ростовскихъ власть и княженіе, имущество, честь и слава!“ [1] говоритъ лѣтописецъ.

бѣ неповинна и неимуща что дати, разорено бо еще бѣ княженіе его, отказа имъ, а иныхъ проси да подождутъ до исправы. Тіи же шедше во орду начаша Хану Азбяку жаловатися и клеветати на князя Александра.

[1] Никон. IV, 204.

Пріѣхалъ съ Москвы бояринъ, именемъ Василій, прозвищемъ Качева, да съ нимъ еще другой Миняй, и не было конца гоненіямъ, которыя должны были претерпѣть отъ нихъ граждане: самые первые бояре не были пощажены, и многіе изъ нихъ должны были выселиться изъ роднаго города [1]. Историкъ не можетъ принять вполнѣ этого извѣстія: онъ слышитъ здѣсь только одинъ голосъ обвиняющій, и не имѣя оправданій со стороны обвиненнаго, не можетъ приступить къ суду безпристрастному. Впрочемъ насилій со стороны Москвы не могло не быть, ибо не могло быть добровольнаго, тихаго подчиненія старыхъ, независимыхъ княжествъ одному изъ самыхъ младшихъ городовъ. Со стороны утѣсненныхъ князей также не обошлось безъ сопротивленія. Такъ В. К. встрѣтилъ врага

---

[1] Никон. IV, 204, 205. Егда внидоста во градъ Ростовъ тогда возложиста велику нужу на градъ, да и на вся живущая в немъ, и гонение много умножись, и не мало ихъ отъ Ростовецъ Москвичемъ имѣния своя съ нужею отдаваху, а сами противу того раны на телеси своемъ со укоризною взимающе, и тщима рукама отхожаху, иже послѣдняя бѣдства образъ; яко не токмо імѣния обнажения быша но и раны наплоти своей подъяша, и язвы жалостно на себѣ носиша и претерпѣша. И что подобаетъ много глаголати толико дерзновенна надъ Ростовомъ содѣяша, яко и самого того епарха градскаго, старѣишаго боярина Ростовского именемъ Аверкия стремглавъ обѣсиша, і возложиша на ня руце свои, и оставиша поругана точию жива, и бысть страхъ великъ на всѣхъ слышащихъ сия, не токмо во граде Ростове, но и во всѣхъ предѣлехъ его і во властехъ, і в сѣлѣхъ......... и Ростовския ради нужа и насилования и злобъ разбегошась людие мнози.

въ зятѣ своемъ, Василіѣ Давидовичѣ Ярославскомъ, который, видя, какою гибелью грозитъ усиленіе Москвы другимъ княжествамъ, взялъ сторону Александра Тверскаго и помогалъ ему въ ордѣ [1]. Чѣмъ кончилась эта вражда, неизвѣстно; знаемъ только, что Василій былъ вызванъ Ханомъ вмѣстѣ съ Александромъ, но что возвратился благополучно изъ орды, и пережилъ Калиту. По смерти Александра и Тверь не избѣжала насилій Москвы: такъ въ 1338 году Калита велѣлъ снять отъ св. Спаса колоколъ и привезти въ Москву [2].

Въ 1340 году умеръ Калита [3]. Знаменитый хозяинъ, богатый собственникъ, онъ долженъ былъ распорядиться своею собственностію, своими примыслами, оставить завѣщаніе. И точно до насъ дошли двѣ духовныя грамоты Ивана Даниловича, обѣ писаны въ 1328 году [4]. Всѣ братья Калиты, которыхъ было четверо, [5] умерли прежде него и безъ потомства, слѣд. онъ могъ приказать сыновьямъ своимъ все Московское княжество со всѣми старыми примыслами. Между 3 сыновьями и женою подѣлилъ

---

[1] Новгор. стр. 79. Ходи князь велики Иванъ въ орду, его же думою приславше Татарове, позваша Александра, и Василіа Давыдовича Ярославскаго, и всѣхъ князеи, въ орду. Князь же Александръ послалъ бѣ преже себе въ орду сына своего Ѳеодора, чаа оттолѣ вѣсти; и присла по него царь и поиде въ орду, и Василій Ярославскіи, пань же посла князь Иванъ, тесть его, въ 5-сотъ перенимать, нъ отбися ихъ.

[2] Никон. III, 170.

[3] О прозвищѣ Калита см. Карамз. IV, примѣч. 321.

[4] С. г. г. и д. т. I, N 21 и 22.

[5] Юрій, Александръ, Аѳанасій, Борисъ.

Калита свое движимое и недвижимое имѣніе: старшему Семену отдано 26 городовъ и селеній, въ числѣ которыхъ примыслы Юрія Даниловича — Можайскъ и Коломна; второму сыну Ивану, 23 города и селенія, изъ нихъ главные Звѣнигородъ и Руза; третьему Андрею 21 городъ и селеніе, изъ нихъ извѣстнѣе Серпуховъ; княгинѣ съ меньшими дѣтьми опять 26. Здѣсь замѣчательно, что величина удѣловъ слѣдуетъ старшинству, слѣд. самый старшій и матеріально сильнѣе, при томъ города его значительнѣе, напр. Можайскъ былъ прежде особымъ княжествомъ; притомъ княгиня вдова, какъ увидимъ изъ послѣдующихъ завѣщаній, пользовалась удѣломъ своимъ по жизнь, а по смерти ея онъ переходилъ къ старшему же сыну [1].

---

[1] Калита купилъ Угличь, Бѣлозерскъ и Галичь; но ни въ духовной самого Ивана, ни въ духовныхъ сыновей его эти прикупы не упоминаются, и только уже Донской говоритъ о нихъ, какъ о куплѣ дѣда своего. — Карамзинъ (IV, гл. IX) дѣлаетъ предположеніе, что эти прикупы принадлежали не къ Москвѣ, но къ Великому Княженію! Но какъ могъ Калита прикупать къ В. Княженію, которое вовсе непринадлежало въ собственность его роду, и по смерти его могло перейти къ князю Тверскому или Нижегородскому? это значило бы обогащать другихъ князей на свой счетъ. Дѣло объясняется тѣмъ, что Калита купилъ эти города у князей, но оставилъ еще имъ нѣкоторыя права владѣтельныхъ, подчиненныхъ однако В. К. Московскому, а при Димитріѣ Донскомъ они были лишены этихъ правъ. Самъ же Карамзинъ (примѣч. 327) говоритъ, что въ 1339 году Бѣлозерскій князь, вмѣстѣ съ Александромъ Тверскимъ, ѣздилъ въ орду, и что Галицкій князь Димитрій былъ изгнанъ изъ этого удѣла Димитріемъ Донскимъ.

ГЛАВА III-я.

Исторія княжескихъ отношеній при Симеонѣ Гордомъ.

По смерти Калиты всѣ Русскіе князья отправились въ орду; Ханъ объявилъ Симеона Московскаго В. Княземъ Владимірскимъ; благодаря усиленію Москвы это уже не былъ теперь пустой титулъ, но чего опасались князья еще со временъ Мстислава Храбраго, то исполнилось: они перестали быть родичами, и стали подручниками: „и всѣ князи Русскіе подъ руцѣ его даны [1].“ Мы видѣли, что съ уничтоженіемъ родоваго единства, всѣ старшіе князья отдѣльныхъ родовъ необходимо принимаютъ титулъ великихъ, который именно и означалъ только старшаго въ извѣстномъ родѣ; Симеонъ, князь Московскій и Владимірскій, взявъ подъ свои руки всѣхъ другихъ князей великихъ, называетъ уже себя В. Княземъ всея Руси, и такимъ образомъ отдѣляетъ родовыя понятія отъ государственныхъ, оставляетъ другимъ князьямъ названіе великихъ, но себѣ беретъ титулъ начальника не рода княжескаго, но всей Русской зем-

---

[1] Воскр. II, 312; Соф. врем. I, 324.

ли, государства. И прежніе сильные духомъ В. Князья повелѣвали младшими, которые должны были ѣздить подлѣ ихъ стремени и приходить по первому зову, но тогда они повиновались какъ дѣти отцу; теперь В. Князь Симеонъ требуетъ безусловнаго повиновенія, но требуетъ какъ государь, и тяжко было для князей подобное повиновеніе: они прозвали Симеона Гордымъ. Есть извѣстіе, [1] что Симеонъ, созывая князей для извѣстныхъ цѣлей своихъ, напоминалъ имъ, что Русь была только тогда сильна и славна, когда князья безпрекословно повиновались старшему, и что теперь только такимъ же безпрекословнымъ повиновеніемъ ему, Симеону они могутъ надѣяться освобожденія отъ Татарскаго ига; но князья знали разницу между прежними и настоящими отношеніями, знали, къ чему поведетъ такая покорность. Говорятъ, [2] что Симеонъ и личнымъ характеромъ своимъ былъ способенъ возбудить почтеніе, умѣлъ остеречься отъ того гнуснаго порока, который былъ тогда общимъ, отъ пьянства, и не терпѣлъ его въ другихъ; ненавидѣлъ крамолу и неправду, и строго наказывалъ за нихъ; онъ умѣлъ пріобрѣсть уваженіе и тѣмъ, что довольный богатымъ наслѣдствомъ, не собиралъ всякими средствами имѣнія, но расточалъ его на выкупъ плѣнныхъ; мало того, Симеонъ хотѣлъ показать князьямъ, что они могли только выиграть, при-

---

[1] Татищ. IV, 146.
[2] Тамъ же, стр. 175.

знавъ себя его подручниками, такъ напр. исходатайствовалъ въ ордѣ для раззореннаго Тверскаго княженія свободу не платить дани Монголамъ [1].

Княженіе Симеона не обильно событіями: при немъ не было сильныхъ междоусобій, ибо князья не могли тронуться изъ страха предъ В. Княземъ всея Руси; при немъ не было Татарскихъ нашествій, ибо Ханы и князья Ордынскіе чтили молодаго, но умнаго князя Московскаго: 5 разъ ходилъ Симеонъ въ орду, и всякой разъ приходилъ оттуда „со многою честію и съ пожалованіемъ". Только въ 1351 году лѣтописецъ упоминаетъ о походѣ Симеона къ Смоленску, кончившемся скорымъ миромъ, причины неизвѣстны: вѣроятно Смоленскій князь не хотѣлъ признать себя подручникомъ Московскаго [2]. Я сказалъ, что въ княженіе Симеона Русь не испытала ни кровавыхъ усобицъ, ни Татарскихъ нашествій; но за то въ 1352 году явилась страшная язва, подъ именемъ Черной смерти, которая опустошила Русскія области сильнѣе, чѣмъ междоусобія и Моголы; въ 1353 г. она поразила въ Москвѣ Митрополита Θеогноста, самого В. Князя, двоихъ сыновей его и брата Андрея Ивановича. Симеонъ умеръ еще очень молодъ, 36 лѣтъ; онъ также оставилъ завѣщаніе, въ которомъ отказалъ удѣлъ свой и все движимое и не-

---

[1] Герберштейнъ у Старчевскаго: Historiae Ruthenicae Scriptores exteri t. I, p. 7.
[2] Никон. III, 195.

движимое имущество женѣ, по смерти которой все это перешло къ брату Симеонову, В. Князю Ивану Ивановичу: это явленіе важно въ томъ отношеніи, что два удѣла Московскаго княжества соединились въ одинъ и такимъ образомъ сдѣлали В. Князя Ивана вдвое сильнѣе. Третій сынъ Калиты, Андрей, умеръ въ одно время съ Симеономъ, и уже по смерти его родился сынъ, знаменитый послѣ Владиміръ; по новому понятію объ отдѣльной собственности послѣрожденный младенецъ вполнѣ получилъ удѣлъ отца своего, но, разумѣется, не могъ имѣть притязаній на удѣлъ дяди Симеона [1]. Въ завѣщаніи Симеона любопытно слѣдующіе наставленіе братьямъ, изъ котораго оказывается осѣдлость бояръ, въ слѣдствіе новаго порядка вещей, явленіе старыхъ отцовскихъ бояръ, которыхъ мы такъ мало видимъ прежде [2]: „А по отца нашего благословенью, что намъ прика-

---

[1] Кажется у Симеона оставался малолѣтный сынъ, который скоро умеръ; это видно изъ слѣдующихъ словъ завѣщанія: „Приказываю своей братьѣ свою княгиню и своего ...... — С. г. г. и д. т. I, № 24.

[2] Лѣтописецъ упоминаетъ объ отцовскихъ боярахъ какъ о рѣдкомъ, чрезвычайномъ явленіи; такъ, описывая сношенія Святослава Ольговича съ Юріемъ Долгорукимъ, лѣтописецъ говоритъ: „и бысть къ велику дни на веребницю, и ту преставися добрый старечь Петръ Ильичь, иже бѣ отца его (Святослава) мужь." (Ипатьев. 29). Также, говоря о воеводѣ Всеволода III, Дорожаѣ, лѣтописецъ прибавляетъ: „то бо бяшеть ему отнь слуга." (Тамъ же, 125). Вотъ всѣ случаи, гдѣ лѣтописецъ упоминаетъ объ отцовскихъ боярахъ!

залъ жити за одинъ, такожe и язъ вамъ приказываю своей братьи жити за одинъ; а лихихъ бы есте людей не слушали, и хто иметь васъ сваживати, слушали бы есте отца нашего Владыки Олексѣя, также старыхъ бояръ, хто хотѣлъ отцю нашему добра и намъ. А пишу вамъ се слово того дѣля, чтобы не перестала память родителей нашихъ и наша, и свѣча бы не угасла". Еще замѣчательнѣе для насъ другая грамота, оставшаяся отъ княженія Симеона— это договоръ его съ братьями. Теперь, когда родовая связь рушилась, являются договоры даже между родными братьями, знакъ, что они уже не смотрятъ болѣе на себя, какъ на братьевъ, уже не вѣрятъ родственному союзу, видятъ другъ въ другѣ отдѣльныхъ владѣльцевъ. Насъ не обманутъ здѣсь выраженія изъ міра прошедшаго: такъ въ началѣ договора младшіе братья обѣщаются чтить Симеона „во отцево мѣсто". Младшіе родичи постоянно требуютъ поддержанія прежнихъ родовыхъ отношеній, мы увидимъ, что они будутъ требовать этого до самого пресѣченія Рюриковой династіи; но уже то одно обстоятельство, что они заключаютъ договоръ со старшимъ, показываетъ тщету ихъ требованій. Прежде князья не иначе называли другъ друга, какъ братъ, отецъ, сынъ: въ нашемъ договорѣ младшіе братья, обѣщая, что будутъ имѣть Симеона во отцево мѣсто, не смѣютъ однако, или не хотятъ, или, скажу болѣе, не умѣютъ назвать его: *отче*, но: *Господине, Князь Великій!* Младшіе братья болѣе всего толкуютъ о собственности, о своемъ участкѣ, чтобы

старшій не обидѣлъ, чего не отнялъ у нихъ, также: „кто изъ насъ что примыслилъ или прикупилъ, или кто по семь что кто прикупить или примыслить чужее (къ) своимъ волостемъ, и того блюсти, а не обидѣти." Каждый слѣд. предоставляетъ себѣ право дѣйствовать отдѣльно, прикупать и примышлять собственно для себя, къ своему участку.

Показавъ отношенія въ родѣ Калиты, мы должны обратиться къ другимъ родамъ княжескимъ, въ которыхъ происходятъ также любопытныя явленія. По смерти Александра Тверскаго, столъ его занялъ по старому братъ Константинъ Михайловичь; но если племянники, по новому, не медлили вооружиться противъ дядей, то и послѣдніе, съ своей стороны, спѣшили предупредить племянниковъ: такъ Константинъ Михайловичь началъ тѣснить вдову Александрову и сына Всеволода Холмскаго; замѣчательно средство, избранное имъ для этого утѣсненія: онъ угнѣталъ бояръ и слугъ ихъ. Всеволодъ Александровичь, не могши сносить этого, ушелъ сперва въ Москву, къ Симеону, а потомъ въ Орду; Константинъ отправился за нимъ вслѣдъ тудаже, но умеръ прежде рѣшенія дѣла. Всеволодъ получилъ ярлыкъ; но другой дядя (четвертый), Василій Михайловичь Кашинскій не захотѣлъ подчиниться племяннику; въ отсутствіе послѣдняго онъ захватилъ дани въ Холмскомъ удѣлѣ и отправился съ ними къ Хану, въ надеждѣ золотомъ перебить ярлыкъ у Всеволода; на дорогѣ оба соискателя встрѣтились, и племянникъ

ограбилъ дядю, слѣд. сдѣлалъ поѣздку его въ Орду невозможною [1]. Можно догадаться, что вражда между Тверскими князьями этимъ не кончилась: „И сотворися межи ими нелюбие, и мало кровопролития не бысть межи ихъ, а людямъ Тверскимъ (сотворися) тягость, и мнози люди Тверския того ради нестроенія разыдошася [2]." Въ 1348 году Тверскому Епископу Ѳеодору удалось примирить князей; тронутый его увѣщаніями племянникъ уступилъ великое княженіе дядѣ (четвертому!): „И пріѣха во Тверь князь Василей Михаиловичь на великое княженіе, и нача жити съ братаничемъ своимъ со княземъ Всеволодомъ Александровичемъ Холмскимъ тихо, и кротко, и мирно; въ любви мнозе. И поидоша к нимъ людие отвсюду во грады ихъ, во власти и во всю землю Тверскую, и умножишась людіе и возрадовашась радостію великою [3]." Я нарочно привожу собственныя слова лѣтописца дабы показать, въ какомъ броженіи находилось тогда общество: когда князья начинаютъ ссориться, люди стремятся вонъ изъ ихъ области; когда мирятся, приходятъ снова, кочуютъ изъ одного княжества въ другое; ясно, какія огромныя толпы людей бездомныхъ должны были образоваться въ это время, которые привыкли къ жизни кочевой, къ бездомовью, ко внѣобщественному положенію: отсюда усиленіе козачества. Ясно также, что при этихъ безпрерыв-

---

[1] Никон. III, 184, 185.
[2] Тамъ же 190, 191.
[3] Никон. III, 191, 192.

ныхъ насиліяхъ и отъ своихъ и отъ чужихъ, народъ отвыкалъ отъ собственности, отъ удобствъ жизни, скрывалъ имущество, становился самъ скрытнымъ и дикимъ; женщина, спасаясь отъ оскорбленія, запиралась въ отдаленные покои, не выходила изъ дому, не по восточному, не по греческому обычаю, но единственно въ слѣдствіе необходимости скрыться отъ оскорбленій; женщины дичали запертыя въ теремахъ, мужчины дичали въ слѣдствіе ихъ отсутствія, — и между тѣмъ такъ сильна была общественная связь, въ основаніи которой лежало христіанство, что, не смотря на всѣ препятствія, общество не распалось, но претерпѣло до конца и спаслось. Даже въ самыхъ бѣдствіяхъ, описанныхъ нами, которыя принуждали гражданъ къ безпрестаннымъ переселеніямъ, были свои выгоды для общества: эти переселенія, эти движенія уничтожали мѣстныя, областныя различія, областныя народности, уничтожали враждебныя отношенія между жителями разныхъ княжествъ; вотъ одна изъ причинъ, почему разныя княжества такъ легко примкнули къ Московскому, почему сопротивленіе было только со стороны князей, никогда со стороны народонаселенія.

Любовь и миръ между дядею и племянникомъ были непродолжительны; какъ скоро въ 1351 году Василій Михайловичь получилъ подтвержденіе отъ Хана, такъ началъ опять тѣснить племянника: „и нача братанича своего обидити чрезъ докончаніе, и бояръ его и слугъ его тягостию данною оскорбля-

ти, и бысть межи ихъ неимовѣрство и нелюбие, по бесовскому злодѣйству" [1]. Посредничество св. Митрополита Алексѣя не помогло несчастному Всеволоду, равно какъ и поѣздки въ Орду; онъ былъ выданъ Ханомъ дядѣ: „И бысть князю Всеволоду отъ дяди его томление велие, покаже (?) и бояромъ его и слугамъ, и продажа, и грабление велие на нихъ; такоже и чернымъ людемъ даннаяя продажа велия [2]." Подобныя отягощенія были для сильныхъ князей самымъ лучшимъ средствомъ принуждать области слабыхъ князей къ отложенію отъ нихъ, что увидимъ и послѣ. Не одно впрочемъ Тверское княжество было сценою подобныхъ явленій: они повторялись вездѣ, ибо вездѣ родовая связь рушилась, и каждый князь стремился къ усиленію себя на счетъ другихъ, во что бы то ни стало, не разбирая средствъ. Еще въ 1339 году встрѣчаемъ у лѣтописца извѣстіе, что одинъ изъ Ольговичей, князь Козельскій Андрей Мстиславичь былъ убитъ племянникомъ своимъ Васильемъ Пантелеичемъ [3]. Въ Рязанскомъ княжествѣ двѣ линіи князей — Рязанскихъ и Пронскихъ враждовали другъ съ другомъ. Князь Рязанскій Иванъ Коротополъ, происходя изъ старшей линіи, считалъ себя въ правѣ быть единственнымъ В. Княземъ и знать Орду исключительно предъ другими; но князь Пронскій Александръ Михайловичь хотѣлъ

---

[1] Никон. III, 196.
[2] Тамъ же, 211.
[3] Воскр. II, 310.

быть также старшимъ, или В. Княземъ въ своемъ родѣ и знать Орду независимо отъ князя Рязанскаго. Въ 1340 году Иванъ Коротополъ, возвращаясь изъ Орды, встрѣтилъ Александра Пронскаго, отправлявшагося тудаже съ выходомъ, ограбилъ его, привелъ въ Переяславль Рязанскій и тамъ предалъ смерти [1]. Въ 1342 году сынъ убитаго Александра, Ярославъ Пронскій выхлопоталъ себѣ ярлыкъ на Рязань и выгналъ Коротопола, который однако послѣ опять овладѣлъ Рязанью и былъ убитъ тамъ, неизвѣстно кѣмъ [2]. Ему наслѣдовалъ сынъ его, знаменитый Олегъ Ивановичь.

---

[1] Никоп. III, 170.
[2] Тамъ же, 178:

ГЛАВА IV-я.

Исторія княжескихъ отношеній при Іоаннѣ Іоанновичѣ.

Событія, описанныя нами въ концѣ предыдущей главы, не имѣли мѣста въ Московскомъ княжествѣ при наслѣдникѣ Симеона. Въ началѣ онъ встрѣтилъ себѣ соперника въ князѣ Суздальскомъ Константинѣ, который также пошелъ въ Орду за ярлыкомъ на великое княженіе Владимірское. Какое право имѣлъ Константинъ, хотя бы даже по стариннымъ родовымъ счетамъ? Правда, онъ былъ троюродный братъ Калитѣ, слѣд. дядя сыновьямъ его; но такое старшинство и прежде было недѣйствительно, если оно ограничивалось извѣстными обстоятельствами, которыя здѣсь имѣли мѣсто. Андрей Ярославичь похитилъ старшинство и былъ свергнутъ Невскимъ, по смерти послѣдняго В. Княземъ не былъ, сынъ его Василій также: но мы знаемъ, что если отецъ не былъ старшимъ въ родѣ, то сынъ считался постоянно младшимъ и неспособнымъ къ наслѣдованію старшинства [1]. Слѣд. Константинъ Суздальскій не-

---

[1] Карамзинъ (IV, примѣч. 302) упоминаетъ о лѣтописи въ Синодал. библ. XV в., N 349, л. 226., гдѣ говорится,

калъ В. Княженія не по старому, но по новому порядку вещей, т. е. всякій князь имѣлъ право въ томъ случаѣ, если былъ богатъ и силенъ, богатъ, чтобъ купить ярлыкъ, силенъ, чтобъ поддержать себя противъ соперника. Для покупки ярлыка Суздальскій князь былъ довольно богатъ не собственными средствами, а Новгородскою помощію; однако Московскій князь былъ щедрѣе, и ярлыкъ отданъ ему. Но ни князь Суздальскій, ни Новгородцы не хотѣли обращать вниманія на ярлыкъ: Константинъ примирился съ Иваномъ только въ 1354 году; тогда же и Новгородцы приняли намѣстниковъ Московскихъ.

Княженіе Ивана II-го замѣчательно также продолженіемъ вражды съ Рязанью. Мы видѣли, что эта вражда началась при Даніилѣ насильственнымъ движеніемъ со стороны Москвы, захваченіемъ городовъ и князя, потомъ убійствомъ послѣдняго при сынѣ Даніиловомъ. Только что умеръ Симеонъ, какъ Рязанцы начали съ своей стороны наступательныя движенія и захватили Лопасню: здѣсь въ первый разъ

что Узбекъ подѣлилъ между Александромъ Васильевичемъ Суздальскимъ и Иваномъ Калитою, при чемъ Владиміръ достался первому, и уже по смерти его перешелъ къ В. К. Московскому.—Это извѣстіе очень подозрительно, ибо у Александра не было никакихъ правъ на Владиміръ; здѣсь можетъ имѣть мѣсто только одно предположеніе, а именно, что Калита уступилъ Владиміръ на время Александру, чтобъ имѣть въ немъ союзника противъ опаснѣйшей Твери, и точно мы видимъ, что Александръ постоянно ходитъ съ войскомъ Калиты.

упоминается молодой князь ихъ, знаменитый Олегъ Ивановичь. Лопасня и 6 другихъ мѣстъ были потеряны: вмѣсто Лопасни Владиміру Андреевичу данъ Новый Городокъ на устьѣ Поротли; [1] но этотъ уронъ былъ вознагражденъ другими пріобрѣтеніями въ Рязанской области, что видно изъ словъ Ив. Ив. въ завѣщаніи: „А что ся ми достали мѣста Рязаньская на сей сторонѣ Оки, и съ тыхъ мѣстъ далъ есмь князю Владимеру въ Лопастны мѣста, Новыи городокъ на усть Поротли; а иная мѣста Рязаньская отъмѣньная сыномъ моимъ, подѣлятся на полы безъ обиды.“

Всего замѣчательнѣе княженіе Ивана слѣдующимъ въ Москвѣ происшествіемъ: мы имѣли уже случай говорить, что въ слѣдствіе осѣдлости князей бояре должны были пріобрѣсть бо́льшее значеніе въ княжествѣ; по тойже самой причинѣ и Тысяцкій, какъ членъ княжеской дружины, какъ бояринъ,

---

[1] См. завѣщаніе Ив. Ив. См. также договорную грамоту Олега Рязанскаго съ Димитріемъ Донскимъ въ 1381 году, С. г. г. и д. т. I, N 32: А что на Рязаньской сторонѣ за Окою, что доселе потягло къ Москвѣ, Почепъ, Лопастна, уѣздъ Мьстиславль, Жадѣне городище, Жадемль, Дубокъ, Бродничь съ мѣсты, какъ ся отступили князи Торускіе Ѳедору Святославичю, та мѣста къ Рязани.“ Здѣсь выраженіе: „доселе потягло къ Москвѣ“ означаетъ, что Донской снова присоединилъ ихъ къ Москвѣ; князья Торускіе и Ѳедоръ Святославичь были повѣренные, первые со стороны Москвы, второй со стороны Рязани, которые заключили мирный договоръ при Иванѣ.

пріобрѣлъ важное значеніе на сѣверо-востокѣ. Теперь, при осѣдлости князей и переходѣ княжества отъ отца къ сыну, Тысяцкій получилъ возможность отправлять свою важную должность при нѣсколькихъ князьяхъ сряду безъ смѣны, слѣд. будучи посредникомъ между княземъ и городовымъ народонаселеніемъ, имѣлъ возможность пріучить народъ къ себѣ, пріобрѣсть его расположеніе не только для себя, но и для потомства своего, почему князья назначали въ Тысяцкіе сына умершаго чиновника для удовольствія народнаго: отсюда наслѣдственность должности въ одномъ домѣ [1]. Ясно что такая сила

[1] Пріѣхавъ исъ Чернигова въ Тверь Борисъ Ѳедоровичъ, прозвище ему было Половой; и былъ въ Твери бояринъ, у Бориса сынъ Ѳедоръ и тотъ во Твери бояринъ же былъ, у Ѳедора сынъ Михайло Шетенъ, а во Твери былъ Тысяцкой, у Михайла сынъ Константинъ Шетневъ, а во Твери былъ Тысяцкой же. А у Константина дѣтей: Иванъ Шетневъ, тотъ былъ во Твери Тысяцкой же. (Москвит. 1843 г., N I.) — Тысяцкій былъ мужъ изъ дружины князя, назначался княземъ; быть назначену отъ князя Тысяцкимъ выражалось: *принять отъ князя тысячу* (Ипатьев. 180). Что Тысяцкій былъ мужъ изъ дружины князя, видно изъ слѣдующаго мѣста (Соф. врем. I,120:) „А се уставилъ Великый князь Владимеръ Всеволодичь Манамахъ, по Святополцѣ созвавъ *дружину* свою на Берестовомъ: Ратибора Тысячьского Кіевскаго, и Прокопія Тысячьского Бѣлогородьского, Станислава Тысячьского Переяславльскаго“ Если граждане брали отъ извѣстнаго князя его Тысяцкаго, то это значило, что они передаются этому князю. Будучи предводителемъ городоваго ополченія на войнѣ, Тысяцкій и во время мира сохранялъ важное значеніе среди гражданъ, былъ какъ бы посредникомъ между ними и княземъ: такъ мы видимъ что князь посылаетъ тысяцкаго на вѣче съ извѣс-

могла быть опасна прежде всего другимъ боярамъ, которыхъ вліяніе стѣснялось вліяніемъ Тысяцкаго, а потомъ могла быть опасна и самой власти княжеской: отсюда интересъ бояръ, равно какъ интересъ самого князя требовалъ уничтоженія сана Тысяцкаго. Въ описываемое нами время должность Московскаго Тысяцкаго отправлялъ знаменитый бояринъ Алексѣй Петровичъ; гордый народнымъ къ себѣ расположеніемъ, онъ поднялъ крамолу противъ Симеона Гордаго, но былъ изгнанъ и лишенъ своихъ волостей; всѣ три брата—Симеонъ, Иванъ и Андрей поклялись не принимать въ свою службу мятежнаго боярина [1],

---

тыми предложеніями народу (Новгор. стр. 37). Князь, выходя изъ одной области въ другую, бралъ своего Тысяцкаго съ собою; могло случиться, что въ новомъ городѣ онъ находилъ стараго тысяцкаго, послѣ прежняго князя оставшагося; Тысяцкій, пришедшій съ новымъ княземъ, смѣнялъ стараго; но могло случиться, что князь, замѣтивъ, что прежній Тысяцкій пользовался расположеніемъ гражданъ, оставлялъ его на прежнемъ мѣстѣ, желая чрезъ то пріобрѣсть его расположеніе и вмѣстѣ расположеніе гражданъ, такъ напр. Игорь Ольговичь, по смерти брата своего В. К. Всеволода, сказалъ Тысяцкому Улѣбу: „держи ты тысячю, какъ еси у брата моего держалъ.“ (Ипатьев. 23'). Изъ особъ свѣтскихъ Тысяцкій, послѣ князя, игралъ первую роль въ городѣ: въ лѣтописи имена Тысяцкихъ упоминаются вмѣстѣ съ именами князей, напр. такое то событіе случилось при такомъ то князѣ, и при такомъ то Тысяцкомъ. Ипатьев. 33, Кёнигсберг. 129.

[1] С. г. г. и д. т. I, N 23: А что Олексѣ Петровичь вшелъ въ коромолу къ В. Князю, намъ князю Ивану и князю Андрѣю къ собѣ его не пріимати, ни его дѣтий, и не

и не смотря на то онъ является Тысяцкимъ при В. Князѣ Иванѣ. Зимою, 3 Февраля 1357 года, рано во время заутрень, тѣло Алексѣя Петровича было найдено на площади со всѣми признаками насильственной смерти. Никто не видалъ, какъ совершилось убійство, но слухъ шелъ, что бояре собирали на Тысяцкаго тайный совѣтъ и ковали ковы, и погибъ онъ отъ своихъ товарищей, общею всѣхъ думою, какъ погибъ Андрей Боголюбскій отъ Кучковичей [1]. Сильный мятежъ всталъ въ народѣ, озлобленномъ гибелью любимаго сановника, и большіе Московскіе бояре должны были отъѣхать въ Рязань съ женами и дѣтьми [2]. Самъ ли князь, оскорбленный злодѣяні-

---

надѣятись ны его къ собѣ до Олексѣева живота; волснъ въ немъ князь Великий, и въ его женѣ и въ его дѣтехъ А тобе господине К. В., къ собѣ его не приимати же въ бояре: а мнѣ князю Ивану, что далъ К. В. изъ Олексѣева живота, того ми Олексѣю не давати, ни его женѣ, ни его дѣтемъ, ни инымъ ничимъ не подмагати ихъ.

¹ Никон. III, 207. Карамз. IV, примѣч. 381: здѣсь слово *дружина* знач. товарищи, близкіе, т. е. бояре, какъ прямо говоритъ Никонов., а не дружина въ военномъ смыслѣ, что ввело въ заблужденіе Карамзина, который говоритъ: „Тысячскій столицы, важнѣйшій изъ чиновниковъ и подобно князю окруженный благородною, многочисленною дружиною."

² Никон. III, 207, 208: Убиение же его страшно и незнаемо и невѣдомо ни от кого же; точию обрѣтеся убиенъ лежа на площади егда завтреню благовѣстятъ. И нѣцыи глаголютъ о немъ, яко совѣтъ сей сотворися или отъ бояръ, или отъ иныхъ в таинѣ. И тако убиенъ бысть, якоже князь великии Андрей Боголюбскии от Кучковичевъ; и бысть мятежъ велии на Москвѣ того ради убии-

емъ, заставилъ удалиться бояръ, или уступилъ требованіямъ граждапъ, неизвѣстно; извѣстно только то, что въ слѣдующемъ году Иванъ перезвалъ къ себѣ опять изъ Рязани двоихъ бояръ [1].

Въ 1359 году умеръ Иванъ также еще очень молодъ, 33 лѣтъ, оставивъ 2 малолѣтныхъ сыновей, Димитрія и Ивана, и малолѣтнаго племянника Владиміра Андреевича. Слѣд. Московское княжество по смерти Ивана находилось точно въ томъ же положеніи, какъ и по смерти Калиты, а именно раздѣлялось на три участка: старшій сынъ Димитрій получилъ удѣлъ дяди Симеона, [2] младшій Иванъ уча-

---

ства. И тако тоеже зимы по послѣднемъ пути большии бояре Московстии отъѣхаша на Рязань з женами и з дѣтми.

[1] Тамъ же, 210: К. В. Ив. Ив. прииде изъ орды, и перезва к себѣ паки двy бояриновъ своихъ, иже отъѣхали были отъ него на Разань, Михаило и зять его Василеи Васильевичь.

[2] Но Симеонъ отказалъ свой участокъ женѣ своей Марьѣ, которая еще была тогда жива, какъ видно изъ завѣщанія Иванова, и владѣла многими мѣстами въ удѣлѣ Димитрія, почему сказано, что по ея смерти всѣ ея владѣнія переходятъ къ Димитрію; но она же, по завѣщанію мужа, должна была владѣть Можайскомъ и Коломною? Стало быть она уступила ихъ послѣ В. К. Ивану. Въ завѣщаніи послѣдняго упоминается еще о какойто княгинѣ Ульянѣ, послѣ которой владѣнія раздѣляются между Димитріемъ, Иваномъ и Владиміромъ, ибо на то была воля Калиты, т. е. Калита далъ кн. Ульянѣ волости съ тѣмъ, чтобы по ея смерти онѣ были раздѣлены между его сыновьями, а теперь онѣ долженствовали быть раздѣлены между ихъ потомствомъ. Карамзинъ (IV, стр.

стокъ отца своего Ивана, а двоюродный Владиміръ удержалъ волость отца своего Андрея. Но Иванъ скоро умеръ, и Димитрій опять соединилъ два участка; Владиміръ Андреевичь имѣлъ только одинъ участокъ отцовскій, борьба между братьями была невозможна, и Владиміръ долженъ былъ подчиниться распоряженіямъ Димитрія, какъ увидимъ въ послѣдствіи. Въ завѣщаніи В. К. Иванъ приказываетъ отчину свою Москву обоимъ сыновьямъ своимъ только, но Владиміръ Андреевичь удерживаетъ треть городскихъ доходовъ, какъ отеческое достояніе, ибо Андрей получилъ эту треть по завѣщанію Калиты.

Ранняя смерть Ивана, казалось, была гибельна для Москвы, ибо малютка сынъ его могъ ли хлопотать въ Ордѣ, могъ ли отбивать притязанія другихъ князей на Руси? И точно, когда всѣ князья явились въ Ордѣ и недоставало одного Московскаго, Ханъ отдалъ Великокняжескую Владимірскую область князю Суздальскому. По какому праву? мимо всѣхъ правъ: это явленіе было совершенно въ новомъ духѣ, ибо и по старымъ понятіямъ Владиміръ могъ принадлежать одному князю Московскому; князь Суздальскій получилъ его не по отчинѣ и не по дѣдинѣ, повто-

---

179) называетъ Ульяну женою Андреевою, что не можетъ быть принято, ибо Андрей женился въ 1343 году (Никон. III, 181), по смерти Калиты, слѣд. послѣдній не могъ распоряжаться дѣлами невѣстки, которой еще не было.

ряетъ лѣтописецъ [1]. Еще замѣчательнѣе здѣсь то, что выпросилъ у Хана ярлыкъ не старшій изъ Суздальскихъ — Андрей, но младшій Димитрій. Андрей, говоритъ лѣтописецъ, не захотѣлъ взять ярлыка, [2] Татищевъ прибавляетъ причину: Андрей говорилъ: [3] „доискиваться ярлыка — потратить только деньги, а потомъ, когда выростетъ законный наслѣдникъ, Димитрій Московскій, то надобно будетъ воевать съ нимъ; при томъ должно нарушить клятву, данную отцу его Ивану.“ Димитрій не былъ такъ уменъ: онъ поѣхалъ во Владиміръ и, чтобы упрочить его за собою, остался жить въ этой древней столицѣ великокняжеской. Но Москва не думала уступать. Бояре ея, которые въ продолженіе 3 княженій были боярами сильнѣйшихъ князей, князей всея Руси, не хотѣли сойти на низшую степень и старались достать ярлыкъ своему князю. Малютка Димитрій отправился въ Орду, но тамъ нельзя было ничего добиться при страшныхъ смятеніяхъ, когда одинъ Ханъ смѣнялъ другаго; Димитрій спѣшилъ возвратиться въ отечество. Скоро Орда раздѣлилась между двумя Ханами: Абдуломъ, именемъ котораго правилъ сильный темникъ Мамай, и Мюридомъ; Московскіе бояре отправили пословъ къ послѣднему, и онъ далъ ярлыкъ Димитрію. Есть извѣстіе, что за Московскаго

---

[1] Никон. III, 215; Татищ. IV, 188.

[2] Никон. тамъ же.

[3] Татищ. IV, 188.

князя ходатайствовали въ Ордѣ родственники его, князья Ростовскіе и Тверскіе [1], вѣроятно думавшіе, что гораздо безопаснѣе для нихъ видѣть на Владимірскомъ столѣ малютку, чѣмъ взрослаго. Тогда бояре посадили на коней всѣхъ трехъ малолѣтныхъ князей своихъ — Димитрія, Ивана и Владиміра, и выступили съ ними на Димитрія Константиновича. Послѣдній не могъ противиться Московскимъ полкамъ, и внукъ Калиты получилъ В. Княженіе Владимірское.

[1] Тамъ же, стр. 195.

ГЛАВА V-я.

Исторія княжескихъ отношеній въ юго-западной Руси.

Мы оставили знаменитое Галицкое княжество среди безпрестанныхъ войнъ и крамолъ боярскихъ, последовавшихъ за смертію Романа Великаго. Сыну его Даніилу удалось наконецъ утвердиться въ немъ; онъ оставилъ Червонную Русь, безопасную извнѣ, умиренную внутри, сыновьямъ своимъ: Льву, Шварну и Мстиславу, княжествомъ же Владиміро-Волынскимъ продолжалъ владѣть братъ Даніиловъ — Василько. Должно обратить вниманіе на это раздѣленіе. Мы видѣли, что Галицкое княжество было особнымъ владѣніемъ Ростиславичей, слѣд. не входило въ общую родовую собственность потомства Ярослава I-го. Отдѣленная этимъ самымъ отъ остальной Руси, и окруженная чуждыми государствами, въ которыхъ господствовалъ совершенно иной порядокъ вещей, область Галицкая необходимо, съ самаго начала, должна была имѣть свою особую исторію и не могла не подпасть чуждому вліянію. Семья Ростиславичей, отрѣзанная отъ рода Ярославова, не раз-

вилась сама въ родъ со всѣми тѣми отношеніями, какія мы видимъ на Руси. Владимірко Володаревичь, нудимый своимъ положеніемъ стремиться къ усиленію себя, отдѣлывается отъ родичей насильственными средствами и остается единовластителемъ. Это единовластительство передаетъ онъ сыну своему Ярославу Осмосмыслу, тотъ своему сыну: такимъ образомъ изначала Галичь привыкъ переходить отъ отца къ сыну. По пресѣченіи Ростиславовой линіи, имъ овладѣваетъ Романъ Волынскій: это его собственность, его примыслъ. По смерти Романа, послѣ страшныхъ войнъ и смятеній, онъ достается сыну его Даніилу, другой сынъ Василько получаетъ Волынь. Но Даніилу стоило тяжкаго труда утвердиться въ Галичѣ; онъ былъ его завоевателемъ, мало того, онъ былъ возобновителемъ, творцемъ своего княжества, слѣд. болѣе, чѣмъ отецъ Романъ, имѣлъ Даніилъ права смотрѣть на Галичь, какъ на свою собственность и не дѣлиться ею ни съ кѣмъ; при этомъ не должно упускать изъ виду, что Галичь и Волынь входятъ въ самыя тѣсныя сношенія съ западными государствами: Даніилъ ходилъ на западъ, въ Богемію, такъ далеко, какъ никто еще изъ его предшественниковъ, Даніилъ хотѣлъ пріобрѣсть сыну своему герцогство Австрійское посредствомъ брака на сестрѣ послѣдняго герцога, наконецъ Даніилъ принялъ новый, чуждый древней Руси титулъ короля (rex). Ясно, что при такихъ отношеніяхъ древне-русскія родовыя понятія должны были исчезнуть въ Галичѣ, и король Даніилъ не могъ смотрѣть глаза-

ми старинныхъ князей Русскихъ, но смотрѣлъ на право наслѣдттва, какъ смотрѣли на него короли сосѣдніе; народонаселеніе Галицкое также не могло смотрѣть иначе: бояре давно приняли характеръ чуждый, что доказываетъ быстрое ихъ ополяченіе, городское же народонаселеніе состояло преимущественно изъ Нѣмцевъ, Жидовъ и Армянъ, толпами стекавшихся въ богатую область. Такимъ образомъ тѣже самыя понятія о собственности, о преемствѣ отъ отца къ сыну, о правѣ завѣщанія, которыя явились въ сѣверовосточной Руси изнутри, развились изъ ея собственнаго организма, въ Галичѣ были занесены извнѣ, но привились и утвердились необходимо, въ слѣдствіе обстоятельствъ историческихъ. Такъ по смерти Даніила, сыновья его наслѣдуютъ области Галицкія, Василько остается на своемъ прежнемъ столѣ, и послѣ себя передаетъ его сыну своему Владиміру. Романъ Даниловичь, искатель Австрійскаго престола, умеръ, но другой братъ его, Шварнъ, также въ слѣдствіе брака на дочери князя Литовскаго получилъ богатое наслѣдство — Литву. Къ несчастію Шварнъ скоро умеръ бездѣтенъ, и Литва отложилась отъ Руси, выбравъ князей изъ своего народа. По смерти Шварна послѣдовало любопытное явленіе въ Галичѣ: Галицкій удѣлъ покойнаго достался весь старшему брату Льву, младшій Мстиславъ не получилъ ничего; но еще замѣчательнѣе поступилъ Владиміръ Васильковичь Волынскій: почувствовавъ приближеніе смерти, онъ завѣщаніемъ своимъ, прочитаннымъ всенародно въ церкви, отказалъ свое вла-

дѣніе младшему двоюродному брату Мстиславу, [1] мимо старшаго, слѣд. распорядился своею собственностію совершенно по произволу, точно такъ, какъ на сѣверѣ распорядился ею Иванъ Дмитріевичь Переяславскій. Мстиславъ умеръ бездѣтенъ, и сынъ Льва, Юрій соединилъ снова Галичь и Волынь, и потому назывался Rex Russiae, Princeps Lodomeriae; послѣ Юрія извѣстны сыновья его Андрей и Левъ, duces totius terrae Russiae, Galiciae et Lodomeriae; [2] послѣ нихъ Юрій—Казимиръ, Dux totius Russiae Minoris [3]. Юрій—Казимиръ умеръ бездѣтенъ въ 1337 году, и владѣнія его достались родственнику его Болеславу, князю Мазовецкому. Развратная жизнь Болеслава, его презрѣніе къ Руской народности и стремленіе ввести Латинство заставили Галичанъ отдѣлаться отъ него ядомъ; тогда Казиміръ Великій, пользуясь несогласіемъ Галичанъ касательно выбора князя, успѣлъ овладѣть Галиціею, а Волынь досталась вмѣстѣ съ остальною южною Русью князьямъ Литовскимъ, Гедиминова рода, къ исторіи котораго теперь и обратимся.

Изначала судьба Литвы была тѣсно связана съ судьбою Руси. Начиная со 2-й половины XIII вѣка, мы видимъ, что Литовскіе князья усиливаются

---

[1] Ипатьев. 213, 214, 215, 216, 218.
[2] Карамз. IV, примѣч. 268.
[3] См. Зубрицкаго—Повѣсть временныхъ лѣтъ Галицкой или Червоной Руси, переводъ съ Польскаго О. Бодянскаго, стр. 103.

въ Югозападной Руси, женятся на Русскихъ, принимаютъ Христіанство православнаго исповѣданія, окружаютъ себя Русскими боярами, [1] говорятъ Русскимъ языкомъ, однимъ словомъ совершенно русятся. Выше было упомянуто, что Литва, въ слѣдствіе прекращенія Миндовгова дома, перешла на время въ родъ князей Галицкихъ, но по смерти Шварна Даниловича отложилась и выбрала собственныхъ князей. Послѣдній изъ нихъ Витенъ бытъ убитъ конюшимъ своимъ Гедиминомъ, который похитилъ его власть, и началъ думать объ усиленіи своего рода надъ всѣми сосѣдними родами княжескими. Его обыкновенно называютъ завоевателемъ Русскихъ областей: какой же былъ характеръ этого завоеванія? Онъ заставилъ всѣхъ князей югозападной Руси, потомковъ Св. Владиміра, признать свое первенство точно такъ, какъ прежде они признавали первенство сѣвернаго князя Владимірскаго, и князья Литовскіе рода Гедиминова исполнили въ отношеніи къ югозападной Руси только то, что начали Юрьевичи Владимірскіе, т. е. сначала заставили южныхъ князей признать свое первенство, заставили признаться, что они не могутъ быть безъ нихъ, потомъ, мало по малу, привели ихъ въ подручническія отношенія, и наконецъ сдѣлали вполнѣ служебными, однимъ словомъ, родъ Гедимина относительно юго-западной Руси играетъ точно такую же роль, какую родъ князей Московскихъ играетъ от-

[1] Ипатьев. 202.

носительно сѣверо-восточной: Литва собираетъ югозападную Русь точно такъ, какъ Москва собираетъ сѣверовосточную. Какъ здѣсь, такъ и тамъ родовой бытъ, господство родовыхъ отношеній между князьями рушится — здѣсь въ слѣдствіе преобладанія новыхъ городовъ и проникшаго оттуда понятія объ отдѣльной собственности, тамъ въ слѣдствіе того, что въ челѣ князей рода Св. Владиміра сталъ чуждый родъ Гедиминовъ, стремившійся къ пріобрѣтенію могущества, къ увеличенію своей собственности на счетъ другихъ владѣтельныхъ родовъ, и это же самое стремленіе не позволило Гедиминовичамъ утвердить Русскихъ родовыхъ отношеній и другъ къ другу: они видѣли, что для сохраненія пріобрѣтеннаго могущества необходимо постоянное сосредоточеніе власти въ рукахъ одного, и потому всегда сильнѣйшій изъ нихъ гналъ, истреблялъ братьевъ; сюда нужно прибавить еще могущественное вліяніе государственныхъ идей запада, съ которымъ Литовскіе владѣльцы съ самого начала вошли въ тѣсную связь.

Мы сказали, что Литовскіе князья имѣютъ для югозападной Руси тоже самое значеніе, какое князья Московскіе для сѣверовосточной, т. е. значеніе собирателей земли Русской; но какъ скоро обѣ Руси собрались въ два сильныя тѣла, то необходимо должны были вступить въ борьбу между собою; трудно, невозможно было разъединить, разнять на двѣ половины страну, единую по своему географическому положенію, происхожденію народа, его языку, вѣрѣ,

исторіи; князья Литовскіе и Московскіе хорошо понимали невозможность дѣлежа, и потому, принявши оба титулъ князей Русскихъ, тѣмъ самымъ вызвали другъ друга на отчаянный бой: Эта борьба между обѣими половинами Руси началась, какъ и слѣдовало ожидать, при сынѣ Гедимина Олгердѣ, и сынѣ Калиты — Симеонѣ Гордомъ, князѣ всея Руси. Любопытно, что лѣтописцы наши приписываютъ обоимъ соперникамъ почти одинакія похвальныя качества, въ обоихъ прославляютъ необыкновенную по тому времени трезвость и дѣятельность неусыпную въ дѣлахъ правленія, чему приписываютъ ихъ силу и то уваженіе, которое питали къ нимъ другіе князья и города [1]. Олгердъ началъ наступательное движеніе на сѣверовосточную Русь: въ 1341 году, въ первый годъ вступленія своего и Симеонова на отцовскіе престолы, Олгердъ явился подъ Можайскомъ, опустошилъ окрестности, посадъ, но города взять не могъ [2]. Скоро Олгердъ съ братомъ Кестутіемъ вздумали захватить владѣнія другихъ братьевъ; Наримантъ Гедиминовичь принужденъ былъ бѣжать въ Орду, другой, Евнутій въ Москву, гдѣ и крестился [3]. Такимъ образомъ мы видимъ, что князья Литовскорусскіе, тѣснимые сильнѣйшимъ, перебѣгаютъ въ Москву, а Восточнорусскіе князья и бояре въ Литву; явленіе

---

1 Никон. III, 174; Татищ. IV, 175.
2 Никон. III, 174.
3 Тамъ же, 182.

для насъ не новое: ибо и прежде имѣлъ мѣсто безпрерывный переходъ князей, бояръ и городовъ то къ южнымъ, то къ сѣвернымъ сильнѣйшимъ князьямъ. Олгердъ, котораго великому коварству удивляются лѣтописцы, чувствуя, что еще нельзя однѣми собственными силами подчинить себѣ Московскую Русь, вздумалъ сгубить ея В. Князя съ Татарскою помощію. Въ 1349 году онъ отправилъ брата своего Коріада къ Хану возбуждать его противъ Симеона Московскаго. Послѣдній, узнавъ объ этомъ, тотчасъ послалъ сказать Хану: „Олгердъ опустошилъ твои улусы и вывелъ ихъ въ плѣнъ; теперь тоже хочетъ сдѣлать и съ нами, твоимъ вѣрнымъ улусомъ, послѣ чего, усилившись непомѣрно, возстанетъ и на тебя самого." Ханъ былъ столько уменъ, что понялъ всю справедливость словъ Симеоновыхъ, задержалъ Коріада и выдалъ его князю Московскому [1]. Олгердъ присмирѣлъ на время и отправилъ пословъ въ Москву съ дарами и челобитьемъ, прося освободить брата: Симеонъ исполнилъ просьбу. Мало того, оба брата, Олгердъ и Любартъ, женатые и прежде на княжнахъ Русскихъ, но овдовѣвшіе, въ одинъ годъ прислали къ Симеону просить за себя двухъ его родственницъ, Любартъ—племянницу, княжну Ростовскую, а Олгердъ свояченицу, княжну Тверскую. Симеонъ спросился Митрополита, и тотъ разрѣшилъ эти браки, имѣя въ виду пользу, какая могла произойти отъ нихъ для

[1] Тамъ же, 187.

православной югозападной Руси: [1] тамъ Любартъ Волынскій боролся съ Казимиромъ Польскимъ, который въ Галичѣ угнѣталъ православіе [2]. Между Русью Московскою и Литовскою находилось княжество Смоленское; однимъ изъ первыхъ примысловъ Москвы былъ Можайскъ, городъ этого княжества; Литва, съ своей стороны, смотрѣла на Смоленскъ, какъ на богатую добычу: для обѣихъ важно было не уступить его соперницѣ. Вотъ почему, когда Симеонъ съ огромною ратію двинулся къ Смоленску, Олгердъ отправилъ къ нему на встрѣчу пословъ съ богатыми дарами и уговорилъ оставить въ покоѣ Смоленскаго князя; Симеонъ *не оставилъ Олгердова слова*, говоритъ лѣтописецъ, ибо опасно было не уважить такого ходатая [3]. При наслѣдникѣ Симеона, Иванѣ, Олгердъ постоянно преслѣдовалъ свои планы касательно Смоленскаго княжества, не смотря на безпрестанныя родственныя связи съ князьями сѣверовосточной Руси [4]. Онъ завладѣлъ Брянскомъ, войско его заняло Ржевъ; [5] Тверичи и жители Можайска вытѣснили было оттуда Литовцевъ, но Олгердъ снова

---

[1] Никон. III, 192.

[2] Новгор: стр. 84.

[3] Никон. III, 195.

[4] Сынъ Константина Суздальскаго, Борисъ женился на дочери Олгердовой; В. К. Иванъ отдалъ дочь за Коріадова сына, Димитрія: Никон. III, 204, 206.

[5] Тамъ же, 207.

взялъ его, равно какъ два другіе города — Мстиславль и Бѣлый, и осаждалъ самый Смоленскъ [1]. Съ такимъ то сильнымъ и предпріимчивымъ врагомъ долженъ былъ бороться молодой Димитрій Московскій.

---

[1] Никон. III, 213.

ГЛАВА VI.

Исторія княжескихъ отношеній въ правленіе Димитріа Донскаго.

Димитрій Московскій, т. е. бояре его хотѣли угодить обоимъ Ханамъ, и потому приняли ярлыкъ и отъ соперника Мюридова; послѣдній[1], раздраженный такимъ колебаніемъ, прислалъ ярлыкъ снова Димитрію Суздальскому; тотъ обрадовался и занялъ опять Владиміръ, но Димитрій Московскій опять выгналъ его, преслѣдовалъ до Суздаля и заставилъ отказаться отъ своихъ притязаній. Освободившись отъ соперника, Димитрій началъ упрочивать себѣ успѣхъ и на будущее время, т. е. усиливать свое княжество примыслами: такъ присоединилъ онъ окончательно Ростовъ, Галичь, Стародубъ; изгнанные князья удалились къ Дмитрію Константиновичу Суздальскому [1], но время удачныхъ союю-

---

[1] Никон. IV, 5: Тогда вси князи отъѣхаша в Новгородъ нижнии ко князю Дмитрею Костянтиновичю, скорбяще о княженияхъ своихъ. О князьяхъ Ростовскихъ см. Арцыбашева п. о Р. II, примѣч. 795.

зовъ многихъ князей противъ Великаго прошло: Суздальскій князь два раза уже испыталъ силу Москвы, и не хотѣлъ отваживаться въ третій; онъ отказался даже отъ ярлыка, принесеннаго ему въ третій разъ въ 1365 году. Въ 1364 году страшный моръ опустошилъ почти всю Россію, истребивъ много князей, между прочимъ Ивана, брата князя Московскаго; тогда открылось любопытное зрѣлище: умирающіе князья завѣщаваютъ свои владѣнія — одинъ племяннику мимо дяди, другой младшему брату мимо старшаго [1]. Начались споры, и еще другое любопытное явленіе: обиженные князья требуютъ помощи и посредничества у князя Московскаго! Споръ князей Суздальскихъ рѣшили Московскіе полки тѣмъ, что оба брата подѣлились выморочнымъ удѣломъ третьяго [2], ибо Москва не хочетъ усиливать одного князя на счетъ другаго. Неужели молодой Димитрій самъ такъ умно поступалъ? Бояре,

---

[1] Симеонъ Константиновичь Тверской приказалъ свой удѣлъ двоюродному брату Михаилу Александровичу мимо дядей Михайловичей (Древ. лѣтоп. I, 240); Андрей Константиновичь Нижегородскій отдалъ удѣлъ младшему брату Борису мимо старшаго Димитрія. Никон. IV, 8, 9.

[2] Никон. IV, 10. Димитрій отдалъ Борису Городецъ, а себѣ взялъ Нижній. Какимъ образомъ Городецъ, стольный городъ Андрея Александровича, перешелъ къ Суздальскимъ князьямъ? Здѣсь два предположенія: 1) или они захватили его, пользуясь борьбою Московскаго князя съ Тверскимъ; 2) или Калита уступилъ его имъ, не желая имѣть и отсюда соперниковъ: точно такъ какъ уступилъ на время Владиміръ. см. выше.

умные отцовскіе слуги, которые дѣду нашему и отцу добра хотѣли, по выраженію Симеона Гордаго, бояре дѣйствуютъ за князя; но бояре дѣйствуютъ тайно, чрезъ князя: кто же явно дѣйствуетъ за Москву, кто является вездѣ на первомъ планѣ? Это духовенство, Митрополитъ, который живетъ въ Москвѣ. Митрополитъ посылаетъ св. пустынника Сергія къ Нижегородскому князю съ приказомъ явиться въ Москву на судъ, и когда тотъ отказывается, Сергій затворяетъ всѣ церкви въ Нижнемъ [1]. Такъ и въ спорѣ князей Тверскихъ Митрополитъ приказалъ разсудить соперниковъ Епископу Тверскому Василію, и тотъ оправдалъ племянника, сына старшаго брата предъ дядьми, по обычаю новому [2]. Но въ этомъ оправданномъ князѣ, Михаилѣ Александровичѣ, Димитрій Московскій скоро встрѣтилъ соперника, опаснѣйшаго, чѣмъ князь Димитрій Суздальскій; вступивъ въ бракъ съ дочерью послѣдняго, Московскій князь думалъ, что для него уже нѣтъ теперь соперниковъ, и замыслилъ докончить дѣло, начатое предками, привести всѣхъ Русскихъ князей въ свою волю: „Князь Великіи Димитрей Ивановичь заложи градъ Москву камену и начаша дѣлати безпрестани, и всѣхъ князей Русскихъ привожаше подъ свою волю, а которые не повиновахуся воле его и на тѣхъ нача посягати [3].“ Въ числѣ послѣднихъ былъ Михаилъ Александровичь Тверской: не желая уступить при-

[1] Никон. IV, 10.
[2] Тамъ же, 12.
[3] Тамъ же, 15.

тязаніямъ Московскаго князя, Михаилъ уѣхалъ за помощію къ Олгерду Литовскому, женатому на сестрѣ его. Тогда проигравшіе прежде свое дѣло дядья подняли головы; получивъ помощь отъ Димитрія Московскаго, они начали опустошать Михаиловы области, а епископъ Василій былъ позванъ въ Москву къ Митрополиту на судъ, за чѣмъ рѣшилъ дѣло въ пользу Михаила? „И тако на Москвѣ про тотъ судъ владыце Василью сотворися проторъ великъ, а во Твери житейскимъ людемъ нужно бысть [1].“ Пришелъ Михаилъ съ Литвою, и началъ новое опустошеніе; наконецъ дядья съ племянникомъ помирились. Мы уже и прежде имѣли случай говорить о бѣдствіяхъ, причиняемыхъ народу этими междоусобіями; они выводили изъ терпѣнія даже безстрастнаго лѣтописца, и заставляли его произносить гнѣвныя, но высокія слова; такъ, описывая примиреніе Тверскихъ князей, онъ прибавляетъ: „И радовахусь бояре ихъ, и вси вельможи ихъ, такожє гости и купцы и вси работники, людие роды и племяна Адамови; вси бо сии единъ родъ и племя Адамово, и цари и князи и бояре і вельможи и гости и купцы и ремественницы и работніи людіе, единъ родъ и племя Адамово; и забывшеся другъ на друга враждуютъ и ненавидятъ и грызутъ и кусаютъ отстояще отъ заповеди божиихъ, еже любити и искреннего своего яко самъ себѣ [2].“

---

[1] Тамъ же.
[2] Никон. IV, 16.

Примиреніе между Тверскими князьями было не надолго: скоро одинъ изъ дядей отъѣхалъ въ Москву. Тогда въ Москвѣ замыслили дурное дѣло: Михаилъ Тверской былъ позванъ туда съ любовію, дабы при личномъ свиданіи прекратить всякую непріязнь, порѣшить всѣ споры; ему сказали, что будетъ судъ третейскій, что третьимъ выбранъ Св. Митрополитъ Алексѣй, пастырь великій, предъ которымъ благоговѣла вся Русь: Михаилъ пріѣхалъ и былъ задержанъ со всѣми боярами; княжескіе думцы, которые затѣяли это гнусное дѣло, не имѣли смѣлости кончить его: узнавъ о приближеніи Татаръ, они выпустили Михаила, выпустили, разумѣется, непримиримымъ врагомъ своему князю. [1] Московскій князь спѣшилъ предупредить Тверскаго и выслалъ противъ него свои полки; Михаилъ зналъ, что одинъ, окруженный враждебными родичами, не можетъ противиться Москвѣ, и удалился опять къ Олгерду. Не просьбы жены, сестры Михаиловой, тронули коварнаго и безстрастнаго старика: Олгерду захотѣлось перевѣдаться съ Москвою, попробовать, кто сильнѣе, кому быть княземъ всей Руси на самомъ дѣлѣ. Олгердъ велѣлъ собираться полкамъ: ни свои, ни чужіе, никто не зналъ, куда готовится рать, зналъ одинъ князь Литовско-Русскій. Въ Москвѣ узнали о движеніяхъ Олгерда, когда уже онъ былъ на границѣ; послали собирать войска, но Литва уже об-

---

[1] Тамъ же 19.

ступила Москву; новопостроенная крѣпость, Кремль спасла Великаго Князя и Митрополита; Олгердъ 3 дня стоялъ подъ нею и отступилъ, довольный страшнымъ опустошеніемъ [1]; Димитрій отдалъ Михаилу все захваченное изъ его областей. Но борьба не могла этимъ кончиться: Московскій князь не могъ оставить въ торжествѣ Тверь, и потому, при первомъ удобномъ случаѣ, полки его входили въ Михаилову область и опустошали ее; Михаилъ не могъ противиться одинъ, имѣя враговъ въ дядьяхъ своихъ, и потому, при первомъ появленіи Московскихъ полковъ, убѣгалъ въ Литву. Еще два раза приходилъ Олгердъ на сѣверовосточную Русь: однажды выстоялъ 8 дней подъ Москвою, но испугался, когда узналъ, что Димитріево войско собралось, и запросилъ мира: Димитрій охотно далъ его ему: мы уже имѣли случай упоминать о характерѣ войнъ въ сѣверной Руси: тотъ же самый характеръ носитъ борьба между князьями Московскимъ и Литовскимъ, потому что оба князя суть собственники, собиратели земли Русской, и потому оба боятся вступить въ рѣшительный бой, отъ котораго можетъ зависѣть судьба ихъ, на которомъ могутъ потерять все собранное съ такимъ трудомъ. Въ другой разъ, узнавъ что Михаилъ Тверской съ Литовскою помощію удачно воюетъ Мос-

[1] Никон. IV, 11, 22: А прежя сего таково зло небывало къ Москвѣ отъ Литвѣ, аще и отъ Татаръ много зла бывало но отъ Литвы едино се зло сотворися, и то окаянно и всѣгубительно.

ковскія владѣнія, Олгердъ двинулся было также на Москву, но Димитрій изготовился встрѣтить его съ многочисленнымъ войскомъ, и разбилъ уже сторожевой полкъ Литовскій: и тутъ два В. Князя всея Руси стояли нѣсколько дней другъ противъ друга, не осмѣлились вступить въ битву, и разошлись, помирившись [1]. Этотъ миръ заключенъ былъ на короткое время, отъ 31 Іюля до 26 Октября, грамота дошла до насъ [2]. Изъ нея любопытно видѣть, какъ Русь дѣлилась тогда на 2 половины—Московскую и Литовскую: Олгердъ включаетъ въ договоръ всѣхъ князей, которые *въ имени его*; здѣсь князь Смоленскій называется Великимъ и на сторонѣ Литвы, князья Тверской и Брянскій также на сторонѣ Олгерда; на сторонѣ Димитрія 3 князя Рязанскіе, которые всѣ называются великими; въ этомъ договорѣ Олгердъ отказывается помогать Михаилу Тверскому, если тотъ „иметъ что пакостити или грабити“ въ Московскихъ владѣніяхъ.

Михаилу не осталось надежды на Литву, и потому онъ обратился къ Ордѣ; еще прежде 2 раза выхлопатывалъ онъ себѣ ярлыкъ у Хана на В. Княженіе Владимірское, но Димитрій не обращалъ на это вниманіе; теперь Михаилъ въ третій разъ выхлопоталъ ярлыкъ посредствомъ Московскихъ отъ-

---

[1] Лѣтописецъ, содерж. Рос. Исторію отъ 1206 де 1534 г. стр. 117.

[2] С. г. г. и д. т. I, N0 31: здѣсь ошибкою вмѣсто 1372 г. поставленъ 1371.

ѣзжиковъ. Тогда Димитрій въ 1375 году рѣшился покончить съ нимъ: собравъ всѣхъ князей, которые были въ его имени, онъ двинулся на Тверь, и осадилъ её, страшно опустошая окрестности; Литовская помощь не смѣла вступить въ дѣло съ Московскими полками, и Михаилъ принужденъ былъ согласиться на всѣ условія, которыя были довольно тягостны [1]: Михаилъ призналъ себя младшимъ братомъ Димитрія, т. е. сталъ къ нему въ такую же зависимость, въ какой находился Владиміръ Андреевичь, къ которому Михаилъ и приравненъ въ договорѣ: такимъ образомъ В. Князь Тверской дѣлается равнымъ удѣльному князю Московскому! Ставши младшимъ братомъ Димитрію, Михаилъ долженъ былъ обязаться, что какъ скоро В. Князь Московскій или братъ его Владиміръ Андреевичь выступитъ въ походъ, то и Михаилъ немедленно долженъ садиться на коня, если же Димитрій посылалъ своихъ воеводъ, то и Тверской князь обязанъ былъ высылать своихъ воеводъ. Михаилъ отказался навсегда отъ притязаній на В. Княженіе Владимірское, и, что всего замѣчательнѣе, княжество Кашинское объявлено было независимымъ отъ Тверскаго! Такъ Москва старалась раздробленіемъ соперничествующихъ княжествъ обезсиливать ихъ! Важно также слѣдующее выраженіе въ договорѣ: будемъ ли мы въ мирѣ съ Татарами — это зависитъ отъ насъ; дадимъ ли

---

[1] Тамъ же, N 28, здѣсь годъ опять выставленъ ошибочно.

выходъ, это зависитъ отъ насъ; не захотимъ дать— зависитъ также отъ насъ. Если же Татары пойдутъ на насъ, или на тебя, то намъ биться вмѣстѣ, если же мы пойдемъ на нихъ, то и тебѣ идти съ нами вмѣстѣ.“ Такъ уже Московскій князь, привыкшій съ малолѣтства не уважать Ханскихъ ярлыковъ, не только считалъ возможною войну оборонительную, но и наступательную! Противъ Литвы также оборонительный союзъ; любопытно, что и В. К. Смоленскій включенъ въ этотъ союзъ: Москва никакъ не хотѣла видѣть Смоленскъ на сторонѣ Литовской Руси. — Это было послѣднимъ дѣломъ Москвы съ Тверью въ княженіе Димитрія; и хотя послѣ Михаилъ сдѣлалъ еще разъ попытку достать у Хана ярлыкъ въ 1382 году, но она осталась безъ послѣдствій, тѣмъ болѣе, что дѣла въ Литвѣ перемѣнились.

Въ 1377 году умеръ Олгердъ; сынъ его Ягайло хотѣлъ быть самовластцемъ Литовской земли, и потому началъ отдѣлываться отъ родичей; дядя его, знаменитый Кестутъ, хотѣвшій, по старымъ Русскимъ понятіямъ, присвоить себѣ старшинство въ родѣ, былъ убитъ коварнымъ образомъ; сынъ послѣдняго, еще болѣе знаменитый Витовтъ убѣжалъ въ Пруссію, родные братья Ягайла, Андрей и Димитрій, угрожаемые тоюже участію, обратились къ Московскому князю. Тогда Димитрій рѣшился начать наступательное движеніе, и съ помощію Олгердовичей взялъ нѣсколько Русскихъ городовъ у Литвы. Оба Олгердовича вступили въ службу Московскаго князя; о Ди-

митріѣ сказано въ лѣтописи, что онъ: „прииде на Москву в рядъ к Великому Князю Димитрею Ивановичу, и урядися у него въ рядъ, и крѣпость взя. Князь великииж давъ ему крѣпость и рядъ и прия его с честію великою, и со многою любовию, и даде ему градъ Переславль и со всѣми пошлинами [1].“ Олгердовичи служили вѣрную службу Димитрію, и славно бились на Куликовомъ полѣ. Съ перваго взгляда странно кажется, что Литовскому князю отданъ такой важный удѣлъ, каковъ былъ Переяславль; но здѣсь виденъ очень умный расчетъ В. Князя: принявъ Олгердовичей, Димитрій имѣлъ самое сильное средство дѣйствовать противъ Ягайла, или, по крайнея мѣрѣ, грозить ему, ибо у братьевъ его были связи въ Литвѣ; съ другой стороны, Олгердовичь, владѣя Переяславлемъ, не могъ быть нисколько опасенъ Димитрію, по народному нерасположенію къ нему, какъ иноплеменнику, доказательства которому увидимъ въ послѣдствіи; Олгердовичь, видя это, могъ быть только самымъ вѣрнымъ слугою своего благодѣтеля, чѣмъ онъ и былъ на самомъ дѣлѣ.

Ясно, что послѣ всѣхъ этихъ поступковъ Московскаго князя, Ягайло не могъ быть къ нему расположенъ; мы видѣли, что уже Олгердъ домогался съ помощію Хана овладѣть сѣверовосточною Русью; Ягайло хотѣлъ воспользоваться раздоромъ Московскаго князя съ Мамаемъ, чтобъ достигнуть того же;

---

[1] Никон. IV., 84.

онъ вступилъ въ союзъ съ Мамаемъ, который обѣщалъ ему половину сѣверовосточной Руси; но Куликовская битва лишила его этой надежды, а скоро дѣла Польскія совершенно не дали ему возможности преслѣдовать виды предшественниковъ своихъ на восточныя Русскія области. Въ нашей лѣтописи встрѣчаемъ слѣдующее извѣстіе: „И бысть Ягайло обладая всею землею Литовскою, и потомъ по четырехъ лѣтехъ оженись в Латцкой земле, взялъ за себя некоторую королицу не имущу ни отча ни матери, ея же ради досталося ему королевство въ Лятцкой землѣ; и тако Ягайло жены своея ради нареченъ бысть король Лятцкой землѣ, и оттуду бысть король [1]." Эта королица была Ядвига, дочь Людовика Венгерскаго. Приглашенный панами на престолъ Польскій, Ягайло обѣщалъ Витовту полное вознагражденіе за все утраченное; тотъ согласился на предложеніе и возвратился въ отечество, гдѣ получилъ отъ Ягайла часть Владиміроволынской области, или Лодомиріи. Но сынъ Кестута не хотѣлъ ограничиться этимъ, и послѣ двухъ или трехъ-лѣтней войны, въ которой Русское народонаселеніе помогало ему, успѣлъ утвердиться въ В. Княжествѣ Литовско-Русскомъ, какъ совершенно отдѣльный и независимый государь.

Въ такомъ положеніи находилась югозападная Русь, когда сѣверовосточная, подъ знаменами Москвы, напрягла всѣ свои силы для борьбы съ Ордою:

---

1 Никон. IV, 49.

тогда то обнаружился исполинскій шагъ впередъ, какой сдѣлало Русское общество на пути государственномъ, тогда-то открылось все превосходство новаго порядка вещей, вся заслуга Москвы. По слову Московскаго князя сонмъ служебныхъ князей явился, каждый князь съ своими полками; на Калкѣ котора между родичами сгубила войско и Русь: на Дону, гдѣ Димитрій встрѣтилъ Мамая, никто изъ князей не смѣлъ которовáться въ присутствіи Великаго, и Монголы были разбиты. Въ это время одинъ только потомокъ Святослава Черниговскаго не могъ понять новаго порядка вещей, не могъ повѣрить, чтобъ подчиненность государственная, и вмѣстѣ съ нею единство, сила, возможны были между потомками Ярослава, и за это невѣріе наказанъ проклятіями, наказанъ слишкомъ строго: я говорю объ Олегѣ Рязанскомъ. Мы упоминали о началѣ вражды между Москвою и Рязанью; впрочемъ еще гораздо прежде появленія Московскаго княжества, Рязань испытала на себѣ непріязнь сѣверныхъ Юрьевичей; Рязань вмѣстѣ съ Муромомъ помогала старому порядку вещей въ борьбѣ его съ новымъ, помогала Ростову противъ Владиміра, Ростиславичамъ противъ Юрьевичей; мы видѣли, какъ страшно Всеволодъ III отомстилъ Рязани за это: здѣсь уже легло начало вражды, которая усилилась еще болѣе при постоянно непріязненныхъ столкновеніяхъ съ Москвою; мы видѣли, кто былъ зачинщикомъ, видѣли поступки Даніила и Юрія Московскихъ съ Рязанскими князьями: Москва примыслила къ себѣ часть

Рязанской земли, Олегъ хотѣлъ силою возвратить отнятое силою же; онъ отнялъ Лопасню у отца Димитріева, но долженъ былъ отдать въ замѣнъ ея другіе города. Олегъ думалъ, что этою сдѣлкою прекращается вражда, и въ то время, когда страшный Олгердъ стоялъ подъ Москвою, Рязанскіе полки спѣшили для ея защиты [1]. Какую же благодарность получила Рязань? Въ 1371 году, Димитрій, какъ скоро возвратился изъ Орды, какъ скоро обезопасилъ себя со стороны Хана, такъ тотчасъ же послалъ войско на Олега. Любопытно встрѣчать въ лѣтописи враждебные отзывы жителей одного княжества о жителяхъ другаго; дурно отзываются обыкновенно Москвитяне о Новогородцахъ и Рязанцахъ, въ свою очередь Новгородцы и Рязанцы не щадятъ Москвитянъ, что обличаетъ долговременную вражду между ними, т. е. вражду между старою и новою Русью. Любопытно при этомъ, что Новгородцы и Рязанцы отзываются дурно о храбрости Москвитянъ, и въ самомъ дѣлѣ народонаселеніе старыхъ Русскихъ областей имѣло нѣкоторое право дѣлать подобные упреки народонаселенію новыхъ. Періодъ старой Руси можно назвать геройскимъ періодомъ въ исторіи нашего народа; князья были одинъ другаго храбрѣе, дружины были похожи на князей, и шумъ оружія не умолкалъ; но во всѣхъ этихъ дивныхъ подвигахъ храбрости новая, сѣверная Русь не

---

[1] Никон. IV, 27.

принимала участія, и когда вступала въ борьбу съ Русью старою, южною, то мы видѣли, на чьей сторонѣ оставалась побѣда; стоитъ только вспомнить борьбу Андрея со Мстиславомъ, Липецкій бой, осторожность Всеволода III, съ какою онъ избѣгалъ битвы съ южными полками, осторожность, которую легко было принять за робость. Отсюда понятно, почему Новгородцы и Рязанцы упрекаютъ Москвитянъ въ трусости, а Москвитяне, съ своей стороны, упрекаютъ Новгородцевъ и Рязанцевъ въ противоположной крайности, именно въ гордости и дерзости. Новгородцы говорятъ о Москвитянахъ, что они небывальцы въ битвахъ [1], и что бѣгутъ, еще не видя непріятеля; Москвитяне расточаютъ Новго-

---

[1] Сѣверный князь, Константинъ Ростовскій самъ признается Мстиславу Удалому, что его люди „къ боеви не дерзи, тамо и розидутся въ городы." П. С. Р. Л. т. I, стр. 213. Вспомнимъ отзывъ Венгерскаго полководца о южныхъ Русскихъ полкахъ: „Русь тщиви суть на брань, да стерпимъ устремленіе ихъ, не стерпими бо суть на долго время на сѣчю" (см. мою статью о правахъ и обычаяхъ въ древней Руси, напечат. въ Чтеніяхъ И. О. И. и Д. Р. NO I); вспомнимъ, что теперь наши полки отличаются противоположнымъ качествомъ: о Русскомъ солдатѣ говорятъ, что его можно убить, но не сдвинуть съ мѣста; это солдатъ новой, сѣверной Руси. Въ означенной противоположности характеровъ древняго и новаго войска нашего видно все различіе между старою и новою Русью, Русью дружинною и Русью государственною: въ первой должно было господствовать безпокойное, порывистое движеніе, во второй прочность, твердость; въ первой завоеваніе, расположеніе земли, во второй собираніе, сплоченіе во едино и сохраненіе.

родцамъ названія суровыхъ, непокорныхъ, упрямыхъ, непостоянныхъ, свирѣпыхъ крамольниковъ [1] и т. п. Точно тоже видимъ и въ отношеніи къ Рязанцамъ: по свидѣтельству лѣтописи, Рязанскіе воины говорили другъ другу, идя на Москвитянъ: „не нужно брать намъ ни доспѣховъ, ни щитовъ, никакого другаго оружія, возмемъ только веревки вязать Москвитянъ, которые такъ слабы и робки." Московскій лѣтописецъ поблагодарилъ ихъ за такое мнѣніе въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „Рязанцыжъ люди сурови, свирѣпи, высокоумни, гордии, чаятельнии, вознесшись умомъ и возгордѣвшись величаніемъ, и помыслиша в высокоумии своемъ палоумныя и безумныя людища, аки чюдища [2]." Не смотря однако на предполагаемую трусость Москвитянъ, полки Рязанскіе были разбиты, Олегъ бѣжалъ, и долженъ былъ на время уступить Рязань своему родичу и зятю и вмѣстѣ родовому врагу и сопернику, князю Пронскому; однако скоро онъ выгналъ его и утвердился снова въ Рязани [3]. Наши историки, слѣдуя примѣру Московскаго лѣтописца, щедро надѣляютъ Олега названіями жестокаго, коварнаго и т. п. Но самъ Димитрій Московскій совершенно не такъ думалъ объ Олегѣ: до-

---

[1] См. мое изслѣдованіе: объ отношеніяхъ Новгорода къ В. Князьямъ, примѣч. 283.

[2] Никон. IV, 31. Еще прежде, подъ 1208 годомъ Суздальскій лѣтописецъ выразился такъ о Рязанцахъ: „И прислаша Рязанци буюю рѣчь, по своему обычаю и непокорьству." Лавр. 183.

[3] Никон. IV, 32.

казательствомъ служитъ то, что заключая вышеозначенный договоръ съ Михаиломъ Тверскимъ, Димитрій требуетъ, чтобы при затрудненіяхъ въ смѣсномъ судѣ, дѣла Москвитинъ и Тверичей отдавались на рѣшеніе Олега Рязанскаго. Олегъ, котораго Московскій князь преслѣдовалъ то полками, то довѣренностію своею, съ другой стороны терпѣлъ отъ Татаръ: два раза онъ долженъ былъ бѣгать передъ ихъ толпами, два раза княжество его было страшнымъ образомъ опустошено. Когда въ 1380 году Мамай двинулся противъ Димитрія, Олегъ не зналъ, что дѣлать; на него перваго должно было пасть мщеніе Хана; въ такихъ обстоятельствахъ Рязанскій князь принялъ обычную роль всякаго слабаго въ борьбѣ двухъ сильныхъ: онъ думалъ, что исполняетъ свою обязанность въ отношеніи къ Руси, пославъ сказать Димитрію о Татарскомъ нашествіи, а между тѣмъ вступилъ въ сношеніе съ Мамаемъ, для предохраненія своего княжества при несомнѣнномъ, по его мнѣнію, торжествѣ Татаръ. Слѣд. вся вина Олега состоитъ въ томъ, какъ уже сказано выше, что онъ не повѣрилъ въ могущество новой Руси, и былъ, какъ слѣдуетъ ожидать, жестоко наказанъ за свое невѣріе. Послѣ Куликовской битвы Олегъ зналъ, что ему уже нечего ожидать добра отъ Московскаго князя, и потому, приказавъ по возможности препятствовать возвращенію Московскихъ войскъ чрезъ свою землю, [1] самъ убѣжалъ въ Литву. Димитрій послалъ

[1] Въ договорѣ Василія Дмитріевича съ Олеговымъ сыномъ

было въ Рязань своихъ намѣстниковъ, но увидалъ, что еще трудно будетъ удержать ее противъ Олега, и потому примирился съ послѣднимъ, заключивъ договоръ, который дошелъ до насъ. Олегъ, подобно Михаилу Тверскому, признаетъ себя младшимъ братомъ Димитрія и равнымъ Владиміру Андреевичу, слѣд. и Рязанскій В. Князь приравнялся къ Удѣльному Московскому[1].

Во время Туктамышева нашествія, захваченный въ расплохъ князь Димитрій Нижегородскій, тесть и союзникъ Московскаго, поспѣшилъ отправить къ Хану сыновей съ просьбою о помилованіи своего княжества, и одинъ изъ этихъ Нижегородскихъ княжичей склонилъ Московскихъ граждан сдаться Туктамышу, поцѣловавъ крестъ, что Ханъ не сдѣлаетъ имъ никакого зла. Олегъ Рязанскій послѣдовалъ примѣру князя Нижегородскаго, и обвелъ Татаръ мимо своей области, указавъ броды на Окѣ[2]: но о князѣ

Θедоромъ говорится о Московскихъ воинахъ, возвращавшихся съ Дону и захваченныхъ въ землѣ Рязанской: „А будеть въ твоей отчине тѣхъ людей, зъ Дону которые шли, и тѣхъ ти всѣхъ отпустити.“ С. г. г. и д. т. I, N 36.

[1] С. г. г. и д. т. I, N 32.

[2] Никон. IV, 132: Князь Олегъ Рязанскии срѣте царя Тахтамыша на украинахъ своея земли Рязанская и доби ему челомъ, дабы невоевалъ ево земли, и обведе его около своей земли, и броды ему указа на Оцѣ.

Нижегородскомъ въ нашихъ исторіяхъ не сказано по этому случаю ничего дурнаго, а Олегъ Рязанскій величается жестокимъ, вѣроломнымъ измѣнникомъ. Однако челобитье Олега Туктамышу не помогло: на возвратномъ пути Татары опустошили Рязанское княжество и заставили бѣжать Олега; но едва Туктамышъ выступилъ изъ Рязанскихъ предѣловъ, Московскіе полки явились въ Рязани и раззорили то, что не было тронуто Татарами [1]. Такая ожесточенная вражда со стороны Москвы не могла не вывести Олега изъ терпѣнія: въ 1385 году Рязанскій князь, собравшись съ силами, напалъ нечаянно на Коломну, взялъ и разграбилъ её; Димитрій отправилъ противъ него войско подъ начальствомъ Владиміра Андреевича, но Москвитяне потерпѣли пораженіе и потеряли много бояръ и воеводъ [2]. Тогда Димитрій увидалъ, какъ опасно доводить врага до отчаянія, и поспѣшилъ примириться съ Олегомъ. Но при такой ожесточенной враждѣ обыкновенныя средства примиренія были бы безполезны; и потому Московскій князь прибѣгъ къ средствамъ религіознымъ: по просьбѣ Димитрія пошелъ въ Рязань св. Сергій, основатель Троицкаго монастыря. Лѣтописецъ говоритъ, что этотъ чудный старецъ тихими и кроткими рѣчами много бесѣдовалъ съ Олегомъ о душевной пользѣ, о мирѣ и

---

[1] Тамъ же, 138: Землю его воеваша и огнемъ пожгоша, и плениша вся и пусту всю сотвориша; злѣе ему стало и Татарские рати.

[2] Никон. IV, 146, 147.

любви; князь Олегъ перемѣнилъ свирѣпство свое на кротость, утихъ и умилился душою, устыдясь такого святаго мужа, и взялъ съ Димитріемъ Московскимъ вѣчный миръ и любовь [1]. Этотъ миръ былъ скрѣпленъ даже семейнымъ союзомъ: сынъ Олега женился на дочери Димитрія.

Изъ отношеній между князьями въ другихъ областяхъ Русскихъ замѣчательны для насъ Нижегородскія: здѣсь по смерти Димитрія Константиновича, Туктамышъ отдалъ ярлыкъ, по старинѣ, брату его Борису; но племянники, сыновья Димитрія вооружились, по новому, противъ дяди, и съ помощію зятя своего, Димитрія Московскаго принудили его къ уступкѣ. Лѣтописецъ говоритъ, будто Борисъ, видя тяготѣющую силу Москвы, пророчилъ племянникамъ, что и они будутъ плакать отъ враговъ своихъ [2]. Пророчество это исполнилось, какъ увидимъ, въ послѣдствіи.

Съ именемъ Димитрія Донскаго въ нашей исторіи неразлучно имя двоюроднаго брата его Владиміра Андреевича, который называется также Донскимъ и Храбрымъ. Такъ какъ родовыя отношенія потеряли смыслъ, то оба брата почли необходимымъ опредѣлить свои отношенія клятвенными договорами;

---

[1] Тамъ же, 148.

[2] Тамъ же 155, 156: И речѣ имъ дядя ихъ: милыи мои сыновцы, нынѣ азъ отъ васъ плачю, потомъ же і вы всплачете отъ враговъ своихъ.

такихъ договоровъ между Димитріемъ и Владиміромъ до насъ дошло 3. Первый написанъ въ 1362 году [1]. Оба брата клянутся быть за одинъ, Димитрій быть старшимъ, въ отца мѣсто, Владиміръ младшимъ и держать подъ нимъ княженіе великое честно и грозно; но эти старинныя выраженія: *младшій и старшій, въ отца мѣсто*, объясняются гораздо понятнѣе по новому порядку вещей: „А тебѣ брату моему молодшему мнѣ служити безъ ослушанья по згадцѣ, како будеть мнѣ слично и тобѣ брату моему молодшему: а мнѣ тобе кормити по твоей службѣ.“ Это уже звучитъ не по старинѣ! Владиміръ обязывается не искать подъ Димитріемъ удѣла Симеонова: этимъ утверждается новый обычай, что выморочный удѣлъ поступаетъ прямо къ В. Князю, безъ раздѣла съ родичами. Большая статья посвящена боярамъ. Не смотря на допущеніе перехода бояръ отъ В. Князя къ удѣльному и наоборотъ, старшій братъ уже дѣлаетъ попытку распространить свое вліяніе на бояръ младшаго; къ этому онъ приступаетъ слѣдующимъ образомъ: „А коли ми будеть гдѣ отпущати своихъ воеводъ изъ Великаго Княженья, тобѣ послати своихъ воеводъ съ моими воеводами вмѣстѣ безъ ослушанья; а кто ся ослушаеть, того ми казнити, а тобѣ брату моему со мною. А кого коли оставити у тобе бояръ, про то ти мене доложити, то ны учинити по згадцѣ: кому будеть слично ся остати,

---

[1] С. г. г. и д. т. I, N0 27.

тому остатися; кому ѣхати, тому ѣхати." Здѣсь В. Князь выговариваетъ себѣ право казнить бояръ брата своего, если они ослушаются идти на службу, требуемую государственною пользою; мало того, В. Князь выговариваетъ себѣ право назначать изъ бояръ брата способнѣйшихъ къ извѣстной службѣ: важный шагъ на поприщѣ государственнаго развитія! Теперь не цѣлый родъ владѣетъ землею, но одно лице, одинъ В. Князь всея Руси; этотъ В. Князь, принимая на себя одного отвѣтственность въ управленіи государствомъ, долженъ по этому самому заботиться и о средствахъ къ лучшему достиженію государственныхъ цѣлей, долженъ имѣть вліяніе на выборъ людей, назначаемыхъ для достиженія этихъ цѣлей. Въ 1371 году былъ заключенъ второй договоръ [1] между братьями; здѣсь опять важная прибавка: Владиміръ обязуется не искать Московской отчины Димитріевой и В. Княженія Владимірскаго не только подъ Димитріемъ, но и подъ дѣтьми его. На это условіе вовсе не должно смотрѣть, какъ на торжественное подтвержденіе новаго права старшаго племянника надъ дядьми, ибо, по старому обычаю, Владиміръ Андреевичь, какъ послѣрожденный сынъ князя, никогда не бывшаго старшимъ между братьями, не имѣлъ ни малѣйшаго права на старшинство; приведенное условіе показываетъ только, что въ это время старый обычай потерялъ всю силу и смыслъ,

---

[1] С. г. г. и д. т. I, N0 29.

племянники стали вооружаться противъ дядей и дяди противъ племянниковъ мимо всѣхъ прежнихъ ограниченій, и потому Димитрій, видя нарушеніе стараго обычая изъ примѣра князей Суздальскихъ, искавшихъ старшинства не по отчинѣ и не по дѣдинѣ, требуетъ съ двоюроднаго брата клятвы не поступать подобнымъ образомъ и не искать старшинства подъ дѣтьми его. Мы видѣли, что въ первомъ договорѣ съ братомъ В. Князь выговорилъ себѣ право наказывать Владиміровыхъ бояръ въ извѣстномъ случаѣ. Въ 1389 году Димитрій захотѣлъ воспользоваться этимъ правомъ, хотя впрочемъ не извѣстно, имѣло ли здѣсь мѣсто выговоренное обстоятельство, т. е. ослушаніе бояръ идти съ великокняжескими полками; быть можетъ, В. Князь былъ недоволенъ боярами Владиміра, подстрекавшими своего князя не уступать старшинства племяннику: мы позволяемъ себѣ такое предположеніе, основываясь на томъ, что подобныя явленія имѣли мѣсто въ послѣдствіи, а именно, что бояре дядей, желая быть боярами великокняжескими, побуждали своихъ князей къ поддержанію древняго порядка старшинства. Какъ бы то ни было, Димитрій велѣлъ схватить старшихъ бояръ Владиміровыхъ и развезти розно по городамъ, гдѣ держалъ подъ крѣпкою стражею, подъ надзоромъ жестокихъ приставниковъ [1]. Владиміръ съ своей стороны, началъ непріязненныя дѣйствія [2]; наконецъ оба брата поми-

---

[1] Никон. IV, 157.

[2] На эти непріязненныя дѣйствія указываютъ слѣдующія слова духовнаго завѣщанія Донскаго: А которыѣ деревни

рились, и заключенъ былъ третій договоръ [1]. Въ этомъ договорѣ окончательно и ясно опредѣлены отношенія Владиміра къ семейству старшаго брата— знакъ, что предшествовавшія смуты происходили именно въ слѣдствіе притязаній Владиміра на старшинство. Димитрій называетъ себя уже не старшимъ братомъ, но отцемъ Владиміру; старшій сынъ Великаго Князя Василій называется старшимъ братомъ Владиміра, второй сынъ Юрій просто братомъ, т. е. равнымъ, а меньшіе сыновья младшими братьями. Въ остальныхъ статьяхъ этотъ договоръ сходенъ съ первымъ; замѣчу только слѣдующія выраженія, которыя показываютъ также новыя отношенія между родичами: „И ты мнѣ челомъ добилъ отцомъ моимъ Алексѣемъ Митрополитомъ всея Руси, и язъ тобя пожаловалъ, далъ ти есмь Лужу и Боровескъ.“ Прежде каждый родичь считалъ себя въ правѣ получить отъ старшаго извѣстную часть родовой собственности; теперь онъ бьетъ челомъ чрезъ Митрополита В. Князю, какъ полновластному господину о милости, и тотъ *жалуетъ* ему просимое.

При описаніи княжескихъ отношеній при Донскомъ мы должны упомянуть объ уничтоженіи сана Тысяцкаго въ Москвѣ, которое имѣетъ связь съ ними. Мы видѣли стремленіе отдѣлаться отъ этого опас-

---

отоималъ былъ князь Володимеръ отъ Лыткиньского села княгини моее къ Берендѣевѣ слободѣ.“

[1] С. г. г. и д. т. I, N0 33.

наго сановника еще при отцѣ Димитрія; при Димитріѣ было поступлёно гораздо благоразумнѣе. Въ 1374 г. умеръ Тысяцкій Василій Васильевичь Вельяминовъ; послѣ него другаго Тысяцкаго В. Князь непазначилъ. Тогда двое знатнѣйшихъ гражданъ, недовольные новымъ порядкомъ вещей, рѣшились искать средствъ извнѣ для возстановленія стараго: то былъ сынъ покойнаго Тысяцкаго, Иванъ Вельяминовъ, и Некоматъ Сурожанинъ, т. е. купецъ, производившій торговлю драгоцѣнными южными товарами. Они отъѣхали въ Тверь ко врагу Московскаго князя, Михаилу Александровичу, который нашелъ въ нихъ самыхъ ревностныхъ слугъ для исполненія своихъ враждебныхъ замысловъ противъ Димитрія: онъ отправилъ ихъ въ орду, къ Хану, поддерживать непріязнь его къ Москвѣ [1]. Бѣглецы дѣйствовали успѣшно, и Некоматъ явился въ Твери съ посломъ Мамая, который привезъ ярлыкъ Михаилу. Иванъ Вельяминовъ остался въ Ордѣ, но продолжалъ свои происки въ стѣнахъ Московскихъ; лѣтописецъ говоритъ глухо: „много нѣчто нестроенія быстъ [2].“ Въ битвѣ на Вожѣ съ Бегичемъ Русскіе поймали какого то попа, шедшаго съ Татарами изъ Орды по порученію Ивана Вельяминова; у этого попа обыскали какіе то ядовитые коренья, допросили его и сослали въ заточеніе. Въ 1378 году Вельяминовъ самъ рѣшился явиться въ Руси; В. Князь, который въ это время заботливо

---

[1] Ник. IV, 41.
[2] Тамъ же, 80.

сторожилъ всѣ движенія Хана, не могъ не свѣдать о приближеніи Вельяминова; его слѣды были открыты, онъ схваченъ въ Серпуховѣ и приведенъ въ Москву. На Кучковомъ полѣ, гдѣ теперь Срѣтенка, была совершена первая торжественная смертная казнь, и былъ казненъ сынъ перваго сановника въ княжествѣ; лѣтописецъ говоритъ: „бѣ множество народа стояще, и мнози прослезишась о немъ и опечалишась о благородствѣ его и о величествѣ его [1].“ Какъваженъ былъ санъ Тысяцкаго, какъ знаменитъ былъ родъ Вельяминовыхъ, видно изъ того, что лѣтописецъ, говоря о смерти послѣдняго Тысяцкаго, высчитываетъ его генеалогію, что дѣлаетъ только говоря о князьяхъ. Даже и послѣ, не смотря на измѣну и казнь Ивана Вельяминова, семейство его не потеряло своего значенія и уваженія: послѣдній сынъ Донскаго, Константинъ былъ крещенъ Марьею, женою Василія Вельяминова Тысяцкаго; [2] мало того, Николай Вельяминовъ, родной братъ казненнаго Ивана, былъ женатъ на родной сестрѣ В. Княгини Московской, дочери Димитрія Константиновича Суздальскаго, почему Донской, въ своихъ грамотахъ, и называетъ Василія Вельяминова Тысяцкаго дядею. [3]

---

[1] Тамъ же, 85.
[2] Никон. IV, 184.
[3] Допол. къ Актамъ Историч. т. I. NO 8: „Се азъ князь великій Димитрій Ивановичь пожаловалъ есмь Евсѣвка Новоторжца, что идеть изъ Торжку въ мою вотчину на Кострому.... а приказалъ есмь его блюсти дядѣ своему Василью Тысяцькому.“

Мы еще послѣ будемъ имѣть случай упомянуть объ этой фамиліи. Товарищъ Ивана Вельяминова, Искоматъ, подвергся также смертной казни, только гораздо позже, въ 1383 году [1].

Въ 1389 году умеръ Димитрій Московскій. Куликовская битва поставила его на ряду съ величайшими героями Русской земли; средства къ явному возстанію противъ Татаръ были приготовлены для Димитрія его предшественниками; младенцемъ остался Димитрій послѣ отца, но интересы Московскаго княжества, интересы рода Калиты были тѣсно связаны съ интересами бояръ Московскихъ: привыкнувъ быть боярами великокняжескими, они не хотѣли принять роль второстепенную; съ другой стороны, наслѣдственные слуги дяди и отца Димитріева, они не хотѣли переѣзжать къ новому В. Князю, въ Нижній или Тверь, гдѣ не могли играть первостепенной роли, вытѣснить изъ благосклонности князя дѣдовскихъ бояръ его. Вотъ почему Московскіе бояре такъ умно воспользовались силами Москвы, приготовленными Калитою и Симеономъ, чтобъ удержать великое княженіе Владимірское за своимъ малолѣтнымъ княземъ; при этомъ не должно упускать изъ виду великаго вліянія Митрополита Алексѣя, Митрополита всея Руси, но жившаго въ Москвѣ.

Если князья предшествовавшіе были воспитаны въ понятіи о необходимости уважать Орду, то Ди-

---

[1] Лѣтопись, служащ. продолж. Нест. стр. 183.

митрій, на оборотъ, былъ воспитанъ въ неповиновеніи Хану: еще малюткою бояре водили его на Нижегородскаго князя, вопреки Ханскому ярлыку; впечатлѣнія молодости суть самыя сильныя, и Димитрій, возмужавъ, не побоялся выдти противъ Мамая. Другая главная мысль, которою онъ напитался отъ бояръ въ младенчествѣ, была наслѣдственная мысль Московскихъ князей усиливать, во что бы то ни стало, свое княжество, дабы имѣть возможность и бороться съ Татарами, и пресѣчь навсегда притязанія другихъ князей на господство; Димитрій остался вѣренъ этой наслѣдственной мысли: вотъ заслуга его! Но мы не должны забывать заслуги бояръ, которые, пусть по своимъ корыстнымъ цѣлямъ — нѣтъ нужды, умѣли утвердить въ молодомъ князѣ этѣ двѣ благодѣтельныя мысли. Самъ Димитрій не остался неблагодаренъ своимъ умнымъ воспитателямъ; для доказательства я приведу слѣдующія мѣста изъ житія [1] его, которыя обнаруживаютъ всю степень вліянія бояръ на событія Димитріева княженія. Чувствуя приближеніе смерти, Димитрій, по словамъ автора житія, далъ сыновьямъ слѣдующее наставленіе: „Бояры своя любите, честь имъ достойную воздавайте противу служенію ихъ, безъ воли ихъ ничтоже

---

[1] Соф. врем. I, 389, 389. Пусть эта рѣчь выдумана, изукрашена сочинителемъ: для насъ важны не собственныя слова В. Князя, но то, какъ представлялись современникамъ отношенія его къ боярамъ.

не творите." Потомъ умирающій князь обратился къ боярамъ съ такими словами: „вѣдасте каковъ обычай есть мой и правъ, родихся предъ вами, и при васъ възрастохъ, и съ вами царствовахъ; и мужествовахъ съ вами на многи страны, и противнымъ страшенъ быхъ въ бранѣхъ, и поганыя низложихъ Божіею помощію и врагы покорихъ; великое княженіе свое велми укрѣпихъ, и миръ и тишину земли Руськой сътворихъ, отчину свою съ вами сблюдохъ, еже ми предалъ Богъ и родители мои, и вамъ честь и любовь даровахъ, подъ вами городы держахъ и великыя власти, и чада ваша любихъ, никому же зла сътворихъ, ни силою что отъяхъ, ни досадихъ, ни укорихъ, ни разграбихъ, ни изъбезъчьствовахъ, но всѣхъ любихъ и во чьсти держахъ, и веселихся съ вами, и съ вами поскорбѣхъ, вы же не нарекостеся у мене бояре, но князи земли моей." Кто же были эти бояре, безъ совѣта съ которыми Димитрій не велѣлъ сыну своему ничего предпринимать, которыхъ называлъ „князьями земли своей?" 10 изъ нихъ подписали имена свои подъ духовнымъ завѣщаніемъ В. Князя; фамильныя прозвища не были еще въ то время въ употребленіи, бояре подписались только именами отечественными: Димитрій Михайловичь, Тимоѳей Васильевичь, Иванъ Родивоновичь, Семенъ Васильевичь, Иванъ Ѳедоровичь, Александръ Андреевичь, Ѳедоръ Андреевичь, (Ѳедоръ Андреевичь), Иванъ Ѳедоровичь, Иванъ Андреевичь. Замѣчательнѣе всѣхъ по вліянію былъ Ѳедоръ Андреевичь Кошка, и сынъ его Иванъ Ѳедоровичь, особенно при наслѣдникѣ Ди-

митрія; о знатности боярина Кошки свидѣтельствуетъ то, что В. К. Тверской Михаилъ Александровичь женилъ своего сына на его дочери [1].

Теперь обратимся къ духовному завѣщанію Донскаго, которое представляетъ много любопытнаго [2]. Неслыханная прежде новость,— Московскій князь благословляетъ старшаго своего сына Василья В. Княженіемъ Владимірскимъ, которое зоветъ своею отчиною! Донской уже не боится совмѣстниковъ для своего сына ни изъ Твери, ни изъ Суздаля; онъ увѣренъ и въ согласіи Хана, потому что въ случаѣ отказа Московскій князь такъ силенъ, что можетъ обойтись и безъ Хана, а въ случаѣ согласія такъ богатъ, что благодарность его будетъ гораздо цѣннѣе, чѣмъ благодарность какого-нибудь другаго князя. Кромѣ Василія у Донскаго оставалось еще 5 сыновей: Юрій, Андрей, Петръ, Иванъ и Константинъ; но двое послѣднихъ были малолѣтны, Константинъ родился только за 4 дня до смерти отцовской, и потому В. Князь поручаетъ свою отчину, Москву, только 4 сыновьямъ. Въ этой отчинѣ, т. е. въ городѣ Москвѣ и въ станахъ, къ ней принадлежавшихъ, Донской владѣлъ двумя жребіями, жребіемъ отца своего Ивана и дяди Симеона, третьимъ жребіемъ владѣлъ Владиміръ Андреевичь, онъ остался за нимъ и теперь. Изъ 2 сво-

---

[1] Никон, IV, 202.
[2] С. г. г. и д. т. I, N 34.

ихъ жребіевъ В. Князь половину отдастъ старшему сыну Василью, *на старшій путь*, другая половина раздѣлена на 3 части между остальными сыновьями: изъ этого видно, какъ усилена собственность старшаго. Остальные города Московскаго княжества раздѣлены между 4 сыновьями: Коломна старшему Василью, Звѣнигородъ Юрью, Можайскъ Андрею, Дмитровъ Петру. Благословляя старшаго Василія цѣлою областію В. Княженія Владимірскаго, Димитрій, какъбы для вознагражденія, отдаетъ остальнымъ 3 сыновьямъ города, купленные еще Калитою, и окончательно присоединенные только имъ: Юрію Галичь, Андрею Бѣлоозеро, Петру Угличь. Усиливъ старшаго сына не въ примѣръ предъ прочими областію В. Княженія, областію уже теперь вѣрною, переходившею, какъ отчина, въ потомство послѣдняго, Донской счелъ справедливымъ ограничить нѣсколько обогащеніе старшаго въ пользу младшихъ, и потому уступилъ, по видимому, прежнимъ родовымъ понятіямъ, а именно, въ случаѣ смерти старшаго сына Василія бездѣтнымъ, владѣніе его, т. е. Московская часть вмѣстѣ съ В. Княженіемъ переходили къ старшему по немъ, а удѣлъ послѣдняго, какъ праздный, дѣлился снова между братьями, слѣд. здѣсь поступлено вопреки неотчуждаемости разъ полученной собственности, и князь Юрій, получивъ удѣлъ старшаго брата, долженъ былъ отказаться отъ своего наслѣдственнаго удѣла, который подвергался дробленію; равно Донской завѣщалъ, что если кто умретъ изъ младшихъ сыновей бездѣтнымъ, то выморочный удѣлъ

также дѣлится между оставшимися въ живыхъ братьями. Но здѣсь, какъ уже сказано, только видимая уступка прежнимъ родовымъ понятіямъ; всѣ братья имѣютъ право на выморочный удѣлъ, но это право ограничено произволомъ княгини матери: „а вы дѣти мои слушайте своее матери; что кому дастъ, то тому и есть.“ Слѣд. здѣсь мы видимъ уступку не прежнимъ родовымъ понятіямъ, но уступку произволу собственника, что совершенно несогласно съ прежними понятіями: В. Князь, какъ собственникъ, передаетъ свое право располагать своею собственностію по произволу женѣ; выморочный удѣлъ не раздѣляется прямо между всѣми сыновьями, но отдается въ распоряженіе княгинѣ — матери, распоряженіе, совершенно произвольное. Завѣщаніе было написано прежде рожденія самаго младшаго сына Константина, и потому на его счетъ сказано слѣдующее: „А дастъ ли Богъ сына, и княгини моя подѣлитъ его, возмя по части у болшихъ его братьи.“ Вообще здѣсь любопытно замѣтить то огромное вліяніе, которое уступлено умирающимъ княземъ женѣ своей, знакъ, что женщины въ древнемъ Русскомъ обществѣ никогда не теряли должныхъ имъ правъ, что онѣ заключились въ терема въ слѣдствіе отсутствія безопасности въ обществѣ, но чрезъ это заключеніе жены и матери не лишились своихъ правъ, своего вліянія, не сдѣлались рабынями мужей своихъ, какъ на востокѣ, не были постоянно подъ опекою мужчинъ, какъ у народовъ древности. Предпослѣдній сынъ, Иванъ, сильно обдѣленъ: ему ничего не назначено

изъ собственно Московской отчины, удѣлъ его ничтоженъ въ сравненіи съ удѣлами другихъ братьевъ. Такую, по видимому, несправедливость объясняютъ слова завѣщателя: „А въ томъ удѣлѣ воленъ сынъ мой князь Иванъ, который братъ до него будетъ добръ, тому дастъ." Изъ этихъ словъ видно, что князь Иванъ былъ боленъ, и не могъ имѣть надежды на потомство; вотъ почему Донской даетъ ему право распорядиться своимъ маленькимъ удѣломъ въ пользу того брата, который будетъ до него добръ: въ самомъ дѣлѣ Иванъ умеръ тотчасъ по смерти отца [1].

[1] Никон. IV, 191.

ГЛАВА VII-я.

Исторія княжескихъ отношеній въ правленіе Василія Дмитріевича.

Въ княженіе Донскаго отношенія ордынскія стоятъ на первомъ планѣ и закрываютъ собою всѣ прочія; княженіе Василія Димитріевича характеризуется отношеніями между обѣими частями Руси, Русью Литовскою и Русью Московскою, характеризуется великою борьбою между ними, въ которой Московскому князю принадлежитъ честь за то, что онъ умѣлъ отстоять независимость сѣверовосточной Руси противъ Витовта, и тѣмъ самымъ рѣшилъ борьбу въ пользу Москвы, ибо послѣ Витовта Литовская Русь не могла болѣе думать о наступательномъ движеніи на Московскую. Во сколько эту честь Василій Димитріевичь долженъ раздѣлить съ своими боярами, увидимъ послѣ.

Донской завѣщалъ сыну В. Княженіе Владимірское, какъ отчину: въ самомъ дѣлѣ соперниковъ не было, и Ханъ немедленно утвердилъ новаго В. Князя. Послѣдній тотчасъ показалъ, что онъ правнукъ Калиты, и ознаменовалъ начало своего княженія богатымъ примысломъ. Онъ отправился самъ въ Орду,

гдѣ былъ со всѣми знакомъ, живъ долго прежде заложникомъ у Туктамыша. Ханъ принялъ прежняго своего заложника съ такою честію, какой не оказывали въ Ордѣ ни одному Русскому князю. Василій тотчасъ воспользовался такими благопріятными обстоятельствами: онъ задарилъ Хана и всѣхъ къ нему приближенныхъ, и выпросилъ ярлыкъ на Нижній Новгородъ, Городецъ, Мещеру, Торусу и Муромъ [1]. Возвратясь изъ Орды, Василій послалъ бояръ своихъ и ханскаго посла взять Нижній у князя Бориса Константиновича. Любопытны подробности, сообщаемыя лѣтописцемъ объ этомъ взятіи. Мы нѣсколько разъ уже имѣли случай замѣтить, какъ усилилось значеніе бояръ въ слѣдствіе осѣдлости ихъ въ извѣстныхъ княжествахъ. Мы видѣли стараніе бояръ каждаго княжества усилить его на счетъ другихъ; когда эта попытка удалась только боярамъ Московскимъ, то бояре остальныхъ княжествъ, видя невозможность бороться съ Москвою, видя, что рано или поздно ихъ княжества должны подчиниться Москвѣ, спѣшили соблюсти собственныя выгоды и даже увеличить ихъ оставленіемъ своихъ несчастныхъ князей и переходомъ въ службу князя Московскаго: это не считалось измѣною, потому что удерживалось еще старое право бояръ свободно переходить отъ одного князя къ другому. Когда Нижегородскій князь Борисъ Константиновичь узналъ о приближеніи Та-

---

[1] Никон. IV, 239 и слѣд.

тарскаго посла и бояръ Московскихъ, то созвалъ бояръ своихъ, и началъ ихъ упрашивать со слезами: „Господа мои и братья, бояре и друзья, вспомните свое крестное цѣлованіе и любовь мою къ вамъ, и не покиньте меня!“ Но старшій изъ бояръ, Василій Румянецъ, уже передался Московскому князю; онъ отвѣчалъ Борису: „не печалься, князь, мы всѣ готовы сложить за тебя свои головы;“ но когда Борисъ хотѣлъ вооружиться противъ Московскихъ бояръ, Румянецъ отклонилъ его отъ этого намѣренія, и Московскіе бояре были впущены въ городъ. Они звукомъ колоколовъ созвали жителей и объявили имъ, что отнынѣ княземъ ихъ будетъ Василій Димитріевичь Московскій. Несчастный Борисъ обратился было опять къ боярамъ своимъ, но Румянецъ сказалъ ему: „Князь, теперь на насъ уже не надѣйся, мы больше не твои, и стоимъ не за тебя, но противъ тебя [1].“ Бориса взяли со всѣмъ семействомъ и со всѣми доброхотами, и держали въ тѣсномъ заключеніи, племянники его, сыновья Димитрія Константиновича, слѣд. родные дядья по матери Московскому князю, были также лишены своихъ удѣловъ; одинъ изъ нихъ, по свидѣтельству лѣтописца: „8 лѣтъ служилъ по ряду въ ордѣ не почивая четыремъ царемъ, а все поднимая рать на князя великаго, како бы налѣзти свое княженье [2].“ Но всѣ усилія были тщетны. Такъ ру-

[1] Никон. IV, 240 и 241.
[2] Тамъ же, 304.

шилось княжество Суздальское, отданное Невскимъ брату своему и сопернику Андрею, котораго потомки не оставляли никогда притязаній на В. Княженіе; мы увидимъ ихъ послѣ въ рядахъ бояръ Московскихъ: и тутъ одинъ изъ нихъ, Василій Шуйскій, вздумалъ, по пресѣченіи потомства Невскаго, возобновить старинныя притязанія и стать царемъ Московскимъ, но и здѣсь не удалось Суздальскому князю: новая, Московская Русь не терпѣла старыхъ притязаній.

Въ то время, какъ Московскій князь примышлялъ къ своей собственности на Востокѣ, князь Литовской Руси, Витовтъ, дѣйствовалъ точно также на западѣ. Есть преданіе, что когда Витовтъ еще былъ изгнанникомъ въ чужой странѣ, онъ захватилъ молодаго наслѣдника Московскаго престола Василія, когда тотъ окольными путями пробирался изъ Орды въ отечество; Витовтъ взялъ съ своего плѣнника обѣщаніе жениться на дочери его Софьѣ. Когда Василій сталъ Московскимъ княземъ, онъ сдержалъ обѣщаніе, женился на Литовской княжнѣ. Бракъ казался выгоденъ обѣимъ сторонамъ: Витовтъ еще не утвердился въ Литвѣ, опасался двоюроднаго брата своего, Польскаго короля Ягайла; Василій надѣялся, что въ Витовтѣ найдетъ вѣрное орудіе противъ замысловъ того же Ягайла. Но какъ скоро Витовтъ успѣлъ вырвать у Польскаго короля Литовско-Русскія области, то въ значеніи князя южной Руси, не могъ имѣть къ Московскому князю и всея Руси другихъ отношеній, кромѣ соперническихъ. Легко достался

Нижній Московскому князю; Витовтъ также легко хотѣлъ овладѣть Смоленскомъ: въ 1395 году, во время сильной ссоры между Смоленскими князьями, Витовтъ предложилъ имъ себя въ посредники; неосторожные князья явились къ нему всѣ на третейскій судъ, вмѣстѣ съ боярами, и всѣ были захвачены, кромѣ одного Юрія, бѣжавшаго въ Рязань, къ тестю своему Олегу; въ Смоленскѣ начали править намѣстники Витовта. Тогда противъ послѣдняго вооружился не князь Московскій, но знаменитый Олегъ Рязанскій: онъ вступилъ въ Литовскія области. Василій Дмитріевичь спѣшилъ прекратить эту войну: съ одной стороны Московскій князь уговаривалъ Олега окончить враждебныя дѣйствія, съ другой два раза имѣлъ свиданіе съ тестемъ, одинъ разъ въ Смоленскѣ, другой въ Коломнѣ, когда тотъ возвращался изъ Рязанскаго похода [1]. Витовтъ видѣлъ, что трудно вступить въ открытую вражду съ княземъ, котораго отецъ разбилъ Мамая, и который самъ не побоялся выдти на встрѣчу къ Тамерлану, и потому рѣшился дѣйствовать подобно предшественникамъ, т. е. стараться овладѣть восточною Русью съ помощію Татаръ. Туктамышъ въ это время былъ изгнанъ изъ Орды Темиръ-Кутлуемъ, именемъ котораго правилъ Эдигей. Изгнанный Ханъ обратился къ Витовту съ просьбою о помощи: Литовскій князь принялъ Туктамыша подъ свое покровительство

---

[1] Никон. IV, 265 и слѣд.

съ условіемъ, что если онъ возстановитъ его въ Ордѣ, то Ханъ поможетъ ему овладѣть восточною Русью [1]; и въ тоже самое время, между обоими Русскими князьями, между тестемъ и зятемъ, шла дружелюбная пересылка, и княгиня Московская гостила у отца въ Смоленскѣ, осыпаемая дарами. Въ 1399 году Витовтъ съ Литовскими и Русскими полками, подкрѣпленный Татарами Туктамыша, Польскими, Нѣмецкими и Волошскими отрядами, встрѣтился съ полками Темиръ-Кутлуя и Эдигея на берегахъ Ворсклы. Здѣсь, въ страшной битвѣ, какія давно уже забыла западная Европа, и какія могли имѣть только мѣсто на границахъ Европы съ Азіею, Витовтъ потерпѣлъ сильное пораженіе: больше 20 князей, потомковъ Св. Владиміра и Гедиминовичей легло въ битвѣ [2]. Тогда Юрій, изгнанный князь Смоленскій, и Олегъ Рязанскій, тесть его, узнавъ, что часть Смоленскихъ жителей не доброхотствуетъ Витовту, двинулись къ Смоленску и взяли городъ; Юрій остался въ немъ княжить; попытка Витовта изгнать Юрія неудалась. Ободренный этимъ Олегъ рѣшился дѣйствовать наступательно, и отправилъ сына въ древнія Черниговскія области, принадлежавшія Литвѣ, но княжичь Рязанскій былъ разбитъ и взятъ въ плѣнъ Витовтомъ; въ томъ же 1402 году умеръ Олегъ Ря-

---

[1] Карамз. V примѣч. 177.
[2] Никон. IV, 283.
[3] Тамъ же, 298, 302, 305, 306.

занскій, и въ слѣдующемъ Витовтъ осадилъ Смоленскъ [1], но опять безуспѣшно. Тогда князь Юрій, зная, что ему не будетъ покоя отъ Литовскаго князя, поѣхалъ въ Москву и предложилъ Василію свое подданство. Василій отвергнулъ опасное предложеніе: взять Смоленскъ значило объявить войну Витовту, который имѣлъ право доискиваться этого города, какъ уже прежде ему принадлежавшаго; [2] при томъ Московскій Князь надѣялся на необыкновенную крѣпость Смоленска, отразившаго уже два раза приступъ Витовта. Въ самомъ дѣлѣ при тогдашнемъ несовершенствѣ ратнаго дѣла Смоленскъ могъ быть взятъ только измѣною; мы видѣли, что Московскій князь овладѣлъ Нижнимъ съ помощію бояръ; Витовтъ овладѣлъ Смоленскомъ съ ихъ же помощію. Мы имѣли уже случай замѣтить, что интересы бояръ заставляли ихъ переходить отъ слабыхъ князей къ сильнѣйшимъ; въ Смоленскѣ къ этой причинѣ присоединилась еще другая: Князь Юрій, человѣкъ жестокій и безнравственный, навлекъ ненависть бояръ, и въ то время, какъ онъ жилъ въ Москвѣ, склоняя Василія принять его подъ свою защиту, бояре сдали Смоленскъ Витовту. Московскій князь, свѣдавъ объ этомъ, изъявилъ сильное негодованіе: не зная поведенія Юріева въ Смоленскѣ, онъ сначала обвинилъ было его самого въ измѣнѣ, будучи увѣренъ, что безъ из-

---

[1] Тамъ же, 308.
[2] Никон. IV, 309.

мѣны взять Смоленска не льзя [1]. Хитрый Витовтъ привязалъ къ себѣ Смоленскъ поведеніемъ совершенно противоположнымъ Юріеву, осыпая гражданъ льготами [2]. Такъ пало знаменитое княжество Ростиславичей, отчина Мстиславовъ.

Взятіе Смоленска ободрило Витовта совершенно: онъ началъ снова наступательныя дѣйствія на Московскую Русь, именно на области Псковскія; тогда Василій Дмитріевичь двинулся самъ съ полками на Витовта, [3] и какъ послѣдній хотѣлъ овладѣть Москвою съ помощію Татаръ, такъ и Василій заключилъ союзъ съ Ханомъ Шадибскомъ, который присылалъ къ нему на помощь отрядъ Монголовъ [4]. Князья Московскій и Литовскій сошлись близь Крапивны, въ нынѣшней Тульской губерніи, для рѣшительной битвы, но оба боялись ея, начали переговоры, заключили перемиріе и разошлись [5].

---

1 Лѣтоп. содерж. въ себѣ Росс. ист. отъ 852—1598 г. стр. 123, 124: И слышавъ князь великій Василій Дмитревичь, и рече князю Юрью: пріѣхалъ еси съ лестію, а Смольняномъ велѣлъ датися за Витовта, и возложи нелюбье, и князь Юрье побѣже съ Москвы въ великій Новгородъ.

2 Никон. IV, 310.

3 Лѣтопис. содерж. Росс. ист. отъ 1206—1531 г. стр. 221.

4 Псков. стр. 43. Псковичи биша челомъ Князь Великому Василію, абы имъ помоглъ. И Князь Великій Василій разверзе миръ со князем Литовскимъ съ Витовтомъ, съ тестемъ своимъ, Псковскія ради обиды: занеже невѣрникъ и отступникъ правыя вѣры Христовы повоева Псковскую волость и городъ Коложа взя на крестномъ цѣлованьи.

5 Лѣт. содер. Рос. ист. отъ 1206—1531 г. стр. 221. Арцыб. п. о Р. II, примѣч. 1141.

Скоро Московскій князь нашелъ вѣрныхъ союзниковъ въ собственныхъ областяхъ Витовта, въ Литовской Руси. Въ 1406 году пріѣхалъ къ нему изъ Литвы на службу князь Александръ Нелюбъ, и В. Князь отдалъ ему Переяславль въ кормленіе [1]. Въ слѣдующемъ 1407 году непріятельскія дѣйствія возобновились: оба князя взяли другъ у друга по городу; но противъ Витовта вооружился двоюродный братъ его Свидригайло Олгердовичь, князь Сѣверскій, любимый Русскимъ народомъ; этотъ князь стоялъ въ челѣ недовольныхъ Витовтомъ, и какъ глава Православной партіи, былъ въ тѣсномъ союзѣ съ Москвою: Свидригайло не пустилъ Витовта далѣе въ Московскія области, [2] и опять былъ заключенъ миръ подъ Вязьмою. Въ 1408 году Свидригайло отъѣхалъ въ Москву, съ нимъ вмѣстѣ отъѣхалъ Черниговскій епископъ, 6 князей и цѣлая толпа бояръ южной Руси; Василій не зналъ, чѣмъ изъявить свое радушіе этому драгоцѣнному союзнику; онъ далъ ему на кормленіе Владиміръ со всѣми волостьми, Переяславль, [3] Юрьевъ, Волокъ Ламскій, Ржеву, половину Коломны. Такая щедрость сильно оскорбила Московскій народъ. Народъ не понималъ смысла великой борьбы, которую велъ Василій съ Витовтомъ; ему гораздо опаснѣе казались Татары и, видя союзъ сво-

---

[1] Никон. IV, 317.

[2] Зубрицк. Повѣсть врем. л. стр. 234.

[3] Который слѣд. былъ взятъ у Нелюба.

его князя съ Ордою противъ Витовта, народъ съ ужасомъ думалъ, что Татары нарочно ссорятъ зятя съ тестемъ, дабы воспользоваться ихъ междоусобіемъ. Я приведу это замѣчательное мѣсто въ лѣтописи, гдѣ выражено негодованіе народа на щедрость В. Князя къ Свидригайлу; [1] приписавъ Литовскую войну наущенію Эдигея, лѣтописецъ продолжаетъ: „И начаша воевати Литву, имуще рать Татарскую ссобою, а Литва воеваше Москвичъ, и кровь многа проливашесь а Татарове полономъ и імѣніемъ обогатѣша, і Московстіи бояре и воеводы и вельможи весселяхусь, старцы же старые сего не похвалиша глаголюще, нѣсть добра дума бояръ нашихъ, ижъ приводятъ на помощь себѣ Татаръ. Не бяше бо в то время на Москвѣ бояръ старыхъ, но юніі совѣщевающе о всѣмъ, и размирнемъ и ратемъ и кровопролитию радующесь, тѣмъ и многа въ нихъ нестроенія бываху. Едигѣи же непрестанно ссоры творяше межи обоихъ видяше бо яко ближники суть, сеи тесть а сеи зять, и не зело хотятъ к брани, и не желательны кровопролитию но миру и любви; а в то время прислахъ князь Ствистригаило Олгердовичь на Москву к Великому Князю Василью Дмитревичу хотя с нимъ съ единого на Витовта. Свистригаило жъ лляхъ бѣ вѣрою но устроенъ к брани, мужъ храбръ и крѣпокъ на ополченіе; и радъ бысть ему Князь Великиі со всѣми бояры своими, и вдаша

---

[1] Никон. V, 21 и слѣд.

ему грады мнози, мало не половину великого княжения Московскаго, и славнии градъ Владимеръ. И сия вся Ляху пришелцу дано быша, тѣмже и бѣды многи постигоша насъ.“ Въ надеждѣ на Свидригайла, Василій въ томъ же году двинулся на Витовта: полки Московскіе и Литовскіе сошлись и, по обычаю, не рѣшились на битву; послѣ продолжительныхъ переговоровъ заключенъ былъ окончательный миръ, [1] по которому рѣка Угра назначена границею между Литовскою и Московскою Русью, при чемъ три города отошли отъ Витовта къ Василію. Свидригайло могъ быть не доволенъ умѣренностію Василія, ибо надѣялся съ его помощію свергнуть Витовта; съ другой стороны онъ вошелъ въ тѣсную дружбу съ братомъ В. Князя, Юріемъ [2], который уже тогда былъ въ размолвкѣ съ Василіемъ, не желая уступить старшинства племяннику: этимъ объясняется поступокъ Свидригайла, который, во время Эдигѣева нашествія, не оказалъ В. Князю никакой помощи, и скоро отъѣхалъ назадъ въ Литовскую Русь, обнаруживъ свою вражду къ Москвѣ тѣмъ, что на дорогѣ ограбилъ Серпуховъ [3].

Едва Василій кончилъ дѣло съ Литвою, какъ Орда напомнила ему о себѣ. Послѣ Куликовской бит-

---

[1] Тамъ же, 17.

[2] Никон. V, 109: князь Юрьи князь великін будетъ на Москвѣ, а в Литвѣ князь великій побратимъ его Ствистригаило.

[3] Тамъ же, стр. 30.

вы Ханы уже не надѣются болѣе явнымъ нашествіемъ сокрушить могущество Московскаго князя; вотъ почему Эдигей, собравшись въ походъ, послалъ сказать Василію, что идетъ на Литву, и вдругъ явился въ предѣлахъ Восточной Руси. Василій, захваченный въ расплохъ, выѣхалъ изъ Москвы; Эдигей осадилъ ее, но вѣсть о вторженіи враговъ въ собственную Орду заставила его снять осаду и выдти изъ предѣловъ Руси. Съ дороги онъ прислалъ В. Князю письмо [1], замѣчательное для насъ тѣмъ, что въ немъ раскрыты внутреннія отношенія Московскаго княжества, о которыхъ молчитъ лѣтописецъ, именно вліяніе извѣстныхъ бояръ на дѣла. Мы видѣли уже, что и лѣтописецъ жалуется на смѣну старыхъ бояръ молодыми въ думѣ В. Князя; Эдигей упоминаетъ о томъ же: „добрые нравы и добрая дума и добрыя дѣла были к ордѣ отъ Ѳедора отъ Кошки—добрыи былъ человѣкъ, — которые добрые дѣла ординскиѣ, то и тобе возспоминалъ, и то ся минуло; а нынѣ у тебя сынъ ево Иванъ, казначеи твои и любовникъ, старѣишина, и ты нынѣ не того слова, не того думы нѣ выступаешь. Ино тою думою учинилось твоему улусу накость и крѣстьянѣ изгибли, и тыбъ опять тако не дѣлалъ, а молодыхъ нѣ слушалъ, и собралъ бы еси старѣишихъ своихъ бояръ Илию Ивановича, Петра Костянтиновича, Ивана Микитича, и хочешъ на своемъ улусе княжити, и тыбъ техъ бояръ, да иныхъ

---

[1] С. г. г. и д. т. II, NO 15.

многихъ старцовъ воземскихъ, да думалъ бы еси съ ними добрую думу." Если сравнимъ эти слова съ вышеприведенными словами лѣтописца объ отношеніяхъ Литовскихъ, то можемъ заключить, что бояре Донскаго, которыхъ главною заботою были дѣла Ордынскія и которые были напуганы нашествіемъ Туктамыша, не могли перемѣнить господствующаго направленія своей дѣятельности; не могли стать въ уровень съ настоящими потребностями, и потому, не понимая всей важности отношеній Литовскихъ, всей опасности, которая грозила съ запада, отвлекали вниманіе В. Князя отъ замысловъ Витовта, и обращали его преимущественно на дѣла Орды, совѣтуя, какъ старики, мѣры осторожныя въ отношеніи къ послѣдней; но бояре молодые, въ челѣ которыхъ стоялъ Иванъ Θедоровичь Кошка, уразумѣли, что отношенія Литовскія должны играть главную роль, что Москва должна напречь всѣ силы для сопротивленія замысламъ Витовтовымъ, тогда какъ опасность отъ издыхающей Орды, въ сравненіи съ послѣдними, разумѣется, была ничтожна. Вотъ почему Василій сначала, когда руководился совѣтами стараго Θедора Кошки, не полагалъ никакой преграды замысламъ Витовтовымъ, и позволилъ ему овладѣть Смоленскомъ [1]; но послѣ, когда получилъ вліяніе молодой

[1] Вотъ что сказано въ Супрасльской рукописи (стр. 136) о поблажкѣ Василія замысламъ Витовта: Князь же Юріи (Смоленскій) съслася съ княземъ Василіемъ съ Московскымъ, и выеха и Смоленска не во мнозѣ дружинѣ, а

Иванъ Кошка, то В. Князь какъ бы пробудился отъ прежняго бездѣйствія, и сильными, рѣшительными мѣрами заставляетъ Витовта отложить свои замыслы касательно примысловъ въ Московской Руси [1].

Показавъ отношенія В. К. Московскаго къ Литвѣ при Василіѣ Дмитріевичѣ, обратимся теперь къ другимъ княжествамъ Русскимъ. Съ Рязанью не было вражды при Василіи; съ сыномъ и преемникомъ Олега, Өедоромъ заключенъ былъ договоръ въ 1402 году [2]: В. Князь Рязанскій призналъ себя младшимъ братомъ Московскаго и обязался обо всѣхъ сношеніяхъ своихъ съ Ордою объявлять Василію. Любопытно также то, что Московскіе князья, прикупая и примышляя земли, никогда не отступались отъ этихъ примысловъ, но отъ другихъ князей требовали уступки прежнихъ прикуповъ: такъ въ означенномъ договорѣ Василій требуетъ, чтобъ В. К. Рязанскій от-

---

княгиню свою и бояръ оставивъ въ градѣ и приказа ждати себя на срокъ на прьвый и на другый и на третій, а самъ приеха на Москву и билъ чоломъ Князю Великому Василію, прося въ него помощи: Князь же Василіи обѣща ему дати силу свою и удръжа его на тыя сроки, а поровя тьстю своему Витовту.

[1] Кромѣ Өедора Кошки и сына его Ивана, въ княженіе Василія Димитріевича былъ знаменитъ также бояринъ Данило Өедоровичь, годъ смерти котораго записанъ лѣтописцемъ, при чемъ сказано: „иже много служилъ в. князю во ордѣ и на Руси и по чюжимъ землямъ.“ Никон. IV, 251.

[2] С. г. г. и д. т. I, NO 36.

казался отъ прикуповъ отца своего въ землѣ Мещерской. Мы уже имѣли случай упоминать о наслѣдственной враждѣ между В. Князьями Рязанскимъ и Пронскимъ: она не прекращалась и теперь. В. К. Московскій ставитъ себя посредникомъ между враждующими князьями, и вноситъ въ договоръ слѣдующее условіе: „А со Князем съ Великымъ съ Иваномъ Володимеровичемъ (Пронскимъ) взяти любовь по давнымъ грамотамъ. А что ся учинитъ межы васъ какова обида, и вамъ отъслати своихъ бояръ, ини учинятъ исправу; а о чемъ ся сопрутъ, ино имъ третей Митрополитъ: а кого Митрополитъ обвинитъ, ино обидное отдати; а не отдасть, ино мнѣ К. В. Василью Дмитреевичю отправити, а то ми не въ измѣну, тако же на обѣ сторонѣ.“ Не смотря на это посредничество, вражда между князьями Рязанскимъ и Пронскимъ не стихла: въ 1409 году Иванъ Владиміровичь пришелъ съ Татарами на Ѳедора Ольговича, выгналъ его изъ Рязани, и самъ сѣлъ на обоихъ столахъ; изгнанный Ольговичь явился съ воеводами Василія Московскаго отыскивать свою отчину, но былъ на голову разбитъ Пронскимъ княземъ; не смотря однако на эту побѣду, послѣдній долженъ былъ уступить Рязань опять Ѳедору, безъ сомнѣнія въ слѣдствіе угрозъ В. К. Московскаго [1].

Въ 1399 году умеръ Тверской князь Михаилъ, послѣдній опасный соперникъ Московскаго князя.

---

[1] Никон. V, 14, 15.

Почти за годъ до смерти онъ заключилъ договоръ съ Василіемъ [1], по которому становится въ такое же отношеніе къ В. Князю Московскому, какъ и Θедоръ Рязанскій, обязывается быть съ нимъ за одинъ во всѣхъ войнахъ съ Татарами, Литвою, Нѣмцами, Ляхами, обязывается не искать В. Княженія Владимірскаго за себя, за дѣтей, за внучатъ и за племянниковъ. По смерти Михаила въ Тверскомъ княженіи начались усобицы: я не стану входить въ ихъ подробности, потому что онѣ имѣютъ уже извѣстный намъ характеръ. В. К. Тверской Иванъ Михайловичь, по праву сильнаго, тѣснитъ удѣльныхъ, отнимаетъ у нихъ земли, выгоняетъ, даже лишаетъ свободы; удѣльные, съ своей стороны, мимо всѣхъ правъ, ищутъ В. Княженія подъ Иваномъ [2]. Любопытны отношенія этого Ивана Михайловича къ Москвѣ: онъ зналъ, что борьба съ нею невозможна, даже въ томъ случаѣ, еслибъ какъ-нибудь Ханъ утвердилъ на время свою власть надъ нею. Такъ, когда Эдигей, во время осады Москвы, послалъ къ Ивану сказать, чтобъ тотъ шелъ къ нему со всею ратію, то В. Князь Тверской показалъ видъ, что послушался приказа, и поѣхалъ къ Эдигею, только одинъ, безъ войска; а потомъ, подъ предлогомъ болѣзни, возвратился съ дороги. Современники считали этотъ поступокъ Тверскаго князя мастерскимъ дѣломъ; вотъ что говоритъ лѣто-

---

[1] С. г. г. и д. I, N0 14.
[2] Никон. IV, 297, 299, 307, 313; V, 9, 17, 43.

писецъ: „Таковымъ коварствомъ перемудрова, ни Едегея разгнѣва; ни Князю Великому погруби, обоимъ обоего избѣжа; се же створи умenски, паче же истинcки [1]."
Такая похвала не показываетъ большой возвышенности въ понятіяхъ современниковъ, что было однако необходимо при тогдашнихъ обстоятельствахъ, когда въ борьбѣ между сильными слабые видѣли единственное средство спасенія въ ловкомъ двоедушіи.

Изъ отношеній между Московскими князьями Великимъ и удѣльными первое мѣсто занимаютъ отношенія Василія къ дядѣ его Владиміру Андреевичу. Послѣдній отказался отъ старшинства въ пользу племянника; но это явленіе не могло не имѣть непріятныхъ послѣдствій по самой новости, неловкости положенія обѣихъ сторонъ. Владиміръ, не смотря на то, что призналъ себя младшимъ братомъ, не могъ забыть, что онъ дядя, и потому долженъ былъ требовать уваженія и уступокъ большихъ, чѣмъ какія могъ оказывать ему племянникъ по своему новому положенію. Отсюда въ первый же годъ Василіева княженія обнаружилась вражда между племянникомъ и дядею; Владиміръ выѣхалъ изъ Москвы сперва въ свой наслѣдственный городъ Серпуховъ, а потомъ въ Новгородскую область, въ Торжокъ. Но Василій спѣшилъ прекратить эту вражду, опасную уже тѣмъ однимъ, что отвлекала вниманіе В. Князя отъ важнѣйшихъ отношеній; Владиміру дали два города— Во-

---

[1] Карамз. V, примѣч. 207.

локъ и Ржеву, и заключенъ былъ договоръ, который дошелъ до насъ. [1] В. Князь выговариваетъ себѣ право посылать дядю въ походъ, и тотъ долженъ садиться на коня безъ ослушанья. Любопытно для насъ слѣдующее условіе, которое показываетъ, до какой степени дошла недовѣрчивость между родичами: „Также и городная осада, ожс ми, брате, самому сѣсти въ городѣ, а тобе ми послати изъ города; и тобѣ оставити своя княгини, и свои дѣти, и свои бояре: а будеть ми тобе оставити въ городѣ, ѣхати ми изъ города; и мнѣ брате, оставити своя мати, и свою братью молодшюю, и свои бояре." Смыслъ таковъ: если В. Князь, оставивъ дядю въ Москвѣ, уѣдетъ на сѣверъ, или кудабы то-ни было со всѣмъ семействомъ, то не будетъ болѣе заботиться о дядѣ, и на оборотъ, если Владиміръ, посланный изъ города, уѣдетъ со всѣмъ семействомъ и дворомъ, то не будетъ заботиться о В. Князѣ, оставленномъ въ осадѣ, и станетъ преслѣдовать только свои выгоды. Около 1405 года заключенъ былъ второй договоръ [2] съ Владиміромъ, по которому В. Князь далъ ему въ отчину другіе города вмѣсто прежде уступленныхъ, а Владиміръ, съ своей стороны, обязался, въ случаѣ смерти Василія, перенести свои отношенія къ нему и на сына его, т. е. быть младшимъ братомъ и для внука. Въ 1410 году умеръ Владиміръ Андреевичъ.

---

[1] С. г. г. и д. I, N 35.
[2] С. г. г. и д. NO 38.

Онъ также оставилъ завѣщаніе, [1] которое сходно съ завѣщаніями Князей Великихъ; Владиміръ приказываетъ В. К. Василію своихъ дѣтей и бояръ, проситъ его печаловаться объ нихъ; въ случаѣ споровъ между дѣтьми должна рѣшить княгиня мать ихъ, а В. Князь долженъ привести въ исполненіе приговоръ ся, при чемъ завѣщатель прибавляетъ любопытныя слова, отражающія духъ и потребность времени: „а вотчинѣ бы ихъ было и ихъ удѣломъ безъ убытка." Въ случаѣ смерти одного изъ сыновей, Владиміръ возобновляетъ древнее распоряженіе; мы видѣли, что въ сѣверной Руси дочь наслѣдуетъ отцу, если нѣтъ сыновей, какъ напр. было въ Ярославлѣ; но Владиміръ завѣщалъ: „а не будетъ сына, а останется дчи, и дѣти мои вси брата своего дчерь выдадутъ за мужъ, а брата своего удѣломъ подѣлятся вси ровно." Къ такому распоряженію привела Владиміра мысль, что его удѣлъ и безъ того раздробился уже на 5 участковъ, по числу сыновей, и если позволить переходъ этихъ участковъ чрезъ дочерей въ чужіе роды, то его собственный родъ совершенно обезсилѣетъ.

Мы имѣемъ договорныя грамоты Василія Димитріевича также съ родными его братьями [2]. Въ нихъ нѣтъ отмѣнъ противу прежнихъ подобнаго же рода

---

[1] Тамъ же, NO 40.
[2] С. г. г. и д. I, NO 37; Акты арх. эксп. I, NO 10.

грамотъ. Для объясненія послѣдующихъ событій важно замѣтить, что князья Андрей и Петръ Димитріевичи обязываются, въ случаѣ смерти Василія, блюсти В. Княжсніе и подъ сыномъ его, тогда какъ въ договорной грамотѣ Юрія этого условія не находится. Замѣчательнѣе были отношенія В. Князя къ самому меньшому брату его, Константину. Онъ родился не задолго до смерти отца, такъ что ему въ духовной Донскаго не было назначено никакого удѣла, и Василій Дмитріевичь далъ ему маленькій удѣлъ [1], взявши, по отцовскому завѣщанію, по нѣскольку волостей у братьевъ [2]. Такъ какъ этотъ Константинъ остался малюткою на рукахъ старшаго брата, то В. Князь называетъ его братомъ и сыномъ. Но когда Василій въ 1419 году потребовалъ отъ братьевъ, чтобъ они отреклись отъ правъ своихъ на старшинство въ пользу племянника, то Константинъ оказалъ явное сопротивленіе: „Несть сия отъ начала бывало," говорилъ молодой князь [3]. Василій разсердился, отнялъ у него удѣлъ, и Константинъ удалился въ Новгородъ, убѣжище всѣхъ недовольныхъ князей; однако скоро онъ уступилъ требованіямъ старшаго брата, и возвратился въ Москву.

Въ 1425 году умеръ Василій Димитріевичь. До насъ дошло 3 его духовныя грамоты. Первая [4] на-

---

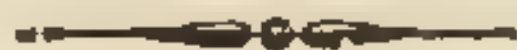
[1] С. г. г. и д. I, N0 39.
[2] Тамъ же, N0 43, 44.
[3] Никон. V, 73.
[4] С. г. г. и д. N0 39.

писана въ 1406 году, когда еще у него былъ живъ сынъ Иванъ, а Василій не родился еще. Въ это время В. Князь еще не былъ увѣренъ, достанется ли В. Княженіе Владимірское, равно какъ богатые примыслы, Нижній и Муромъ, сыну его, и потому говоритъ предположительно: „А дастъ Богъ сыну моему Князю Ивану княженье великое держати.... А дастъ Богъ сыну моему князю Ивану держати Новгородъ Нижній да Муромъ." Вторая духовная грамота Василія относится къ 1423 году.[1] Здѣсь уже В. Князь благословляетъ сына Василія утвердительно своею вотчиною великимъ княженіемъ; о Новгородѣ же Нижнемъ говоритъ опять предположительно: „А оже ми дастъ Богъ Новгородъ Нижній, и язъ и новымъ городомъ Нижнимъ благословляю сына моего князя Василія;" и только въ 1424 году утвердительно благословляетъ сына примысломъ своимъ Новгородомъ Нижнимъ и Муромомъ[2]. Но замѣчательнѣе всего для насъ въ этѣхъ духовныхъ то обстоятельство, что В. Князь приказываетъ своего сына тестю Витовту, братьямъ Андрею, Петру и Константину, равно какъ четвероюроднымъ братьямъ, сыновьямъ Владиміра Андреевича; но ни въ одной грамотѣ не говорится ни слова о старшемъ изъ братьевъ, Юріѣ Дмитріевичѣ — знакъ, что этотъ князь еще при жизни Василія Дмитріевича постоянно отрицался признать старшинство пле-

---

[1] С. г. г. и д. т. I, NO 41.
[2] Тамъ же, NO 42.

мянника, основываясь на древнихъ родовыхъ отношеніяхъ, и на криво-толкусмомъ завѣщаніи Донскаго, гдѣ послѣдній говоритъ, что въ случаѣ смерти Василія удѣлъ его переходитъ къ старшему по немъ; но здѣсь, какъ и во всѣхъ другихъ завѣщаніяхъ, разумѣется кончина безпотомственная, ибо рѣчь идетъ о цѣломъ удѣлѣ Василія, котораго отчинная часть, по крайней мѣрѣ, если исключимъ В. Княженіе Владимірское, необходимо должна была переходить къ сыновьямъ покойнаго [1].

[1] Что же касается до извѣстія, сообщаемаго Герберштейномъ (у Старчев: Hist. Ruth. script. exteri saeculi XVI, vol. I, p. 8), будто Василій Димитріевичъ, подозрѣвая жену свою Анастасію (вм. Софіи) въ невѣрности, отказалъ В. Княженіе не сыну Василію, но брату Юрію, то это сказка, выдуманная и разсказанная Герберштейну боярами, озлобленными на потомство Василія Темнаго.

ГЛАВА VIII-я.

Исторія княжескихъ отношеній въ правленіе Василія Темнаго.

Тотчасъ по смерти Василія Дмитріевича, Митрополитъ Фотій послалъ за старшимъ дядею Юріемъ, чтобъ тотъ явился въ Москву и призналъ старшинство племянника; [1] но Юрій не поѣхалъ и прислалъ въ Москву съ угрозами. Юрій не хотѣлъ войны открытой и вмѣстѣ не хотѣлъ мира съ племянникомъ, ибо при заключеніи мирнаго договора онъ долженъ былъ бы отказаться отъ своихъ притязаній; но требовалъ единственно перемирія, выжидая удобнаго времени, движенія съ востока или запада, или внутреннихъ смутъ въ самой Москвѣ, чтобъ напасть съ успѣхомъ на племянника, котораго не могъ осилить въ борьбѣ открытой. Такъ, когда Юрій вздумалъ было собирать войско, то Василій (т. е. по волѣ бояръ, ибо В. Князю было только 10 лѣтъ) двинулся на него, заставилъ бѣжать изъ наслѣдственной области

[1] Никон. V, 82.

и, если вѣрить извѣстіямъ нѣкоторыхъ лѣтописцевъ, Юрій былъ спасенъ единственно однимъ изъ братьевъ своихъ, которому В. Князь поручилъ преслѣдованіе непріятеля, и который, *норовя* Юрію, не хотѣлъ дѣятельно за нимъ гнаться: [1] извѣстіе вѣроятное, ибо Юрій, поддерживая старинныя права дядей, съ тѣмъ вмѣстѣ поддерживалъ право всѣхъ Дмитріевичей. Послѣ этой неудачной попытки Юрій хотѣлъ опять только перемирія, но Москва хотѣла мира; Митрополитъ Фотій ѣздилъ въ Галичь къ Юрію, но успѣлъ уговорить его только къ тому, что онъ обѣщался не думать о кровопролитіи, и отдать дѣло на рѣшеніе Хана [2]. И это была только одна уловка, одно средство продлить нерѣшительное положеніе, ибо если и прежніе князья мало обращали вниманіе на рѣшенія Ханскія, то могли ли повиноваться имъ сынъ и внукъ Донскаго? Вотъ почему долго послѣ того ни дядя, ни племянникъ не думали ѣхать въ Орду, и Юрій, отчаявшись въ успѣхѣ своего дѣла, заключилъ въ 1428 году договоръ съ Василіемъ, по которому признавалъ себя младшимъ братомъ племянника и обязывался, подобно другимъ своимъ братьямъ, не искать В. Княженія подъ Василіемъ [3]. Но въ 1431 году кто-то постарался снова поссорить родственниковъ; Юрій прислалъ означенный договоръ

---

[1] Карамз. V, примѣч. 257. Ср. Никон. V, 83.
[2] Никон. V, 85.
[3] С. г. г. и д. I, N 43 и 44.

вмѣстѣ со складною грамотою, [1] и тутъ только, для избѣжанія кровопролитія, оба соперника рѣшились ѣхать въ Орду на третейскій судъ, ибо другаго значенія ханскій судъ въ то время имѣть не могъ.

Въ челѣ Московскаго боярства стоялъ тогда старый бояринъ Иванъ Дмитріевичь, хитрый, ловкій, находчивый, однимъ словомъ образецъ тѣхъ Московскихъ бояръ, которые при отцѣ, дѣдѣ и прадѣдѣ Василья умѣли удержать за Москвою первенство и дать ей могущество. Когда неосторожный Юрій, прибывъ въ Орду, уѣхалъ въ Крымъ къ своему пріятелю, Мурзѣ Тегинѣ, Иванъ Дмитріевичь подольстился къ остальнымъ Мурзамъ, возбудилъ ихъ ревность къ могуществу Тегини, и они такъ настроили Хана Махмета, что тотъ грозилъ Тегинѣ смертію, если онъ вымолвитъ хотя слово за Юрія [2]. Начался судъ: Юрій основывалъ свои права на древнемъ родовомъ обычаѣ, доказывалъ лѣтописями, и наконецъ ссылался на ложно толкуемое завѣщаніе Донскаго. За Василія говорилъ Иванъ Дмитріевичь, онъ сказалъ Хану: Князь Юрій ищетъ В. Княженія по завѣщанію отца своего, а князь Василій по твоей милости; ты далъ улусъ свой отцу его Василію Дмитріевичу, и тотъ, основываясь на твоей милости, передалъ его сыну своему, который уже столько лѣтъ княжитъ и не свергнутъ тобою, слѣд. княжитъ по твоей же

---

[1] Тамъ же наоборотѣ написано: А сю грамоту Кн. Великому прислалъ съкладною вмѣстѣ Князь Юрьи, къ Ордѣ ида.

[2] Никон. V, 109 и слѣд.

милости [1]. Эта лесть, замѣчательная для насъ тѣмъ, что въ ней отзывается совершенное презрѣніе, забвеніе старины, на которомъ основалось Московское государство, эта лесть произвела свое дѣйствіе: Ханъ далъ ярлыкъ Василію; однако дядѣ Юрію, въ угоду другу его Тегинѣ, уступили Дмитровъ, выморочный удѣлъ брата его Петра. Такъ окончился судъ въ Ордѣ: разумѣется, онъ не могъ потушить распри; Юрій не могъ забыть неудачи, Василій не могъ не воспользоваться своимъ торжествомъ для окончательнаго низложенія соперника. Вотъ почему въ томъ же году встрѣчаемъ извѣстіе, что Юрій побоялся жить въ новомъ своемъ удѣлѣ, Дмитровѣ, и уѣхалъ въ далекій Галичь, а Василій тотчасъ же выгналъ его намѣстниковъ изъ Дмитрова, и захватилъ городъ [2]. Юрій долженъ былъ опасаться еще бóльшаго насилія со стороны счастливаго соперника, какъ вдругъ дѣла въ Москвѣ неожиданно приняли благопріятный для него оборотъ.

Иванъ Дмитріевичь, въ награду за услуги, оказанныя имъ Василію въ Ордѣ, надѣялся, что В. Князь женится на его дочери; эта надежда вовсе не была дерзкою въ то время, когда князья часто женились на дочеряхъ боярскихъ и выдавали за бояръ дочерей своихъ. Дочь Ивана Дмитріевича происходила по матери также отъ княжеской крови, и была по этому

---

[1] Никон. V, 110.
[2] Тамъ же, 111.

въ родствѣ съ В. Княземъ; послѣдній, будучи въ Ордѣ, далъ свое согласіе на этотъ бракъ. Но, по пріѣздѣ въ Москву, дѣла перемѣнились: мать В. Князя Софья Витовтовна имѣла другія понятія: она не согласилась на бракъ своего сына на боярской дочери, и настояла, чтобъ онъ обручился на княжнѣ Марьѣ Ярославнѣ, внукѣ Владиміра Андреевича Храбраго. Тогда Иванъ Дмитріевичь, такъ сильно ратовавшій въ Ордѣ противъ старины княжеской, вспомнилъ старину боярскую, и отъѣхалъ отъ Московскаго князя. Онъ боялся прямо ѣхать къ Юрію, опасаясь гнѣва его за недавнюю обиду; и потому кинулся сперва къ Константину Дмитріевичу, надѣясь пробудить въ немъ старинные замыслы, потомъ къ Тверскому князю, [1] наслѣдственному сопернику Москвы: но всё это ужс была старина, надъ которою самъ бояринъ такъ недавно наругался въ Ордѣ; новымъ, дѣйствительнымъ было могущество Москвы, противъ котораго никто не смѣлъ тронуться, могущество, утвержденное съ помощію предковъ Ивана, и его самого. Наконецъ бояринъ рѣшился явиться къ Юрію, и былъ принятъ радушно: все прежнее было забыто между двумя заклятыми врагами Московскаго князя. Но между тѣмъ какъ старый бояринъ подговаривалъ стараго князя возобновить старинныя притязанія, въ Москвѣ молодые князья, сыновья Юрія, Василій Косой и Димитрій Шемяка пировали на свадьбѣ В. Князя

---

[1] Никон. V, 112.

съ Марьею Ярославною. Но и здѣсь нашелся старикъ, который вспомнилъ старину, и его напоминовеніе смутило веселый пиръ и имѣло страшныя слѣдствія. Князь Василій Косой явился на свадьбу въ богатомъ поясѣ; старый бояринъ Петръ Константиновичь разсказалъ исторію этого пояса матери В. Князя Софьѣ Витовтовнѣ, исторію, любопытную и для насъ. Знаменитый поясъ былъ данъ Суздальскимъ княземъ Димитріемъ Константиновичемъ въ приданое за дочерью Евдокіею, шедшею за мужъ за Димитрія Донскаго; послѣдній Тысяцкій, Василій Вельяминовъ, который долженъ былъ играть важную роль на княжеской свадьбѣ, подмѣнилъ этотъ поясъ другимъ, меньшей цѣны, а настоящій отдалъ сыну своему Николаю, за которымъ была старшая дочь кн. Димитрія Суздальскаго, Марья. Николай Вельяминовъ отдалъ роковой поясъ также въ приданое за дочерью, которая вышла за нашего боярина, Ивана Дмитріевича; Иванъ отдалъ его въ приданое за дочерью же князю Андрею Владиміровичу, сыну Храбраго, и по смерти послѣдняго, обручивъ его дочь, а свою внуку за Василія Косаго, подарилъ жениху поясъ, въ которомъ тотъ и явился на свадьбу В. Князя [1]. Софья Витовтовна, узнавъ, что за поясъ былъ на Косомъ, не постыдилась при всѣхъ снять его съ князя, какъ собственность своего семейства, беззаконно перешедшую въ чужое. Юрьевичи, справедливо оскорблен-

---

[1] Никон. V, 112.

ные такимъ позоромъ, тотчасъ выѣхали изъ Москвы, и это послужило знакомъ къ войнѣ.

Въ Москвѣ только тогда узнали о движеніяхъ Юрія, когда уже онъ былъ не далеко съ многочисленнымъ войскомъ. В. Князь, захваченный въ расплохъ, не могъ думать о сопротивленіи; онъ послалъ бояръ своихъ просить мира у дяди, котораго они нашли въ Троицкомъ монастырѣ; но Иванъ Дмитріевичь не далъ и слова молвить о мирѣ: „и бысь, говоритъ лѣтописецъ, межи обоихъ бояръ брань велика и слова неподобныя [1]." Тогда Василій, собравши наскоро сколько могъ людей, выступилъ противъ дяди, но съ своею малочисленною и нестройною толпою былъ разбитъ на голову сильными полками Юрія за 20 верстъ отъ Москвы, и бѣжалъ въ Кострому, гдѣ былъ захваченъ въ плѣнъ. Юрій въѣхалъ въ Москву, и сталъ В. Княземъ. Какія же могли быть слѣдствія этого событія? Старина, возобновленная Юріемъ, была новостію въ Москвѣ, и потому побѣдитель находился въ затруднительномъ положеніи, не зналъ, что дѣлать съ побѣжденнымъ. Сперва, при господствѣ родовыхъ отношеній, сынъ В. Князя, при жизни отца имѣлъ свою волость, и когда старшій въ родѣ заступалъ мѣсто покойнаго В. Князя, то сынъ послѣдняго оставался на своемъ столѣ или перемѣнялъ его на другой, лучшій, что было тогда легко. Но теперь Василій, при жизни

---

1. Тамъ же 113.

отца, не имѣлъ особаго удѣла, его удѣлъ была Москва и В. Княженіе; вытѣснивъ его изъ Москвы, Юрій, чтобъ помѣстить его гдѣ-нибудь, долженъ былъ разрушить порядокъ вещей, установленный завѣщаніями князей предшествовавшихъ; притомъ жители Москвы любили Василія, какъ у нихъ взросшаго, и забыли Юрія. Далѣе представлялся вопросъ: по смерти Юрія, которая была не далеко по причинѣ его старости, кто долженствовалъ быть В. Княземъ? По старому порядку вещей Константинъ Димитріевичь, единственный изъ оставшихся въ живыхъ сынъ Донскаго, а послѣ него опять Василій, какъ сынъ старшаго брата. Московскій бояринъ Иванъ Дмитріевичь и сыновья Юрія думали не такъ: они позабыли старину и знать ее не хотѣли. Ихъ право не было старинное право старшинства, но право новое, право силы и удачи. Выгнавши Василія изъ Москвы, Юрьевичи вовсе не думали возобновлять старыхъ родовыхъ счетовъ съ кѣмъ бы то ни было; они хотѣли, по новому порядку вещей, наслѣдовать своему отцу точно такъ, какъ Василій наслѣдовалъ своему, слѣд. эту знаменитую Московскую борьбу дяди съ племянникомъ никакъ не льзя смѣшивать съ подобными войнами въ старой Руси: въ Московской борьбѣ право старшинства было только пустымъ предлогомъ, и побѣдитель, который осиливалъ во имя этого права, тотчасъ же стремился нарушить его въ свою пользу, тотчасъ возобновлялъ поведеніе противника, противъ котораго вооружился. Московскій бояринъ Иванъ

Дмитріевичь и сыновья Юрія, повторяю, смотрѣли на борьбу съ Василіемъ съ новой точки зрѣнія, и хотѣли воспользоваться своею побѣдою, чтобъ тотчасъ же избавиться отъ послѣдняго: они не видали въ немъ родича, съ которымъ хотѣли считаться правами; они видѣли въ немъ независимаго владѣльца, котораго собственность дало имъ въ руки военное счастіе, и въ этой собственности они видѣли примыслъ, которымъ не хотѣли дѣлиться ни съ кѣмъ.

Но отецъ ихъ Юрій былъ болѣе совѣстливъ или, по крайней мѣрѣ, не имѣлъ столько твердости въ характерѣ, чтобъ рѣшиться на насильственныя мѣры противъ племянника. Скоро послѣдній нашелъ за себя предъ нимъ ревностнаго ходатая. У Юрія былъ старинный любимый бояринъ Семенъ Морозовъ; появленіе ловкаго Ивана Дмитріевича при дворѣ Юрія и перевѣсъ, который онъ взялъ надо всѣми по своимъ талантамъ, не могли не оскорбить прежняго любимца: выражаясь мѣстническимъ языкомъ, Иванъ Дмитріевичь *заѣхалъ* Морозова, оттѣснилъ его на низшую ступень: вотъ почему Морозовъ находилъ удовольствіе въ томъ, чтобъ противорѣчить совѣтамъ Ивана Дмитріевича, и когда послѣдній, вмѣстѣ съ молодыми князьями настаивалъ на жестокія мѣры противъ Василія, Морозовъ заступался за несчастнаго плѣнника и уговорилъ Юрія отдать ему въ удѣлъ Коломну, постоянно переходившую къ старшему сыну В. Князя Московскаго [1]. Но едва прежній В. Князь

[1] Никон. 114, 115.

прибылъ въ свой удѣлъ, какъ началъ призывать къ себѣ отовсюду людей, и отовсюду начали стекаться къ нему князья, бояре, воеводы, дворяне, слуги, откладываясь отъ Юрія, котораго незнали; однимъ словомъ, около Василія собрались всѣ тѣ, которые пришли бы къ нему и въ Москву по первому зову, но не успѣли этого сдѣлать, потому что Юрій засталъ племянника въ расплохъ, и этому только былъ обязанъ своимъ торжествомъ. Тогда Юрьевичи, увидя исполненіе своихъ опасеній, обратили ярость на главнаго виновника отцовской ошибки и убили Семена Морозова во дворцовыхъ сѣняхъ, приговаривая: „ты злодѣй, крамольникъ, ты ввелъ отца нашего въ бѣду, и намъ издавна крамольникъ и лиходѣй [1].“ Избѣгая отцовскаго гнѣва, убійцы удалились изъ Москвы; тогда Юрій, видя себя оставленнымъ Москвитянами и собственными дѣтьми, послалъ къ Василію звать его обратно на великое княженіе, а самъ уѣхалъ въ Галичь, сопровождаемый только пятью человѣками [2]. Такъ торжественно была показана невозможность возстановленія старины! Но борьба этимъ не кончилась.

Удалясь изъ Москвы, въ пылу негодованія на двоихъ старшихъ сыновей, Юрій отдѣлилъ ихъ дѣло отъ своего, и заключилъ съ Василіемъ Васильевичемъ

---

[1] Никон. V, 115.

[2] Акты Историч. I, № 40.

договоръ, въ которомъ за себя и за младшаго сына, Димитрія Краснаго отказался принимать къ себѣ Косаго и Шемяку;[1] отказался отъ выморочнаго удѣла брата своего Петра—Дмитрова, за что взялъ Бѣжецкій Верхъ съ разными другими волостями: но здѣсь, разумѣется, выгода была на сторонѣ Василія, который утверждалъ право В. Князя наслѣдовать выморочные удѣлы безъ дѣлежа съ родичами. Юрій не выговорилъ ничего въ пользу Ивана Дмитріевича: всѣ села его были взяты въ казну Василія *за его вину*. Но Юрій не могъ долго сдерживать своихъ обѣщаній: когда пришла вѣсть, что Василій послалъ войско на Косаго и Шемяку, то старику жаль стало сыновей и онъ послалъ къ нимъ на помощь свои полки: узнавъ о такомъ нарушеніи даннаго слова, В. Князь пошелъ на дядю, но тотъ успѣлъ остеречься, соединился со старшими сыновьями и разбилъ Василія; послѣдній побѣжалъ сперва въ Новгородъ Великій, а потомъ въ Нижній и, настигаемый Юрьевичами, сбирался уже въ Орду, какъ вдругъ узналъ о скоропостижной смерти Юрія, случившейся въ Москвѣ въ томъ же 1434 году. Оставленная Юріемъ духовная написана прежде, а именно тотчасъ по приходѣ изъ Орды, когда еще онъ владѣлъ Дмитровомъ[2]. Любопытны договорныя грамоты, заключенныя передъ этимъ временемъ В. Князьями Василіемъ

---

[1] С. г. г. и д. т. I, № 49 и 50.

[2] С. г. г. и д. т. I, № 51.

и Юріемъ съ удѣльными князьями, сыновьями Андрея Дмитріевича, внуками Владиміра Андреевича и съ В. Княземъ Рязанскимъ [1]. Онѣ начинаются: „Божіею милостію“ или: „Божіею милостію и Пречистыя Богородицы;“ внуки Владиміра Андреевича называютъ В. К. Василія Васильевича старшимъ братомъ и отцемъ, дядю его Константина дядею; В. К. Рязанскій Иванъ Ѳедоровичь называетъ себя племянникомъ Юрія Дмитріевича, какъ онъ и былъ дѣйствительно, ибо его мать, жена Ѳедора Ольговича была дочь Донскаго; но какой же смыслъ имѣетъ это выраженіе: „имѣти ти мене собѣ братеничемъ?“ Это опредѣленіе отношеній не смотря на то, что родственное, заимствовано однако не изъ прежняго родоваго быта: прежде существовали только отношенія отца и брата, старшіе для младшихъ были отцами, младшіе для младшихъ братьями, племянникъ для дяди былъ сыномъ, ибо при единствѣ рода различія между ближайшими и отдаленнѣйшими родичами не могло быть, слѣд. различія между сыномъ и племянникомъ не было, отношеніе сына къ отцу и племянника къ дядѣ были совершенно одинакія, и потому мы видимъ что въ древней Руси дядя обыкновенно говоритъ племяннику: *сыну!* а племянникъ дядѣ: *отче!* Такъ сыновья Андрея Дмитріевича, заключая договоръ съ дядею Юріемъ, прямо называютъ его *отцемъ*, что понятно и опредѣленно: „целуй ко мнѣ

[1] Тамъ же; N 45, 46, 47, 48.

крестъ къ своему *отцу* В. К. Юрью Дмитріевичю и къ моимъ дѣтемъ: имѣти вамъ мене собѣ отцемъ; а мнѣ В. Князю васъ держати въ сыновьствѣ и во чти, безъ обиды." И такъ что же хочетъ сказать В. К. Рязанскій, называя себя племянникомъ князя Московскаго, а не сыномъ? Онъ хочетъ сказать то, что между ними существуетъ кровная связь, въ слѣдствіе которой онъ будетъ уважать Юрія, какъ брата своей матери, а тотъ долженъ любить и защищать его, какъ сына своей сестры, безо всякихъ однако родовыхъ отношеній, которыя уже теперь служили сильнѣйшимъ князьямъ для достиженія государственныхъ цѣлей; такъ если бы Рязанскій князь назвался сыномъ Московскаго, то этимъ самымъ, по новому порядку вещей, поступилъ бы къ нему въ подручническое отношеніе, тогда какъ названіе племянника ни къ чему его не обязывало.

По смерти Юрія престолъ Московскій занялъ старшій сынъ его Василій Косой, мимо всѣхъ родовыхъ правъ, по новому обычаю престолонаслѣдія отъ отца къ сыну. Но братья его, два Димитрія—Шемяка и Красный, поспѣшили доказать ему, что и они дѣйствуютъ по новому, т. е. преслѣдуютъ свои личные интересы, а не интересы рода; они послали сказать Косому: „Если Богу неугодно, чтобы княжилъ отецъ нашъ, то тебя сами не хотимъ," [1] и въ тоже время

---

[1] Никонов. V, 118.

послали къ Василію Васильевичу въ Нижній звать его на В. Княженіе въ Москву: они знали, что брату ихъ неудержаться въ Москвѣ, и потому поспѣшили добровольнымъ признаніемъ Василія получить расположеніе послѣдняго и прибавки къ своимъ удѣламъ. Василій Васильевичь точно отдалъ Шемякѣ удѣлъ умершаго дяди Константина Дмитріевича — Ржевъ и Угличь, но за то удержалъ за собою удѣлъ дяди Петра — Дмитровъ, и удѣлъ Косаго—Звѣнигородъ,[1] Косой былъ изгнанъ изъ Москвы и лишенъ удѣла: ему не оставалось ничего, кромѣ самыхъ отчаянныхъ средствъ, которыя слѣд. условливались его положеніемъ и при томъ еще личнымъ характеромъ. Вообще, чтобъ уяснить себѣ вполнѣ характера Косаго и Шемяки, надобно войти въ ихъ положеніе; несчастныя притязанія отца вовлекли ихъ во вражду съ Василіемъ Московскимъ, изъ которой имъ не было выхода. Когда отецъ ихъ овладѣлъ въ первый разъ Москвою, они стояли за насильственныя средства противъ особы Василія, зная, что другихъ средствъ быть не могло въ это время, во время такой борьбы, въ которой примиреніе было не возможно, въ которой одинъ изъ соперниковъ долженъ былъ необходимо погибнуть. Теперь, когда восторжествовалъ Василій Васильевичь, Юрьевичи чувствовали, что побѣдитель долженъ употребить противъ нихъ тѣже самыя средства, какія прежде они сами

---

[1] С. г. г. и д. т. I, N 52 и слѣд.

хотѣли употребить противъ него, и если они примиряются съ нимъ, то это примиреніе вынуждено только обстоятельствами, ненадежно, и обѣ стороны пользуются такимъ перемиріемъ для отысканія средствъ къ возобновленію борьбы. Но во имя чего же идетъ эта борьба: во имя ли старыхъ и новыхъ правъ? Какое старое право поддерживаютъ Юрьевичи противъ Василія? Борьба идетъ во имя права самосохраненія: доведенные до отчаянія, озлобленные неудачею, Юрьевичи, можно сказать, повинуются одному животненному инстинкту самосохраненія, забываютъ человѣчность въ своихъ поступкахъ, становятся звѣрями; но ожесточеніе Юрьевичей необходимо вызываетъ ожесточеніе со стороны Василія, вызываетъ также насильственныя мѣры.

Косой бѣжалъ изъ Москвы, захвативъ казну великокняжескую; съ помощію послѣдней онъ не могъ имѣть недостатка въ людяхъ, которые за деньги готовы были служить всякому, не разбирая средствъ. Съ толпами такихъ наемниковъ Косой бросался изъ одной области въ другую, какъ звѣрь свирѣпствуя противъ тѣхъ, со стороны которыхъ встрѣчалъ хотя малѣйшее сопротивленіе [1]. Особенно вѣрныхъ

---

[1] О поведеніи Косаго во время войнъ съ Василіемъ Московскимъ, см. Никон. V, 120: и городъ Устюгъ взялъ; а воеводу Великого Князя Василія Васильевича князя Глеба Ивановича Оболенского убилъ, а десятилка владычня Ростовского Нева Булатова повесилъ, и многихъ Ус-

помощниковъ нашелъ себѣ Косой въ жителяхъ Вятки: этотъ городъ былъ основанъ буйными толпами Новгородскихъ выходцевъ; потомство основателей не утратило ихъ характера, при томъ болотистая страна была постоянно убѣжищемъ бѣглецовъ, отверженниковъ общества [1]; смѣлые разбойники, равно страшные иноплеменникамъ и своимъ, Вятчане признавали очень слабую зависимость отъ В. Князей; Вятка была причислена къ удѣлу Юрія Дмитріевича; по смерти его Василій Васильевичь не хотѣлъ уступить ее Юрьевичамъ [2], зная, что эти усобники будутъ постоянно находить себѣ тамъ готовую дружину. Не смотря на это Вятчане видѣли въ Косомъ достойнаго себѣ предводителя и дружно помогали ему. Пораженный войскомъ Василія Московскаго въ области Ярославской, на рѣкѣ Которости, Юрьевичь бросился въ Костромскую область, но и тамъ былъ настигнутъ соперникомъ, однако разлившаяся весною рѣка не допустила ихъ до битвы, и они взяли миръ [3]: договоръ дошелъ до насъ [4]. В. Князь отдалъ Косому

тюжанъ секъ і вешалъ. См. тамже Акты Историч. т. I, N 40: духовенство пишетъ къ Шемякѣ: „и братъ вашъ старѣйшій, князь Василій въсхотѣ Княженія Великого, и колико крови христіянскіе пролья, и священниковъ и черноризцевъ пресѣче и извѣша!“

[1] Герберштейнъ у Старч. Hist. Ruth. script. ext. 1, p. 57: Regio palustris et sterilis est, servorum fugitivorum velut asylum quoddam.

[2] С. г. г. и д. т. I, N 52.

[3] Никон. V, 119.

[4] Акты Арх. Эксп. I, N 29.

въ удѣлъ Дмитровъ; почему же не прежній удѣлъ его Звѣнигородъ? почему и прежде Василій не далъ этого удѣла Шемякѣ, а уступилъ удѣлъ Константина Дмитріевича? Поступокъ этотъ объясняется легко изъ послѣдующихъ: и послѣ В. Князья стараются перемѣнять владѣнія князей удѣльныхъ, дабы послѣдніе, постоянно пребывая въ одномъ удѣлѣ, не могли пріучить къ себѣ жителей его, пріобрѣсть ихъ любовь; вотъ почему и теперь В. Князь не хотѣлъ отдать Косому его отчину Звѣнигородъ. Юрьевичь вступилъ къ Василію въ отношенія младшаго князя и обязывался отдать всю казну, увезенную имъ изъ Москвы, равно казну покойнаго дяди Константина. Въ этомъ же договорѣ встрѣчаемъ любопытное извѣстіе о томъ, какъ въ это время люди всѣхъ сословій, не одни бояре и слуги княжескіе, при первомъ неудовольствіи перебѣгали изъ одного княжества въ другое; въ грамотѣ В. Князь выговариваетъ слѣдующее: „А которые гости суконники вскоромолили на меня на великого князя и на матерь мою на великую княгиню, да вышли съ Москвы во Тфѣрь въ наше розмиріе, а тѣхъ ти не пріимати.“

Косой скоро увидалъ дѣйствительность мѣры В. Князя въ перемѣнѣ удѣла: онъ прожилъ въ Дмитровѣ не болѣе мѣсяца и отправился на Сѣверъ къ Галичу, въ удѣлъ брата своего Шемяки [1], что не мо-

---

[1] Никон. V, 120.

гло быть сдѣлано безъ согласія послѣдняго; тамъ пришли къ нему Вятчане, и онъ пошелъ съ ними разорять великокняжескія области, а между тѣмъ Шемяка пріѣхалъ въ Москву звать В. Князя къ себѣ на свадьбу: этотъ зовъ въ то время, когда Косой въ удѣлѣ Шемяки набиралъ войска, не могъ не показаться подозрительнымъ: Василій велѣлъ задержать Димитрія и стеречь въ Коломнѣ на все время войны съ братомъ его; такая подозрительность В. Князя оправдывается послѣдующими поступками Юрьевичей, которые, какъ слабѣйшіе, не надѣясь на силу, прибѣгали ко всякаго рода коварствамъ для полученія успѣха; третій же Юрьевичь, Димитрій Красный, по своему кроткому характеру, не могъ возбудить подозрѣнія и былъ въ войскахъ В. Князя. Послѣдній встрѣтился съ Косымъ въ Ростовской области; Юрьевичь хотѣлъ употребить хитрость, чтобъ схватить въ расплохъ В. Князя, но послѣдній своею смѣлостію и рѣшительностію избѣгнулъ опасности, Косой былъ совершенно разбитъ, взятъ въ плѣнъ и отвезенъ въ Москву, и когда союзники его Вятчане схватили въ Ярославлѣ воеводу великокняжескаго, князя Александра Брюхатаго, взяли съ него богатый окупъ, и не смотря на это все таки отвели къ себѣ въ плѣнъ [1],

---

[1] Лѣтоп. содер. въ себѣ Рос. Ист. отъ 852 до 1598 г. стр. 147. Придѣ же вѣсть Великому Князю на Москву, что Вятчаня князя Александра и со княгинею поимали, и на Вятку свели. и Князь Великій велѣлъ князю Василью Косому очи выняти.

то раздраженный Василій рѣшился покончить дѣло съ Косымъ, и велѣлъ ослѣпить его. Этотъ поступокъ нельзя называть неслыханнымъ злодѣйствомъ, ибо ожесточенная борьба, въ которой рѣшался вопросъ о томъ—быть или не быть, давно уже шла между князьями, борьба, которая, по означенному характеру, должна была рѣшаться гибелью одного изъ соперниковъ; такъ борьба между Москвою и Тверью кончилась гибелью 4-хъ князей Тверскихъ: Московскіе князья убили ихъ въ Ордѣ посредствомъ Хана, но не менѣе того убили; теперь же, въ борьбѣ между Московскими князьями соперники были поставлены въ положеніе гораздо опаснѣйшее: прежде вопросъ шелъ только о В. Княженіи Владимірскомъ; торжество одного князя еще не грозило такою близкою гибелью побѣжденному: онъ, его сыновья и внуки могли существовать, какъ владѣльцы независимые, тогда какъ теперь обстоятельства были уже не тѣ: Косой обнаружилъ свой характеръ и свои цѣли, показалъ, что пока онъ живъ, Василій Васильевичь не будетъ спокоенъ; Ханы въ это время потеряли прежнее значеніе, ихъ уже нельзя было употреблять орудіемъ для гибели соперника, и князьямъ было предоставлено раздѣлываться самимъ другъ съ другомъ.

По ослѣпленіи Косаго В. Князь выпустилъ брата его Шемяку изъ Коломны въ прежній удѣлъ, и заключилъ съ нимъ договоръ совершенно одинаковый съ предыдущимъ. Въ 1440 году встрѣчаемъ новый

договоръ съ Юрьевичами, [1] гдѣ между прочимъ сказано слѣдующее: „такъ же и нынеча што будете взяли на Москвѣ нынѣшъннмъ приходомъ у меня и у моей матери, и у моихъ князей, и у бояръ у моихъ и у дѣтей у боярскихъ, и што будетъ у васъ, и вамъ то отъдати.“ Это мѣсто ясно указываетъ на непріятельскій приходъ Юрьевичей къ Москвѣ; лѣтописцы молчатъ объ этомъ приходѣ Шемяки подъ 1440 годомъ, и помѣщаютъ приходъ его подъ 1442, которому предшествовалъ походъ В. Князя на Юрьевича и бѣгство послѣдняго въ Новгородскую область; [2] причиною вражды В. Князя къ Шемякѣ въ этомъ случаѣ было то, что Юрьевичь ослушался его зову и не пошелъ помогать Москвѣ, когда она была осаждена Ханомъ Улу-Махметомъ въ 1439 году; соперники были примирены Троицкимъ архимандритомъ Зиновіемъ. Если мы предположимъ, что въ лѣтописи перемѣшаны года̀, и этотъ походъ 1442 года должно отнести къ 1440, послѣ котораго и былъ заключенъ нашъ договоръ, то все объяснится легко и естественно: въ 1439 году Улу-Махметъ осаждалъ Москву, Шемяка неявился на помощь, за

---

[1] С. г. г. и д. т. I, N 60.

[2] Никон, V, 157. Въ посланіи духовенства къ Шемякѣ, въ Акт. Историч. 1, N 40: „Егда приходилъ къ Москвѣ безбожный царь Махметъ; и Князь Вел. Вас. Вас. колькое пословъ своихъ по тебе посылалъ, такоже и грамотъ, зовучи тобе къ собѣ на помощь? И ты къ нему не пошелъ.“

что тотчасъ же В. Князь пошелъ на него и прогналъ въ Новгородскую область; потомъ Шемяка, оправившись, явился самъ подъ Москвою и заключилъ миръ.

Какъ бы то ни было, мы уже сказали, что подобныя борьбы оканчиваются только гибелью одного изъ соперниковъ. Въ 1445 году Шемяка могъ думать, что благопріятная ему судьба внезапною, неожиданною развязкою борьбы освобождаетъ его навсегда отъ соперника. Недавно установленная въ Казани Орда своими грабительствами не давала покою восточнымъ предѣламъ Московскихъ владѣній, областямъ Нижегородскимъ и Муромскимъ. Въ 1445 году, узнавъ о движеніяхъ Казанцевъ, В. Князь съ малымъ отрядомъ войска и князьями, двоюродными братьями Андреевичами и однимъ изъ внуковъ Владиміра Храбраго, выступилъ противъ хищниковъ, причемъ посылалъ къ Шемякѣ до 40 пословъ (?), зовя его на помощь: Шемяка не явился [1]. Близь Суздаля В. Князь встрѣтился съ многочисленными Татарскими полками, вступилъ въ битву, и не смотря на отчаянное мужество, былъ подавленъ числомъ враговъ и весь израненный взятъ въ плѣнъ [2]. Ка-

---

[1] Посланіе духовенства къ Шем. Акт. Истор. 1, N 40: „А по тобе братъ твой старѣйшій, Князь Великій посылалъ пословъ своихъ до четыредесяти, зовучи тобе къ собѣ за христіанство помогати: и ты ни самъ къ нему не поѣхалъ, ни воеводъ своихъ съ своими людми не посылалъ.“ Кажется здѣсь выраженіе: 40 разъ употреблено вмѣсто: много разъ.

[2] Никон. V, 197 и слѣд.

занскій Ханъ Махметъ, доставши въ руки В. Князя, и зная отношенія его къ Шемякѣ, отправилъ къ последнему посла для переговоровъ на счетъ участи плѣнника. Шемяка обрадовался, принялъ посла съ великою честію, и отпустилъ его, по выраженію лѣтописца, „со всѣмъ лихомъ на В. Князя,“ отправивъ въ тоже время въ Казань своего дьяка хлопотать о томъ „чтобы В. Князю не выйти на В. Княженіе [1].“ Но Ханъ хотѣлъ кончить дѣло какъ можно скорѣе и какъ можно скорѣе получить выгоды отъ своей побѣды, выгоды, разумѣется, денежныя, ибо о политической зависимости Москвы отъ Казани онъ не могъ и мечтать; думая, что посолъ его, долго не возвращавшійся отъ Шемяки, убитъ послѣднимъ, Махметъ вступилъ въ переговоры съ своимъ плѣнникомъ, и согласился отпустить его въ Москву. Касательно условій освобожденія свидѣтельства разногласятъ: въ бо́льшей части лѣтописей сказано: „Царь Улу-Махметъ и сынъ его утвердиша В. Князя крестнымъ цѣлованіемъ, что дати ему съ себя окупъ, сколько можетъ [2].“ Но въ нѣкоторыхъ означена огромная, по тогдашнему времени, сумма—200,000 рублей; [3] намекается также и о другихъ какихъ-то условіяхъ, напр. въ Новгород. „а иное Богъ вѣсть, и они въ себѣ.“ Вѣроятно, что Ханъ выговорилъ себѣ также и земли въ Россіи,

---

[1] Тамъ же, 200; въ Степ. книгѣ: „Шемяка увѣща Бигича, еже убіену быти В. Князю.

[2] Никон. V, 200; Карамз. V, примѣч. 329.

[3] Карамз. тамъ же.

на случай новаго изгнанія, ибо власть его въ Казани не была утверждена вполнѣ;[1] по крайней мѣрѣ нельзя согласиться, чтобъ окупъ В. Князя былъ *умѣренный*, какъ говоритъ Карамзинъ. Лѣтописи единогласно говорятъ, что съ В. Княземъ выѣхали изъ Орды многіе князья Татарскіе со многими людьми;[2] и прежде Василій охотно принималъ Татарскихъ князей въ службу, и давалъ имъ кормленія—средство превосходное противопоставлять варварамъ варваровъ же, заставляя ихъ биться за гражданственность, средство, которое Россія должна была употреблять и употребляетъ въ слѣдствіе самаго своего географическаго положенія. Мы, разумѣется, можемъ только хвалить Василія за употребленіе этого средства, но современники думали не такъ: мы видѣли, какъ они роптали на отца Василіева за то, что онъ давалъ Литовскимъ князьямъ богатыя кормленія; еще болѣе возбудили ихъ негодованіе подобные поступки Василія съ Татарами, ибо въ нихъ не могла погаснуть страшная ненависть къ этимъ врагамъ, которые еще не оставляли тогда притязаній на господство надъ Русью, т. е. на безнаказанное насиліе надъ ея жителями, и когда къ тому еще огромныя подати наложены были на народъ, чтобъ достать деньги для окупа, то негодованіе на В. Князя обнаружилось въ самыхъ стѣнахъ Москвы: имъ спѣшилъ воспол-

---

[1] Тамъ же.

[2] Никон. V, 201.

зоваться Шемяка. Теперь болѣе, чѣмъ когда либо, Юрьевичь долженъ былъ опасаться Василія, потому что послы его къ Хану Казанскому были перехвачены, и В. Князь зналъ объ его замыслахъ; но занятый отношеніями Татарскими, онъ не могъ еще думать о преслѣдованіи Димитрія: послѣдній спѣшилъ предупредить его. Узнавъ, что въ Москвѣ образовалась партія людей, недовольныхъ В. Княземъ и слѣд. благопріятныхъ ему, Шемяка началъ сноситься съ княземъ Борисомъ Тверскимъ и сыномъ Андрея Димитріевича, Иваномъ Можайскимъ, у котораго и прежде было нелюбье съ В. К. Василіемъ [1]. Онъ сообщилъ имъ слухъ, который носился тогда объ условіяхъ Василія съ Казанскимъ Ханомъ, условіяхъ преувеличенныхъ до нелѣпости неблагонамѣренными людьми: шла молва, будто В. Князь обѣщалъ отдать Хану все Московское княжество, а самъ удовольствоваться Тверью [2]. Князь Тверской и Можайскій повѣрили, или сочли полезнымъ для себя повѣрить, и согласились дѣйствовать за одно съ Шемякою и Московскими недовольными, въ числѣ которыхъ были бояре, гости и даже черецы [3]. Главными дѣйствователями

---

[1] С. г. г. и д. т. I; N 61. г. 1445. Андреевичи говорятъ В. Князю: „А что ти, господине Князь Велики, на насъ на свою братью на молодшею было на сердце; и то ти, Господине, по се наше докончанье заднее все намъ оставити.“

[2] Никон. V, 202.

[3] Тамъ же: Мнози же и отъ Москвичь в думѣ с ними бяху бояре же и гости; беже и отъ черцевъ в той думе съ ними.

при этомъ были бояре покойнаго князя Константина Дмитріевича. Московскіе измѣнники дали знать союзнымъ князьямъ, что Василій безо всякаго опасенія поѣхалъ молиться въ Троицкій монастырь; [1] Шемяка и Можайскій овладѣли въ расплохъ Москвою, потомъ также нечаянно схватили В. Князя у Троицы, привезли въ Москву, ослѣпили и сослали въ Угличь. Шемяка поступилъ такимъ образомъ съ Василіемъ не изъ мщенія за брата; онъ поступилъ съ нимъ теперь точно также, какъ поступилъ бы прежде, при первомъ торжествѣ отца своего Юрія, еслибъ Морозовъ не уговорилъ послѣдняго къ снисходительности. Въ одной лѣтописи впрочемъ приведены причины, по которымъ ослѣпленъ былъ В. Князь, онѣ любопытны: „Почто еси Татаръ привелъ на Русьскую землю и городы подавалъ еси имъ и волости въ кормленіе; а Татаръ и языкъ ихъ паче мѣры любишь, а хрестіанъ безъ милости томишь, и злато и сребро Татарамъ даешь? и за тый гнѣвъ, что ослѣпилъ Василья Юрьевича [2].“

Торжество Шемяки, бывшее слѣдствіемъ заговора немногихъ недовольныхъ, осмѣлившихся дѣйствовать во имя всѣхъ, не могло быть продолжительно. Двое малолѣтныхъ сыновей Василія были

---

[1] Тамъ же, 203: А ко князю Дмитрию Шемяке и Івану Можаискому вести по вся дни посылаеми бяху с Москвы отъ измѣнниковъ.

[2] Карамз. V, примѣч. 334.

спасены изъ Троицкаго монастыря вѣрными людьми и сданы на руки князьямъ Ряполовскимъ, которые скрылись съ ними въ Муромѣ. Шемяка уговорилъ Рязанскаго Епископа Іону отправиться въ Муромъ и вытребовать малютокъ у Ряполовскихъ съ обѣщаніемъ дать имъ богатый удѣлъ; Іона уговорилъ Ряполовскихъ уступить желанію Шемяки, поручившись святительскимъ словомъ въ исполненіи его обѣщанія; не смотря на то Шемяка отослалъ ихъ къ отцу въ Угличь. Тогда Ряполовскіе начали думать о средствахъ, какъ бы освободить В. Князя. Въ самомъ началѣ торжества Шемяки, братъ жены Васильевой, князь Василій Ярославичь отъѣхалъ изъ Московскаго княжества въ Литву; мы видѣли Литовскихъ князей въ Москвѣ, теперь видимъ обратное, и В. Князья Литовско-Русскіе принимаютъ Московскихъ выходцевъ точно также, какъ Московскіе принимали Литовско-Русскихъ, съ честію, даютъ имъ богатыя кормленія: такъ князю Василію даны были въ Литвѣ 4 города и многія иныя мѣста [1]: Но въ самой Москвѣ оставались люди, вѣрные Василію. Сначала застигнутый въ расплохъ, изумленный столь внезапнымъ торжествомъ Шемяки и несчастіемъ Василія, дворъ послѣдняго присягнулъ было Юрьевичу; но уже и тутъ нѣкоторые дружинники оказали сопротивленіе: Ѳедоръ Басенокъ незахотѣлъ служить похитителю; Шемяка велѣлъ заковать его въ желѣза;

---

[1] Никон. V, 207.

но отважный дружинникъ успѣлъ вырваться изъ нихъ, убѣжалъ въ Коломну, подговорилъ тамъ многихъ людей, разграбилъ съ ними Коломенскій уѣздъ и ушелъ въ Литву, къ Князю Василію Ярославичу; туда же отъѣхалъ и другой князь, Семенъ Оболенскій: Ярославичь подѣлился съ нимъ и съ Басенкомъ своимъ кормленіемъ [1]. Когда Ряполовскіе задумали освободить В. Князя, въ той думѣ на Москвѣ были съ ними Кн. Оболенскій Стрига, Иванъ Ощера съ братомъ Бобромъ, Юшка Драница, храбрый пришлецъ, Литвинъ [2], благородный дружинникъ, первый извѣстить князя о бѣдѣ, первый сложить за него голову [3]; Семенъ Филимоновъ, Русалко, Руно, и множество другихъ дѣтей боярскихъ, слѣд. все члены младшей дружины [4]. Они сговорились сойтись къ Угличу, въ Петровъ день, въ полдень. Иванъ Филимоновъ пришелъ ровно въ срокъ, но Ряполовскіе не могли этого сдѣлать, потому что были задержаны отрядомъ Шемяки, за ними посланнымъ; они побили отрядъ, но зная, что уже опоздали, двинулись назадъ по Новгородской области, въ Литву, гдѣ соединились съ прежними бѣглецами, а Филимоновъ пошелъ опять къ Москвѣ [5]. Тогда Шемяка видя, что у Василія такъ много доброжелателей и доку-

---

[1] Никон. V, 206.
[2] Вѣроятно южный Русинъ.
[3] Никон. V, 197, 213.
[4] Тамъ же, 208.
[5] Тамъ же, 209.

чаемый укорами Іоны въ несдержаніи даннаго слова, захотѣлъ примириться съ В. Княземъ. Онъ самъ поѣхалъ въ Угличь и выпустилъ Василія; послѣдній отъ радости незналъ, что говорить, какъ благодарить Шемяку, называлъ его старшимъ братомъ, винился, что изгубилъ много православнаго Христіанства и еще хотѣлъ изгубить [1]. Шемяка, съ своей стороны, винился передъ слѣпцомъ, и далъ ему въ удѣлъ Вологду, укрѣпивъ его однако прежде крестнымъ цѣлованіемъ и проклятыми грамотами не искать В. Княженія [2]. Но друзья Василія ждали только его освобожденія: они толпами кинулись къ нему [3]. Затрудненіе состояло въ проклятыхъ грамотахъ, данныхъ на себя Василіемъ: Кирилловскій Игуменъ Трифонъ снялъ ихъ на себя, когда В. К. пріѣхалъ изъ Вологды молиться въ его монастырь [4]. Послѣ этого

---

[1] Никонов. V, 210. А Князь Великиі предъ нимъ смиряшеся, и во всемъ вину на ся возлагая: яко и не сие мнѣ пострадати было грехъ ради моихъ и беззаконіі многихъ, и преступленіі предъ вами предъ всею стареишею братьею, и предъ всѣмъ православнымъ христианствомъ, его же изгубихъ і еще изгубити хотелъ есмь."

[2] Лѣтопис. содерж. Росс. истор. отъ 852 — 1598 г. стр. 152, 153.

[3] Никоп. V, 211.

[4] Лѣтоп. содерж. Росс. 852 — 1598 г. стр. 153. Игуменъ же Трифонъ, и со всею братьею благослови Великаго Князя Василья Васильевичя и его дѣтей на Великое Княженіе, а ркуче такъ: Государь! тотъ грѣхъ на мнѣ буди и на моей братіи и на главахъ нашихъ, что еси цѣловалъ крестъ, и крѣпость далъ на себя князю Дмитрею

Василій двинулся къ Твери: Тверской князь Борисъ Александровичь видѣлъ, что Шемякѣ не устоять противъ Василія, и потому спѣшилъ сблизиться съ послѣднимъ: онъ обѣщалъ ему помощь съ условіемъ однако совершеннаго равенства между В. Князьями Тверскимъ и Московскимъ; также для упроченія союза, Борисъ Александровичь требовалъ, чтобъ Василій обручилъ своего старшаго сына и наслѣдника Ивана, которому былъ тогда только 7 лѣтъ, на дочери его Марьѣ. Василій согласился, и съ Тверскою помощью пошелъ на Шемяку, къ Москвѣ [1].

Между тѣмъ Князь Василій Ярославичь и другіе Московскіе бѣглецы, жившіе въ Литвѣ, еще не зная объ освобожденіи В. Князя, двинулись для этой цѣли изъ своего убѣжища; съ другой стороны явились въ Московскихъ предѣлахъ двое Татарскихъ царевичей, искавшихъ того же Василія „за прежнее его добро и за его хлѣбъ, потому что много добра его до нихъ было [2].“ Шемяка, съ Кн. Иваномъ Можайскимъ, выступилъ къ Волоку, на встрѣчу Василію, но въ его отсутствіе Москва также внезапно и легко была захвачена приверженцами В. Князя, какъ

Шемякѣ, поиди государь съ Богомъ, и съ своею правдою, на свою вотчину, на Великое Княженіе на Московское.

[1] Тамъ же, стр. 154.

[2] Никон. V, 212.

прежде приверженцами Шемяки [1]. Узнавъ объ этомъ, послѣдній побѣжалъ далѣе на сѣверъ, въ свой наслѣдственный Галичъ; В. Князь двинулся за нимъ; въ Костромѣ начались переговоры и кончились миромъ: такія же проклятыя грамоты теперь далъ на себя Шемяка не искать В. Княженія, какія въ Угличѣ далъ ему Василій; но если этотъ не побоялся нарушить ихъ, то не побоится и Шемяка: миръ былъ только перемиріемъ.

Теперь мы должны обратиться нѣсколько назадъ, и посмотрѣть, что сдѣлалъ Шемяка, сидя въ Москвѣ на великокняжескомъ столѣ? Мы уже видѣли, что его положеніе было незавидное: отовсюду окру-

---

[1] Никон. V, 212, 213: А князь Дмитрей Шемяка і князь Иванъ Можаискои еще стояли тогда на Волоце, а Князь Великиі в ту пору послалъ к Москвѣ изгономъ болрина своего Михаила Борисовича Плѣщеева с малыми зело людми какъ бы имъ мочно проити мимо рать Княжедмитриеву; и тако проидоша к Москве нощию противу Рожества Христова. В самую же завтреню приидоша к Николскимъ воротамъ, а в ту пору во градъ ехала къ завтренѣ княгиня Ульяна Княжевасильева Володимеровича к празнику и вратомъ отвореномъ бывшимъ. Они же часа того внидоша во градъ, намѣстникъ же Княжедмитриевъ Федоръ Галичскои и за пречистыя у заутреніі убежа; а Княжеіванова намѣстника Василия Шигу бежаща из города на коне изымалъ истобничишко Великіе Княгини Ростопчею звали, и приведе его к воеводамъ и сиі сковаша его; а протчихъ Княжедмитріевыхъ и Княжеівановыхъ имаючи грабяху і коваху, а гражанъ приведоша к целованию за Великаго Князя Василія.

женный людьми подозрительной вѣрности, доброжелателями Василія, онъ не могъ и думать о преслѣдованіи цѣлей прежнихъ Московскихъ князей, долженъ былъ, въ сношеніяхъ съ другими князьями, пренебречь интересами Московскаго княжества. Обязанный успѣхомъ своимъ содѣйствію Ивана Можайскаго, онъ отдалъ ему Суздальское княжество, богатый примыслъ Василія Дмитріевича; но правнуки Димитрія Константиновича, законные наслѣдники Суздальской области были еще живы: они воспользовались шаткимъ положеніемъ Шемяки и Можайскаго и заставили послѣдняго отступиться отъ Суздаля; до насъ дошелъ договоръ ихъ съ Шемякою, самый выгодный, какой когда-либо князья заключали съ В. К. Московскимъ [1]. Оба Суздальскіе князя, старшій братъ Василій Юрьевичь, и младшій Θедоръ Юрьевичь выговариваютъ, чтобы Шемяка держалъ ихъ— перваго сыномъ, втораго племянникомъ; мы видѣли, что держать одного сыномъ, а другаго племянникомъ не имѣло смысла въ старину, но теперь имѣетъ, потому что родовая связь рушилась, и ближніе родственники имѣютъ другое значеніе, чѣмъ отдаленные; держать одного сыномъ, а другаго племянникомъ значитъ давать первому болѣе правъ, чѣмъ второму. Далѣе въ договорѣ слѣдуетъ статья, довольно невыгодная для Московскаго князя: Суздальскій князь говоритъ: „А сыну ти, господине, своему князю

---

[1] С. г. г. и д. т. I, N 62.

Ивану Дмитріевичу держати меня князя Василія Юрьевича братомъ ровнымъ.“ Слѣд. въ случаѣ смерти Шемяки, Суздальскій князь, будучи ровнымъ сыну его и наслѣднику, имѣетъ ровное съ нимъ право на Великое Княженіе Владимірское. Шемяка обязуется не вступаться въ прадѣдину, дѣдину и отчину князей—Суздаль, Новгородъ Нижній, Городецъ и Вятку. Здѣсь нарочно прибавлено *прадѣдина*, чтобъ показать давность права князей на этѣ области. Потомъ Шемяка уступаетъ Суздальскимъ важнѣйшее право независимыхъ Великихъ Князей — вѣдаться самимъ съ Ордою: „А орда намъ, господине, знати собою.“ Шемяка обязуется также не заключать никакихъ договоровъ съ В. К. Василіемъ безъ вѣдома князей Суздальскихъ. Касательно оборонительнаго и наступательнаго союза обязанности равныя: если самъ Шемяка поведетъ войско, то и князь Суздальскій долженъ сѣсть на коня; если же пошлетъ сына, то и князь Суздальскій посылаетъ только сына или брата. Доказательствомъ, что Шемяка считалъ Великое Княженіе Владимірское себѣ непрочнымъ, служитъ слѣдующая статья: „А что будемъ гдѣ грабили наши бояре и наши люди въ твоей отчинѣ въ Великомъ Княженье: ино тому всему дерть по та мѣста, какоже дасть ти Богъ, велитъ достати своеѣ отчины Великого Княженья.“

Уже давно жители Руси отвыкли отъ княжескихъ переходовъ изъ одной области въ другую, давно уже князья постоянно сидѣли въ одномъ удѣлѣ

съ боярами своими, и потому интересы князя и дружины его были тѣсно связаны съ интересами княжества, съ интересами остальнаго народонаселенія; вотъ почему граждане уже давно отвыкли отъ грабительства чуждыхъ бояръ и отроковъ, какъ то было въ древней Руси; но при внукахъ Донскаго это явленіе возобновилось: Юрій Дмитріевичь и дѣти его овладѣваютъ нѣсколько разъ Москвою, городомъ, для нихъ и для дружины ихъ чуждымъ; Москвитяне, которые жаловались на Василія Васильевича за то, что онъ обременяетъ ихъ налогами для уплаты выкупа въ Казань, увидали, что при Шемякѣ, князѣ чуждомъ и приведшемъ чуждую дружину, положеніе ихъ не улучшилось: *Шемякинъ судъ* остался для потомства выраженіемъ суда несправедливаго, точно такого, какимъ былъ для древнихъ Кіевлянъ судъ Ольговичей, для Владимірцевъ судъ Ростиславичей. Но если Кіевляне и Владимірцы не могли снести управленія Ольговичей и Ростиславичей въ то время, когда переходъ князей былъ освященъ обычаемъ, то ясно, что Москвитяне не могли стерпѣть Шемякина суда въ то время, когда уже они привыкли къ другому обычаю: притязанія Юрія Дмитріевича и сыновей его имѣютъ ту важность въ нашей исторіи, что они всего лучше показали невозможность возвращенія старины, уяснивъ для народа, что настоящее его положеніе гораздо выше прежняго.

Мы видѣли, какъ владычество Шемяки въ Москвѣ было гибельно для чести и пользы Московскаго

княжества; какъ же скоро возвратился законный владѣлецъ, дѣла пошли по прежнему: Шемяка и Можайскій добили челомъ своему господину, брату старшему Василію Васильевичу князьями, которые оставались ему вѣрны: Михаиломъ Андреевичемъ Верейскимъ, Василіемъ Ярославичемъ Боровскимъ и Борисомъ Александровичемъ Тверскимъ [1]. Оба князя отступались отъ пожалованныхъ В. Княземъ волостей, просили только своихъ отчинъ, и то не всѣхъ; обѣщались возвратить все взятое ими изъ казны великокняжеской, особенно грамоты и ярлыки. Но всего любопытнѣе для насъ высказываемое въ договорѣ ихъ съ В. Княземъ недовѣріе, которое ясно показываетъ, что миръ между князьями не могъ быть искреннимъ, что онъ вынуждался только обстоятельствами: Шемяка и Можайскій просятъ, чтобы В. Князь не вызывалъ ихъ въ Москву до тѣхъ поръ, пока не будетъ тамъ митрополита, который одинъ, какъ общій отецъ, могъ дать имъ ручательство въ безопасности. Эта недовѣрчивость видна и изъ другихъ мѣстъ договоровъ, Можайскій повторяетъ: „А што ся, господине, тобѣ отъ насъ сстало: а того ти, господине Князь Велики, мнѣ не помнити, не поминати, ни мститися, ни на сердце не держати, ни твоей матери Великой Княгинѣ, ни твоей В. Княгинѣ, ни твоимъ дѣтемъ мнѣ и моимъ дѣтемъ, и до нашего живота [2]. Бьетъ челомъ, чтобъ дѣти В. Князя сами

[1] С. г. г. и д. т. I, N 67.
[2] С. г. г. и д. т. I, N 63.

цѣловали къ нему крестъ, какъ скоро исполнится имъ по 12 лѣтъ. Василій Васильевичь исполняетъ всѣ эти требованія; князей, оставшихся ему вѣрными щедро награждаетъ, такъ напр. князя Михаила Андреевича Верейскаго, брата Ивана Можайскаго, [1] князя Василія Ярославича Боровскаго, [2] который потерпѣлъ для него изгнаніе и потомъ оказалъ такую дѣятельную помощь, даже у Ивана Можайскаго не отнимаетъ всѣхъ прежнихъ пожалованій [3]. Но всѣ эти князья входятъ къ нему въ прежнія отношенія, остаются младшими братьями, клянутся держать и сына Василіева В. Княземъ вмѣсто отца; по приказу В. Князя садиться на коня безъ ослушанія, и хотя князья выговариваютъ себѣ право примысла, [4] но это право безполезное, ибо у нихъ отняты средства къ примышленію: В. Князь обязываетъ ихъ, чтобъ они не принимали служебныхъ князей съ вотчинами; [5] не прикупать волостей въ чужихъ княжествахъ они также обязались договорами; оставалось одно средство для примысла — завоеваніе у иноплеменниковъ, но для этого удѣльные князья были слишкомъ слабы. Одинъ только В. К. Московскій имѣлъ право и возможность дѣлать примыслы, и вотъ сами враги даютъ ему самый лучшій къ тому предлогъ. Шемя-

---

[1] Тамъ же, N 64.
[2] Тамъ же, N 71 и 72.
[3] Тамъ же, N 66.
[4] Тамъ же, N 69.
[5] С. г. г. и д. т. I, N 64.

ка не исполняетъ договора, ибо не вѣритъ, что В. Князь, съ своей стороны, можетъ исполнить его: вездѣ, въ Новгородѣ и Казани, между князьями удѣльными и въ стѣнахъ самой Москвы отчаянный Юрьевичь заводитъ крамолы, вездѣ хочетъ возбудить нелюбье къ Василію; онъ не переставалъ сноситься съ Новгородомъ, называя себя В. Княземъ и требуя помощи отъ вольныхъ людей, повторяя старое обвиненіе Василію, что по его поблажкѣ Москва въ рукахъ Татаръ. Не прекратилъ сношеній и съ прежнимъ союзникомъ своимъ, Иваномъ Можайскимъ: послѣдній не скрывалъ этого союза отъ В. Князя, послы его прямо говорили Василію: „Толко пожалуешъ ты, Князь Великій, князя Дмитрія Юрьевича, ино ты еси и мене князя Ивана пожаловалъ; а толко не пожалуеши князя Дмитрія, иное то еси и мене князя Ивана не пожаловалъ [1]." Отказавшись въ договорѣ съ Василіемъ отъ всякой власти надъ Вяткою, Шемяка между тѣмъ посылалъ подговаривать ея безпокойное народонаселеніе на Москву; поклявшись не сноситься съ Ордою, Шемяка держалъ у себя Казанскаго посла, и легко было догадаться, какіе переговоры велъ съ Ханомъ, потому что послѣдній сковалъ посла великокняжескаго; когда же отъ Хана Большой Орды пришли послы въ Москву, и В. Князь послалъ къ Шемякѣ за выходомъ, то онъ не далъ ничего, отозвавшись, что Ханъ Золотой Орды не имѣетъ никакой власти надъ Русью; поклявшись воз-

---

[1] Акты Историч. I, N 40.

вратить все захваченное имъ въ Москвѣ через мѣсяцъ, Шемяка не возвращалъ и по истеченіи 6 мѣсяцевъ, особенно не возвращалъ ярлыковъ и грамотъ. Далѣе, въ договорѣ находилось условіе, общее всѣмъ княжескимъ договорамъ того времени: что бояре, дѣти боярскіе и слуги вольные вольны переходить отъ одного князя къ другому, не лишаясь своихъ отчинъ, такъ что бояринъ одного князя, покинувъ его службу, перейдя къ другому, могъ жить однако во владѣніяхъ прежняго князя, и тотъ обязывался блюсти его, какъ своихъ вѣрныхъ бояръ. Но Шемяка не могъ смотрѣть равнодушно, что бояре его отъѣзжаютъ въ Москву, и вопреки клятвѣ, грабилъ ихъ, отнималъ села, дома, все имущество, находившееся въ его удѣлѣ. Здѣсь необходимо замѣтить, какъ вольный переходъ бояръ и дворянъ вообще также содѣйствовалъ къ усиленію Московскаго княжества; боярину гораздо лестнѣе было служить сильнѣйшему, т. е. В. Князю, чѣмъ удѣльному, и потому онъ съ охотою переходилъ къ первому, тѣмъ болѣе, что отчины его оставались за нимъ, тогда какъ на переходъ отъ В. Князя къ удѣльному бояринъ могъ рѣшиться только въ случаѣ крайности, ибо не смотря на взаимное обязательство, сильнѣйшій князь всегда имѣлъ болѣе возможности отомстить невѣрному боярину захваченіемъ или даже притѣсненіемъ его отчины. Мы упоминали уже, и послѣ будемъ имѣть случай упомянуть, что сильнѣйшіе князья или Великіе нарочно тѣснили бояръ удѣльныхъ, чтобъ они переходили къ нимъ въ службу.

Далѣе, начиная отъ завѣщанія Калиты, младшимъ сыновьямъ давались части въ самомъ городѣ Москвѣ, и каждый изъ нихъ держалъ Тіуна въ своей части: Шемяка посылалъ къ своему Тіуну въ Москвѣ, Ватазину, грамоты, въ которыхъ приказывалъ ему стараться отклонять гражданъ отъ Василія на сторону его, Шемяки: эти грамоты были перехвачены. Тогда В. Князь отдалъ свое дѣло на судъ духовенству.

Если Русское духовенство въ лицѣ своего представителя, Митрополита, такъ сильно содѣйствовало возвеличенію Москвы, то еще болѣе содѣйствовало утвержденію единовластія, ибо одно духовенство въ это время могло сознательно смотрѣть и вполнѣ оцѣнить стремленіе Московскихъ князей. Проникнутое понятіями о власти царской, власти, получаемой отъ Бога и независящей ни отъ кого и не отъ чего, духовенство по этому самому должно было находиться постоянно во враждебномъ положеніи со старымъ порядкомъ вещей, съ родовыми отношеніями, и когда Московскіе князья начали стремиться къ единовластію, то ихъ стремленія совершенно совпали со стремленіями духовенства; можно сказать, что вмѣстѣ съ мечемъ свѣтскимъ, великокняжескимъ противъ удѣльныхъ князей постоянно былъ направленъ мечъ духовный. Мы видѣли, какъ Митрополитъ Фотій, въ самомъ началѣ Василіева княженія, возсталъ противъ замысловъ дяди Юрія, какъ потомъ Кирилловскій игуменъ Трифонъ разрѣшилъ Василія отъ клятвы, данной Шемякѣ; но теперь, когда Шемяка не

соблюдалъ своей клятвы и В. Князь объявилъ объ этомъ духовенству, то оно вооружилось противъ Шемяки, и отправило къ нему грозное посланіе, чрезвычайно замѣчательное по необыкновенному для того времени искусству, съ какимъ написано, по умѣнью соединить цѣли государственныя съ цѣлями религіозными. Посланіе написано отъ лица пяти Владыкъ, двухъ архимандритовъ, которые поименованы, и потомъ отъ лица всего духовенства [1]. Здѣсь прежде всего обращаетъ на себя наше вниманіе порядокъ, въ какомъ слѣдуютъ владыки одинъ за другимъ: они написаны по старшинству городовъ, и первое мѣсто занимаетъ Владыка Ростовскій. Ростовъ Великій, давно утратившій свое значеніе, давно преклонившійся предъ пригородами своими, удерживаетъ свое прежнее мѣсто относительно церковной іерархіи и напоминаетъ, что область, въ которой находится теперь историческая сцена дѣйствія,

---

[1] Акты Историч. I, N 40: Господину князю Дмитрію Юрьевичу богомолци, господине, твоего брата старѣйшего Великого Князя Василія Васильевича и вашего благородія общіи, Ефремъ Владыка Ростовскій, Аврамій Владыка Суздальскій; Іона Владыка Рязанскій, Варламъ Владыка Коломеньскій, Питиримъ Владыка Пермьскій, и мы ваши нищіи и молебници, Геронтій архимандритъ Симановскій, Мартиніанъ игуменъ Сергіева монастыря и съ прочими архимандриты и игумены, нашею братьею, всѣхъ святыхъ обителей настоятели и со всимъ еже о Христѣ братствомъ нашимъ, со всѣми священно-иноки и со всѣми священники всѣхъ святыхъ Божіихъ церквей, челомъ бьемъ и благословляемъ.

есть древняя область Ростовская; за нимъ слѣдуетъ Владыка Суздальскій, и уже третье мѣсто занимаетъ нареченный Митрополитъ, Іона, Владыка Рязанскій, за которымъ слѣдуютъ владыки—Коломенскій и Пермскій. Второе, что останавливаетъ насъ здѣсь, это единство, всеобщность Русскаго духовенства; нѣтъ духовенства областнаго, Рязанскаго, Тверскаго, Московскаго, есть только духовенство всероссійское, чуждое постоянно всякихъ областныхъ интересовъ: такъ Іона, Епископъ Рязанскій, ревностно поддерживаетъ государственное стремленіе Московскаго князя, и Московскій князь не медлитъ дать свое согласіе на возведеніе этого Епископа въ санъ Митрополита, зная, что Рязанскій Владыка не принесетъ въ Москву областныхъ Рязанскихъ стремленій; исключеніемъ здѣсь является одинъ только Архіепископъ Новгородскій, преслѣдующій постоянно интересы своего города, и оттого мы замѣчаемъ нерасположеніе Митрополита къ архіепископамъ Новгородскимъ, ибо Митрополитъ требуетъ, чтобъ духовенство было выше всѣхъ областныхъ частныхъ интересовъ.

Въ первыхъ уже строкахъ посланія духовенство высказываетъ ясно свою основную мысль о царственномъ единодержавіи: оно сравниваетъ грѣхъ отца Шемяки, Юрія, помыслившаго беззаконно о В. Княженіи съ грѣхомъ праотца Адама, которому сатана вложилъ въ сердце желаніе равнобожества. Сколько трудовъ перенесъ отецъ твой, говоритъ ду-

ховенство Шемякѣ, сколько истомы потерпѣло отъ него христіанство, но великокняжескаго стола все не получилъ „что ему Богомъ не дано, ни земскою изъ начальства пошлиною." Послѣдними словами духовенство объявляетъ себя на сторонѣ новаго порядка престолонаслѣдія, называя его земскою изъ начальства пошлиною. Упомянувъ о поступкахъ и неудачахъ Юрія и Василія Косаго, духовенство обращается къ поступкамъ самого Шемяки, и укоряетъ его тѣмъ, что онъ никогда не являлся на помощь къ В. Князю, въ борьбѣ его съ Татарами. Упомянувъ объ изгнаніи и ослѣпленіи В. Князя, духовенство дѣлаетъ страшный запросъ Шемякѣ, который, разумѣется, оно одно во имя Христа, главы Церкви, могло сдѣлать, и предъ которымъ исчезали всѣ другіе вопросы: „И разсуди себѣ, *которое благо сотворилъ еси православному христіанству?* Ища и желая большего, и меншее свое изгубилъ еси. А Божіею благодатію и неизреченными его судьбами, братъ твой старѣйшій К. В. опять на своемъ государствѣ: понеже кому дано что отъ Бога, и того не можетъ отъ него отняти никто." Потомъ приводится послѣдняя цѣловальная грамота Шемяки къ В. Князю, и показывается, что Юрьевичь не соблюлъ ниодного условія въ договорѣ. Любопытно видѣть, какъ духовенство отстраняетъ упрекъ, дѣлаемый В. Князю за то, что онъ держитъ въ службѣ Татаръ: „А что Татарове во христіяньствѣ живутъ, а то ся чинить все твоего же дѣля съ твоимъ братомъ старѣйшимъ съ В. К. неуправленья, и тѣ слезы христіанскіе вси на

тобѣже. А котораго часа съ своимъ братомъ старѣйшимъ съ В. К. управишся во всемъ чисто, по крестному цѣлованью; ино мы ся въ томъ имаемъ, что тогожъ часа К. В. Татаръ изъ земли вонъ отшлетъ." Въ заключеніи духовенство говоритъ, что оно, по своему долгу, било челомъ за Шемяку В. Князю, что тотъ послушалъ святительскаго слова и хочетъ мира съ своимъ двоюроднымъ братомъ, назначая ему срокъ для исправленія договора. Если же Шемяка неисполнитъ и тутъ условій, въ такомъ случаѣ духовенство отлучаетъ его отъ Бога, отъ церкви Божіей, отъ православной христіанской вѣры и предаетъ проклятію.

Шемяка не обращалъ вниманія на угрозы духовенства: въ 1449 году онъ началъ непріятельскія дѣйствія приступомъ къ Костромѣ, которой однако не могъ взять; В. Князь двинулся противъ него, съ войскомъ вмѣстѣ шелъ Митрополитъ и Епископы: [1] Шемяка испугался и заключилъ миръ; но на слѣдующій годъ непріятельскія дѣйствія возобновились: полки Василія, подъ предводительствомъ князя Оболенскаго, встрѣтились съ Шемякою у Галича, въ злой сѣчѣ послѣдній былъ разбитъ на голову и бѣжалъ въ Новгородъ, откуда явился снова въ сѣверныхъ областяхъ и засѣлъ въ Устюгѣ; [2] изгнан-

---

[1] Никон. V, 215.

[2] Лѣтописецъ, содерж, въ себѣ Росс. исторію отъ 852—1598 года, стр. 156, 157: И князь Дмитрей Шемяка городъ

ный оттуда, опять убѣжалъ въ Новгородъ. Въ знаменитый 1453 годъ, годъ паденія восточной Имперіи, Шемяка своею смертію упрочилъ покой и могущество новой Имперіи, наслѣдницы Византійской: „пріиде вѣсть къ В. Князю, говоритъ лѣтописецъ, что князь Дмитреи Шемяка умре напрасно въ Новѣгородѣ, а пригналъ съ тою вѣстью подъячеи Василеи Беда, а оттолѣ бысть дьякъ [1]." Другой лѣтописецъ говоритъ подробнѣе: В. К. послалъ въ Новгородъ дьяка Степана Бородатаго съ ядомъ. Бородатый подговорилъ боярина Шемякина, Ивана Котова, а тотъ подговорилъ повара: Юрьевичь умеръ, поѣвши курицы, напитанной ядомъ [2].

Шемяка умеръ подъ клятвою церковною: духовенство исполнило свои угрозы. Іона, посвященный въ Митрополиты, неутомимо дѣйствовалъ противъ

Устюгъ засѣлъ, а земли не воевалъ, а людей добрыхъ привелъ къ цѣлованію; а которые добрые люди не хотѣли измѣнити Великому Князю Василью, и они не цѣловали за князя за Дмитрея, и онъ ихъ казнилъ, Емельяна Лузсково, да Миню Жугулева, да Давида Долгошеина, да Еуѳимья Ежевину, металъ ихъ въ Сухону рѣку, вяжучи каменіе великое на шею имъ, единъ же отъ нихъ Ежевина Еуѳимей на днѣ сѣдѣ изрѣшись, и выплове внизъ живъ, и утече на Вятку. Тогожъ лѣта князь Дмитрей Шемяка пойде на Вологду, и Вологду воевавъ, и на Устюгъ приде, и жилъ на Устюзѣ два годы не полны.

[1] Никон. V, 278.

[2] Лѣтопис. содерж. Росс. ист. отъ 852—1598 г. стр. 159, 160; Львов. лѣт. II, 348.

клятвопреступнаго князя: въ концѣ 1448 года онъ писалъ окружную грамоту ко всѣмъ: „благороднымъ и благовѣрнымъ княземъ, и паномъ, и бояромъ, и намѣстникомъ, и воеводамъ, и всему купно христоименитому Господню людству [1]." Извѣщая о поставленіи своемъ въ Митрополиты, Іона пишетъ, чтобы православные Христіане пощадили себя отъ тѣлесной и еще болѣе отъ душевной гибели и покорились В. Князю, и заключаетъ посланіе угрозою: „коли вашимъ ожесточеньемъ еще кровь Христіанскаа прольется, тогды ни христіанинъ кто будетъ именуяся въ вашей земли, ни священникъ священствуя, но вси Божьи церкви въ вашей земли затворятся отъ нашего смиренія." Когда Шемяка жилъ въ Новгородѣ, неперестава враждовать противъ Москвы, то Іона писалъ къ Новгородскому Владыкѣ, чтобъ тотъ уговорилъ Юрьевича къ раскаянію и челобитью предъ В. Княземъ [2]. Вторая грамота Іоны къ тому же Архіепископу написана уже гораздо рѣзче [3]. Митрополитъ отрицается, что никогда въ своихъ посланіяхъ онъ не называлъ Шемяку сыномъ, напротивъ, говоритъ онъ, я не велю ни тебѣ, ни всему Новгороду съ нимъ ни пить, ни ѣсть „занеже самъ себе отъ христіанства отлучилъ. А язъ какъ преже того тобѣ, сыну, писалъ, такъ и нынѣ съ своими дѣтми съ владыками, да и съ всемъ великимъ Божіимъ священь-

---

[1] Акты историч. I, N 43.
[2] Тамъ же, N 53.
[3] Акты Арх. эксп. I, N 372.

ствомъ наша земля, имѣемъ князя Дмитрея неблагословена и отлучена Божіей церькви.“ Любопытно видѣть, что Новгородскій Архіепископъ напоминаетъ Митрополиту о старинѣ, еще любопытнѣе отвѣтъ Митрополита на это: „А что ми, сыну пишешь въ своей же грамотѣ, что преже того Русскіе князи пріѣзжали въ домъ Святыя Софѣя, въ великій Новгородъ, и честь имъ въздавали по симъ, а прежніи Митрополиты такихъ грамотъ съ тягостію не посылывали, ино, сыну, ты ми скажи: преже сего князи и которые, съ такимъ лихомъ, что учинили надъ своимъ братомъ надъ В. Княземъ, чрезъ крестное цѣлованіе къ вамъ пріѣхавъ, или бъ таки также княгиню свою и дѣти и весь свой копъ оставя у васъ въ Великомъ Новгородѣ, да отъ васъ ходя въ Великое Княженіе христіанство губилъ и кровь проливалъ? Какъ преже того не бывало въ нашей земли братоубійства, а къ вамъ съ такимъ лихомъ князь не пріѣжживалъ, такъ и прежніи Митрополиты въ В. Новгородъ такихъ грамотъ съ тягостію не посылывали.“

Сынъ Шемяки ушелъ въ Литву, гдѣ, какъ прежде враги отца его, нашелъ себѣ почетный пріемъ и кормленіе: политика Литовско-Русскихъ князей не могла измѣниться, потому что обстоятельства не перемѣнялись. Но кромѣ Шемяки въ Московскомъ княжествѣ оставалось еще много князей удѣльныхъ: ото всѣхъ отъ нихъ Василій долженъ былъ избавиться; онъ началъ съ Ивана Можайскаго, какъ и

слѣдовало. Въ 1454 году „К. В. Василей поиде къ Можайску на князя Івана Андреевича за его неисправленіе; онже, слышавъ то, выбрався з женою и съ дѣтми и со всѣми своими побѣже к Литвѣ; а князь великой пришедъ к Можаиску взятъ его и умилосердився на вся сущая въ градѣ томъ пожалова ихъ, и намѣстники своя посадивъ, возвратився къ Москвѣ [1]." Какое было неисправленіе Ивана Можайскаго, узнаемъ изъ письма Митрополита Іоны къ Смоленскому Епископу: [2] „Вѣдаете, сыну, и прежнее, что ся състало отъ того князя Ивана Андреевича надъ нашіимъ сыномъ, а надъ его братомъ старѣйшимъ, а не рку, надъ братомъ, но надъ его осподаремъ, надъ В. Княземъ." Здѣсь глава Русскаго духовенства ясно говоритъ, что родовыхъ отношеній между князьями болѣе не существуетъ, что князья удѣльные не суть братья Великому, но подданные! Вина Ивана Можайскаго, по словамъ Іоны, состояла въ томъ, что во время двукратнаго нашествія Татаръ, Митрополитъ посылалъ къ этому князю съ просьбою о помощи В. Князю, но Иванъ не явился. Изъ этихъ словъ видна также тогдашняя дѣятельность Митрополита: не В. Князь, но онъ приглашаетъ удѣльныхъ князей на войну противъ невѣрныхъ. Цѣль письма—чрезъ посредство Смоленскаго Владыки внушить Литовскорускому правительству, чтобъ оно,

---

[1] Никон. V, 278.

[2] Акты Историч. I, N 56.

принявъ бѣглеца, удовольствовалось этимъ, и не позволяло ему враждовать противъ Москвы, что необходимо должно вызвать непріязненное движеніе и со стороны Василія Василіевича. Но не одно ослушаніе Ивана явиться съ войскомъ на зовъ Митрополита навлекло на Можайскаго князя гнѣвъ Великаго; была другая причина вражды, о которой Іона не почелъ приличнымъ говорить Смоленскому Епископу, подданному Казимира Литовскаго: въ 1448 году, когда Шемяка не переставалъ враждовать съ Василіемъ, Иванъ Можайскій, чрезъ посредство тестя своего, князя Ѳедора Воротынскаго, вошелъ въ сношенія съ Казимиромъ, требуя помощи послѣдняго для овладѣнія Московскимъ престоломъ; [1] за что

---

[1] Акты, относящіеся къ Исторіи западной Россіи, т. I, N 49: Се язъ князь Ѳедоръ Львовичь Воротыньскій записываюся господару своему Казимеру, королю Польскому и Великому Князю Литовъскому, Русскому, Жемойтьскому и иныхъ, и имаюся его милости по затѣ своемъ, по князѣ Иванѣ Андреевичѣ Можайскомъ: коли его господаръ мой король посадитъ на Великомъ Княженьи на Московскомъ, и ему писаться, господару нашему королю въ докончалныхъ и во всякихъ грамотахъ братомъ младшымъ; а (съ) своее отчицы, зъ Великого Княженья Московъскаго, дати имаетъ зять мой, князь Иванъ, господару нашему, королю и Великому Князю Литовскому городъ Ржову да городъ Медынъ (а въ Козелескъ князю Ивану не вступатись). А коли гдѣ прыгодиться господару нашому королю поити на войну, гдѣ будетъ крывда Великому Княженью Литовскому: ино князю Ивану, зятю моему, зъ его милостью, зъ нашымъ господаремъ съ королемъ поити на его непрыятеля, самому, своимъ животомъ и со всими своими людми, послати

обязывался писаться всегда Казимиру братомъ младшимъ, уступить Литвѣ Ржеву, Медынь, не вступаться въ Козельскъ, и помогать во всѣхъ войнахъ, особенно противъ Татаръ. Казимиру, занятому Польскими отношеніями, некогда было помогать Можайскому, однако Василій Московскій не могъ терпѣть

воеводъ своихъ и люди свои вси, безъ хитрости. А гдѣ будетъ надобѣ князю Ивану Андреевичу на его непрыятеля, и господару нашому королю боронити его потомужъ, ажь его не зайдетъ какое дѣло; а зайдетъ его што, и ему князя Ивана боронити своими воеводами и всѣми своими людми, какъ и Великого Князьства Литовъского. А особно боронитися маеть князь Иванъ Андреевичъ, на границахъ, отъ Татаръ, зъ господаремъ нашымъ перворeченнымъ королемъ Казимеромъ за-одно, обѣюхъ земль ихъ. А люди господара нашего короля, которыи зашли изъ Литовъского княженья въ Московъскую землю, князю Ивану Андреевичу выпустити добровольно, со всѣми ихъ статкы. А коли ся тое дѣло почнеться межы господаремъ моимъ королемъ и межи княземъ Иваномъ Андреевичемъ, тогды господарь мой король маеть князю Ивану Андреевичу поцѣловати крестъ честный, а князь Иванъ Андреевичъ Можайскій маеть господару нашему королю поцѣловати крестъ честный, штожъ имъ на обѣ сторонѣ сее дѣло, што въ сей моей грамотѣ писано, правити. А посадить ли господарь мой Казимеръ, король польскій, Великій Князь Литовъскій, Русскій, Жомойтскій и иныхъ, зятя моего князя Ивана Андреевича на Великомъ Княженьи: и я князь Ѳедоръ Львовичь имаюся за своего зятя, за князя Ивана Андреевича Можайского, што ему тое верху писаное дѣло полнити; а нѣкоторыми дѣлы тое и не станетъ, а господаръ мой король зятя моего, перворeченного князя Ивана Андреевича, на Великомъ Княженьи не посадить: ино ся моя грамота не грамотою, а дѣло не дѣломъ.

подлѣ себя такого родича, и потому при первомъ предлогѣ поспѣшилъ отъ него отдѣлаться.

Изъ остальныхъ удѣльныхъ князей всѣхъ опаснѣе, всѣхъ безпокойнѣе былъ Василій Ярославичь Боровскій, именно потому, что оказалъ большія услуги В. Князю, и слѣд. имѣлъ большія притязанія на благодарность и уступчивость послѣдняго; эти притязанія стояли въ прямой противоположности со стремленіями Василія Васильевича: отсюда необходимо враждебныя столкновенія съ Боровскимъ княземъ. Недоразумѣнія обнаружились скоро между обоими родственниками, что доказывается повтореніемъ договорныхъ грамотъ [1]. Этѣ грамоты замѣчательны тѣмъ, что въ нихъ отстраняется всякое родственное приравненіе удѣльныхъ князей къ семьѣ В. Князя, отстраняется слѣд. всякое притязаніе первыхъ на В. Княженіе: Василій Ярославичь Боровскій обязуется и съ дѣтьми своими считать старшимъ не только В. Князя Василія и старшаго сына его Ивана, но и всѣхъ младшихъ сыновей, и послѣднихъ держать также честно и грозно, какъ самого В. Князя. Мы видѣли, что въ благодарность за услуги В. Князь далъ Василію Боровскому Дмитровъ, но послѣ онъ вымѣнялъ его на два города — Звѣнигородъ и Бѣжецкій Верхъ. Что принудило В. Князя къ такой мѣнѣ, намъ теперь рѣшить трудно: вѣроятно онъ не

---

[1] С. г. г. и д. т. I, N 78 и 79, 84 и 85.

хотѣлъ видѣть чужаго владѣнія на пути въ сѣверовосточныя области, недавно принадлежавшія заклятымъ врагамъ его Юрьевичамъ, и откуда слѣд. онъ могъ ждать сопротивленія при удобномъ случаѣ [1]. Не смотря однако на повтореніе договоровъ, непріязнь между шурьями продолжалась, и въ 1456 году Василій Ярославичь былъ схваченъ въ Москвѣ и заточенъ въ Угличь, откуда послѣ переведенъ въ Вологду, гдѣ и умеръ; той же участи подверглись и меньшіе его дѣти, старшій же, вмѣстѣ съ мачихою, убѣжалъ въ Литву [2]. Лѣтописцы не объявляютъ вины Боровскаго князя, одна только Степенная книга глухо говоритъ: „за нѣкую крамолу.“ [3] Что со стороны Василія Ярославича была крамола, и что В. Князь принужденъ былъ прибѣгнуть къ такой строгой мѣрѣ, доказательствомъ служитъ, что Михаилъ Андреевичь Верейскій, братъ Ивана Можайскаго, спокойно владѣлъ своимъ удѣломъ, осыпанный пожалованіями В. Князя [4].

Сынъ Василія Боровскаго, Иванъ, встрѣтился въ Литвѣ съ прежнимъ врагомъ своего отца, Ива-

---

[1] До сихъ поръ мы упоминали о князьяхъ служебныхъ; въ договорѣ съ Боровскимъ княземъ упоминаются въ первый разъ князья—бояре Московскіе.

[2] Русскій временникъ, сирѣчь лѣтописецъ, содерж. Росс. исторію отъ 862 до 1681 лѣта, ч. II, стр. 37; Соф. врем. II, 227.

[3] II, 27.

[4] С. г. г. и д. I, N 75.

номъ Андреевичемъ Можайскимъ; общая ненависть къ В. Князю Московскому примирила ихъ, и они клятвеннымъ договоромъ обязались дѣйствовать за одно [1], доставать своихъ отчинъ и дѣдинъ и плѣннаго отца Иванова, при чемъ Иванъ Андреевичь вошелъ къ сыну Боровскаго князя въ отношенія старшаго брата. Въ изгнаніи, лишенные почти всякой надежды, эти князья мечтали о В. княженіи; ихъ договоръ служитъ самымъ лучшимъ оправданіемъ насильственныхъ мѣръ В. Князя: еслибъ онъ не предпринялъ этихъ мѣръ, то ихъ предприняли бы противъ него; сынъ Боровскаго князя говоритъ Можайскому: „И дастъ Богъ, не по нашимъ грѣхомъ, Князя Великого побіемъ или сгонимъ, а дастъ Богъ, господине, достанешь Великого Княженья." Изгнаніе и убіеніе грозило В. Князю отъ князей удѣльныхъ, которые готовы были на всякую мѣру, ибо предвидѣли скорое и необходимое изгнаніе или убійство отъ сильнѣйшаго. Замыслы изгнанниковъ не осуществились; попытка нѣкоторыхъ вѣрныхъ дружинниковъ освободить Боровскаго князя также не удалась: они были схвачены и казнены въ Москвѣ [2].

Обращаемся къ отношеніямъ В. Князей Московскихъ къ другимъ В. Князьямъ; начнемъ съ Рязанскаго. Мы замѣтили уже разъ, что Русскія княжес-

---

[1] Акты Арх. эксп. N 70.
[2] Никон. V, 289.

тва составляли двѣ группы — Литовскую и Московскую. Рязанское княжество принадлежало къ послѣдней группѣ; но во время малолѣтства Василія Темнаго, когда въ родѣ Калиты возникли междоусобія и не было рѣшено, кто выйдетъ изъ нихъ побѣдителемъ, Рязанскій князь призналъ нужнымъ примкнуть къ Литовской группѣ, дабы обезопасить себя со стороны Витовта, противъ котораго теперь нечего ему было ожидать помощи изъ Москвы. До насъ дошелъ договоръ Рязанскаго В. Князя Ивана Ѳедоровича съ Витовтомъ, заключенный около 1439 года [1] въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „господину осподарю моему В. К. Витовту, се язъ Князь Велики Ив. Ѳед. Рязанскый, добилъ есми челомъ, далъ ся есми ему на службу, (потому что въ родственныя отношенія къ чужеродцу войти не могъ) и осподарь мой В. К. Витовтъ прииялъ меня Князя Великого Ив. Ѳед. на службу служити ми ему вѣрно безхитростно, а быти ми съ нимъ за одинъ на всякого, а съ кѣмъ онъ миренъ а съ тѣмъ и язъ миренъ, а съ кѣмъ онъ не миренъ съ тѣмъ и язъ не миренъ; а В. К. Витовту мене боронити отъ всякого, а безъ Князя Великого ми воли Витовтовы ни съ кѣмъ не доканчивати ни пособляти." Такимъ образомъ, чего съ одной стороны не успѣвала сдѣлать Москва, то съ другой доканчивала Литва, и когда послѣдняя обезсилила, Москва воспользовалась тѣмъ, что сдѣла-

[1] Акты арх. эксп. I, N 25.

но было ея соперницею: отъ служебныхъ отношеній къ В. Князю Литовскому Рязанскій В. К. легко, естественно переходилъ въ служебныя отношенія къ В. Князю Московскому; это была уже для него не новость. Въ то же время В. Князь Пронскій заключилъ точно такой же договоръ съ Витовтомъ „служить ему вѣрно безъ всякія хитрости [1].“ Но когда Витовтъ умеръ, и Литва ослабѣла отъ междоусобій, а въ Москвѣ Василій Васильевичъ взялъ явный верхъ, тогда Рязанскій князь приступилъ опять къ Московской группѣ, призналъ Василія старшимъ, заключилъ съ нимъ оборонительный союзъ, и призналъ посредничество его въ сношеніяхъ своихъ съ В. Княземъ Пронскимъ. [2]. Этотъ князь Иванъ Өедоровичь умеръ въ 1456 году, отдавъ осмилѣтняго сына своего на руки В. К. Василію: послѣдній перевезъ малютку вмѣстѣ съ сестрою къ себѣ въ Москву, а въ Рязань послалъ своихъ намѣстниковъ [3]. Такая довѣренность, оказанная Московскому князю, продлила еще, какъ увидимъ, на нѣсколько времени, существованіе Рязанскаго княжества съ тѣнью независимости.

Другой характеръ имѣютъ въ это время отношенія В. К. Московскаго къ Тверскому. Во время

---

[1] Акты арх. эксп. I, N 26.
[2] Акты арх. эксп. I, N 65. А со княземъ Пронскимъ и съ его братьею любовь взялъ еси ты Князь Велики Иванъ; а что ся промежъ васъ учинитъ, ино промежъ васъ управити мнѣ В. К. Вас. Вас., *а вамъ мене слушати.*
[3] Никон. V, 284.

малолѣтства Василіева и смутъ Московскихъ В. К. Борисъ Александровичь, подобно В. К. Рязанскому, примкнулъ къ Литвѣ, хотя на гораздо выгоднѣйшихъ условіяхъ: въ 1427 году онъ заключилъ съ Витовтомъ договоръ слѣдующаго содержанія: [1] „Се язъ Князь Великій Борысъ Александровичъ Тферскій взялъ семи любовъ такову зъ своимъ господиномъ зъ дѣдомъ, зъ Великимъ Князем Витовтомъ, Литовскимъ и многихъ Русскихъ земль господаремъ: быти ми съ нимъ за-одинъ, *при его сторонѣ*, и пособляти ми ему на всякого, не вынимая; а господину моему дѣду В. К. Витовту мене В. К. Борыса Александровича, своего внука, боронити отъ всякого, думою и помочью, а въ земли и въ воды и вовсе мое Великое Княженье Тферское моему господину дѣду, В. К. Витовту не вступатися.“ В. К. Тверской не позволяетъ Витовту никакого вмѣшательства въ отношенія свои къ князьямъ удѣльнымъ, знакъ, что въ это время всѣ В. Князья, въ отношеніи къ удѣльнымъ, преслѣдовали одинакія цѣли, всѣ стремились сдѣлать ихъ изъ родичей подручниками, подданными: „А дядемъ моимъ, и братьи моей, и племени моему, князем, быти въ моемъ послусѣ: я К. В. Борысъ Александровичъ воленъ, кого жалую, кого казню, а моему господину дѣду В. К. Витовту не вступатися; а который въсхочетъ къ моему господину дѣду, В. К. Витовту со отчиною, и моему господину дѣду, В. К.

---

[1] Акты, относ. къ ист. запад. Рос. I, N 33.

Витовту со отчьиною не прінимати: пойдеть ли который къ моему господину дѣду, къ В. К. Витовту, и онъ отчьины лишонъ; а у отчинѣ его воленъ я В. К. Борисъ Александровичъ, а моему господину дѣду, В. К. Витовту не вступатися [1]." Но когда по

[1] Далѣе: А рубежъ отчынѣ моего господина дѣда, Великого Князя Витовта по старынѣ. А которыи мѣста порубежныи потягли будуть къ Литвѣ, или къ Смоленску, а подать будуть давали ко Тферы: ино имъ и нынѣчы тягнути по старому; а которыи мѣста порубежныи потягли будуть ко Тферы, а подать будуть давали къ Литвѣ или къ Смоленъску: ино имъ и нынѣчы тягнути по давному, а подать давати по давномужъ. А што вчиниться межы вашыми людми и нашыми, и волостели нашы вчинятъ исправу; а чому нашы волостели не вчинять исправы, и намъ, зъѣхавъся, да вчынить исправа безъ перевода; а земли и водѣ и всему обидному дѣлу межи нами судъ обчый. А што будеть вчинилося въ нашей любви и въ нашыхъ перемирьяхъ, тому всему судъ и право безъ перевода; а судити судьямъ обьчымъ, цѣловавъ крестъ; а о што ся сопруть судьи, ино положыти на моего господина дѣда, В. К. Витовта; а суженое, заемное, положеное, поручное отдати по исправѣ; а холопа, робу, должника, поручника, татя, разбойника выдати по исправѣ. А людемъ нашымъ, гостемъ, гостити межи насъ путь чистъ, безъ рубежа и безъ пакости; а пошлины имати зъ моихъ Тферскихъ людей въ моего господина дѣда, В. К. Витовътовѣ отчынѣ, у Смоленъску, у Витебъску, на Кіевѣ, въ дорогобужы, у Вязмѣ и по всему Великому Княженью, по давному, а нового не примышляти; а по моей отчынѣ К. В. Борыса Александровича пошлины имати зъ людей моего господина дѣда, В. К. Витовта, во Тферы, въ Кашинѣ, въ Городку, въ Зубцовѣ и по всему моему В. Княженью, по давному, а нового не примышляти. А на семъ на всемъ я К. В. Бор-

смерти Витовта начались усобицы въ Литвѣ, и Поляки выставили противъ извѣстнаго уже намъ Свидригайла ничтожнаго брата Витовтова Сигизмунда, имѣвшаго слабость присягнуть въ вѣрности королю и королевству Польскому, [1] то В. Князь Тверской увидалъ, что ему не для чего быть болѣе на Литовской сторонѣ, и заключилъ оборонительный союзъ съ Василіемъ Московскимъ, при чемъ является совершенно равнымъ и независимымъ В. Княземъ, [2] оба В. Князя называютъ себя только братьями, не болѣе; Борисъ Александровичь выговариваетъ, чтобъ Московскій князь не принималъ Тверскихъ областей въ даръ отъ Татаръ: примѣръ Суздальскаго княжества былъ еще въ свѣжей памяти! Оба князя клянутся быть за одинъ на Татаръ, на Ляховъ, на Литву, на Нѣмцевъ; Борисъ обязывается сложить цѣлованіе къ Сигизмунду Литовскому, объявивъ ему, что онъ сталъ однимъ человѣкомъ съ В. К. Московскимъ, и безъ послѣдняго не заключать договоровъ ни съ какимъ владѣтелемъ Литовскимъ. Какъ независимый В. Князь, Борисъ выговариваетъ для себя, для дѣтей и внучатъ своихъ право безпрепятственно сноситься съ Ордою [3]. Но когда въ 1449 году В.

Алл. далъ есми правду своему господину дѣду, В. К. Витовту, и крестъ цѣловалъ къ нему; а по сей ми грамотѣ правити.

[1] Подробности см. у Зубрицк. Повѣсть врем. лѣтъ.

[2] Акты арх. эксп. I, N 33.

[3] А къ Ордѣ ти, брате, путь чистъ ко Царю, и твоимъ дѣтемъ и внучатомъ, и твоимъ людемъ.

К. Василій Васильевичь заключилъ договоръ съ Казиміромъ Литовскимъ, Тверской В. К. объявленъ снова на сторонѣ Литовской, объ отношеніяхъ же его къ В. К. Московскому сказано, что онъ съ нимъ въ любви и въ докончаньи [1]. Въ томъ же году мы встрѣчаемъ договоръ Бориса Александровича съ Казиміромъ, въ которомъ Тверской князь обязывается: „пособляти ему намъ вездѣ, гдѣ будетъ ему надобѣ; гдѣ будетъ намъ близко, ино ми пойти со всею силою самому, а съ нимъ ми стояти заодно противу всихъ сторонъ, никово не выймуючы, хто бы коли

---

[1] Акты, относ. къ истор. запад. Росс. I, N 50. А К. В. Борисъ Александровичъ Тферскій и со своею братьею и зъ братаничы своими въ твоей сторонѣ, а со мною съ В. Кн. Васильемъ въ любви и въ докончаньи; а судъ о земли и о водѣ мнѣ съ нимъ держати во всихъ обидныхъ дѣлѣхъ по старинѣ; а о чемъ ся судьи наши сопрутъ, и они положатъ на третей, хто будетъ обѣйма сторонамъ любъ. А съ Новгородцы В. К. Борысу жити по старинѣ, а всимъ обиднымъ дѣломъ давати имъ межи собою судъ и исправа, на обѣ сторонѣ, безъ перевода; а о чемъ ся сопрутъ, и они сложатъ на Митрополита, кто будегъ обѣйма нама любъ: и Митрополитъ на кого номолвитъ, номолвитъли на Новгородца, а не исправитца, а ему послати ко мнѣ, къ В. К. Василью, и мнѣ то оправити; а номолвитъ ли на Тферытина, а не исправитцѣ, и ему послати до тебе, короля и В. К. Казимира, и тобѣ то исправити."—Здѣсь мы видимъ даже, что касательно смѣшаго суда между Тверскими и Новгородскими подданными дѣло идетъ непосредственно между В. Князьями Московскимъ и Литовскимъ, какъ будто бы Новгородъ совершенно принадлежалъ Москвѣ, и Тверь Литвѣ.

ему не миренъ былъ [1]." И послѣ 1454 года, вѣроятно въ слѣдствіе тѣснаго родственнаго союза, опять встрѣчаемъ договоръ Тверскаго князя съ Московскимъ, въ которомъ оба клянутся быть за одинъ на Татаръ, на Ляховъ, на Литву и на Нѣмцевъ [2]. Такъ Тверь, подобно Новгороду, колебалась между Литвою и Москвою, соперничеству между которыми одолжена была продленіемъ своей независимости. Въ означенномъ договорѣ замѣчательно слѣдующіе условіе; „А што отъ тебе отступилъ князь Иванъ Можайской, да княжь Дмитривъ сынъ Шемякинъ князь Иванъ, или которой ти иный братѣ згрубитъ: и мнѣ В. К. Борису и моимъ дѣтемъ, и братье моей молодшей къ собѣ ихъ не пріимати; а быти намъ съ тобою на нихъ заодинъ и съ твоими дѣтми. Такожъ, брате, которой мой братъ молодшей и изъ меншии мое братьи згрубятъ мнѣ В. К. Борису Алекс., и моему сыну князю Михайлу, и меншимъ моимъ дѣтемъ, кого ми Богъ дасть, и тобѣ В. К. Василію, и твоимъ дѣтемъ В. К. Ивану и князю Юрью, и меншимъ твоимъ дѣтемъ тѣхъ вамъ къ собѣ не пріимати; а

[1] Тамъ же, N 51. Въ этомъ же договорѣ упоминается о недавней враждѣ, бывшей между В. К. Литовскимъ и Тверскимъ: „А што былъ еси взялъ подо мною Ржову, будя со мною не въ любви, и я тебе В. Князя перепросилъ, съ тобою взялъ любовъ, и ты ся Ржовы мнѣ отступилъ." — Въ остальныхъ статьяхъ договоръ сходенъ съ прежнимъ Витовтовымъ, прибавлено только: „а болромъ и слугамъ нашимъ волнымъ воля межи насъ."

[2] С. г. г. и д. т. I, N 76 и 77.

быти вамъ со мною съ В. Княземъ Борисомъ и съ моими дѣтми на тѣхъ за одинъ." Оба свата обязываются въ заключеніи: „А отъиметъ Богъ котораго изъ насъ; и вамъ, брате, печаловатися нашими княгинями и нашими дѣтми." И въ сношеніяхъ съ княземъ Тверскимъ Митрополитъ Іона принимаетъ дѣятельное участіе. До насъ дошло посланіе его къ Тверскому Епископу [1] о томъ, чтобы онъ убѣдилъ своего князя подать помощь В. К. Василью противъ Татаръ. Изъ этого посланія открывается, какою могущественною связующею силою было въ древней Руси духовенство, и какъ неутомимо преслѣдовало оно мысль государственнаго единства, общности Русскихъ интересовъ: „И благословляю тобя, пишетъ Митрополитъ къ Епископу, чтобы еси о томъ сыну моему В. К. Борису Алекс. говорилъ, и билъ челомъ и докучалъ твердо, по своему святительскому долгу, чтобъ сынъ мой В. К. Бор. Алекс. къ В. К. Василію Васильевичу своихъ воеводъ послалъ на тѣхъ безбожныхъ. Занеже сыну, вѣдомо тебѣ, что тамо учинится, великимъ Божіимъ милосердіемъ, тому В. Государю В. Князю которое что добро, къ строенію христіяньскому и тишинѣ, и то обѣихъ тѣхъ Великихъ государей и всего нашего православнаго христіяньства общее добро."

Василій поправилъ ошибку Шемяки касательно примысла отца своего — Нижегородскаго княжества.

---

[1] Акты Историч. I, N 51.

Суздальскій князь Иванъ Васильевичь видѣлъ, что ему не удержать дара Шемяки противъ Василія, и потому заключилъ съ послѣднимъ договоръ, [1] въ которомъ добровольно отказался отъ Суздаля и Нижняго, возвращалъ В. Князю всѣ ярлыки, прежде на эти княжества взятые, и самъ бралъ отъ Василія, въ видѣ пожалованія, одинъ Городецъ, да нѣсколько селъ въ Суздальской области съ условіемъ, что если онъ отступитъ отъ В. Князя, то эта вотчина переходитъ къ послѣднему, а онъ Иванъ подвергается церковному проклятію.

Въ заключеніи мы должны обратиться къ событіямъ въ Литовской Руси, во сколько они касаются отношеній между Рюриковичами. Василій Димитріевичь, умирая, поручилъ своего сына покровительству Витовта: но это была только одна родственная учтивость. Вмѣсто покровительства 80-лѣтній Витовтъ два раза входилъ въ предѣлы Московской Руси, одинъ разъ въ Псковскую, другой въ Новгородскую область, и взялъ огромныя суммы денегъ и съ той и съ другой; мы видѣли, что онъ принялъ въ службу князей Рязанскаго и Пронскаго въ явный ущербъ своему внуку. Къ счастію послѣдняго, Витовта гораздо болѣе занимали дѣла на западѣ, а смерть его, послѣдовавшая въ 1430 году была знакомъ къ усобицамъ въ Литовской Руси и

---

[1] С. г. г. и д. т. I, N 80 и 81.

положила конецъ наступательному движенію ея князей на Русь Московскую. Православно-народная сторона въ Литовской Руси выбрала въ преемники Витовту извѣстнаго уже намъ Свидригайла [1]; Поляки выставили противъ него брата Витовтова, Сигизмунда, которому и удалось ограничить Свидригайла одною Волынiею и частiю Подола. Но Сигизмундъ, поддерживаемый Поляками, навлекъ всеобщее негодованiе своею жестокостiю, и былъ убитъ князьями Черторыйскими. Тогда на его мѣсто былъ высланъ изъ Польши 14-лѣтнiй Казиміръ; Поляки думали и въ немъ имѣть орудіе для исполненія своихъ замысловъ, но ошиблись; Казиміръ, не смотря на молодость, окруженный Литовскими и Русскими боярами, началъ дѣйствовать въ интересахъ Литовско-Русскаго княжества, и примирился съ дядею своимъ Свидригайло. Увидѣвъ это, Поляки противопоставили ему Михаила, сына убитаго Сигизмунда. Разумѣется, что для Василія Московскаго было выгодно поддерживать междоусобія между Гедиминовичами, точно такъ какъ для послѣднихъ было выгодно поддерживать ихъ въ родѣ Калиты; и такимъ образомъ выгоды юго-западной Руси продолжали и теперь находиться въ противоположности съ выгодами сѣверо-восточной. Усиленіе Свидригайла, благодѣтельное для южной Руси, было вредно для Василія Москов-

---

[1] Подробности см. въ приведенномъ выше сочиненіи Зубрицкаго.

скаго, потому что Свидригайло былъ побратимъ дяди Юрія [1]; вотъ почему Василій благопріятствовалъ Сигизмунду и сыну его Михаилу въ борьбѣ съ Свидригайло и Казиміромъ, а убійца Сигизмунда, князь Черторыйскій жилъ у Шемяки и вмѣстѣ съ нимъ приходилъ воевать на Москву [2]. Въ 1444 году, когда Михаилъ вмѣстѣ съ Болеславомъ Мазовецкимъ воевали съ Казиміромъ, и Московскіе полки входили въ Литовскія области, за что Литовцы отомстили вторженіемъ въ слѣдующемъ году [3]; означенный Михаилъ Сигизмундовичъ умеръ въ Москвѣ. По значительныхъ военныхъ дѣйствій между Москвою и Литвою не могло быть: князьямъ обѣихъ было много дѣла у себя дома, и потому гораздо дѣятельнѣе шли между ними мирные переговоры, и въ 1449 году былъ заключенъ между обоими В. Князьями договоръ, о которомъ уже было отчасти упомянуто выше [4]. Здѣсь Казиміръ и Василій клянутся быть

[1] Никон. V, 109.

[2] Тамъ же, стр. 157.

[3] Тамъ же, стр. 194; Зубрицк. стр. 343, 344.

[4] Акты, относ. къ исторіи западной Россіи, т. I, N 50: „По Божьей воли и по нашей любви, Божьею милостью, се азъ Князь Великій Василей Васильевичъ, Московскій и Новгородскій и Ростовскій и Пермьскій и иныхъ (вотъ первоначальный титулъ Московскихъ государей!), а братья моя молодшая, князь Иванъ Андреевичъ; и князь Михайло Андреевичъ, и князь Василій Ярославичъ, чинимы знаменито каждому, кто на сю нашу грамоту узрить, или чтучи услышить, комужъ будетъ того потребно вѣдати. Я Князь Великій Василей, и моя братья молодшая, дали

вездѣ за одинъ и взаимно помогать другъ другу на всѣхъ враговъ, особенно на Татаръ; обязываются въ случаѣ смерти одного изъ нихъ печаловаться дѣтьми покойнаго; Казимиръ обѣщается не принимать Димитрія Шемяки, Василій—Михаила Сигизмундовича; любопытно видѣть, какъ установлены отношенія обоихъ В. Князей къ Новгороду и Пскову: „Въ Новгородъ Великій и во Псковъ, и во вси Новгородскіе и во Псковскіе мѣста, тобѣ королю и в. к. не вступатися, а и не обидѣти ихъ; а имутъ ли ти ся Новгородцы и Псковичы давати, и тобѣ королю ихъ не прыймати. А въ чомъ тобѣ королю и в. к. Казимиру Новгородцы и Псковичы зъгрубятъ, и тобѣ мене великого князя Василья ослославъ да съ ними

есмо сесь записъ брату нашему Казимиру, королю Полскому и Великому Князю Литовскому и Русскому и Жомойтскому и иныхъ, што есмь взяли съ нимъ братство и любовъ и вѣчное докончанье. Жити намъ съ нимъ въ любви, по сей грамотѣ, а быти намъ съ нимъ вездѣ за одинъ, а добра намъ ему хотѣти и нашей земли, вездѣ, гдѣ бы ни было. А хто будетъ ему другъ, то и мнѣ другъ; а хто будетъ ему не другъ, то и мнѣ не другъ...... А князь Василей Ивановичъ Торускій и зъ братьею и съ братаничы служать мнѣ В. К. Василью, а тобѣ королю и В. К. Казимиру въ нихъ ни вступатися; а Ѳедора Блудова, и Александрова Борысова сына Хлепенского, и князя Романова Ѳоминского, и ихъ братьи и братаничовъ отчины, земли и воды, всѣ мов В. К. Васильевы; такожъ Юрьева доля Ромейковича и княжа Ѳедорова мѣста Святославича, всѣ за мною за В. К. за Васильемъ, и тобѣ, брате, всихъ тыхъ мѣстъ блюсти, и не обидѣти и не вступатися, такожъ и у вотчыну мою въ Мещеру не вступатися, ни прыймати ихъ.

ся вѣдати, и мнѣ в. к. Василью не вступатися, ни помолвити про то на тебе, а въ земли и въ воды Новгородскіе тобѣ королю и в. к. Казимиру не вступатися. А съ Нѣмцы ти, брате, держати вѣчный миръ; а съ Новгородцы опришный миръ. а со Псковичы опришный миръ, а нѣкоторыми дѣлы имуть межи себе воеватися и тобѣ королю и в. к. межи ими не вступатися. А коли мнѣ в. князю Василью Новгородцы и Псковичы зъгрубятъ, а всхочу ихъ показнити: и тобѣ королю Казимиру за нихъ не вступатися.“ Московскому князю нѣтъ дѣла до вѣчниковъ, которые величаютъ себя вольными людьми: если они поссорятся съ Казимиромъ, то тотъ можетъ дѣлать съ ними, что хочетъ, лишь бы не вступался въ земли и воды Новгородскія, отчину Московскаго собственника! Не менѣе замѣчательно установлены въ договорѣ отношенія обоихъ В. Князей — Литовскаго и Московскаго къ В. Князю Рязанскому: „А братъ мой молодшій, к. в. Иванъ Ѳедоровичъ Рязанскій со мною съ в. к. Васильемъ въ любви, и тобѣ королю его не обидѣти; а въ чомъ тобѣ, брату моему, королю и в. к. Ив. Ѳед. Ряз. зъгрубитъ, и тобѣ королю и в. к. мене обослати о томъ; и мнѣ его въсчюнути, и ему ся къ тобѣ исправити; а не исправиться къ тобѣ, моему брату, Рязанскій: и тобѣ королю Рязаньского показнити, а мнѣ ся въ него не вступити. А всхочетъ ли братъ мой молодшій в. к. Иванъ Ѳедоровичъ, служыти тобе, моему брату, королю и в. к. и мнѣ в. к. Василью про то на него не гнѣваться, ни мстити ему.“ Должно быть Василій

очень былъ увѣренъ въ преданности Рязанскаго князя, что допустилъ подобное условіе [1]. Не смотря однако на договоръ, прочнаго мира между Москвою и Литвою быть не могло: мы уже выше сказали, что Михаилъ Сигизмундовичь былъ принятъ въ Москвѣ, гдѣ и умеръ: это было противно обязательствамъ; съ своей стороны Казимиръ принялъ сына Шемяки и потомъ Ивана Андреевича Можайскаго и Ивана Васильевича Боровскаго; первые два получили отъ него богатыя волости: Шемячичь Рыльскъ и Новгородъ Сѣверскій, [2] Можайскій сперва Брянскъ, [3] потомъ Стародубъ и Гомей [4]. Уже на другой годъ по заключеніи приведеннаго договора, между Москвою и Литвою начались недоразумѣнія, подавшія поводъ къ новымъ переговорамъ, при чемъ Митрополитъ Іона долженъ былъ принять роль посредника [5].

---

[1] И точно В. К. Рязанскій не жилъ въ дружбѣ съ Казимиромъ, см. о неудовольствіяхъ между ними въ Актахъ относ. къ исторіи западной Россіи, т. I, N 58.

[2] Карамз. VI, примѣч. 480.

[3] Акты; относ. къ запад. Россіи, I, N 52.

[4] Тамъ же, N 139.

[5] Акты, арх. эксп. I, N 49. Посланіе Митрополита Іоны Польскому королю Казимиру; „Превысокому, благородному, славному, Великому Королю Казимиру Полскому, и Великому Князю Литовскому и Русскому и Жмуцкому и иныхъ многихъ, богомолецъ, господине, великого вашего господьства общій, Іона Митрополитъ Кіевскій и всеа Русіи, благословляетъ и челомъ бьетъ. Что еси, господине и сыну, прислалъ къ нашему сыну, а къ своему брату, В. К. Василью Васильевичю своего посла Германа съ рѣчьми и съ листы о вашихъ дѣлѣхъ о земъ-

Мы не должны забывать тѣхъ Рюриковичей, которые остались въ юго-западной, старой Руси, и отношеній ихъ къ В. Князьямъ Литовско-Русскимъ. Въ описываемое время они всѣ уже вошли въ слу-

---

скихъ, а ко мнѣ еси своему богомолцу приказалъ же съ нимъ, чтобъ вашъ богомолецъ общій попеченіе имѣлъ межи васъ великихъ государей о вашемъ братствѣ и о любви и о прочномъ о добромъ житіи, чтобъ како далъ Богъ ваше братство и любовъ прочна была: а язъ господине и сыну, по твоему приказу, великого Короля, своему сыну, а вашему брату, В. К. Василью Васильевичю твои рѣчи говорилъ съ благословеніемъ и съ молбою; и Князь Великій, господине, братъ вашъ, велми хочетъ братства и любви и прочного добраго житія и беречи хочетъ всего господьства, чтобъ было неподвижно. А о которыхъ еси дѣлѣхъ къ нему на своихъ листѣхъ написалъ и рѣчми еси къ нему съ своимъ посломъ приказалъ, и братъ вашъ К. В. о всемъ къ тебѣ на своемъ листу написалъ и рѣчми къ тебѣ съ своимъ діякомъ (въ нѣкоторыхъ спискахъ: Степаномъ, т. е. Бородатымъ, отравителемъ Шемяки и знаменитымъ знатокомъ лѣтописей, которому Иванъ III послѣ поручилъ перечислить Новгородцамъ всѣ ихъ вины) приказалъ, и Богъ дастъ, господине и сыну, на его листу и о всемъ великое ваше господьство познаетъ и отъ его посла послышишь. И благодарю и благословляю великое ваше господьство, чтобъ есте къ своему брату, а къ нашему сыну, В. К. Вас. Вас. братство и любовь свою имѣлъ потому крестному цѣлованію, на чѣмъ еси межъ себе честный и животворящій крестъ цѣловали; а братъ вашъ, а нашъ сынъ В. К. тогоже хочетъ; а язъ вашъ общій богомолецъ, по своему святительскому долгу, Бога молити радъ колико мочно и попеченіе свое имѣти, чтобъ какъ далъ Богъ великаго вашего господьства съ твоимъ братомъ съ В. К. любовь преисполнена была. А о великомъ вашемъ жалованіи и о вашихъ поминкахъ великого вашего господь-

жебныя и подданическія отношенія къ Гедиминовичамъ, что доказываютъ слѣдующія, дошедшія до насъ грамоты: 1) Договорная грамота князя Өеодора Львовича Новосильскаго и Одоевскаго съ В. К. Литовскимъ [1] Казимиромъ 1442 г.; она написана въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „Милостью Божіею *и господаря в. к. Казимера*, королевича, я князь Өедоръ Лвовичъ Новосильскій и Одоевскій билъ есми челомъ в. к. Казимиру королевичу, ижъ бы мене принялъ у службу: и в. к. Казимиръ королевичъ, по моему чолобитью, мене пожаловалъ, прынялъ мене у службу, по князя великого Витовтову докончанью. А мнѣ ему служити вѣрнѣ, безъ всякоѣ хитрости, и во всемъ послушъному быти; а мене ему во чьсти и въ жалованьи и въ докончаньи держати; потому жъ, какъ дядя его мене держалъ господаръ в. к. Витовтъ во чьсти и въ жалованьи. *А полѣтнее мнѣ давати по старынѣ.* А быти мнѣ по великого князя Казимировѣ воли: съ кѣмъ в. к. Казимиръ миренъ, ино и я съ нимъ миренъ; а съ кимъ в. к. Казимиръ не миренъ, съ тымъ и я немиренъ; а в. к. Казимиру боронити мене отъ всякого, какъ и своего. А безъ в. к. Казимировы воли, мнѣ ни съ кимъ не доканьчивати, а ни пособляти никому, ни которыми

ства благодарю и благословляю. А о чемъ ти, господине и сыну, и опричь сего нашего листу иметъ мой дiакъ Василей Карло говорить рѣчми, и тыбъ тому о всемъ вѣрилъ какъ и намъ самимъ."

[1] Акты, относящ. къ истор. запад. Россiи, I, N 41.

дѣлы. А нѣшто смыслить Бог надъ в. князем Казимиромъ, ино мнѣ и моим дѣтем служыти Литовъской земли, который будеть держати Литовъское княженье, или его намѣстнику, хто будеть послѣ него держати княженье Литовъское. А в. к. Казимиру, по моем жывотѣ, къ моим дѣтем и къ моему намѣстнику, у—въ отчыну князя Өедора Лвовича, въ земли и въ воды не въступатися, поколь рубежъ Новосильской земли и Одоевской, его отчынѣ, опроче того што давно отошло. А што смыслить Богъ надъ князем Өедоромъ Лвовичемъ, а хто останется дѣтей его, тому вся его отчына держати; а в. к. Казимиру, по моем жывотѣ, и грамоту докончалную такову жъ дати, какъ ся грамота, и держати ему ихъ потомужъ, какъ мене В, К. принялъ въ службу и докончалъ со мною. А толко хто не въсхочетъ правды дати и грамоты своее таковыжъ не въсхочетъ дати, а потому жъ ихъ не въсхочетъ держати: ино снять цѣлованье доловъ, а намъ воля. А судъ и управа в. к. Казимиру королевичу давати намъ о всихъ дѣлѣхъ, судъ безъ перевода. А зъѣхався судьям В. Князя зъ нашими судьями, судити цѣлова въ крестъ, безъ всякоѣ хитрости, въ праву, на обѣ сторонѣ; а о што сопруться судьи о которыхъ дѣлѣхъ, ино положити намъ на господаря в. к. Казимира; а кого обвинитъ, тое судьямъ ненадобѣ, а виноватый истецъ заплатитъ. А зъ В. Князем Московъскимъ, хто будеть Московъское княженье великое держати, и съ В. Князем Переславъскимъ (т. е. Рязанскимъ), хто будеть Переславъское

Княженье Великое дерьжати, и со Княземъ Великимъ Проньскимъ, хто будеть княженье Пронъское великое дерьжати; ино имъ межы себе судъ по старьинѣ; а чого межи себе не въправять, ино положыти на В. К. Казимировѣ воли, и В. К. Казимиру того досмотрѣти и въправити, коли тыи три князи великіи, верьху писаньи, зъ Великимъ Княземъ Казимиромъ будуть въ доконьчаньи, или зъ его сыномъ, или намѣстникомъ, который будеть держати послѣ его Великое княженье Литовъское. А о чемъ коли мы сами князи Новоселскіи супремъся, и намъ положыти на господаря В. К. Казимира; и В. К. Казимиру межы нась то управити." 2) Князь Θедоръ Воротынской въ 1448 году взялъ отъ Казимира въ намѣстничество городъ Козельскъ, и поклялся: „тотъ городъ дерьжати на господаря на своего на короля, къ В. Княженью Литовъскому [1]." 3) Въ 1455 году Казимиръ подтвердилъ и дѣтямъ кн. Θедора Воротынскаго право на волости, пожалованныя отцу ихъ: „а узрѣвши его вѣрную службу къ намъ то учинили. И его дѣтемъ такожъ съ того вѣрно намъ служити [2]." 4) Въ 1459 г. князья Новосельскіе и Одоевскіе, Иванъ Юрьевичь, Θедоръ и Василій Михайловичи заключили договоръ съ Казимиромъ совершенно сходный съ приведеннымъ выше [3]. Москов-

---

[1] Акты, относящ. къ Истор. запад. Россіи. I, N 48.
[2] Тамъ же, N 57.
[3] Тамъ же, N 63.

скій бѣглецъ, Иванъ Можайскій, также долженъ былъ войти къ Казиміру въ служебныя отношенія [1].

Въ 1462 году умеръ Василій Темный. Дабы предотвратить всѣ споры касательно великокняжескаго наслѣдства, Василій еще при жизни назвалъ сына своего Ивана В. В. Княземъ и началъ писать имя его подлѣ своего въ грамотахъ. Соединивъ въ одно всѣ удѣлы Московскаго княжества кромѣ Верейскаго, Василій снова далъ удѣлы меньшимъ сыновьямъ, но эти удѣлы были ничтожны въ сравненіи съ огромнымъ участкомъ старшаго сына, В. Князя Ивана, который получилъ Коломну, Владиміръ, Переяславль, Кострому, Галичь, Устюгъ, Вятскую землю, Суздаль, Нижній, Муромъ, Юрьевъ, Боровскій удѣлъ Василья Ярославича и часть удѣла Ивана Можайскаго [2]. Любопытно, что богатые примыслы отца своего—Суздаль, Нижній и Муромъ, Темный отдалъ сполна старшему сыну. Въ завѣщаніи Василья въ первый разъ область Великого Княжества Владимірскаго смѣшивается съ областями княжества Московскаго, Владиміръ, Переяславль, Кострома входятъ въ счетъ удѣловъ старшаго сына наравнѣ съ горо-

---

[1] Тамъ же, N 52: Казимиръ король. Всимъ бояромъ Брянъскимъ, и мѣстичомъ и всимъ мужомъ Брянъцомъ. Дали есмо Брянскъ, у вотчину, князю Ивану Андреевичу Можайскому, такъ какъ за нами былъ, *и ему намъ съ того вѣрно служити.*

[2] С. г. г. и д. т. I, N 86.

дами Московскими, и другими примыслами. И въ духовной Темнаго уступлена большая власть княгинѣ матери: ей поручено подѣлить того сына, у котораго какимъ-нибудь случаемъ отнимется удѣлъ: „а дѣти мои изъ ее воли не вымуться [1].“ Завѣщатель

---

[1] Духовенство поддерживало это значенie княгинь-матерей въ семействахъ княжескихъ; до насъ дошло любопытное посланіе Митрополита Іоны какимъ-то князьямъ, не повинующимся своей матери (Допол. къ Акт. Истор. I, N 11): „Благословенie Іоны Митрополита всея Руси о святѣмъ Дусѣ сыновомъ нашего смиренія благороднымъ и благовѣрнымъ княземъ........ Била ми челомъ, сынове, на васъ мати ваша, а моа дчи княгини.... жалуася на васъ, ни своихъ дѣтей; нѣчто по грѣхомъ, оплошеніемъ ли вы своимъ, или діаволимъ навожденіемъ, или своею молодостію, живете, съ нею не држите, да еще деи и обидите ее во всемъ: чимъ деи ее пожаловалъ былъ вашъ отецъ, а ее мужъ, князь........ что ей подавалъ во опришнину, чимъ ей было прожити, доколѣ ей Богъ велитъ пожити, а по своемъ животѣ и души бы своей помощь учинити, а васъ отецъ вашъ, своихъ дѣтей, опричмо того жаловалъ, подавалъ вамъ ваши удѣлы, и вы деи, чрезъ то свое даное, да что ей дано и вы деи то у своей матери поотъимали. Ино то, сынове, богопротивно дѣло дѣлаете, на свою душевную погибель, и временно и будуще. Аще ли не поминаете словеси Господня, глаголюща о (слѣд. текстъ изъ Св. Пис.).... И благословляю васъ своихъ дѣтей, чтобы есте, сынове, нашей дчери, а своей матери.... челомъ добили, а у нее бы есте собѣ прощенье взяли и честь бы есте къ ней пошлую родителскую имѣли во всемъ, по Божію повелѣнію и по божественныхъ Писаній указанію и по нашему благословенію, и были бы есте ей всячески послушливы вовсемъ: а обиды бы есте ей не чинили ни въ чемъ, а ее бы есте доволное ей отдали все, она бы вѣдала свое, а вы бы свое вѣдали, чимъ васъ Богъ помиловалъ, а отецъ вашъ

приказываетъ меньшимъ сыновьямъ слушаться старшаго брата какъ отца, а послѣднему держать младшихъ въ братствѣ, безъ обиды; но эти обычныя и неопредѣленныя выраженія не могли ни къ чему обязать ни старшаго, ни младшихъ: теперь нужны были точнѣйшія опредѣленія правъ и обязанностей, и старшему дана была полная возможность опредѣлить ихъ въ свою пользу.

а нашь сынъ, васъ своихъ дѣтей благословилъ, тобы есте свое Богомъ данное вамъ и вашимъ отцемъ и знали. А какъ, сынове, съ своею матерью, а съ нашею дчерью, управитесь, и вы къ намъ отпишите: и мы за васъ хочемъ и Бога молити, по своему святительскому долгу, а по вашему чистому къ Богу покаянію. А чрезъ то пакъ сынове, то имѣете по старинѣ Богомъ ненавидимое какое дѣло дѣлати, а свою матерь, а нашу дчерь, гнѣвити и оскорбляти и обиду ей какову чинити: и мнѣ, сынове, самому Бога боячись и по своему святительскому долгу, у нужи да посылати ми по своего сына, а по вашего владыку.... и по иныхъ по многыхъ священниковъ, и соборнѣ возря въ божествеcная правила священная, да по вашему непокорьству и непокаянному вашему сердцю, а съ своимъ сыномъ, съ вашимъ владыкою, обговоря и разсудивъ, да учинити намъ вамъ такъ, какъ бы есте наши дѣти, Бога познати и свое православное христіаньство и въ чистое къ Богу покаяніе и умиленіе вошли, възложити ми на васъ духовная тягость церковнаа и свое неблагословеніе и прочихъ священниковъ, кому Богъ повелит, тогда съ нашимъ смиреніемъ быти, а дотолѣ Богомъ узаконеная намъ сдѣлати; и то вамъ будетъ ни отъ кого, но самимъ отъ себе; да и дчери нашіе, а вашіе матери, на васъ не токмо неблагословеніе, но и клятва, и въ си вѣкъ и въ будущій, донелѣже въ чювство пріидете и въ чистое къ Богу покаяніе."

ОТДѢЛЪ IV.

ОТЪ ІОАННА III ДО КОНЧИНЫ ІОАННА IV.

ГЛАВА I-я.

Іоаннъ III.

Въ годъ вступленія своего на Московскій великокняжескій престолъ Иванъ III подтвердилъ договоръ отца своего съ В. К. Тверскимъ [1]. Въ этомъ договорѣ Михаилъ Борисовичъ, подобно отцу своему, обязывался быть на Ляховъ и на Литву за одинъ съ Московскимъ. Но Русскимъ князьямъ и городамъ кромѣ Литвы не было другаго спасенія отъ могущественной Москвы: Новгородъ, передъ паденіемъ своимъ, рѣшился передаться Литвѣ; Князь Тверской, видя страшное усиленіе Москвы при Иванѣ III, прибѣгнулъ къ тому же средству, тѣмъ болѣе, что Тверь издавна союзомъ съ могущественными князьями Литовскими поддерживалась противъ Москвы. Михаилъ Борисовичъ женился на внукѣ Казимира, и заключилъ съ нимъ союзъ [2]: это было явнымъ нарушеніемъ договора съ Москвою, и В. Князь дви-

[1] С. г. г. и д. N 88 и 89.

[2] Соф. врем. II, 229; Карамз. VI, примѣч. 272; Акты, относящ. къ исторіи западной Россіи, т. I, N 79.

нулъ войска свои на Тверь; испуганный Михаилъ прислалъ Епископа къ Ивану, и добилъ ему челомъ на всей волѣ его [1]. Заключенъ былъ новый договоръ [2], въ которомъ В. Князь Тверской обязался держать В. К. Московскаго старшимъ братомъ, равно какъ и сына его В. К. Ивана, и былъ приравненъ къ меньшому брату Московскаго князя, удѣльному Андрею Васильевичу; обязался прервать союзъ и всякое сношеніе съ Казимиромъ, и быть съ нимъ въ тѣхъ отношеніяхъ, въ какихъ захочетъ князь Московскій, сноситься съ Ордою долженъ былъ также съ согласія Ивана; наконецъ послѣдній взялъ съ него клятвенное обѣщаніе: „А въ его (Казимирово) ти имя съ своею землею не датися, ни твоимъ дѣтемъ, ни твоей братье молодшей: А отъ насъ вамъ отъ В. Князей къ Литовскому ни которыми дѣлы не отступати."

Можетъ показаться страннымъ однако, что Тверской князь не испыталъ никакого средства къ защитѣ; по крайней мѣрѣ онъ могъ отчаянною борьбою затруднить завоеваніе, особенно для Ивана III, который всегда уклонялся отъ рѣшительной борьбы. Но мы уже имѣли случай замѣтить, какихъ сильныхъ союзниковъ въ каждомъ княжествѣ имѣлъ князь сильнѣйшій; мы видѣли, что княжество Суздальское и Смо-

---

[1] Соф. врем. II, 230.
[2] С. г. г. и д. т. I, N 119 и 120.

ленское пали въ слѣдствіе измѣны бояръ, таже участь постигла и Тверское. Тверскіе бояре, видя опасное положеніе своего князя, спѣшили передаться Московскому; чтобъ заставить ихъ рѣшиться на это, Иванъ употребилъ обыкновенное средство сильныхъ князей: онъ началъ тѣснить Тверитянъ, показывая имъ всю выгоду быть Московскими подданными; вотъ какъ лѣтописецъ говоритъ о поведеніи Ивана III относительно Твери: „Приѣхали изо Тфери служити къ в. к. Князь Ондрей Микулинскый и князь Осифъ Дорогобужскый. Тогда же бояре вси приѣхаша Тверьскіи служити къ в. князю на Москву, не терпяще обиды отъ в. князя; занеже многы отъ в. князя и отъ бояръ обиды и отъ его дѣтей боярскыхъ о земляхъ, гдѣ межи сошлися съ межами: гдѣ ни изобидятъ Московскіе дѣти боярскіе то пропало, а гдѣ Тферичи изобидятъ а то князь велики съ поношеніемъ посылаетъ и съ грозами къ Тверскому, а отвѣтомъ его вѣры не иметь, а суда не дасть [1].“ Видя такіе поступки со стороны Ивана, Михаилъ Тверской завелъ опять тайныя сношенія съ Казимиромъ; но могло ли быть что-нибудь тайно, когда Тверскаго князя окружали люди, уже передавшіеся Московскому: гонецъ Михаила былъ схваченъ, и грамота его доставлена Ивану, который послалъ въ Тверь съ грозными, укорительными рѣчами. Михаилъ спѣшилъ умилостивить его, отправилъ Владыку бить челомъ

---

[1] Соф. врем. II, 231.

за вину: В. Князь не принялъ челобитья владыки; Михаилъ отправилъ другихъ пословъ: В. Князь не пустилъ ихъ къ себѣ на глаза, и повелъ войско на Тверь, а когда Иванъ III велъ войско, это значило, что битвы не будетъ. Когда Московскіе полки обступили городъ и зажгли посады, Тверскіе крамольники, по выраженію лѣтописца [1], т. е. передавшіеся на сторону Москвы князья служебные и бояре пріѣхали въ станъ къ Ивану, и били ему челомъ въ службу. Тогда несчастный Михаилъ убѣжалъ ночью въ Литву, гдѣ и умеръ безъ потомства [2]; городъ его былъ

---

[1] Никон. VI, 120. Супрасльская рукоп. стр. 135: Взя градъ Тферь В. К. Московскій Иванъ Вас., подъ Великымъ Князем̃ъ Михаиломъ Борисовичемъ Тферьскымъ зрадою своихъ ему боярь.

[2] Послѣднія извѣстія о послѣднемъ изъ Тверскихъ князей суть слѣдующія: 1) Упоминки князю Тверскому, 1489 г. Князю Великому Тферскому дано въ Краковѣ, Мая въ 10 день, индикта 7: два поставы сукна Махалского, а три поставы сукна Новогоньского, а 20 копъ грошей изъ скарбу. Въ Краковѣ, Мая 20 индикта 7, К. В. Тферскому дано: 20 яловицъ а 20 барановъ зъ мыта Луцкого, а 20 яловицъ а 20 барановъ зъ мыта Берестейского, да колода меду пресного съ ключа Луцкого, а другая колода меду съ ключа Берестейского. Сентября 10, индикта 7, зъ Нового мѣста послано К. В. Тферскому: шуба соболья, волочоная аксамитомъ або адамашькою, а другая шуба кунья; а два поставы сукна Махалского, а три поставы Новогоньскихъ съ скарбу; а двѣ колодѣ меду пресного съ ключа Луцкого; а 50 бочекъ овса на кони тамъже, а 9 стиртъ сѣна зъ дворовъ Володимерскихъ; а 30 копъ грошей изъ скарбу.—Акты относ. къ истор. запад. Россіи, I, N 89. 2) Посольскія рѣчи Казимира Польскаго Ивану III, 1486 г. „Казимиръ, король Польскій и В. К. Литовскій всказалъ; перво сего посылали есмо до тебе на-

сданъ В. К. Московскому, который посадилъ въ немъ старшаго сына и наслѣдника Ивана [1].

Обратимся къ отношеніямъ Рязанскимъ. Мы видѣли, что при Василіи Темномъ малолѣтный Рязан-

---

ши послы, Маршалка нашого, намѣстника Новгородскаго и Слонимского пана Солтана Александровича, и писара нашого Петрашька, о Великомъ Князь Михаилѣ Борисовичи Тферскомъ, и уже тобѣ о томъ свѣдомо, за чимъ есмо до тебе послали.

Казимиръ, король и В. К. вказалъ: ино и самому тобѣ о томъ горздо вѣдомо, што В. К. Михайло Борисовичъ Тферский съ нами въ докончаньи и крестномъ цѣлованьи, пріѣхалъ къ намъ до нашое отчины до В. Княжества Литовського, и мы его приняли. И билъ намъ чоломъ, абыхмо ему помогли. И мы обмыслили есмо о томъ, какъ бы онъ къ отчинѣ своей прійшолъ добрымъ концемъ, безъ кровопролитья; а посмотрѣли есмо въ докончаньи отца твоего, какъ есмо съ нимъ докончали, ино на вѣсь помочи есмо не дали ему, а хлѣба и соли есмо ему не боронили: покуль была его воля, потуль у насъ былъ; а какъ къ намъ въ нашу землю доброволько пріѣхалъ, такъ есмо его доброволью отпустили. 3) Жалованная королевская грамота 1505 года кн. Василію Глинскому на Лососинскую отчину: дали есмо ему тотъ дворъ нашъ Лососиную со всимъ, потому какъ держалъ кн. Михайло Борисовичь Тферскій. А што есмо придали были князю Михайлу Тферскому села Бѣлавичи а Гощово, то есмо тыми разы приверпули за ся къ Слониму.—Акты, относящ. къ истор. запад. Россіи, т. 1, N 218.

[1] Никон. VI, 120 Какъ благодарилъ Иванъ III Тверскихъ крамольныхъ князей и бояръ, показываетъ слѣдующее извѣстіе: „Поима К. В. князя Михаила Холмскаго и взаточеніе на Вологду посла за то что отступилъ князя своего Михаила Тферского, и цѣловавъ ему кресть, измѣнилъ, а В. Князю на него лгалъ, рекучи: не добрѣ вѣрити тому, кто Богу лжетъ.“ См. мою статью: О продолженіи исторіи Татищева, въ Москвит. 1845 г. N 10.

скій князь Василій, отданный умирающимъ отцемъ на руки Московскому князю, воспитывался въ Москвѣ, а Рязанью управляли намѣстники, назначенные Темнымъ. Въ 1464 году Иванъ III отпустилъ молодаго князя въ Рязань, который въ томъ же году женился на сестрѣ В. К. Московскаго, Аннѣ; свадьба была въ Москвѣ [1]. Въ 1483 году умеръ В. К. Рязанскій Василій, оставя двоихъ сыновей — Ивана и Ѳедора; въ томъ же году первый, какъ В. Князь, заключилъ съ Иваномъ Московскимъ и съ родичами его договоръ [2]: В. К Рязанскій обязывается считать себя младшимъ братомъ Ивана III и сына его, и приравнивается къ удѣльному Московскому, князю Андрею Васильевичу, обязывается быть за одинъ на всѣхъ враговъ Москвы и не сноситься съ лиходѣями ея князя. Теперь въ договорахъ нашихъ князей мѣсто ордынскихъ отношеній заступаютъ отношенія къ служебнымъ Татарскимъ царевичамъ, появившимся, какъ мы видѣли, со временъ Темнаго. В. К. Рязанскій обязывается, по примѣру дѣда и отца, давать извѣстное количество денегъ на содержаніе царевичей, которые обороняютъ всю Русскую землю, причемъ В. Князь Московскій выговариваетъ: „А со царевичемъ съ Доньяромъ, или кто будетъ иный царевичь на томъ мѣсте, не канчивати ти съ ними, ни съсылатися на наше лихо; а жити ти съ ними по нашему докончанію. А учнутъ тебя чѣмъ обиде-

---

[1] Никон. VI, стр. 2.
[2] С. г. г. и д. т. I, N 115 и 116.

ти, и намъ за тобя стояти и боронити." Слѣд. Татарскіе царевичи находятся въ службѣ одного Московскаго В. Князя, какъ князя всея Руси: его одного знаютъ, съ нимъ однимъ свершаютъ докончанія. В. К. Рязанскій обязывается не только не принимать служебныхъ князей Московскаго, но обязывается также добывать ихъ безъ хитрости, если они побѣгутъ отъ Ивана, и добывъ, выдать ему. Любопытнѣе для насъ договоръ между князьями Рязанскими, родными братьями— В. Княземъ Иваномъ и Удѣльнымъ Ѳедоромъ. Этотъ договоръ также служитъ доказательствомъ, что въ одно и то же время, во всѣхъ княжествахъ Русскихъ, касательно отношеній княжескихъ, происходили точно тѣ же явленія, какія мы видѣли въ Московскомъ княжествѣ. Договоръ между Великимъ и Удѣльнымъ Рязанскими князьями совершенно, слово въ слово одинаковъ съ договорами князей Московскихъ, Великихъ съ Удѣльными [1]. В. К. Рязанскій, который въ договорѣ съ Иваномъ III приравненъ къ удѣльному Московскому, въ договорѣ съ своимъ удѣльнымъ, съ своимъ младшимъ братомъ, требуетъ, чтобъ тотъ „его великое княженье держалъ честно и грозно безъ обиды, а мнѣ В. Князю тобя жаловати, и печаловати ми ся тобою и твоею отчиною. И тобѣ подо мною В. Княженья не хотѣти, ни твоимъ дѣтемъ подъ моими детми." Доказательствомъ, какъ ослабѣли родовыя понятія, и какъ на ихъ мѣсто

---

[1] С. г. г. и д. т. I, N 127.

усилились понятія о собственности, о произволѣ собственника, служитъ то, что Рязанскіе князья считаютъ необходимымъ укрѣпить клятвеннымъ договоромъ самое естественное право наслѣдства брата послѣ брата: „А не будетъ у мене детей, и мнѣ В. Князю В. Княженьемъ благословити тобя своего брата; а не будетъ у тобя детей, и тебе моему брату своей отчины не отдати ни которою хитростью мимо меня В. Князя.“ Не смотря однако на это условіе, удѣльный Ѳедоръ, умирая бездѣтнымъ, завѣщалъ свой удѣлъ В. Князю Московскому. [1] Въ 1500 году умеръ В. К. Рязанскій Иванъ, оставя пятилѣтняго сына, именемъ также Ивана, подъ опекою матери и бабки: опять доказательство, какъ сильно было вліяніе женщинъ въ древней Руси. Каковы были отношенія Рязани на Москвѣ въ это время, видно изъ слѣдующаго наказа, даннаго Иваномъ III Якову Телешову, который провожалъ чрезъ Рязань Кафинскаго посла. Телешовъ долженъ былъ поклониться В. Княгинѣ Агриппинѣ и сказать ей отъ В. Князя Московскаго: „Твоимъ людемъ служивымъ, Боярамъ и дѣтямъ боярскимъ и сельскимъ, быти всѣмъ на моей службѣ; а торговымъ людямъ лутчшимъ и середнимъ и чернымъ быти у тобя въ городѣ, и ослушается и пойдетъ кто (на Донъ), ихъ бы велѣла казнити и не учнешь казнити, ино ихъ мнѣ велѣти казнити и продавати [2].“ Здѣсь В. Князь Московскій распоряжается

---

[1] Тамъ же, N 144.
[2] Карамз. VI, примѣч. 563.

силами В. Княжества Рязанскаго; мало того, объявляетъ, что будетъ наказывать тѣхъ изъ Рязанскихъ подданныхъ, которые ослушаются его приказа.

Кромѣ Твери, при Иванѣ III окончательно присоединены княжества Ростовское и Ярославское. Въ 1463 году Ярославскіе князья, сохранявшіе до сихъ поръ въ своемъ удѣлѣ права владѣтельныя, уступили свою отчину В. Князю: это дѣло уладилъ Московскій дьякъ Алексѣй Полуехтовичь [1]. Князья Ростовскіе удерживали еще въ своемъ владѣніи половину города Ростова, тогда какъ другая половина была присоединена къ Москвѣ при Калитѣ; въ 1474 году два Ростовскіе князя продали Ивану III и остальную половину [2].

Иванъ постарался уничтожить въ Московскомъ княжествѣ послѣдній удѣлъ, не принадлежавшій потомкамъ Василія Димитріевича, удѣлъ Верейскій. Мы видѣли, что Михаилъ Андреевичь Верейскій, благодаря своему миролюбивому характеру, чуждому всякихъ притязаній, успѣлъ сохранить свой удѣлъ при Василіѣ Темномъ. Въ началѣ княженія Ивана III онъ возобновилъ съ В. Княземъ договоръ на прежнихъ основаніяхъ [3]. Это было въ 1463 году; въ 1465 былъ заключенъ другой договоръ, [4] по которому

---

[1] Лѣтопис. содерж. Росс. ист. отъ 852—1598 г. стр. 166.
[2] Лѣтописецъ, служащ. продолж. Нестор. стр. 284.
[3] С. г. г. и д, т. I, N 90.
[4] Тамъ же, N 92.

Михаилъ долженъ былъ возвратить В. Князю нѣсколько волостей, пожалованіе Темнаго. Однако Иванъ III не думалъ удовольствоваться этою уступкою; въ томъ же году мы видимъ еще новый договоръ,[1] въ которомъ Верейскій князь обязывается считать себя моложе всѣхъ братьевъ великокняжескихъ, даже самыхъ младшихъ. Въ 1482 году новый договоръ: Верейскій князь уступаетъ по смерти своей В. Князю отчину свою—Бѣлоозеро[2]. Ясно, что Иванъ III такими требованіями хотѣлъ вывести Михаила изъ терпѣнія, чтобъ сопротивленіе послѣдняго дало ему предлогъ захватить Верейскій удѣлъ вооруженною рукою; но Михаилъ уступалъ безъ сопротивленія. Скоро однако В. Князь нашелъ средство кончить дѣло, какъ ему хотѣлось: за сыномъ Верейскаго князя Василіемъ была за мужемъ Греческая княжна, племянница В. Княгини Софіи Ѳоминишны Палеологъ. Софья дала за племянницею въ приданое вещи, принадлежавшія первой женѣ Ивана, Маріи Тверской; В. Князь, обрадованный рожденіемъ внука Димитрія, хотѣлъ подарить невѣстку Елену этими бриліянтами, и узнавъ, что они переданы Верейскому князю, послалъ забрать у него все женнино приданое, и обрадовавшись случаю обвинить его въ преступленіи, (въ которомъ если кто и былъ виноватъ, то разумѣется В. Княгиня Софья, а не Верейскій князь),

---

[1] С. г. г. и д. т. I, N 93.
[2] Тамъ же, N 113.

грозился посадить его въ заключеніе вмѣстѣ съ женою: Василій, оскорбленный и напуганный, уѣхалъ въ Литву [1]. Этого только и хотѣлось Ивану III: по древнему праву старшаго въ родѣ отбирать удѣлъ у провинившагося младшаго князя, В. Князь, при жизни старика Михаила, отнялъ отчину его Верею за мнимую вину его сына, и въ видѣ уже пожалованія возвратилъ ее опять Михаилу, обязавъ его слѣдующимъ договоромъ: [2] „А съ сыномъ ти своимъ со княземъ съ Василіемъ не съсылатися никоторою хитростью, а кого къ тобѣ пришлетъ съ какими рѣчьми, и то ти мнѣ В. Князю сказати въ правду, по сему крестному цѣлованью; а того ти ко мнѣ присылати, ково къ тобѣ пришлетъ. И что язъ К. Великій пожаловалъ тобя *своею* вотчиною Вереею, что взялъ есмь въ своей винѣ у твоего сына у князя у Василія: и то все тобѣ кн. Михайлу держати за собою до своего живота. А отойметъ Богъ тебя моего брата молодшего к. Мих. Андр. ино послѣ твоего живота та вся твоя вотчина мнѣ В. Князю; а мнѣ В. Князю и моему сыну, которому дамъ ту твою вотчину после своего живота, поминати намъ твою душю.“ Есть что-то страшное въ послѣднихъ словахъ: прогнать сына отъ отца, заставить послѣдняго вмѣсто роднаго сына отказать владѣніе его гонителю и за все за это обѣщать: „а мнѣ В. Князю и моему сыну, которому дамъ ту твою вотчину после своего

---

[1] Соф. врем. II, 228.

[2] С. г. г. и д. т. I, N 118.

живота, поминати намъ твою душю!" Въ 1485 году умеръ несчастный старикъ Михаилъ Верейскій; въ своей духовной онъ говоритъ, т. е. принужденъ сказать: [1] „Что моя отчина, чѣмъ мя благословилъ отецъ мой, и язъ благословилъ далъ есмь ту свою вотчину господину и *Государю* В. Князю Ивану Васильевичу всея Руси." Здѣсь слово: *благословилъ* звучитъ также какъ-то страшно! Важно здѣсь также выраженіе: *Государю*, ибо господинъ было неопредѣленное выраженіе учтивости, тогда какъ Государь указывало на отношенія служебныя, подданническія; южные Рюриковичи опередили въ этомъ отношеніи сѣверныхъ: они прежде начали называть В. Князя Литовскаго *осподаремъ*, что одно и тоже съ словомъ: государь: оба означаютъ собственника, хозяина. Даже движимое имѣніе свое Михаилъ отказываетъ Ивану III и сыну его. Не смѣя думать о сынѣ, несчастный князь умоляетъ въ духовной: „да чтобы Господинъ мой Кн. Вел. пожаловалъ, послѣ моего живота судовъ моихъ не посудилъ. А что мои люди, кого буду чѣмъ пожаловалъ жалованьемъ и деревнями: и Государь бы мой К. Вел. после моего живота моего жалованья не порушилъ, что бы мои люди после моего живота не заплакали, а мене бы Государь мой Кн. В. во всемъ въ томъ не положилъ, занеже тобѣ Государю моему В. Князю приказана душа помянути и долгъ заплатити [2]."

---

[1] С. г. г. и д. т. I, 121.

[2] Тамъ же, N 122.

Когда дѣло было кончено, Верейскій удѣлъ присоединенъ къ Москвѣ, В. Князь позволилъ себѣ склониться на просьбы жены и сына, и согласился принять бѣжавшаго Василія Михайловича опять въ Московское государство, но только на службу, въ качествѣ служебнаго князя, не болѣе; вотъ письмо, отправленное сыномъ великокняжескимъ, Василіемъ Ивановичемъ къ изгнаннику, въ 1493 году [1]: „Присылалъ еси ко отца нашего сыну Боярскому к Ивану к Микитину сыну Беклемишова, своего человѣка Щулѣпа Васюкова сына Усатаго; а велѣлъ еси ему намъ бити челомъ, что бы мы о тебѣ били челомъ матери своей В. Княгинѣ, что бы мати наша В К. пожаловала, да и мы печаловались о тебѣ къ государю отцу своему В. К., что бы отецъ нашъ пожаловалъ, похотѣлъ твоей службы. И мати наша В. Княгини, да и мы, Государю отцу своему В. К. о тобѣ били челомъ, и отецъ нашъ К. В. тебя жалуетъ, хочетъ твоей службы; и ты бы ко отцу нашему къ В. К. поѣхалъ.“ Но изгнанникъ не поѣхалъ на службу къ Московскому Государю по причинамъ, намъ неизвѣстнымъ; какъ и гдѣ жилъ онъ, какъ и гдѣ умеръ, также ничего неизвѣстно.

Но извѣстна намъ судьба родныхъ братьевъ Ивана III. До 1472 года Иванъ III жилъ мирно съ братьями; однако около означеннаго года мы

---

[1] С. г. г, и д. т. II, N 22.

встрѣчаемъ первый договоръ его со вторымъ братомъ, Андреемъ Васильевичемъ Углицкимъ или Большимъ [1]. Этого обстоятельства не льзя упускать изъ виду, ибо появленіе договора столь долгое время спустя по восшествіи на престолъ Ивана III могло произойти только въ слѣдствіе какихъ-нибудь столкновеній, тѣмъ болѣе, что договоръ былъ заключенъ съ однимъ только Андреемъ Углицкимъ, который и послѣ является главнымъ дѣятелемъ въ борьбѣ съ В. Княземъ. Въ договорѣ нѣтъ ничего новаго противъ извѣстныхъ намъ договоровъ удѣльныхъ князей съ великими. Въ 1472 году умеръ старшій изъ братьевъ, Юрій, князь Дмитровскій, бездѣтнымъ; въ духовной, которая дошла до насъ [2], онъ дѣлитъ по церквамъ, монастырямъ и роднымъ села, движимое имущество, совершенно какъ частный человѣкъ, не говоря ничего о богатомъ удѣлѣ своемъ, Дмитровѣ, Можайскѣ, Серпуховѣ. Причина такого молчанія ясна: благословить поровну всѣхъ братьевъ значило разгнѣвать В. Князя; отказать все В. Князю, значило обидѣть остальныхъ братьевъ: Юрій промолчалъ. В. Князь взялъ удѣлъ себѣ; братья — Андрей Углицкій и Борисъ Волоцкій объявили старыя притязанія на ровный раздѣлъ между родичами [3]; на этотъ разъ дѣло кончилось однако перемиріемъ: Иванъ III

---

1 С. г. г. и д. т. I, N 95.

2 Тамъ же, N 96.

3 Лѣтопис. служащ. продолж. Нестор. стр. 284.

отдалъ Борису Вышгородъ, взятый передъ тѣмъ у Михаила Верейскаго; Андрею Меньшому Вологодскому, который не представлялъ никакихъ притязаній, далъ Торусу, одному Андрею Большому не далъ ничего самъ, уже мать его, Марія, очень любившая Андрея, дала ему свою куплю, Романовъ городокъ на Волгѣ. Изъ этого распоряженія видно также, что В. К. злобился всего болѣе на Андрея, какъ на зачинщика, и удовольствовавъ остальныхъ братьевъ, не далъ ему ничего самъ: пусть, думалъ онъ, мать, которая такъ его любитъ, и награждаетъ сама своего любимца. Въ это же время съ обоими братьями, Андреемъ Углицкимъ и Борисомъ Волоцкимъ были заключены договоры на обычныхъ условіяхъ,[1] причемъ и Андрей, и Борисъ обязались не думать объ удѣлѣ Юрія. Ясно, что эта сдѣлка была совершенно не въ пользу братьевъ: вымороченый удѣлъ остался за В. Княземъ, они лишались своего права, подтвердивъ клятвою обязательство не вступаться въ означенный удѣлъ, и такимъ образомъ давали старшему брату право на всѣ вымороченыя области, какія будутъ впередъ: миръ, въ которомъ одна сторона оскорблена, но не обезсилѣна еще окончательно, такой миръ не надеженъ; оба брата утаили негодованіе до удобнаго времени; случай къ разрыву не замедлилъ представиться.

Право бояръ отъѣзжать отъ одного князя къ другому подтверждалось еще во всѣхъ договорахъ меж-

[1] С. г. г. и д. т. I, № 97 и 99.

ду князьями; но оно могло оставаться ненарушимымъ только тогда, когда существовало нѣсколько независимыхъ княжествъ; когда же всѣ княжества поникли предъ Московскимъ, когда всѣ князья признали старшинство Московскаго, то переходъ бояръ могъ имѣть мѣсто только отъ первыхъ къ послѣднему: въ самомъ дѣлѣ, какимъ образомъ младшій братъ, удѣльный, подчиненный князь могъ принять къ себѣ бояриня, навлекшаго на себя гнѣвъ В. Князя, сохраняя по прежнему свои родственныя отношенія, не возбуждая нелюбья старшаго брата и государя? это противорѣчило естественному порядку вещей, противорѣчило здравому смыслу. Опираясь на это-то странное, не своевременное право, Андрей Углицкій и Борисъ Волоцкій снова вооружились противъ Ивана III. Въ 1479 году В. К. отнялъ Великолуцкое намѣстничество у князя Ивана Оболенскаго Лыка, по жалобѣ гражданъ, обвинявшихъ его въ притѣсненіяхъ [1]. Иванъ III нарядилъ судъ и кн. Обо-

---

[1] О поведеніи кн. Ив. Лыка сохранилось извѣстіе въ записи о Ржовской дани, напечат. въ Актахъ, относящ. къ истор. зап. Россіи, N 71: Какъ к. в. Московскій взялъ Новгородъ и вѣчо имъ сказилъ, ино взъѣхалъ на Ржову кн. Ив. Лыко, и ѣхалъ черезъ Влицы, и судилъ и грабилъ люди, што хотѣлъ то на нихъ бралъ, и оставилъ слугъ своихъ Тимоѳея и Бурца; и тые его слуги судили и грабили люди, што хотѣли то брали: на Климку два рубли взяли, на Дениску Голубькиничу рубль взяли, на Ондронѣ полтора рубля взяли, на Панкратѣ полтора рубля взяли, и на иншихъ людехъ много побрали, на комъ рубль, на комъ два, на комъ три, на комъ пять, того и

ленскій долженъ былъ выплатить гражданамъ все, что взялъ у нихъ неправдою. Но граждане, говоритъ лѣтописецъ, [1] видя что В. Князь взялъ ихъ сторону, начали взводить напраслины на бывшаго намѣстника, а В. Князь потакалъ имъ. Оболенскій, раздосадованный этимъ, отъѣхалъ къ Волоцкому князю Борису; Иванъ послалъ къ брату вытребовать отъѣхавшаго боярина; Борисъ не выдалъ и велѣлъ сказать старшему брату: „если кому есть дѣло до Оболенскаго, то оно должно быть изслѣдовано въ судѣ." Тогда В. Князь рѣшился показать невозможность отъѣзда отъ старшаго къ младшимъ: онъ велѣлъ тайно схватить Оболенскаго, сковать и привезти въ Москву, что и было исполнено. Теперь уже Борисъ, начавшій трудное дѣло, не могъ перенести оскорбленія, которое было слишкомъ явно; онъ послалъ въ Угличь къ старшему изъ удѣльныхъ, Андрею жаловаться на В. Князя: „неслыханныя насилія должны терпѣть мы, говорили князья: уже теперь нельзя никому отъѣхать къ намъ; старшій братъ. кн. Юрій

не счести; и многіи люди съ тыхъ грабежовъ разбѣглися по заграничью, кое ко Пскову, кое индѣ гдѣ; а того всего слуги Лыковы взяли рублевъ на тридцать, ино по клѣтемъ ходѣчи грабили, што было въ клѣтехъ то выграбили у людей... ...... наѣхалъ кн. Лыко на Ржову и на Луки, и тутъ во Ржовѣ почалъ судить и радить, и вины брати, и грабити, што хотѣлъ, то чинилъ, а владыцѣ Новгородскому и бояромъ не далъ ничого ихъ пошлинъ брати, вси на себе почалъ брати.

[1] Соф. врем. II, 203 и слѣд.

умеръ—Кн. Вел. досталась вся его отчина, а намъ не было никакого подѣла; Новгородъ В. съ нами взялъ, но все досталось ему одному, намъ не далъ жребія; а теперь уже дошло дѣло и до насилій: кто отъѣдетъ отъ него къ намъ, тѣхъ беретъ безъ суда, ставитъ насъ ниже бояръ своихъ, позабывъ отцовское завѣщаніе.“ Князья неудовольствовались одиѣми жалобами; это время было для нихъ самое благопріятное; страшный заговоръ въ Новгородѣ занималъ все вниманіе В. Князя, король Казимиръ былъ за одно съ Новгородцами, Ханъ Ахматъ за одно съ Казимиромъ: тогда недовольные братья предложили Новгороду также свое участіе. Только необыкновенная рѣшительность и дѣятельность Великаго Князя помогли ему выдти изъ затруднительнаго положенія [1]: онъ поспѣшилъ двинуться къ Новгороду, заставилъ его сдаться на всю его волю, схватилъ главныхъ заговорщиковъ, и выпытавъ у нихъ объ участіи братьевъ, поспѣшилъ въ Москву предупредить послѣднихъ. Князья уже обнаружили свои замыслы движеніемъ къ Новгороду [2]; народъ, который едва успѣлъ отдохнуть отъ междоусобій, находился въ необычайномъ страхѣ; Иванъ боялся болѣе всего открытой, невѣрной борьбы, особенно теперь, когда еще съ двухъ

---

[1] См. мою статью: О продолженіи Исторіи Татищева, напечат. въ Москвит. 1845 г. N 10.

[2] Лѣтопис. содерж. въ себѣ Росс. исторію отъ 852—1598 г. стр. 185 и слѣд.

другихъ сторонъ грозили ему Литва и Орда: онъ послалъ къ братьямъ уговаривать ихъ возвратиться, и какъ прежде разорвалъ ихъ союзъ, удовлетворивъ одного Бориса, такъ теперь обѣщалъ Андрею Калугу и Алексинъ, не давая ничего Борису; такимъ способомъ онъ сберегалъ волости, давая одному вмѣсто двоихъ, и вмѣстѣ ссорилъ братьевъ, раздѣляя ихъ интересы. На этотъ разъ однако хитрость не удалась: братья запрашивали слишкомъ много; они снеслись уже съ Казимиромъ, который далъ семействамъ ихъ для прожитія Витепскъ; Иванъ III сердился на мать, которую подозрѣвалъ въ единомысліи съ любимцемъ ея Андреемъ Углицкимъ, и прервалъ всѣ сношенія съ братьями. Но въ это самое время нагрянулъ Ахматъ: нашествіемъ его воспользовалась княгиня мать для примиренія сыновей; Иванъ III въ крайности обѣщалъ [1] все, мать уговорила Андрея и Бориса возвратиться, и съ помощію двухъ Владыкъ—знаменитаго Вассіана Ростовскаго и Филоѳея Пермскаго, примирила ихъ со старшимъ братомъ [2].

По уходѣ Ахмата, Иванъ III выполнилъ обѣщанія по своему: онъ удовольствовалъ одного Андрея, давъ ему Можайскъ [3], а Борису не далъ ничего [4].

---

[1] Соф. врем. II, 206.

[2] Лѣтоп., содерж. Росс. ист. отъ 852—1598 г. стр. 187.

[3] С. г. г. и д. т. I, N 106.

[4] Тамъ же, N 110.

Въ тоже время умеръ бездѣтнымъ Кн. Андрей Васильевичь Меньшой Вологодскій, въ духовномъ завѣщаніи онъ отказалъ весь удѣлъ В. Князю, давъ остальнымъ братьямъ только по селу [1]. На этотъ разъ братья не могли жаловаться: завѣщаніе собственника долженствовало быть свято исполнено.

Но Иванъ III не могъ простить Андрею Большому того, что онъ, воспользовавшись затруднительными обстоятельствами, принудилъ его подѣлиться выморочнымъ удѣломъ Юрія. Въ 1484 году умерла мать Московскихъ князей, инокиня Мареа; какъ она любила Андрея, доказательствомъ служитъ множество волостей, которыя она ему надавала [2]. Смертію княгини-матери разрывался послѣдній и самый крѣпкій узелъ между братьями; послѣ этого видимъ между ними только одну взаимную недовѣрчивость, которая должна была повести къ печальной развязкѣ. Въ 1486 г. В. Князь взялъ съ обоихъ братьевъ клятвенныя грамоты не вступаться въ удѣлы выморочные Юрія и Андрея Меньшаго, ни въ удѣлъ Верейскій, ни въ область Новгородскую и Псковскую, и въ примыслъ В. Князя—Тверь [3]; также не сноситься ни съ Казиміромъ, ни съ изгнаннымъ В. К. Тверскимъ, ни съ панами Литовскими, ни съ Новгородомъ, ни со

---

[1] С. г. г. и д. т. I, N 112.
[2] Тамъ же, N 125.
[3] Тамъ же, N 123, 125.

Псковомъ. Какъ велика была недовѣрчивость между братьями, всего лучше доказываетъ слѣдующее происшествіе: въ 1488 году бояринъ Андреевъ Образецъ объявилъ своему князю, что старшій братъ хочетъ схватить его; Андрей тотчасъ же собрался бѣжать въ Литву, но одумался и послалъ спросить В. Князя, за что онъ держитъ на него гнѣвъ; Иванъ III поклялся ему небомъ и землею и богосильнымъ творцемъ всея твари, какъ сказано въ лѣтописи, что у него и въ мысли того не бывало [1]. Начали доискиваться, откуда разнесся такой слухъ, и нашли, что великокняжескій сынъ боярскій Мунтъ Татищевъ, желая подшутить надъ Образцемъ, сказалъ ему эту новость. Татищева высѣкли кнутомъ, хотѣли даже отрѣзать языкъ, да Митрополитъ отпечаловалъ. Послѣ этого, въ 1491 году, узнавъ, что что на союзника его, Менгли-Гирея Крымскаго, идутъ Татары съ востока, Иванъ III выслалъ свои полки къ нему на помощь, веля и братьямъ отправить также своихъ воеводъ, на что имѣлъ полное право по договорнымъ грамотамъ. Борисъ послалъ свои полки вмѣстѣ съ великокняжескими, но Андрей не послалъ [2], и такимъ поступкомъ съ одной стороны возбудилъ гнѣвъ В. Князя, не терпѣвшаго ослушанія, съ другой еще болѣе возбудилъ недовѣрчивость его, такъ что Иванъ рѣшился покончить съ нимъ дѣло. Въ 1492 году

---

[1] Соф. врем. II, 232.

[2] Тамъ же, II, стр. 238.

Андрей пріѣхалъ въ Москву; В. К. позвалъ его обѣдать, и когда тотъ явился, велѣлъ схватить его и посадить въ заключеніе, гдѣ онъ и умеръ, равно какъ двое сыновей его [1]; удѣлы его были присоединены къ Москвѣ. Въ одномъ лѣтописцѣ сохранены слова В. Князя въ отвѣтъ Митрополиту, когда тотъ печаловался ему объ заключенномъ Андреѣ: „Жалми добрѣ брата моего и не хочу изгубити его, а на себя порока положити, а свободити не могу: про то что инединою зло на мя замышлялъ и братію свободилъ, а потомъ клялся и нынѣ паки началъ зло замышляти и люди моя къ себѣ притягати, да то бы и ничто, а когда я умру то ему доставати великое княженіе, а внукъ мой кому великимъ княземъ быти, и онъ коли собою того не достанетъ, то смутитъ дѣти моя и будутъ воеватися межи собою, и татара пришедъ видя въ нестроеніи будутъ землю Русскую губить, жечи и плѣнить, и дань возложатъ паки, и кровь христіанская будетъ литися, яко бѣ прежде, и что азъ толико потрудихся а то будетъ ни во что, и вы будете раби Татаромъ [2]." Изъ этихъ словъ видно во 1) что Андрей, кромѣ ослушанья, возбудилъ еще недовѣрчивость В. Князя переманкою къ себѣ людей его, во 2) Иванъ III всего болѣе опасался Андреевыхъ замысловъ по смерти

---

[1] Лѣтопис., содерж. Росс. истор. отъ 852 — 1598 г. стр. 200 и слѣд.

[2] См. мою статью: о продолженіи исторіи Татищева, въ Москвит. 1845, N 10.

своей, предвидя, что и безъ того будутъ необходимо усобицы между внукомъ Димитріемъ и сыномъ Василіемъ. Другой лѣтописецъ говоритъ,[1] что Иванъ III, узнавъ о смерти Андрея, приносилъ слезное покаяніе духовенству, которое не скоро простило его; но опроверженіемъ такому извѣстію служитъ то, что двое сыновей Андреевыхъ оставались въ заключеніи, слѣд. В. Князь не раскаявался въ своей мѣрѣ. Бориса Волоцкаго не тронули, ибо не было предлога; онъ скоро умеръ, оставя удѣлъ двоимъ сыновьямъ-Θеодору и Ивану. Изъ отношеній Ивана III къ этимъ князьямъ замѣчательно слѣдующее: въ 1497 году[2] они били ему челомъ чрезъ Митрополита Симона, чтобъ онъ вымѣнялъ ихъ села, разсѣянныя въ областяхъ великокняжескихъ, на Тверскія волости, ближайшія къ ихъ удѣлу: изъ этого мы видимъ стремленіе удѣльныхъ князей округлить свои владѣнія. Въ 1504 году меньшой изъ Волоцкихъ князей, Иванъ, умеръ; въ своей духовной[3] онъ завѣщаетъ брату своему нѣсколько селъ, а удѣлъ свой—Рузу и половину Ржевы передаетъ В. Князю, равно какъ служилую рухлядь, доспѣхи и коней.

Обращаемся теперь къ самому любопытному явленію, имѣвшему мѣсто въ семействѣ Ивана III,

---

[1] Лѣтопис. служащ. продолж. Нестор. стр. 339.

[2] С. г. г. и д. т. I, N 129.

[3] Тамъ же, N 132.

къ спору о наслѣдствѣ между сыномъ и внукомъ его. Отъ перваго брака на Тверской княжнѣ Маріи Иванъ III имѣлъ сына, именемъ Ивана, прозваніемъ Молодаго. Чтобъ отстранить притязаніе братьевъ и другихъ родичей, В. Князь еще до 1471 года объявилъ сына своего также В. Княземъ и, заключая договоры, не отдѣлялъ имени сына отъ своего: договоры писались отъ имени двухъ В. Князей: Ивана Васильевича и Ивана Ивановича. Этотъ Иванъ Молодой, женатый на Еленѣ, дочери знаменитаго Молдавскаго Господаря Стефана, умеръ рано, при жизни отца, оставивъ сына, именемъ Димитрія. Но уже Иванъ III былъ въ это время женатъ на Софіи Палеологъ, дочери Ѳомы, деспота Морейскаго, племянницѣ послѣдняго Восточно-Римскаго Императора Константина, и отъ этого брака имѣлъ сына Василія. Теперь рождался важный вопросъ: кому наслѣдовать: сыну или внуку? Если бы Иванъ III захотѣлъ обратить вниманіе на старый Русскій обычай, еслибъ справился съ лѣтописями, то нашелъ бы, что внукъ долженъ быть отстраненъ отъ старшинства, потому что отецъ его умеръ прежде своего отца, не былъ старшимъ въ родѣ, и слѣд. Димитрій не былъ братомъ своему дядѣ, но только племянникомъ, или сыномъ. Но во первыхъ, отецъ Димитрія, Иванъ, былъ при жизни отца уже В. Княземъ, равнымъ отцу, слѣд. старшимъ въ родѣ, и потому даже по прежнимъ родовымъ счетамъ преждевременная смерть Ивана Молодаго не лишала сына его права на старшинство; во вторыхъ, Московскому государю не было

нужды до старыхъ родовыхъ счетовъ, всѣ предки его шли наперекоръ имъ, отдавая преимущество племяннику надъ дядею; Иванъ III, вѣрный преданію, долженъ былъ также отдать преимущество внуку Димитрію предъ сыномъ Василіемъ. Но послѣдній имѣлъ за собою также важныя преимущества: онъ былъ сынъ Софіи Палеологъ, отъ царскаго корня; ему, разумѣется, а уже никакъ не Димитрію, принадлежалъ гербъ Римской Имперіи, и Софія была способна внушить сыну высокое мнѣніе о своемъ происхожденіи, своихъ правахъ, была способна поддержать эти права. Мы должны обратиться къ этому знаменитому лицу, имѣющему такое важное значеніе въ нашей исторіи.

До сихъ поръ главною заботою Московскихъ князей было собираніе Русской земли, примыслы, прибытки; изъ князей, вождей дружины сѣверные князья, преимущественно Московскіе, стали князьями— собственниками, хозяевами; но эти князья, которые кланялись въ Ордѣ не только Хану, но и вельможамъ его, отъ которыхъ родичи еще требовали родственнаго, равнаго обхожденія, эти князья не были еще окружены тѣмъ величіемъ, которымъ были окружены другіе монархи Европы, какъ преемники цезарей, какъ помазанные свыше. У насъ, не смотря на стремленія духовенства, В. Князю трудно было получить царственное значеніе именно въ слѣдствіе родоваго быта, такъ долго господствовавшаго и затруднявшаго развитіе идей государственныхъ. Чтобъ

церкви успѣть въ своемъ стремленіи сообщить В. Князю царственное величіе, нужна была помощь извнѣ, и какъ на западѣ на помощь церкви пришли преданія имперіи, такъ точно и у насъ на Руси эти преданія имперіи принесены къ Московскому двору Софіею Палэологъ. Изслѣдуйте движенія, перемѣны, имѣвшія мѣсто при Иванѣ III, и вы увидите что все движется, измѣняетъ форму для принятія какихъ-то новыхъ, неизвѣстныхъ идей. Византійская царевна хочетъ быть царицею: для этого ей нуженъ дворъ по образцу Византійскаго, и этотъ дворъ является при Иванѣ III; но прежде всего царевнѣ нужно гдѣ жить, и вотъ въ этой бѣдной Москвѣ, наполненной лачужками, являются дворцы, соборы, тронныя палаты, для построенія которыхъ вызываются иностранные художники, а для этого заводятся связи съ иностранными государствами; наши послы отправляются къ западнымъ дворамъ, просятъ прислать художниковъ своему государю; Императоръ и короли хотятъ воспользоваться этимъ случаемъ для достиженія своихъ цѣлей, предлагаютъ союзы, крестовые походы, браки; Московскій князь не прочь ни отъ чего, но хитрый правнукъ Калиты преслѣдуетъ во всемъ ближайшую цѣль, не заходитъ далеко, не обязывается никакими обѣщаніями: онъ не спускаетъ глазъ съ Орды, Литвы и Польши, для чего пересылается съ Императоромъ, и вмѣстѣ ищетъ дружбы Султана. Вотъ слѣдствія появленія Греческой царевны въ Москвѣ для распространенія нашихъ иностранныхъ сношеній; но гораздо важнѣе были перемѣны внутреннія, подъ

ея вліяніемъ произведенныя. Никто лучше смѣтливаго Ивана III не могъ воспринять тѣхъ идей, которыя принесла Софья: вотъ почему онъ такъ легко является Грознымъ государемъ на Московскомъ великокняжескомъ столѣ; онъ первый получилъ названіе Грознаго [1], потому что первый явился для двора и народа Монархомъ, требующимъ безпрекословнаго повиновенія, и строго карающимъ за ослушаніе, первый возвысился до царственной, недосягаемой высоты, передъ которою бояринъ, князь, потомокъ Рюрика и Гедимина долженъ былъ благоговѣйно преклониться наравнѣ съ послѣднимъ изъ подданныхъ. Такая перемѣна въ характерѣ В. Князя не могла не возбудить сильнаго негодованія въ толпѣ князей и бояръ: Иванъ III посягнулъ на важнѣйшее ихъ право, право отъѣзда, и, по первому мановенію грознаго Самодержца, головы крамольныхъ князей и бояръ лежали на плахѣ; отсюда та страшная ненависть князей и бояръ къ новому порядку вещей, начавшемуся съ Ивана III, отсюда та страшная ненависть ихъ къ виновницѣ этой новизны, В. К. Софьѣ. Для доказательства сказаннаго раскроемъ Курбскаго, адвоката старины и правъ князей и бояръ; вотъ откуда все зло въ Русской землѣ по его мнѣнію: „Въ предобрый Русскихъ князей родъ всѣялъ діаволъ злые нравы, наипаче же женами ихъ злыми и чародѣйцами, яко и во Израильтескихъ царѣхъ, паче

---

[1] Карамз. VI, примѣч. 588.

же которыхъ поимовали отъ иноплеменниковъ [1]."
Вотъ обвиненія Ивану III-му и Софьѣ отъ Курбскаго:
,,Także и дѣдъ твой (обращается къ Ивану IV), со Гречкою бабою твоею, сына предобраго Іоанна, отъ первыя жены своея, отъ Тверскіе княжны *святыя* Маріи рожденна, наимужественнѣйшаго и преславнаго въ богатырскихъ исправленіяхъ, и отъ него рожденнаго, *боговѣнчаннаго* внука своего, *царя* Димитрія, съ матерію его *святою* Еленою, ового смертоносным ядомъ (?), а того многолѣтнымъ заключеніемъ темничнымъ, послѣди же удавленіемъ погубиша (все это Иванъ III-й съ Софьею?), отрекшись и забывши любови сродства. И не удовлѣся тѣмъ! къ тому брата единоутробнаго, Андрея Углицкаго, мужа зѣло разумнаго и мудраго, тяжкими веригами въ темницѣ за малые дни удавилъ, и двухъ сыновъ его, отъ сосецъ матернихъ оторвавши, о умиленно ко услышанію и тяжко ко изреченію! человѣческая злость въ толикую презлость провозрастаема, начеже отъ христіанскихъ начальниковъ! многолѣтнымъ заключеніемъ темничнымъ нещадно поморилъ. Князя же Симеона, глаголемаго Ряполовскаго, мужа зѣло пресильнаго и разумнаго, влекомаго отъ роду Владиміра (!), главнымъ посѣченіемъ убилъ. И другихъ братію свою, ближнихъ ему въ роду, овыхъ разогналъ до чуждыхъ земель, яко Верейскаго Михаила (?) и Василія Ярославича (??); а другихъ во

[1] Сказ: Кн. Курб. изд. Устрял. 2 е, стр. 4.

отроческомъ вѣку еще сущихъ (bis) такоже темничнымъ заключенiемъ, на скверной и проклятой завѣтной грамотѣ о увы! о бѣда! ко слышанiю тяжко! заклинающе сына своего Василья, повелѣлъ неповинныхъ погубити неотрочнѣ [1]. Таможъ сотворили и инымъ многимъ, ихъ же, долготы ради писанiя, здѣ оставляется [2]." Какой духъ принесли служебные князья ко двору Московскому, какiя чувства питали они къ Московскимъ князьямъ, всего яснѣе видно изъ слѣдующихъ словъ Курбскаго: „обычай есть Московскимъ княземъ издавна желати братiй своихъ крови и губити ихъ, убогихъ ради и окаянныхъ отчинъ, несытства ради своего [3]." Но кромѣ Курбскаго мы имѣемъ еще другой боярскiй отзывъ о новомъ порядкѣ вещей, принесенномъ Софьею. Уже въ княженiе сына ея, Василiя, бояринъ Берсень такъ говорилъ Максиму Греку: „А какъ пришли сюда Грекове, ино и земля наша замѣшалася; а дотоль земля наша Русскаа жила въ тишинѣ и въ миру. Какъ пришла сюды мати великого князя В. Княгини Софья съ вашими Греки, такъ наша земля замѣшалася, и пришли нестроенiа великiе, какъ и у васъ во Царѣгородѣ при вашихъ царѣхъ." На слова Максима: „Господине, мати В. Князя В. Княгини Софья съ обѣ стороны была роду великого, по отцѣ царьскiй родъ

---

[1] Этими словами Курбскiй хочетъ сказать, что Иванъ III завѣщалъ сыну истребленiе родичей.
[2] Курб. стр. 57.
[3] Тамъ же, стр. 127.

Цареградскихъ, а по матери великого Дуксуса Ферарійского Италѣйскіе страны," Берсень отвѣчалъ: „Господине, какова ни была, а къ нашему нестроенью пришла. Которая земля переставливаетъ обычьи свои, и та земля не долго стоитъ; а здѣсь у насъ старые обычьи В. К. перемѣнилъ; ино на насъ котораго добра чаяти?" Въ чемъ же, по мнѣнію боярина, состояла эта перестановка обычаевъ? Вотъ въ чемъ: „Лутче старыхъ обычаевъ держатися, и людей жаловати, и старыхъ почитати; а нынѣ деи Государь нашъ запершыся самъ третей у постели всякіе дѣла дѣлаетъ [1]." И такъ перестановка обычаевъ состояла въ томъ, что В. Князь отстранилъ вліяніе бояръ, началъ думать особо свою думу, и теперь уже бояре не могли сказать ему: „о собѣ еси, княже, замыслилъ; а не ѣдемъ по тобѣ, мы того не вѣдали [2]," потому что Московскіе князья „желая крови братій своихъ, несытства ради своего," изгубили родичей, овладѣли ихъ удѣлами, и боярамъ некуда уже было болѣе отъѣхать. Не одни недовольные князья и бояре оставили намъ свидѣтельства о великомъ вліяніи Софьи на перестановку обычаевъ въ Русской землѣ; есть другія свидѣтельства, болѣе безпристрастныя: Герберштейнъ, бывшій въ Москвѣ въ княженіе сына Софьи, говоритъ объ ней: „это была женщина необыкновенно хитрая, по ея внушенію В. Князь сдѣлалъ мно-

---

[1] Акты Арх. Эксп. I, N 172.
[2] Ипатьев. 97.

гое.“ И наши лѣтописцы подтверждаютъ это, говоря, напр. что Софьѣ принадлежитъ окончательный разрывъ съ Ордою при Иванѣ III [1].

Если князья и бояре и по смерти Софьи питали ненависть къ ея памяти, называя ее виновницею перемѣны, перемѣны къ худшему, по ихъ мнѣнію, то ясно, что они не могли быть расположены къ ней при жизни ея. Противъ Софьи были знатнѣйшіе бояре; они поддерживали Елену, вдову Ивана Молодаго

---

[1] По свидѣтельству одного изъ нихъ, племянница Константина Палэолога такъ уговаривала мужа не давать болѣе дани въ Орду: „Отецъ мой и азъ не хотѣхомъ дань давати лутче отчины лишихомся, и азъ не хотя иныхъ богатыхъ и сильныхъ князей и королей вѣры ради пріяти, тебѣ причетахся, а се нынѣ хосчеши *мя и моя дѣти данники учинити*, имаши воинство много и Бога по себѣ помосчника; почто хочеши *рабъ твоихъ слушати*, а не стаяти за честь свою и вѣру святую, почто боишися множества вой нечестивыхъ вѣдусче яко той силенъ дати крѣпость и побѣду тебѣ, и яко первѣе отрекъ имъ, тако и нынѣ откажи недавать дани и выходовъ.“ Тотъ же лѣтописецъ такъ оканчиваетъ разсказъ о княженіи Ивана III: „Сей блаженный и дозтохвальный В. К. Іоанъ великій, Тимофей прежде нареченный, многи княженія къ В. Князю присовокупи, и силу умножи, варварскую же нечестивую власть опроверже, и всю Рускую землю данничества и плѣненія избави, и много отъ Орды данники себѣ учини, многи ремесла въведе, ихъ же прежде незнахомъ, со многими дальными государи любовь и дружбу и братство сведе, всю Рускую землю прослави, во всемъ же томъ помогаше ему благочестивая супруга его, В. К. Софья.“ См. мою статью: О продолженіи Исторіи Татищева, въ Москвит. 1845, N 10.

и сына ея Димитрія; на сторонѣ же Софьи и сына ея Василія стали члены младшей дружины, дѣти боярскіе, и дьяки. Узнавъ, что боярская сторона пересиливаетъ, и В. К. думаетъ отдать престолъ внуку, дѣти боярскіе и дьяки, сторонники Василія, начали, будто бы, уговаривать его бѣжать изъ Москвы, захватить великокняжескую казну въ Вологдѣ и на Бѣлѣозерѣ, и дѣйствовать силою противъ Димитрія. Такое безразсудное намѣреніе могло придти въ голову только удальцамъ, которые готовы рѣшиться на все, лишь бы не оставаться въ покоѣ; даже съ достовѣрностію можно положить, какъ видно изъ послѣдующаго, что это намѣреніе никогда бы и не было приведено въ исполненіе, что оно существовало только въ горячихъ головахъ молодыхъ дружинниковъ, у которыхъ вырвались неосторожныя слова; но этого было довольно для враговъ Софьи: они поспѣшили объявить Ивану III о страшномъ заговорѣ сына его Василія; заговорщиковъ схватили, пыткою вынудили признаніе и казнили, въ томъ числѣ двухъ дьяковъ—Стромилова, и знаменитаго Владиміра Елизарова Гусева, составителя Судебника; множество другихъ дѣтей боярскихъ было брошено въ тюрьмы[1]. Сторонники Елены спѣшили воспользо-

---

[1] Соф. врем. II, 353: Восполѣлся К. В. Ив. Вас. всеа Русіи на сына своего, на князя Василья, и посади его за приставы на его же дворѣ; того ради, что онъ свѣдавъ отъ дьяка своего отъ Ѳедора Стромилова то, что отецъ его В К. хочетъ пожаловати в. княженіемъ Володимер-

ваться своимъ торжествомъ и донесли Ивану III, что Софья принимаетъ къ себѣ женщинъ чародѣекъ, которыя приносятъ къ ней смертныя зелья; женщинъ схватили, обыскали и утопили ночью въ Москвѣ рѣкѣ [1]. Бояре достигли своей цѣли: В. Князь удалился отъ жены, и велѣлъ приставить стражу къ сыну Василію. Но удалившись отъ Софьи, Иванъ не удалился отъ мыслей, внушенныхъ ею; отстранивъ сына ея отъ престолонаслѣдія, онъ спѣшилъ дать царственное помазаніе сопернику его, внуку Димитрію, но понятіе объ этомъ помазаніи и значеніи его внушено было Софьею, и бояре, ненавидѣвшіе Софью за принесеніе новыхъ понятій, пользуются однако ими и называютъ Димитрія царемъ помазаннымъ

скимъ и Московскимъ внука своего, Кн. Дмитрея Ивановича, нача думати князю Василью вторый сатанинъ предотеча Аѳанасій Аранченокъ; бысть же въ думѣ той и дьякъ Ѳедоръ Стромиловъ, и Поярокъ Руновъ братъ и иные дѣти боярскіе, и иныхъ тайно къ цѣлованію приведоша на томъ, чтобы князю Василью отъ отца своего В. К. отъѣхати да казна пограбити на Вологдѣ и на Бѣлѣозерѣ и надъ Княземъ надъ Дмитреемъ израда учинити. И извѣдавъ то и обыскавъ К. В. Ив. Вас. злую ихъ мысль и повелѣлъ измѣнниковъ казнити; и казниша ихъ на Москвѣ на Рѣцѣ по низъ мосту шестерыхъ, Аѳонасу Яропкину руки да ноги отсѣкли и голову ссѣкоша, а Поярку Рунову брату руки отсѣкши и голову ссѣкоша, а дьяку Ѳедору Стромилову, да Володимеру Елизарову, да князю Ивану Палецкому Хрулю, да Щевью Скрябина сына Стравина, тѣмъ четыремъ главы ссѣкоша: и иныхъ многихъ дѣтей боярскихъ велѣлъ К. В. въ тюрму пометати.

[1] Тамъ же.

въ укору Василію и его сыну [1]. Иванъ III торжественно вѣнчалъ внука на В. Княженіе, при чемъ самъ возложилъ на него вѣнецъ [2]. Но боярамъ трудно было бороться съ Софьею, не даромъ они называли её чародѣйкою. Въ слѣдующемъ же 1499 году она успѣла открыть мужу глаза касательно настоящихъ стремленій враждебной себѣ стороны, и тогда то Московскій В. Князь явился грознымъ передъ боярами и князьями, потомками Рюрика и Гедимина. Въ челѣ тогдашняго Московскаго боярства стояли двѣ фамиліи, связанныя между собою тѣснымъ родствомъ, фамилія князей Патрикѣевыхъ и князей Ряполовскихъ: Патрикѣевы были потомки Гедимина, Ряполовскіе потомки Всеволода III. Иванъ Юрьевичь Патрикѣевъ находился въ родствѣ съ В. Княземъ, потому что былъ родной внукъ В. К. Василія Димитріевича, отъ дочери его Маріи; отецъ Ряполовскаго спасъ Ивана III отъ Шемяки; ни родство, ни заслуги не помогли. В. Князь, испытавъ подробно всѣ бывшія *крамолы*, [3] т. е. причинившія опалу Софьи и сына ея, нашелъ измѣну бояръ [4] — Князя Ив. Юр. Патрикѣева, двоихъ сыновей его и зятя, кн. Семена Ряполовскаго, и приговорилъ ихъ къ смертной казни: кн. Ряполовскому отрубили голову на Мос-

---

[1] См. Курб. въ приведенномъ уже мѣстѣ.
[2] См. чинъ вѣнчанія въ С. г. г. и д. II, N 25.
[3] Степен: кн. II, 160.
[4] Лѣтопис. содерж. Россійск. Истор. отъ 852 — 1598 г. стр. 215.

квѣ рѣкѣ; просьбы духовенства спасли жизнь Патрикѣевымъ: отецъ со старшимъ сыномъ долженъ былъ постричься въ монахи, младшій сынъ остался подъ стражею въ домѣ [1]. Съ опалою этихъ вельможъ должны были перемѣниться и семейныя отношенія В. Князя; онъ началъ *нерадѣть* о внукѣ, [2] и объявилъ сына своего Василія В. Княземъ Новгорода и Пскова; Псковитяне, не понимавшіе, къ чему идетъ дѣло, испугались и отправили въ Москву пословъ бить челомъ В. Князю, чтобъ не отдѣлялъ ихъ отъ Московскаго государства и оставилъ подъ державою Димитрія; тогда Иванъ III произнесъ эти замѣчательныя слова, которыя показали, что старый обычай на Руси исчезъ, и отнынѣ воля Самодержца будетъ рѣшать вопросъ о престолонаслѣдіи; но если прежніе родовыя обычаи не стѣсняли уже болѣе В. Князя, то тѣмъ менѣе могла стѣснять его воля стараго вѣ-

---

[1] Карамз. VI, примѣч. 454. Любопытенъ отзывъ Ивана III о поведеніи К. Ряполовскаго и одного изъ сыновей Патрикѣева Василья: давая наставленія посламъ своимъ, отправлявшимся къ Польскому королю, Иванъ говоритъ имъ: „Чтобы о всемъ межи васъ было гладко, а пили бы есте бережно, не до пьяна; а гдѣ ни лучится вамъ пити, и вы бы себя берегли, пили бы есте бережно, чтобы вашимъ небреженьемъ, нашему имени нечти не было; вѣдь что учинити не по пригожу, ино намъ нечесть, а вамъ нечесть же, и вы бы во всемъ себя берегли; а не такъ бы есте чинили, какъ князь Семенъ Ряполовскій высокоумничалъ (съ) княземъ Васильемъ княжимъ Ивановымъ сыномъ Юріевича. Акты, относящ. къ Истор. запад. Россіи, т. I, N 192.

[2] Степен. кн. II, 160.

чеваго города, онъ сказалъ посламъ: „Чи не воленъ я въ своемъ внукѣ и въ своихъ дѣтехъ? Ино кому хочю, тому дамъ княжество“ [1] и велѣлъ заключить пословъ дерзкаго вѣча; Псковитяне напрасно безпокоились: Иванъ не хотѣлъ дѣлить Московскаго государства, не хотѣлъ раздирать его междоусобіями, которыя могли кончиться только гибелью одного изъ соперниковъ, и потому рѣшился предупредить борьбу, пожертвовавъ внукомъ сыну: желѣзная природа Ивана III дѣлала его способнымъ къ такому дѣлу. Въ 1502 году В. Князь велѣлъ посадить подъ стражу Елену вмѣстѣ съ сыномъ, 18 лѣтнимъ Димитріемъ, не велѣлъ называть послѣдняго В. Княземъ, ни поминать на ектеніяхъ, а сына Василія „пожаловалъ благосло-

---

[1] Карамз. VI, примѣч. 455. Иванъ III далъ слѣдующій наказъ посламъ своимъ, ѣхавшимъ въ Литву: „Спроситъ котораго (посла) дочь великого князя (Елена), или иной кто въ Литвѣ, про то: какъ князь в. пожаловалъ сына своего В. К. Василья великимъ княжествомъ? И Петру съ товарищи говорити: пожаловалъ государь нашъ сына своего, в. к. Василья, учинилъ его государемъ такъ же: какъ государь самъ на государствахъ своихъ, такъ и сынъ его, к. в. Василей, съ нимъ на всѣхъ тѣхъ государьствѣхъ государь. А взмолвятъ то: а вѣдь былъ к. в. напередъ того пожаловалъ в. княжествомъ внука своего, и онъ у внука взялъ ли великое княжество? И Петру съ товарищи говорити: которой сынъ отцу служитъ, и поровитъ, ино отецъ того болѣ и жалуетъ; а которой сынъ родителемъ не служитъ и не поровитъ, ино того за что жаловати? Да болѣ того, про то не говорити ничего. — А вспроситъ дочь в. князя: да гдѣ нынѣ внукъ его и споха? И Петру съ товарищи говорити: внукъ его, госпоже, и споха живутъ нынѣ у в. князя, потому же, какъ напередъ того жили. — Акты, относ. къ Истор. запад. Россіи; т. I, N 192.

вилъ и посадилъ на В. Княженіе Володимирьское и Московское и всея Руси Самодержцемъ, по благословенію Симона Митрополита всея Руси [1]." Изъ приведенныхъ словъ видно, что благословеніе Василія было также торжественно, послѣ котораго уже ему не нужно было вѣнчаться въ другой разъ. Съ этихъ поръ имя В. К. Василія является въ грамотахъ подлѣ отцовскаго, при чемъ Иванъ III называется въ отличіе В. Княземъ большимъ [2]. Елена умерла въ 1505 году. Объ участи Димитрія извѣстія разногласятъ; одинъ и тотъ же лѣтописецъ говоритъ [3], что Иванъ III: „внука своего посадилъ въ камень, и желѣза на него возложилъ," а послѣ говоритъ, что уже В. К. Василій „посадилъ въ желѣза племянника своего и въ полату тѣсну посади." Гораздо яснѣе становится намъ положеніе Димитрія изъ духовной [4] его, изъ которой видно, что при немъ оставалось множество селъ, завѣщанныхъ имъ разнымъ монастырямъ и церквамъ, богатая казна, много драгоцѣнныхъ вещей, золотыхъ и серебряныхъ сосудовъ,

---

[1] Соф. врем. II, 269.

[2] Акты, относящ. къ Истор. запад. Россіи, т. I, N 192: А приказали съ ними (послами) къ королю оба великіе князи и князь Семенъ, и князь Ондрѣй поклонъ; а дочери своей князь великій болшой, и князь великій Василей сестрѣ своей, и князь Семенъ, и князь Ондрей приказали поклонъ.

[3] Лѣтопис. содерж. Росс. Истор. 352—1598 г. стр. 206 и 214; Карамз. VI, примѣч. 538.

[4] С. г. г. и д. I, N 147.

изъ которыхъ многіе подарены ему были В. Княземъ Василіемъ; наконецъ въ духовной Димитрій упоминаетъ о своихъ боярахъ, дѣтяхъ боярскихъ, дьякахъ, постельничихъ: ясно, что узникъ, которому позволяли жить съ такою царскою пышностію, не могъ быть заключенъ въ оковы въ камнѣ. Димитрій умеръ въ 1509 году [1].

Пожертвовавъ внукомъ для предотвращенія междоусобій, Иванъ III хотѣлъ предотвратить ихъ, по возможности, между старшимъ и младшими сыновьями своими; для этого въ 1504 году онъ велѣлъ нарѣченному В. Князю Василію заключить договоръ съ братомъ Юріемъ Ивановичемъ [2]. Этотъ договоръ начинается такъ: „Милостію Божіею и пречистые его Матери, и по благословенію и по повелѣнію *Государя* и отца нашего Іоанна, Божіею милостію *Государя всея Русіи* и В. Князя Володимерского, и Московского, и Новгородского, и Псковского, и Блъгарского и иныхъ:“ вотъ титулъ, принятой Иваномъ III! договоръ совершенно сходенъ съ прежними договорами между В. Князьями и удѣльными.

Замѣчательны также отношенія Ивана III къ Рюриковичамъ югозападной, Литовской Руси. Мы видѣли, что Рюриковичи южные подчинились сильному

---

[1] Никон. VI, 185.

[2] С. г. г. вд. т. I, N 133.

В. Князю Литовскому, признали его Господаремъ, обязались платить *полътнее* съ тѣмъ, чтобъ этотъ сильный владѣтель оборонялъ ихъ отчины. Но когда Литовскіе князья продали свое могущество за престолъ Польскій, то Рюриковичи, ихъ служебники, увидавъ обезсилѣніе государей своихъ, начали искать другаго защитника: таковымъ явился для нихъ В. Князь Московскій Иванъ III, потомокъ того Всеволода III, безъ котораго предки ихъ не могли обойтись. Въ 1492 году князь Семенъ Ѳедоровичь Воротынскій прислалъ Александру, наслѣднику Казимирову отписку слѣдующаго содержанія; „Язъ, господине, служилъ есми отцу твоему, господарю своему, в. королю Казимиру, и былъ есми у отца твоего, господаря моего, у крестномъ цѣлованьи, на томъ, что было отцу твоему, осподарю нашему, за отчину нашу стояти и боронити отъ всякого: ино, господине, свѣдомо тобѣ, что отчина моя отстала, и отецъ твой господине, господарь нашъ, за отчину мою не стоялъ и не боронилъ [1], а мнѣ, господине, противъ отчины моеѣ, городовъ и волостей не измыслилъ. И къ тобѣ

---

[1] Здѣсь князь указываетъ на опустошеніе Воротынской земли Ахматомъ: „И слышавъ то царь Ахматъ, что к. в. смирися съ братьею, и убояся братьи в. князя, и побѣжа отъ Угры, не дождався короля, и бѣжачи нача воевати королевскую землю, Воротынескъ, и иныя городки, и въ полонъ поведе, селъ, и волостей, и много поимавъ въ полонъ поведе безчисленно множество. Лѣтоп. содерж. Росс. Истор. отъ 352—1598 г. стр. 187.

семи, господине, посылалъ бити челомъ боярина своего Ивана Карповича, чтобы твоя милость, господарь нашъ, пожаловалъ мене потомужъ, въ докончанье и въ крестное цѣлованіе, какъ отецъ твой мене жаловалъ, города бы еси, господинъ, мнѣ обмыслилъ противъ моей отчины, чѣмъ быхъ мѣлъ тобѣ, осподарю своему, служити: и твоя милость, господине, мене не жаловалъ, города не далъ, и въ докончанье не прилялъ, и за отчину за мою не стоялъ, а бояръ моихъ, господине, не жаловалъ, не чтилъ, какъ отецъ твой нашихъ бояръ жаловалъ, чтилъ. Ино господине, не я выступилъ, твоя милость, осподарь! ино господине, отца твоего, господаря нашего, крестное цѣлованье и твое съ мене доловъ; заньже, господине, въ листу стоитъ въ докончалномъ отца твоего, осподаря нашего: „А по нашемъ животѣ, а кто будеть держати в. княжьство Литовское нашихъ намѣстниковъ, ино имъ приняти кн. Семена Θедоровича въ таковомъ докончанье; а не имутъ жаловати и не примутъ въ докончанье, ино со князя Семена Θедоровича крестное цѣлованье доловъ, а ему воля.“ Ино, господине, отца твоего, господаря великого короля, и твое в. к. Литовского крестное цѣлованье съ мене со князя Семена Θедоровича доловъ [1].“ Пославши такую грамоту къ Александру, кн. Семенъ Θедоровичь съ племянникомъ Иваномъ Михайловичемъ отъѣхали въ Москву, гдѣ били челомъ Ивану III своею

---

[1] Акты, относящ. къ Истор. запад. Рос. т. I, № 106.

отчиною; этого мало: дорогою они заняли на имя В. Князя Московскаго Литовско-Русскіе города Серпейскъ и Мещовскъ, которые хотя скоро и были опять заняты Литовскими войсками, однако Иванъ III не любилъ уступать разъ занятаго на его имя и, пославъ сильное войско, захватилъ въ другой разъ эти города [1]. Князья Семенъ и Иванъ Воротынскіе не были первые отъѣзжики въ Москву: еще при Казимирѣ кн. Василій Кривой Воротынскій враждовалъ во имя Москвы съ Литвою; [2] его примѣру послѣдовали князь Перемышльскій и князь Бѣлевскій съ двумя братьями [3]. По пріѣздѣ Воротынскихъ В. Князь послалъ воеводъ своихъ добыть Вязьму, и они добыли ее, и привели князей Вяземскихъ въ Москву: Ивану III нужно было, чтобъ Литовско-Русскіе князья не боялись Московскаго завоеванія, и потому онъ пожаловалъ князей Вяземскихъ, возвратилъ имъ ихъ отчину съ обязательствомъ служить государю Московскому, какъ прежде служили господарю Литовскому [4]. Такое великодушіе не было безъ выгоды для Ивана: въ томъ же 1493 году явился къ нему на службу кн. Мих. Ром. Мезецкій, или Мещовскій, и привелъ съ собою, въ видѣ плѣнниковъ, двоихъ братьевъ, хотѣвшихъ остаться вѣрными Литвѣ [5].

---

[1] Соф. врем. II, 242, 243.
[2] Тамъ же, стр. 234.
[3] Тамъ же, стр. 235.
[4] Соф. врем. II, 243.
[5] Тамъ же.

Тогда Иванъ III послалъ къ Александру объявить: „Што служили тебѣ князь Сем. Өед. Воротынскій, да кн. Андрей, да князь Василей Бѣлевскій, да кн. Мих. Ром. Мезецкій, да князь Андрей Юрьевичь Вяземскій, и они нынѣча намъ били челомъ служити со отчинами: и тобѣ бы то вѣдомо было. Штобъ еси приказалъ своимъ князьямъ и всимъ своимъ людемъ, штобы нашимъ слугамъ (вышеименованнымъ князьямъ) и ихъ отчинамъ обиды отъ нихъ никоторыѣ не было." Александръ отвѣчалъ: „Што еси къ намъ присылалъ посла своего и вказывалъ до насъ о нашихъ слугахъ, ижь они тобѣ били челомъ служити и зъ отчинами; то есть тобѣ гораздо звѣдомо, штожъ тыхъ князей, нашихъ слугъ, дѣды, отцы и они сами потому докончали отцу нашому, королю его милости, и записалися и присягу на томъ дали, и на насъ на дѣтей его, штожъ имъ служити намъ, къ нашому господарьству, къ в. княжеству Литовскому неотступно, а мимо насъ иньшого господаря имъ не искати. И дивуемъ ся тому, ижъ ты, мимо тыи дѣла, прыймуешъ нашихъ слугъ: про то мы ихъ съ тоѣ присяги не выпускаемъ.... и ты бы тыхъ нашихъ слугъ къ собѣ не прыймалъ и въ отчины бы еси ихъ не вступался, бо они зъ давна суть наши слуги........ А какъ есми до тобе нашого посла выправили и послали о нѣкоторыхъ нашихъ дѣлѣхъ, ино въ тыи часы люди твои многіи городы наши и волости, Мезецкъ, а Серпѣескъ, а Масалескъ, а Городечну; а Опаковъ огнемъ пожгли, а людей нашихъ, которыи на тыхъ нашихъ городѣхъ были, въ по-

лонъ повели со всими ихъ животы и статки; и тежъ городъ нашъ Вязьму взяли, и слугъ нашихъ князей Вяземскихъ головами звели; а тыи городы и волости изъ вѣка отчина наша, в. княжства Литовского земли и воды. Ино самъ того посмотри, гораздоль ся то дѣеть? Коли бы тобѣ хто у-въ отчинѣ твоей шкоду вчинилъ, жаль бы тобѣ своего было; а намъ нашого по томужъ жаль: заньже ты хочешъ свою отчину въ цѣлости мѣти. А намъ далъ Богъ сѣсти на отчинѣ нашой, на в. князьствѣ Литовскомъ, а мы потому жъ хочемъ отчину нашу въ цѣлости мѣти, какъ было за предковъ нашихъ [1]." Страшное посяганіе на эту отчину обнаружилъ Московскій князь въ самомъ титулѣ своемъ, называя себя Государемъ всея Руси, тогда какъ такая значительная часть Руси была за Литвою. Литовская рада писала первому Московскому Боярину, кн. Ив. Юрьевичу Патрикѣеву: „господаръ вашъ въ листѣ своемъ къ нашому господару написалъ себѣ имя свое высоко не постаринѣ, не подлугъ того какъ издавна обычай бывалъ. Самъ же того, княже, посмотри, гораздоль ся то дѣеть? старину оставляете, а въ новые дѣла вступаете [2]." Но Московскій собственникъ помнилъ также свою старину, и отвѣчалъ Литовскому князю, что южная Русь издавна достояніе потомковъ Св. Владиміра, что Гедиминовичи овладѣли ею, пользу-

---

[1] Акты, относ. къ истор. запад. Россіи, I, N 109.
[2] Тамъ же, N 110.

ясь незгодою послѣднихъ. Александръ ясно видѣлъ, что эта незгода теперь на сторонѣ Литвы, и спѣшилъ заключить миръ съ Иваномъ. Московскій князь написался въ договорѣ [1] Государемъ всея Руси; касательно князей положены слѣдующія условія: „Тобѣ В. Князю (Александру) не вступатися в мене и в моихъ дѣтей, въ нашу отчину, въ городъ Вязму и въ городы и въ волости и во вси земли и въ воды Вяземскіи, што къ Вязмѣ потягло, а князей ти Вяземскихъ къ собѣ не прыймати. Также и Федора Блудова и Олександрова Ђорисова сына Хлепенскаго и князя Романова Фоминьского и ихъ братіи и братаничовъ, Юрева доля Ромейковича и князя Өедорова мѣста Святославича: тыхъ отчины, городы и волосты и что къ нимъ потягло, земли и воды вси мои, В. Князя Ивановы, и моихъ дѣтей, къ нашому В. Княжеству. А князи Новосильскіи и Одоевскіи и Воротынскіи и Перемышльскіи и Бѣлевскіи, вси мои, В. Князя Ивановы, и моихъ дѣтей, и со всими отчинами къ нашому В. Княжству. А тобѣ В. К. Александру въ нихъ и въ ихъ отчины и што къ ихъ отчинамъ потягло, не вступатисе ни чымъ и не обидити и не прыймати съ ихъ отчинами; и Мезецкіи князи, князь Михайло Романовичь и князя Иванова дѣти Федоровича Одыревскаго [2], кн. Василей и князь Федоръ, служать мнѣ В. К. Ивану и моимъ дѣтемъ,

---

[1] Сборн. Муханова, N 41. Карамз. VI, примѣч. 396.

[2] Въ Архив. спискѣ, напечат. у Карамзина: Говдыревьсково.

со всѣми отчинами, што къ ихъ дѣлницамъ въ городѣ Мезецку и въ волостѣхъ. А тобѣ В. К. Александру ихъ не обидити и не прыймати съ ихъ отчынами. А што служатъ тобѣ, В. К. Александру, Мезецкіи Князи, кн. Федоръ Сухій, да кн. Василей, а князя Федоровы дѣти Андреевича, и тыи князи въ Мезецку въ городѣ и въ волостѣхъ вѣдаютъ свои отчины, дѣлницы свои; а мнѣ В. К. Ивану и моимъ дѣтемъ ихъ не обидити и не прыймати ихъ съ ихъ отчынами. А што у мене въ нятствѣ Мезецкіи князи, кн. Семенъ Романовичь и кн. Петръ Федоровичь, и мнѣ тыхъ князей отпустити въ Мезецкъ на ихъ отчыну, и они кому похотятъ, тому служатъ съ своими отчынами [1], што ихъ дѣлницы въ городѣ въ Мезецку и въ волостѣхъ; и вчнутъ служить мнѣ и моимъ дѣтемъ, ино ихъ тобѣ не прыймати съ ихъ отчинами; а вчнутъ служыть тобѣ, ино ихъ мнѣ и моимъ дѣтемъ не прыймати съ ихъ отчинами. А Князь Великій Иванъ Васильевичь Резанскій и братъ его, князь Федоръ и съ своими дѣтьми и съ своею землею *въ моей сторонѣ*, у В. Князя, Ивановѣ. А тобѣ В. Князю ихъ не обидити, ни въ земли ихъ ти не вступатисе. А въ чомъ тобѣ В. Князю К. В. Иванъ Резанскій и братъ его кн. Федоръ согрубятъ и тобѣ о томъ прислати ко мнѣ къ В. К. Ивану, и мнѣ то тобѣ направити; а которыи князи слу-

---

[1] Они вступили въ службу къ Александру, см. Акты, от посящ. къ истор. западной Россіи, I, N 122.

жатъ мнѣ В. Князю Ивану и моимъ дѣтемъ съ твоихъ отчинъ, и тобе В. К. Александру съ своихъ отчынъ, и мнѣ В. Князю Ивану и моимъ дѣтемъ ихъ блюсти и необидити; [1] а который иметъ обидити князей служебныхъ своего брата, и намъ о томъ сослати судей, они тому вчынять исправу безъ переводу; *а князей намъ служебныхъ по та мѣста на обѣ стороны съ отчинами не прыймати.* А што у тобе у В. К. Александра нашыхъ здрадецъ дѣти князя Ивановы Можайского и князя Ивановы дѣти Шемячыча и кн. Иванъ Ярославича сынъ и ихъ дѣти, также и князь Михайло Борисовичь Тферскій и князя Михайловъ сынъ Андреевича князь Василей: и тобе В. Князю на наше лихо ихъ не отпущати никуды; а пойдутъ отъ тобе прочь, и съ земли тобѣ ихъ опять не прыймати, а жити со мною, съ своимъ братомъ, и съ моими дѣтьми на нихъ вездѣ заодинъ."

Желая обезопасить себя совершенно отъ притязаній В. Князя Московскаго на обладаніе всею Русью, Александръ объявилъ ему свое желаніе вступить въ бракъ съ его дочерью Еленою, дабы, посредствомъ этого союза, какъ говорили послы Александровы,

---

[1] Въ архив. спискѣ: „А которые князи служутъ мнѣ, В. К. Александру, съ своихъ вотчинъ, и тебѣ и твоимъ дѣтемъ ихъ блюсти и необидѣти, а которые князи служатъ тебѣ и твоимъ дѣтемъ съ своихъ отчинъ, и мнѣ ихъ блюсти, а не обидѣти."

между Москвою и Литвою водворилась такая же пріязнь, какая была между В. К. Витовтомъ и зятемъ его Василіемъ Дмитріевичемъ [1].— Странный, роковой намекъ! развѣ Александръ позабылъ, что не смотря на кровный союзъ между Витовтомъ и Василіемъ страшная борьба на жизнь и на смерть шла между Москвою и Литвою? Желаніе Александра исполнилось: между Москвою и Литвою возобновились тѣже самыя отношенія, какія имѣли мѣсто при Витовтѣ и Василіи, съ тѣмъ только различіемъ, что теперь сила была на сторонѣ Москвы, и Иванъ III не хочетъ пожертвовать спокойствію дочери своею главною цѣлію отнять у Литвы свою отчину, старую, югозападную Русь. Иванъ съ своею необыкновенною смѣтливостію ясно видѣлъ, какою могущественною связью служило для обѣихъ половинъ Руси Православіе; онъ видѣлъ, какъ эта связь была ослаблена Витовтомъ чрезъ избраніе особаго митрополита для Кіева, и старался предупредить дальнѣйшее ослабленіе. Съ этою цѣлію онъ согласился на бракъ своей дочери Елены съ В. К. Литовскимъ, думая, что православное народонаселеніе найдетъ въ ней твердую опору и представительство [2]. Вотъ почему первымъ,

---

[1] Былаль бы на то воля Божья, абы еси далъ за насъ дѣвку свою, абыхмо въ лѣпшой въ кровной пріязни и въ лѣпшомъ житьи были съ тобою, потому, какъ дѣдъ нашъ, В. К. Витовтъ, въ такомъ звѣзаньи былъ съ твоимъ дѣдомъ съ В. К. Васильемъ. Акты, относ. къ истор. запад. Россіи, I, N 114.

[2] Иванъ говорилъ послѣ чрезъ пословъ Еленѣ: „А какъ ты наша дочи къ нему пришла, и язъ чаялъ того, что,

необходимымъ условіемъ брака онъ положилъ, чтобъ Елена оставалась въ Греческомъ законѣ, и когда Александръ вздумалъ - было внести въ условія оставить выборъ вѣры на волю самой В Княгини Елены, то Иванъ грозился прервать переговоры, и настоялъ на томъ, что Александръ обѣщался никакъ не безпокоить жену на счетъ вѣры; онъ приказывалъ къ зятю, чтобы тотъ не только не уговаривалъ его дочь къ перемѣнѣ религіи, но противился бы этой перемѣнѣ, если бы даже сама Елена хотѣла ея, объявляя ясно,

---

какъ ты къ нему придепъ, ино тобою всей Руси, Греческому закону, окрѣпленіе будетъ." Акты относ, къ истор. запад. Россіи, I, N 192. Надѣясь имѣть чрезъ Елену и дѣтей ея вліяніе на Литовскую Русь, свою отчину, Иванъ съ неудовольствіемъ услыхалъ, что Александръ хочетъ уступить часть ея брату Сигизмунду; вотъ что писалъ онъ къ дочери по этому случаю: „Слыхалъ я, каково было нестроеніе въ Литовской земли, коли было государей много; а и въ нашей земли, слыхала еси, каково было нестроеніе при моемъ отцѣ, а опослѣ отца моего, каковы были дѣла и мнѣ съ братьею, надѣюся, слыхала еси, а иное и сама помнишь. И только Жыгимонтъ будетъ въ Литовской земли, ино вашему которому добру быти? и язъ приказываю то къ тебѣ, того дѣля, что еси дѣтя наше; и что ся не потому ваше дѣло почнетъ дѣлати, и мнѣ того жаль. А захочешь о томъ говорити съ В. Княземъ, а ты бы говорила съ нимъ отъ себя, а не моею рѣчью; да и ко мнѣ бы еси о всемъ отказала, каково ваше дѣло."—Акты, относящ. къ истор. запад. Россіи, I, N 136. Здѣсь видно стремленіе Ивана III отстранить Ягеллоновъ—католиковъ отъ владычества надъ Литовскою Русью, что послѣ явно выразилъ сынъ его Василій домогательствомъ получить Литовскую корону по смерти Александра мимо тогоже Сигизмунда.

что только строгимъ соблюденіемъ этого условія можетъ поддержаться доброе согласіе между обоими государствами [1]. Въ дальнѣйшихъ переговорахъ, веденныхъ между послами Александровыми и Московскими боярами, было условлено, чтобы вѣнчать Елену съ Александромъ Кіевскому Митрополиту или какому нибудь другому православному архіерею, поставить В. Княгинѣ Греческую церковь во дворцѣ, наконецъ, чтобы она была окружена слугами и служанками Греческаго закона [2]. О томъ же самомъ при-

---

[1] „И ты бы, братъ нашъ, на чомъ намъ молвилъ и листъ свой далъ, на томъ бы еси стоялъ, штобы еси нашей дочери никоторыми дѣлы къ Римскому закону не вернулъ и не нудилъ; а и похочетъ ли наша дочерь приступити къ Римскому закону, и мы своей дочери воли не даемъ на то, а тыбъ ей на то воли не давалъ же, штобы межи нами про то любовь и прочьная дружба не парушилася, доколѣ дасть Богъ, держала бы наша дочерь свой законъ Греческій.“—Акты, относ. къ истор. запад. Россіи, т. I, N 116.

[2] Тамъ же, N 192: А о дочери о нашей такъ уговорили его панове Петръ и Станиславъ съ нашими бояры, что нашей дочери, будучи за нимъ, дръжати свой Греческой законъ во всемъ, а ему ее къ Римскому закону не нудити ничѣмъ; а какъ дасть Богъ, наша дочи будетъ у него въ Вилнѣ, ино ее вѣнчяти митрополиту, а не будетъ митрополита, ино владыцѣ нашего Греческаго закона; а церковь Божію Греческаго закона поставити было ему дочери нашей у нее на сѣнехъ; а пановъ и паней приставити было ему къ ней, все Греческаго закона а не Римскаго; да и списокъ у насъ панове его Петръ и Станиславъ взяли, какову ему намъ о нашей дочери, о Греческомъ законѣ, свою утверженную грамоту дати.... А какъ прислалъ къ намъ по нашу дочерь своихъ па-

казывалъ Иванъ къ Александру чрезъ своихъ пословъ; другіе послы, отправленные Александромъ утверждали, что все будетъ исполнено такъ, какъ условлено между боярами и первыми послами, [1] и ничего не было исполнено. На требованіе В. Князя, чтобъ Еленѣ была поставлена церковь во дворцѣ, Александръ отвѣчалъ, что у нихъ запрещено строить вновь Греческія церкви; отвѣтъ оскорбительный для Ивана, которому давали знать, что распространенію православія въ Литовской Руси положена твердая преграда; еще оскорбительнѣе была слѣдующая прибавка отъ Александра: „А княгини нашой съ милости церьковь Греческаго закону въ городѣ есть близ-

---

повъ, кн. Александра Олшаньского, пана Виленьского, да Яна Заберазского, пана Троцского; и они намъ отъ В. К. Александра тожъ говорили, что нашей дочери, будучи за нимъ, дръжати свой Греческой законъ во всемъ, и ему ее къ Римскому закону не пудити ничѣмъ, а учинити ему о всемъ потому, какъ уговорили съ нашими бояры его панове Петръ и Станиславъ.

[1] Александръ послѣ запирался, что ничего не слыхалъ объ этомъ отъ своихъ пословъ—„абы о томъ которое слово або вспоминанье было" —Акты, относ. къ истор. запад. Россіи, I, N 179. Но если бы даже послы ничего не говорили объ этомъ съ боярами, то Иванъ наказывалъ самъ Александру: „Штобъ еси, нашъ братъ и зять, учинилъ *насъ дѣля*, велѣлъ нашей дочери, а своей Великой Княгини, поставити церьковъ нашу Греческого закону на переходѣхъ, у своего двора, у еѣ хоромъ, штобы ей близко къ церькви ходити." (Тамъ же, N 116). И потому Иванъ III имѣлъ и въ этомъ случаѣ полное право сердиться за презрѣніе своей просьбы, тогда какъ онъ именно говорилъ: *„насъ дѣля."*

ко: *коли ее милость всхочетъ до церкви: и мы ей въ томъ не боронимъ:*" [1] дочь В. К. Московскаго должна наровнѣ съ послѣднею изъ своихъ подданныхъ, исповѣдующихъ гонимую религію, ходить въ приходскую церковь! Вотъ на какое униженіе послалъ дочь свою Иванъ, который надѣялся послать въ ней покровительницу православія [2]! На счетъ слугъ греческой вѣры, Александръ отвѣчалъ: „кого ся намъ видѣло къ нашей великой княгини приставити, которыи ся къ тому годили, тыхъ есми къ еѣ милости приставили; а вѣдь жо тымъ еѣ милости закону Греческому ничого перекизы нѣтъ [3]." В. К. Литовскій не думалъ выполнять и другаго важнаго условія, не хотѣлъ писать Ивана государемъ всея Руси, отговариваясь то тѣмъ, что хочетъ соблюдать тѣже самыя формы, въ какихъ писалъ отецъ его Казиміръ къ Ивану, то тѣмъ, что В. К. Московскій не отказывается отъ Кіева, то наконецъ тѣмъ, что недаетъ управы его подданнымъ въ пограничныхъ ссорахъ [4]. Все

---

[1] Акты, относящ. къ истор. запад. Россіи, I, N 116.

[2] Сама Елена, по видимому постоянно державшая сторону мужа писала къ отцу: „а насъ укоряютъ безпрестанно, а зовутъ насъ некрестьми." Акты, относ. къ истор. запад. Россіи, т. I, N 192.

[3] Тамъ же, N 134.

[4] Тамъ же, N 192: А что еси намъ говорилъ отъ В. К. Александра, что къ намъ наше имя, въ своихъ грамотахъ, писалъ не по нашему съ нимъ докончанію, а писалъ къ намъ такъ, какъ отецъ его писалъ: ино мнѣ съ отцемъ его съ королемъ и докончаніе не бывало; а

это въ высочайшей степени раздражало Ивана, избалованнаго счастіемъ, привыкшаго къ немедленному исполненію своихъ желаній. Наконецъ Московскій князь получилъ вѣсть о томъ, чего онъ болѣе всего опасался, о попыткахъ Литовскаго князя обратить жену и православныхъ подданныхъ въ Латинство. Подъячій Ѳедоръ Шестаковъ, бывшій при Еленѣ, прислалъ къ Вяземскому намѣстнику Кн. Турено — Оболенскому грамоту, въ которой извѣщалъ его, что въ Литвѣ идутъ сильныя волненія по поводу религіи, что Іосифъ, владыка Смоленскій, вмѣстѣ съ Сапѣгою, измѣнившимъ православію, уговаривали В. К. Елену перейти въ католицизмъ, равно какъ и другихъ православныхъ Русскихъ, подданныхъ Литовскаго князя [1]. Еще Иванъ могъ бы усумниться въ вѣрнос-

---

напередъ того о нашемъ имени къ намъ приказалъ, съ своими послы съ Станиславомъ съ Глѣбовымъ да съ писаремъ съ Ивашкомъ съ Сопѣгинымъ, что нашего имяни по докончанію къ намъ не пишетъ, за тѣмъ, что Кіевъ въ нашихъ докончаніяхъ не написанъ; а веснось о нашемъ имени къ намъ приказалъ, съ своими послы съ Станиславомъ съ Кишкою да съ писаремъ съ Ѳедкомъ, что нашего имени къ намъ по докончанію не пишетъ, за тѣмъ, будьто послѣ нашего докончанія, въ короткомъ часѣ, изъ нашихъ земель, отъ нашихъ людей его людемъ почалися чинити великіе кривды. И Князь Великій бы положилъ то на своемъ разумѣ: гораздо ли къ намъ такъ приказываетъ? не хотя намъ правити, да безлѣпичные рѣчи къ намъ приказываетъ.

[1] Акты, относящ. къ истор. запад. Россіи, I, 155: Письмо Шестакова къ Оболенскому: „Государю моему, князю Борису Михайловичю. Здѣсь, господине, у насъ сталося за-

ти донесенія Шестакова; могшаго преувеличить дѣло изъ ревности къ своему государю и Православію; но скоро явился въ Москву Гедиминовичъ, кн. Симеонъ Бѣльскій, и билъ челомъ В. Князю въ службу съ отчиною, потому что въ Литвѣ настастъ гоненіе на православіе; онъ подтвердилъ донесеніе Шестакова о стараніи Владыки Смоленскаго Іосифа распространить католицизмъ между Русскими, прибавивъ, что въ томъ содѣйствуютъ ему Виленскій Епископъ и монахи Бернардинскіе [1]. Въ слѣдъ за Бѣльскимъ

мятенье великое межи Латыны и межи нашего христіанства. Въ нашего владыку Смоленского діяволъ ся вселилъ, съ Сопѣгою, отметникомъ ихъ, на православную вѣру: К. Великій неволилъ государыню нашу, В. Княгиню Олену въ Латинскую проклятую вѣру; и государыню нашу Богъ научилъ, да помнила науку государя отца своего, и государыня В. Княгиня отказала такъ: „памятуешь государь съ государемъ съ отцомъ моимъ какъ еси реклъ; и азъ, государь, безъ воли осподаря отца своего, не могу того учинить, а обошлю государя отца своего, какъ мя научитъ“ Да и все наше православное христіянство хотятъ окстити, ино наша Русь велми ся съ Литвою не любятъ. И тотъ бы списочекъ послалъ до государя, а государь самъ того не разумѣетъ.“

[1] Соф. врем. II, 261: Приѣде къ В. Князю Ивану Вас. бити челомъ кн. Семенъ Ивановичь Бѣльскій о томъ, чтобы его пожаловалъ Князь Велики и съ вотчиною взялъ служити, а сказываетъ: что по нихъ пришла великая нужа о Греческомъ законѣ; посылалъ деи Князь Велики Александръ къ своей В. Княгинѣ Еленѣ о томъ отметника православныя вѣры Греческаго закона Іосифа Владыку Смоленьского да Бискупа своего Виленьского и черцовъ Берндиновъ, чтобы приступила къ Римскому закону; а къ Рускымъ и къ Виленьскимъ воеводичемъ и

явился въ Москву князь Хотѣтовскій и бояре Мценскіе бить челомъ въ службу по причинѣ гоненій за вѣру; Иванъ III принялъ ихъ всѣхъ; Александръ прислалъ жаловаться на такое явное нарушеніе договора, по которому оба князя обязались не принимать къ себѣ князей служебныхъ съ отчинами [1], оправды-

---

ко всей Руси; которые дръжатъ законъ Греческой, а нудять ихъ приступити къ Римскому закону.—Князю Бѣльскому не было никакого неудовольствія на Александра; послѣдній, по примѣру отца, подтвердилъ ему отчину брата его Ѳедора, отъѣхавшаго прежде въ Москву. См. Акты, относящ. къ истор. запад. Россіи, I, N 126. Слѣд. однѣ причины религіозныя могли побудить его къ отъѣзду.

[1] Александръ писалъ о Бѣльскомъ: „Онъ тебѣ, брату нашому, не умѣлъ правды повѣдати, какъ-то лихый человѣкъ а здрадца нашъ: мы вжо его третій годъ и очима не видали.“ Иванъ отвѣчалъ: „И есть дей вѣдомо дополна про то дѣло, что онъ не хотя быти отступникомъ Греческаго закона и не хотя своей головы потеряти, къ намъ поѣхалъ служити и съ своею отчиною. Ино, которая его въ томъ здрада?—Акты, относ. къ ист. запад. Росс. I, N 179. Янъ Юрьевичь, воевода Троцкій писалъ къ Московскому боярину Якову Захарьичу, воеводѣ Коломенскому: „Ино того посмотри: хто се-здѣ не вѣрно служилъ, тамъ ему пріѣхавши какъ добро говорити? вѣдь то ему и говорити, съ себе складываа, а межи государей не житьа хотя, штобы за государскою незгодою и не житьемъ самъ прожилъ. А о Бѣлскихъ самому тебѣ явно, какіи люди оны есть: передъ тымъ братъ его, и нынѣ онъ, которую вѣру черезъ свои присяги государю нашему вказали? а што одному вчинили, другому тожъ вчинятъ. И чюлъ есми, штожъ вашъ государь, В. К. Ив. Вас., у-въ отказѣ пишетъ черезъ пана Станислава Нарбутовича, будто нашъ государь посылалъ Бискупа, а владыку Смоленского къ его дочери, а къ своей Великой

вался, что никогда не думалъ неволить своихъ подданныхъ къ перемѣнѣ вѣры. Иванъ отвѣчалъ: „Такъ то князь великій ни кого не нудитъ къ Римскому закону? Къ дочери нашей посылаетъ, да и къ папамъ Русскимъ и князьямъ, и ко всей Руси, чтобъ приступили къ Римскому закону. А теперь началъ дѣлать новое насилье Руси, чего прежде при отцахъ его и предкахъ не бывало: сколько велѣлъ поставить божницъ Римского закона въ Русскихъ городахъ, въ Полоцкѣ и въ иныхъ мѣстахъ; мало того: женъ отъ мужей, и дѣтей отъ отцевъ отнимая, силою крестятъ въ Римской законъ: всё это онъ не нудитъ Руси къ Римскому закону? Что же касается до нашего обязательства не принимать служебныхъ князей съ отчинами, то мы приняли князя Семена единственно по причинѣ притѣсненій за вѣру." Наконецъ въ 1500 году прислали проситься въ службу къ Московскому Государю князья: Василій Ивановичь, внукъ

Княгини, нудячи ее, абы приступила къ Римскому закону. Нно, пане Якове, вѣрь мнѣ и присязѣ моей, што того ни коли не было, а ни пакъ нашъ государь ни въ умѣ того дръжалъ, штобы свою В. Княгиню съ тымъ словомъ обсылалъ, а любо бы Греческому закону силу чинилъ." Яковъ Захарьичь отвѣчалъ ему: „пане, то дѣло было не тайно, явно; вѣдомо то въ вашего государя земляхъ и въ нашего государя земляхъ всѣмъ людемъ, что посылалъ; а которые государя вашего панове радные въ пятствѣ у государя нашего, и они тожъ сказываютъ: нно, пане Яне, коли межи великихъ государей ихъ добрые люди хотятъ доброго дѣла, и они пишутъ межи собою правые дѣла, какъ бы межи государей, далъ Богъ, доброе дѣло състалося." Тамъ же, N 192.

Шемяки, и Семенъ Ивановичь, сынъ Ивана Андр. Можайскаго. Что могло заставить этихъ заклятыхъ враговъ Московскаго князя рѣшиться на такое дѣло? Разумѣется уже только одна опасность, грозившая ихъ вѣрѣ. Отцы ихъ были приняты Казимиромъ и надѣлены волостьми; Александръ подтвердилъ Можайскому отцовское пожалованіе, объявлялъ о вѣрной службѣ Ивана Андреевича и сына его [1]. И точно, когда въ первое размирье, князья изъ Литовской Руси толпами переходили на сторону Московскаго государя, Семенъ Можайскій ревностно боролся съ ними въ пользу Литвы [2]. Просьба Шемячича и Можайскаго, извѣщавшихъ также о притѣсненіяхъ за вѣру, [3] не оставляла болѣе Ивану III никакой возможности сомнѣваться въ послѣднихъ: онъ спѣшилъ предупредить опасность, и послалъ къ Александру объявить, что принялъ Шемячича и Можайскаго съ ихъ отчинами, и вмѣстѣ вручить складныя грамоты [4].

---

[1] Тамъ же, N 167: „Мы, впамятавши его къ отцу нашому доброѣ памяти королю его милости и къ намъ вѣрную службу, зъ ласки нашое, тыи вышей писаныи замки, выслугу отца его, што выслужилъ на отцы нашомъ короли его милости Стародубъ и Гомей, и тежъ што отъ насъ выслужилъ замокъ Черниговъ, и волости Карачовъ и Хотимль, потвержаемъ симъ нашимъ листомъ, вѣчно ему и его княгини, и ихъ дѣтемъ и потомъ будучимъ ихъ счадкомъ."

[2] Соф. врем. II, 242.

[3] Тамъ же, стр. 261: что на нихъ пришла велика нужа о Греческомъ законѣ.

[4] Тамъ же, стр. 265; Акты, относящ. къ исторіи западной Россіи, т. I, N 180; Иванъ велѣлъ сказать Александру:

У меня нѣтъ намѣренія входить въ подробности этой войны, славной и счастливой для Московскаго государства, которое вполнѣ показало свое могущество, свой перевѣсъ надъ Литовскою Русью, даже соединенною съ Польскимъ Королевствомъ. Александръ видѣлъ свою слабость, понималъ стремленія В. Князя Московскаго, стремленія естественныя и необходимыя; посолъ Литовскій, отправленный просить помощи у брата Александрова, Венгерскаго короля Владислава, говорилъ такъ послѣднему: „Государь мой заключилъ съ Московскимъ княземъ миръ и кровный союзъ для упроченія покоя и

„Напередъ того, отъ твоихъ предковъ и отъ твоего отца, княземъ Русскимъ и всей Руси такая нужа ихъ вѣрѣ не бывала; и мы нынѣ князя Семена и князя Василья приняли къ собе въ службу и съ тѣми городы и волостьми, которые они держатъ: и тебѣ бы то вѣдомо было.“ Александръ отвѣчалъ: „О томъ вѣдаетъ самъ государь вашъ, какъ тыхъ князей отцы выѣхали отъ его отца къ отцу господара нашого, королю его милости, и надъ его отцомъ и надъ нимъ самимъ которую здраду вчинили; и отецъ господара нашого ихъ отцомъ подавалъ городы и волости свои, имъ на поживенье, а о ихъ городѣхъ и волостехъ господаръ нашъ не вѣдаетъ, вѣдаетъ его милость и держитъ свою отчину. А што ся дотычетъ о нужы Римского закону, ино господаръ нашъ къ нимъ князя бискупа и нареченного митрополита и владыку о томъ не посылывалъ. Много на его милости дворѣ княжатъ и панятъ Греческого закона, а ни кому нужы его милость въ законѣ недѣлаетъ, какъ же то бывало за предковъ и за отцы его милости; а тыи здрадцы чого звыкли дѣлати отъ отцовъ своихъ, то и тыми разы вчинили, и надъ государемъ вашимъ напотомъ тоежъ вчинятъ.

пріязни; но тотъ прикрылъ этимъ только свои замыслы, выжидая времени, въ которое бы могъ удобно привести ихъ въ исполненіе, замыслы же его состоятъ въ томъ, чтобъ овладѣть всѣмъ нашимъ государствомъ. Ваша королевская милость должны оказать помощь государю моему не только въ слѣдствіе родства, но и для святой христіанской вѣры, которая тамъ, въ Литовской землѣ вкоренена великимъ трудомъ и попеченіемъ славной памяти дѣда вашего Владислава (Ягайло). Начиная съ тѣхъ самыхъ поръ до нашего времени Русь покушается изгладить ее, не только Москва, но и нѣкоторые князья, подданные нашего государя: единственная причина всѣхъ возстаній ихъ противъ отца вашего, короля Казимира, и на васъ самихъ есть святая вѣра. Когда Государь нашъ узналъ объ ихъ крамолахъ, то противъ нѣкоторыхъ были употреблены строгія мѣры, другіе убѣжали къ Московскому князю, который вмѣстѣ съ ними и возсталъ на землю нашу, выставивъ предлогомъ къ войнѣ гоненіе за вѣру [1]."

---

[1] Акты, относящ. къ истор. запад. Россіи, т. I, N 188: „А то бы ваша королевская милость, таковую помочъ его милости пану нашому, на тотъ часъ, не только для крове и братскоѣ милости вчинили, але и для вѣры светоѣ хрестіянскоѣ, которая жъ есть тамъ въ земли Литовской вольно вщепена и зъ великою працою и печою, черезъ славноѣ памяти дѣда вашое ясности, короля Польского и В. Князя Литовского Владислава, есть вкоренена. Тако бо отъ оныхъ лѣтъ, ажъ до нынѣшнихъ часовъ, Русь покушаються ее сказити и згладити, не только Москва, але

„Эти слова указываютъ намъ на ту сильную внутреннюю борьбу, которая произведена была въ Литовской Руси безразсуднымъ поведенiемъ Ягайла и его преемниковъ, указываютъ на возстанiе князей Русскихъ за вѣру, на строгiя мѣры, употребленныя противъ нихъ В. Князьями Литовскими; изъ этихъ словъ ясно открывается, что князья Рюрикова и Гедиминова рода отъѣзжали въ Москву именно въ слѣдствiе насилiй и гоненiй, для избѣжанiя казней, открывается слѣд. вся правота Московскаго государя въ его отношенiяхъ къ Литвѣ. Иванъ III не скрывалъ своихъ намѣренiй, ясно говорилъ, что вся Русская земля есть отчина потомковъ св. Владимiра, а не Гедимина, и что онъ хочетъ стоять за свою отчину; такъ онъ велѣлъ отвѣчать папѣ на ходатайство послѣдняго о мирѣ съ Александромъ: „Мы надѣемся, что папѣ то гораздо вѣдомо, что короли Владиславъ и Александръ отчичи Полского королевства да Литовскiя земли отъ своихъ предковъ; а Русская земля, отъ нашихъ предковъ, изъ старины, наша отчина. А коли есмя имали докончанье

и отъ подданныхъ княжатъ земли нашого милостивого папа нѣкоторые, яко часу щастноѣ памети отца вашое милости, короля Казимера, на его милость, не для иного, нижь для вѣры святой, повстати умыслили, такъ и на вашу милость, сыновъ его милости, пановъ нашихъ милостивыхъ. О которыхъ же его милость своею мудростью и опатрностью то поразумѣлъ, и нѣкоторыхъ зъ нихъ за то скаралъ, а иные для того къ томужъ Москвитину збѣгли."

съ своимъ зятемъ съ в. к. Александромъ, и мы были тогды тѣ свои вотчины переступили, свойства дѣля; а коли намъ зять нашъ, к. в. Александръ, ни въ чемъ не учалъ правити: и намъ, уповая на Бога' о чемъ свою отчину оставливати и за нее не стояти.“ [1] Тоже самое говорилъ онъ посламъ Польскимъ и Венгерскимъ [2]. Когда Александръ, истомленный безуспѣшною и опасною борьбою, запросилъ мира на прежнихъ основанiяхъ, то Московскiе бояре отвѣчали посламъ его: „Тому ся такъ не льзя стати, какъ вы говорите, что бы по старому докончанью быти любви и братству: то ся ужъ минуло. Коли государь вашъ похочетъ съ нашимъ государемъ любви и братства, и онъ бы государю нашему отчины ихъ

---

[1] Акты, относящ. къ исторiи запад. Россiи, т. I, N 192.

[2] Тамъ же: „Ино и не то одно наша отчина, кои городы и волости нынѣ за нами: и вся Русская земля, Божьею волею, изъ старины, отъ нашихъ прародителей наша отчина.“ И послѣ повторялъ Александру: „То онъ (Александръ) правду къ намъ приказалъ, что каждому отчина своя мила и каждому своего жаль. Ино вѣдь вѣдомо зятю нашему Александру королю и В. Князю, что Русская земля вся, съ Божьею волею, изъ старины, отъ нашихъ прародителей, наша отчина: и намъ нынѣ своей отчины жаль; а ихъ отчина — Лятская земля да Литовская; и намъ чего дѣло тѣхъ городовъ и волостей, своей отчины, которые намъ Богъ далъ, ему отступатись? Ино не то одно наша отчина, кои городы и волости нынѣ за нами: и вся Русская земля, Кiевъ и Смоленскъ и иные городы, которые онъ за собою держитъ на Литовской землѣ съ Божьею волею, изъ старины, отъ нашихъ прародителей наша отчина.“

Русскіе земли всеѣ поступился [1]." При такихъ требованіяхъ миръ былъ невозможенъ: заключили перемиріе на шесть лѣтъ: земли всѣхъ князей, отъѣхавшихъ изъ Литвы, остались за Московскимъ государствомъ. Въ перемирной грамотѣ Иванъ не позволилъ писать Кіева и другихъ Рускихъ городовъ отчинами В. Князя Литовскаго [2]. И теперь Иванъ III повторилъ свое неотступное требованіе, чтобъ Александръ исполнилъ всѣ свои обязательства касательно В. Княгини Елены, выстроилъ ей Греческую церковь во дворцѣ, и приставилъ къ ней пановъ и паней все Греческаго закона. На это требованіе послы Александровы отвѣчали ему: „Государь нашъ никогда непудилъ жены своей къ перемѣнѣ вѣры; но Папа безпрестанно присылаетъ къ нему, требуя присоединенія В. Княгини къ Римской церкви, и теперь посолъ папинъ еще у него; Государь нашъ недалъ ему никакого отвѣта, желая объявить объ этомъ твоей милости. Теперь у тебя также находится посолъ отъ папы: не угодноли будетъ тебѣ съ этимъ посломъ сказать что нибудь св. отцу на счетъ вѣры твоей дочери, или, можетъ быть, тебѣ угодно будетъ отправить въ Римъ особаго посла по этому дѣлу. Папа

---

[1] Тамъ же.

[2] Акты, относящ. къ исторіи запад. Россіи, т. I, N 192: Да говорилъ, чтобы городъ Кіевъ и иные городы писати вотчинами; ино тому нелзя быти: писати Кіевъ и иные городы землями, какъ и В: Князя городы писаны землями.

объявилъ, что королевѣ ненужно перекрещиваться, что она, равно какъ всѣ другіе Русскіе, можетъ сохранить вполнѣ всѣ Греческіе обряды; лишь бы только оказала послушаніе Папѣ, признала Флорентійское соединеніе." — Иванъ въ отвѣтъ повторилъ старое требованіе, чтобъ Александръ исполнилъ въ точности всѣ прежнія обязательства касательно женниной вѣры, прибавивъ: „И намъ о своей дочери, о томъ дѣлѣ, о чемъ къ Папѣ посылати своего посла? о томъ намъ дѣлѣ, о своей дочери, къ Папѣ не посылати." Иванъ III, зная только одного Александра и свои договоры съ нимъ, не хотѣлъ знать Папы и входить [1] съ нимъ въ сношенія касательно соединенія Флорентійскаго, о которомъ уже порѣшилъ отецъ его, Василій Темный. Въ тоже время Иванъ наказывалъ своей дочери: „И ты бы, дочка, памятовала Бога, да и наше родство и нашъ наказъ, а держала бы еси свой Греческой законъ во всемъ крѣпко, а къ Римскому бы еси закону не приступала никоторыми дѣлы, ни церкви бы еси Римской, ни папѣ послушна ни въ чемъ не была, ни къ церквѣ бы еси къ Римской не ходила, душею бы еси никому не норовила, мнѣ бы еси тѣмъ и себѣ и всему

---

[1] Тамъ же: И ты, братс, памятуй: коли еси къ намъ присылалъ своихъ пановъ, дочери нашіе у насъ просити, чтобы за тебя дочерь свою дали, и тогды намъ отъ тебя нашего брата твои панове о папѣ и слова никакова не говорили: и намъ о своей дочери, о томъ дѣлѣ, о чемъ къ папѣ посылати своего посла? о томъ намъ дѣлѣ о своей дочери къ папѣ не посылати.

нашему роду нечти не учинила, а толкось нѣшто по грѣхомъ станетъ, ино въ томъ тебѣ и намъ и всему нашему роду велика нечесть, и закону нашему Греческому укоризна, и хотя будетъ, дочка, про то тебѣ и до крови пострадати, и ты бы пострадала, а тогобы еси не учинила. А нѣшто, дочка, по грѣхомъ, поколыблешся, а приступишъ къ Римскому закону, своею ли волею, неволею ли, и намъ того зятю своему не перепустити; то межи насъ съ нимъ будетъ безпрестанная рать, а ты, дочка, отъ Бога душею погинешъ, а отъ насъ не въ благословеньи будешь. А и мати твоя, отходя сего свѣта, приказала тебѣ то, чтобы еси, дочка, держала свой Греческой законъ во всемъ крѣпко, а отъ нее тебѣ миръ о Христѣ, и благословеніе, и прощеніе, а только деи дочка, нѣшто поколыблешся о Греческомъ законѣ, и похочешъ приступити къ Римскому закону, и мати твоя тебѣ приказала, что тебѣ про то неблагословляетъ, да и мнѣ тогды тебя про то не благословити." Таковъ былъ явный наказъ, данный В. К. Московскимъ своей дочери, но кромѣ него былъ еще другой наказъ, который послы должны были сообщить Еленѣ наединѣ. Елена, явно посылая къ отцу краснорѣчивыя грамоты [1], гдѣ писала, что не терпитъ ни въ чемъ стѣсненія, гдѣ укоряла Ивана въ безжалостномъ поведеніи его относительно къ ней, и умоляла примириться съ мужемъ ея, котораго во всемъ оправды-

---

[1] Акты арх. эксп. I, N 138.

вала, тайно, чрезъ преданнаго ей Канцлера, Ивана Сапѣгу [1], доносила въ Москву, что хотя ей отъ мужа касательно вѣры и мало насилія, но за то терпитъ большія оскорбленія отъ Архіепископа Краковскаго Фридриха, отъ Епископа Виленскаго, Войцеха, и отъ пановъ Литовскихъ, которые говорятъ ей въ глаза, что она не крещена, и поносятъ Греческую вѣру; что при жизни Александра она въ совершенной безопасности, но по смерти его боится насилій. Для предупрежденія послѣднихъ Елена просила отца вытребовать у Александра новую утвержденную грамоту, въ которой бы тотъ обязался не принуждать ее къ перемѣнѣ вѣры, при чемъ заставить также Архіепископа Краковскаго и Епископа Виленскаго приложить къ этой грамотѣ свои печати. Иванъ похвалилъ дочь за береженье души, своего

---

[1] Этому Сапѣгѣ Иванъ III довѣрялъ болѣе, чѣмъ дочери; вотъ какъ онъ писалъ къ нему: „Іоаннъ, Божьею милостьею государь всеа Русіи и В: Князь, Володимерскій, и Московскій, и Новогородцкій, и Псковскій, и Тферскій, и Югорскій, и Пермьскій, и Болгарскій и иныхъ, королеву Александрову и В. Князя писарю и нашей дочери, королевы и В. Княгини Олены канцлѣрю Ивашку Сопѣжичю. О которомъ еси намъ дѣлѣ отъ нашіе дочери отъ королевы и В. Княгини Олены говорилъ, и мы о томъ дѣлѣ къ дочери своей приказали съ своими бояры: и ты бы то нашей дочери сказалъ, да молвилъ бы еси нашей дочери, чтобы къ намъ съ нашими бояры отказала о своемъ дѣлѣ, о всемъ подлинно, а не крылабыся отъ нашихъ бояръ ни въ чемъ.“—Акты, относящ. къ исторіи запад. Россіи. I, N 192.

и родительскаго имени, и поспѣшилъ исполнить ея желаніе [1]. . . . .

Такъ дѣйствовалъ знаменитый правнукъ Калиты относительно старой, южной Руси: достойная дочь

---

[1] Акты, относящ. къ исторіи запад. Россіи, т. I, N 192: А се рѣчь, что говорити бояромъ В. Княгинѣ на-одинѣ: Говорилъ ми отъ тебя твой канцлѣрь Ивашко Сопѣга, что еси еще, по нашему наказу, въ нашемъ законѣ Греческомъ неруxома да и отъ мужа отъ твоего, отъ нашего зятя, въ томъ тебѣ налога мало, а много тебѣ про нашъ законъ про Греческой укоризны отъ арцибискупа отъ Краковскаго отъ Фредерика, и отъ бискупа отъ Виленского, и отъ паповъ отъ Литовскихъ, а говорятъ деи тебѣ такъ, будто ты не кщена, да и иные деи рѣчи не добрые, на укоръ нашего закона Греческого, тебѣ говорятъ; да и къ папѣ деи они жъ приказывали о томъ, чтобы папа къ мужу твоему послалъ, а велѣлъ тебя привести въ послушество Римской церквѣ и папѣ. А доколѣ, дастъ Богъ, зять нашъ, а твой мужъ здоровъ, и ты дотолѣ не начаешься ни которые нужи себѣ о Греческомъ законѣ; а пасешься того, нѣшто, по грѣхомъ, мужа твоего, и нашего зятя, въ животѣ не станетъ: ино нѣшто тогды арцибискупъ и бискупы и панове о Греческомъ законѣ тебѣ силу учинятъ. И намъ бы нынѣ у своего зятя, а у твоего мужа взяти новаа грамота утверженнаа о тебѣ, о Греческомъ законѣ, съ его печатью, да чтобы и арцибискупу Краковскому и бискупу Виленскому къ той грамотѣ велѣлъ печати свои приложити, да и руку бы бискупъ Виленской на той грамотѣ далъ нашимъ бояромъ, на томъ что тобѣ нашей дочери держати свой Греческой законъ во всемъ, а зятю нашому, а твоему мужу тебя къ Римскому закону не нудити ничѣмъ; да и списокъ бы мы при Сопѣгѣ написали, по его рѣчемъ, какъ ты ему наказала, каковѣ той грамотѣ быти: ино то, дочка, дѣлаешь гораздо, что своей души бережешь да и имени своего, и нашъ наказъ памятуешь и имени нашего бережешь. . . . .

его, Елена, свято выполнила наказъ отцовскій и завѣщала его, въ свою очередь, старославной отчизнѣ Рюриковичей, гдѣ она была представительницею обще-Русскихъ интерессовъ [1]: и старая Русь также свято выполнила наказъ Ивана III: когда пришлось и до крови пострадать за вѣру отцовъ, и она пострадала, а нечести имени своему и роду своему не учинила. Шестилѣтнее перемиріе между Иваномъ III и Александромъ было заключено съ тѣмъ, что бы въ это время переговариваться о вѣчномъ мирѣ; но вмѣсто того присылались безпрестанно жалобы съ обѣихъ сторонъ на пограничные разбои, на притѣсненія торговли и т. п. Храбрые сыны старой Руси не переставали переходить на сторону единовѣрной Москвы [2],

---

[1] Въ одной лѣтописи сохранилось любопытное извѣстіе объ условіяхъ брака между Александромъ и Еленою, изъ которыхъ видно стараніе Ивана III отвратить по возможности Литовскихъ Ягеллоновъ отъ Латинства; вотъ эти условія: „дѣтемъ ихъ сыновьямъ въ отцовѣ, а дочерѣ въ материнѣ вѣрѣ, а буде князь Александръ сыновей креститъ въ православную вѣру, ино К. В. Іванъ Васильевичь дастъ имъ по два города и съуѣзды къ Литвѣ, коли Князь В. Александръ умретъ, ино княгиню Елену отпустити со всѣмъ ея скарбомъ и людми, и денги ея сцѣла отдать, да отъ Литвы дать столькоже, а дастъ ей К. В. Іванъ Васильевичь денегъ 3000 рублевъ а умретъ В. К. Елена, ино К. Великій денегъ ея, и кузни и портъ не взысчетъ.“ См. мою статью о продолженіи истор. Татищева, въ Москвит. 1845 г. N 10.

[2] Такъ перешелъ на службу къ Ивану Евстаѳій Дашковичь. Александръ требовалъ его выдачи, на основаніи договора; Иванъ отвѣчалъ: „Которой тать, или разбойникъ, или душегубецъ, или иное каково лихое дѣло учинивъ да сбѣ-

чего не могъ сносить равнодушно В. К. Литовскій: все ясно показывало, что объ половины Руси, насильственно разъединенныя подъ двѣ различныя династіи, могли заключить вѣчный миръ только при вѣчномъ соединеніи.

Въ 1505 году умеръ Иванъ III. Въ духовной своей [1] онъ приказываетъ дѣтей меншихъ „Юрья зъ братьею сыну своему Василью, а ихъ брату старѣйшему, и вы дѣти мои Юрьи, Дмитрій, Семенъ, Андрей, дръжьте моего сына Василья, а своего брата старѣйшаго, въ мое мѣсто своего отца, и слушайте его во всемъ; а ты сынъ мой Василей дръжи свою братью молодшую Юрья зъ братьею во чти безъ обиды.“ Это мѣсто повторено въ заключеніи съ слѣдующею прибавкою: „А которой мой сынъ не учнетъ сына моего Василья слушати во всемъ, или учнетъ подъ нимъ подъискивати В. Княжествъ

житъ на кого сторону, ино о тѣхъ людехъ писано, а и тѣхъ по исправѣ выдавати. А Остаѳей Дашковичь у короля былъ мѣтной человѣкъ, и воевода бывалъ отъ него во многихъ мѣстѣхъ на украйнѣ, а лихого имени есмя про него не слыхали никакова, и держанья имѣлъ отъ него великіе городы, и къ намъ пріѣхалъ служити доброволно, а сказываетъ, что никому не учинивъ никоторые шкоты: а и напередъ того, при насъ и при нашихъ предкѣхъ и при его предкѣхъ, межь насъ на обѣ стороны люди ѣздили безъ отказовъ; Дашковичь такъ же нынѣ къ намъ пріѣхалъ служити, ино то есть нашъ слуга.“—Тамъ же.

[1] С. г. г. и д. т. I, N 144.

или *подъ его детми*, или учнетъ отъ него отступати; или учнетъ съсылатися съ кѣмъ ни буди тайно или явно на его лихо, или учнутъ кого на него подъимати, или съ кѣмъ учнутъ на него одиначитися: ино не буди на немъ милости Божіей и пречистые Богоматери, и святыхъ чюдотворецъ молитвы, и родитель нашихъ и нашего благословенія и въ сій вѣкъ и въ будущій." Такимъ заклинаніемъ Иванъ III хотѣлъ предотвратить всѣ тѣ явленія, которыя имѣли мѣсто въ его собственное княженіе. Онъ благословляетъ „сына своего старѣйшаго Василья своею отчиною В. Княжествы, чѣмъ мя благословилъ отецъ мой, и что ми далъ Богъ;" эти В. Княжества суть: Московское, Владимірское, Новгородское, Псковское и Тверское. Въ такомъ огромномъ участкѣ, данномъ Василію, остальные братья его получили по нѣскольку городовъ, разсѣянныхъ здѣсь и тамъ: Юрій получилъ 6, Димитрій 7 съ половиною, Семенъ 3, Андрей 5; удѣлы младшихъ сыновей, всѣ вмѣстѣ взятые совершенно ничтожны передъ областью Василія. Иванъ III, подобно предкамъ, далъ младшимъ сыновьямъ части въ Москвѣ и села около ея, но уже на правахъ только частныхъ владѣльцевъ, т. е. безъ права суда уголовнаго [1]. Далѣе, въ своихъ удѣлахъ

[1] А что есми далъ дѣтемъ своимъ Юрью зъ братьею у города у Москвы селца зъ дворы зъ городцкими, и учинится въ тѣхъ селцехъ и въ дворехъ въ городныхъ душегубство или поличное: и то судитъ намѣстникъ болшей сына моего Васильевъ. А что есми далъ дѣтемъ своимъ Юрью зъ братьею села въ станѣхъ въ Московскихъ

младшіе братья потеряли важное право независимыхъ владѣльцевъ, право бить монету, которое предоставлено одному В. Князю, какъ государю всея Руси, равно младшіе братья потеряли право откупа [1]. Князья служебные, имѣющіе во владѣніи города, какъ на пр. всѣ недавно присоединившіеся—Воротынскіе, Одоевскіе и другіе, зависятъ исключительно отъ В. Князя, и если вздумаютъ отъѣхать къ младшимъ братьямъ, то отчины ихъ отбираются на В. Князя; сдѣлано даже ограниченіе для отъѣзда бояръ и дѣтей боярскихъ: „а Бояромъ и дѣтемъ Боярскимъ

и надъ тѣми селы судъ и дань моихъ дѣтей; а душегубствомъ и поличнымъ тѣ села тянутъ къ городу къ Москвѣ по старинѣ, опричь того поличного, что будетъ въ тѣхъ селахъ промежъ ихъ крестьянъ, то судятъ ихъ приказщики, а докладываютъ намѣстника Московскаго болшаго сына моего Васильева; а грамоты полные и докладные на Москвѣ пишетъ дьякъ Ямъской сына моего Васильевъ, какъ было при мнѣ; а опричь того на Москвѣ грамотъ полныхъ и докладныхъ не пишетъ нихто. А которые есми городы и волости подавалъ дѣтемъ своимъ Юрью зъ братьею въ вудѣлы, а тянули душегубствомъ къ городу къ Москвѣ: и тѣ городы и уѣзды, и волости тѣхъ городовъ тянутъ душегубствомъ къ городу къ Москвѣ по старинѣ; а дѣти мои Юрьи зъ братьею въ то не въступаются." — Слѣд. надъ тѣми городами, которые не тянули прежде душегубствомъ къ Москвѣ, удѣльные князья сохраняли право уголовнаго суда.

[1] А сынъ мой Юрьи зъ братьею по своимъ удѣломъ въ Московской землѣ и въ Тфѣрской денегъ дѣлати не велятъ; а деньги велитъ дѣлати сынъ мой Василей на Москвѣ и во Тфѣри, какъ было при мнѣ. А откупъ вѣдаетъ сынъ мой Василей, а въ откупъ у него мои дѣти Юрьи зъ братьею не въступаются. — Кажется этотъ откупъ относится также къ битью монеты.

Ярославскимъ съ своими вотчинами и съ куплями отъ моего сына отъ Василья не отъѣхати никому никудѣ; а хто отъѣдетъ, и земли ихъ сыну моему." Наконецъ важное установленіе: „А котораго моего сына не станетъ, а не останется у него ни сына ни внука: ино его удѣлъ весь въ Московской землѣ и въ Тферской землѣ, что есми ему ни далъ, то все сыну моему Василью; а братьи его у него въ тотъ удѣлъ не вступаются; а останутся у него дочери, и сынъ мой Василій тѣ его дочери надѣливъ подаетъ замужъ." Этимъ распоряженіемъ Иванъ III окончательно отстраняетъ притязанія родичей на вымороченые удѣлы, которыя причиняли ему самому столько безпокойства.

ГЛАВА II-я.

Василій Іоанновичъ.

Сынъ Софьи умѣлъ воспользоваться всѣми преимуществами, уступленными ему по завѣщанію отца. Уничтоживъ народовластіе во Псковѣ, сперва пригородѣ Новгородскомъ, но послѣ успѣвшемъ устроить свой бытъ по образцу старшаго города, Василій уничтожилъ особный бытъ В. Княжества Рязанскаго, послѣдней независимой отчины Святославова потомства. Мы видѣли, что Рязанскіе Князья: Великій — Иванъ и Удѣльный—Θедоръ, договаривались, чтобы въ случаѣ безпотомственной смерти одного изъ нихъ, другой былъ наслѣдникомъ области покойнаго; но В. Князь Московскій имѣлъ возможность измѣнять въ свою пользу договоры Рязанскихъ князей, и Θедоръ, умирая бездѣтнымъ, отказалъ свой удѣлъ Ивану III; [1] такимъ образомъ часть самого города Рязани и мѣсто—Старая Рязань, принадлежали къ Москвѣ уже

---

[1] С. г. г. и д. т. I, N 144.

при Иванѣ III, и сынъ его Василій, еще прежде окончательнаго присоединенія В. Княжества Рязанского, уже назывался Рязанскимъ [1]. Мы видѣли, какъ Иванъ III распоряжался Рязанью во время малолѣтства В. Князя ея Ивана Ивановича; Василій продолжалъ поведеніе отца. Когда В. Князь Рязанскій выросъ, то увидалъ себя не больше, какъ намѣстникомъ Московскаго князя, при чемъ всякое покушеніе съ его стороны возвратить себѣ права независимаго владѣтеля неминуемо вело его ко враждебному столкновенію съ послѣднимъ, который не любилъ отказываться отъ разъ пріобрѣтеннаго. Рязанскому князю оставалось на выборъ: или добровольно снизойти на степень служебнаго князя, или отчаянными средствами попытаться возвратить прежнее значеніе: первое было такъ унизительно, такъ тяжко для правнука Олегова, второе такъ лестно, что онъ рѣшился на него. Василію было донесено, что В. Князь Рязанскій вошелъ въ тѣсныя сношенія съ Крымскимъ ханомъ, для скрѣпленія которыхъ хочетъ даже жениться на дочери послѣдняго. Василій послалъ звать Рязанскаго князя въ Москву; тотъ сначала не хотѣлъ ѣхать, предвидя участь, его ожидавшую; но что случилось съ князьями Нижегородскимъ и Тверскимъ, тоже самое случилось и съ Рязанскимъ: приближенный бояринъ его, Семенъ Крубинъ, предался на сторону Василія, и уговорилъ несчастнаго Ивана

---

1 Карамз. VII, примѣч. 243.

отправиться въ Москву, гдѣ тотъ былъ схваченъ и отданъ подъ стражу; мать его заключена въ монастырь, Рязанское княжество, за исключеніемъ области Пронской, теперь уже все присоединено къ Московскому. Съ Рязанцами, которые отличались смѣлымъ, непреклоннымъ характеромъ, и болѣе, чѣмъ жители другихъ княжествъ, питали нелюбья къ Москвѣ, было поступлено также, какъ съ Новгородцами при Иванѣ III и Псковичами при Василіѣ: многочисленными толпами переселяли ихъ въ другія области. Послѣ, Рязанской князь, пользуясь впаденіемъ Татаръ, ушелъ изъ Москвы въ Литву, гдѣ и умеръ безвѣстно [1].

Въ слѣдъ за Рязанью пала другая знаменитая отчина Святославова рода, княжество Сѣверское. Но въ это время здѣсь уже не было Ольговичей: ихъ удѣлы держали потомки Ивана Калиты Московскаго, два Василія: одинъ внукъ Ивана Можайскаго, князь Стародубскій, другой внукъ Шемяки, князь Новгорода Сѣверскаго. Потомки Московскихъ усобниковъ не могли жить мирно въ отечествѣ которъ, въ старой Русской области. Прежде князья губили другъ друга въ битвахъ междоусобныхъ, потомъ губили другъ

---

[1] Вѣроятно онъ жилъ въ Москвѣ на порукахъ: liberis custodiis mandatus, какъ говоритъ Герберштейнъ. Объ дѣлѣ Рязанскаго князя см. Герберштейна, Rer. Mosc. Com. у Старчевскаго: Hist. Ruth. Script. exteri, vol. I. p. 45; Лѣтописецъ, содерж. Росс. ист. отъ 852 — 1598 года, стр. 224; Акты Историч. I, N. 127.

друга посредствомъ Татарскаго Хана; теперь, когда не стало Хана, могущественный Московскій князь, Господарь всея Руси, замѣнилъ его мѣсто для князей съ тѣмъ различіемъ, что Московскій В. Князь воспользовался сознательно ихъ междоусобіями для достиженія великой государственной цѣли. Князья Стародубскій и Новгородо-Сѣверскій питали другъ къ другу непримиримую ненависть; не смѣя затѣвать усобицъ, они посылали доносы къ В Князю въ Москву; Шемячичь, по нѣкоторымъ извѣстіямъ [1], уже згубилъ нѣсколько князей своими навѣтами; но скоро и самъ палъ жертвою доноса: заклятой врагъ его, Василій Стародубскій, къ которому присоединился еще князь Пронскій, не дремали. Еще при жизни Ивана III отецъ Стародубскаго князя, Семенъ, обговаривалъ Шемячича; Василій Стародубскій продолжалъ отцовскіе обговоры; ненависть его къ Шемячичу была такъ велика, что онъ говорилъ: „одному чему нибудь быть: или уморю князя Василья Ивановича, или самъ подпаду гнѣву государеву [2].“ Стародубскій и Пронскій князья прислали съ доносомъ въ Москву на Шемячича; послѣдній, узнавъ объ этомъ, отправилъ въ Москву своего посланца умолять В. Князя, чтобъ позволилъ ему пріѣхать къ себѣ и оправдаться. Тонъ записи, по которой долженъ былъ говорить В. Князю посланецъ Шемячича, очень для насъ лю-

---

[1] Гербершт. стр. 45.

[2] Акты Историч. I, N 124.

бопытенъ; онъ показываетъ, на какую низкую степень сошли владѣтельные князья передъ Московскими Господарями всея Руси: „И тыбъ Господарь, пишетъ Шемячичь В. Князю, смиловался нынѣ пожаловалъ велѣлъ мнѣ своему *холопу* у себя самому нынѣ быти, о томъ бити челомъ себѣ, чтобъ передъ тобою передъ Господаремъ сталъ съ тѣми съ очи на очи, что которыхъ нынѣ братъ мой, князь Вас. Семеновичь, къ тебѣ ко Господарю на меня прислалъ съ тѣми безлѣпицами. И обыщешь, Господарь, въ томъ мою вину, ино въ томъ воленъ Богъ да ты Господарь мой, голова моя готова передъ Богомъ да передъ тобою; а не обыщешь, Господарь, моей вины въ томъ, и тыбъ, Господарь, смиловался пожаловалъ мене въ томъ, ужъ нынѣ отъ моего брата отъ кн. Вас. Семен. въ тѣхъ безлѣпицахъ пообороннлъ, какъ тебѣ Господарю Богъ положитъ по сердцю, занеже Господарь, братъ мой напередъ сего колко меня обговариваетъ тебѣ Господарю [1] тѣми безлѣпицами и остужаетъ, а хотячи меня тѣмъ у тебя у Господаря уморити, чтобъ тебѣ не былъ слугою."—Что были частыя искушенія со стороны Литвы, и что слѣд. постоянная подозрительность Московскихъ князей имѣ-

[1] Что и прежде были обговоры, см. С. г. г. и д. т. II, N 28 и 29 — опасныя грамоты Шемячичу отъ В. Князя и Митрополита Симона для пріѣзда въ Москву съ оправданіемъ. Этѣ грамоты отнесены къ Генварю 1511 года: иначе и быть не могло, ибо Митрополитъ Симонъ умеръ Апрѣля 30 того же года, см. Соф. врем. II, 290, и Никон. VI, 190.

ла основаніе и совершенно оправдывается, доказательствомъ служатъ слова Шемячича: „да и то тебѣ Господарю вѣдоможъ, каковы напередъ того ко мнѣ изъ Литвы присылки о томъ (т. е. объ отъѣздѣ) ни бывали, и язъ, Господарь, отца твоего В. Князя да и тебя Господаря ни въ чомъ не утаивалъ.“

В. Князь согласился на просьбу Шемячича, далъ ему *правду*, или опасную грамоту для пріѣзда въ Москву, гдѣ тотъ и оправдался. В. Князь велѣлъ сказать ему: „Мы у слуги у своего у Кн. Василья на тебя рѣчей никоторыхъ не слу́хали. И мы какъ напередъ того безлѣпичнымъ рѣчемъ не потакали, такъ и нынѣ тому не потакуемъ, а тебя есмя слугу своего какъ напередъ того жаловали, такъ и нынѣ жалуемъ и впередъ тебя, слугу своего, жаловати хотимъ своимъ жалованьемъ; а опытали есмя, что то рѣчи на тебя безлѣпичные, и мы имъ и нынѣ не вѣримъ.“ Одинъ изъ доносчиковъ былъ выданъ обвиненному головою; когда же Шемячичь просилъ выдачи и другаго доносчика, человѣка князя Стародубскаго, то В. Князь велѣлъ отвѣчать ему: „Тотъ человѣкъ былъ въ Литвѣ полоненъ, а слышалъ тѣ рѣчи въ Литвѣ, ино было ему того какъ намъ не сказать? и намъ тебѣ того человѣка выдати нелзѣ.“

Не смотря на увѣренія, сдѣланныя Шемякѣ, что доносовъ на него отъ князя Стародубскаго не слу́хали, В. Князь, когда еще отправлялъ чиновниковъ своихъ звать Шемячича въ Москву, наказалъ имъ: „Да ѣхали бы есте ко князю къ Вас. Семеновичу,

да говорили бы есте ему отъ насъ рѣчь о береженьѣ, да похвальную бы есте ему рѣчь говорили."

Шемячичь былъ отпущенъ изъ Москвы съ честію въ свое княжество: это было въ 1517 году. Но въ 1523 году Шемячичь былъ опять позванъ въ Москву, и заключенъ въ темницу. Шелъ слухъ, что причиною заключенія было письмо Сѣверскаго князя къ намѣстнику Кіевскому, въ которомъ онъ предлагалъ подданство Польскому королю [1]. Что заключеніе не было безъ причины, доказательствомъ служитъ прежнее оправданіе. Говорятъ, будто во время заключенія Сѣверскаго князя какой-то юродивый ходилъ по городу съ метлою въ рукахъ и на вопросъ проходящихъ, за чѣмъ онъ взялъ метлу, отвѣчалъ: „Владѣнія государя не совершенно еще очищены: пришло удобное время вымести послѣдній соръ." Удѣлъ князя Стародубскаго присоединенъ былъ еще прежде къ Москвѣ, при посредствѣ Шемячича, который выгналъ своего врага изъ отчины, вѣроятно обговоривъ его въ измѣнѣ предъ Государемъ Московскимъ [2]. При Василіѣ же присоединенъ и удѣлъ Волоцкій, ибо Θедоръ Борисовичь умеръ въ 1513 году бездѣтнымъ [3].

Теперь обратимъ вниманіе на отношенія Василія Ивановича къ роднымъ братьямъ. Не смотря

---

[1] Герберш. стр. 45.
[2] Тамъ же.
[3] См. въ завѣщаніи, въ С. г. г. и д. т. I, N 151.

на стараніе Ивана III опредѣлить отношенія между сыновьями такъ, чтобъ непріязненныя столкновенія не могли имѣть мѣста, Василій не жилъ въ ладу съ братьями. Послѣдніе не могли забыть старины, прежнихъ родственныхъ отношеній къ старшему брату и не могли сносить новыхъ государственныхъ. Къ несчастію, въ это время нашлось много людей, которымъ выгодно было напоминать удѣльнымъ князьямъ о старинѣ. Государственныя отношенія удѣльныхъ къ В. Князю уничтожали возможность отъѣзда, въ которомъ заключалось единственное право бояръ и вообще двора, слѣд. интересы бояръ были тѣсно связаны съ интересами удѣльныхъ князей, съ поддержаніемъ ихъ прежнихъ отношеній къ В. Князю. Послѣдній, въ свою очередь, зная это, опасаясь безпрестанно непріязненныхъ движеній со стороны братьевъ, потерявъ къ нимъ всякую довѣренность, которая не можетъ существовать при совершенной разрозненности интерессовъ, имѣлъ нужду въ людяхъ, которые бы слѣдили за всякимъ словомъ, за всякимъ движеніемъ братьевъ; если при дворѣ В. Князя была толпа людей, благопріятствовавшихъ князьямъ удѣльнымъ, то при дворѣ послѣднихъ были также бояре, дѣти боярскіе, преданные В. Князю, доносившіе ему обо всемъ, что у нихъ дѣлалось.

Въ 1511 году В. Князь узналъ, что братъ его, Семенъ Калужскій хочетъ бѣжать въ Литву, что дворъ его, бояре и дѣти боярскіе раздѣляютъ умы-

селъ князя [1]. Василій велѣлъ Семену явиться въ Москву; послѣдній, свѣдавъ объ открытіи своего умысла, и зная, что̀ готовится ему въ Москвѣ, началъ просить старшаго брата о помилованіи посредствомъ Митрополита, Владыкъ и другихъ братьевъ. В. Князь простилъ Семена, но перемѣнилъ у него всѣхъ бояръ и дѣтей боярскихъ.

Касательно отношеній Василія къ другимъ его братьямъ, именно къ Димитрію Ивановичу, до насъ дошелъ любопытный актъ, наказныя рѣчи Ивану Шигонѣ, какъ тотъ долженъ былъ говорить Димитрію отъ имени В. Князя наединѣ [2]: „Брате! положи на своемъ разумѣ, гораздо ли такъ дѣлаешь? Помнишь, какъ намъ отецъ нашъ наказывалъ межъ себя быти? И язъ, брате, къ тебѣ о которыхъ дѣлѣхъ о своихъ приказывалъ съ своими дѣтми боярскими, чтобъ еси намъ въ Козельскихъ дѣлѣхъ и въ Ушатого управу учинилъ, и ты намъ не токмо въ тѣхъ дѣлѣхъ управы не учинилъ, но еще еси сверхъ того на Ушатого землю посылалъ, а велѣлъ еси Ушатого деревни грабити; а намъ еси, съ нашыми дѣтми боярскими, отвѣтъ не потому учинилъ, какъ было пригоже тебѣ намъ отвѣтъ учинити. А которую семя свою грамоту послали къ тебѣ съ Ѳедорцомъ съ Борисовымъ, и ты намъ противъ тоѣ грамоты и отвѣта никакого не учинилъ; а нынѣ

---

[1] Никон. VI, 189.
[2] Акты Историч. т. I, N 186.

еси, братъ нашъ, того болшы намъ непригожѣе учинилъ, прислалъ еси къ намъ паробка такого, какого было тобѣ паробка къ намъ не пригоже послати, а писалъ еси къ намъ въ той грамотѣ, о такихъ о великихъ дѣлѣхъ намъ вычитаа. И язъ, брате, того не вѣдаю, которую есми тебѣ нечесть и обиду учинилъ? а ты ко мнѣ такъ отвѣчивалъ съ нашыми дѣтми боярскими, а въ грамотѣ еси своей къ намъ писалъ: ино, брате, такъ ли *отцу* отвѣчиваютъ и въ грамотахъ пишутъ?" Изъ этого акта видно, что В. Князь болѣе всего негодуетъ на брата за несоблюденіе формъ, за недостатокъ должнаго уваженія къ нему, главѣ государства; ибо, какъ мы уже прежде сказали, стремленіе выдѣлиться и во внѣшности, взойти на высоту, недосягаемую ни для кого другаго, становится однимъ изъ главныхъ стремленій Московскихъ государей со времени Ивана III, чего прежде именно не доставало нашимъ князьямъ. Вотъ почему Василій оскорбляется, что младшій братъ прислалъ къ нему непригожаго паробка и не учтиво писалъ въ грамотахъ; В. Князь основывается на завѣщаніи отцовскомъ, гдѣ Иванъ III велитъ младшимъ сыновьямъ держать старшаго въ отца мѣсто: „ино, брате, такъ ли отцу отвѣчиваютъ и въ грамотахъ пишутъ?"

Касательно отношеній В. К. Василія къ брату его Юрію Ивановичу мы имѣемъ также любопытный актъ: это челобитная какого-то Ивана Яганова [1],

---

[1] Акты Историч. I, N 136.

заключеннаго въ оковы въ началѣ княженія Ивана IV за доносъ на князя Юрія. Ягановъ пишетъ въ челобитной: „Напередъ сего служилъ есмь, Государь, отцу твоему В. К. Василью: что слышавъ о лихѣ и о добрѣ, и язъ Государю сказывалъ, а которые дѣти боярскіе княжь Юрьевы Ивановича приказывали къ отцу твоему со мною великіе, страшные, смертоносные дѣла, и язъ Государь, тѣ всѣ дѣла Государю доносилъ, и отецъ твой меня за то ялся жаловать своимъ жалованьемъ; а ковати меня Государь и мучивати про то не веливалъ, и велѣлъ ми Государь своего дѣла вездѣ искати, и язъ, Государь, ищучи Государева дѣла и земскаго, да съ Дмитровцы нѣколко своего животишка истерялъ.“ Изъ этихъ словъ мы узнаемъ, что Иванъ Ягановъ былъ отряженъ въ Дмитровъ, удѣлъ князя Юрія Ивановича для розысковъ о поведеніи этого брата великокняжескаго: узнаёмъ, что при дворѣ Юрія были дѣти боярскіе, которые чрезъ Яганова доносили В. Князю о всѣхъ замыслахъ его брата. Какъ Ягановъ искалъ земскаго и государева дѣла въ Дмитровѣ, показываетъ намъ разсказъ его о томъ дѣлѣ, за которое онъ посаженъ въ оковы при Иванѣ IV; „А что язъ, Государь, слышалъ у тѣхъ же дѣтей боярскихъ пьючи жестоку рѣчь съ Яковомъ (сынъ боярскій кн. Юрія) вмѣстѣ, и язъ и Яковъ ту рѣчь сказали твоимъ бояромъ; того, Государь, не вѣдаю, сопьяна говорили или вздурясь, мнѣ было, Государь, въ тѣ поры уши свои не смолою забить: язъ, Государь, что слышалъ то сказалъ, потомужъ какъ есми, Государь

отцу твоему служилъ и сказывалъ, а не сказати было мнѣ тѣхъ рѣчей, жестокихъ рѣчей, тобѣ Государю, и ктобъ тѣ рѣчи тобѣ Государю мимо меня сказалъ, и мнѣ было быти кажнену отъ тобя отъ Государя. Не сказали жестокихъ рѣчей на Якова на Дмитреева отцу твоему Башмакъ Литоминъ да Губа Дѣдковъ, и отецъ твой хотѣлъ ихъ казнити. А въ записи, Государь, въ твоей цѣловальной написано: „слышевъ о лихѣ и о добрѣ сказати тобѣ Государю и твоимъ бояромъ." Ино, Государь, тотъ ли добръ, которой что слышалъ да не скажетъ? А не хотѣлъ бы язъ тобѣ Государю служити, и язъ бы, Государь, и у князя у Юрья выслужилъ. Государь Князь Великій! отецъ твой какову рѣчь кто ему скажетъ, будетъ сойдетца и онъ ее ставилъ въ дѣло, а будетъ не сойдется на дѣло, и онъ пущалъ мимо уши; а кто скажетъ, тому пени не чинилъ и суда ему не давалъ въ своемъ дѣлѣ. Язъ, Государь, тобя Государя и твою мать, Благовѣрную В. Княгиню Елену, отъ нѣколкихъ смертоносныхъ пакостей избавлялъ: язъ же нынѣча въ тобѣ кончаю нужною мукою животъ свой."

И этому то брату Юрію, на котораго доносили В. Князю, что онъ замышляетъ противъ него великія, страшныя, смертоносныя дѣла, Василій долженъ былъ оставить престолъ за неимѣніемъ собственныхъ дѣтей: В. Княгиня Соломонія, урожденная Сабурова, была безплодна. Тщетно несчастная княгиня употребляла всѣ суевѣрныя средства, обмывалась наворо-

женною водою, прыскала ею бѣлье В. Князя, чтобъ по крайней мѣрѣ не дать остынуть любви его къ себѣ, терлась наколдованнымъ масломъ, призывала къ себѣ отовсюду колдуновъ и знахарокъ [1]—все понапрасну! дѣтей не было, исчезала и любовь мужа. Наконецъ въ 1525 году В. Князь, съ разрѣшенія Митрополита Даніила, развелся съ Соломоніею, и въ слѣдующемъ году женился снова на Еленѣ Глинской. Явленіе не новое: Симеонъ Гордый поступилъ точно также. Но около Василія было много людей, которые во всякомъ поступкѣ сына ненавистной Софьи видѣли преступленіе, злодѣйство; знаменитые бояре, потомки владѣтельныхъ князей, иноки, прежде также бояре, постриженные Иваномъ III за придворныя крамолы, возстали противъ развода, и Соломонія, жертва тиранства Василіева, начала слыть у нихъ святою, наравнѣ съ Еленою, матерью Димитрія внука, а Елена Глинская раздѣлила участь Софьи Палэологъ, жены чародѣйки, отъ которой пошло все зло. Василій не могъ заслужить любви бояръ и потомковъ владѣтельныхъ князей, потому что, по словамъ Герберштейна, совершилъ то, что отецъ его началъ, и явился монархомъ, какимъ не былъ ниодинъ монархъ на всемъ земномъ шарѣ [2]. Вотъ по-

---

[1] Акты Истор. I, N 130.

[2] Стр. II: Imperio, quod in suos exercet, omnes facile universi orbis monarchas superat, et id quod pater incoeperat, ipse perfecit.

чему Курбскій называетъ Василія „прелютымъ княземъ, отъ чародѣйцы Греческія рожденнымъ [1].“ Опальный бояринъ Берсень говорилъ: „добръ деи былъ отецъ В. Князя Васильевъ К. В. Иванъ и до людей ласковъ, и пошлетъ людей на которое дѣло, ино и Богъ съ ними; а нынѣшней государь не потому, людей мало жалуетъ.“ Другой опальный, дьякъ Ѳедоръ Жареный говорилъ: „пропалъ деи есми; печалника не могу добыти; а Государь, по моимъ грѣхомъ, пришолъ жестокъ, а къ людемъ немилостивъ.“ Тотъ же Берсень жаловался: „Государь деи упрямъ и встрѣчи противъ себя не любитъ, кто ему встрѣчю говоритъ и онъ на того опалается.“ И Берсень, и Жареный поплатились за эти рѣчи: перваго казнили смертію, втораго били кнутомъ и отрѣзали языкъ [2].

Но у бояръ, и вообще у всѣхъ дружинниковъ и слугъ вольныхъ противъ жестокости В. Князя оставалось важное право, право отъѣзда къ другимъ князьямъ; въ сѣверовосточной Руси исчезли независимые князья, отъ братьевъ В. Князя нельзя было ожидать покровительства отъѣхавшему изъ Москвы боярину; оставался одинъ отъѣздъ, въ Литовскую Русь, къ В. Князю Литовско-Русскому, и недовольные дружинники стремятся туда. Для прекращенія этого явленія изъ стараго, родоваго быта, Московскіе государи придумываютъ средство, а именно бе-

---

[1] Курб. стр. 127, 128.
[2] Лѣтоп., служащ. продол. Нестор. стр. 381.

рутъ съ подозрительныхъ бояръ присягу не отъѣзжать отъ нихъ: со времени Ивана III, перваго государя въ Москвѣ, перваго князя, который возсталъ противъ отъѣзда боярскаго, появляются эти клятвенныя записи; онѣ умножаются при сынѣ его Василіѣ, еще болѣе ихъ при внукѣ его, Иванѣ Грозномъ — признакъ постоянно усиливавшейся борьбы между двумя правами: правомъ государя на вѣчную покорность подданнаго и обветшавшимъ правомъ дружинника перемѣнять вождя, переходить изъ одной дружины въ другую, правомъ, которое такъ долго поддерживалось родовыми отношеніями княжескими и теперь долженствовавшимъ исчезнуть въ слѣдствіе смѣны ихъ отношеніями государственными. При Иванѣ III мы знаемъ только одну подобную запись: она дана знаменитѣйшимъ изъ бояръ его, героемъ Новгорода и Казани, потомкомъ Тверскихъ князей, кн. Даніиломъ Холмскимъ. Холмской, по случаю какого-то неудовольствія на В. Князя, вздумалъ воспользоваться правомъ отъѣзда; но его намѣреніе было узнано, его схватили и посадили подъ стражу. Въ это время, время столкновенія и борьбы различныхъ правъ, правъ Великаго Князя, князей — родичей и дружинниковъ, духовенство имѣло также свое право, право великое, священное, право — своимъ посредничествомъ предотвращать кровавыя слѣдствія этого враждебнаго столкновенія правъ, предупреждать насилія, при такой отчаянной борьбѣ неизбѣжныя. Начиналось ли нелюбье между В. Княземъ и однимъ изъ младшихъ братьевъ, Митрополитъ

съ Епископами спѣшили предупредить его своимъ ходатайствомъ; опальный бояринъ прибѣгалъ къ Митрополиту, и тотъ считалъ своею обязанностію печаловаться за него предъ В. Княземъ, и В. Князь уважалъ печалованіе святительское. Такъ, когда князь Даніилъ Холмской былъ взятъ подъ стражу, Митрополитъ съ другими Епископами печаловался за него, и В. Князь выпустилъ Холмскаго на поруки духовенства, взявъ съ него присяжную запись; всѣ этѣ записи имѣютъ одинакую форму, съ нѣкоторыми малыми по обстоятельствамъ измѣненіями, вотъ она: ,,Се язъ князь Данило Дмитревичь Холмъски, что есмь билъ челомъ своему Господину и Осподарю В. Князю Ивану Васильевичю за свою вину своимъ осподиномъ Геронтьемъ Митрополитомъ всея Руси, и его детми и сослужебники, Епископы (слѣд. имена); и Осподарь мой К. В. меня своего слугу пожаловалъ, нелюбье свое мнѣ отдалъ. А мнѣ кн. Данилу своему Осподарю В. К. Ив. Вас. и его дѣтемъ служити до своего живота, а не отъѣхати ми отъ своего Осподаря отъ В. К. И. В., ни отъ его дѣтей къ иному ни хъ кому. А добра ми ему и его дѣтемъ хотѣти вездѣ во всемъ, а лиха ми своему Государю В. К. и его дѣтемъ мнѣ Кн. Данилу не мыслити, ни хотѣти никакова; а гдѣ отъ кого услышу о добрѣ или о лихѣ Государя своего В. Князя, и о его дѣтехъ о добрѣ или о лихѣ, и мнѣ то сказати Государю своему В. К. и его дѣтемъ въ правду, по сей моей укрѣпленной грамоте, безхитростно. А въ томъ во всемъ по сей моей грамоте ялся по-

мнѣ Осподарю моему В. К. И. В. и его дѣтемъ и до моего живота господинъ мой Геронтей Митр. всея Руси, и съ тѣми съ своими детми и съ служебники, со Владыками и съ Архимандриты, которые въ сей моей грамотѣ писаны. А чрезъ сию мою грамоту язъ кн. Данило Дм. что иму думати и починати, или явится что которое мое лихо предъ моимъ Осподаремъ предъ В. К. И. В. и предъ его дѣтми: ино не буди на мнѣ милости Божьее и пречистые его Матери, и св. Чюдотворцевъ Петр. Митр. и Леонтия Епископа Ростовскаго, и всѣхъ святыхъ; также ни благословения осподина моего Геронтиа Митр. всея Руси, и его детей Владыкъ и Архимандритовъ тѣхъ, которыми есми билъ челомъ своему Осподарю В. К. И. В., не буди на мнѣ ни въ сий вѣкъ, ни въ будущій; и Осподарь мой К. В. и его дѣти надо мною по моей винѣ въ казни воленъ. А крѣпости дѣля, язъ кн. Данило Дм. Хол. Осподарю своему, В. К. И. В. целовалъ есми честный и животворящий крестъ, и далъ есми на себя сию свою грамоту за подписью и за печатью осподина своего Геронтия Митроп. всея Руси [1]." Но Московскіе Государи, начиная съ Ивана III, не довольствовались порукой духовенства и проклятыми грамотами: они требовали ручательства болѣе вещественнаго, и потому заставляли другихъ бояръ и дворянъ ручаться за провинившагося боярина, что онъ не отъѣдетъ, а въ случаѣ отъѣзда поручившійся

---

[1] С. г. г. и д. I, N 103.

долженъ былъ внести князю извѣстную сумму денегъ; такъ по князѣ Холмскомъ поручился И. И. Воронцовъ, что онъ, въ случаѣ его отъѣзда, внесетъ 250 рублей [1].

При Василіѣ Ивановичѣ сынъ Даніила Холмскаго не былъ такъ счастливъ: схваченный и заключенный въ темницу, онъ умеръ въ заключеніи [2]; однако много было взято записей съ другихъ бояръ: съ Вас. Вас. Шуйскаго, который обѣщался: „отъ своего Государя и отъ его дѣтей изъ ихъ земли въ Литву, также ни и къ его братье ни инуды никуды не отъѣхати и до своего живота [3].“ Съ кн. Д. Ѳ. Бѣльскаго; [4] съ И. Ѳ. Бѣльскаго; [5] съ И. М. Воротынскаго; [6] съ кн. Ѳ. М. Мстиславскаго: [7] запись послѣдняго любопытна; она показываетъ, до какой степени доходило государственное зло, которое князья и дружинники считали своимъ правомъ; отъѣхать изъ Литвы въ Москву, и потомъ опять изъ Москвы въ Литву для нихъ ничего не стоило; кн. Мстиславскій говоритъ въ началѣ грамоты: „Се язъ кн. Ѳед. Мих. Мстиславской, присылалъ семи изъ Литвы къ Государю Василію, Божіею милостію ко

---

[1] Тамъ же, N 104.
[2] Никон. IV, 184.
[3] С. г. г. и д. т. I, N 149.
[4] Тамъ же, N 152.
[5] Тамъ же, N 153.
[6] Тамъ же, N 154.
[7] Тамъ же, N 159.

Государю всеа Русіи и В. Князю, бити челомъ, чтобы Государь пожаловалъ велѣлъ мнѣ ѣхати къ собѣ служити; и В. Государь меня холопа своего пожаловалъ, прислалъ ко мнѣ воеводъ своихъ, а велѣлъ мнѣ къ собѣ ѣхати. И какъ язъ пріѣхалъ къ своему Государю; и государь меня пожаловалъ, велѣлъ мнѣ собѣ служити, и жалованьемъ своимъ пожаловалъ. И опосле того сказали Государю моему, что язъ мышлю ѣхати къ Жигимонту королю; и Государь меня К. В. пожаловалъ, опалы своей на меня не положилъ, и меня пожаловалъ: а язъ Государю своему ввелъ по собѣ порукою Господина своего Даніила Митроп. всея Русіи и весь священный соборъ, и цѣловалъ крестъ у гроба у чюдотворца Петра, и далъ есми на собя грамоту за господина своего Данила Митроп. вс. Рус. печатью, что мнѣ отъ Государя своего къ Жигимонту королю, и къ его братье, и къ ихъ дѣтемъ, ни къ иному ни хъ кому никакъ не отъѣхати, а служити мнѣ Государю своему, В. К. Василью, и добра ему хотѣти; а Государь мой пожаловалъ меня своимъ великимъ жалованьемъ, далъ за меня свою сестричну княжну Настасью. И язъ кн. Ѳедоръ, преступивъ крестное цѣлованье, и не памятуючи того, что есми Государю своему ввелъ по собѣ порукою господина своего Данила Митр. всеа Русіи, и забывъ жалованье Государя своего В. Князя, хотѣлъ есми ѣхати къ его недругу къ Жигимонту королю; и Государь мой, В. Гос., по моей винѣ на меня за то опалу свою положилъ. И язъ кн. Ѳед. Мих. Мстиславской за свою вину, что есми

передъ Государемъ своимъ проступилъ, и забывъ крестное цѣлованье и господина своего Данила Митроп. вс. Рус. и всего священного собора по собѣ поруки, за ту за свою вину билъ челомъ Государю своему, В. Госуд. Василью, Б. м. Г. вс. Рус. и В. К: отцомъ его, господиномъ своимъ, Даниломъ Митр. вс. Рус., и его дѣтми, своими господами (слѣд. имена); и Государь мой, В. Гос. Василій, Б. м. Г. вс. Рус. и В. К., для прошенья и челобитья отца своего Данила Митр. вс. Рус. и Архіепископовъ и Епископовъ, и всего для священного собора, меня своего холопа кн. Ѳед. Мстиславского пожаловалъ вины мнѣ отдалъ." Мстиславскій обязуется въ грамотѣ: „А думы мнѣ Государя своего и сына его кн. Ивана не проносити никому: а судити ми судъ всякой въ правду; и мнѣ дѣла Государей своихъ беречи и дѣлати прямо безъ всякіе хитрости." Но М. А. Плещеевъ, которому также В. К. отдалъ вины его по ходатайству Митрополита, обязуется въ своей записи: „Кто нибуди учнетъ мнѣ говорити какіе рѣчи нибуди на Государя моего лихо и о его В. К. Еленѣ, и ихъ дѣтехъ; и о зельѣ о лихомъ кто станетъ говорити, чтобы дати Государю моему, В. К. Василью, или его В. К. Еленѣ или ихъ дѣтемъ какое зелье лихое, или иное что лихое дѣло похочетъ кто учинити: и мнѣ ко Государя своего лиходѣемъ никакъ не приставати, и съ ними о томъ не говорити, и не думати, и не дѣлати мнѣ того самому и проч." [1]

---

[1] С. г. г. и д. т. I, N 162.

И Василій, по примѣру отца, не довольствовался одною порукою духовенства, но требовалъ денежнаго ручательства: такъ кн. Глинскаго выручили три боярина въ 5,000 рубляхъ, и за этихъ троихъ выручителей поручились еще 47 человѣкъ [1]. Такое же двойное ручательство взято и за Шуйскихъ. [2] Умноженіе клятвенныхъ записей при Василіи ясно свидѣтельствуетъ объ усиленіи борьбы за старое дружинное право отъѣзда; но эта борьба при Василіи ничто въ сравненіи съ того страшною, кровавою борьбою которая обнаружилась при сынѣ его, Иванѣ IV.

---

[1] С. г. г. и д. т. I, N 155.

[2] Тамъ же, N 156.

ГЛАВА III.

Іоаннъ IV.

Мы достигли въ нашей исторіи того времени, когда оба порядка вещей, родовой и государственный дали другъ другу последнюю отчаянную битву, которою знаменуется царствованіе Грознаго. Господство родовыхъ отношеній между князьями имѣло, какъ необходимо слѣдуетъ ожидать, могущественное вліяніе на весь общественный составъ Руси, имѣло могущественное вліяніе на бытъ городовъ, на положеніе дружины: когда слѣд. родовыя отношенія между князьями начали смѣняться государственными, то эта смѣна должна была отозваться во всемъ общественномъ организмѣ, должна была повлечь измѣненія и въ бытѣ городовъ, и въ положеніи дружины, двора. Отсюда ясно, что В. Князья, въ своихъ государственныхъ стремленіяхъ должны были встрѣтить сопротивленіе не со стороны однихъ князей — родичей, но со стороны всего того, что получило свое бытіе или, по крайней мѣрѣ, поддерживалось родовыми княжескими отношеніями. Здѣсь первое мѣсто занимаетъ возможность вольнаго, безнаказаннаго перехода отъ одного князя къ другому, суще-

ствовавшая для городовъ, для членовъ дружины, для людей изъ остальнаго даже народонаселенія при господствѣ родовыхъ княжескихъ отношеній, и прекращавшаяся при смѣненіи ихъ государственными. Эту то возможность перехода, являвшуюся для нѣкоторыхъ въ видѣ права (напр. для дружинниковъ и вообще слухъ вольныхъ), для другихъ въ видѣ освященнаго обычая, старины (напр. для старыхъ городовъ), старое общество поддерживало всѣми силами противъ государственныхъ стремленій Московскихъ В. Князей, которые справедливо видѣли въ ней несообразность, беззаконіе, измѣну. Вотъ смыслъ борьбы, начавшейся давно въ Сѣверной Руси, но обнаружившейся съ большею силою при Иванѣ III и дошедшей до крайности при внукѣ его, Иванѣ IV. Если справедливо, что, какъ говорятъ, Иванъ IV былъ помѣшанъ на измѣнѣ, то вмѣстѣ съ этимъ должно допустить, что старое общество было помѣшано на переходѣ, или отъѣздѣ. Изъ вышесказаннаго ясно, какъ несправедливо видѣть въ строгихъ мѣрахъ Грознаго исключительное противоборство какимъ-то аристократическимъ, боярскимъ стремленіямъ, факты противорѣчатъ этому: Иванъ IV вооружался не противъ однихъ бояръ, ибо не одни бояре были заражены закоренѣлою болѣзнію стараго Русскаго общества,—страстію къ переходу, или отъѣзду.

Иванъ III и сынъ его Василій имѣли одинакій характеръ, отличавшій болѣе или менѣе всѣхъ князей Московскихъ, ихъ предшественниковъ: главныя

черты этого характера — разсудительность, расчетливость, преобладаніе головы надъ сердцемъ; прямые наслѣдники Калиты, Иванъ III и сынъ его Василій, не увлекались никогда чувствомъ. Совершенно иная была природа Ивана IV: это былъ безспорно самый даровитый государь, какого только намъ представляетъ Русская исторія до Петра В., самая блестящая личность изъ всѣхъ Рюриковичей; но съ необыкновенною ясностію взгляда, ловкостію въ рѣчахъ и поступкахъ, качествами, полученными въ наслѣдство отъ предковъ, въ Иванѣ было развито въ высшей степени другое противоположное начало, женственное, чувство: сколько Иванъ былъ уменъ и проницателенъ, столько же былъ страстенъ, воспріимчивъ, раздражителенъ, способенъ увлекаться, доходить до крайности. Можно легко угадать, какой характеръ долженствовала принять борьба такого Государя съ неисцѣлимымъ зломъ старинныхъ притязаній. Притомъ Иванъ III и сынъ его Василій не были еще такъ далеки отъ стараго порядка вещей, смотрѣли на него еще исторически, и потому въ борьбѣ своей съ нимъ были необходимо хладнокровіе и умѣренніе; но Иванъ IV былъ уже третій государь на престолѣ Московскомъ, въ этомъ смыслѣ порфирородный, рожденный и воспитанный уже монархомъ. Напитанный въ дѣтствѣ высокими понятіями о власти государя, онъ еще болѣе укрѣпилъ эти понятія своею обширною начитанностію, изученіемъ священной, церковной, Римской Исторіи; онъ хотѣлъ быть тѣмъ же на Московскимъ престолѣ, чѣмъ Давидъ и Соло-

монъ были на Іерусалимскомъ, Августъ, Константинъ и Θеодосій на Римскомъ; Иванъ IV сталъ первымъ царемъ не потому только, что первый принялъ царскій титулъ, но потому, что первый сознаnъ вполнѣ все значеніе царской власти, первый составилъ себѣ ея теорію, тогда какъ отецъ и дѣдъ его усиливали свою власть только практически. И вотъ Иванъ IV, который хочетъ вести свое происхожденіе отъ Августа Кесаря (и точно ведетъ его, только духовно, а не естественно), Иванъ IV съ глубокимъ убѣжденіемъ о святости, неприкосновенности своихъ правъ, окруженъ толпою князей и дружинниковъ, которые толкуютъ о происхожденіи своемъ отъ князей Ярославскихъ, Суздальскихъ, Смоленскихъ, о томъ, что Государь недолженъ ничего дѣлать безъ совѣта со старшими членами дружины, какъ водилось прежде, о правѣ безнаказаннаго отъѣзда. Но этого мало: оскорбленный такими противугосударственными притязаніями, какъ Государь, Иванъ IV былъ глубоко оскорбленъ лично, какъ человѣкъ, недостойными поступками окружавшихъ его во время дѣтства, и потомъ трижды еще оскорбленъ въ своей довѣренности и въ своихъ чувствахъ, какъ отецъ и какъ мужъ. Вотъ почему въ борьбѣ своей со старыми притязаніями, Иванъ IV не только преслѣдуетъ противугосударственныя стремленія, какъ государь, но вмѣстѣ преслѣдуетъ враговъ своихъ, какъ человѣкъ лично оскорбленный. Наконецъ для такого Государя, какъ Иванъ IV, съ природою въ высшей степени воспріимчивою и страстною, нужно было самое осторожное,

глубоко обдуманное воспитаніе, надобно было допускать до него только одни благія впечатлѣнія, — и вмѣсто того отъ ранняго дѣтства его окружали только самыми недостойными сценами, и какъ бы нарочно раздражали самымъ безумнымъ образомъ. Что же были за причины подобнаго воспитанія? Мы знаемъ, что Димитрій Донской, сынъ его и внукъ вступали на великокняжескій престолъ въ ранней молодости, когда еще не могли управлять сами, и между тѣмъ, въ началѣ ихъ княженій мы вовсе не видимъ тѣхъ оскорбительныхъ явленій, которыя имѣли мѣсто вовремя малолѣтства Ивана IV: напротивъ, мы видимъ необыкновенно умное, дружное и дѣятельное управленіе бояръ для блага князя и княжества; откуда же происходитъ такая разница? При Донскомъ, сынѣ и внукѣ его интересы князя и бояръ были тѣсно соединены; ни князь, ни бояре не обнаруживали еще противоположныхъ стремленій; бояре Московскіе дружно отстаивали права своего князя и княжества противъ притязаній другихъ князей, потому что этого требовали ихъ собственныя выгоды. Но со временъ Ивана III интересы В. Князя и бояръ разрознились: князь началъ руководствоваться идеями государственными, бояре выставили свои, несовмѣстимыя съ этѣми идеями притязанія. По смерти Василія Ивановича опекуншею малолѣтнаго сына его Ивана осталась жена его Елена, уже ненавистная боярамъ; она не отступала отъ поведенія своего мужа, слѣд. не уменьшила этой ненависти. Не могши управлять одна, Елена ввѣрилась извѣстному лицу изъ бояръ же,

и такимъ образомъ внесла этимъ предпочтеніемъ раздѣленіе между послѣдними; отсюда ненависть къ любимцу, стараніе свергнуть его какими бы то ни было средствами, партіи между боярами, борьба между партіями. Наконецъ еще одно важное различіе: при Донскомъ и его преемникахъ между Московскими боярами не было князей, ни Рюрикова, ни Гедиминова рода; во время малолѣтства Ивана IV они наполняли дворъ, куда принесли свои притязанія и свою ненависть къ Московскимъ Государямъ, лишившимъ ихъ удѣловъ, сведшимъ ихъ со степени независимыхъ владѣльцевъ на степень слугъ своихъ.

Иванъ остался послѣ отца 3 лѣтъ. До насъ не дошло завѣщаніе В. К. Василья вполнѣ; но въ лѣтописяхъ сохранены слѣдующія предсмертныя слова В. Князя касательно сына и государства: „Приказываю своего сына, в. к. Ивана, Богу и пречистые Богородици и св. чудотворцомъ, и тебѣ отцу своему Данилу Митрополиту всея Руси, и даю ему свое государство, которымъ меня благословилъ отецъ мой, Гос. К. В. Ив. Вас. всея Руси; а вы бы моя братія, князь Юрьи и кн. Андрей, стояли крѣпко въ своемъ словѣ, на чемъ есмя крестъ цѣловали и крѣпости промежь нами [1].“ Изъ крѣпостей, данныхъ братьями и о которыхъ упоминаетъ В. К. Василій, мы знаемъ одинъ договоръ съ кн. Юріемъ, заклю-

---

[1] Соф. врем. II, 325.

ченный въ 1531 году, подобный совершенно предыдущимъ договорамъ В. Князей съ удѣльными, при чемъ повторено условіе: „А Боярмъ и дѣтемъ Боярскимъ и слугамъ промежь насъ вольнымъ воля." В. Князь обязалъ брата: „А благословлю сына своего Ивана своими великими княжествы: и тобѣ сына моего Ивана держати въ мое мѣсто своего Господина и брата старѣйшего; а Великихъ ти княжествъ подъ нимъ и подъ моею В. Княгинею, и подъ нашими дѣтми блюсти и не обидити, не вступатися, ни подъискивати ни какими дѣлы, ни которою хитростью [1]." Но В. Князь зналъ, что слово братьевъ не надежно, если бояре будутъ благопріятствовать ихъ притязаніямъ, и потому, отпустивъ Митрополита и братьевъ, остался съ одними боярами и такъ говорилъ имъ: „вѣдаите и сами, кое отъ В. К. Владимера Кіевского ведется наше государство Владимерское и Ноугородское и Московское, мы вамъ Государи прироженные, а вы наша извѣчная бояре: и вы, братье, постойте крѣпко, что бы мой сынъ учинился на Государствѣ Государемъ, были бы въ землѣ правда и въ васъ бы розни ни которые не было; да приказываю вамъ М. Л. Глинскаго, человѣкъ къ намъ пріѣзжей, и выбъ того не молвили, что онъ пріѣзжей, держите его за здѣшняго уроженца, за не же мнѣ онъ прямой слуга, и были бы есте всѣ вобче и дѣла земскаго и сына моего дѣла берегли и дѣ-

---

[1] С. г. г. и д. т. I, N 160.

лали за одинъ; а ты бы, князь Мих. Глинской, за моего сына В. К. Ивана, и за мою В. К. Елену, и за моего сына князя Юрья кровь свою пролiялъ и тѣло свое на раздробленiе далъ [1]." Изъ этихъ словъ В. Князя видно все безпокойство его относительно судьбы сына и государства, въ которомъ порядокъ престолонаслѣдiя не былъ еще утвержденъ; В. Князь долженъ былъ напоминать боярамъ свое происхожденiе отъ Владимiра Кiевскаго, о томъ, что онъ и сынъ его ихъ прирожденные государи, отъѣздъ отъ которыхъ есть измѣна; Василiй зналъ также, что въ случаѣ торжества братьевъ должны повториться тѣ же явленiя, какiя имѣли мѣсто при дѣдѣ его Василiи Темномъ, и что малюткамъ дѣтямъ его не будетъ пощады отъ побѣдителя: вотъ почему онъ заклинаетъ Кн. Глинскаго, какъ ближайшаго родственника, хранить великокняжеское семейство и не щадить для него жизни своей. Какъ было велико нелюбье бояръ къ этому знаменитому пришельцу, видно изъ того, что В. Князь не могъ ввести его въ думу безъ ихъ предварительнаго согласiя, и то единственно подъ предлогомъ близкаго родства его съ В. Княгинею [2].

Опасенiе Василiя сбылось. Едва прошла недѣля послѣ похоронъ его, какъ В. К. Елена была извѣ-

---

[1] Соф. врем. II, 326.
[2] Соф. врем. II, 321.

щена о крамолѣ; лѣтописцы оставили намъ объ ней два разнорѣчивыя свидѣтельства: одни говорятъ, что К. Андрей Шуйскій вздумалъ отъѣхать къ дядѣ В. Князя, Юрію, что его замыселъ былъ открытъ, его посадили подъ стражу, и бояре, для прекращенія подобныхъ попытокъ, присовѣтовали Еленѣ схватить и заключить Кн. Юрія [1]. Но это извѣстіе, въ которомъ вся вина сложена съ Кн. Юрія на Шуйскаго, кажется, придумано послѣ, въ слѣдствіе всеобщей ненависти къ Шуйскимъ, что видно изъ тона разсказа, напр.; „діаволъ вниде во Князя Шуйскаго Андрея", и потомъ: „онъ же *злодѣй* паки помысли ко князю Юрью отъѣхать и на В. Княженіе его поднять, а у князя сего на мысли небывало, понеже бо крестъ цѣловалъ В. Князю, какъ было ему измѣнить!" Ясно, что послѣднее обстоятельство вовсе не могло воспрепятствовать Князю Юрію къ измѣнѣ: и кн. Андрей Шуйскій также крестъ цѣловалъ — какъ было ему измѣнить? Гораздо вѣроятнѣе другое извѣстіе [2]: „Присылалъ князь Юрья Ивановичь дьяка своего Третіяка Тишкова ко князю Андрею Шуйскому, а говорилъ ему Третіякъ ото князя, чтобы поѣхалъ ко князю Юрью служити. И Князь Андрей Третьяку сказалъ: князь вашъ вчера крестъ цѣловалъ В. Князю, что ему добра хотѣти, а нынѣ отъ него людей зовстъ. И Третьякъ князю Андрею мол-

[1] Львов. IV, 6 и слѣд.

[2] Царств. кн. стр. 35, Никон. VII, 1.

вилъ: Князя Юрья бояре приводили заперши къ цѣлованію, а сами князю Юрью за В. Князя правды не дали, ино то какое цѣлованіе, то невольное цѣлованіе. Князь Андрей то сказалъ князю Бор. Ив. Горбатому, и кн. Борисъ то сказалъ боярамъ. И бояре сказали В. Княгинѣ; и В. Княгиня берегучи сына и земли, приказала боярамъ: вчера есте крестъ цѣловали сыну моему, В. К. Ивану на томъ, что ему служити, и вовсемъ добра хотѣти; и вы потому и чините, коли является зло, ино бы ся не разпространило. И велѣла В. Княгиня Кн. Юрья поймати, и оковавъ посадити за сторожи въ полату, гдѣ напередъ того Кн. Дмитрей внукъ сидѣлъ." Я отдаю преимущество этому извѣстію по слѣдующимъ причинамъ: оно находится въ Царственной книгѣ, которая вовсе не потворствуетъ боярамъ, и однако не обвиняетъ во всемъ кн. Андрея Шуйскаго; во вторыхъ разсказъ здѣсь краткій, холодный, безъ оскорбительныхъ эпитетовъ, безъ приведенія отъ себя причинъ, какъ напр.: „онъ крестъ цѣловалъ — какъ ему измѣнить." Далѣе; разсказъ, при краткости, подробнѣе; упоминается даже по имени лице, кто пріѣзжалъ отъ кн. Юрія уговаривать Шуйскаго къ отъѣзду. Впрочемъ первый разсказъ, въ окончаніи, дополняетъ разсказъ Царственной книги: по нему Кн. Андрей сказалъ брату своему, Кн. Борису Горбатому, что кн. Юрій зоветъ его, и что онъ хочетъ къ нему ѣхать, и звалъ Горбатаго; тотъ несогласился: тогда Андрей пошелъ къ В. Княгинѣ и обговорилъ Бори-

са, но послѣдній оправдался, и Андрей былъ заключенъ [1]. — Какъ бы то ни было, Юрій умеръ въ за-

---

[1] До насъ дошла его челобитная Новгородскому Архіепископу Макарію о томъ, чтобы Макарій печаловался о немъ предъ Государемъ и его матерью. (Дополнен. къ акт. Историч. т. I, N 27); сообщаемъ ее здѣсь, какъ образецъ подобныхъ грамотъ: „Великому Архіепископу, святѣйшему пастырю, православному свѣтилнику, церковному солнцу, святѣйшему отцу, блаженному учителю, святыя соборныя апостольскіа церкви свѣтло сіающему просвѣщеніемъ, небеснаго разума озаренія великого свѣта яснозрительныхъ херувимовъ блистаясь, чюдноумному и свѣтлому серафиму, у престола всѣхъ царя трисвятую ему пѣснь принося о всѣхъ и за вся, государю архіепископу Макарію, озимствованный во тлю сѣни смертныя, въ мѣсто озлобленое, въ опалѣ, идѣже положенъ есмь нынѣ и оболоченъ смертною кожею, Ондрей Шуйской, сердечными слезами плачетъ и молитъ вашего святителства милости. Не можетъ бо отъ человѣкъ данныя ти милости словомъ изрещи, аще кто и всѣхъ премудрости разумъ языкъ имать, но токмо еже отъ усердіа вѣры плачася къ тебѣ, всесвятѣйшему Божію, святый мужю! простри ми, владыко, руку твою, погружаемому въ опалѣ сей горкой, и не остави мя, владыко; аще ты не потщися кто прочее поможетъ мнѣ? Самъ, государь, божественнаго писанія разумъ языкъ имашь, аще достойнаго спасти, аще праведного помиловати, ничто же чюдно, грѣшнаго спасти то есть чюдно: ибо врачь тогда чюдимъ есть, еда не врачюемый недугъ исцѣлитъ, но и царь тогда чюдимъ и хваленъ есть, еда не достойнымъ даруетъ что. Государь Архіепископъ Макаріе! пошли мнѣ свою милость, православному государю в. к. Ивану Василіевичю и его матерѣ, гос. в. княгинѣ Еленѣ, печалуйся, что бы государи милость показали, велѣли на поруку дати. Божество васъ соблюдетъ во многа лѣта, святѣйшій и блаженнѣйшій отецъ государь архіепископъ Макаріе В. Новогорода и Пскова.“ — Шуйскій обратился къ Макарію, а не къ Митрополиту Даніилу, потому что послѣдній не былъ въ ладахъ съ этою фамиліею, какъ увидимъ послѣ.

ключеніи „страдальческою смертію, голодною," прибавляетъ лѣтописецъ [1].

Оставался другой дядя, князь Андрей Старицкій. Въ началѣ княженія Ивана IV Андрей далъ на себя племяннику цѣловальную запись [2] держать его Господиномъ старѣйшимъ В. Княземъ; обѣщался: „А кто захочетъ отъ тебя ко мнѣ ѣхати, князьли, или бояринъ, или діакъ, или сынъ боярской, или кто нибуди на ваше лихо: и мнѣ того никакъ не принятии." Здѣсь право принятія отъѣзжиковъ отъ В. Князя ограничивается или, лучше сказать, совершенно уничтожается выраженіемъ: „на ваше лихо," потому что при всякомъ почти отъѣздѣ предполагалось нелюбье отъѣхавшаго къ князю, особенно въ то время; почему В. князь могъ знать, что бояринъ отъѣхалъ къ дядѣ на его лихо, или нѣтъ; при всякомъ отъѣздѣ онъ могъ подозрѣвать, что на лихо, и требовать выдачи отъѣхавшаго. Но мы видѣли, какъ затруднительно было въ то время положеніе и В. Князя, и Удѣльныхъ по взаимной недовѣрчивости, безпрестанно умножаемой людьми, которые находили въ томъ свою выгоду: Правитель-

---

[1] Львов. IV. 82. Что В. Княгиня Елена была вынуждена употребить такія мѣры противъ Юрія, доказательствомъ служитъ поступокъ ея съ Иваномъ Ягановымъ, котораго заключили въ оковы за пустой доносъ.

[2] С. г. г. и д. т. I, N 163. Эта запись отнесена здѣсь къ 1537 году ошибочно; въ ней говорится: „А что ми слышавъ о твоемъ добрѣ или о лихѣ.... *отъ брата ли своего.*" Но братъ Андреевъ Юрій умеръ еще въ 1536 г.

ницѣ доносили, что Андрей сердится и хочетъ бѣжать, Андрея извѣщали, что его ждетъ участь брата. Чтобъ прекратить такое тягостное положеніе, Елена послала звать Андрея въ Москву для личнаго объясненія; Андрей, взявъ съ нея клятву, что ему не сдѣлаютъ въ Москвѣ никакого[1] зла, пріѣхалъ; В. Княгиня увѣрила его, что она ничего противъ него не имѣетъ и просила указать на тѣхъ людей, которые мутятъ между ними; но Андрей не былъ откровененъ, не назвалъ никого, а сказалъ „что на него пришло мнѣніе[2].“ По возвращеніи Андрея въ свой удѣлъ отношенія его къ Московскому правительству не измѣнились: онъ продолжалъ питать прежнюю недовѣрчивость[3], продолжалъ слушать доносы, и когда, по случаю Казанской войны, В. Княгиня послала звать его въ Москву, Андрей отказался по причинѣ болѣзни и просилъ прислать лѣкаря. В. Княгиня исполнила просьбу; но лѣкарь, возвратившись, объявилъ, что болѣзнь ничтожная; тогда Еленой овладѣло подозрѣніе, и она отправила разузнать настоящее положеніе дѣлъ въ Старицѣ: ей донесли, что у князя Андрея есть прибылые люди, и что онъ притворился больнымъ нарочно, боясь ѣхать въ Москву. Елена прислала вторично звать его къ себѣ, и

---

[1] С. г. г. и д. т. II, N 31. Эта грамота помѣщена здѣсь не у мѣста.

[2] Никон. VII, 13 слѣд.

[3] Царств. кн. стр. 65.

вторично та же отговорка болѣзнію; она послала въ третій разъ, и въ третій разъ тотъ же отвѣтъ, который дошелъ до насъ [1]. Въ этомъ отвѣтѣ дядя Государевъ, Удѣльный князь называетъ себя *холопомъ* В. Князя; не смотря однако на такой униженный тонъ, Удѣльный князь не можетъ удержаться, чтобъ не напомнить племяннику старины, онъ пишетъ къ нему: „И ты, Гдрь, нынеча приказалъ къ намъ с великимъ запрещеніемъ, чтобы намъ одноличио у тебя быти, какъ ся ни иметъ; и в томъ, Гдрь, нынеча намъ скорбь и кручина великая о томъ, что тебѣ, Гдрю, наша немочь невѣрна, и по насъ посылаешь неотложно; *а преже сего* Гдрь, *того не бывало, что насъ к вамъ, Гдремъ, на носилкахъ волочили.* И язъ, Гдрь, грѣхомъ своимъ, своею болѣзнью и бѣдою, с кручины отбылъ ума и мысли. И ты бы, Гдрь, пожаловалъ показалъ милость, огрѣлъ сердце и животъ холопу своему своимъ жалованьемъ, какъ бы, Гдрь, мочно и надежно холопу твоему, твоимъ жалованьемъ, впередъ быти безскорбно и безъ кручины, какъ тебѣ, Гдрю, Богъ положитъ на сердце [2]." Мы не разъ уже замѣчали, что при дворахъ Удѣльныхъ князей находились люди, предавшіеся В. Князю и извѣщавшіе его обо всемъ, что у нихъ дѣлалось; одинъ изъ такихъ Московскихъ приверженцевъ при дворѣ Старицкаго князя, кн. Василій Голубой-Ростовскій прислалъ тайно

---

[1] С. г. г. и д. т. II, N 30.
[2] Тамъ же.

ночью къ любимцу правительницы, боярину кн. Телепневу—Оболенскому съ извѣстіемъ, что наутро кн. Андрей сбирается бѣжать [1]. Тогда Елена отправила къ Андрею трехъ духовныхъ особъ, [2] которыя должны были говорить ему отъ имени Митрополита: „Слухъ к намъ пришелъ, что деи хочешъ оставити благословенье отца своего, и гробы родителей своихъ, и святое свое отечество, и жалованье и береженье Гдря своего В. К. Василья и сына его. И поѣхалъ бы еси ко Гдрю и ко Гдрие безъ всякого сумнѣнія, а мы тобѣ благословляемъ и емлемъ тобя на свои руки.“ Въ случаѣ, если Андрей не послушаетъ словъ Митрополита, посланные должны были наложить на него проклятіе [3]. Не полагаясь однако на дѣйствительность церковныхъ увѣщаній и угрозъ, правительница выслала полки къ Волоку наблюдать за движеніями Старицкаго князя, и въ случаѣ бѣгства перехватить его. Андрея тотчасъ извѣстили объ этомъ движеніи великокняжескихъ войскъ, будто бы прямо посланныхъ захватить его; удѣльный князь повѣрилъ и ускорилъ бѣгствомъ, уже заранѣе приготовленнымъ: онъ хотѣлъ засѣсть въ Новгородѣ, воскресить тамъ старину, и во имя ея ратовать противъ Московскаго князя. Съ этою цѣлію Андрей разослалъ грамоты къ помѣщикамъ, дѣтямъ боярскимъ,

---

[1] Царств. кн. стр. 67.
[2] Тамъ же.
[3] С. г. г. и д. т. II, N 52, Акты Истор. I, N 139.

гдѣ говорилъ: „Князь В. молодъ, государство держатъ бояре, у кого вамъ служить, а я васъ радъ жаловать [1]." На этотъ зовъ отозвались многіе дѣти боярскіе, и пріѣхали служить Андрею. Узнавъ объ этомъ, правительница велѣла князю Никитѣ Оболенскому спѣшить къ Новгороду, занять его прежде Андрея и защищать до послѣдней крайности, а другой кн. Оболенскій, Иванъ Овчина, любимецъ Елены отправился съ полками въ слѣдъ за Удѣльнымъ княземъ, и нагналъ его; сперва Андрей выстроилъ было свои полки противъ великокняжескихъ, но скоро оробѣлъ и началъ ссылаться съ Московскимъ воеводою, обѣщая кончить борьбу, если Оболенскій дастъ ему клятву, что В. Князь не лишитъ его свободы и не наложитъ на него опалы; Оболенскій, не взирая на то, что у него не было такого полномочія, далъ требуемую клятву, и поѣхалъ вмѣстѣ съ Андреемъ въ Москву. Здѣсь онъ былъ встрѣченъ жестокимъ выговоромъ отъ Правительницы за то, что перешелъ границы своей власти и далъ своевольно клятву; кн. Андрей былъ заключенъ въ оковы, [2] въ которыхъ черезъ полгода умеръ; семейство его подверглось также заключенію; бояръ его, вѣдавшихъ думу своего князя, казнили смертію; дѣти боярскіе, отозвавшіеся на призывъ Андрея, были перевѣшаны по Новгородской дорогѣ въ извѣстномъ

---

[1] Царств. кн. стр. 69.
[2] Царств. кн. стр. 71.

разстояніи другъ отъ друга: такими страшными средствами должно было Московское государство тушить междоусобія, лечить язву, завѣщанную ему старою Русью, родовымъ бытомъ; къ несчастію зло было такъ велико, что и эти насильственныя мѣры были недостаточны для окончательнаго подавленія старыхъ притязаній: они вызвали мѣры ужаснѣйшія.

Правленіе Елены ознаменовано твердостію, мудростію, успѣхомъ. При государѣ-младенцѣ, при внутреннихъ волненіяхъ, окруженное со всѣхъ сторонъ врагами — Литвою, Крымскими и Казанскими Татарами, Московское государство не потерпѣло никакого ущерба ни въ силѣ, ни въ достоинствѣ своемъ: дипломатическія сношенія съ Европейскими государствами продолжались по прежнему; заключены договоры съ Швеціею и Ливонскимъ орденомъ, набѣги Татаръ остановлены, война съ Литвою, веденная съ примѣрною твердостію, окончилась счастливымъ миромъ; границы государства ограждены новыми крѣпостями и возобновленными старыми, исправлена монета, выкуплено множество плѣнныхъ. Елену упрекаютъ въ сердечной слабости, но предметъ этой слабости былъ человѣкъ достойный; изъ всѣхъ окружавшихъ ее, Правительница выбрала лучшаго, Конюшаго боярина, кн. Ивана Овчину Телепнева-Оболенскаго. Если онъ имѣлъ большое вліяніе на дѣла правительственныя, то означенные успѣхи внутри и внѣ не позволятъ упрекнуть его въ недостаткѣ благоразумія; кромѣ того онъ дважды съ успѣхомъ во-

дилъ передовые полки въ глубь Литвы, успѣшно кончилъ борьбу съ Удѣльнымъ княземъ; что Оболенскій былъ чуждъ насильственныхъ мѣръ, доказательствомъ служитъ поступокъ его съ Андреемъ Старицкимъ, за который онъ подвергся строгому выговору. Бояре не могли упрекнуть Елену даже въ оскорбительномъ для нихъ самовластіи: она ничего не рѣшала безъ совѣта съ ними, даже въ дѣлахъ церемоніала придворнаго [1]. Не смотря на то Елена была Правительница, если она спрашивала боярскаго совѣта, то имѣла при этомъ право принять или отвергнуть его; боярамъ, т. е. самымъ могущественнымъ по вліянію, хотѣлось владѣть самимъ, преслѣдовать свои личныя отношенія другъ къ другу, которыя необходимо сдерживались присутствіемъ главы государства; они надѣялись повелѣвать во время малолѣтства В. Князя, и между тѣмъ принуждены были повиноваться, повиноваться женщинѣ, которой главнымъ думцемъ былъ одинъ изъ нихъ. Дворъ раздѣлился на партіи, главою каждой былъ могущественный бояринъ, окруженный своими друзьями и клевретами, или цѣлая сильная фамилія, напр. Шуйскихъ, Бѣльскихъ, Глинскихъ. Какъ послѣ этѣ фамиліи смѣняли другъ друга въ управленіи, такъ теперь онѣ подъискивались подъ княземъ Оболенскимъ, котораго привязанность Елены поставила въ челѣ управленія; противъ него вооружился род-

---

[1] Царств. кн. стр. 54.

ной дядя Правительницы, кн. Михаилъ Глинскій, который, по своему близкому родству, больше другихъ надѣялся управлять государствомъ; но Оболенскій осилилъ въ борьбѣ, и Глинскій былъ заключенъ въ темницу, гдѣ и умеръ [1]; соумышленникъ его, М. С. Воронцовъ былъ удаленъ отъ двора. Между тѣмъ отъѣзды не были забыты: во время разрыва съ Польшею двое воеводъ, отправленныхъ въ Серпуховъ для заготовленія полковъ, кн. Семенъ Бѣльскій и Иванъ Ляцкій отъѣхали къ Сигизмунду; двое другихъ воеводъ, князья Ив. Бѣльскій и Воротынскій были также заподозрѣны въ соумышленіи съ отъѣхавшими и посажены подъ стражу [2]. Примѣръ Глинскаго научилъ бояръ, что удачная борьба съ Оболенскимъ не возможна, пока жива Елена, что для сверженія Оболенскаго надобно прежде отдѣлаться отъ Правительницы, и они отдѣлались отъ нея, въ 1538 году Елена умерла отъ яду [3].

Тогда боярамъ открылось свободное поприще смѣнять одни другихъ въ правленіи. Первая побѣда досталась князьямъ Шуйскимъ, потомкамъ Суздальскихъ князей, которые такъ долго боролись съ Москвою. И вошедши въ число Московскихъ бояръ, кн. Шуйскіе не потеряли своего значенія, и какъ преж-

---

[1] Царств. кн. стр. 38.
[2] Тамъ же.
[3] Герберштейн. I, стр. 19 въ изд. Старчевск. Одерборнъ тамъ же.

де имѣли притязанія на старшинство между князьями, такъ теперь хотѣли старшинства между боярами. При отцѣ Ивана IV, кн. Василій Васильевичь Шуйскій занималъ первое мѣсто въ думѣ [1], удержалъ его при Еленѣ, и первый воспользовался ея смертію для сверженія Оболенскаго: въ седьмой день по кончинѣ Правительницы, Оболенскій, вмѣстѣ съ сестрою его, боярынею Челядниною, находившеюся при малолѣтномъ Иванѣ, были взяты подъ стражу за то, говоритъ лѣтописецъ, что ихъ Государь въ приближеньи держалъ. Оболенскій умеръ отъ недостатка въ пищѣ и тяжести оковъ, сестру его постригли въ монахини; заключенные прежде князья—Ив. Өед. Бѣльскій и Андр. Мих. Шуйскій были освобождены.

По Шуйскимъ не хотѣли уступить другіе; не менѣе могущественна, не менѣе сильна связями была фамилія Бѣльскихъ, на сторонѣ которой былъ Митрополитъ Даніилъ. Бѣльскіе, мимо Шуйскихъ, выпросили у малютки Государя повышеніе двоимъ изъ своихъ друзей, одному боярство, а другому окольничество. За это произошелъ явный разрывъ между двумя фамиліями: Шуйскіе пересилили, Иванъ Бѣльскій былъ заключенъ въ темницу, совѣтникъ же его, дьякъ Мишуринъ, обезглавленъ: Вас. Шуйскій не смѣлъ еще свирѣпствовать противъ своего товарища, знаменитаго боярина, и выместилъ свою злобу на дьякѣ; но по смерти Василія Шуйскаго, братъ его

---

[1] Древ. Рос. Вивл. XX, 27.

Иванъ началъ дѣйствовать смѣлѣе, и свергнулъ Митрополита Даніила, на мѣсто котораго былъ возведенъ Іоасафъ. Но мы замѣтили уже, какъ Русское духовенство было выше всѣхъ частныхъ стремленій, и потому не было духовенства Шуйскихъ, Бѣльскихъ или Глинскихъ, было только Русское духовенство и Митрополитъ всея Руси. Вотъ почему новый Митрополитъ Іоасафъ, обязанный своимъ саномъ Шуйскимъ, сталъ, подобно предшественнику, за Бѣльскихъ, потому что торжество послѣднихъ обѣщало перемѣну къ лучшему.

Торжество Шуйскихъ было торжествомъ фамиліи и партіи, при которомъ всѣ члены фамиліи и партіи хотѣли подѣлить выгоды съ главнымъ бояриномъ; если глава фамиліи и партіи сталъ въ челѣ управленія, то его родственники и клевреты должны были получить богатыя намѣстничества, при чемъ спѣшили наживаться на счетъ гражданъ, и правитель не смѣлъ укрощать ихъ, потому что, возбуждая ихъ негодованіе, обезсиливалъ свою партію. Такимъ образомъ, когда самъ Иванъ Шуйскій грабилъ великокняжескую Московскую казну [1], родственники и клевреты его грабили области, доставшіяся имъ въ управленіе [2]. Съ другой стороны Татары без-

---

[1] Курб, стр. 183.

[2] Псков. лѣтоп., изд. Погод. стр. 188: А. А. М. Шуйскій, онъ былъ злодѣй; не судя его писахъ, но дѣла его зла на пригородѣхъ, на волостѣхъ, старыя дѣла и суды наряжая, правя на людѣхъ, ово сто рублей, ово болѣ; а во

наказанно пустошили Русскія области: боярину, занятому интересами своего рода и партіи, некогда было заботиться о дѣлахъ государственныхъ: „промежь ихъ, говоритъ лѣтописецъ, бяше вражды о корыстехъ, и о племянехъ ихъ, всякъ своимъ печется, а не государскимъ, ни земскимъ [1].“ Тогда Митрополитъ Іоасафъ сталъ просить В. Князя, чтобъ далъ приказъ, мимо Шуйскихъ, выпустить изъ заключенія Ивана Бѣльскаго, что и было исполнено. Бѣльскій явился снова въ думѣ; Иванъ Шуйскій, пораженный такою внезапною перемѣной, не могъ противиться и былъ удаленъ отъ двора: его послали воеводою во Владиміръ [2], гдѣ онъ выжидалъ случая снова усилить свою сторону и низложить противную. Его оставили въ покоѣ, равно какъ всѣхъ его сторонниковъ; перемѣна произошла безо всякихъ насилій и казней; чему должно приписать это: умѣренности ли Бѣльскаго, или страху предъ могущественными Шуйскими — рѣшить трудно. Какъ бы то ни было, Бѣльскій ознаменовалъ свое правленіе милостями къ заключеннымъ: сынъ Андрея Старицкаго, Владиміръ съ матерью былъ освобожденъ изъ темницы: ему позво-

---

Псковѣ мастеровыя люди все дѣлали на него даромъ, а большіи люди подаваша къ нему зъ дары.

[1] Царств. кн. стр. 75.

[2] Курб. стр. 184; царь Иванъ пишетъ: „Не восхотѣлъ подъ рабскою властію быти, и того ради князя Ив. Вас. Шуйскаго отъ себя отослалъ на службу.

лили жить на дворѣ отца его [1]. Вспомнили и объ Димитріи, несчастномъ сынѣ Андрея Васильевича Углицкаго, брата Ивана III: его освободили изъ оковъ: милость неравная! неужели боялись отъ полумертвеца Димитрія старыхъ притязаній потому только, что онъ былъ дядя В. Князю? гораздо опаснѣе было освобожденіе Владиміра Андреевича, и особенно его матери Евфросиніи, питавшей злой удѣльный духъ, который довелъ ее и все семейство ея до гибели: дѣло объясняется тѣмъ, что у Старицкаго князя было много доброхотовъ, тогда какъ участь Димитрія никого уже не занимала.

Между тѣмъ Иванъ Шуйскій, воеводствуя во Владимірѣ, усиливалъ свою сторону въ Москвѣ между боярами и дѣтьми боярскими. Что побудило бояръ подняться противъ Бѣльскаго и перейти на сторону Шуйскаго? Тоже самое, что прежде побудило ихъ возстать противъ князя Оболенскаго; лѣтописецъ выражается тѣми же самыми словами: „Пойманъ бысть В. Князя бояринъ, кн. И. Ѳ. Бѣльскій, безъ В. Князя вѣдома, совѣтомъ боярскимъ, того ради, что его Государь К. В. у себя въ приближеніи держалъ, и въ первосовѣтникахъ, да Митрополита Іоасафа, и бояре о томъ вознегодоваша на кн. Ивана, и на Митрополита; и начаша зло совѣтовати съ сво-

---

[1] Льков. IV, 138 и слѣд. Это было въ 1541 году; чрезъ нѣсколько времени В. Князь допустилъ его къ себѣ, возвратилъ ему отцовскій удѣлъ, далъ бояръ и дѣтей боярскихъ, но не отцовскихъ. Царст. кн. стр. 100.

ими совѣтники [1]." Недовольные бояре начали пересылаться съ Шуйскимъ, который во Владимірѣ взялъ клятву со многихъ дѣтей боярскихъ держать его сторону; заговорщики назначили срокъ 3 Генваря 1542 года для исполненія своего намѣренія, и въ ночь на это число Бѣльскій былъ схваченъ и посаженъ подъ стражу; въ ту же ночь явился въ Москву Иванъ Шуйскій изъ Владиміра. Любопытно читать въ лѣтописцѣ, что важное участіе въ этомъ заговорѣ принимали Новгородцы: „а въ томъ совѣтѣ быша Новогородцы В. Новагорода всѣ городомъ [2]." Бѣльскій былъ сосланъ на Бѣлоозеро, и тамъ, по словамъ лѣтописца: „тайно безъ В. Князя вѣдома, боярскимъ самовольствомъ кн. Ивана Бѣльскаго убили [3]." Сторонниковъ его также разослали въ заточеніе по разнымъ городамъ; Митрополитъ Іоасафъ потерпѣлъ страшныя ругательства отъ заговорщиковъ, даже жизнь его была въ опасности: каменья летѣли въ его кельи; тщетно искалъ онъ безопасности во дворцѣ, заговорщики съ шумомъ преслѣдовали его и туда, и наконецъ сослали въ Кирилловъ Бѣлозерскій монастырь. На его мѣсто былъ поставленъ знаменитый Макарій, Архіепископъ Новгородскій, потому что Новгородцы всѣ городомъ участвовали въ низверженіи Бѣльскаго, и по старинной пріязни его къ фамиліи

---

[1] Царств. кн. стр. 100.
[2] Царств. кн. стр. 101.
[3] Тамъ же, стр. 103.

Шуйскихъ [1]. Но и Макарій остался вѣренъ преданію Митрополитовъ всея Руси: онъ отстранился отъ партій боярскихъ, предоставивъ себѣ право въ борьбѣ этѣхъ партій вступаться за побѣжденныхъ, предотвращать насилія, дерзости побѣдителей, а въ насиліяхъ и дерзостяхъ не могло быть недостатка въ правленіе Шуйскихъ. Князь Иванъ, по видимому, не пользовался своимъ торжествомъ: остальные два года жизни онъ провелъ въ удаленіи отъ дѣлъ по причинамъ, для насъ неизвѣстнымъ; правленіе было въ рукахъ родичей его, троихъ Шуйскихъ — Ивана и Андрея Михайловичей и Өедора Ивановича. Что же дѣлалъ въ это время В. Князь, каково было его положеніе?

По смерти матери Иванъ былъ совершенно предоставленъ самому себѣ касательно умственнаго и нравственнаго развитія. Пытливый умъ ребенка требовалъ пищи: онъ жадно схватилъ все, что могли предложить ему вѣкъ и общество; масса свѣдѣній была невелика, дѣлать выбора было не изъчего, молодой князь взялъ все, прочелъ все, что могъ достать прочесть: слѣд. въ дѣлѣ умственномъ Иванъ могъ еще обойтись безъ руководителя. Но не такъ было въ дѣлѣ нравственномъ: среди эгоистическихъ стремленій партій, царственный младенецъ былъ предоставленъ

---

[1] См. вышеприведенную челобитную Андрея Шуйскаго къ Макарію о печалованіи.

въ руководство одному собственному эгоизму; Иванъ съ ранней юности былъ окруженъ людьми, которые, въ своихъ стремленіяхъ, не обращали на него никакого вниманія, безпрерывно оскорбляли его: отсюда Иванъ необходимо долженъ былъ привыкнуть— имѣя въ виду только собственные интересы, не обращать вниманія на интересы другихъ, не уважать человѣческаго достоинства, не уважать жизни человѣка; если онъ, какъ началъ себя помнить, не встрѣчалъ ни откуда не только сочувствія, даже вниманія, то какъ хотѣть, чтобъ онъ сочувствовалъ другимъ, обращалъ вниманіе на другихъ? Пренебрегали развитіемъ хорошихъ склонностей ребенка, подавленіемъ дурныхъ, оставляли его предаваться чувственнымъ животнымъ стремленіямъ, потворствовали ему, хвалили за то, за что надобно было порицать, и въ тоже время, когда дѣло доходило до личныхъ интересовъ боярскихъ, молодаго князя оскорбляли въ самыхъ лучшихъ, самыхъ святыхъ его интересахъ, именно въ привязанности къ людямъ, оскорбляли вдвойнѣ, оскорбляли какъ Государя, потому что не слушали его приказаній, оскорбляли какъ человѣка, потому что не слушали его просьбъ, не обращали вниманія на его слезы: отъ этого сочетанія потворствъ, ласкательствъ и оскорбленій, которымъ безпрерывно подвергался Иванъ, въ немъ развились два чувства: презрѣніе къ рабамъ ласкателямъ и ненависть ко врагамъ, ненависть къ строптивымъ вельможамъ, беззаконно похитившимъ его права, и ненависть личная за личныя оскорбленія. Такимъ образомъ, упо-

треблю слова Курбскаго: въ предобрую душу Ивана были всѣяны злые нравы, но не дьяволомъ и не женами злыми и чародѣйками: самъ Курбскій говоритъ, кѣмъ и какъ были всѣяны злые нравы: „Питаша его велицые гордые паны, по ихъ языку болрове, его на свою и дѣтей своихъ бѣду, ретящеся другъ предъ другомъ, ласкающе и угождающе ему во всякомъ наслажденіи и сладострастіи. Егда же началъ приходити въ возрастъ, аки лѣтъ въ дванадесять, началъ первѣе безсловесныхъ крови проливати, съ стремнинъ высокихъ мечюще ихъ, такожъ и иныя многія неподобныя дѣла творити, являющи хотящее быти немилосердое произволеніе въ себѣ. Егда же уже приходяще къ пятомунадесять лѣту, и вяще, тогда началъ человѣковъ уроняти. И собравши четы юныхъ около себя дѣтей и сродныхъ оныхъ предреченныхъ сигклитовъ, по стогнамъ и по торжищамъ началъ на конехъ съ ними ѣздити и всенародныхъ человѣковъ, мужей и женъ, бити и грабити, скачуще и бѣгающе всюду неблагочиннѣ. И воистинну, дѣла разбойническія самыя творяше, и иныя злыя исполняше, ихъ же не токмо глаголати излишно, но и срамно; ласкателемъ же все таковое на свою бѣду восхваляющимъ: о храбръ, глаголюще, будетъ сей царь и мужественъ! Егда же пріиде къ седьмомунадесять лѣту, тогда тѣжъ прегордые сигклитове начаша подущати его и мстити имъ свои недружбы, единъ противъ другаго [1]." Такъ этимъ

[1] Курб. стр. 6 и 7.

ужаснымъ потворствомъ раздражительная, воспріимчивая природа Ивана была пріучена къ чувственнымъ наслажденіямъ; эта привычка въ лѣтахъ зрѣлыхъ повела къ разврату, и къ той страшной внутренней борьбѣ, которая происходила въ душѣ царя, вполнѣ сознававшаго паденіе свое въ нравственномъ отношеніи. Въ адвокатскихъ письмахъ своихъ къ Курбскому онъ еще старается оправдать это паденіе; но предъ лицемъ религіи, которой требованія онъ зналъ лучше другихъ, онъ не смѣлъ оправдываться, и въ отчаяніи обнаруживалъ страшныя язвы души своей. Человѣкъ привыкъ видѣть въ тѣлѣ своемъ и его страстяхъ начало внѣшнее и враждебное: отсюда стремленіе подавлять тѣлесныя страсти тѣлесными же, внѣшними подвигами благочестія, отсюда пристрастіе Грознаго къ этимъ подвигамъ; но тѣло очищается чистотою душевною, и тѣлесныя страсти умолкаютъ тогда, когда душа исполнена высокихъ помысловъ, а душа Грознаго постоянно волновалась гнѣвомъ, подозрѣніемъ, презрѣніемъ: при такомъ состояніи души успѣшная борьба его съ испорченною въ дѣтствѣ тѣлесною природою была не возможна. Къ безстыднымъ ласкателямъ, жившимъ на счетъ его слабостей, къ этимъ Вяземскимъ и Грязнымъ Царь не могъ не питать презрѣнія; но въ тоже самое время онъ не могъ равнодушно сносить не только гласнаго укора, но даже грустнаго молчанія людей, оскорбленныхъ его поведеніемъ, потому что въ этомъ онъ видѣлъ посягновеніе на свои права, которыя отстаивалъ отъ притязаній старины; онъ не могъ отдѣлить укора на

безнравственность человѣка отъ возстанія на власть царя, потому что бояринъ, укорявшій его, не былъ чистъ отъ старинныхъ притязаній, и укоръ, слѣдствіе благороднаго негодованія, доброжелательства къ царю, казался послѣднему дерзостію дружинника, который думалъ, что царь не могъ ничего дѣлать безъ его совѣта; бояринъ выразилъ свое неудовольствіе, а единственное право дружинниковъ, за которое они стояли такъ упорно, было—при первомъ неудовольствіи отъѣзжать: вотъ почему Грозный, какъ скоро встрѣчалъ недовольное лице боярина, уже видѣлъ въ немъ человѣка, замыслившаго отъѣздъ, и спѣшилъ предупредить измѣнника.

Я привелъ слова Курбскаго для показанія поблажекъ, ласкательствъ, которыми развращали Ивана въ молодости; теперь, съ другой стороны, выслушаемъ самого Ивана для показанія тѣхъ оскорбленій, которыя ожесточили его въ дѣтствѣ. Въ отвѣтномъ письмѣ своемъ къ Курбскому, высчитавъ оскорбленія, нанесенныя ему партіями боярскими, убійство людей, ему близкихъ и пріятныхъ, сверженіе двухъ Митрополитовъ, Иванъ обращается къ тѣмъ оскорбленіямъ, которыя были для него всего чувствительнѣе, къ безчинству бояръ въ его присутствіи, забвенію его царственныхъ правъ, ненависти, выраженной къ его отцу и матери [1]: онъ помнилъ, какъ бояре, при пере-

---

[1] Курб. стр. 182.

носѣ вещей покойной Елены, не могли удержаться, чтобъ необнаружить своей ненависти самымъ мелочнымъ образомъ: они пихали ногами вещи покойной княгини. Но дадимъ говорить самому Ивану: „Насъ же съ единороднымъ братомъ, святопочившимъ Георгіемъ, питати начаша яко иностранныхъ, или яко убожайшую чадь. Яковожъ пострадахъ во одѣяніи и во алканіи! во всемъ бо семъ воли нѣсть; но вся не по своей волѣ и не по времени юности. Едино воспомяну: намъ бо въ юности дѣтства играюще, а князь Иванъ Васильевичъ Шуйскій сѣдитъ на лавкѣ, локтемъ опершися отца нашего о постелю, ногу положивъ; къ намъ же не приклонялся не токмо яко родительски, но еже властелински, яко рабское жъ, иже начало обрѣтеся: и таковая гордыня кто можетъ понести! Какожъ исчести таковыя бѣдне страданіа многая, яже въ юности пострадахъ! многажды поздо ядохъ не по своей волѣ. Что же убо о казнѣ родительскаго ми достоянія? Вся восхитиша лукавымъ умышленіемъ, будто дѣтемъ боярскимъ жалованье, а все себѣ у нихъ поймаша во мздоиманіе; а ихъ не подѣлу жалуючи, верстая не по достоинству; [1] а казну дѣда и отца нашего безчисленную себѣ поймаша; и тако въ той нашей казнѣ исковавши себѣ сосуды злати и сребряни и имена на нихъ родителей своихъ подписаша, будто ихъ роди-

---

[1] Мы видѣли, для чего Шуйскій жаловалъ и версталъ дѣтей боярскихъ.

тельское стяжаніе; а всѣмъ людемъ вѣдомо: при матери нашей и у князя Ивана Шуйскаго шуба была мухояръ зеленъ на куницахъ, да и тѣ ветхи; и коли бы то ихъ была старина, и чѣмъ было сосуды ковати, ино лучше бы шуба перемѣнити, да во излишнемъ сосуды ковати. Чтожъ о казнѣ дядь нашихъ и глаголати? все себѣ восхитиша! По семъ на грады и села наскочиша, и тако горчайшимъ мученіемъ, многоразличныя бѣды, имѣнія ту живущихъ безъ милости пограбиша. Сосѣдствующимъ же отъ нихъ напасти, кто можетъ исчести? Подвластныхъ же всѣхъ аки рабы себѣ сотвориша, свояжъ рабы аки вельможа устроиша; правити же мнящесь и строити, и вмѣсто сего, неправды и нестроенія многая устроиша, мзду же безмѣрную отъ всякихъ избирающе, и вся по мздѣ творяще и глаголюще [1]."

Подобныя явленія повторились при вторичномъ торжествѣ Шуйскихъ, что вывело тринадцатилѣтняго Ивана изъ терпѣнія и заставило его дѣйствовать наступательно; какой же будетъ образъ его дѣйствія? такой, какому научили его воспитатели: насилія, казни. Въ 1544 году, въ Сентябрѣ, Шуйскіе съ своими сторонниками, ненавидя Ѳ. С. Воронцова за то, какъ говоритъ лѣтописецъ, что его В. Государь жаловалъ и берегъ, [2] вздумали отдѣлаться отъ него явнымъ

[1] Курб. стр. 183 и 184.
[2] Царств. кн. стр. 112.

насиліемъ; во дворцѣ, въ столовой комнатѣ, въ присутствіи В. Князя и Митрополита, они схватили его, били по щекамъ, изорвали платье и хотѣли убить; едва Митрополитъ, посланный Государемъ, вмѣстѣ съ другими боярами, успѣли уговорить ихъ оставить жизнь Воронцову; Государь упрашивалъ Шуйскихъ, что если уже они не хотятъ видѣть Воронцова въ Москвѣ, то послали бы его на службу въ Коломну; но Шуйскіе не тронулись просьбами В. Князя, и отослали Воронцова въ Кострому. Это насиліе было послѣднимъ. Въ Декабрѣ того же года В. Князь велѣлъ схватить Андрея Шуйскаго и предать его смерти, сторонниковъ его разослать „и отъ тѣхъ мѣстъ начали бояре отъ Государя страхъ имѣти и послушаніе," говоритъ лѣтопись [1]. Но это было только начало борьбы: боярамъ трудно было отстать отъ старыхъ привычекъ, В. Князь также хорошо помнилъ ихъ прежнее поведеніе. Въ слѣдующій годъ былъ посаженъ подъ стражу кн. Ив. Кубенскій, сторонникъ Шуйскихъ, участникъ въ насиліи Воронцову; какому-то Бутурлину отрѣзали языкъ за невѣжливыя слова; [2] Кубенскій былъ прощенъ, потомъ подвергся опять опалѣ вмѣстѣ съ другими, и опять прощенъ, по ходатайству Митрополита [3]. Этѣхъ частыхъ опалъ и частыхъ прощеній не дол-

---

[1] Царств. кн. стр. 114.
[2] Тамъ же, стр. 119.
[3] Тамъ же.

жно упускать изъ виду: онѣ ясно показываютъ борьбу молодаго Государя съ притязаніями окружавшихъ его, которыя безпрестанно обнаруживались. Вмѣстѣ съ Кубенскимъ подвергся опалѣ и старинный любимецъ Государя, Воронцовъ, котораго прежде онъ такъ отстаивалъ отъ Шуйскихъ, и котораго, послѣ паденія Шуйскихъ, опять приблизилъ къ себѣ; но Воронцовъ тотчасъ обнаружилъ свои стремленія: ему хотѣлось занять мѣсто Шуйскихъ, овладѣть волею молодаго Ивана; лѣтописецъ кратко и наивно описываетъ поведеніе Воронцова: „и кого Государь пожалуетъ безъ Ѳедорова вѣдома, и Ѳедору досадно [1].“ Этѣ досады честолюбиваго боярина вывели изъ терпѣнія Ивана: онъ положилъ опалу на Воронцова вмѣстѣ съ Кубенскимъ, и вмѣстѣ съ Кубенскимъ простилъ; но милость была непродолжительна. Въ 1546 году В. Князь выѣхалъ на охоту около Коломны: вдругъ окружили его человѣкъ 50 Новгородскихъ пищальниковъ съ какими-то просьбами; это было вовсе не время для челобитья, при томъ Иванъ не могъ жаловать Новгородцевъ, хорошо помня, что они всѣ городомъ помогли Шуйскимъ противъ Бѣльскаго: онъ велѣлъ отослать челобитчиковъ; Новгородцы вспомнили старинное вѣче, и вмѣсто того, чтобъ послушаться приказа Государева, начали бить колпаками и бросать грязью въ его посланцевъ. Иванъ отправилъ отрядъ своихъ дворянъ

---

[1] Тамъ же, стр. 124.

для отсылки дерзкихъ: Новгородцы не уступили и тѣмъ; когда раздраженные дворяне хотѣли употребить силу, пищальники вооружились и начали стрѣлять въ дворянъ, загорѣлась битва, и съ обѣихъ сторонъ было убито человѣкъ по шести; Государь не могъ проѣхать прямо къ своему стану и принужденъ былъ пробраться окольными дорогами. Легко представить, какое впечатлѣніе должна была произвести такая дерзость на ревниваго къ своимъ правамъ Ивана; онъ не зналъ характера Новгородцевъ, не зналъ ихъ старыхъ привычекъ, и думалъ, что бояре подучили ихъ къ сопротивленію. Ожесточенный послѣдними, и потерявъ къ нимъ всякое довѣріе, Иванъ съ ранней молодости началъ дарить своею довѣренностію людей новыхъ, безъ родовыхъ преданій и притязаній, дьяковъ; въ это время въ особенной милости былъ у него дьякъ Василій Захаровъ: ему Государь поручилъ розыскать о причинахъ поступка Новгородцевъ. Дьякъ донесъ, что Новгородцевъ подучили бояре, кн. Кубенскій и Өедоръ Воронцовъ съ братомъ Васильемъ. Тогда Иванъ велѣлъ предать означенныхъ бояръ смертной казни [1]. Лѣтописцы говорятъ [2], что дьякъ оклеветалъ бояръ: это очень вѣроятно, ибо въ интересахъ дьяковъ, людей новыхъ, было поддерживать нелюбье государя къ старинныимъ родамъ.

---

[1] Цар. кн. стр. 124; Курб. (стр. 8) говоритъ еще о другихъ казняхъ.

[2] Львов. IV, 181; Никон. VIII, 49.

Въ 1547 году Иванъ торжественно вѣнчался на царство: В. Князь Московскій, Государь всея Руси, принялъ титулъ царя, которымъ прежде на Руси величали только двоихъ Императоровъ — Византійскаго и Римско-Германскаго, да Хановъ Монгольскихъ. Мы замѣтили уже прежде, что слово Царь значило у насъ гораздо выше, чѣмъ князь, и было синонимомъ самодержца: этимъ названіемъ Московскій Государь окончательно выпутывался изъ родовыхъ отношеній, ибо титулъ В. Князя все еще напоминалъ только старшаго въ родѣ князей. Скоро послѣ вѣнчанія на царство Иванъ женился на дочери покойнаго Окольничаго Романа Юрьевича Захарьина; Царю было тогда 17 лѣтъ. Самыми приближенными къ нему особами были дяди его Глинскіе, и потомъ новые родственники по женѣ, Романовы: имъ только могъ довѣрять вполнѣ Царь по единству интересовъ; вотъ почему обѣ этѣ фамиліи возбудили противъ себя ненависть остальныхъ бояръ. Къ несчастію старые и новые родственники, Глинскіе и Романовы, соперничали между собою, а съ другой стороны Глинскіе успѣли раздражить и народъ, потворствуя насиліямъ слугъ своихъ [1]. Въ слѣдствіе этого, въ 1548 году бояре, ненавидѣвшіе Глинскихъ, и немогшіе теперь свергнуть ихъ ни насиліемъ, ибо не имѣли болѣе силы, ни посредствомъ Царя, ибо тотъ не довѣрялъ имъ, воспользовались страшнымъ пожаромъ для воз-

---

[1] Царств. кн. стр. 142.

мущенія народа противъ Глинскихъ. Юрій Глинскій былъ умерщвленъ разъяренною чернію, которая бросилась было и въ село Воробьево, гдѣ жилъ тогда Царь, съ требованіемъ выдачи другихъ Глинскихъ; но была разогнана строгими мѣрами, принятыми Грознымъ [1].

До сихъ поръ Иванъ былъ занятъ только отношеніями къ боярамъ; но теперь бояре вздумали осоюзиться съ народомъ, употребить народъ для достиженія своихъ цѣлей: Царь увидалъ опасность и хотѣлъ прервать этотъ союзъ. Послѣ похода на Казань, продолжать который помѣшала ему оттепель, Иванъ, въ 1549 году, велѣлъ „собрати свое государство изъ городовъ всякаго чину [2].“ Въ Воскресенье Царь вышелъ съ крестнымъ ходомъ на Лобное мѣсто, и послѣ молебна началъ говорить Митрополиту слѣдующее: „Умоляю тебя, святый Владыко, будь моимъ помощникомъ и поборникомъ любви; потому что я знаю всю твою ревность къ благу общему. Тебѣ извѣстно, что я остался отъ отца четырехъ лѣтъ, а отъ матери осьми; родственники мною пренебрегали, бояре и вельможи не радѣли обо мнѣ и самовластвовали, восхитивъ сами себѣ саны и почести моимъ именемъ, и некому было возбранить имъ въ томъ. Лихоимцы, хищники и судьи непра-

---

[1] Тамъ же, стр. 143.

[2] С. г. г. и д. т. II, N 37.

ведные! Какой отвѣтъ дадите намъ теперь за столько слезъ, отъ васъ пролитыхъ, *но я чистъ отъ всѣхъ ихъ беззаконій*, которыя пусть падутъ на одних ихъ главы." Потомъ Иванъ поклонился на всѣ стороны и продолжалъ: „Люди Божіи, дарованные намъ Богомъ! Умоляю васъ во имя вѣры вашей въ Бога, во имя любви вашей къ намъ: теперь мнѣ не льзя вознаградить васъ за всѣ ваши обиды, раззоренія, налоги, претерпѣнные вами во время моей безпомощной молодости отъ бояръ моихъ; умоляю васъ, оставьте другъ другу прежнія вражды, забудьте прежнія оскорбленія, кромѣ развѣ такихъ, которыхъ снести не возможно, а впередъ я вамъ самъ буду судія и оборона, самъ буду раззорять неправды и возвращать похищенное."

Давно уже молодой Государь приблизилъ къ себѣ бѣднаго дворянина, Алексѣя Адашева, и сдѣлалъ своимъ ложничимъ: знакъ полной довѣренности отъ подозрительнаго Государя въ то ужасное время крамолъ [1]. Этого-то бѣднаго дворянина молодой Царь поставилъ послѣ себя стражемъ правосудія; до насъ дошли высокія слова, сказанныя Иваномъ Адашеву:

---

[1] Курб. стр. 187: Царь пишетъ: „До того же времени бывшу сему собакѣ Алексѣю, вашему начальнику въ нашего царствія дворѣ, въ юности нашей, не вѣмъ, какимъ обычаемъ изъ батожниковъ водворившуся, намъ же такіе измѣны отъ вельможъ своихъ видѣвше, и тако взявъ сего отъ гноища и учинилъ съ вельможами, чающе отъ него прямыя службы.

„Алексѣе! взялъ я тебя отъ нищихъ и отъ самыхъ молодыхъ людей. Слышахъ о твоихъ добрыхъ дѣлахъ, і нынѣ взыскахъ тебе выше мѣры твоея, ради помощи души моей; хотя и твоего желанія на сіе нетъ, но обаче азъ возжелалъ, не токмо тебѣ, но иныхъ такихъ, хтобъ печаль мою утолилъ и на люди моя, Богомъ врученныя намъ, призрѣлъ. Вручаю тебѣ челобитные прінимати у бѣдныхъ и обидимыхъ, и назирати ихъ с разсмотреніемъ. Да не убоишися сильныхъ и славныхъ, восхитившихъ чести на ся, і своимъ насиліемъ бѣдныхъ и немощныхъ погубляющихъ, ни бѣднаго слезамъ ложнымъ и клеветающихъ напрасно на богатыхъ, хотящихъ ложными слезами неправедно оболгати і правымъ быти; но вся испытно разсмотряти и к намъ истинну приносити, боялся суда Божія, і избрати судей правдивыхъ отъ боляръ и отъ вельможъ [1]."

Не одного Адашева взыскалъ царь ради помощи душѣ своей; сильную помощь этой растерзанной, озлобленной душѣ оказалъ въ началѣ Сильвестръ, священникъ Благовѣщенскаго дворцоваго Собора, родомъ Новгородецъ. По своему званію Священника дворцовой церкви, Сильвестръ безпрестанно былъ на глазахъ у Ивана, а замѣчательная личность этого человѣка, рѣзко выдававшаяся изъ толпы людей, занятыхъ одними мелкими интересами и крамолами, не могла не обратить на него вниманіе Государя. Что

---

[1] С. г. г. и д. т. II, N 37.

вліяніе Сильвестра началось давно, доказательствомъ служитъ извѣстіе, что по мысли его было освобождено изъ темницы семейство князя Андрея Старицкаго, [1] а это освобожденіе имѣло мѣсто еще въ 1541 году [2]. Чѣмъ болѣе выросталъ Иванъ и приходилъ въ сознаніе своего положенія, тѣмъ болѣе прилѣплялся къ Сильвестру и усиливалось вліяніе послѣдняго на дѣла. Странно было бы представлять себѣ Сильвестра какимъ то загадочнымъ сверхъестественнымъ существомъ, явившимся въ первый разъ предъ царя во время большаго Московскаго пожара, и такъ напугавшимъ воображеніе Ивана, что тотъ совершенно подчинился его вліянію. Не надобно также упускать изъ виду разстояній времени, протекшаго отъ одного событія до другаго; такъ напр. если мы помѣстимъ тотчасъ за пожаромъ и появленіемъ Сильвестра созваніе выборныхъ и рѣчь царя на лобномъ мѣстѣ (тогда какъ пожаръ былъ въ 1547 году, а созваніе выборныхъ имѣло мѣсто въ 1549), то этимъ сокращеніемъ времени скроемъ естественное, постепенное развитіе умственныхъ и нравственныхъ силъ царя: чего онъ не могъ сознать вполнѣ и совершить въ 17 лѣтъ, то онъ сознаетъ и совершаетъ въ 19: это ясно! Но при этомъ ясно также, что поступки Ивана были слѣдствіемъ его естественнаго, самостоятельнаго развитія, а не совершались подъ исключи-

---

[1] Царств. кн. стр. 343.

[2] Львов. IV, 138.

тельно чуждымъ вліяніемъ. Сильвестръ и Адашевъ были давно въ глазахъ царя, но не имѣли большаго вліянія на дѣла, потому что самъ Царь еще не имѣлъ его; съ возрастаніемъ же Ивана возрастало вліяніе этихъ двухъ людей, которыхъ онъ взыскалъ на помощь душѣ своей, по его собственному выраженію. Нравственное вліяніе обоихъ, и Сильвестра и Адашева, на царя, нравственная помощь отъ нихъ душѣ его безспорна; сильная религіозность Ивана давала особенно Сильвестру большую власть надъ нимъ по самому сану его: въ дѣлахъ, касающихся религіи и нравственности Иванъ слушался Сильвестра, какъ добрый христіанинъ слушается духовнаго отца, [1] достойнаго служителя олтаря [2]. Привыкнувъ совѣтоваться и слушаться Сильвестра въ дѣлахъ религіозныхъ и нравственныхъ, питая къ нему довѣренность неограниченную, царь не могъ не совѣтоваться съ нимъ и въ дѣлахъ политическихъ: но здѣсь-то и начало борьбы между царемъ и Сильвестромъ. Сильвестръ, относительно ясности политическаго взгляда, былъ несравненно ниже Ивана; но, привыкши требовать исполненія своихъ религіозныхъ и нравственныхъ совѣтовъ отъ него, какъ отъ частнаго человѣка, Сильвестръ требовалъ исполненія и своихъ по-

---

[1] Я здѣсь употребляю это слово не въ собственномъ смыслѣ, потому что Сильвестръ никогда не былъ духовникомъ царскимъ.

[2] Курб. стр. 187 и слѣд.

литическихъ совѣтовъ, тогда какъ царь не могъ своихъ свѣтлыхъ государственныхъ мыслей принести въ жертву уваженію своему къ Сильвестру: отсюда тягость, которую началъ чувствовать Государь отъ несправедливыхъ притязаній Сильвестра, на пр. Иванъ первый зачалъ въ себѣ великую мысль, что Россія можетъ утвердить свое могущество и небояться Востока только тогда, когда усвоитъ себѣ плоды европейской цивилизаціи, для чего необходимо непосредственное сношеніе съ Европою, которому неодолимую преграду поставлялъ Ливонскій орденъ, не пускавшій въ Россію ученыхъ и художниковъ изъ справедливаго опасенія ея могущества; отсюда твердое намѣреніе царя покорить Ливонію. Противъ этого намѣренія возстала вся дума и особенно Сильвестръ: они совѣтовали царю завоевать Крымъ, что необходимо должно было повлечь къ борьбѣ съ Турціею, которой трепетала еще вся Европа, и противъ которой у тогдашняго Московскаго государства, разумѣется, не было никакихъ средствъ къ сопротивленію; Иванъ понималъ всю безразсудность этого совѣта и отвергъ его, преслѣдуя войну Ливонскую [1].

---

[1] Курб. стр. 64. Курбскій говоритъ: „Нашому тогда цареви совѣтници нѣкоторые, мужіе храбрые и мужественные, совѣтовали и стужали, да подвигнется самъ, съ своею главою, съ великими войски на Перекопскаго...... но нашъ царь о семъ тогда мало радяше.... Мы же паки о семъ, и паки царю стужали и совѣтовали: или бы самъ потщился итти, или бы войско великое послалъ въ то время на Орду; онъ же нѐ послушалъ.

Какъ же поступилъ Сильвестръ въ этомъ случаѣ? Онъ не постыдился говорить царю, что болѣзнь его, его жены и дѣтей есть Божіе наказаніе за то, что онъ не слушается его совѣтовъ [1]. Такъ употреблялъ во зло Сильвестръ довѣренность Ивана! Мало того: онъ употребилъ во зло глубокое религіозное чувство царя, позволивъ себѣ обмануть его какими то ложными видѣніями [2]. Кто изучалъ сколько нибудь душу человѣческую, тотъ знаетъ, что всѣ возможныя оскорбленія прощаются гораздо легче, чѣмъ обманъ, потому что при послѣднемъ оскорбитель расчитываетъ на слабоуміе оскорбляемаго, а такой расчетъ простить трудно! вотъ почему и частные люди, и цари, и цѣлые народы такъ жестоко, кроваво мстятъ за обманъ. Наконецъ неблагоразуміе Сильвестра и его стороны на-

---

[1] Тамъ же, стр. 191: Царь пишетъ: „Та же убо начепшася война, еже на Германы, попу же убо Селивестру и съ вами своими совѣтники, о томъ на насъ лютѣ належаще, и еже убо, согрѣшеній нашихъ ради, приключающихся болѣзней на насъ и на царицѣ нашей и на чадѣхъ нашихъ, и сія убо вся вмѣняху, аки ради же нашего къ нимъ непослушанія сія бываху!" стр. 200: Брань, еже на Германы: тогда посылали есмя слугу своего и воеводу кн. М. В. Глинскаго съ товарищи, Германъ воевати, и отъ того времени отъ попа Селивестра и отъ Алексѣя и отъ васъ какова отягченія словесная пострадахъ, ихъ же нѣсть подробну глаголати! Еже какова скорбнаго ни сотворится намъ, то вся сія Германъ ради случися!

[2] Тамъ же, 229.

несло самый тяжкій ударъ сердцу царя. Въ 1553 году Иванъ опасно занемогъ: ему предложили сдѣлать духовную и взять клятву въ вѣрности сыну своему, младенцу Димитрію, съ кн. Владиміра Андреевича Старицкаго и бояръ [1]. Но тутъ-то обнаружились съ одной стороны притязанія родичей, князей удѣльныхъ, съ другой притязанія бояръ; двоюродный братъ царскій, Владиміръ Андреевичь не замедлилъ выставить свои права на престолъ по смерти Ивана, мимо племянника Димитрія, вопреки новому обычаю престолонаслѣдія, за который такъ стояли всѣ Московскіе князья. Что удѣльный князь выставилъ устарѣлое право, тутъ нѣтъ еще ничего удивительнаго: есть преданія, есть понятія, отъ которыхъ не льзя освободиться, которые родятся съ нами и умираютъ съ нами вмѣстѣ: такъ удѣльныя преданія вымерли только съ послѣднимъ удѣльнымъ княземъ; но удивительно то, что Сильвестръ сталъ на сторонѣ старыхъ притязаній, на сторонѣ удѣльнаго князя, руководствуясь мелкимъ духомъ партій. Сильвестръ, пользуясь неограниченною довѣренностію царя въ выборѣ людей, необходимо, еслибъ даже и не хотѣлъ того, долженъ былъ составить при дворѣ и во всѣхъ частяхъ управленія многочисленную и сильную партію людей, которые будучи обязаны ему своимъ возвышеніемъ, своими должностями, раздѣляли съ нимъ одни стремленія; такъ изъ до-

---

[1] Обо всемъ о томъ см. Царств. кн. со стр. 338.

шедшихъ до насъ актовъ извѣстно, что царь, избирая какого-нибудь сановника, посылалъ Сильвестра поговорить съ нимъ, извѣдать его умъ и нравы [1].

---

[1] Акты Арх. эксп. т. I, N 238, стр, 246: Государю преосвященному Макарію, Митрополиту всеа Русіи, и всему освященному собору, Благовѣщенской попъ Селиверстишко челомъ бьетъ . . . А про Артемья, бывшаго Троицкаго игумена, сказываетъ Иванъ (Висковатый), что мнѣ съ нимъ совѣтъ былъ: ино, государь, до Троицкаго игуменства никакожъ я его не зналъ, и какъ избирали къ Живоначальной Троицѣ игумена на Серапіоново мѣсто, и того Артемья привезли изъ пустыни, и Государь Артемью велѣлъ побыти въ Чудовѣ, а мнѣ велѣлъ къ нему приходити, и къ себѣ его велѣлъ призывати и смотрити въ немъ всякаго нрава и духовныя ползы." Царь пишетъ (Курб. стр. 187, 188): „Онъ же (Сильвестръ) восхитихся властію, яко Иліа жрецъ, нача совокуплятися въ дружбу подобно мірскимъ . . . . и васъ началъ причитати къ вотчинамъ ко градомъ и къ селамъ, еже дѣда нашего в. г. уложеніемъ, которыя вотчины у васъ взимали и которымъ вотчинамъ еже часть потреба отъ васъ даятися, и тѣ вотчины вѣтру подобно роздалъ неподобно, и то дѣда нашего уложеніе разрушилъ, и тѣхъ многихъ людей къ себѣ примирилъ . . . . ни единыя власти не оставиша, идѣже своя угодники не поставиша, и тако во всемъ свое хотеніе улучиша." Въ дѣлахъ военныхъ и гражданскихъ такое же вліяніе имѣлъ Алексѣй Адашевъ, пользуясь неограниченною довѣренностію Царя касательно выбора людей; такъ въ мѣстническихъ дѣлахъ читаемъ: „А Ѳедоръ Ласкиревъ на Государевы разряды сслалжеся, что онъ со княземъ Васильемъ съ Хилковымъ не былъ, а билъ челомъ на князя Ондрея на Хованскаго, и челобитье его записано, а въ Городничіе въ Казань послалъ былъ отца его по недружбѣ Олексѣй Одашевъ." Дѣла по мѣстничеству, собр. Ивановымъ, и напечат. въ Руск. Историч. Сбор. т. II, стр. 65, 66.

Ясно, что довѣренность Царя къ Сильвестру раздѣляли всѣ сторонники послѣдняго. Вліяніе этой партіи могло встрѣтить препятствіе только въ одномъ близкомъ къ царю семействѣ Романовыхъ: отсюда ненависть Сильвестровыхъ сторонниковъ къ царицѣ Анастасіи и ея родственникамъ, ненависть, которая, разумѣется, не могла не вызвать и со стороны Романовыхъ подобнаго же чувства. Сторонники Сильвестра сравнивали Анастасію съ Евдокіею, женою Византійскаго Императора Аркадія, гонительницею Златоуста, разумѣя подъ Златоустымъ Сильвестра [1]; Курбскій называетъ Романовыхъ клеветниками и нечестивыми губителями всего Русскаго царства [2]. И вотъ въ случаѣ смерти царя и во время малолѣтства сына его, Правительницею будетъ Анастасія, которая, разумѣется, дастъ большое вліяніе своимъ братьямъ, и сторонники Сильвестра объявляютъ рѣшительно, что они не хотятъ повиноваться Романовымъ, и потому признаютъ наслѣдникомъ престола Владиміра Андреевича. Князь Владиміръ Воротынскій и дьякъ Ив. Мих. Висковатый явились къ Старицкому князю и потребовали отъ него присяги Димитрію; Владиміръ Андреевичь „началъ кручиниться прытко," говоритъ лѣтопись; удѣльный князь вспомнилъ старину, вспомнилъ свое прежнее значеніе, и съ гнѣвомъ отвѣчалъ на настойчивыя требованія Воротынскаго:

---

[1] Курб. стр. 216.
[2] Тамъ же, стр. 38, 78.

„ты бы де со мною не бранился, ни мака (пакъ?) бы де ты мнѣ и не указывалъ; а противъ меня и не говорилъ." Воротынскій далъ ему замѣтить, что теперь уже не та пора, что они оба равны по государственнымъ отношеніямъ своимъ къ царю, оба его слуги: „я далъ душу Государю своему царю и сыну его: что мнѣ служити имъ во всемъ въ правду и съ тобою мнѣ, и служу имъ Государемъ своимъ, а тебѣ служити не хочу и за нихъ Государей своихъ съ тобою говорю; а будетъ гдѣ доведется по нихъ государей своихъ велѣнію, и дратьса съ тобою готовъ." Между боярами началась страшная брань, крикъ и шумъ. Больной царь все это слышалъ: онъ призвалъ ихъ къ себѣ и напомнилъ клятву служить ему и дѣтямъ его, при чемъ выразилъ идею государства, олицетвореннаго въ особѣ государя, идею, которой никто, кромѣ его, не понималъ: „кто не хочетъ служить государю младенцу, тотъ не захочетъ служить и взрослому." Надобно было пройти многимъ вѣкамъ постояннаго государственнаго развитія, чтобы потомокъ Варяга, вождя сбродной дружины, могъ произнести слова, что подданный долженъ служить не человѣку, который можетъ быть взрослый и младенецъ, но государству, олицетворенному въ государѣ. „И коли мы вамъ ненадобны, и то на вашихъ душахъ," заключилъ царь свое увѣщаніе. Противъ царскихъ рѣчей, рѣчей съ государственнымъ смысломъ, возвысилъ голосъ потомокъ Суздальскихъ, кн. Ив. Мих. Шуйскій; Шуйскому еще было извинительно говорить, Шуйскій говорилъ по священ-

нымъ преданіямъ предковъ: но послѣ него послышался голосъ человѣка, котораго сына царь самодержавною властію изъ ничтожества возвысилъ надъ князьями и боярами, голосъ Өедора Адашева, отца государева любимца: „Тебѣ Государю и сыну твоему крестъ цѣлуемъ, говорилъ старикъ Адашевъ, а Захарьинымъ намъ Даніилу съ братіею не служити; сынъ твой, Государь нашъ, еще въ пеленицахъ, а владѣти нами Захарьинымъ Даніилу съ братіею; а мы ужъ отъ бояръ до твоего возрасту бѣды вѣдали многіе.“—„И бысть мятежъ великъ, прибавляетъ лѣтопись, и шумъ, и рѣчи многіе во всѣхъ боярехъ, а не хотятъ пеленичному служити.“

Къ вечеру царь успѣлъ привести къ присягѣ нѣсколькихъ бояръ, но остальные пѣли свою старую пѣсню: „вѣть де нами владѣть Захарьинымъ, а чѣмъ нами владѣть Захарьинымъ, а намъ служити Государю младу, и мы учнемъ служити старому князю Владиміру:“ какъ въ этихъ словахъ еще отзываются старыя дружинныя понятія о службѣ взрослому вождю преимущественно предъ младенцемъ!

Государь велѣлъ написать цѣловальную запись, по которой приводить къ присягѣ кн. Владиміра Андреевича, и какъ скоро послѣдній пришелъ къ больному, тотъ потребовалъ у него присяги, но Старицкій князь явно отказался дать ее. Эта запись замѣчательна тѣмъ, что въ ней право отъѣзда совершенно уничтожено: „А князей ми служебныхъ съ вотчинами и бояръ вашихъ не пріимати, также ми и

всякихъ вашихъ служебныхъ людей, безъ вашего велѣнья, не пріимати къ себѣ никого [1]." Бояре, исполнившіе волю царя, присягнувшіе Димитрію, начали уговаривать сторонниковъ Сильвестра, чтобъ послѣдовали ихъ примѣру, но тѣ отвѣчали имъ жестокою бранью „говорячи имъ, что они хотятъ сами владѣти, а они имъ служити, и ихъ владѣнія не хотятъ." Между тѣмъ Владиміръ Андреевичь и мать его собирали къ себѣ своихъ боярскихъ дѣтей и давали имъ деньги, чтобъ послѣ смерти царя имѣть въ нихъ помощь для исполненія своихъ замысловъ. Вѣрные царю бояре, узнавъ объ этомъ, выговаривали Старицкому князю за неприличіе его поступковъ, и не стали пускать его къ больному Ивану: тогда Сильвестръ началъ противиться вѣрнымъ боярамъ и осмѣлился даже сказать имъ: „за чѣмъ вы не пускаете къ Государю князя Владиміра: онъ ему доброхотствуетъ." Бояре настаивали на своемъ, и оттолѣ, говоритъ лѣтопись, бысть вражда межи бояръ и Селивестромъ, и его совѣтники."

На другой день послѣ взятія присяги съ бояръ ближнихъ, Царь призвалъ опять всѣхъ остальныхъ бояръ и опять потребовалъ отъ нихъ присяги; обратившись къ боярамъ, поцѣловавшимъ крестъ, онъ говорилъ имъ: „пожалуйте, попамятуйте, на чемъ есте мнѣ и сыну моему крестъ цѣловали; не дайте бояромъ сына моего извести никоторыми обычаи,

[1] С. г. г. и д. I, N 167.

побѣжите съ нимъ въ чужую землю гдѣ Богъ наставитъ;“ потомъ сказалъ Романовымъ: „а вы Захарьины чего испужались; али чаете бояре васъ пощадятъ; вы отъ бояръ первые мертвецы будете, и вы бы за сына за моего да и за матерь его умерли; а жены моей на поруганіе бояромъ не дали.“ Изъ этихъ словъ видно, что Романовы испугались сильнаго сопротивленія враждебной стороны, и Царь напоминалъ имъ, что ихъ судьба тѣсно связана съ судьбою царицы и царевича, что если они поддадутся требованіямъ противной стороны и присягнутъ Владиміру, вмѣсто Димитрія, то и въ такомъ случаѣ пощажены не будутъ. Изъ словъ царя бояре ясно увидали, какъ онъ хорошо понималъ ихъ, какъ хорошо предвидѣлъ будущую участь своего семейства, которое будетъ *изведено*, какъ была изведена мать самого Ивана—Елена; лѣтопись говоритъ, что бояре испугались этихъ словъ царя, въ которыхъ былъ вызовъ на смертельный бой, по высказаніи которыхъ примиренія уже быть не могло, и бояре испугались: они пошли въ переднюю комнату цѣловать крестъ. Приводить къ присягѣ началъ кн. Воротынскій; когда кн. Турунтай Пронскій подошелъ ко кресту и увидѣлъ подлѣ него Воротынскаго, то не утерпѣлъ, чтобъ не начать боярской которы, онъ сказалъ Воротынскому: „твой отецъ да и ты по смерти В. К. Василья первый измѣнникъ, а теперь приводишь ко кресту!“ Воротынскій отвѣчалъ: „Я измѣнникъ, но привожу тебя ко кресту, что бы ты служилъ Государю и его сыну; ты прямой человѣкъ, а креста

не цѣлуешь, и служить имъ не хочешь!“ Пронскій не нашелъ, что возразить на это, и присягнулъ. Но одинъ изъ самыхъ близкихъ бояръ, и даже родственникъ царскій, кн. Д. Ѳ. Палецкій, котораго дочь была за роднымъ братомъ царя, Юріемъ Васильевичемъ, Палецкій, который одинъ изъ первыхъ присягнулъ Димитрію, послалъ торговаться съ Владиміромъ Андреевичемъ и его матерью: „если вы дадите зятю моему Юрію (неспособному царствовать) хорошій удѣлъ, то я готовъ служить вамъ.“ Вѣрные бояре насильно взяли клятву съ Владиміра Андреевича: они сказали ему, что не выпустятъ его изъ дворца до тѣхъ поръ, пока не присягнетъ; къ матери его царь посылалъ трижды съ требованіемъ, чтобъ привѣсила свою печать къ цѣловальной записи сына: „и много рѣчей бранныхъ говорила,“ прибавляетъ лѣтописецъ [1].

Но всѣ этѣ крамолы остались тщетными: царь выздоровѣлъ. Онъ всталъ съ постели здоровый тѣломъ, но жестоко больной душею, жестоко оскорбленный, какъ государь, сопротивленіемъ бояръ государственному уставу престолонаслѣдія, оскорбленный какъ отецъ, какъ мужъ, наконецъ какъ человѣкъ, обманувшійся въ чувствахъ людей, которыхъ считалъ къ себѣ близкими, къ которымъ питалъ полную довѣренность [2]. Оправившись отъ болѣзни,

---

[1] Карамз. VIII, примѣч. 380.

[2] Вотъ какъ послѣ самъ царь описывалъ это событіе (Курб. стр. 190): Таже, намъ прешедшимъ во царствующій

царь, по обѣщанію, отправился на богомолье въ Кирилловъ Бѣлозерскій монастырь; но при этомъ у него была еще другая цѣль. Еще начиная съ княженія Ивана III, монахи Іосифова Волоцкаго монастыря играютъ важную роль въ дѣлахъ Московскаго двора. Св. Іосифъ Волоцкій прославился своею борьбою съ Жидовскою Схаріевою ересью, начавшеюся при Иванѣ III въ Новгородѣ, перешедшею оттуда въ Москву и утвердившеюся при дворѣ: отсюда дѣло этой ереси совпадаетъ съ придворными перемѣнами, имѣвшими мѣсто въ княженіе Ивана III. В. Княгиня Елена, вдова Ивана Молодаго и мать Димитрія принадлежала къ Схаріевой ереси; [1] но за Елену сто-

---

градъ Москву, Божіе милосердіе къ намъ множащи и наслѣдника намъ тогда давши сына Димитрія,—малу же времени минувшу, еже убо владыкамъ быти случается, намъ немощію одержиму быти и зѣльнѣ изнемогшу; тогда убо еже отъ тебе нарицаемые доброхоты возшаташася, яко пьяніи, съ попомъ Селивестромъ и съ начальникомъ вашимъ Алексѣемъ, имѣвше насъ въ небытіи быти, забывши благодѣяній нашихъ и еже и своихъ душъ, еже отцу нашему цѣловали крестъ и намъ, еже кромѣ нашихъ дѣтей, иного государя себѣ не искати: они же хотѣша воцарити, еже отъ насъ разстоящася въ колѣнѣ князя Володиміра; младенца жъ нашего, еже отъ Бога даннаго намъ, хотѣша подобно Ироду погубити, воцаривъ князя Володиміра. По неже бо аще и во внѣшнихъ писаніяхъ древнихъ речено, но обаче прилично есть: „царь убо царю не кланяется; но единому умершему, другій обладаетъ.“ Се убо намъ живымъ сущимъ такова отъ своихъ подовластныхъ доброхотства насладихомся: что же убо по насъ будетъ!“

[1] Св. Іосифъ пишетъ: „И Кн. Вел. молвилъ: азъ де вѣдалъ ересь ихъ; да и сказалъ ми, которую дръжалъ Олексѣй

яли бояре, Курбскій называетъ её святою; пока Елена и ея партія были въ силѣ, до тѣхъ поръ была въ силѣ и ересь: еретикъ Зосима, Симоновскій архимандритъ, сталъ Митрополитомъ; увѣщаній Іосифа Волоцкаго не слушали, съ открытыми еретиками въ Новгородѣ обошлись милостиво. Паденіе Елены и ея партіи было знакомъ къ преслѣдованію еретиковъ и торжеству Іосифа, слѣд. послѣдній, борясь противъ ереси, долженъ былъ вмѣстѣ бороться противъ Елены и ея партіи, т. е. партіи боярской, и съ тѣмъ вмѣстѣ необходимо былъ на сторонѣ Софьи и ея сына Василія. Отсюда ненависть бояръ къ монахамъ Іосифова Волоцкаго монастыря, которые постоянно находятся на сторонѣ Василія въ борьбѣ его съ боярами; вотъ почему Курбскій называетъ этихъ монаховъ или Осифлянъ, по его выраженію, подобными въ злости В. Князю Василію, скорыми помощниками его и во всѣхъ злыхъ потаковниками и подражателями [1]. Игуменъ Іосифова монастыря, Даніилъ, былъ возведенъ при Василіи въ санъ Митрополита, другой монахъ того же монастыря, Вассіанъ Топорковъ, сдѣланъ Епископомъ Коломенскимъ: оба, вѣрные преданію своего монастыря, стояли на сторонѣ Василія въ борьбѣ его съ древними притязаніями, и оба потому были ненавидимы боярами. Курбскій

Протопопъ ересь, и которую держалъ Ѳедоръ Курицынъ; а Иванъ де Максимовъ и сноху у мене мою въ Жидовство свелъ.“

1 Курб. стр. 5.

называетъ Даніила прегордымъ и лютымъ [1]; Берсень говорилъ объ немъ: „Язъ того не вѣдаю, есть ли Митрополитъ на Москвѣ: учителна слова отъ него нѣтъ никотораго, а не печалуется ни о комъ; а прежніе святители сидѣли на своихъ мѣстахъ въ манатьяхъ и печаловались Государю о всехъ людехъ [2].“ Но этотъ упрекъ Берсеня Митрополиту Даніилу въ томъ, что онъ пренебрегалъ своею обязанностію печаловаться у Государя за опальныхъ бояръ, несправедливъ: до насъ дошло 6 записей боярскихъ, въ которыхъ Даніилъ является печальникомъ за провинившихся бояръ и своимъ ручательствомъ освобождаетъ ихъ отъ опалы [3]. Какъ бы то ни было, по смерти Василія и Елены бояре воспользовались своимъ торжествомъ, чтобъ свергнуть Даніила и Вассіана; но послѣдній пережилъ боярщину, и въ описываемое нами время находился въ Пѣсношскомъ монастырѣ: къ нему-то, къ этому ненавистнику бояръ, спѣшилъ Иванъ. Партія Сильвестра предвидѣла всю опасность для себя отъ этого свиданія и спѣшила воспрепятствовать ему. Въ Троицкомъ Сергіевѣ монастырѣ жилъ тогда знаменитый Максимъ Грекъ, врагъ Даніила и Вассіана, заточенный при Василіи за сопротивленіе разводу съ Соломоніею, освобожденный при Иванѣ стараніемъ Сильвестровой стороны, которая теперь употребляетъ его средствомъ для отклоненія царя отъ

---

[1] Тамъ же, стр. 40.
[2] Акты арх. эксп. I, N 172.
[3] С. г. г. и д. т. I, стр. 414, 420, 423, 425, 433, 448.

поѣздки, т. е. отъ свиданія съ Вассіаномъ. Когда царь, попути, заѣхалъ въ Троицкій монастырь и зашелъ къ Максиму, тотъ началъ уговаривать его отложить дальнѣйшую поѣздку; Максимъ говорилъ Ивану, что вмѣсто путешествія онъ долженъ озаботиться вдовами и сиротами воиновъ, падшихъ подъ Казанью; совѣтъ былъ прекрасенъ, но царь не могъ понять, почему исполненіе обѣта съѣздить въ Кирилловъ монастырь можетъ помѣшать ему озаботиться семействами убитыхъ подъ Казанью воиновъ, почему одно было несовмѣстно съ другимъ? „Если ты меня не послушаешь, грозилъ ему Максимъ, если позабудешь осиротѣлыя семейства и поѣдешь съ упрямствомъ, то сынъ твой не возвратится живой съ дороги.“ Такая настойчивость могла только возбудить или усилить уже возбужденныя подозрѣнія Ивана, и онъ отправился на свиданіе съ Вассіаномъ. Сторонники Сильвестра, сопровождавшіе царя, замѣтили, какъ Вассіанъ шепталъ что-то царю на ухо, знали, что совѣтъ его не можетъ быть для нихъ благопріятенъ, и съ ужасомъ видѣли, что царь изъявилъ за него Вассіану живѣйшую благодарность; [1] Курбскій пишетъ, будто Вассіанъ сказалъ царю: „Если хочешь быть Самодержцемъ, то не держи себѣ совѣтника мудрѣйшаго.“ Разумѣется, это одна только догадка бояръ, потому что если кто шепчетъ на ухо, то вѣрно не съ намѣреніемъ, чтобъ другіе это слы-

---

[1] Курб. стр. 42 и слѣд.

шали. Смерть царицы Анастасіи, послѣдовавшая въ 1560 году, повела къ окончательному разрыву между царемъ и Сильвестровою партіею. Самое естественное чувство послѣ потери любимаго человѣка — это усиленная привязанность къ тому, что любилъ покойный, и усиленная вражда къ тому, чего не любилъ; но Иванъ зналъ вражду, существовавшую между Анастасіею и Сильвестровою стороною; враги послѣдней не замедлили дать знать царю, что смерть Анастасіи была чрезвычайно выгодна для враговъ ея; Иванъ помнилъ, что мать его была отравлена, и не могъ не заразиться подозрѣніемъ, особенно въ то ужасное время; кто, подобно Курбскому, съ такою щедростію расточаетъ другимъ обвиненія въ отравѣ, тотъ не долженъ жаловаться, что его и друзей его подозрѣвали въ томъ же!

Предметъ и предѣлы нашего сочиненія не позволяютъ намъ войти въ подробности кровавой борьбы, которую велъ Иванъ Грозный съ древними притязаніями дружинниковъ и потомковъ князей-родичей. Ужасы этой борьбы преувеличены пристрастными писателями, но только преувеличены, а не вымышлены; казней, преслѣдованій въ Москвѣ, Новгородѣ, Твери, отрицать нельзя, самъ Иванъ объ нихъ свидѣтельствуетъ [1]. Историкъ не долженъ быть адвокатомъ того или другаго историческаго лица; его обязанность при описаніи подобной борьбы состоитъ

---

[1] Курб. стр. 217; см. также Синодикъ Грознаго.

въ томъ, чтобы, основываясь на актахъ несомнѣнныхъ, уяснить смыслъ борьбы, ея значеніе въ исторіи народа. Обратимся же къ этимъ несомнѣннымъ актамъ.

Въ 1547 году двое князей: Мих. Вас. Глинскій и Ив. Турунтай-Пронскій замыслили отъѣздъ, были схвачены, прощены и дали записи, не отъѣзжать ни къ Польскому королю, ни къ папѣ Римскому, ни къ Угорскому королю, ни къ Цѣсарю, ни къ Ѳренцовскому королю, ни въ Крымъ, ни въ Нагаи, ни въ Астрахань, ни въ Казань, ни къ братьямъ царскимъ; [1] 34 человѣка поручились за Пронскаго [2]. Въ 1554 году были пойманы на отъѣздѣ кн. Ростовскіе: [3] главнаго изъ нихъ зачинщика, Семена сослали на Бѣлоозеро. Годъ спустя по смерти Анастасіи взята запись съ кн. Вас. Мих. Глинскаго, ко-

---

[1] С. г. г. и д. I, N 165.

[2] Тамъ же, N 166.

[3] Курб. стр. 191: Царь пишетъ: „Таже по семъ собака и измѣнникъ старый, Ростовскій князь Семенъ, иже по нашей милости, а не по своему досужству, сподобенъ быти отъ насъ сигклитства, своимъ измѣннымъ обычаемъ Литовскимъ посломъ пану Станиславу, да Воину съ товарищи нашу душу изнесе, насъ укоряя и нашу царицу и нашихъ дѣтей; и мы то его злодѣйство сыскавши, и еще милостиво казнь свою надъ нимъ учинили." Тоже самое говоритъ и лѣтопись (Никон. VII, 211 и слѣд.)— Впрочемъ Семенъ не долго былъ въ заточеніи, какъ видно изъ словъ царя (тамъ же:) „И послѣ того попъ Селивестръ и съ вами злыми своими совѣтники, того собаку началъ въ великомъ береженіи держати и помогати ему всѣми благами, и не токмо ему, но и всему его роду."

торый также *проступилъ* [1]. Въ томъ же 1561 году царь счелъ нужнымъ взять клятвенное обѣщаніе съ 8 бояръ, въ случаѣ его смерти служить сыну его Ивану, мимо котораго инаго Государя не искать, и ни къ кому не отъѣзжать [2]. Въ 1562 году 29 человѣкъ поручились по кн. Ив. Дмитр. Бѣльскомъ, что ему не отъѣхать ни въ которые государства ни въ удѣлы, и за этихъ поручиковъ поручилось еще 120 человѣкъ; [3] и въ томъ же году, тотъ же Ив. Дмитр. Бѣльскій уже снова билъ челомъ за свою вину, что „преступилъ крестное цѣлованье, и забывъ жалованье Государя своего измѣнилъ, зъ Жигимонтомъ Августомъ королемъ ссылался, и грамоту отъ него себѣ опасную взялъ, и хотѣлъ бѣжати отъ Государя своего.“ Не смотря на это царь Иванъ Грозный „холопа своего пожаловалъ, вины ему отдалъ [4].“ Въ записи Бѣльскій обѣщается: „Служити мнѣ Государю своему, и по немъ сыну его большому, которой на государствѣ будетъ. А которые дѣти Государя моего на удѣлехъ будутъ, и мнѣ къ нимъ не отъехатижь; также ми и къ удѣльнымъ княземъ ни хъ кому не отъехати.“ Въ слѣдующемъ 1563 году Бѣльскій съ 6 другими боярами выручалъ другаго отъѣзжика, кн. Александра Ив. Воротынскаго, [5]

---

1 С. г. г. и д. I, N 172.
2 Тамъ же, N 174.
3 Тамъ же, N 175, 176.
4 Тамъ же, N 177.
5 Тамъ же, N 178, 179.

за поручниковъ поручились, по обыкновенію, еще 56 человѣкъ. Въ слѣдующемъ 1564 году вырученъ былъ Ив. Вас. Шереметевъ также двойнымъ ручательствомъ [1]. Въ 1565 году билъ челомъ бояринъ Яковлевъ за проступку, [2] и прощенъ за поручительствомъ. Въ томъ же году былъ выручѣнъ изъ подъ опалы Левъ Андр. Салтыковъ съ 2 сыновьями [3] и кн. Вас. Сем. Серебряный съ сыномъ [4]. Въ 1566 году билъ челомъ за проступку знаменитый воевода кн. Мих. Ив. Воротынскій, и выручѣнъ двойнымъ ручательствомъ [5]. Въ томъ же году выручѣнъ былъ кн. Ив. Петр. Охлябининъ, и обѣщался никуда не отъѣхать и въ чернецы не постригаться; [6] въ томъ же году былъ выручѣнъ бояринъ Очинъ-Плещеевъ [7]. Любопытнѣе предыдущихъ запись Ив. Ѳед. Мстиславскаго: въ 1571 году Крымскій ханъ Девлетъ-Гирей пошелъ къ Москвѣ; царскіе воеводы: Бѣльскій, Морозовъ, Мстиславскій, Шереметевъ, Воротынскій, Татевъ, Темкинъ, вмѣсто того чтобъ отразить Хана отъ столицы, расположились въ ея предмѣстіяхъ и позволили Татарамъ сжечь Москву. Дорогу Хану къ Москвѣ указали измѣнники—6 дѣтей бояр-

[1] Тамъ же, N 180, 181.
[2] Тамъ же, N 182.
[3] Тамъ же, N 185.
[4] Тамъ же, N 186.
[5] Тамъ же, N 189, 190, 191.
[6] Тамъ же, N 194.
[7] Тамъ же, N 195.

скихъ [1]. Царь, въ рѣчи своей посламъ Ханскимъ, говорилъ: „братъ нашъ (Девлетъ-Гирей) сослався съ нашими измѣнники съ бояры, да пошелъ на нашу землю; а бояре наши еще на поле прислали къ нему съ вѣстью встрѣчю, а люди наши съ нимъ не бились, и пришедъ Москву зжегъ [2]." Можно было бы подумать, что Иванъ напрасно обвинялъ воеводъ, хотя поведеніе ихъ въ самомъ дѣлѣ было очень подозрительно; но вотъ что говоритъ самъ кн. Мстиславскій въ записи, данной имъ послѣ этого случая: „Се язъ кн. Ив. Мстиславской, что есми Богу, и св. Божьимъ церквамъ и всему православному крестьянству вѣры своей не соблюлъ, а Государю своему Ц. и В. К. И. В. всеа Русіи и его дѣтемъ, и его землямъ, и всему православному крестьянству и всей Русской землѣ измѣнилъ, навелъ есми съ моими товарыщи безбожнаго Крымскаго Девлетъ-Кирѣя Царя [3]." По ходатайству Митрополита Кирилла и 24 другихъ духовныхъ особъ царь простилъ Мстиславскаго, взявши съ него означенную проклятую грамоту, за поручительствомъ троихъ бояръ, которые обязались въ случаѣ отъѣзда Мстиславскаго внести въ казну 20,000 рублей, за поручниковъ поручилось еще 285 человѣкъ [4]. Черезъ 10 лѣтъ послѣ этого

---

[1] Карамз. IX, примѣч, 352.
[2] Тамъ же, примѣч. 404.
[3] С. г. г. и д. I, N 195.
[4] С. г. г. и д. I, N 198. 199.

тотъ же Мстиславскій опять билъ челомъ съ двумя сыновьями, что они предъ Государемъ „во многихъ винахъ преступили [1].“ Всѣхъ дошедшихъ до насъ записей, данныхъ боярами при Грозномъ 23!

Но всего любопытнѣе для насъ переписка отъѣхавшаго боярина, кн. Андрея Курбскаго съ царемъ. Въ письмахъ своихъ къ Ивану, равно какъ въ исторіи его царствованія Курбскій вполнѣ обнаруживаетъ старинныя притязанія дружинниковъ, и преимущественно потомковъ князей-родичей; съ своей стороны, въ отвѣтныхъ письмахъ царь высказываетъ свои понятія о царской власти, свою теорію объ ней. Въ этой драгоцѣнной перепискѣ передъ нами говорятъ старая и новая Русь, Русь съ родовымъ бытомъ и Русь съ бытомъ государственнымъ говорятъ въ лицѣ своихъ представителей — Курбскаго, отъѣзжаго боярина, потомка Ярославскихъ князей и Ивана, В. К. Московскаго, перваго царя. Такимъ образомъ вмѣсто сухой, мертвой лѣтописи, гдѣ лѣтописецъ очень часто опускаетъ самое важное для насъ, въ сочиненіяхъ Курбскаго и особенно въ его перепискѣ съ царемъ мы имѣемъ живую, страстную рѣчь двоихъ борцовъ, двоихъ представителей противоположныхъ стремленій; вмѣсто лѣтописца, который такъ часто скрадываетъ причины явленій, Курбскій и царь высказываютъ намъ свои задушевныя мысли,

---

[1] Тамъ же, N 201.

свои чувства, руководившія ихъ поступками, раскрываютъ тайныя пружины борьбы. Разумѣется безпристрастія въ исторіи Курбскаго и въ перепискѣ его съ царемъ искать нельзя: оба — и царь. и Курбскій суть не иное что, какъ адвокаты своего дѣла; рѣчь ихъ страстна, они щедры на сильные эпитеты, щедры на неумѣренную брань чужимъ, на неумѣренную похвалу своимъ. Мы упоминали уже о старинныхъ притязаніяхъ дружинниковъ, вынесенныхъ ими изъ древней Руси, о притязаніяхъ на *обычай совѣта и право отъѣзда.* Адвокатъ этихъ дружинныхъ притязаній, Курбскій ясно высказываетъ ихъ въ своихъ сочиненіяхъ [1]: разсказавъ о свиданіи царя съ Вассіаномъ Топорковымъ, и о совѣтѣ, который послѣдній будто бы далъ Ивану не слушаться бояръ, Курбскій обращается къ Вассіану съ слѣдующею апострофою: „О гласъ воистину діаволій! всякія злости и презорства и забвенія преполонъ! Ты забылъ, Епископъ, что написано во 2-й книгѣ Царствъ: когда Давидъ совѣтовался съ своими вельможами, желая исчислить народъ Израильскій, и всѣ вельможи совѣтовали не считать, но Царь не слушалъ совѣтниковъ своихъ; ты забылъ, какую бѣду навелъ Богъ за непослушаніе Синклитскому совѣту? чуть весь Израиль не погибъ! Ты забылъ, что принесли безумному Ровоаму гордость и совѣтъ юныхъ, и презрѣніе совѣта старшихъ?“ Приведши многія другія мѣста Св. Писанія

---

[1] Курб. стр. 44.

подтверждающія его мысль, Курбскій выражаетъ сё такъ: „Царь же аще и почтенъ царствомъ, а дарованій которыхъ отъ Бога не получилъ, долженъ искати добраго и полезнаго совѣта не токмо у совѣтниковъ, но и у всенародныхъ человѣкъ: понеже даръ духа дается не по богатству внѣшнему и по силѣ царства, но по правости душевной; убо не зритъ Богъ на могутство и гордость, но на правость сердечную, и даетъ дары, сирѣчь елико кто вмѣститъ добрымъ произволеніемъ.“ Потомъ Курбскій хвалитъ Ивана III, который совершилъ такіе великіе подвиги только потому, что слушался совѣтниковъ своихъ; мы видѣли въ другомъ мѣстѣ, что Курбскій называетъ Ивана III злымъ тираномъ, истребителемъ родичей и дружины: но ни Курбскій, ни Иванъ IV не обращали вниманія на такія противорѣчія, очень естественныя въ людяхъ, пишущихъ подъ вліяніемъ страсти, и стремящихся во что бы то ни стало защитить свою основную мысль. Что Курбскій былъ потомкомъ князей — родичей, и не забывалъ этого, видно также изъ его сочиненій. Говоря о вельможахъ, падшихъ жертвами Ивана Грознаго, отца его и дѣда, Курбскій не преминетъ прибавить ихъ родословную, не преминетъ сказать, что то были благородные княжата, потомки такихъ то и такихъ то князей; въ одномъ изъ писемъ своихъ къ Царю Курбскій говоритъ: „И уже не разумѣю, чего уже у насъ хощеши? Уже не токмо единоплемянныхъ княжатъ, влекомыхъ отъ роду великаго Владиміра, различными смертьми поморилъ еси, и движимыя стя-

жанія и недвижимыя, чего еще быль дѣдъ твой и отецъ не разграбилъ; но и послѣднихъ срачицъ, могу рещи со дерзновеніемъ, по Евангельскому словеси, твоему *прегордому и царскому* величеству не возбранихомъ [1]." Изъ этихъ словъ видно, что борьба Грознаго съ боярами своими была продолженіемъ борьбы предковъ его съ князьями — родичами; изъ этихъ же словъ видно, что потомкамъ князей—родичей не нравился новый титулъ царя, принятый Иваномъ, потому что этотъ титулъ, какъ уже сказано выше, выпутывалъ его окончательно изъ родовыхъ отношеній, и потому Курбскій сопоставляетъ свои слова такъ: „твоему прегордому и царскому величеству." Но самымъ лучшимъ доказательствомъ той ненависти, которую потомки князей—родичей питали къ Московскимъ В. Князьямъ, служатъ слѣдующія слова Курбскаго [2]: оправдываясь въ обвиненіи, взводимомъ на него царемъ, будто онъ участвовалъ въ отравленіи царицы Анастасіи и въ умыслѣ возвести на престолъ Владиміра Андреевича, Курбскій пишетъ: „Аще и зѣло много грѣшенъ есмь и недостоинъ, но обаче рожденъ быхъ отъ благородныхъ родителей, отъ племени жъ в. князя Смоленскаго Ѳеодора Ростиславича, яко и твоя царская высота добрѣ вѣси отъ лѣтописцевъ Русскихъ, иже тое племицы княжата не обыкли тѣла своего ясти

---

[1] Курб. стр. 220.
[2] Тамъ же, стр. 233.

и крове братіи своей пити, яко есть *нѣкоторымъ* издавна обычай, яко первѣе дерзнулъ Юрій Московскій въ ордѣ на святаго в. князя Михайла Тверскаго, а потомъ и прочіе, сущіе во свѣжей еще памяти и предъ очима, что Углицкимъ учинено и Ярославичемъ и прочимъ единыя крови, и како ихъ всеродиѣ заглажено и потреблено.... еже ко слышанію тяжко, ужасно! отъ сосцевъ матернихъ оторвавши, во премрачныхъ темницахъ затворенно и многими лѣты поморенно, и внуку оному блаженному и *присно Боговѣнчанному!* А тая твоя царица, мнѣ, убогому, ближняя сродница. А о Владимерѣ братѣ воспоминаешь, аки бы есть мы его хотѣли на царство: воистину, о семъ не мыслихъ: понеже и недостоинъ былъ того. А тогды жъ есмь угадалъ грядущее мнѣніе твое на мя, когда еще сестру мою насиліемъ отъ меня взялъ еси за того-то брата твоего, наипаче же могу воистинѣ рещи со дерзновеніемъ, *въ тотъ вашъ издавна кровопиственный родъ.*"

Мы видѣли, какъ Московскіе В. Князья, начиная съ Ивана III, старались уничтожить вредный обычай отъѣзда клятвенными записями, чтобъ въ случаѣ нарушенія послѣднихъ имѣть право смотрѣть на отъѣзжиковъ какъ на измѣнниковъ; такъ смотрѣлъ Иванъ Грозный, такъ любилъ называть бояръ своихъ, которые всѣ больше или меньше не были чисты отъ притязаній на право отъѣзда, единственное право, завѣщанное имъ стариною. Теперь посмотримъ, какое мнѣніе имѣли дружинники объ этихъ прокля-

тыхъ грамотахъ, которыми они принуждались отрекаться отъ ихъ драгоцѣннаго права. Вотъ что отвѣчаетъ отъѣзжій бояринъ, князь Курбскій царю: „А еже пишеши, имянующи насъ измѣнники для того, иже есмя принуждены были отъ тебя по неволѣ крестъ цѣловати, *яко тамо есть у васъ обычай*, аще бы кто не присягнулъ, горчайшею смертію да умретъ; на сіе тебѣ отвѣтъ мой: всѣ премудрые о семъ згажаются, аще кто по неволѣ присягаетъ или клянется, не тому бываетъ грѣхъ, кто цѣлуетъ, но паче тому, кто принуждаетъ, аще бы и гоненія не было; ащели же кто, прелютаго ради гоненія, не бѣгаетъ, аки бы самъ себѣ убойца, противящеся Господню словеси: аще, рече, гонятъ васъ во градѣ, бѣгайте въ другій; аки тому и образъ Господь Богъ нашъ показалъ вѣрнымъ своимъ, бѣгающе не токмо отъ смерти, но и отъ зависти богоборныхъ Жидовъ [1]." Прежде мы упоминали также о томъ, что царь Иванъ, съ малолѣтства озлобленный на бояръ дарилъ своею довѣренностію дьяковъ, какъ людей новыхъ, безъ старинныхъ притязаній; при немъ дьяки завѣдывали не только письменною и правительственною частію, но являются даже воеводами, каковы на пр. были дьяки—Выродковъ [2] и Ржевскій; вотъ что говоритъ о дьякахъ Курбскій: „Писари же

---

[1] Курб. 231.

[2] Царств. кн. 290; Никон. VII, 167; Дополн. къ Акт. Историч. т. I, N 91.

наши Русскіе, имъ же Кн. Великій зѣло вѣритъ, а избираетъ ихъ не отъ шляхетского роду, ни отъ благородна, но паче отъ поповичевъ, или отъ простаго всенародства, а то ненавидячи творитъ вельможъ своихъ [1]." Но касательно проклятыхъ грамотъ и дьяковъ, кромѣ Курбскаго, мы имѣемъ еще свидѣтельство другаго отъѣзжика: это письмо Стрѣлецкаго Головы, [2] Тимоѳея Тетерина къ Дерптскому намѣстнику Мих. Яковл. Морозову. Тетеринъ, постриженный царемъ въ монахи, свергнулъ съ себя иноческій образъ и отъѣхалъ; на укорительное письмо воеводы Морозова онъ отвѣчалъ слѣдующее: [3] „Называешь, господине, насъ измѣнники неподѣльно, и мыбъ, господине и сами такъ, подобяся собакѣ, умѣли противъ лаяти, да не хотимъ того безумія сотворити, а были бы мы, господине, измѣнники тогды, коли бы мы, малыя скорби не претерпѣвъ, побѣжали отъ государева жалованья: а то, господине, и такъ виновати, что не исполнили долго Христова слова и апостольскаго, и не бѣжали отъ гонителя, а побѣжали уже во многихъ нестерпимыхъ мукахъ и отъ поруганія ангельскаго образа. И ты, господине, бойся Бога, паче го-

---

[1] Курб. стр. 49.

[2] Вотъ доказательство, что стариными притязаніями были заражены не одни члены старшей дружины, или бояре: Стрѣлецкій Голова также отъѣхалъ и также толкуетъ о правѣ отъѣзда. О Тетеринѣ, какъ Стрѣлецкомъ Головѣ, см. дополнен. къ Акт. Историч. т. I, N 68.

[3] Курб. стр. 374.

вителя, и не зови православныхъ христіанъ, безъ правды мучимыхъ и прогнанныхъ измѣнники. А твое, господине, честное Юрьевское намѣстничество не лучше моего Тимохина чернечества; былъ еси намѣстникъ пять лѣтъ на Смоленскѣ, а нынѣ тебя государь даровалъ намѣстничествомъ Юрьевскимъ съ пригороды—что Турскій Мутьянскаго (Волошскаго) воеводствомъ; жену у тебя взялъ въ закладъ, [1] а доходу тебѣ не сказалъ ни пула; велѣлъ тебѣ двѣ тысячи проѣсти занявши, а Полукашину заплатити нечѣмъ; а невѣжливо, господине, молвити: чаю недобрѣ тебѣ и вѣрять! Есть у Великаго Князя [2] новые вѣрники дьяки, которые его половиною кормять, а большую себе емлють, [3] которыхъ отцы вашимъ отцамъ въ холопство не пригожались, а нынѣ не

---

[1] т. е. дабы мужъ не отъѣхалъ.

[2] Отъѣзжикамъ не хочется называть Ивана царемъ.

[3] Эти слова Тетерина подтверждаются грамотами царя къ Новгородскимъ дьякамъ, въ которыхъ онъ выговариваетъ имъ за неисправную присылку доходовъ: дополн къ Акт. Историч. т. I, N 94: „И вы тое нашіе Ноугородцкіе казны, браньа нынѣшнего 64 году, къ намъ на Москву ко крещенью Христову не присылывали, да и послѣ крещенья Февраля по первое число не присылывали же: и вы то чините негораздо.“ Тамъ же, N 101: „Писали есмя напередъ въ своихъ грамотахъ, не единова, къ дьяку Θедору Сыркову да къ тебѣ, къ Казарину Дубровскому, чтобъ есте прислали къ намъ на Москву таможные Новоруские и Порховскіе тамги денги, прошлого лѣта 7062 году, и вы и посямѣста тѣхъ нашихъ таможныхъ недоборныхъ денегъ къ намъ на Москву не присылывали: и вы то чините не гораздо.“

токмо землею владѣютъ, но и головами вашими торгуютъ. И Богъ за грѣхи у васъ, государь, умъ отнялъ, что вы надъ женами и надъ дѣтками своими и надъ вотчинами головы кладете, а ихъ губите, а тѣмъ имъ не пособите. Смѣемъ, государь, вопросити: каково тѣмъ женамъ и дѣткамъ, у которыхъ мужей или у дѣтей отцовъ различными смертьми побили безъ правды?"

Теперь обратимся къ отвѣтамъ Ивана Грознаго. Прежде всего мы должны замѣтить, что положеніе царя въ отношеніи къ Курбскому было чрезвычайно выгодно: Курбскій, въ свое оправданіе, не могъ сказать даже того, что сказалъ Тетеринъ, Курбскій не претерпѣлъ никакого гоненія отъ царя; онъ покинулъ знамена отечества потому только, что сторона, которой онъ былъ членомъ, партія Сильвестра потеряла свое значеніе при дворѣ, подверглась опалѣ, Курбскій бѣжалъ потому, что друзья увѣдомили его объ одномъ гнѣвномъ словѣ, сказанномъ противъ него Иваномъ;[1] но одного отъѣзда мало: Курбскій становится предводителемъ Польскихъ войскъ, пустошитъ Русскія области; сынъ православной церкви разрушаетъ храмы православные.

Въ началѣ отвѣта Иванъ говоритъ о своемъ правѣ на престолъ, правѣ древнемъ, неизмѣнномъ,

---

[1] Курб. стр. 158, 160, 161.

неутраченномъ: „самодержавства нашего починъ отъ св. Владиміра, родихомся во царствіи, а не чюжое восхитихомъ [1]." Это свое право противополагаетъ онъ устарѣлому, утраченному праву Курбскаго на княжество Ярославское. Что Курбскій имѣлъ дѣйствительно притязанія, по крайней мѣрѣ, на титулъ князя Ярославскаго, доказываетъ его переписка со многими лицами въ Польшѣ, гдѣ онъ величаетъ себя княземъ Андреемъ Ярославскимъ. Такъ какъ основныя положенія Курбскаго суть слѣдующія: Царь долженъ слушаться совѣта бояръ, бояре имѣютъ право отъѣзда; то основныя положенія Царя, на оборотъ, суть слѣдующія: Царь не долженъ находиться ни подъ чьимъ вліяніемъ; бояринъ, имѣющій притязаніе на право совѣта, есть измѣнникъ: „Се ли совѣсть прокаженная, яко свое царство во своей руцѣ держати, а работнымъ своимъ владѣти не давати? и се ли сопротивенъ разуму, еже не хотѣти быти работными своими владѣнну? и се ли православіе пресвѣтлое, еже рабы обладаему и повелѣнну быти? Русское самодержавство изначала сами владѣютъ всѣми царствы, а не бояре и вельможи [2]." Послѣдними словами царь намекаетъ на образъ правленія въ Польшѣ, куда отъѣхалъ Курбскій. Какъ защитникъ новаго порядка вещей, какъ потомокъ государей Московскихъ, Иванъ, въ отвѣтъ потомку Ярославскихъ

---

[1] Курб. стр. 157.

[2] Тамъ же, стр. 161:

князей, высказываетъ цѣль своего правленія и превосходство новаго порядка вещей, превосходство единовластія; приводя слова Апостола Павла, царь сравниваетъ старую и новую Русь съ ветхимъ и новымъ завѣтомъ: „И аще убо, якоже вмѣсто креста, обрѣзаніе тогда потребно быша; тако и вамъ вмѣсто царскаго владѣнія потребно самовольство. Тщужеся со усердіемъ люди на истину и на свѣтъ наставити, да познаютъ единаго истиннаго Бога, въ Троицѣ славимаго, и отъ Бога даннаго имъ Государя; а отъ междоусобныхъ браней и строптиваго житія да престанутъ, ими же царствія растлѣваются. Аще убо Царю не повинуются подовластные, никогда же отъ междоусобныхъ браней престанутъ. Или се сладко и свѣтъ, яко благихъ престати и злое творити междоусобными браньми и самовольствомъ [1]?“ Въ этихъ словахъ самое высокое понятіе о царской власти: истина и свѣтъ для народа—да познаетъ Бога и отъ Бога даннаго ему Государя. Но кромѣ государственнаго смысла эти слова имѣютъ еще смыслъ историческій: не ужели новый порядокъ вещей, при которомъ Русь приводилась въ сознаніе своего единства въ единомъ царѣ, при которомъ явился наконецъ нарядъ и смолкли усобицы, неужели этотъ новый порядокъ вещей хуже прежняго времени, времени кровавыхъ междоусобій и нестроеній: „или се сладко и свѣтъ, яко благихъ престати и злая тво-

---

[1] Тамъ же, 194, 195.

рити междоусобными браньми и самовольствомъ!" При такомъ сознаніи своего царскаго достоинства Иванъ хорошо понималъ, что отвѣтъ его на письмо Курбскаго есть недостойная царя слабость; но, какъ уже выше сказано, Иванъ былъ человѣкъ чувства, и потому невыдержалъ; раскаяніе въ этой слабости видно изъ нѣкоторыхъ словъ царя, напр.: „О провиненіи же и прогнѣваніи подовластныхъ нашихъ передъ нами: доселѣ Руские владѣтели неизтязуемы были ни отъ кого же, но повольны были подовластныхъ своихъ жаловати и казнити, и не судилися съ ними ни передъ кѣмъ; и аще же и не подобаетъ рещи о винахъ ихъ, но выше речено есть [1]." На обвиненія въ жестокости царь отвѣчаетъ: „Жаловати есмя своихъ холопей вольны, а и казнити вольныжъ есмя;" на обвиненіе въ облыганіи своихъ подданныхъ измѣною, Иванъ отвѣчаетъ: „И аще азъ облыгаю: о иномъ же истина о комъ явится? Чесо ради намъ сихъ облыгати? власти ли своихъ работныхъ желая, или рубища ихъ худа; или коли бы ихъ насыщатися [2]?" Но выставляя права своей власти, вооружаясь противъ старинныхъ притязаній, Иванъ долженъ былъ вооружиться еще противъ другихъ притязаній: Курбскій принадлежалъ къ той партіи, которой главою былъ священникъ Сильвестръ; мы упоминали уже, какъ неограниченная довѣренность

---

[1] Курб. 195.

[2] Тамъ же, 179, 180.

и уваженіе царя къ Сильвестру подали послѣднему поводъ вмѣшиваться въ политическія дѣла, идти въ нихъ наперекоръ Ивану, котораго превосходства умственнаго Сильвестръ, къ несчастію для себя и для своихъ, не созналь. Вотъ почему, когда притязанія Сильвестра повели къ борьбѣ, когда неблагоразумное поведеніе его во время болѣзни царской поселило въ душѣ Ивана вмѣсто любви и довѣренности ненависть и недовѣрчивость, то съ тѣмъ вмѣстѣ уваженіе уступило мѣсто презрѣнію, и царь въ письмахъ къ Курбскому называетъ Сильвестра невѣждою: „Или мниши сіе быти свѣтлость благочестивая, еже обладатися царству отъ попа невѣжи? Нигдѣже бо обрящеши, иже не разоритися царству, еже отъ поповъ владому. Ты же убо по что ревнуеши? иже во Грецѣхъ царствіе погубившихъ и Туркомъ повинувшихся? Сію убо погибель и намъ совѣтуеши [1]?“ Мы видѣли, что Курбскій, защищая дружинный обычай совѣта, мастерски выбралъ примѣры изъ св. писанія; царь отстаивая свои права отъ притязаній сторонниковъ Сильвестра, не менѣе удачно пользуется библейскими примѣрами; онъ пишетъ Курбскому: „воспомяни же, егда Богъ, изводяще Израиля изъ работы, егда убо постави священника владѣти людьми, или многихъ рядниковъ? Но единаго Моисея, яко царя, постави владѣтеля надъ ними; священствовати же ему не повелѣ, но Аарону брату его повелѣ

---

[1] Курб. стр. 171.

священствовати, людскаго же строенія ничего не творити; егда же Ааронъ сотвори людскіе строи, тогда и отъ Бога люди отведе. Смотри же сего, яко не подобаетъ священникомъ царская творити. Тако же Даѳанъ и Авиронъ хотѣша восхитити себѣ власть, и сами погибоша; и какову Израилю погибель наведоша? *еже самъ бояромъ прилично!* Послѣ того же, бысть судія Израилю Исусъ Навинъ, священникъ же Елеазаръ; оттолѣ, даже и до Иліи жерца, обладаху судіи: Іюда и Варакъ, и Іеѳѳае, и Гедеонъ и иніи многіи, и каковы совѣты и побѣды на противные поставляху и Израиль спасаху! Егда же Илія жрецъ взя на ся священство и царство, аще самъ праведенъ бяше и благъ, но понеже обоюду припадши богатству и славѣ, како сыновѣ его Офни и Финеесъ заблудиша отъ истины, и какъ самъ и сынове его злою смертію погибоша и весь Израиль побѣжденъ бысть до дни Давыда Царя. Видиши ли, яко священство и рядничество не прилично царскимъ владѣти [1]." Я сказалъ прежде, что Иванъ, начитавшись библіи и Римской исторіи, хотѣлъ быть такимъ же царемъ на Руси, какимъ были Давидъ и Соломонъ въ Іерусалимѣ, Августъ, Константинъ и Ѳеодосій въ Римѣ. При такихъ стремленіяхъ ему, разумѣется, былъ чрезвычайно оскорбителенъ грубый тонъ боярина князя Курбскаго, помнившаго свое происхожденіе отъ одного родоначальника съ царемъ;

---

[1] Курб. 172, 173.

вотъ почему Иванъ въ неумѣренно гнѣвныхъ выраженіяхъ напоминаетъ Курбскому о должномъ уваженіи къ особѣ царя примѣромъ изъ Византійской исторіи: „И можетъ ли сіе невѣжда разумѣти, якожъ ты, собака, и того не разсудишь, како тріе патріарси собрашася со множествомъ святителей къ нечестивому Ѳеофилу царю, и многосложный свитокъ написаша, таковая жъ хуленія, яко же ты, не написаша, аще и нечестивъ бяше царь Ѳеофилъ [1].“ Я упомянулъ также, что въ перепискѣ своей и Курбскій и царь иногда проговариваются, высказываютъ свои задушевныя мысли и чувства; такъ въ письмахъ Курбскаго высказался вполнѣ потомокъ лишенныхъ владѣнія князей; Иванъ не разъ обнаруживаетъ главную причину ненависти своей къ боярамъ, именно не признаніе царемъ сына его Димитрія. Оправдываясь въ казни бояръ, царь говоритъ, что они превзошли всѣхъ измѣнниковъ древней исторіи, говоритъ, что св. Константинъ казнилъ роднаго сына, св. Ѳеодоръ Ростиславичь, предокъ Курбскаго пролилъ въ Смоленскѣ множество крови въ самую Пасху, что Давидъ казнилъ своихъ измѣнниковъ, и слѣд. Московскіе бояре должны быть также казнимы, потому что они: „Богомъ имъ даннаго и рождшагося у нихъ на царствѣ, царю преступивъ крестную клятву, отвергоша, и елико возмогоша злая сотвориша, всячески, словомъ и дѣломъ и тайными умышленіями; и чесому убо они сихъ не-

---

[1] Курб. стр. 210.

подобнѣе злѣйшимъ казнемъ [1]?" Въ другомъ мѣстѣ царь говоритъ: „Како же убо доброхотныхъ сихъ измѣнниковъ наречеши? Яко же убо во Израили, еже со Авимелехомъ отъ жены Гедеоновы, сирѣчь наложницы, лжею согласившеся и лесть сокрывше, воединъ день избиша семдесятъ сыновъ Гедеоновыхъ, еже убо отъ законныхъ женъ ему быша, и воцариша Авимелеха: тако же убо и вы собацкимъ своимъ, измѣннымъ обычаемъ хотѣсте во царствіи царей достойныхъ истребити, и аще не отъ наложницы и отъ царствія разстоящася колѣна хотѣсте воцарити. И се ли убо доброхотны есте и душу за мя полагаете, еже подобно Ироду ссущаго млека младенца, смертію пагубною хотѣсте свѣта сего лишити, чюжаго же царствія воцарствити? Сели убо за мя душу полагаете и доброхотствуете [2]?" Въ другомъ мѣстѣ, описавъ явленія, имѣвшія мѣсто во время его болѣзни, Иванъ заключаетъ: „Се убо намъ живымъ сущимъ такова отъ своихъ подовластныхъ доброхотства насладихомся: что же убо по насъ будетъ [3]?" Если Курбскій, бояринъ и потомокъ Ярославскихъ князей, ведетъ начало зла отъ Ивана III, если онъ называетъ кровопійственнымъ весь родъ Московскихъ князей, то Грозный, съ своей стороны, знаетъ также старину, знаетъ, откуда, когда и какъ началась борьба, которую ему суждено было довести до та-

---

[1] Курб. стр. 168.
[2] Тамъ же, 177, 178.
[3] Тамъ же, 190.

кой ужасной крайности; если Курбскій называетъ Ивана „лютостію, рожденною въ законопреступленіи и сладострастіи [1],“ то Грозный, съ своей стороны, считаетъ себя въ правѣ называть Курбскаго рожденіемъ исчадія ехиднаго, измѣнникомъ природнымъ. „Извыкосте, говоритъ царь, отъ прародителей своихъ измѣну чинити, яко же дѣдъ твой князь Михайло Карамышъ со княземъ Андреемъ Углицкимъ на дѣда нашего, великого государя Ивана умышлялъ измѣнные обычаи; такоже и отецъ твой князь Михайло съ в. к. Дмитріемъ внукомъ на отца нашего, блаженныя памяти великаго государя Василія, многи пагубныя смерти умышляли, такоже и мати твоя дѣдъ Василій и Иванъ Тучко, многая пакосная и укоризненная словеса дѣду нашему в. государю Ивану износили; такоже и дѣдъ твой Михайло Тучковъ, на преставленіе матери нашей, великія царицы Елены, дьяку нашему Елизару Цыплятеву многая надмѣнная словеса изрече, и понеже еси рожденіе исчадія ехиднаго, посему тако и ядъ отрыгаеши [2].“ Мы видѣли, что Курбскій и подобные ему отъѣзжики считали проклятыя грамоты недѣйствительными, какъ вынужденныя; царь же, съ своей стороны, утверждаетъ, что отъѣзжики нарушеніемъ записей губятъ не только свои, но и прародителей своихъ души: „Како же неусрамишися раба своего Васьки Шибанова, пи-

---

[1] Курб. стр. 6.
[2] Тамъ же, стр. 178.

шетъ Иванъ къ Курбскому: ѐже бо онъ благочестіе свое соблюде, и предъ царемъ и предо всѣмъ народомъ, при смертныхъ вратѣхъ стоя, и ради крестнаго цѣлованія тебе не отвержеся, и похваляя и всячески за тя умрети тщашеся. Ты же убо сего благочестія не поревновалъ еси: единаго ради моего слова гнѣвна, не токмо свою едину душу, но и всѣхъ прародителей души погубилъ еси: понеже Божіимъ изволеніемъ, дѣду нашему, великому государю, Богъ ихъ поручилъ въ работу, и они, давъ свои души, и до смерти своей служили, и вамъ, своимъ дѣтемъ, приказали служити и дѣда нашего дѣтемъ и внучатомъ [1]."

Въ заключеніи я долженъ обратить вниманіе на тѣ мѣста въ письмахъ царя, гдѣ онъ, по видимому, самъ признается, что при Сильвестрѣ онъ не имѣлъ никакой власти, что все дѣлалъ Сильвестръ съ своими сторонниками, и слѣд. можно заключить, что первая блестящая половина его царствованія принадлежитъ не ему, а Сильвестру. Но я уже замѣтилъ разъ, что оба — и Курбскій и царь пишутъ подъ вліяніемъ страсти, въ слѣдствіе чего впадаютъ въ противорѣчія; если основная мысль Курбскаго состоитъ въ томъ, что царь долженъ слушаться совѣтниковъ, то основная мысль Ивана, что подданные должны повиноваться царю, а не стремиться

---

[1] Курб. стр. 161.

къ подчиненію Царской воли волѣ собственной; такое стремленіе есть величайшее изъ преступленій, и всею тяжестію его Иванъ хочетъ обременить Сильвестра и его сторонниковъ, вотъ почему онъ приписываетъ имъ самое преступное злоупотребленіе его довѣренности, самовольство, самоуправство, говоритъ, что вмѣсто его они владѣли царствомъ; тогда какъ онъ самъ облекъ ихъ неограниченною своею довѣренностію; вотъ эти знаменитыя мѣста: „И паче вы растлѣнны, что не токмо повинны хотѣсте мнѣ быти и послушны, но и мною владѣсте, и всю власть съ меня снясте, и сами государилися, какъ хотѣли, а съ меня все государство сняли: словомъ азъ быхъ государь, а дѣломъ ни чего не владѣлъ [1]." Впрочемъ этѣ строки не должно отдѣлять отъ предыдущихъ, изъ которыхъ оказывается, что самовластіе, въ которомъ обвиняетъ царь Сильвестрову партію, являлось только какъ стремленіе, вызывавшее противоположное стремленіе со стороны царя: „вы ль растлѣнны, или азъ? что азъ хотѣлъ вами владѣти, а вы не хотѣли подъ моею властію быти, и азъ за то на васъ опалялся [2]?" Въ другомъ мѣстѣ царь, щеголявшій остроуміемъ, ловкостію въ словопрѣніи, низлагаетъ Курбскаго слѣдующею увер̀ткою, не думая, что послѣ можно будетъ употребить его адвокатскую тонкость противъ него же самого: „А еже убо речеши, яко ратныхъ ради отлученій, мало зрѣхъ рождьшія тя, и жены своея, отлученія ради, не познахъ, и отечество остав-

[1] Курб. 214, 215.
[2] Тамъ же, 189, 190.

ляхъ, но всегда въ дальнихъ и окольныхъ градѣхъ нашихъ противъ враговъ нашихъ ополчахся, претерпѣвалъ еси естественныя болѣзни и ранами учащенъ еси отъ варварскихъ рукъ, въ различныхъ браньхъ, и сокрушенно уже ранами все тѣло имѣешь:—и сія тебѣ вся сотвориша тогда, егда вы съ попомъ и Алексѣемъ владѣсте. И аще не годно, почто тако творили есте? Ащежъ творили есте, то почто, сами своею властію сотворивъ, на насъ воскладаете [1]?" Наконецъ третье мѣсто, которое можно привести въ доказательство, что походъ на Казань предпринятъ не Иваномъ, что сторонники Сильвестра везли его туда насильно: „Таже, по Божію изволенію, со крестоносною хоругвію всего православнаго христіанскаго воинства, православнаго ради христіанства заступленія, *намъ двигшимся* на безбожный языкъ Казанскій, и тако неизреченнымъ Божіимъ милосердіемъ, иже надъ тѣмъ бесерменскимъ языкомъ побѣду даяше, со всѣмъ воинствомъ православнаго христіанства здраво во свояси возвратихомся: чтоже убо изреку отъ тебе нарицаемыхъ мучениковъ доброхотство къ себѣ? Тако убо: аки плѣнника всадивъ въ судно, везяху съ малѣйшими людьми сквозѣ безбожную и невѣрную землю: аще небы всемогущая десница Вышняго защитила мое смиреніе, то всячески живота гонзнулъ бы [2]." Приводя это мѣсто, во 1) не

---

[1] Курб. стр. 224.
[2] Тамъ же.

должно упускать изъ виду начальныхъ словъ: „*намъ двигнимся*", что уже совершенно противорѣчитъ невольному везенію, какъ плѣнника; во 2) царь говоритъ, что это везеніе какъ плѣнника имѣло мѣсто уже на возвратномъ пути, по взятіи Казани, слѣд. не подъ Казань, а изъ Казани бояре везли царя, какъ плѣнника! Ясно, что Иванъ жалуется здѣсь на бояръ, которые не берегли его во время дороги чрезъ непріятельскую землю, что здѣсь слово: *плѣнникъ*, вовсе не означаетъ невольнаго похода, но относится къ выраженію: безбожная и невѣрная земля: „меня везли сквозь непріятельскую землю съ малымъ отрядомъ, какъ будто бы я былъ взятъ въ плѣнъ." Сюда же относятся и слова Курбскаго, который говоритъ, что когда царь, во время Казанской осады, видя бѣгство своихъ, потерялъ духъ, то въ эту рѣшительную минуту бояре велѣли поставить христіанскую хоругвь у городскихъ воротъ, „и самого царя, хотяща и не хотяща, за бразды коня взявъ, близь хоругви поставиша [1]." Но развѣ можно вѣрить Курбскому, котораго основная мысль состоитъ въ томъ, что все хорошее сдѣлано совѣтниками царя, а не имъ самимъ, развѣ можно вѣрить Курбскому, который не стыдится обвинять Ивана III въ смерти собственнаго его сына? Кто вѣритъ въ безпристрастіе показаній Курбскаго, тотъ не имѣетъ никакого права отвергать показаній царя, а царь

[1] Курб. стр. 32.

вотъ что говоритъ: „И егда начало воспріяхомъ, за Божіею помощіею, еже брани на варвары, егда первое посылахомъ на Казанскую землю воеводу своего, князя Сем. Ив. Микулинскаго съ товарищи, како вы глаголали? Се яко мы въ опалѣ своей ихъ послали, казнить ихъ хотя, а не своего для дѣла! Ино, се ли храбрость, еже служба ставити въ опалу? и тако ли покоряти прегордыя царства? Таже, сколько хожденія не бывало въ Казанскую землю, когда не съ понужденіемъ, съ хотѣніемъ ходисте? Но и всегда аки на бѣдное хожденіе ходисте! Егда же Богъ милосердіе свое яви намъ и тотъ родъ варварскій христіанству покори, и тогда како не хотѣсте съ нами воеватися на варвары, яко болѣе пятинадесять тысячъ, вашего ради нехотѣнія, съ нами тогда не быша! Како же и въ тамошнемъ пребываніи всегда развращенная совѣтоваете, и егда запасы истопиша, како три дни стоявъ, хотѣсте во своя возвратитися! И повсегда не хотѣсте во многопребываніи надобна времени ждати, ниже главъ своихъ щадяше, ниже бранныя побѣды смотряюще, точію: или побѣдивъ, наискорѣйше побѣжденнымъ бывшимъ, скорѣйше во своя возвратитися. Таже и войны многоподобныя, возвращенія ради скораго, остависте, еже послѣди отъ сего много пролитія крови христіанскія бысть [1]. Како, еже убо и въ самое взятіе города, аще бы не

---

[1] А Курбскій обвиняетъ въ томъ же самомъ царя, будто тотъ спѣшилъ возвращеніемъ.

удержахъ васъ, како напрасно хотѣсте погубити православное воинство, не въ подобно время брань начати [1]? Та же убо по взятіи града Божіимъ милосердіемъ, вы же убо, вмѣсто строенія на грабленіе те косте [2]!" Кому же вѣрить: царю или Курбскому? Ни тому, ни другому: оба не безпристрастны, оба преувеличиваютъ, оба противорѣчатъ самимъ себѣ. Надобно вѣрить однимъ несомнѣннымъ фактамъ, а эти факты показываютъ: во 1) что Иванъ былъ не трусъ (хотя личная храбрость въ государѣ не есть еще важное достоинство, часто даже недостатокъ), и что его вовсе ненужно было везти въ походъ какъ плѣнника, и удерживать отъ бѣгства хотяща и нехотяща. Этотъ же самый Иванъ взялъ Полоцкъ, когда уже при немъ не было людей, могущихъ везти его какъ плѣнника; правда, послѣ Иванъ не водилъ самъ полки въ походъ, и удалялся при первомъ извѣстіи о приближеніи непріятеля: но это было уже тогда, когда воеводы начали признаваться въ записяхъ, что они наводили враговъ на Русскую землю; во 2-хъ) что когда Сильвестръ владѣлъ полною довѣренностію царя, и тогда послѣдній не былъ слѣпымъ орудіемъ въ рукахъ Сильвестра и его сторонниковъ, но всегда сохранялъ полную свободу слѣдовать и не слѣдовать совѣтамъ этой стороны, и когда слѣдовалъ, то съ яснымъ

---

[1] См. объ этомъ Царств. кн. стр. 295.
[2] Курб. стр. 199, 214, 207.

сознаніемъ ихъ пользы, и слѣд. все добро, сдѣланное Сильвестромъ и его стороною принадлежитъ царю, который сознательно, съ полною свободою принималъ добрые совѣты и отвергалъ безразсудные. Я уже упоминалъ о войнѣ Ливонской, которую Иванъ предпринялъ противъ желанія Сильвестровой стороны, хотѣвшей покоренія Крыма; но вотъ еще другіе примѣры: послѣ взятія Казани, говоритъ Курбскій, [1] *всѣ мудрые и разумные*, т. е. Курбскій съ товарищи, совѣтовали царю остаться еще нѣсколько времени въ Казани, дабы совершенно окончить покореніе страны, но царь „совѣта мудрыхъ воеводъ своихъ не послушалъ; послушалъ же совѣта шурей своихъ (т. е. Романовыхъ)" Это ясно показываетъ, что Иванъ имѣлъ полную свободу поступать по совѣту тѣхъ или другихъ, не находясь подъ исключительнымъ вліяніемъ какой-нибудь стороны [2]. Потомъ, когда въ 1555 году царь выступилъ противъ Крымскаго Хана и пришла къ нему вѣсть, что одно Русское ополченіе уже разбито Ханомъ, то многіе совѣтовали ему возвратиться, но храбрые настаивали

---

[1] Стр. 38.

[2] Царств. кн. (стр. 337) вотъ что говоритъ о поведеніи мудрыхъ и разумныхъ по взятіи Казани: Бояромъ приказалъ Государь безъ себя о Казанскомъ дѣлѣ промышляти, да и о кормленіяхъ сидѣти: они же отъ великого тяжкого подвига и труда утомишася, и малого подвига и труда не стерпѣша доканчати, и вожелѣша богатествъ, и начаша о кормленіяхъ сѣдѣти; а Казанское строеніе поотложиша.

на томъ, чтобъ встрѣтить Татаръ, и царь склонился на совѣтъ послѣднихъ, [1] т. е на совѣтъ сторонниковъ Сильвестра, потому что когда Курбскій хвалитъ, то хвалитъ своихъ; при чемъ надобно замѣтить, что это событіе имѣло мѣсто уже послѣ болѣзни царя, когда онъ потерялъ расположеніе къ сторонѣ Сильвестра. Такимъ образомъ мы видимъ, что Иванъ, въ одномъ случаѣ дѣйствуетъ по совѣту однихъ, въ другомъ другихъ, въ нѣкоторыхъ же случаяхъ слѣдуетъ независимо своей мысли, выдерживая борьбу съ близорукими совѣтниками. По намъ не нужно много распространяться объ этомъ предметѣ: никакое подыскиваніе подъ слова Ивана, съ цѣлію отнять у него славу великаго государственнаго дѣятеля и приписать ее совѣтникамъ его, никакое подыскиваніе подобнаго рода не можетъ устоять противъ свидѣтельствъ современниковъ и людей, близкихъ къ нимъ, иностранцевъ и Русскихъ, которые всѣ единогласно величаютъ великій умъ царя, его неутомимую дѣятельность, его правосудіе [2].

До сихъ поръ насъ занимала борьба Ивана IV съ притязаніями бояръ, преимущественно потомковъ князей — родичей; теперь обратимся къ борьбѣ домашней, съ удѣльнымъ княземъ, двоюроднымъ братомъ царя, Владиміромъ Андреевичемъ. Мы видѣли

---

[1] Курб. стр. 52.

[2] См. Палицына, Кубасова, Флетчера, Кельха.

замыслы и поступки Владиміра во время болѣзни царя; такіе поступки забыть было трудно, тѣмъ болѣе, что Владиміръ и мать его Евфросинія не давали забывать старыхъ своихъ поступковъ, повторяя ихъ, не оставляя своихъ удѣльныхъ притязаній. Я упоминалъ о клятвенной записи, насильно взятой съ Владиміра въ 1553 году; въ слѣдующемъ 1554 году, послѣ рожденія другаго царевича, Ивана, Государь взялъ съ двоюроднаго брата другую запись держать этого Ивана вмѣсто царя, въ случаѣ смерти послѣдняго [1]. До какой степени Иванъ не довѣрялъ брату, доказываетъ слѣдующее обѣщаніе Владиміра: „А жити ми на Москвѣ въ своемъ дворѣ; а держати ми у себя во дворѣ своихъ людей всякихъ.... а болѣ ми того людей у себя во дворѣ не держати; а опричь ми того, служилыхъ людей своихъ всѣхъ держати въ своей отчине.“ О предусмотрительности царя на счетъ движеній со стороны удѣльныхъ князей свидѣтельствуетъ слѣдующее обѣщаніе, взятое съ Владиміра: „А хоти которой братъ родной учинитца недругомъ сыну твоему царевичю Івану, и отступитъ отъ него: и мнѣ съ тѣмъ его братомъ въ дружбѣ не быти, ни ссылатися съ нимъ. А пошлетъ мя сынъ твой царевичь Іванъ на того своего брата, которой отъ него отступитъ: и мнѣ на него итти, и дѣлати надъ тѣмъ его братомъ всякое дѣло безъ хитрости, по приказу сына твоего ца-

---

[1] С. г. г. и д. т. I, N 168.

ревича Івана. А князей ми служебныхъ съ вотчинами и бояръ, и дьяковъ, и дѣтей боярскихъ и всякихъ людей сына твоего къ себѣ никакъ не пріимати. А которые ми бояре, и дьяки ваши и всякие люди чѣмъ низгрубили при тебѣ Государе моемъ царе и В. К. Іване: и мнѣ тѣхъ имъ грубостей не помстити никому ни чемъ. А безъ бояръ ми сына твоего, никотораго дѣла не дѣлати, которые бояре въ твоей душевной грамоте писаны, и не сказавъ ми сыну твоему и его матери, никакова дѣла невершити; какъ ми прикажетъ сынъ твой и мать его, потому ми всякие дѣла вершити. А по грѣхомъ, мать моя княгини Ефросинья учнетъ мя наводити на которое лихо сына твоего царевича Івана, или на матерь его лихо учнетъ мя наводити: и мнѣ матери своей княгини Ефросиньи въ томъ ни въ чемъ не слушати, а сказати ми тѣе рѣчи сыну твоему царевичю Івану, и его матери въ правду безъ хитрости. А хоти мя мать моя и не учнетъ наводити на лихо, а извѣдаю, что мать моя сама захочетъ которое лихо учинити, или умышляти учнетъ которое лихо надъ сыномъ твоимъ царевичемъ Іваномъ, и надъ его матерью, или надъ его бояры и дьяки, которые въ твоей Государя нашего душевной грамоте писаны: и мнѣ то лихо матери своей сказати сыну твоему ц. Івану и матери его въ правду безъ хитрости, а не утаити ми того никакъ никоторыми дѣлы, по сему хрестному цѣлованью. А возметъ Богъ и сына твоего ц. Івана, а иныхъ детей твоихъ Государя нашего не останетъжеся: и мнѣ твой Государя своего приказъ

весь исправити твоей царице В. К. Анастасие, [1] по твоей Государя своего душевной грамоте и по сему крестному цѣлованью, о всемъ по тому, какъ еси Государь ей въ своей душевной грамоте написалъ." Въ слѣдующемъ мѣсяцѣ того же года взята была со Владиміра третья запись съ нѣкоторыми противъ прежней дополненіями: [2] удѣльный князь обязуется не держать у себя на Московскомъ дворѣ болѣе 108 человѣкъ. Не смотря на всѣ этѣ записи Владиміръ Андреевичь не оставлялъ своихъ притязаній: въ 1563 году, говоритъ лѣтопись: [3] „положилъ гнѣвъ свой (царь) на княгиню Ефросинью, да на сына ея, потому что прислалъ къ царю въ слободу княж. Володимеровъ Андр. дьякъ Савлукъ Ивановъ память, а писалъ многіе государскіе дѣла, что кн. Ефросинья и сынъ ея многіе неправды къ царю чинятъ, и того для держатъ его скована въ тюрмѣ; и царь велѣлъ Савлука къ себѣ прислати — и по его слову многіе сыски были, и тѣхъ неисправленія сысканы; и предъ Митрополитомъ и Владыки царь кн. Ефросиньѣ и сыну ея неправды ихъ извѣстилъ. Послѣ этого Ефросинья постриглась, но смуты не прекратились. Въ 1565 году царь перемѣнилъ брату удѣлъ: вмѣсто Старицы и Верен далъ ему Дмитровъ и Звѣнигородъ [4]. Еще въ 1564 году, послѣ Савлукова доноса,

---

[1] Въ третьей записи прибавлено: „и твоему брату князю Юрью Васильевичю."

[2] С. г. г. и д. т. 1, N 169.

[3] Александро-Невская у Карамз. т. IX, примѣч. 86.

[4] С. г. г. и д. т. 1, N 187, 188.

царь перемѣнилъ Владиміру всѣхъ бояръ и слугъ: мы видѣли что и отецъ Ивана употреблялъ тѣже средства для удержанія удѣльныхъ отъ возстанія. Наконецъ въ 1569 году Владиміръ погибъ отъ яду, какъ говорятъ нѣкоторые [1] иностранцы, но не отъ тайной отравы, какъ погибъ Шемяка отъ прадѣда Иванова, Василія Темнаго; говорятъ, будто Грозный, укоряя двоюроднаго брата въ умыслѣ отравить его, заставилъ его самого выпить ядъ. Другіе иностранцы говорятъ иначе о смерти Владиміра [2]; въ нашихъ лѣтописяхъ сказано только, что царь „повелѣ убити брата своего [3]". Считаю приличнымъ окончить описаніе борьбы Грознаго съ притязаніями старины слѣдующими словами царя, въ которыхъ онъ высказываетъ свое право, безправіе удѣльныхъ, стремленіе дружины возстановить старину, вызвавшее со стороны его отчаянныя мѣры; царь пишетъ къ Курбско-

---

[1] Таубе и Крузе см. у Эверса: Beiträge zur Kenntn. Ruszlands, стр. 213 и слѣд.

[2] Гваньини, у Старчев. Hist. Ruth. Script. ext. v. I, p. 40.

[3] Карамз. IX, примѣч. 277 Пристрастные описыватели тиранствъ Грознаго утверждаютъ, что вмѣстѣ съ Владиміромъ погибли и сыновья его; но вотъ что говоритъ царь въ своей духовной 1572 года: „А что былъ далъ есми князю Володимеру Андреевичу, въ мѣну противъ его вотчины городовъ и волостей и селъ, городы и волости и села, и князь Володимеръ передо мною преступилъ, и тѣ городы и волости и села сыну моему Ивану, а княжъ Володимерову сыну князя Василья и дочери, посмотря по настоящему времени, какъ будетъ пригоже." (Дополн. къ акт. историч. т. I, N 222).

му: „Азъ восхищеньемъ ли, или ратью, или кровью сѣлъ на государство? Народился есми, Божіимъ изволеніемъ, на царствѣ; и не помню того, какъ меня батюшка пожаловалъ благословилъ государствомъ, и взросъ есми на государствѣ. А князю Владиміру почему было быти на государствѣ? Отъ четвертаго удѣльнаго родился. Что его достоинство къ государству? которое его поколѣнье? развѣе вашея измѣны къ нему, да его дурости? Что вина моя передъ нимъ: Что вашиже дяди и господа отца его уморили въ тюрьмѣ, а его и съ матерью также держали въ тюрмѣ. И я его и матерь отъ того свободи и держалъ въ чести и въ дружествѣ, а онъ было уже отъ того и отшелъ. И язъ такія досады стерпѣти не могъ: за себя есми сталъ! И вы почали противъ меня больше стояти, да измѣняти; и я потому жесточайше почалъ противъ васъ стояти: язъ хотѣлъ васъ покорити въ свою волю, и вы за то какъ святыню Господню осквернили и поругали! осердясь на человѣка, да Богу ся приразили [1]." Въ этихъ словахъ: „И вы почали противъ меня больше стояти, да измѣняти; и я потому жесточайше почалъ противъ васъ стояти," заключается разгадка ужасовъ царствованія Грознаго, разгадка борьбы, начавшейся при Боголюбскомъ, и при Иванѣ IV доведенной до крайности, борьбы между старою и новою Русью, между родовымъ и государственнымъ бытомъ.

---

[1] Курб. 224, 225.

Но въ своей ожесточенной борьбѣ противъ обветшалыхъ правъ и притязаній, Иванъ IV долженъ былъ встрѣтиться съ обычаемъ великимъ, священнымъ. Нѣсколько разъ уже упоминалъ я объ участіи духовенства въ означенной борьбѣ между старою и новою Русью; мы видѣли, что духовенство стояло за государственный бытъ противъ родоваго, могущественно способствовало торжеству перваго, но, вѣрное идеѣ Христіянства, духовенство Русское предоставило себѣ священное право среди отчаянной борьбы сдерживать насилія, недопускать торжествующее начало употреблять во зло свою побѣду на счетъ побѣжденнаго; усердно помогая Московскому Государю сломить гибельныя для отечества притязанія князей и дружинниковъ, духовенство въ то же самое время брало этихъ князей и дружинниковъ подъ свой покровъ, блюло надъ ихъ жизнію, какъ членовъ церкви, какъ членовъ тѣла Христова: такой великій смыслъ имѣлъ обычай Митрополита и вообще духовенства печаловаться за опальныхъ. Когда Иванъ Грозный, по его собственному выраженію, началъ жесточайше стояти противъ бояръ, когда въ отчаянной борьбѣ со стариною онъ придумалъ средство оторваться отъ этой ненавистной старины, отдѣлившись отъ государства, отъ земли, окруживъ себя выборною дружиною, въ челѣ которой велъ открытую войну съ измѣнниками своими, т. е. людьми, вѣрными старинѣ, съ князьями, боярами, Новгородцами, въ это время Царь необходимо долженъ былъ встрѣтиться съ правомъ Митрополита печаловаться за

опальныхъ; легко догадаться, какой исходъ долженствовало имѣть это столкновеніе царя съ правомъ Митрополита, въ самомъ пылу отчаянной борьбы, недопускавшей ни мира, ни даже перемирія. Митрополитъ съ характеромъ болѣе уклончивымъ, видя такую борьбу, отстранился бы отъ нея; царь могъ бы та же отстранить духовенство отъ вмѣшательства въ борьбу, выбравъ человѣка, способнаго забыть преданія предшественниковъ. Но къ славѣ Грознаго историкъ долженъ сказать, что это былъ царь въ высокой степени добросовѣстный, царь вполнѣ сознававшій свои права, но съ тѣмъ вмѣстѣ сознававшій и свои обязанности; добросовѣстность Грознаго не могла допустить его поставить въ челѣ церкви человѣка недостойнаго, и такимъ образомъ Иванъ, отыскивая Митрополита достойнѣйшаго, отыскивалъ себѣ сильнаго противника, и нашелъ его: то былъ знаменитый Филиппъ. Съ острововъ Бѣлаго моря, изъ Соловецкаго монастыря царь вызвалъ Филиппа въ Москву, и объявилъ, что онъ долженъ быть Митрополитомъ; Филиппъ отказывался отъ этой чести, царь настаивалъ; тогда Соловецкій игуменъ сказалъ ему, что онъ не можетъ быть Митрополитомъ при Опричнинѣ. До сихъ поръ Митрополитъ всея Руси ревностно помогалъ Московскому князю стать Государемъ всея Руси, собирать Русскую землю, утвердить въ ней единство; но теперь опять это единство было нарушено Опричниною, которая, по самому назначенію своему, должна была стоять во враждебномъ отношеніи къ Земщинѣ, и Филиппъ, вѣрный преданіс

ямъ Русской Митрополіи, не хочетъ терпѣть Опричнины: „аще царство раздѣлится, запустѣетъ", говорилъ онъ Ивану; [1] царь отвѣчалъ: „Восташа на мя мнози... того ли не вѣси, яко мои же меня хотятъ поглотити" Наконецъ Филиппъ уступилъ и далъ запись: „въ опришнину ему и въ Царьской домовой обиходъ не вступатися, а по поставленьи, за опришнину и за Царьской домовой обиходъ Митропольи не отставливати [2]." Но отказавшись отъ вмѣшательства въ Опричнину, Филиппъ не отказался отъ права печаловаться. Тщетно царь избѣгалъ свиданій съ Митрополитомъ, боясь печалованій: столкновенія были неизбѣжны, Филиппъ не уступилъ своего священнаго права, и непобѣжденный палъ въ борьбѣ, къ вѣчной славѣ Русской церкви, которая чтитъ въ немъ одного изъ величайшихъ своихъ представителей.

Въ 1584 году умеръ Иванъ Грозный. Изъ нѣсколькихъ упоминаемыхъ духовныхъ завѣщаній до насъ дошло одно 1572 года [3]. Въ этой любопытной грамотѣ ясно обнаруживается состояніе души царя, который былъ вполнѣ убѣжденъ, что онъ и семейство его непрочны на Московскомъ престолѣ, считалъ себя изгнанникомъ, а государство въ восп-

---

[1] Житіе св. Филиппа, у Карамз. въ примѣч. къ IX т. гл. II.
[2] С. г. г. и д. т. I, N 193.
[3] Дополн. къ акт. Историч. т. I, N 222.

номъ положеніи до тѣхъ поръ, пока онъ со своею Опричниною не истребитъ враждебныя начала, и не утвердится снова на престолѣ; при этомъ онъ не предвидѣлъ еще близкаго конца борьбѣ, и въ духовной дѣлаетъ наставленія сыновьямъ, какъ они должны жить до ея окончанія. Завѣщаніе начинается исповѣдью царя, въ которой замѣчательны слѣдующія слова: „Тѣло изнеможе, болѣзнуетъ духъ, струпи тѣлесны и душевны умножишася, и не сущу врачу исцѣляющему мя, ждахъ, иже со мной поскорбитъ, и не бѣ, утѣшающихъ необрѣтохъ, воздаша ми злая во благая, и ненависть за возлюбленіе мое.“ Наставленіе дѣтямъ начинается словами Христа: „Се заповѣдаю вамъ, да любите другъ друга.... А сами живите въ любви, а воинству посилику возможно навыкните. А какъ людей держати и жаловати, *и отъ нихъ беречися*, и во всемъ ихъ умѣти къ себѣ присвоивати, и выбъ тому навыкли же; а людей бы есте, которые вамъ прямо служатъ, жаловали и любили ихъ, ото всѣхъ берегли, что бы имъ изгони ни отъ кого не было, и онѣ прямѣе служатъ; а которые лихи, и выбъ на тѣхъ опалы клали не вскорѣ, по разсужденію, не яростію. А всякому дѣлу навыкайте, и божественному и священному и иноческому, и ратному, и судейскому, Московскому пребыванію и житейскому всякому обиходу, и какъ которые чины ведутся здѣсь и въ иныхъ государствахъ, и здѣшнее государство съ иными государствы что имѣетъ: то бы есте сами знали. Также и въ обиходѣхъ во всякихъ, какъ кто живетъ, и какъ кому

пригоже быти, и въ каковѣ мѣрѣ кто держится, тому бъ есте всему научены были: *ино вамъ люди не указываютъ, вы станете людямъ указывати, а чего сами не знаете, и вы не сами станете своими государствы владѣти, а люди.* А что, по множеству беззаконій моихъ, Божію гнѣву распростершуся, изгнанъ есмь отъ бояръ, самоволства ихъ ради, отъ своего достоянія, и скитаюся по странамъ, аможе Богъ когда не оставитъ, и вамъ есми грѣхомъ своимъ бѣды многія нанесены: Бога ради не пренемогайте въ скорбѣхъ.... *А докудова васъ Богъ помилуетъ, свободитъ отъ бѣдъ*, и вы ничѣмъ не раздѣляйтесь, и люди бы у васъ за одинъ служили, и земля бы за одинъ, и казна бы у васъ за одинъ была: ино то вамъ прибылнѣе. А ты, Иванъ сынъ, береги сына Ѳедора, а своего брата, какъ себя, чтобъ ему ни въ какомъ обиходѣ нужды не было, а всѣмъ бы былъ исполненъ, что бы ему на тебя не въ досаду, что ему не дашь удѣла и казны. А ты, Ѳедоръ сынъ, у Ивана сына, а своего брата старѣйшаго, *докудова устроитесь*, удѣлу и казны не прося, а въ своемъ бы еси обиходѣ жилъ, смѣкаясь, какъ бы Ивану сыну не убыточнѣе, а тебя бъ лзѣ прокормити было, и оба бы есте жили за одинъ и во всемъ устроивали, какъ бы прибыточнѣе. А тыбы, сынъ Иванъ моего сына Ѳедора, а своего брата молодшаго, держалъ и берегъ и любилъ и жаловалъ его и добра ему хотѣлъ во всемъ, такъ какъ себѣ хочешь и на его лихо ни съ кѣмъ не ссылался, а вездѣ бы еси былъ съ Ѳедоромъ сыномъ, а своимъ братомъ

молодшимъ, и въ худѣ и въ добрѣ одинъ человѣкъ.... и тыбъ его берегъ и любилъ и жаловалъ какъ себя, а хотя буде въ чемъ предъ тобою и проступку какую учинитъ, и тыбъ его понаказалъ и пожаловалъ, а доконцабъ его не разорялъ; а ссоркамъ бы еси отнюдь не вѣрилъ, занеже Каинъ Авеля убилъ, а самъ не наслѣдовалъ же. А Богъ благоволитъ вамъ, тебѣ быть на государствѣ, а брату твоему Өедору на удѣлѣ: и ты бъ удѣла его подъ нимъ не подъискивалъ, а на его лихо ни съ кѣмъ не ссылался; а гдѣ по рубежамъ сошлась твоя земля съ его землею, и ты бъ его берегъ и накрѣпко бы еси смотрѣлъ правды, а напрасно бы еси не задирался, а людскимъ бы вракамъ не потакалъ: занеже аще кто и множество земли пріобрящетъ и богатства, а трилакотна гроба не можетъ избѣжати, и тогды то все останется. А ты сынъ мой Өедоръ, держи сына моего Ивана въ мое мѣсто отца своего, и слушай его во всемъ, какъ мене, и покоренъ буди ему во всемъ и добра хоти ему, какъ мнѣ родителю своему, во всемъ, и во всемъ бы еси Ивану сыну непрекословенъ былъ, такъ какъ мнѣ отцу своему, и во всемъ бы еси жилъ такъ какъ изъ моего слова; а будетъ благоволитъ Богъ ему на государствѣ быти, а тебѣ на удѣлѣ, и тыбъ государства его подъ нимъ не подъискивалъ, и на его лихо не ссылался ни съ кѣмъ, а вездѣ бы еси съ Иваномъ сыномъ былъ въ лихѣ и въ добрѣ одинъ человѣкъ; *а докуды, по грѣхомъ, Иванъ сынъ государства не доступитъ, а ты удѣла своего,* и тыбъ съ сыномъ Иваномъ вмѣстѣ былъ за

одинъ, и съ его бы еси измѣнники и съ лиходѣи никоторыми дѣлы не ссылался; а будетъ тебя учнутъ прельщать славою и богатствомъ и честію, или учнутъ тебѣ которыхъ городовъ поступать, или повольность которую учинятъ мимо Ивана сына, или на государство учнутъ звати, а тыбъ отнюдъ того не дѣлалъ и изъ Ивановой сыновнимой воли не выходилъ, какъ Иванъ сынъ тебѣ велитъ, такъ бы еси былъ, а ни на что бы еси не прельщался; а гдѣ тебя Иванъ сынъ пошлетъ на свою службу, или людей твоихъ велитъ тебѣ на свою службу послати, и тыбъ на его службу ходилъ и людей своихъ посылалъ, какъ коли сынъ мой Иванъ велитъ; а гдѣ по рубежамъ Иванова сыновня земля сошлась съ твоею землею, и тыбъ берегъ того накрѣпко, смотрѣлъбы еси правды а напрасно бы еси не задирался и людскимъ бы еси вракамъ не потакалъ: занеже аще кто множество богатства или земли пріобрящетъ, а трилакотнаго гроба не можетъ избѣжати.... И тыбъ, Ѳедоръ сынъ, сыну моему Ивану, а своему брату старѣйшему, во всемъ покоренъ былъ и добра ему хотѣлъ во время, такъ какъ мнѣ и себѣ и во всемъ въ воли его буди до крови и до смерти; ни въ чемъ ему не прекослови; а хотя будетъ на тебя Ивановъ сыновенъ гнѣвъ, или обида въ чемъ ни будь, и ты бы сыну моему Ивану, а своему брату старѣйшему, *непрекословенъ былъ, и рати никакой не вчинялъ, и собою ничѣмъ не боронился*, а ему еси билъ челомъ, чтобъ тебя пожаловалъ, гнѣвъ свой сложить изволилъ и жаловалъ тебя во всемъ, по моему при-

казу; а въ чемъ будетъ твоя вина, и тыбъ ему добилъ челомъ, какъ ему любо — и послушаетъ челобитья, ино добро, а не послушаетъ, и тыбъ собою не оборонялса жъ."

Въ этомъ наказѣ наше вниманіе обращаетъ во первыхъ желаніе царя, чтобы дѣти его не раздѣлялись до тѣхъ поръ, пока старшій изъ нихъ Иванъ не сломитъ всѣхъ крамолъ, и не утвердится на престолѣ; ибо въ противномъ случаѣ удѣльный князь будетъ самымъ вѣрнымъ орудіемъ въ рукахъ недовольныхъ. Во вторыхъ, въ своемъ завѣщаніи, Грозный недовольствуется уже, подобно предшественникамъ, однимъ неопредѣленнымъ приказомъ младшему сыну держать старшаго въ отца мѣсто, онъ опредѣляетъ, въ чемъ должно состоять это сыновнее повиновеніе: младшій долженъ быть въ волѣ старшаго до крови и до смерти, ни въ чемъ не прекословить, а въ случаѣ обиды отъ старшаго, не смѣть поднимать противъ него оружіе, не смѣть обороняться: этимъ приказомъ Грозный уничтожаетъ, de jure, междоусобія въ царскомъ семействѣ, ставитъ младшаго брата въ совершенно подданническія отношенія къ старшему, теперь уже младшіе братья не смѣютъ сказать старшему, подобно древнимъ Ольговичамъ: „Ты намъ братъ старшій, аже ны не даси, а намъ самѣмъ о собѣ поискати." Однимъ словомъ этимъ приказомъ Грозный дорушиваетъ родовой бытъ, родовыя отношенія между князьями.

Что Грозный еще не былъ увѣренъ въ счастливомъ для своего семейства окончаніи борьбы, сви-

дѣтельствуютъ слѣдующія слова завѣщанія: „Насъ же родителей своихъ и прародителей, не токмо что въ государствующемъ градѣ Москвѣ или индѣ гдѣ будете, *но аще и въ гоненіи и во изгнаніи будете*, въ божественныхъ литургіяхъ, и въ панихидахъ и въ литіяхъ, и въ милостыняхъ къ нищимъ и препитаніяхъ, елико возможно не забывайте.“

Грозный благословляетъ старшаго сына своего Ивана „царствомъ Русскимъ (достоинствомъ), шапкою Мономаховскою и всемъ чиномъ царскимъ, что прислалъ прародителю нашему *царю* и великому князю Владимеру Мономаху царь Константинъ Мономахъ изъ Царяграда; да сына же своего Ивана благословляю всѣми шапками царскими и чиномъ царскимъ, что азъ промыслилъ, и посохи и скатерть, а по Нѣмецки центурь. Да сына же своего Ивана благословляю своимъ царствомъ Русскимъ (областью), чѣмъ меня благословилъ отецъ мой князь великій Василей и что мнѣ Богъ далъ.“ Здѣсь встрѣчаемъ важную отмѣну противъ распоряженій прежнихъ Государей: удѣльный Өедоръ не имѣетъ никакой части въ городѣ Москвѣ. Ему въ удѣлъ дано 14 городовъ, изъ которыхъ главный Суздаль; но Өедоръ получилъ эти города уже не на прежнихъ удѣльныхъ правахъ, потому что въ духовной прибавлено: „а удѣлъ сына моего Өедоровъ емужъ (Царю Ивану) къ великому государству.“ Если родится сынъ отъ царицы Анны, то Грозный завѣщаетъ ему 6 городовъ, изъ которыхъ главный Угличь: вѣроятно это тотъ самый удѣлъ, который былъ отданъ послѣ св. Димитрію:

Угличь, Устюжна, Холопій городокъ, Кашинъ, Ярославецъ, Верея. При Грозномъ были еще князья, владѣвшіе отчинными своими городами, напр. въ духовной говорится: „А князь Михайло Воротынскій вѣдаетъ треть Воротынска, да городъ Перемышль, да городъ Одоевъ Старое, да городъ Новосиль, да Островъ, Черну со всѣмъ потому какъ было изстари, а Иванъ сынъ въ то у него въ вступается. А князи Одоевскіе, Оболенскіе, Воротынскіе, Трубецкіе, Мосальскіе, и ихъ сынове, своими вотчинами сыну же моему Ивану къ великому государству, и служатъ всѣ сыну моему Ивану; а которой тѣхъ князей и ихъ дѣтей отъѣдутъ отъ сына моего Ивана къ сыну моему Ѳедору, или куды нибудь, и тѣхъ вотчины сыну моему Ивану;“ тожс самое распоряженіе сдѣлано касательно тѣхъ князей, бояръ и дѣтей боярскихъ, которыхъ вотчины въ удѣлѣ Ѳедора. Однако Грозный не хотѣлъ видѣть князей владѣльцами старыхъ ихъ отчинныхъ городовъ, особенно князей Воротынскихъ, близкихъ къ Литвѣ, и потому перемѣнилъ кн. Михаилу Ив. Воротынскому его старые отчинные города—Одоевъ и другіе на отдаленный сѣверный Стародубъ, прежнюю отчину Ряполовскихъ [1]. Наконецъ касательно Опричнины Грозный говоритъ такъ сыновьямъ въ завѣщаніи: „А что есми учинилъ опричнину, и то на волѣ дѣтей

---

[1] Въ дополнительныхъ указахъ къ Судебнику видимъ стараніе Грознаго ограничить право князей и бояръ располагать своими отчинами, равно какъ стараніе ограничить переходъ отчинъ по наслѣдству ближайшими линіями.

моихъ Ивана и Өедора, какъ имъ прибыльнѣе и чинятъ; а образецъ имъ учиненъ готовъ."

Такъ читаемъ: которыя вотчины за князьями Ярославскими, за Стародубскими, за Ростовскими, за Суздальскими, за Тверскими, за Оболенскими, за Бѣлозерскими, за Воротынскими, за Мосальскими, за Трубецкими, за Одоевскими, и за иными служилыми князьями вотчины старинныя, и тѣмъ княземъ вотчинъ своихъ не продавати, и не мѣняти, и за дочерьми своими и за сестрами въ приданыя не давати; а котораго князя бездѣтна не станетъ, и тѣ вотчины имати на государя. А который князь напишетъ въ своей духовной грамотѣ вотчину своей дочери или родной своей сестрѣ, и душу свою напишетъ съ той вотчины строити: и тѣхъ вотчинъ дочерямъ и сестрамъ въ приданыя не давати, а отдавати въ приданыя и душу тѣхъ вотчичевъ поминати изъ животовъ ихъ; а у котораго князя живота его, съ приданое что за дочерью или за сестрою его дати и чѣмъ душа поминати, столко не будетъ, и Государь разсудя по вотчинѣ, что кому дати пригоже, велитъ дати изъ своея казны, а тѣ вотчины велитъ Государь имати на себя. А которой князь вотчину свою напишетъ брату своему родному, или двоюродному, или племяннику, своего роднаго брата сыну, или которому своему ближнему роду, опричь тѣхъ, какъ кому мочно межъ собою женитися: и Государь того посмотря, по вотчинѣ, и по духовной, и по службѣ, кому которую вотчину напишетъ, велитъ указъ учинити.... А котораго князя не стало бездѣтна, а останется у него жена, а напишетъ ей мужъ ее духовную, что изъ своей вотчины, а ей на той вотчинѣ жити до своего живота; а какъ ее не станетъ, а та вотчина на царя и В. Князя, а душу ее велитъ Государь изъ своея казны устроить. А которой будетъ князь напишетъ женѣ своей духовную, всю свою вотчину, а вотчина будетъ великая, и Государь о той вотчинѣ указъ учинитъ. А которой князь напишетъ женѣ своей духовную, что изъ своей вотчины, и вольна она ту вотчину продати, и промѣняти, и по душѣ отдати; и той жити женѣ на той вотчинѣ

Но въ 1584 году уже не было въ живыхъ царевича Ивана; оставался Өедоръ и малолѣтный братъ его отъ седьмаго брака—Димитрій, который получилъ въ удѣлъ Угличь. Тамъ, въ 1591 году, послѣдній изъ Удѣльныхъ погибъ страшною смертію.

КОНЕЦЪ.

до своего живота, а послѣ ее живота та вотчина Государя Царя и В. Князя. А котораго боярина или сына боярскаго не станетъ бездѣтна, а ближняго роду и духовныя у него не будетъ; и та вотчина Государя Царя и В. Князя; а женѣ его изъ тое вотчины Государь указъ учинитъ, какъ ей мочно прожить, и душу умершаго Государь велитъ устроить изъ своей казны. — Далѣе читаемъ: которой братъ родной умретъ бездѣтенъ, а останутся у него братья родные, и та вотчина роднымъ братьямъ и дѣтямъ и внучатамъ; а которой сынъ, или внукъ умретъ бездѣтенъ, и тѣ жеребьи отдати братьямъ ихъ роднымъ, которые останутся, и дядьямъ, и племянникамъ, и внучатамъ; а далѣ внучатъ вотчинъ не отдавати роду; а которой внукъ умретъ бездѣтенъ, а останутся братья его межъ собою въ правнучатѣхъ, и та вотчина, тотъ жеребей, взяти на Государя, а правнуку правнучьи вотчины не отдавати. — Акты Историч. т. I, N 154. - Какая страшная конфискація княжескихъ отчинъ имѣла мѣсто при Грозномъ, видно изъ его духовной, въ которой завѣщатель, перечисляя села и деревни, назначаемыя старшему сыну Ивану, постоянно прибавляетъ, что эти села и деревни были прежде за такимъ-то и такимъ-то княземъ.

ПОЛОЖЕНІЯ.

I.

Выраженія: удѣльный періодъ и удѣльная система не могутъ быть допущены въ исторіи княжескихъ отношеній, потому что приводятъ къ ложному, обратному представленію, выставляя господство удѣла, отдѣльной собственности въ то время, когда господствовали родовыя отношенія при нераздѣльной родовой собственности.

II.

Выраженіе: Монгольскій періодъ должно быть исключено изъ Русской Исторіи, ибо мы не можемъ приписать Монголамъ самаго сильнаго вліянія на произведеніе тѣхъ явленій, которыми отличается Русская Исторія, начиная съ XIII вѣка: новый порядокъ вещей начался гораздо прежде Монголовъ и развивался естественно, въ слѣдствіе причинъ внутреннихъ, при пособіи разныхъ внѣшнихъ обстоятельствъ, въ числѣ которыхъ были и Монгольскія отношенія, но не подъ исключительнымъ ихъ вліяніемъ.

III.

Борьба отношеній родовыхъ съ отношеніями государственными составляетъ существенный характеръ древней Русской Исторіи.

IV.

Главными двигателями въ исторіи родовыхъ княжескихъ отношеній были два представленія о старшинствѣ между членами рода, изъ которыхъ одно основывалось на старшинствѣ физическомъ, другое исходило изъ отношенія старшаго брата къ младшимъ, который, по смерти отца, заступалъ для нихъ его мѣсто.

V.

Существованіе права мести между родичами не можетъ быть допущено въ древнѣйшемъ періодѣ Русской Исторіи.

VI.

Періодъ отъ смерти Ярослава 1-го до смерти Мстислава Великаго характеризуется борьбою различныхъ линій княжескихъ въ слѣдствіе исключенія нѣкоторыхъ изъ нихъ изъ старшинства и изъ владѣнія родовою собственностію.

VII.

Періодъ отъ смерти Мстислава В. до Андрея Боголюбскаго характеризуется борьбою князей въ слѣдствіе двухъ различныхъ представленій о старшинствѣ.

VIII.

Періодъ отъ Андрея Боголюбскаго до раздѣленія южной Руси отъ сѣверной характеризуется борьбою южныхъ и сѣверныхъ князей въ слѣдствіе явившагося на сѣверѣ понятія объ отдѣльной собственности.

IX.

Періодъ отъ раздѣленія южной Руси отъ сѣверной до Іоанна III характеризуется стремленіемъ князей усилиться на счетъ другихъ съ презрѣніемъ прежнихъ родовыхъ отношеній.

X.

Исторія всѣхъ княжествъ сѣверовосточной Руси представляетъ намъ тѣ же явленія въ отношеніяхъ В. князей къ удѣльнымъ, какія имѣли мѣсто и въ княжествѣ Московскомъ.

XI.

Періодъ времени отъ Іоанна III до пресѣченія Рюриковой династіи характеризуется послѣднею ожесточенною борьбою между родовыми и государственными отношеніями.

XII.

Характеръ дружины южныхъ князей различенъ отъ характера дружины князей сѣверныхъ: это различіе основывается на различіи въ отношеніяхъ между самими князьями.

Цѣна 2 руб. 50 к. сереб.